

РУССКИЙ СБОРНИК

Russkij Sbornik
Colección Rusa

URSS y Guerra Civil en España,
1936–1939

Coordinado por Dr. Oleg Aurov

XX

M o s c ú 2 0 1 6

Русский СБОРНИК

СССР и Гражданская война
в Испании 1936–1939

Редакторы-составители

О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг,
А. Ю. Полунов, Пол Чейсти

XX

Модест Колеров

Москва 2016

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)
P89

Ответственный составитель О. В. Аулов
Coordinado por Dr. Oleg Aurov

P89 Русский Сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов, Пол Чейсти. Т. XX. М.: Модест Колеров, 2016. 520 с.
Russkij Sbornik. T. XX: URSS y Guerra Civil en España, 1936–1939. Moscú: Modest Kolerov, 2016. 520 p.

Электронные версии «Русского Сборника» доступны в интернете:
www.iarex.ru/books

ISBN 978-5-905040-22-1

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-905040-22-1

© Авторы статей, 2016
© Модест Колеров, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	9

<i>М. И. Мельтюхов.</i> Политика «коллективной безопасности» Советского Союза в контексте международных отношений в 1933–1939 гг.....	15

<i>А. В. Шубин.</i> Сталин и Испанская республика (1936–1939).....	55

<i>Луис Пио Моа Родригес.</i> Некоторые принципиальные ошибки в представлениях о Гражданской войне в Испании.....	81

<i>В. О. Дайнес.</i> Применение бронетанковых войск в Испании, 1936–1939 гг.....	100

<i>В. В. Гагин.</i> Об участии советских ВВС в Гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг.	148

<i>Антонио Мануэль Мораль Ронкаль.</i> Советский посол в Мадриде: реакция иностранного дипломатического корпуса Испании.....	170

<i>Франсиско Хавьер Гонсалес Мартин.</i> Образ России в Испании: между русской революцией и Голубой дивизией (1917–1945). От интереса к разногласиям	200

<i>Жозеп Пуигжек Фаррас.</i> Советское консульство и коммунистическое движение в Каталонии во время Гражданской войны.....	245

<i>В. Я. Кочик.</i> Манфред Штерн, самый известный из всех волокских Штернов.....	272
<i>Н. С. Тархова.</i> Документальное «золото» отделения «Х» (об информационных сборниках РУ РККА о гражданской войне в Испании).....	290
<i>Хулио Руис.</i> Ложное обвинение: Советский Союз и звер- ства республиканцев в Паракуэльос.....	315
<i>Кристиан Гарай Вера, Хосе Луис Орелья.</i> Подданные традиции. «Белые русские» в испанской «Рекете» и дру- гих воинских частях националистов в 1936–1939 гг.	351
<i>Моника Ордунья Прада.</i> Женщины-волонтеры в период Гражданской войны в Испании: социальная справедли- вость и «Бог, Отечество, Король»	371
<i>Хосе-Леонардо Руис Санчес, Сантьяго Наварро-де- ла-Фуэнте.</i> Испанская Гражданская война (1936–1939) сквозь призму церковных документов	387
<i>Бруно Муньяи.</i> Итальянские добровольцы в антифашист- ских военных организациях и интернациональных бригадах ...	413
<i>Беатрис Фигальо.</i> С Республикой и против Республики: Аргентина и Гражданская война в Испании	449
<i>А. А. Сагомоян.</i> Гражданская война — продолжение? (Антифранкистская герилья 1940-х годов).....	472
<i>Ирина Родригез-Булгакова.</i> Испанская историография Гражданской войны 1936–1939 гг.....	503
Сведения об авторах XX тома	517

INDICE

<i>M. I. Meltyukhov.</i> Política de la “Seguridad Colectiva” de la Unión Soviética en el contexto de relaciones internacionales, 1933–1939	15
<i>A. V. Shubin.</i> Stalin y la II República española (1936–1939)	55
<i>L. P. Moa Rodríguez.</i> Algunos equívocos esenciales en torno a la Guerra Civil española.....	81
<i>V. O. Daines.</i> Utilización de Tropa acorazada en España, 1936–1939	100
<i>V. V. Gagin.</i> Ejército del aire soviético en la Guerra Civil española, 1936–1939	148
<i>A. M. Moral Roncal.</i> Un embajador soviético en Madrid: reacciones del cuerpo diplomático extranjero en España	170
<i>F. J. González Martín.</i> La imagen de Rusia en España: de la Revolución rusa a la División azul (1917–1945). Entre el interés y el desencuentro	200
<i>J. Puigsech Farràs.</i> El consulado soviético y el movimiento comunista en Cataluña durante la Guerra Civil	245
<i>V. Ya. Kochik.</i> Manfred Stern, el más famoso de todos Sternes de Voloka.....	272

<i>N. S. Tarkhova.</i> El “oro” documental de la sección «X» (docciers del Departamento de Inteligencia del Ejército Rojo sobre la Guerra Civil española)	290
<i>J. Ruiz.</i> Acusación falsa: Unión Soviética y ferocidad republicana en Paracuellos	315
<i>C. Garat Vera, J. L. Orella.</i> Súbditos de la tradición. Los rusos blancos en el requeté español y otras unidades nacionales 1936–1939	351
<i>M. Orduña Prada.</i> Voluntariado Femenino durante la Guerra Civil Española: Justicia Social y Dios, Patria y Rey	371
<i>J.-L. Ruiz Sánchez, S. Navarro de la Fuente.</i> La Guerra Civil española (1936–1939) a través de los documentos pontificios	387
<i>B. Mugnai.</i> Voluntarios italianos en las organizaciones militares antifacistas y en la Brigada Internacional	413
<i>Beatriz Figallo.</i> Con la República y contra la República: Argentina y la Guerra Civil española	449
<i>A.A. Sagomonyan.</i> Guerra Civil: ¿continuación? (La guerrilla antifranquista de los años 1940s)	472
<i>I. Rodríguez-Bulgakova.</i> Historiografía española sobre la historia de la Guerra Civil (1936–1939)	503

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Этот том «Русского Сборника» посвящен истории Гражданской войны в Испании (1936–1939), 80 лет с начала которой исполнилось в июле 2016 (как известно, начало Гражданской войне положил военный мятеж 18 июля 1936 г.). Несмотря на круглую дату, годовщина осталась почти не замеченной как в России, так и в странах бывшего СССР. Возникает устойчивое ощущение, что в последние годы Гражданская война в Испании воспринимается как событие исключительно испанской национальной истории, имеющее лишь весьма косвенное отношение к новейшей истории нашей страны. Однако подобное представление не имеет ничего общего с исторической правдой.

И именно желание в очередной раз обосновать его несостоятельность и стало причиной для объединения усилий российских и испанских историков, к которым в процессе работы присоединились их коллеги из Великобритании, Италии, Аргентины и Чили. Эти историки принадлежат к разным национальным историографическим традициям и научным школам. Порой их взгляды на одни и те же события оказываются абсолютно противоположными и заочный диалог между оппонентами приобретает выраженный конфронтационный оттенок. Очевидно, однако, что лишь в контексте этого диалога и можно осознать колоссальную степень сложности и неоднозначности событий, связанных с историей Гражданской войны.

Констатируя это, я и мои товарищи, участвовавшие в работе над этим сборником, в полном соответствии со знаменитыми

словами Геродота (Herod. VII.152) «я обязан передавать все, что рассказывают мне, но верить всему не обязан», вовсе не считаем равнозначными позиции и аргументы всех историков, труды которых представлены в настоящем выпуске «Русского Сборника». Наша позиция предельно ясна и, в ряде случаев, прямо отражена в комментариях, помещенных в постраничных примечаниях. Однако мы считали принципиально необходимым, чтобы читатели имели возможность самостоятельно оценить аргументы каждого из тех исследователей, чьи работы представлены в сборнике, прежде всего — с точки зрения соотношения в этих аргументах тезисов, основанных на реальных, почерпнутых из конкретных источников, фактов, с одной стороны, и на абстрактных умозаключениях, построенных по преимуществу или даже исключительно на формальной логике, — с другой. И хотя от аргументов последнего рода не свободно ни одно из исследований, представленных в сборнике, тем не менее общая картина вырисовывается достаточно ясно.

Не являясь специалистами ни по новейшей истории Испании, ни по истории советско-испанских отношений, мы вовсе не претендуем на статус экспертов в рамках заявленной проблематики и не имеем права на собственное профессиональное мнение. Однако позволим себе представить некоторые соображения, возникающие после знакомства с содержанием текстов, вошедших в сборник.

Прежде всего, по их прочтении возникает устойчивое впечатление, что в изучении истории Гражданской войны в Испании до сих пор остро стоит задача четкого *отделения* выводов и концептуальных представлений, построенных в опоре на данные конкретных источников, от умозаключений, основанных на априорных представлениях и формальной логике. И хотя в настоящее время остается некоторое количество не в полной мере изученных и даже полностью закрытых для исследователей архивных фондов, тем не менее сейчас известно уже достаточно много для того, чтобы опираться на документально выверенные факты, а не на зыбкую почву предположений.

Твердая опора на факты крайне важна, в первую очередь, потому, что события Гражданской войны 1936–1939 гг. затрагивают крайне важную для исторической памяти нашего народа предислаторию и историю Второй мировой войны. Испанские события стали первой пробой сил складывающихся противостоящих блоков, оказавших значительную помощь сторонам конфликта. Ход сражений на фронтах Гражданской войны, неспособность Республи-

ки добиться перелома в военных действиях, ставшая очевидной уже в первые месяцы 1938 г. (март 1938 — поражение республиканцев под Теруэлем, апрель — падение Лериды (Льейды), выход франкистов к морю и расчленение республиканской зоны на две части), предопределили усиление агрессивной политики фашистских режимов, следствием которой стали аншлюс Австрии (март 1938) и Мюнхенский сговор (29–30 сентября 1938) (последний даже хронологически соотносится с временем поражения республиканцев в битве на р. Эбро, завершившим перелом в ходе войны в пользу националистов). Капитулянтская позиция западных демократий по отношению к этим событиям стала прямым продолжением политического курса «невмешательства» в испанский конфликт, развязавшего руки Гитлеру и Муссолини, перехватившим инициативу в европейской политике конца 1930-х гг.

Проблема объема и характера помощи извне, поступавшей сторонам испанского конфликта, до сих пор вызывает дискуссии в среде историков. Несмотря на то, что помощь мятежникам от Германии и Италии поступила несколькими месяцами раньше, чем Республика получила аналогичную помощь от СССР, до сих пор остается неясным, был бы мятеж подавлен, не получи он немедленной поддержки от Берлина и Рима. С другой стороны, не вызывает сомнений тот факт, что в отсутствие советской помощи республиканская армия и милиция не смогли бы удержать Мадрид в ходе ожесточенных боев октября—ноября 1937 г. В любом случае — ясно, что уже с начала 1937 г. объемы внешней помощи достигли сопоставимых масштабов и дальнейший ход событий (до осени 1938 г., когда стала окончательно ясна неминуемая победа Ф. Франко и советские поставки резко сократились) определялся уже не столько внешними, сколько внутренними факторами.

Поэтому несомненным представляется тот факт, что, при всей важности фактора внешнего вмешательства, Гражданская война была, в первую очередь, внутренним конфликтом, определявшимся внутренними причинами, и только с учетом этого можно объяснить как ее истоки и логику развития, так и ее итоги. Это касается и причин и методов проведения обеими сторонами репрессивной политики по отношению к своим противникам. И «красный», и «белый» террор в их испанской версии возникли не из-за советов, раздававшихся из Москвы, Берлина или Рима (хотя таковые, безусловно, звучали), а в силу внутренних причин. Впрочем, образ внешней, как «фашистской» (для республиканцев), так и «коммунистической» (для националистов), агрессии все равно имел огромное значение — правда, лишь в ка-

честве ключевого элемента пропаганды обеих сторон, аргумента, оправдывающего масштаб и жестокость репрессий.

Несомненно прямое и значительное вмешательство советских представителей в политику Республики. Очевидно и то, что главным инструментом такого вмешательства являлась жестко контролируемая Коминтерном Коммунистическая партия Испании. Однако нет никаких фактов, позволяющих утверждать, что правительство республиканцев (в которое, кстати, никогда не входили представители КПИ) являлось марионеткой Москвы: наоборот, отношения руководителей Республики с советскими представителями были весьма непростыми, подчас — драматичными по характеру. Тем более нет никаких фактов, позволяющих говорить о «коммунизации» Испании как о (главной) цели Коминтерна и СССР. Наоборот, в контексте испанских событий, вероятно, не было более антиреволюционной силы, чем сталинский СССР. Все рычаги советского влияния в Испании — политические советники (посольство), военные советники, советники по линии Коминтерна и НКВД, — боролись одновременно на двух фронтах: с «внешним» врагом (в лице националистов), стремясь сплотить разношерстный республиканский лагерь, и с врагом «внутренним» — теми действительно революционными силами, которые подрывали шаткое единство этого лагеря, прежде всего — с ПОУМ и, насколько это возможно, с анархистами. Реальная цель СССР в ходе испанского конфликта состояла в том, чтобы остановить фашистскую агрессию на дальних подступах к своей стране, в том числе — и с помощью западных демократий, поиски консенсуса с которыми не прекращались весь период Гражданской войны и которому вовсе не соответствовала бы «коммунистическая» испанская Республика. Очевидно, что эта — реальная! — цель так и не была достигнута.

Адекватное представление о роли советского фактора в Гражданской войне в Испании крайне важно для корректной оценки характера самого внутрииспанского конфликта. Невозможно отрицать влияние примера Октябрьской революции 1917 г. в России на мадридские революционные события апреля 1931 г., связанные со свержением монархии и установлением Республики; однако говорить о каком-либо ином — прямом или даже косвенном — влиянии нет никаких оснований. Монархический режим свергли испанские либералы и левые, а вовсе не эмиссары большевистской Москвы. И вовсе не Советская Россия положила начало трагическому конфликту «двух Испаний» — либеральной и традиционалистской. Этот конфликт стал прямым продолжени-

ем конфликтов XIX в., эпохи революций и Первой Республики, последствия которых претерпели глубокую трансформацию под воздействием политических, экономических и идеологических реалий «эпохи войн и революций» (1914–1945).

Лишь в этом контексте можно понять ход испанской истории после апреля 1931 г. Начавшаяся, как и всякая революция, с воссторов и объятий, «Великая испанская революция» (А. В. Шубин) очень скоро явила свое истинное лицо; насилие превратилось в основной метод политической борьбы и политической деятельности в целом. Символами этого глобального насилия стали как гибель Федерико Гарсии Лорки, убитого националистами, так и Рамиро де Маэсту, расстрелянного республиканцами¹, как многочисленные безымянные общие могилы (исп.: fosos comunes), скрывающие ужасные последствия тайных расправ националистов над республиканцами, так и осуществленная самими республиканцами резня в Паракуэльос, о которой подробно рассказано в сборнике, и др.

Тот факт, что, по меньшей мере, с 1937 г. не только республиканский, но и франкистский лагерь обрели широкую социальную опору, вовсе не сводимую к противостоянию «пролетариата» и «буржуазии», лишь подчеркивает трагичность конфликта, отдаленным последствием которого стало не преодоленное до сих пор противостояние не только официальной и приватной, «семейной», исторической памяти, но и прямой конфликт между различными версиями последней. Этот конфликт лишь усилился с принятием Закона 2007 г. об исторической памяти². В связи с этим следует обратить внимание на различия в позициях самих

---

¹ Федерико Гарсия Лорка (1898–1936) — испанский поэт; расстрелян мятежниками в августе 1936 г. по обвинениям в симпатиях к социализму, масонству и подозрению в гомосексуализме. Рамиро де Маэсту-и-Уитни (1875–1936) — испанский писатель и философ, крупнейший идеолог правого консерватизма, один из представителей «поколения 1898 года». В июле 1936 г. арестован республиканцами, брошен в тюрьму и расстрелян без суда и следствия 29 октября 1936 г.

² Закон 52/2007 («Закон об исторической памяти») был принят 26 декабря 2007 г. по инициативе социалистического правительства Х. Л. Родригеса Сапатеро. Закон содержит официальное осуждение диктаторского режима Ф. Франко, предусматривает демонтаж связанных с ним памятников и переименование улиц и площадей, почитание памяти жертв диктатуры, а также меры особого уважения по отношению к республиканцам и ветеранам интернациональных бригад. Среди прочего закон вводит понятие «семейной исторической памяти», значение которой ставится на один уровень с официальными версиями ключевых событий национальной истории.

испанских историков, в том числе — и тех, чьи работы вошли в настоящий сборник. Знакомая с ними, не можешь отделаться от ощущения, что Гражданская война в Испании до сих пор не прекратилась или, точнее, что она никак не может закончиться, по меньшей мере — на поле исторической памяти.

Этот аспект последствий Гражданской войны имеет и особое российское измерение, поскольку в ходе этого конфликта по обе стороны фронта вновь оказались «красные» и «белые» русские. Так частью событий Гражданской войны в Испании стал отголосок Гражданской войны в России, историческая память о которой в настоящее время претерпевает существенные изменения. И здесь крайне необходимо учесть испанский исторический опыт — как позитивный, так и тот, результаты которого представляются сомнительными.

* * *

В заключение должен выразить искреннюю благодарность моему другу и коллеге, выдающемуся современному испанскому историку д-ру Луису Агустину Гарсия Морено, действительно члену Королевской академии истории (Мадрид) и профессору Университета Алькалы (Алькала-де-Энарес), благодаря неопценной помощи которого удалось установить прямые контакты со специалистами из Испании, Великобритании, Аргентины и Чили и добиться той полифонии, вне которой невозможно понять степень трагизма и событий Гражданской войны.

Следует признать, что панорама этих событий, шаг за шагом воссоздаваемая профессиональными историками, имеет крайне мало общего с привычными для советского человека романтическими образами «Испанского дневника» Михаила Кольцова или известного романа «По ком звонит колокол» Э. Хемингуэя. Но зато, в отличие от последних, она опирается на несравненно более широкий круг тщательно выверенных свидетельств, и в этом смысле заслуживает большего доверия и многое объясняет. Как в прошлом, так и в настоящем.

О. В. Ауоров

М. И. МЕЛЬТЮХОВ

ПОЛИТИКА «КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»
СОВЕТСКОГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В 1933–1939 гг.

Положение Советского Союза на мировой арене в начале межвоенного периода определялось его местом в созданной в 1919–1922 гг. Версальско-Вашингтонской системе международных отношений. В годы Революции и гражданской войны Советская Россия утратила завоеванные Российской империей позиции на международной арене и территории в Восточной Европе. По уровню своего влияния в Европе страна оказалась отброшенной на 200 лет в прошлое и находилась вне рамок новой системы международных отношений. В этих условиях советское руководство могло либо согласиться с региональным статусом СССР, либо вновь начать борьбу за возвращение в клуб великих держав. Сделав выбор в пользу второй альтернативы, советское руководство взяло на вооружение концепцию «мировой революции», со вмещавшую новую идеологию и традиционные задачи внешней политики по усилению влияния страны в мире. Стратегической целью внешней политики Москвы стало глобальное переустройство Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, что делало основными противниками Англию, Францию и их союзников. С начала 1920-х гг. в Европе сложился политический треугольник (Англия и Франция—Германия—СССР), участники которого стремились достичь своих внешнеполитических целей, играя на противоречиях соперников.

К середине 1930-х гг. произошли заметные изменения в положении Советского Союза на европейской политической аре-

не. Заключив в 1932 г. договоры о ненападении с Финляндией, Эстонией, Латвией, Польшей и Францией, Москва снизила угрозу своим северо-западным границам со стороны потенциального антисоветского союза этих стран и получила возможность более широкой нормализации отношений с Парижем, который был озабочен политикой Англии и Италии, направленной на постепенный пересмотр военных ограничений Версальского договора в отношении Германии. Новым фактором европейской политики стал приход к власти в Германии в январе 1933 г. главы НСДАП А. Гитлера. Рассчитывая на дальнейшую ревизию Версальского договора с согласия западных держав, новое германское руководство развернуло активную антикоммунистическую и антисоветскую пропаганду, позиционируя себя как главного борца с «мировым коммунизмом». Новый внешнеполитический курс позволил Германии получить определенную поддержку со стороны Англии и Италии, которые, используя выдвинутую Францией в конце 1920-х гг. идею общеевропейского союза, предложили проект договора великих держав Европы. Хотя «Пакт четырех» был подписан 15 июля 1933 г., он так и не вступил в силу из-за отказа Парижа его ратифицировать. Не добившись удовлетворения своих требований о довооружении, Германия покинула конференцию по разоружению и 14 октября заявила о выходе из Лиги Наций. Этот шаг Берлина привел по инициативе Лондона к оживленным переговорам об условиях возвращения Германии в эту международную организацию.

Английское руководство пыталось найти компромисс между требованиями Германии и интересами Франции, которая в условиях усиления угрозы ее безопасности решила продолжить сближение с СССР и в рамках концепции «коллективной безопасности» выдвинула идею о заключении Восточного пакта. В декабре 1933 г. Москва поддержала это предложение. Однако это соглашение, зародившееся в условиях германо-польского сближения, ухудшения советско-германских отношений и развития франко-советских контактов, по разным причинам не устраивало Англию, Германию, Италию и Польшу, что делало его заключение проблематичным. Единственным результатом переговоров о Восточном пакте стало вступление Советского Союза по инициативе Франции в Лигу Наций в сентябре 1934 г., означавшее начало интеграции Москвы в существующую систему международных отношений. Однако получение статуса члена Совета Лиги Наций вовсе не вело автоматически к усилению политического влияния СССР в Европе, хотя способствовало установлению диплома-

тических отношений с Венгрией, Чехословакией, Румынией, Болгарией, Бельгией и Люксембургом. В этой ситуации Москва продолжала позиционировать себя как борца за «коллективную безопасность», против фашизма и войны.

Тем временем в условиях угрозы независимости Австрии летом 1934 г. началось франко-итальянское сближение, завершившееся 7 января 1935 г. соглашением о содействии итальянского руководства в деле противодействия нарушению Германией военных и территориальных ограничений Версальского договора в обмен на признание интересов Италии в Эфиопии и передачу ей ряда французских территорий в Африке. 3 февраля в Лондоне была опубликована англо-французская декларация, предлагавшая Германии «всеобщее урегулирование», составными частями которого были бы Восточный пакт, Дунайский пакт (о невмешательстве в дела Австрии), соглашение о вооружениях, которое должно было заменить собой военные статьи Версальского договора, договоренность о возвращении Германии в Лигу Наций и «воздушный пакт» между Англией, Францией, Германией, Италией и Бельгией. 9 февраля к Лондонской декларации присоединилась Италия. В ответ Германия 14 февраля согласилась на двусторонние переговоры, чем тут же воспользовалась Англия¹.

1 марта Саарская область по итогам проведенного там 13 января плебисцита была передана под юрисдикцию Германии, расширив ее экономическую базу. 4 марта в Англии была опубликована «Белая книга» о вооруженных силах, во Франции 6 марта был введен двухлетний срок службы в армии, а 7 марта продлено франко-бельгийское военное соглашение. Все это дало Германии повод объявить об отказе от военных ограничений Версальского договора. 10 марта в Берлине было официально объявлено о создании ВВС, а 16 марта — о введении всеобщей воинской повинности. 18 марта Германия предложила гарантировать все свои границы (кроме границы с Литвой), что было успешно использовано ею в пропаганде. 18 марта Англия заявила протест против одностороннего нарушения Германией военных ограничений Версальского договора, но предложила продолжить переговоры. 21 марта с протестом против германских действий выступили Франция и Италия. 23 марта Англия, Франция и Италия догово-

---

¹ Сборник документов по международной политике и по международному праву. Вып. 10. М., 1936. С. 265–266; Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза, 1933–1935 гг. М., 1980. С. 356–357.

рились созвать в Стрезе конференцию для обсуждения сложившейся ситуации. Кроме того, Париж 20 марта и 9 апреля обратился с жалобой в Лигу Наций².

Тем не менее 25–26 марта состоялись англо-германские переговоры, в ходе которых выяснилось, что Германия не собирается принимать большинство предложений, выдвинутых Англией и Францией 3 февраля. Германская сторона сообщила о своем намерении создать 550-тыс. армию, о том, что германские ВВС уже достигли паритета с Англией, и выдвинула требование на создание военно-морского флота, равного 35 % английского. Германия отнеслась положительно лишь к предложению о заключении воздушного пакта, выразив готовность к дальнейшим переговорам об этом с Англией. Кроме того, была достигнута договоренность о начале в ближайшее время англо-германских переговоров по проблеме морских вооружений. По вопросу о Восточном пакте Германия подтвердила свое негативное отношение к коллективному договору о взаимопомощи. Берлин предпочитал двусторонние договоры о ненападении, однако был готов обсудить свое участие в многостороннем договоре о ненападении, консультации и нейтралитете.

В ходе англо-советских переговоров 28–29 марта стороны обменялись мнениями о событиях в Европе, и Москва подтвердила свое стремление добиваться заключения Восточного пакта³. Кроме того, 29 марта СССР предложил Франции заключить трехсторонний советско-франко-чехословацкий договор о взаимопомощи. Однако Париж высказался в пользу заключения двусторонних советско-французского и советско-чехословацкого договоров. 2 апреля нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов уведомил советского полпреда в Париже о том, что Москва продолжает настаивать на заключении Восточного пакта «с участием Германии и Польши, а если Германия отказывается, то с участием хотя бы Польши, в случае же несогласия и Польши, то с Францией, Чехословакией и прибалтийскими странами»⁴. Советская сторона надеялась добиться согласия Парижа на гарантии странам Прибалтики. 6 апреля Советский Союз предложил Франции,

---

² Сборник документов по международной политике и по международному праву. Вып. 10. С. 266–274.

³ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. 18: 1 января — 31 декабря 1935. М., 1973. С. 165–166, 226–251, 256–257, 623; Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 321.

⁴ ДВП. Т. 18. С. 259.

Эстонии, Латвии и Литве принять участие в Восточном пакте без Германии и Польши. Однако страны Прибалтики заняли выжидательную позицию, а Париж 9 апреля заявил, что никогда не соглашался гарантировать помощь прибалтийским странам и предложил заключить двусторонний договор о взаимопомощи⁵. В тот же день было подписано советско-германское 5-летнее кредитное соглашение, согласно которому Берлин предоставлял Москве 200 млн марок для развития двусторонней торговли⁶.

В связи с отказом Германии от выполнения военных ограничений Версальского договора 11–14 апреля в Стресе состоялась англо-франко-итальянская конференция, ограничившаяся, по настоянию Лондона, лишь выражением сожаления по поводу действий Берлина. Эту же позицию Англия, Франция и Италия заняли и на чрезвычайном заседании Совета Лиги Наций 15–17 апреля, созванном по жалобе Франции⁷. Выступая 17 апреля на этом заседании, Литвинов заявил, что Москва всегда отрицательно относилась к Версальскому договору, но это не может служить оправданием его нарушения Германией, пропагандирующей идеи реванша и экспансии, и призвал Лигу Наций «содействовать созданию такого международного порядка, при котором максимально затруднилось бы нарушение мира»⁸. Со своей стороны, Германия еще 14 апреля заявила о готовности подписать со всеми соседними странами договоры о ненападении и присоединиться к многостороннему договору о ненападении, арбитраже и консультации в случае опасности агрессии⁹. В этих условиях Франция 2 мая пошла на подписание с СССР договора о взаимопомощи, который, однако, не был дополнен военной конвенцией. Незавершенность процесса создания франко-советского союза отражала необходимость для Франции сохранить

⁵ Там же. С. 266–267, 280; Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее — ADAP). Serie C. Bd. 4/1: 1. April bis 13. September 1935. Göttingen, 1975. S. 21–22; Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии. Восстановление Советской власти. М., 1978. С. 139; Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 261–262.

⁶ Сборник действующих торговых договоров и иных хозяйственных соглашений СССР, заключенных с иностранными государствами. Вып. 2. М., 1936. С. 10–13; ДВП. Т. 18. С. 270–274, 632–634; Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. С. 316.

⁷ Сборник документов по международной политике и по международному праву. Вып. 10. С. 254–255, 276–277; Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 266–272.

⁸ ДВП. Т. 18. С. 289–291.

⁹ ADAP. Serie C. Bd. 4/1. S. 44–45, 51–53.

своих союзников в Восточной Европе, которые были, как правило, настроены против возможного союза с СССР. Кроме того, Франция опасалась быть обвиненной в расколе Европы на военно-политические блоки и продолжала диалог с Германией в надежде на урегулирование. 16 мая был подписан советско-чехословацкий договор о взаимопомощи¹⁰. В тот же день Советский Союз и Франция выдвинули предложение о заключении «регионального Восточноевропейского пакта в составе ранее намечавшихся государств и содержащего обязательства ненападения, консультации и неоказания помощи агрессору»¹¹. Москва считала желательным, чтобы участниками этого соглашения стали СССР, Франция, Германия, Польша, Чехословакия и те страны Прибалтики, которые этого захотят.

В ответ на заключение советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи Германия 21 мая потребовала пересмотра демилитаризованного статуса Рейнской области и вновь заявила о готовности подписать со своими соседями (кроме Литвы) договоры о ненападении¹². 25 мая Берлин заявил, что подписание Францией договора о взаимопомощи с СССР является нарушением Парижем Локарнских договоренностей¹³. 3 июня Франция передала новый вариант Восточного пакта Германии, намекая, что в случае подписания этого документа советско-французский договор «прекратил бы существование»¹⁴. Однако Берлин отклонил это предложение, заявив, что в результате заключения советско-французского договора о взаимопомощи подписание Восточного пакта стало невозможным. Не изменили этой позиции Германии и заявления, сделанные 25 июня Францией, 5 июля Англией, 15 июля Италией и 19 июля Бельгией о том, что советско-французский договор не противоречит Локарнскому соглашению¹⁵. Фактически на этом история Восточного пакта завершилась, хотя формально вялотекущие переговоры о нем продолжались до весны 1936 г. Отголосками переговоров о Восточном пакте стали советско-румынские переговоры о за-

---

¹⁰ ДВП. Т. 18. С. 309–312, 333–336; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 322–326; Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 272–296, 301–308.

¹¹ ДВП. Т. 18. С. 336–337.

¹² Известия. 1935. 23 мая; ADAP. Serie C. Bd. 4/1. S. 170–177.

¹³ ADAP. Serie C. Bd. 4/1. S. 199–204.

¹⁴ ADAP. Serie C. Bd. 4/1. S. 238–239.

¹⁵ ADAP. Serie C. Bd. 4/1. S. 346–349, 412–413, 443–444, 447; Наумов А. О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007. С. 35–65.

ключении договора о взаимопомощи в июне 1935 — августе 1936 г. и латвийский зондаж Москвы по этому же вопросу в июле 1935 г. Однако в первом случае камнем преткновения стал вопрос о принадлежности Бессарабии, оккупированной Румынией в 1918 г., а во втором — под давлением со стороны Германии, Англии, Польши и Эстонии Рига не решилась настаивать на своем предложении¹⁶.

Тем временем создание «фронта Стрезы» не помешало Англии продолжить переговоры с Германией о военно-морских вооружениях. Заключение 18 июня 1935 г. англо-германского военно-морского соглашения явилось двусторонним нарушением Версальского договора, нанесло удар по «фронту Стрезы», облегчив Германии игру на противоречиях великих европейских держав, ухудшило англо-французские отношения и стимулировало экспансионистские претензии Италии к Эфиопии, которые не вызвали какого-либо противодействия Англии и Франции. Призывы СССР к членам Совета Лиги Наций действовать в соответствии с Уставом Лиги для предотвращения итало-эфиопского вооруженного конфликта оказались безрезультатны¹⁷. Нападение Италии 3 октября на Эфиопию и обсуждение этого вопроса в Лиге Наций в условиях предвыборной кампании в Англии привело к установлению с 18 ноября экономических санкций против Италии. В угоду общественному мнению Англия сосредоточила в Средиземном море Флот метрополии, не прекращая секретных поисков путей удовлетворения Италии в Африке. Столкновение с Римом или его поражение не было целью Лондона, потому что могло подорвать стабильность фашистского режима и усилить опасность создания «красной Италии». Франция отказалась поддержать военно-морскую демонстрацию Англии в Средиземном море и тайно нарушала экономические санкции. В санкциях не участвовали Германия, США, Япония, Австрия, Венгрия, Албания и ряд других стран, расширивших свое присутствие на итальянском рынке. В этих условиях идея введения против Италии нефтяных санкций так и не была реализована,

---

¹⁶ ДВП. Т. 18. С. 406–407, 422, 426, 558–559, 572–573, 584–585, 666, 668, 669; Т. 19: 1 января — 31 декабря 1936. М., 1974. С. 432–433; Советско-румынские отношения 1917–1941. Документы и материалы: В 2 т. М., 2000. Т. 2: 1935–1941. С. 21–22, 24–25, 26–39, 44–59, 71–72, 72–77, 82–83, 86–90; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 332, 334; Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 308–315, 317–320.

¹⁷ ДВП. Т. 18. С. 494–496; Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 360–364.

так как Англия, Франция и СССР опасались потерять ее рынок¹⁸. Кризис в отношениях Италии с Англией и Францией был использован Германией для нормализации отношений с Римом.

Ухудшение советско-германских отношений и политика попустительства Германии со стороны Англии и Франции вынуждали Москву использовать любые возможности для недопущения консолидации великих европейских держав с антисоветской направленностью. Поддержав политику «коллективной безопасности», Советский Союз пошел на смягчение идеологического противостояния между европейскими социал-демократическими и коммунистическими партиями, позиции которых следовало сблизить на антифашистской основе. Новая политическая линия сотрудничества левых партий в рамках «Народного фронта» была закреплена решениями VII Конгресса Коминтерна (25 июля — 20 августа 1935 г.)¹⁹. В дальнейшем советское руководство умело использовало официальные дипломатические каналы, нелегальные возможности Коминтерна, социальную пропаганду, пацифистские идеи, антифашизм, помощь некоторым жертвам агрессоров для создания имиджа главного борца за мир и социальный прогресс. В основе стратегии Москвы лежало стремление, последовательно критикуя фашизм но, не ввязываясь при этом в открытое столкновение с Германией один на один, использовать межимпериалистические противоречия для расширения советского влияния в Европе и достижения статуса великой державы. Несмотря на активную пропагандистскую войну в прессе, СССР и Германия сохраняли нормальные дипломатические отношения и вплоть до марта 1937 г. периодически зондировали друг друга на предмет нормализации отношений. При этом германская сторона предпочитала развивать экономические отношения, а советская — пыталась дополнить их и политической нормализацией²⁰. Однако для Берлина его имидж «борца с мировым коммунизмом» был более важен, а отказ от советских предложений

¹⁸ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 328–332, 333–334; Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 367–376; Наумов А. О. Указ. соч. С. 65–71.

¹⁹ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. (Сборник документов). М., 1975; Коминтерн против фашизма: Документы. М., 1999; Лейбзон Б. М., Шириня К. К. Поворот в политике Коминтерна. Историческое значение VII конгресса Коминтерна. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1975; Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. М., 2004. С. 197–214.

²⁰ Абрамов Н. А., Безыменский Л. А. Особая миссия Давида Канделаки // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 144–156; Случ С. З. Сталин и Гитлер,

исправно доводился до сведения Англии, что позволяло рассчитывать на новые уступки с ее стороны.

Определяющим фактором развития международной политики в Европе были отношения между Англией, Францией, Германией и Италией. При этом Лондон пытался модернизировать Версальскую систему путем создания нового баланса сил. Результатом этой английской политики стало попустительство любым действиям Германии, начиная с ее ухода из Лиги Наций. Рассчитывая на создание соглашения великих держав Европы под своей эгидой, Англия опасалась, что крах фашистского режима в Италии и нацистского режима в Германии приведет к большевизации этих стран и тем самым резко усилит угрозу позициям Лондона. Поэтому, несмотря на иногда довольно резкую риторику относительно действий Италии и Германии, Англия старалась держать все двери открытыми для соглашения с ними. В этих условиях попытки Москвы в январе—феврале 1936 г. склонить Лондон к расширению англо-франко-советского сотрудничества в Совете Лиги Наций оказались безрезультатными, поскольку «стремление англичан прийти к соглашению с антикоммунистически настроенными государствами делало невозможной интенсификацию англо-советских отношений»²¹.

В условиях охлаждения отношений между Англией, Францией и Италией Германия готовила ремилитаризацию Рейнской области, используя в качестве предлога предстоящую ратификацию советско-французского договора о взаимопомощи. Англия, Франция и США располагали сведениями о намерениях Берлина, но по разным причинам решили не противодействовать им. Англия надеялась усилить влияние на внешнюю политику Франции в условиях возрастания германской угрозы. Французское руководство, рассчитывая на поддержку Англии и Италии, не предприняло никаких самостоятельных действий, хотя согласно Локарнскому договору имело на это право. США были заинтересованы в осложнении положения Англии в Европе. Поэтому, когда 7 марта вермахт занял Рейнскую демилитаризованную зону на западе Германии, а Берлин предложил заключить договоры о ненападении со всеми своими соседями, Лондон всячески удерживал Париж от каких-либо контрмер. В ходе обсуждения

1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 98–107.

²¹ Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. 2-е изд., дораб. и доп. М., 1989. С. 115–118.

в Совете Лиги Наций 14–19 марта вопроса о нарушении Германией Версальского и Локарнского договоров было решено воздержаться от каких-либо действий. Советское заявление от 17 марта о готовности поддержать любые действия Лиги Наций, естественно, осталось без ответа²². Лига Наций констатировала нарушение Германией Версальского и Локарнского договоров, что дало Франции формальный повод требовать помощи от Англии и Италии. Однако Италия отказалась от содействия до снятия наложенных на нее экономических санкций и признания оккупации Эфиопии, а Англия сослалась на отсутствие угрозы французской территории. Германская авантюра удалась, и Берлин тут же предложил заменить Локарнские договоры новыми соглашениями о ненападении, втянув Англию и Францию в бесперспективные переговоры. В результате бездействия Франции ее позиция в Европе и системе союзов был нанесен сильнейший удар, усиливший тенденцию «умиротворения» во французской политике.

Если же учесть, что 16 февраля к власти в Испании пришел Народный фронт, воспринимавшийся консервативным английским руководством чуть ли не как большевизация страны, то позиция Англии будет вполне логичной. Антикоммунистическая риторика Берлина находила благосклонных слушателей на берегах Темзы²³. Стремление Англии сблизиться с Турцией, которую предполагалось использовать в качестве противовеса Италии, привело к тому, что Лондон поддержал стремление Анкары и Москвы пересмотреть решения Лозаннской конференции о режиме Черноморских проливов. Италия отказалась от участия в конференции до снятия с нее экономических санкций, но и после их отмены позиция Рима осталась неизменной. В ходе конференции в Монтрё (22 июня — 21 июля 1936 г.) Англия и Франция согласились на изменение режима Черноморских проливов с учетом интересов СССР, что было закреплено в соответствующей международной конвенции²⁴. 28 июля было подписано советско-

---

²² ДВП. Т. 19. С. 153–161; Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 108–115; Наумов А. О. Указ. соч. С. 71–107.

²³ О политике Англии в отношении Испании подробнее см.: Овинников Р. С. За кулисами политики «невмешательства». Испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США накануне второй мировой войны. М., 1959. С. 4–47.

²⁴ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. 9. М., 1938. С. 61–78; ДВП. Т. 19. С. 314–317, 350–352, 365–366, 372–374; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б)

английское 5-летнее кредитное соглашение, согласно которому Лондон предоставил Москве 10 млн ф. ст. для развития двусторонней торговли²⁵.

Тем временем с 18 июля внимание всех великих европейских держав было привлечено к начавшейся в Испании гражданской войне. Германия и Италия почти сразу же поддержали мятеж генерала Ф. Франко, демонстрируя всему миру свою антикоммунистическую позицию. Запугивая Париж угрозой своего нейтралитета в случае обострения франко-итальянских и франко-германских отношений, Лондон, который тайно поддерживал мятежников, добился от Франции, чтобы та не продавала Мадриду оружие²⁶. Опасаясь втягивания в испанские события других европейских стран, Франция 2 августа обратилась к Англии и Италии с идеей соглашения о невмешательстве. Поддержав эту идею, Англия 4 августа предложила включить в это соглашение Германию и Португалию. Со своей стороны Германия, Италия и Португалия были готовы участвовать в данном соглашении только при условии, что в нем будет участвовать и Советский Союз. В итоге Лондон был вынужден согласиться с этим требованием и Париж предложил данную идею Москве, которая ее поддерживала. Выступая за локализацию войны в Испании, советское руководство полагало, что это способствовало бы более быстрой победе законного правительства над мятежниками. Кроме того, участие Советского Союза в Комитете по невмешательству позволяло использовать этот международный орган для расширения советского влияния в Европе, отстаивания интересов законного правительства Испании и разоблачения германо-итальянской интервенции. 15–24 августа по инициативе Англии и Франции 27 стран Европы подписали Соглашение о невмешательстве в дела Испании. В соответствии с этой договоренностью в Лондоне 9 сентября начал свою работу Международный комитет по вопросам невмешательства в дела Испании, не имевший, правда,

---

и Европа. С. 335–336; Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939. М., 1987. С. 34–38; Нежинский Л. Н. Пути и перепутья советской международной политики в 1934–1941 гг. Тула, 2008. С. 82–86.

²⁵ Сборник действующих торговых договоров и иных хозяйственных соглашений СССР, заключенных с иностранными государствами. Вып. 2. С. 66–69; Сборник торговых договоров, конвенций и соглашений СССР, заключенных с иностранными государствами до 1-го января 1941 г. М., 1941. С. 39–43; Международная торговля и внешняя торговля СССР. М., 1941. С. 458; ДВП. Т. 19. С. 388.

²⁶ Овинников Р. С. Указ. соч. С. 50–64.

каких-либо полномочий. Зато, таким образом, удалось устранить от решения этого вопроса Лигу Наций²⁷.

Понятно, что итало-германская помощь Франко не была ни для кого секретом, как, впрочем, и то, что Англия и Франция закрывают глаза на это откровенное нарушение политики «невмешательства». Пользуясь поддержкой Италии и Германии, франкисты с конца июля 1936 г. начали наступление в Эстремадуре, в результате которого им удалось объединить северный и южный районы своего господства, 27 сентября захватить Толедо, а с 15 октября начать наступление на Мадрид. На севере страны мятежникам удалось 5 сентября захватить Ирун, отрезав от Франции Северный фронт республиканцев²⁸. Позиция СССР в отношении событий в Испании первоначально была довольно осторожной. Москва оказывала гуманитарную помощь и способствовала закупкам вооружения для Испании в третьих странах, но просьба Мадрида о военных поставках была отклонена²⁹. Однако слабо закамуфлированная итало-германская интервенция и успехи мятежников на фронте заставили Москву 29 сентября решиться на военные поставки законному правительству Испании³⁰. На примере испанских событий СССР стремился продемонстрировать западным державам угрозу, исходящую от фашистских государств, и достичь реализации идей «коллективной безопасности» в Европе, а также не допустить создания единого антисоветского фронта европейских держав. Однако попытки советского представителя в Комитете по невмешательству в октябре 1936 г. подтолкнуть Англию и Францию к более решительным шагам против нарушителей соглашения, что могло привести к расширению сотрудничества Москвы, Лондона и Парижа, не увенчались успехом. Англия и Франция опасались срыва работы Комитета по невмешательству и не желали обострять отношения с Германией и Италией.

---

²⁷ Там же. С. 64–75; Малай В. В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа: международные аспекты конфликта. М., 2011. С. 45–56.

²⁸ О военных действиях в Испании подробнее см.: Платошкин Н. Н. Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. М., 2005. С. 134–236.

²⁹ Новиков М. В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании, 1936–1939 гг. Ярославль, 2007. С. 188–199; СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939 годы. М., 2013. С. 32–33, 46, 47–48, 50–51, 52–64, 67–69, 70–72, 73–74.

³⁰ Рыбалкин Ю. Е. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. С. 28–29; СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939 годы. С. 75–77, 78–80.

В этой ситуации, демонстрируя свою антифашистскую позицию, Советский Союз заявил о поддержке законного правительства Испании, что вовсе не улучшило его отношений с Англией и Францией³¹. Тем не менее советская военная помощь позволила испанским республиканцам воссоздать сухопутную армию и не допустить быстрой победы мятежников и итало-германских интервентов. Более того, гражданская война в Испании стала символом антифашистской борьбы, в которой участвовало свыше 42 тыс. добровольцев с разных континентов³². Для СССР победа франкистов в Испании означала создание проблем на юго-западной границе союзной ему Франции. Однако французское руководство не желало сближаться с СССР и опасалось быть втянутым в противостояние с Германией из-за советско-германского конфликта в Испании. Уже в ноябре 1936 г. в беседе с польским послом в Париже министр иностранных дел Франции И. Дельбос говорил, что «главная цель франко-русского соглашения заключается в том, чтобы не допустить сближения между Германией и Советской Россией, то есть противодействовать возможному возобновлению рапальской политики». В настоящее время подписание германо-японского Антикоминтерновского пакта «окончательно исключает такую возможность. Поэтому отношение французского правительства к соглашению с Россией может быть изменено», а с Германией установлено взаимопонимание³³. Схожей позиции о необходимости соглашения с Германией придерживалась и Англия.

Продолжая политику «невмешательства», западные страны обычно ссылались на угрозу войны с Германией и Италией и на свою военную слабость. Занятая Англией, Францией и США позиция «невмешательства» в гражданскую войну в Испании вела к фактической поддержке мятежников, в которых они видели гарантию от «красной опасности», особенно в условиях расширения советского вмешательства в войну³⁴. Внешнеполитическая позиция западных держав во многом определялась присущим им антикоммунизмом, что подталкивало их к попусти-

---

³¹ Овинников Р. С. Указ. соч. С. 101–104; Малай В. В. Указ. соч. С. 56–70.

³² О войне в Испании как полигоне для развития военного дела в Европе подробнее см.: Рыбалкин Ю. Е. Указ. соч.; Новиков М. В. Указ. соч. С. 228–257; Малай В. В. Указ. соч. С. 126–172.

³³ Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. С. 125.

³⁴ Овинников Р. С. Указ. соч. С. 75–86, 91–101; Наумов А. О. Указ. соч. С. 108–146.

тельству Германии и Италии, которых можно было использовать в качестве главной ударной силы против СССР. Намереваясь и далее использовать подобные настроения, Берлин и Рим 25 октября подписали соглашение, согласно которому Германия признала захват Эфиопии Италией, а та со своей стороны обещала не вмешиваться в германо-австрийские отношения. Обе стороны договорились о разграничении сфер экономической деятельности на Балканах, а 18 ноября разорвали дипломатические отношения с законным правительством Испании и признали правительство Ф. Франко. 25 ноября Германия и Япония заключили Антикоминтерновский пакт, подкрепленный новым столкновением на маньчжуро-советской границе у озера Ханка 26–27 ноября. Тем самым Япония наглядно продемонстрировала всему миру антикоммунистическую подоплеку своих действий. 2 декабря был подписан итало-японский договор, а 6 ноября 1937 г. Италия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту и 11 декабря заявила о выходе из Лиги Наций³⁵.

Тем временем развернувшаяся в Лиге Наций дискуссия по вопросу о внесении изменений в ее Устав показала, что при попустительстве Англии и Франции влияние этой международной организации на мировую политику все более снижается. Прежде всего, обсуждалась идея об изменении ст. 16 Устава Лиги Наций, которая предусматривала применение к агрессору экономических и военных санкций. 1 июля 1936 г. Норвегия, Швеция, Дания, Финляндия, Испания, Швейцария и Нидерланды опубликовали совместное заявление о том, что они резервируют за собой право определить свое отношение к осуществлению ст. 16 Устава Лиги Наций³⁶. В тот же день Советский Союз предложил, чтобы между членами Лиги были заключены

---

³⁵ История войны на Тихом океане. В 5 т. Пер. с яп. Т. 2: Японо-китайская война. М., 1957. С. 343–346; История дипломатии. В 5 т. Т. 3: Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1965. С. 641, 656–660; Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 128–130; Накануне, 1931–1939. Как мир был ввергнут в войну: краткая история в документах, воспоминаниях и комментариях. М., 1991. С. 105–106, 141; Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004. С. 327; Павлов Е. И. Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. Отношение и влияние стран Европы и США на начало, ход и итоги войны. Екатеринбург, 1998. С. 75.

³⁶ Самотейкин Е. М. Распотанный нейтралитет. М., 1971. С. 59; История Норвегии. М., 1980. С. 384–385.

региональные или двусторонние пакты о взаимопомощи, что позволило бы создать систему коллективной безопасности³⁷. Критикуя идею нейтралитета, нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов в выступлении на XVII Ассамблее Лиги Наций 28 сентября заявил, что «есть также немногие страны, готовые искать спасения в нейтралитете. Если они действительно верят, что достаточно будет им самим написать на своих границах слово «нейтралитет», чтобы пламя пожара остановилось у этих границ, если они забыли свежие уроки истории о нарушении даже международно признанных нейтралитетов, то это их дело. Мы вправе, однако, просить их, чтобы свои нейтралитеты они осуществили уже теперь, при подготовке планов агрессии одними и планов самозащиты другими. К сожалению, они уже теперь свой нейтралитет часто ставят на службу агрессивным силам»³⁸. Понятно, что Германия оказывала давление на малые страны Европы, добиваясь их отказа от участия в мероприятиях Лиги Наций, направленных на усиление коллективной безопасности. Берлин стремился к тому, чтобы как можно больше европейских стран заранее заявили о своем нейтралитете в случае любого вооруженного конфликта и отказались от участия в санкциях, предусмотренных уставом Лиги Наций³⁹.

Неудача франкистов под Мадридом и превращение войны в Испании в затяжную вынудили Комитет по невмешательству приступить к разработке мер контроля за режимом невмешательства. После трехмесячного обсуждения поднятого СССР вопроса об иностранных добровольцах в Испании Комитет принял решение о прекращении их посылки, которое вступило в силу 20 февраля 1937 г. Вместе с тем, попытки советского представителя обратить внимание Комитета на нарушение этого решения Италией были отклонены его английским председателем. Кроме того, Комитет выработал схему морского контроля за испанским побережьем, согласно которой английский и французский флоты патрулировали побережья, занятые франкистами, а германский и итальянский флоты — побережья, занятые республиканцами. 6 марта это решение стало осуществляться, однако все эти ме-

---

³⁷ Правда. 1936. 30 августа; Сборник документов по международной политике и по международному праву. Вып. 11. М., 1937. С. 320–331; ДВП. Т. 19. С. 329–335, 399–401.

³⁸ Правда. 1936. 29 сентября; Литвинов М. М. В борьбе за мир. М., 1938. С. 114–123; ДВП. Т. 19. С. 439–447.

³⁹ Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 119–121.

ры контроля не предусматривали каких-либо санкций для нарушителей. Тем временем 2 января 1937 г. было заключено англо-итальянское «джентльменское» соглашение, которое фактически предоставляло Риму свободу рук в Испании в обмен на обязательство не затрагивать интересы английского капитала в этой стране. Понятно, что в этих условиях английское руководство 8 января решило сдерживать советскую активность в Комитете, но потакать Италии и Германии. Правда, в марте 1937 г., когда стало ясно, что Италия не выполняет условий соглашения, Англия опубликовала программу развития британских вооруженных сил и усилила критику действий Рима в прессе. В этих условиях Италия 23 марта отказалась от вывода своих добровольцев из Испании⁴⁰.

Военные действия в Испании велись с переменных успехом. Во второй половине января — начале февраля 1937 г. франкисты захватили средиземноморское побережье Андалузии с городом Малага. В ходе продолжавшихся боев под Мадридом франкисты 6–27 февраля предприняли безуспешное наступление на р. Харама. 8–22 марта республиканцы разгромили под Гвадалахарой наступавший на Мадрид итальянский экспедиционный корпус. В апреле — октябре 1937 г. франкисты разгромили Северный фронт республиканцев и захватили Астурию и Страну басков. Для оказания помощи Северному фронту республиканцы 5–27 июля предприняли попытку отбросить противника от Мадрида в районе Брунете, а 24 августа — 10 сентября провели наступление на Сарагосу, несколько потеснив противника и заняв город Бельчите⁴¹.

Тем временем 28 мая 1937 г. в Лондоне было сформировано правительство Н. Чемберлена, делавшее ставку на умиротворение Германии и Италии. В этих условиях политика «невмешательства» окончательно стала формальностью и ширмой, позволяющей Англии вести диалог с Германией и Италией. Эта позиция Лондона наглядно проявилась в следующих условиях. 29 мая испанская республиканская авиация бомбила германский крейсер «Дойчланд», находившийся в испанских территориальных водах. Берлин и Рим заявили, что это делает невозможным их участие в Комитете по невмешательству и морском патрулировании. 31 мая германский флот обстрелял испанский порт Аль-

---

⁴⁰ Овинников Р. С. Указ. соч. С. 120–123, 139–143; Малай В. В. Указ. соч. С. 71–74.

⁴¹ Подробнее см.: Платошкин Н. Н. Указ. соч. С. 236–256, 324–365.

мерия. В тот же день СССР предложил обсудить сложившуюся ситуацию в Комитете, но это предложение было отклонено Англией, которая опасалась, что таким путем Москва сможет торпедировать Соглашение о невмешательстве. В действительности советская сторона опасалась, что подобные инциденты могут спровоцировать войну в Европе, и стремилась сдерживать республиканцев. 2 июня Англия предложила Германии и Италии вместе с Францией обсудить сложившуюся ситуацию вне Комитета. Попытки СССР 8 июня урегулировать ситуацию в рамках Комитета были проигнорированы. В результате англо-франко-германо-итальянских переговоров 12 июня было достигнуто соглашение об обращении к воюющим в Испании сторонам с предложением о создании в портах «зон безопасности» и получения гарантий ненападения на патрульные суда. В итоге Германия и Италия вернулись в Комитет по невмешательству, но 15 и 18 июня республиканские ВВС атаковали германский крейсер «Лейпциг».

23 июня Германия и Италия заявили о прекращении участия в патрулировании испанского побережья, а 2 июля выдвинули план реорганизации морского контроля и предоставления франкистам прав воюющей стороной. Со своей стороны 14 июля Англия выдвинула план вывода из Испании иностранных добровольцев и признания за франкистами прав воюющей стороны, в основном совпадающий с германо-итальянскими предложениями. Однако СССР удалось добиться того, что обсуждение этого плана было отложено до осени 1937 г. В ходе начавшегося в октябре 1937 г. его обсуждения Советский Союз выступал за вывод из Испании всех иностранных добровольцев, после чего можно было бы признать франкистов воюющей стороной. В итоге 4 ноября Комитет по невмешательству большинством голосов принял английский план от 14 июля. Лондон надеялся, что в этих условиях Москва выйдет из Комитета, но советский представитель продолжал отстаивать свою позицию и поддерживать законное правительство Испании. 16 ноября СССР согласился принять резолюцию Комитета, но не поддержал идею о признании франкистов воюющей стороной. В итоге разработка практических мер по реализации данного решения Комитета затянулась до начала 1938 г., когда ситуация в Европе изменилась⁴².

---

⁴² Овинников Р. С. Указ. соч. С. 163–167; Малай В. В. Судьба Республики рещалась не в Мадриде: из истории англо-советских отношений в канун II мировой войны. 1936–1939. Белгород, 1999. С. 69–90; Малай В. В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа. С. 74–90.

Еще одним вопросом, вносившимся в Комитете по невмешательству СССР и скандинавскими странами, была проблема пиратских действий «неизвестных» (итальянских) подводных лодок в Средиземном море. Поначалу Англия и Франция всячески саботировали обсуждение этого вопроса, но активизация пиратства в августе—сентябре 1937 г. заставила Лондон и Париж принять меры к его пресечению. Вместе с тем они не хотели обострять отношений с Италией, и сведения о национальной принадлежности «неизвестных» подводных лодок оставались секретными. В ходе англо-французских переговоров было решено провести конференцию средиземноморских стран в Нионе. Париж настоял на участии в конференции СССР, а Лондон — Италии и Германии. Москва надеялась на изоляцию Италии на конференции и 6 сентября направила Риму ноту протеста против действий итальянских подводных лодок⁴³. Естественно, Италия отрицала все обвинения и отказалась от участия в конференции. Вслед за ней такую же позицию заняла и Германия. В итоге на прошедшей 10–14 сентября конференции в Нионе виновник пиратских нападений так и не был назван, но было решено топить все подводные лодки, которые не обозначат своей национальной принадлежности по первому требованию. 16 сентября Англия и Франция под предлогом патрулирования Средиземного моря прекратили патрулирование занятого франкистами испанского побережья. 30 сентября Италия присоединилась к решению конференции. В результате количество пиратских нападений существенно сократилось, но полностью прекращено не было⁴⁴.

Вместе с тем ситуация с конференцией в Нионе показывала, что твердой позиции Англии, Франции и СССР было вполне достаточно, чтобы заставить Германию и Италию считаться с тогдашними международными нормами. Однако жесткая позиция в отношении Германии создавала угрозу краха нацистского режима, что было, по мнению английского руководства, гораздо более серьезной угрозой, нежели германская экспансия, которую вполне можно было направить в восточном направлении. Подобную позицию Лондона в значительной степени разделял и Париж. Помимо двурушнической позиции Англии и Франции

---

⁴³ ДВП. Т. 20: 1 января — 31 декабря 1937. М., 1976. С. 487–488.

⁴⁴ Там же. С. 492–495, 501–505, 506, 750–752; Овинников Р. С. Указ. соч. С. 181–182; Малай В. В. Судьба Республики решалась не в Мадриде. С. 90–104; Малай В. В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа. С. 188–205.

настораживало Москву и все более тесное германо-польское сотрудничество. Фактически Варшава стала добровольным помощником Берлина, добивавшегося недопущения сотрудничества стран Восточной Европы с Советским Союзом на антифашистской основе. Продолжая оставаться главным звеном антисоветского «санитарного кордона», Польша активно поддерживала эту германскую политику в Прибалтике и на Балканах. Весной — летом 1937 г. произошла активизация польско-румынского антисоветского сотрудничества. С 1936 г. Германии удалось добиться довольно тесного тайного военного антисоветского сотрудничества с Финляндией и Эстонией. Латвия также все более внимательно прислушивалась к «советам» Берлина. Фактически перед СССР замаячила перспектива объединения всей Восточной Европы под эгидой Германии и Польши. Кроме того, и Берлин, и Варшава налаживали отношения с Японией, которая, оккупировав Маньчжурию, стремилась играть роль «борца с коммунизмом» на Дальнем Востоке, периодически провоцируя инциденты на советской границе. В этих условиях Москва старалась отстаивать там свои интересы, но вовсе не собиралась ввязываться в войну с Японией один на один.

Учитывая занятость Англии и Франции испанскими событиями, сотрудничество с Германией и Италией и не опасаясь вмешательства США, Япония решила перейти к активным действиям на континенте. Советско-маньчжурский инцидент на Амуре 29–30 июня 1937 г. дал Японии возможность продемонстрировать Западу неизменность своего антикоммунистического курса, а 7 июля Япония начала войну в Китае. Предложение Англии 12 июля предпринять совместный демарш в Токио и Нанкине не было поддержано США, которые, рассчитывая на обострение англо-японских отношений, 16 июля заявили, что не исключают возможность пересмотра итогов Вашингтонской конференции. Соперничество Англии и США на Дальнем Востоке успешно использовалось японским руководством. Заключение 21 августа советско-китайского договора о ненападении ухудшило японо-советские отношения, но стороны лишь усилили пропагандистскую войну в прессе. 13 сентября китайское руководство обратилось в Совет Лиги Наций с просьбой о применении к Японии международных санкций. СССР поддержал эту позицию Нанкина и выступил за организацию коллективных действий против агрессора, тогда как Англия, Франция и США заняли пассивную позицию, фактически признав морскую блокаду китайского побережья Японией. Предложение Англии в октябре 1937 г. обсудить

вопрос о бойкоте Японии не встретило поддержки США. В итоге, 6 октября Лига Наций констатировала нарушение Японией своих договорных обязательств и выразила «моральную поддержку» Китаю, рекомендовав всем заинтересованным сторонам созвать по этому вопросу международную конференцию. Прошедшая 3–24 ноября в Брюсселе конференция, посвященная событиям в Китае, показала, что западные державы хотели бы спровоцировать советско-японскую войну. В частности, Советскому Союзу было предложено провести мобилизацию и предпринять воздушные налеты на Токио, тогда как Англия и США собирались ограничиться военно-морской демонстрацией. Сама же Англия отказалась ограничить экспорт военных материалов в Японию, поскольку это ударило бы по карману очень влиятельных людей⁴⁵.

Усиление германской экономики и начавшийся в 1937 г. новый спад производства в мире способствовали тому, что Германия все явственнее стала требовать ревизии территориальных решений Версальского договора. Именно с 1937 г. во внешней политики Англии на первый план выходит идея «умиротворения» Германии за счет Восточной Европы и СССР, что должно было, по мнению английского руководства, привести к новому «Пакту четырех». Не случайно в ходе контактов с германским руководством 19 ноября лорд-председатель Королевского тайного совета Англии Э. Галифакс, а 2 декабря английский министр иностранных дел А. Иден уведомили Берлин, что Лондон не против ревизии границ в Восточной Европе, но считает неперемennым условием недопущение войны. В ходе англо-французских переговоров в Лондоне 28–30 ноября Франция поддержала эту английскую позицию и стороны договорились о дальнейшем невмешательстве в международные споры и столкновения в Восточной Европе⁴⁶. Тем самым Берлину указывали на возможность соглашения с Западом, или, как заявил 21 февраля 1938 г. английский премьер-министр Н. Чемберлен, «мир в Европе должен зависеть от позиции главных держав Германии, Италии, Франции и нашей собственной»⁴⁷. Иными словами, Германия получила карт-бланш на любые действия в Восточной Европе, не приводящие к открытой войне. Есте-

⁴⁵ Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939. С. 111–121.

⁴⁶ Документы и материалы кануна второй мировой войны. В 2 т. М., 1981. Т. 1: Ноябрь 1937 г. — декабрь 1938 г. С. 35–50; Морозов С. В. Указ. соч. С. 359.

⁴⁷ Ротштейн Э. Мюнхенский сговор / Пер. с англ. М., 1959. С. 66.

ственно, что в этих условиях германское руководство решило активизировать свою внешнюю политику в отношении соседей. Используя англо-французскую политику «умиротворения», свои достижения в экономике и военном строительстве, идеи антикоммунизма, пацифизма и национализма, Германия смогла в 1938 г. перейти к ревизии территориальных установлений Версальского договора и 12–13 марта аннексировала Австрию, значительно улучшив свое стратегическое положение в центре Европы⁴⁸.

Тем временем 11 марта в ходе инцидента на польско-литовской демаркационной линии погиб польский солдат и возникла угроза нападения Польши на Литву. 16 марта Германия уведомила Польшу, что ее интересы в Литве ограничиваются лишь Мемелем (Клайпедой), и сделала ей «открытое предложение о польско-германском военном сотрудничестве против России» в случае ухудшения советско-польских отношений. В тот же день Москва заявила Варшаве, что заинтересована в разрешении польско-литовского спора «исключительно мирным путем и что насильственные действия могут создать опасность на всем востоке Европы»⁴⁹. 17 марта Литве был направлен польский ультиматум с требованиями в течение 36 часов установить дипломатические отношения с Польшей, отказаться от притязаний на Виленский край и открыть границу для передвижения и связи. В тот же день СССР предложил созвать конференцию по борьбе с агрессией в Европе, заявил о готовности «принять активное участие во всех мероприятиях, направленных к организации коллективного отпора агрессору», и запросил Францию о ее готовности воздействовать на Польшу для удержания ее от нападения на Литву⁵⁰. Вместе с тем подобно Англии, Франции, Латвии и Эстонии Москва 18 марта посоветовала Каунасу «уступить насилию», поскольку «международная общественность не поймет литовского отказа». Однако в 17.30 того же дня советская сторона еще раз указала

---

⁴⁸ Полтавский М. А. Австрийский народ и аншлюс 1938 г. М., 1971; Наумов А. О. Указ. соч. С. 179–215.

⁴⁹ ADAP. Serie D. Bd. 5: Polen, Südosteuropa, Lateinamerika klein- und Mittelstaaten. Juni 1937 — März 1939. Baden-Baden, 1953. S. 362; ДВП. Т. 21: 1 января — 31 декабря 1938. М., 1977. С. 129; Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДМИСПО). В 12 т. Т. 6: 1933–1938 гг. М., 1969. С. 354; Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. С. 166–167.

⁵⁰ ДМИСПО. Т. 6. С. 342–343; ДВП. Т. 21. С. 128–129, 130.

Польше, что заинтересована в сохранении независимости Литвы и выступает против развязывания войны. В условиях, когда Франция и Англия также просили Польшу не доводить дело до войны, польская сторона несколько смягчила условия своего ультиматума. Теперь от Литвы требовалось в течение 48 часов установить с Польшей дипломатические отношения и открыть границу для передвижения и связи. 19 марта Литва согласилась принять этот ультиматум⁵¹. Тем временем, опасаясь раскола Европы на военно-политические блоки, Англия высказалась против созыва предложенной СССР конференции.

Естественно, все эти события в Европе вели к тому, что в 1938 г. гражданская война в Испании все более отходила на периферию политики великих европейских держав. Италия и Германия продолжали поддержку франкистов, которые постепенно получали перевес на фронте. Хотя 15 декабря 1937 г. — 8 января 1938 г. республиканцы в ходе наступательной операции овладели Теруэлем, но 22 февраля франкисты смогли вновь выбить их из города. В ходе Арагонской операции (9 марта — 15 апреля 1938 г.) франкисты прорвались к Средиземному морю в районе Винароса. Попытка республиканцев в сражении на р. Эбро 25 июля — 15 ноября 1938 г. восстановить положение на фронте не удалась. Одновременно франкисты в июне — ноябре 1938 г. продолжили наступление на юг и вышли на северные подступы к Валенсии⁵². Тем временем 26 мая Комитет по невмешательству возобновил обсуждение вопроса о выводе из Испании иностранных добровольцев. Англия и Франция постарались добиться согласия СССР на предлагаемый ими план. 5 июля на последнем пленарном заседании Комитета этот план был одобрен большинством голосов. 7 июля к нему присоединился и Советский Союз. В ходе Ассамблеи Лиги Наций правительство Испанской республики 21 сентября заявило о намерении вывести добровольцев вне зависимости от плана Комитета. В то же время Англия попыталась договориться с генералом Ф. Франко о выводе доброволь-

---

⁵¹ ДМИСПО. Т. 6. С. 343–345; Иванов Л. Польско-литовский конфликт // Мировое хозяйство и мировая политика. 1938. № 5. С. 118–119; Гущин В. В. Борьба рабочего класса Литвы против антинародной внешней политики буржуазного правительства (1939–1940 гг.) // Вопросы современного международного коммунистического и рабочего движения. М., 1961. С. 193–199; Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939. С. 139–145; Гришин Я. Я. Диктатор внешней политики. Казань, 2001. С. 177–182; История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. С. 396.

⁵² Платошкин Н. Н. Указ. соч. С. 375–432.

цев, но он, по негласному совету Италии, отказался кого-либо выводить⁵³.

Тем временем с апреля 1938 г. началось нарастание инспирированного Германией международного кризиса вокруг Чехословакии. Советское руководство прекрасно понимало, что решение этой проблемы зависит от позиции Англии и Франции, основной внешнеполитической целью которых было стремление направить германскую экспансию на Восток. Казалось бы, усиление германского влияния в Восточной Европе затрагивало интересы Лондона и Парижа, но их руководство полагало, что уступки Берлину окупят себя и угроза западным странам будет устранена в результате германо-советского столкновения. Сделав ставку на соглашение с Германией, Англия и Франция всячески уклонялись от любых советских предложений, которые могли привести к ухудшению их отношений с Берлином. В результате попытки Москвы договориться с Лондоном и Парижем о сотрудничестве в деле реализации концепции «коллективной безопасности» наткнулись на стену молчания. Учитывая позицию западных держав, Чехословакия также заняла достаточно осторожную позицию в отношении военных контактов с Советским Союзом и в конце апреля 1938 г. уведомила Париж, что не станет заключать военную конвенцию с Москвой до того, как это сделает Франция⁵⁴. Англия попыталась возродить «фронт Стрезы», и 16 апреля был подписан англо-итальянский договор о дружбе и сотрудничестве, согласно которому Лондон признал захват Италией Эфиопии и согласился признать за Франко права воюющей стороны после проведения частичной эвакуации из Испании иностранных добровольцев. Со своей стороны Италия соглашалась на сохранение статус-кво на Средиземном море. Однако расколоть германо-итальянскую ось не удалось⁵⁵.

Продолжая действовать в рамках концепции «коллективной безопасности», что отвечало не только советским интересам, но и тем международным нормам, которые декларировались в то время ведущими мировыми державами, советское руководство постаралось договориться с Англией и Францией о поддерж-

---

⁵³ Овинников Р. С. Указ. соч. С. 243–244; Малай В. В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа. С. 85–90.

⁵⁴ ДВП. Т. 21. С. 128–129, 149; Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. С. 100–103.

⁵⁵ Овинников Р. С. Указ. соч. С. 197–214.

ке Чехословакии⁵⁶. Всего в течение 6 месяцев Советский Союз 10 раз официально заявлял о своей готовности оказать поддержку Чехословакии. Кроме того, 4 раза об этом конфиденциально сообщалось Франции, 4 раза — Чехословакии и 3 раза — Англии. Советская сторона трижды предлагала провести переговоры генеральных штабов Франции и один раз Англии, однако никакого ответа получено не было, поскольку было бы «несчастьем, если бы Чехословакия спаслась благодаря советской помощи»⁵⁷. Кроме того, Советский Союз неоднократно заявлял о своей готовности оказать поддержку своему чехословацкому союзнику, если он будет сражаться и попросит о помощи, даже в том случае, если Франция уклонится от выполнения своих союзнических обязательств⁵⁸. Это была вполне ясная и недвусмысленная позиция, в отличие, например, от позиции Франции, чей министр иностранных дел Ж. Бонне еще 30 апреля прямо заявил германскому послу, что «любое соглашение лучше, чем мировая война, в случае которой погибнет вся Европа и как победитель, так и побежденный станут жертвой мирового коммунизма»⁵⁹. Фактически западные державы заранее согласились выдать Чехословакию Германии, а все их действия в апреле—сентябре 1938 г. служили лишь для прикрытия этой цели. Настораживало Москву и все более явное польско-германское античехословацкое сотрудничество.

Тем временем 27 мая Швеция, Норвегия, Дания, Исландия и Финляндия подписали в Стокгольме новые правила нейтралитета (взамен устаревших от 21 декабря 1912 г.), которые, в частности, предусматривали запрет на военное использование их территории воюющими державами⁶⁰. Советский Союз продолжал критиковать идею нейтралитета в международных делах. Так, выступая перед избирателями в Ленинграде 23 июня, М. М. Лит-

⁵⁶ Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. С. 79–82; Документы по истории мюнхенского сговора. С. 181, 183, 185–190, 192–193, 205–208, 319–320; ДВП. Т. 21. С. 470–471, 501–509, 517–520, 520–522; Борисов Ю. В. Против фальсификации военной истории чехословацкого кризиса 1938 года // Правда и ложь в истории дипломатии. М., 1964. С. 98–102; Ротштейн Э. Указ. соч. С. 253.

⁵⁷ Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 145–199; Фалин В. М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 49.

⁵⁸ Новые документы из истории Мюнхена. С. 27–28; Документы по истории мюнхенского сговора. С. 88–89.

⁵⁹ Ротштейн Э. Указ. соч. С. 175; Наумов А. О. Указ. соч. С. 267–370.

⁶⁰ Самотейкин Е. М. Указ. соч. С. 61; История Норвегии. С. 385.

винов заявил, что некоторые средние и малые государства Европы «открыто включились в орбиту агрессивных стран, другие, из страха перед ними, бормочут о нейтралитете. Своими декларациями о нейтралитете они как бы говорят, что они отказываются от помощи Лиги Наций, от помощи друзей и приглашают всякого желающего изнасиловать их. Не подлежит никакому сомнению, что агрессивные страны, которые уже теперь могли внушить этим странам такой страх, чтобы вынудить у них эти декларации, на второй же день после мобилизации заставят эти страны нарушить их нейтралитет и поставят их на службу себе»⁶¹. Со своей стороны Германия продолжала советовать малым европейским странам придерживаться политики нейтралитета⁶². 23–24 июля в Копенгагене прошла первая политическая конференция государств «группы Осло» с участием Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, на которой было принято решение о том, что эти страны считают систему санкций Лиги Наций в сложившихся условиях не обязывающей. По их мнению, Совет Лиги Наций должен лишь рекомендовать применение санкций, а вопрос об их осуществлении на практике должен решаться каждым государством по своему усмотрению⁶³.

16 сентября английский представитель в Лиге Наций заявил по поводу ст. 16 ее Устава, что «каждое государство должно само решить, в какой мере оно может участвовать в коллективных мероприятиях»⁶⁴. В результате свыше 20 стран заявили, что оставляют за собой право в каждом отдельном случае определять, в состоянии ли они и в какой мере предпринять меры, предусмотренные этой статьей Устава Лиги Наций. 22 сентября Англия заявила, что вопрос о применении ст. 16 и о формах ее применения должен в дальнейшем решаться от случая к случаю. Каждое государство должно само решать, насколько оно сможет участвовать в намеченных мерах против агрессора⁶⁵. Таким образом, Германии при попустительстве Англии и Франции удалось добиться того, чтобы большая часть европейских стран фактически провозгласила «строгий нейтралитет», что способствовало подрыву принципов Лиги Наций. Подобные настроения как нельзя

---

⁶¹ Литвинов М. М. К современному международному положению. М., 1938. С. 24.

⁶² ADAP. Serie D. Bd. 5. S. 482.

⁶³ Самотейкин Е. М. Указ. соч. С. 61–62; История Норвегии. С. 385.

⁶⁴ Известия. 1938. 17 сентября.

⁶⁵ Известия. 1938. 23 сентября.

лучше соответствовали англо-французской политике «умиротворения» Германии.

Летом 1938 г. английское руководство стремилось найти новый компромисс великих держав Европы. Но вместо нажима на Германию Англия и Франция продолжали требовать от Чехословакии уступок во имя сохранения мира в Европе, поскольку война могла способствовать ее большевизации. Таким образом, Чехословакия стала разменной картой в политике умиротворения Германии и базой нового компромисса. Английское руководство исходило из того, что слабая Германия не хочет, а сильная Франция не может пойти на закрепление британской гегемонии. Поэтому было необходимо усилить Германию, ослабить Францию, а заодно изолировать СССР, который 21 сентября вновь предложил провести конференцию для выработки мер против агрессии. В итоге 29–30 сентября в ходе конференции Англии, Франции, Германии и Италии в Мюнхене было выработано соглашение по чехословацкому вопросу, удовлетворившее все претензии Берлина. Был решено передать до 10 октября Германии приграничные районы Чехословакии. Право населения передаваемых районов на оптацию было провозглашено, но не выполнялось. Провозглашенные международные гарантии новых границ Чехословакии так и не были оформлены, поскольку Англия уклонилась от этого. Кроме того, было признано право Польши и Венгрии на территориальное урегулирование с Чехословакией.

Одновременно 30 сентября было подписано англо-германское соглашение о ненападении и консультации. Кроме того, Англия просила Германию и Италию поддержать идею о том, чтобы дать Франции возможность достичь перемирия в Испании. То есть фактически речь шла о признании правительства генерала Ф. Франко, хотя Лондон и Париж имели дипломатические отношения с Мадридом. Понятно, что германское руководство не стало возражать. Англия рассматривала Мюнхенское соглашение как фундаментальную основу для дальнейшего англо-германского компромисса по всем кардинальным проблемам⁶⁶. Своей подписью под Мюнхенским соглашением Франция нарушала франко-чехословацкий договор от 21 января 1924 г. и Локарнский договор от 16 октября 1925 г. Система военных союзов Франции

---

⁶⁶ Документы и материалы кануна второй мировой войны. В 2 т. М., 1981. Т. 1: Ноябрь 1937 — декабрь 1938 г. С. 230–241; Некрич А. М. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 — сентябрь 1939). М., 1955. С. 250–271; Морозов С. В. Указ. соч. С. 410–416.

распалась. В результате «отступничество Франции, о котором теперь было объявлено во всеуслышание, заставило малые страны повернуться к Гитлеру в надежде не все потерять»⁶⁷. В ноябре 1938 г. вступило в силу англо-итальянское апрельское соглашение, 24 ноября Лондон предложил Берлину полную свободу действий против СССР. 19 ноября Франция признала итальянский суверенитет над Эфиопией, а 6 декабря была подписана франко-германская декларация о ненападении и консультации⁶⁸. Это был апогей политики умиротворения, нанесшей колоссальный удар не только по влиянию Англии и Франции в Европе, но и по всей Версальской системе международных отношений, которая практически прекратила свое существование.

Одновременно в ходе Чехословацкого кризиса 1938 г. Москва наглядно убедилась, что наличие союзных договоров вовсе не является гарантией взаимодействия подписавших их государств. Несмотря на то, что Франция и Чехословакия были формальными союзниками СССР, они просто отказались обсуждать с ним проблему реализации союзнических обязательств. Причем следует учитывать, что кризис носил преимущественно политический характер и твердой позиции Англии и Франции вполне было достаточно для того, чтобы остановить Германию. Если же говорить о чисто военной стороне проблемы, то следует помнить, что угроза войны была со стороны Германии явным блефом. Осенью 1938 г. Франция, Чехословакия и СССР обладали вооруженными силами, способными нанести поражение Германии. Хотя советское руководство предприняло определенные военные приготовления на случай возникновения войны в Европе⁶⁹, оно вовсе не собиралось очертя голову бросаться в войну без учета общей политической ситуации. Одно дело участвовать в войне двух блоков европейских государств, а совершенно другое — воевать с Германией, пользуясь, как минимум, нейтралитетом Англии и Франции. Такой опыт у СССР уже имелся по событиям в Испании, и повторять его в общеевропейском масштабе в Москве явно не спешили. По мере развития событий в Комитете по невмешательству и вокруг Чехословакии советское руковод-

---

⁶⁷ Цит. по: Мюнхен — преддверие войны: (Исторические очерки). М., 1988. С. 258.

⁶⁸ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2: Январь—август 1939 г. С. 257–263; Овинников Р. С. Указ. соч. С. 251, 254.

⁶⁹ Подробнее см.: Мельтюхов М. И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М., 2009. С. 204–218.

ство лишь убеждалось в том, что западные державы не станут сдерживать Германию. 29 сентября Англия сообщила Советскому Союзу, что его не пригласили на конференцию в Мюнхен потому, что Гитлер и Муссолини отказались бы сидеть рядом с советским представителем⁷⁰. Естественно, Москва 2 и 4 октября заявила, что «ни Франция, ни Англия не консультировались с СССР, а лишь сообщали правительству СССР о свершившихся фактах. К конференции в Мюнхене и ее решениям... советское правительство никакого отношения не имело, и не имеет»⁷¹.

Ставка Англии и Франции на соглашение с Германией и Италией, ставшая очевидной осенью 1938 г., применительно к событиям в Испании фактически означала окончательный переход всех великих европейских держав на сторону франкистов. В этих условиях франкисты в ходе Каталонской операции (23 декабря 1938 г. — 9 февраля 1939 г.) 26 января захватили Барселону, а затем и весь северо-восток Испании. 25 февраля 1939 г. Франция, а 27 февраля Англия признали правительство Франко и разорвали дипломатические отношения с законным правительством Испании. 1 марта СССР отозвал своего представителя из Комитета по невмешательству⁷². Возникший при поддержке Лондона и Парижа в марте 1939 г. внутренний кризис Испанской республики привел к тому, что 27 марта франкисты перешли в общее наступление, 28 марта заняли Мадрид, а к 1 апреля взяли под контроль всю страну. В тот же день правительство Франко было признано США. 20 апреля Комитет по невмешательству был официально распущен⁷³. Гражданская война в Испании завершилась победой франкистов в условиях, когда внимание великих европейских держав было приковано к событиям в Восточной Европе.

Тем временем Англия и Франция надеялись закрепить и продолжить процесс контролируемых ими изменений на континенте, чтобы на этой основе консолидировать европейские великие державы. Англо-германские и франко-германские отношения были несколько омрачены ноябрьскими еврейскими погромами в Германии и появившимися в январе 1939 г. слухами о подготовке германского удара по Голландии. Все это вынуждало Англию и Францию координировать свою политику, ускорить модерни-

---

⁷⁰ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 319–320.

⁷¹ Там же. С. 344, 346–347.

⁷² Правда. 1939. 4 марта.

⁷³ Овинников Р. С. Указ. соч. С. 255–304; Платошкин Н. Н. Указ. соч. С. 432–470; Малай В. В. Указ. соч. С. 91.

зацию своих вооруженных сил, поддерживать контакты с СССР и одновременно добиваться всеобъемлющего соглашения с Германией в духе Мюнхена. Как показали секретные экономические англо-германские переговоры в октябре 1938 — марте 1939 г., перспектива широкого экономического соглашения двух стран была вполне реальной. Особенно наглядно это проявилось в ходе экономических переговоров в Дюссельдорфе 15–16 марта 1939 г., окончившихся подписанием картельного соглашения представителями промышленности обеих стран. С октября 1938 г. Франция также активизировала процесс сближения с Германией, что было поддержано Англией. Лондон и Париж в принципе не исключали признания Восточной Европы зоной германского влияния при условии устранения для себя германской угрозы и прекращения односторонних экспансионистских действий Берлина. По мнению английского руководства, это открывало перспективу для дальнейшего движения к всеобъемлющему соглашению Англии, Франции, Германии и Италии⁷⁴.

Как только завершилась реализация Мюнхенского соглашения, Берлин 24 октября 1938 г. предложил Варшаве согласиться на включение Данцига в состав Германии, разрешить постройку экстерриториальных шоссейной и железной дорог через «польский коридор» и вступить в Антикоминтерновский пакт. Со своей стороны Германия была готова продлить на 25 лет соглашение о мирном разрешении споров и неприменении силы от 26 января 1934 г.⁷⁵ и гарантировать существующие германо-польские границы. Тем самым Германия решила бы для себя задачу тылового прикрытия с Востока (в том числе и от СССР) в предвидении окончательной оккупации Чехословакии, частично ревизовала бы свою восточную границу, установленную в 1919 г., и значительно упрочила бы свои позиции в Восточной Европе⁷⁶. В это же время в Варшаве разрабатывались планы совместного с Румынией решения «украинского вопроса» путем отторжения Украинской ССР от Советского Союза и активизации антисоветской политики в Закавказье. Любили польские руководители порасуждать и о слабости Советской России⁷⁷.

---

⁷⁴ Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 207–209, 276–278.

⁷⁵ Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. 10. С. 41–42.

⁷⁶ Год кризиса Т. 1. С. 85–86.

⁷⁷ ДМИСПО. Т. 6. С. 372–373; Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 37–38.

Со своей стороны Москва всячески стремилась расколоть сложившийся в ходе чехословацкого кризиса германо-польский тандем. 8 октября польскому послу в Москве было заявлено, что советская сторона не отказывается «от мирного сотрудничества с любым государством»⁷⁸. Получив этот намек, Польша, продолжавшая свою традиционную политику балансирования между Берлином и Москвой, 20–22 октября начала зондаж СССР на предмет нормализации советско-польских отношений, завершившийся 27 ноября подписанием соответствующего коммюнике. Уже 28 ноября Польша уведомила Германию, что эта декларация распространяется лишь на двусторонние советско-польские отношения и не направлена на привлечение СССР к решению европейских проблем. Надежды Москвы на то, что «в случае нужды Польша протянет руку за помощью и к Советскому Союзу»⁷⁹, совершенно не соответствовали политике Варшавы, которая ни при каких обстоятельствах не собиралась обращаться за помощью к СССР.

Вместе с тем польское руководство опасалось, что слишком тесное сближение с Германией может привести к утрате возможности проведения независимой внешней политики, поэтому, несмотря на неоднократные обсуждения германских предложений в октябре 1938 — январе 1939 г., Берлин так и не получил желаемого ответа⁸⁰. Хотя в Варшаве при определенных условиях не исключалось создание германо-польско-японского военного союза с антисоветской направленностью, позиция Польши осложнялась наличием германо-польских проблем. Кроме того, сама Германия пока не ставила своей целью войну с Советским Союзом, а, готовясь к захвату Чехословакии, была заинтересована в нейтрализации Польши и невмешательстве Англии и Франции, для воздействия на которые вновь использовалась антисоветская риторика. Не случайно Берлин санкционировал кампанию в прессе относительно планов создания «Великой Украины» под германским протекторатом, что было с пониманием встречено в Лондоне и Париже.

Польское руководство было согласно на определенные уступки в вопросе о Данциге лишь в обмен на ответные шаги Герма-

---

⁷⁸ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 2000. С. 130, прим. 197.

⁷⁹ Там же. С. 132–135.

⁸⁰ Год кризиса. Т. 1. С. 75–77, 79–80, 85–86, 93–94, 117, 118; Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933–1939. М., 1963. С. 560–566; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 112–118.

нии, но не желало становиться сателлитом Берлина. Неуступчивость Польши привела к тому, что германское руководство стало склоняться к мысли о необходимости военного решения польской проблемы в определенных условиях⁸¹. Визит министра иностранных дел Польши Ю. Бека в Берлин 5–6 января 1939 г. показал польскому руководству, что неприемлемые для него германские условия являются стратегической линией Берлина. Пока формально переговоры были отложены. Продолжая политику балансирования между Западом и Востоком, германское руководство с осени 1938 г. стало постепенно добиваться нормализации отношений с СССР. 19 декабря без всяких проволочек был продлен на 1939 г. советско-германский торговый договор. 22 декабря Берлин предложил Москве возобновить переговоры о 200-миллионном кредите, намекнув на необходимость общей нормализации отношений. Опасаясь германо-польского сближения в результате визита Бека в Германию, советская сторона 11 января 1939 г. согласилась начать экономические переговоры, а на следующий день А. Гитлер несколько минут побеседовал на дипломатическом приеме с советским полпредом, что стало сенсацией в дипломатических кругах. Тем самым Германия пыталась оказать давление на Англию, Францию и Польшу, вынудив их к уступкам, намеками на возможность дальнейшего развития контактов с СССР⁸².

Подписав соглашение с Англией о поставках угля, Германия 20 января уведомила советскую сторону о том, что в Москву 30 января прибудет германский представитель для ведения экономических переговоров. Стремясь поднять значение СССР в Европе, советская сторона 27 января инициировала проникновение сведений об этом в английскую печать. Не желая раздражать Англию и Польшу, Германия 28 января заявила о переносе срока переговоров. Естественно, Советский Союз остался недоволен тем, что Германия оглядывается на Англию, поскольку это подтверждало возможность возрождения «Пакта четырех». Правда, переговоры окончательно прерваны не были и вяло продолжались в последующие месяцы. Политическая ситуация про-

---

⁸¹ Год кризиса. Т. 1. С. 130–137, 163–164, 168–177, 194–196.

⁸² Там же. С. 167–168, 184–186; Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. Пер. с нем. М., 1990. С. 75–85, 93–95; Безыменский Л. А. Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 3–26.

должала меняться. Еще 2 января Польша установила консульские отношения с Маньчжоу-Го, что было с настороженностью воспринято в Москве⁸³. Однако визит германского министра иностранных дел И. фон Риббентропа в Варшаву 26 января показал, что Польша все еще не готова к соглашению с Германией⁸⁴.

Рассчитывая стать лидирующей силой на континенте, Германия добивалась признания за собой статуса мировой державы со стороны Англии и Франции, что было невозможно без демонстрации силы или даже нанесения поражения этим странам. К марту 1939 г. германскому руководству стало очевидно, что, хотя влияние Германии в Восточной Европе значительно возросло, оно все еще не стало решающим. Достижение этой цели требовало новых политических действий. Окончательное устранение Чехословакии позволяло Германии продемонстрировать свою силу восточным соседям, сделав их более сговорчивыми, и значительно снизить опасность антигерманского союза в Восточной Европе. По мнению Берлина, решение чехословацкого вопроса привело бы к нейтрализации Польши, которая была бы вынуждена принять германские предложения, к экономическому подчинению Венгрии, Румынии и Югославии. Возвращение Мемеля (Клайпеды) привело бы к контролю Германии над Литвой и усилению германского влияния в Прибалтике. Тем самым был бы обеспечен тыл для войны на Западе, которая рассматривалась в Берлине как первый этап в деле обеспечения германской гегемонии в Европе. Лишь после решения этой задачи Германия могла позволить себе антисоветский поход⁸⁵.

Уточнение тактики советской дипломатии, начавшееся с осени 1938 г., нашло свое выражение на страницах журнала «Большевик», где была опубликована статья В. Гальянова «Международная обстановка второй империалистической войны». Под этим псевдонимом скрывался заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин. Статья дает общее представление о внешнеполитической доктрине Советского Союза, которая исходила из того, что Вторая мировая война уже началась, поскольку во второй половине 1930-х гг. был предпринят ряд военных акций, изменивших обстановку в мире. Эти события разделили главные

---

⁸³ Год кризиса. Т. 1. С. 191–192, 200–201, 210; Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 85–89; Фомин В. Т. Указ. соч. С. 571–575; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 120–122.

⁸⁴ ДМИСПО. Т. 7: 1939–1943 гг. М., 1973. С. 29–30.

⁸⁵ Год кризиса. Т. 1. С. 253–254, 272–274.

капиталистические державы на агрессоров (Германия, Италия, Япония) и тех, кто попустительствует агрессии (Англия, Франция, США). Хотя это попустительство наносит ущерб интересам западных держав, оно является политикой, направленной на столкновение агрессоров и Советского Союза, который представляет собой оплот революции и социального прогресса. Англия и Франция идут на уступки Германии и Италии, поскольку опасаются краха фашистских режимов, на смену которым может прийти большевизм.

Анализируя международную ситуацию, автор показывал слабость и конфликтность германо-итало-японского блока, экспансия которого идет по пути наименьшего сопротивления. Поэтому в первую очередь агрессоры угрожают интересам Англии, Франции и США, но не спешат портить отношения с СССР, хотя и ведут антисоветскую пропаганду. Германия будет и далее проводить политику шантажа и угроз, объектом которой на этот раз, скорее всего, станет Франция, сделавшая все, чтобы ослабить советско-французский договор 1935 г. Степень верности капиталистических стран своим обязательствам была продемонстрирована летом 1938 г., когда только Советский Союз был готов оказать помощь Чехословакии. По мере нарастания кризиса капитализма происходит усиление СССР, на стороне которого находятся симпатии всего прогрессивного человечества. Дальнейшая перспектива событий рисовалась автору следующим образом. «Фронт второй империалистической войны все расширяется. В него втягиваются один народ за другим. Человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию». «Конец этой второй войны ознаменуется окончательным разгромом старого, капиталистического мира», когда «между двумя жерновами — Советским Союзом, грозно поднявшимся во весь свой исполинский рост, и несокрушимой стеной революционной демократии, восставшей ему на помощь, — в пыль и прах обращены будут остатки капиталистической системы»⁸⁶.

Схожие идеи прозвучали в выступлении кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Жданова на ленинградской партийной конференции 3 марта 1939 г., в котором он, напомнив, что СССР является «державой самой сильной, самой независимой», заявил, что в силу этого фашизм — «это выражение мировой реакции,

---

⁸⁶ Гальянов В. Международная обстановка второй империалистической войны // Большевик. 1939. № 4. С. 49–65.

империалистической буржуазии, агрессивной буржуазии» — угрожает главным образом Англии и Франции. В этих условиях Англии очень хотелось бы, чтобы «Гитлер развязал войну с Советским Союзом», поэтому она старается столкнуть Германию и СССР, чтобы остаться в стороне, рассчитывая «чужими руками жар загребать, дожидаться положения, когда враги ослабнут, и забрать». По мнению Жданова, этот несложный маневр разгадан Москвой, которая будет «копить наши силы для того времени, когда расправимся с Гитлером и Муссолини, а заодно, безусловно, и с Чемберленом»⁸⁷. Эти материалы важны тем, что они дополняют характеристику международной ситуации, данную И. В. Сталиным в Отчетном докладе ЦК ВКП (б) XVIII съезду партии 10 марта, в котором были сформулированы задачи советской внешней политики в условиях начала новой империалистической войны и стремления Англии, Франции и США направить германо-японскую агрессию против СССР. Советский Союз должен был «проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами; соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками; всемерно укреплять боевую мощь» своих вооруженных сил и «крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами». Из контекста речи становится ясно, что «поджигателями» войны являются страны, проводящие политику невмешательства: Англия, Франция и США⁸⁸. В этих условиях целью советского руководства было использовать кризис и противоречия великих держав для дальнейшего усиления своего влияния в мире с перспективой окончательного решения вопроса о существовании капиталистического общества.

События осени 1938 г. означали крах Версальской системы международных отношений в Европе. Однако попытка Англии и идущей в ее фарватере Франции заменить ее новой Мюнхенской системой международных отношений на базе баланса сил великих европейских держав не удалась. 14 марта 1939 г. Словакия по совету Германии провозгласила независимость, а 15 марта германские войска вступили в Чехию, на территории которой был создан протекторат Богемия и Моравия. Вначале реакция

---

⁸⁷ Наджафов Д. Г. Начало второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова—Риббентропа // Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 89–90.

⁸⁸ Год кризиса. Т. 1. С. 258–264.

Англии и Франции была довольно сдержанной, но по мере возбуждения общественного мнения они ужесточили свою позицию и 18 марта (как и Советский Союз) выразили протест действиям Германии. Английский и французский послы были отозваны из Берлина «для консультаций». Англия постаралась привлечь СССР для поддержки Польши и Румынии, однако выяснилось, что те не желали сотрудничать с Москвой, опасаясь ухудшить отношения с Германией. 22 марта Германия добилась от Литвы возвращения ей Мемеля (Клайпеды). 26 марта Варшава окончательно отказалась принять германское предложение, а 28 марта заявила, что изменение статус-кво в Данциге будет рассматриваться как нападение на Польшу. В этих условиях германское руководство стало склоняться к военному решению польского вопроса. 28 марта СССР заявил о своих интересах в Эстонии и Латвии. 31 марта Англия предоставила Польше гарантии независимости, не отказываясь при этом от содействия германопольскому урегулированию. 7–12 апреля Италия оккупировала Албанию.

Эти события послужили началом предвоенного политического кризиса в Европе, что активизировало внешнюю политику всех великих держав и резко расширило возможности внешнеполитического маневрирования Советского Союза⁸⁹. Весной—летом

⁸⁹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971; Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2; Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. М., 1990; ДВП. Т. 22. В 2 кн. Кн. 1: 1 января — 31 августа 1939 г. М., 1992; Некрич А. М. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 — сентябрь 1939). М., 1955; Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма. (1918–1939 гг.). М., 1962. С. 241–352; Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. Пер. с фр. М., 1960. С. 278–461; Ушаков В. Б. Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961. С. 3–155; Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933–1939. М., 1963. С. 82–472; Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. Сокр. пер. с англ. М., 1972. С. 21–111; Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М., 1976. С. 189–361; Европа в международных отношениях 1917–1939 гг. М., 1979. С. 206–321, 346–373; Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939. С. 224–333; Безыменский Л. А. Разгаданные загадки третьего рейха. 1933–1941. М., 1984. С. 127–245; Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны; Альтернативы 1939 года: Документы и материалы. М., 1989. С. 222–303; Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989; Фляйшхауэр И. Указ. соч.; 1939 год. Уроки истории. М., 1990; Земцов В. Н. К вопросу о причинах и характере английской политики

1939 г. шли тайные и явные англо-франко-советские, англо-германские и советско-германские переговоры, происходило оформление англо-франко-польской и германо-итальянской коалиций. Поскольку в благожелательной позиции СССР были заинтересованы и Англия с Францией, и Германия, Москва получила возможность выбирать, с кем и на каких условиях договариваться. В своих расчетах советское руководство исходило из того, что нарастание кризиса или возникновение войны в Европе — как при участии СССР в англо-французском блоке, так и при сохранении им нейтралитета — открывало новые перспективы для усиления советского влияния на континенте. Союз с Лондоном и Парижем делал бы Москву равноправным партнером со всеми вытекающими из этого последствиями, а сохранение Советским Союзом нейтралитета в условиях ослабления обеих воюющих сторон позволяло ему занять позицию своеобразного арбитра, от которого зависит исход войны.

Продолжая действовать в рамках концепции «коллективной безопасности», советское руководство попыталось добиться заключения союза с Англией и Францией, который дал бы гарантии независимости малым странам Центральной и Восточной Европы. На первом этапе переговоров (середина апреля — середина июня 1939 г.) происходило согласование общих принципов обсуждаемого договора по дипломатическим каналам. При этом выяснилось, что Англия и Франция не спешат с определением своей позиции и не склонны брать на себя какие-либо конкретные обязательства по оказанию помощи Советскому Союзу. В ходе второго этапа переговоров (середина июня — начало августа

умиротворения в 30-е гг. // Европа в системе международных отношений (1917–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 116–136; Севостьянов Г. Н. Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. М., 1992; Европа между миром и войной 1918–1939. М., 1992; Советская внешняя политика 1917–1945: Поиски новых подходов. М., 1992. С. 131–155, 251–268; Иванов А. Г. Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993; Кризис и война. Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах. М., 1998. С. 47–88, 113–135; Челышев И. А. СССР — Франция: трудные годы 1938–1941. М., 1999; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным; Карлей М. Д. 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. Пер. с англ. М., 2005; Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). 3-е изд., исправ. и доп. М., 2008. С. 39–66; Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009; Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009.

1939 г.), которые велись в Москве, был выработан проект союзного договора, но возникла бесплодная дискуссия по вопросу о «косвенной агрессии». Третьим этапом стали военные переговоры в Москве (12–25 августа), на которых советская сторона 14 августа поставила вопрос о возможности прохода Красной армии через территорию Польши и Румынии (это, видимо, служило для советского руководства своеобразным индикатором намерений западных партнеров). Хотя Англия и Франция прекрасно знали отрицательное отношение Польши к идее пропуска советских войск через свою территорию, они еще раз попытались найти некий компромиссный вариант, который позволил бы продолжить переговоры с СССР. Однако Варшава категорически отказалась от какого-либо соглашения с Москвой. Таким образом, англо-франко-советские переговоры, как политические, так и военные, окончательно зашли в тупик, показав, что западные державы не готовы к равноправному партнерству с Москвой. Даже угроза нормализации советско-германских отношений не заставила Англию и Францию пойти на уступки Советскому Союзу.

Для Лондона и Парижа переговоры с Москвой были нужны для недопущения возможного советско-германского сближения и оказания давления на Германию, чтобы подтолкнуть ее к соглашению с западными державами. Вместе с тем Лондон довел до сведения Берлина, что переговоры с другими странами «являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией». Со второй половины июля 1939 г. Англия предлагала Германии широкую программу политического (отказ от агрессии в международных делах, взаимное невмешательство), экономического (снабжение сырьем, торговая, валютная и колониальная политика) и военного (взаимное ограничение вооружений) сотрудничества. Со своей стороны Германия предложила Англии раздел сфер влияния в мире, потребовала возврата колоний и отмены Версальского договора. Занятое локализацией предстоящей войны с Польшей, германское руководство активно поддерживало контакты с западными державами, но не спешило соглашаться на их предложения. 20 августа Германия заявила об отказе рассматривать предложения Англии до решения данцигского вопроса, являющегося «последним требованием» по пересмотру Версальского договора, после урегулирования которого «Гитлер будет готов предложить Англии союз».

Одновременно с апреля 1939 г. Германия начала зондаж СССР на предмет улучшения отношений, но советская сторона заняла выжидательную позицию, намекая, что готова выслушать любые предложения Берлина. 8 июня СССР согласился на предложение Германии возобновить экономические переговоры, но поначалу обе стороны выдвинули завышенные требования. Только 10 июля Германия заявила Советскому Союзу о готовности принять его условия по экономическим вопросам. В ходе возобновившихся с 18 июля в Берлине экономических переговоров Москва также пошла на уступки, опасаясь англо-германо-японского сговора. Одновременно Германия продолжала зондировать СССР по вопросу о разграничении взаимных интересов в Восточной Европе, постепенно конкретизируя свои предложения. В итоге 11 августа советское руководство согласилось на постепенные переговоры по этим проблемам в Москве. Назначив 12 августа срок начала операции против Польши на 26 августа, германское руководство стремилось ускорить начало политических переговоров с Советским Союзом. 19 августа было подписано советско-германское торгово-кредитное соглашение, Берлин сообщил о своем согласии «учесть все, чего пожелает СССР», и вновь настаивал на ускорении переговоров. 21 августа Берлин предложил Лондону принять 23 августа Г. Геринга для переговоров, а Москве — И. фон Риббентропа для подписания договора о ненападении. И СССР, и Англия ответили согласием! Исходя из необходимости, прежде всего, подписать договор с Советским Союзом, А. Гитлер 22 августа отменил полет Геринга в Лондон.

Фактически в европейской политике сложился своеобразный «заколдованный круг». Советский Союз стремился к соглашению с Англией и Францией, которые предпочитали договоренность с Германией, а она, в свою очередь, добивалась нормализации отношений с Москвой. Определенную роль в срыве англо-франко-советских переговоров сыграла и позиция восточноевропейских соседей СССР, которые заявляли Англии и Франции о своей незаинтересованности в гарантии их независимости с участием советской стороны. Подобный ход переговоров, наряду с угрозой англо-германского соглашения и втягивания СССР в крупный конфликт на Дальнем Востоке, где в это время шли бои с японскими войсками на Халхин-Голе, заставил Москву более внимательно отнестись к германским предложениям о нормализации двусторонних отношений. Подписанный 23 августа 1939 г. советско-германский договор о ненападении стал большим успехом советской дипломатии. Используя склонность Германии

к соглашению, советское руководство сумело добиться серьезных уступок со стороны Берлина. Советскому Союзу удалось на определенное время остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах. При этом следует подчеркнуть, что советско-германский договор о ненападении не был детонатором войны в Европе. Ведь вместо честного выполнения своих союзнических обязательств перед Варшавой Англия и Франция продолжали добиваться соглашения с Германией, что фактически подтолкнуло ее к войне с Польшей.

Таким образом, в середине 1930-х гг. Советский Союз поддержал предложенную Францией политику «коллективной безопасности», направленную на сохранение статус-кво Версальской системы международных отношений, и на этой основе был интегрирован в европейскую политику. Однако при этом следует помнить, что СССР не был творцом Версальского порядка и, как правило, его нарушение различными державами далеко не всегда напрямую затрагивало советские интересы. Естественно, что в этих условиях Москва была готова оказывать поддержку Лондону и Парижу в поддержании европейского статус-кво, но не собиралась выполнять за них эту работу. Фактически, используя экспансионистскую политику Германии, СССР стремился добиться от Англии и Франции признания за ним статуса великой державы. Однако оказалось, что Лондон и Париж более склонны к соглашению с Берлином и Римом, но не спешат привлекать Москву к решению европейских проблем.

В 1935–1936 гг. Англия, а затем и Франция заняли примиренческую позицию в отношении открытого нарушения Германией военных ограничений Версальского договора. Развитие международных событий вокруг гражданской войны в Испании явно показывало, что Англия и Франция фактически покрывают итало-германскую интервенцию. Комитет по невмешательству стал еще одной площадкой англо-франко-германо-итальянского диалога, все участники которого в большей или меньшей степени демонстрировали неприятие позиции СССР. Единственной англо-французской уступкой Москве стала международная конференция в Нионе. Осенью 1937 г. Англия и Франция фактически санкционировали экспансионистские планы Германии в Центральной и Восточной Европе. В ходе аншлюса Австрии и особенно Чехословацкого кризиса советское руководство убедилось, что Лондон и Париж не станут сотрудничать с Москвой

в деле воздействия на Германию. Осенью 1938 г. угроза консолидации великих европейских держав на антисоветской основе была в наибольшей степени реальна. Англо-французская политика «умиротворения» способствовала фактически полной утрате Лигой Наций каких-либо реальных возможностей по обеспечению международной безопасности. В этих условиях попытки Советского Союза реформировать эту международную организацию для усиления ее влияния были обречены на провал.

Исходя из идеи о неизбежности возникновения нового межимпериалистического конфликта, Москва стремилась не допустить консолидации остальных великих держав Европы, справедливо воспринимая это как главную угрозу своим интересам. Как и прочие страны, СССР лавировал в международной политике, сохраняя приемлемые отношения со всеми великими державами. Стремясь обеспечить национальную безопасность и расширить свое влияние в Европе, Москва в 1939 г. попыталась добиться заключения союза с Лондоном и Парижем. Однако, убедившись в нежелании Англии и Франции идти на равноправное партнерство и осознав, что политика «коллективной безопасности» окончательно зашла в тупик, Советский Союз занял нейтральную позицию в отношении европейского кризиса и, благодаря договору о ненападении с Германией, обеспечил свои интересы в Восточной Европе.

А. В. ШУБИН

СТАЛИН И ИСПАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

(1936–1939)

Первое крупное международное столкновение между силами фашизма и демократии произошло в Испании. Советский Союз был вовлечен в конфликт, направлял туда своих добровольцев (впрочем, как и фашисты). Не удивительно, что и сегодня продолжается спор о роли Советского Союза в защите Испанской республики и ее гибели. Была ли роль СССР благородной или Сталин просто использовал Испанию, а потом избавился от Республики, как от отработанного материала?

После начала гражданской войны в Испании важную роль в развитии событий играли внешние факторы. Помощь стран «Оси» помогла мятежникам переправить свои наиболее боеспособные части из Марокко в Испанию и развернуть наступление на Мадрид.

Военная промышленность Испании была слабо развита, современное оружие можно было купить лишь за границей. 24 июля Испания запросила дружественную Францию о возможностях закупки вооружений. Французский премьер-министр Л. Блюм слыл пацифистом, но он же был и лидером Народного фронта Франции. Как пацифист, Блюм не хотел «разжигать войну» в соседней стране, как социал-демократ — хотел помочь Народному фронту Испании. Он колебался.

Председатель испанского правительства Х. Хираль стучался и в другие двери. Он просил горючее и оружие у англичан, СССР

и сначала даже у немцев¹. Уже 22 июля Сталин принял принципиальное решение о продаже Испании горючего по льготной цене². Однако к практической реализации этого решения советское руководство подошло только в середине августа. Обстановка опять изменилась.

Интернационализация конфликта в Испании оказалась неожиданностью для европейской дипломатии. Сначала казалось, что дело быстро решится или победой переворота, или его разгромом. Вместо этого началась затяжная война, причем во многом — из-за внешнего вмешательства. Теперь с этим нужно было что-то делать.

В этой ситуации 23–24 июля Блюм прибыл в Лондон, чтобы обсудить возможности политики невмешательства, которая могла бы предотвратить помощь участникам внутрииспанского конфликта. Блюму казалось, что этот пацифистский план сможет остановить вмешательство Германии и Италии в обмен на обещание Франции и Великобритании не помогать Республике. Таким образом Франция избегала угрозы конфликта с Германией и Италией к югу от своих границ.

25 июля — 9 августа французское правительство то запрещало, то снова разрешало продажу французского оружия Испании. За это время Кот протолкнул первую поставку. До начала советской помощи Республика получила 17 истребителей и 12 бомбардировщиков, по качеству уступающих немецким и итальянским.

2 августа Франция обратилась к Великобритании и Италии, а затем ко всем заинтересованным странам, включая Германию, СССР и США, с предложением организовать режим “невмешательства” в испанские дела, полностью исключив поставку в этот очаг конфликта военных материалов. Это было бы выгодно Испанской республике, так как она в августе меньше нуждалась в помощи, чем Франко. Германия обусловила свое участие в «невмешательстве» тем, что к нему должен присоединиться также СССР. Для французской дипломатии было важно привлечь к соглашению СССР, и она снискала успех — в этот момент Франция для советского руководства была важным партнером по «коллективной безопасности». СССР боялся вернуться в положение меж-

---

¹ Виньяс А. Почему Сталин решил оказать помощь Испанской республике? Дискуссионный вопрос в историографии гражданской войны. Ч. 1 // Испанский альманах. Выпуск 2. М., 2010. С. 102.

² Рыбалкин Ю. Е. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. С. 37.

дународной изоляции, а «невмешательство» становилось клубом держав, допущенных к участию в испанских делах. Чтобы ни у кого не возникло сомнений в необходимости пустить СССР в этот клуб, 2 августа были начаты массовые демонстрации солидарности с Испанской республикой и сбор средств в помощь ей. В этот период помощь Республике увязывалось с кампанией демократических сил в мире. Как говорилось в докладе замзавотделом ИККИ П. Шубина 7 августа, «Гитлер и Муссолини стремятся сорвать морально-политическую и материальную помощь, которую народные массы во всем демократическом мире начали оказывать испанскому народу и его законному правительству. Нам надо спешить с этой помощью»³.

Подобные сигналы поступали руководству СССР и по линии разведки. 7 августа заместитель начальника Разведуправления РККА комдив Никонов и полковой комиссар Йолк делали следующие выводы: «Судьба Народного фронта в Испании в значительной степени зависит сейчас от внешнего фактора. По соотношению внутренних сил Народный фронт имеет сейчас явные шансы на победу.

Однако, в виду помощи мятежникам со стороны германского и итальянского фашизма перспективы Народного фронта значительно ухудшаются. Неполучение Мадридом существенной поддержки извне может иметь тяжелые последствия для исхода борьбы»⁴.

Получив предложение Франции о невмешательстве, заместитель наркома иностранных дел Н. Крестинский советовал Сталину: «Мы не можем не дать положительный, или дать уклончивый ответ, потому что это будет использовано немцами и итальянцами, которые этим нашим ответом будут оправдывать свою дальнейшую помощь повстанцам»⁵. Советское руководство склонялось к поддержке «невмешательства», но при этом оказывала невоенную поддержку Республике. 17 августа Политбюро постановило продать Мадриду мазут на льготных условиях⁶. Теперь мазут пошел в Испанию.

Были оперативно установлены официальные дипломатические отношения между Испанией и СССР (которых раньше не было),

---

³ Коминтерн и гражданская война в Испании. М., 2001. С. 116.

⁴ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 845. Л. 9.

⁵ Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М., 2001. С. 339.

⁶ Там же. С. 340.

и 24 августа в Мадрид прибыл советский полпред М. Розенберг. В Москву был направлен посол М. Паскуа.

15 августа соглашение о «невмешательстве» было подписано Великобританией и Францией. 21 августа об участии в «невмешательстве» заявили Италия и Португалия, 23 августа — СССР, 24 августа — Германия. 9 сентября 1936 г. был создан Международный комитет по невмешательству, в который со временем вошло 27 государств. При этом, как отмечает историк В. В. Малай, «политическая наивность — полагать, что помощь прекратится — не была свойственна никому из европейских лидеров, начинавших непростую игру под названием “невмешательство”»⁷.

Испанский историк А. Виньяс считает, что «республиканцы совершили чудовищную ошибку, когда не оказали жесткого сопротивления принятию Лигой Наций Пакта о невмешательстве»⁸. Но кто бы стал считаться с мнением Испанской республики, когда по этому поводу определились Лондон и Париж? Через два года Чехословакия окажет «жесткое сопротивление» заключению Мюнхенского пакта, и ее представителей просто выставят за дверь. С того момента, как Франция нашла для себя выход в «невмешательстве», остановить проведение этой политики было нельзя. Испания должна была сопротивляться международному произволу не на дипломатическом паркетe, а на полях сражений. И она делала это.

Бурная дипломатическая активность вокруг испанской трагедии создает у некоторых авторов впечатление, что «судьба республики решалась не в Мадриде»⁹. Именно из этого и исходили «вершители судеб мира» в Лондоне, Париже, Берлине и Риме. Кто такие эти испанцы, чтобы решать свою судьбу?! Но дипломатические игры три года буксовали, потому что судьба Испании решалась хоть и не только в Мадриде, но в Мадриде — не в меньшей степени, чем за пределами Испании. Потому что, если бы республиканцы не остановили франкистов под Мадридом, в европейских кабинетах по «Испанскому вопросу» нечего было бы даже обсуждать. Те авторы, которые убеждают нас, будто «Испанская война выигрывалась и терпела поражение не в Бургосе

---

⁷ Малай В. В. СССР в Испании (1936): малоизвестные страницы (по материалам Архива внешней политики Российской федерации) // Испанский альманах. Выпуск 2. М., 2010. С. 129.

⁸ Viñas Á. El honor de la República. Barcelona, 2009. P. 543.

⁹ Малай В. В. Судьба Республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских отношений в канун II мировой войны, 1936–1939. Белгород, 1999.

и Мадриде, не у Теруэля или вдоль Эбро, а в кабинетах Европы»¹⁰, пытаются доказать бессмысленность сопротивления воле мироправителей. Получается, не нужно было лить кровь на полях сражений. Достаточно было покорно ждать, что решат в европейских кабинетах. А там уже быстро решили — сопротивление Республики бессмысленно, оно мешает умиротворению. Но оно продолжало мешать. И в этом было его глубокое значение. Это осознало советское руководство. Испания приняла на себя удар фашизма, и не сдалась. Начинается сражение на дальних подступах. Следует помогать Народному фронту, потому что он уже начал войну, к которой готовился СССР.

Единственной страной, которая в силу своей удаленности от Германии, Италии и Японии могла не просто помогать Испанской республике, но делать это открыто, была Мексика. Президент Карденас говорил в марте 1937 г.: «нам нечего скрывать нашу помощь Испании, мы будем продолжать снабжать ее оружием»¹¹. Современного оружия Мексика не производила. Она могла быть формальным посредником для тайных поставок оружия из СССР.

Для СССР и по идеологическим, и по внешнеполитическим соображениям было принципиально важно, чтобы Республика не была разгромлена. Сталин решил протянуть ей руку помощи, хотя бы и через всю Европу, где многие хотели бы эту руку «укусить».

В. В. Малай связывает «резкие изменения в политике СССР», то есть решение советского руководства оказать военную помощь Испании с формированием правительства Ф. Ларго Кабальеро, в которое вошли коммунисты¹². Но изменения были не столь уж резкими, и здесь, очевидно, действует обратная причинно-следственная связь. Коммунисты получили разрешение войти в правительство потому, что советское руководство решило всерьез действовать в Испании. Ведь еще с начала августа в СССР раскручивалась кампания солидарности с Испанской республикой. Уже 9 августа Н. Крестинский докладывал Сталину о подготовке закупок для Испании от имени «третьего государства» (для этого подходила Мексика)¹³. Но до начала сентября, пока формировался Комитет по невмешательству, нужно было

¹⁰ Puzzo D. Spain and Great Powers. 1936–1941. N. Y, 1961. P. 195.

¹¹ АВП. Ф. 97. Оп. 14. П. 3. Д. 5. Л. 52.

¹² Малай В. В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа. М., 2011. С. 27.

¹³ Там же. С. 23–24.

проверить, насколько это невмешательство будет соблюдаться Германией и Италией, исходя из чего дозировать собственную помощь Республике. По мере того, как невмешательство рушилось на глазах, активизировалась и работа по помощи Испании. Но Сталину нужны были гарантии. Формирование правительства широкой антифашистской коалиции оказалось очень кстати, и коммунисты согласились войти в правительство Ф. Ларго. Характерно, что при формировании правительства Народного фронта во Франции они в кабинет не входили, не желая брать на себя правительственную ответственность.

6 сентября 1936 г. Сталин дал указание Кагановичу изучить возможность переправки самолетов в Испанию под видом закупок в Мексике. 14 сентября по указанию политического руководства иностранный отдел НКВД и Разведуправление НКО разработали план «операции X» — отправки военной помощи Испании.

Германия и Италия были ближе и могли спокойно перебрасывать военные материалы и войска через Португалию. Португальский диктатор Салазар активно поддерживал Франко, и проконтролировать переброску «нелегальных грузов» через португальско-испанскую границу было практически невозможно. Более того, осенью 1936 г. полиция Бордо вскрыла контрабанду даже французского оружия (бомб) в пользу Франко¹⁴.

Советский Союз был далеко, а Италия — близко. Транзит грузов из Германии и Италии в Португалию и дальше к Франко шел гораздо интенсивнее, чем полулегальные поставки, организованные СССР. В результате Франко получил очевидную выгоду от политики «невмешательства». Приобретя боеприпасы и авиацию, франкисты стали стремительно продвигаться вперед.

Осознав, что политика невмешательства не способна помочь Республике, советское руководство 26 сентября приняло решение об оказании военной помощи Испании. Сделано это было не без колебаний — еще накануне советская сторона давала понять республиканцам, что не заинтересована в эскалации конфликта и опасается расширения интервенции фашистов¹⁵.

7 октября 1936 г. советский представитель С. Б. Каган выступил с разоблачением грубых нарушений соглашения о «невмешательстве» Италией, Германией и Португалией. Он констатировал, что в условиях постоянного потока помощи мятежникам, в частности, через Португалию, соглашение о невмешательстве

¹⁴ АВП. Ф. 97. Оп. 14. П. 3. Д. 6. Л. 56.

¹⁵ Alvarez del Vayo J. Les batailles de la liberte. Paris, 1963. P. 237.

фактически не действует. Если это не прекратится, если нарушения в Португалии не будут расследованы, СССР грозил выходом из соглашения.

Первый пароход с советским оружием прибыл в Испанию 14 октября (десятью днями ранее советское оружие привез испанский пароход). Помощь пришла вовремя. В октябре 1936 г. развернулись бои на подступах к столице Испании. 22 октября фашисты начали бомбить Мадрид. 28 октября в бой вступили советские летчики, а 29 октября — танки. Советские военные специалисты помогали в планировании операций. В ходе ожесточенного сражения 7–23 ноября республиканцы отстояли Мадрид¹⁶.

С осени 1936 г. СССР, Германия и Италия вмешивались в конфликт в Испании почти открыто. Поставки по воде были связаны с большим риском, так как итальянцы развернули в Средиземном море подводную войну. В ноябре 1936 г. в результате атаки Картахены подводными лодками был поврежден крейсер «Мигель Сервантес». Министр авиации и флота Прието комментировал: «мятежники никогда не располагали собственными подводными лодками»¹⁷. Сомнений не было — это были итальянцы. 14 декабря 1936 г. фашистами был потоплен советский пароход «Комсомол». К середине 1937 г. было потоплено еще два советских корабля. Более 80 советских кораблей было задержано.

Впрочем, СССР не собирался выходить из соглашения по «невмешательству», которое в октябре 1936 г. не соблюдали ни Германия, ни Италия, ни сам СССР. Во-первых, необходимо было сохранять с таким трудом налаженные отношения с Францией как с потенциальным союзником против Германии в Центральной и Восточной Европе (французы предупредили, что в случае столкновения СССР и Германии в Испании советско-французский пакт действовать не будет). Во-вторых, СССР не хотел в это время выглядеть международным буяном, срывающим миротворческие инициативы. В-третьих, механизм «невмешательства», как казалось, позволяет хотя бы отчасти контролировать и сдерживать вмешательство Германии и Италии. В действительности, поняв, что французские демократы предали испанских демократов из страха перед войной и революцией, фашистские державы в Испании практически не стеснялись в действиях.

---

¹⁶ Подробнее см.: Шубин А. В. Великая испанская революция. М., 2011. С. 250–270.

¹⁷ АВП. Ф. 97. Оп. 14. П. 3. Д. 6. Л. 57.

23 октября на заседании Комитета по «невмешательству» СССР заявил о том, что ввиду систематических нарушений другими странами соглашения о невмешательстве советское правительство не может считать себя связанным им в большей степени, чем любой из остальных участников этого соглашения. Таким образом, СССР провозгласил, что будет соблюдать соглашение в той же степени, что и Германия, и Италия. То есть — в минимальной.

Согласованные Комитетом меры контроля за военными поставками в Испанию, принятые 15 февраля 1937 г. при фактическом игнорировании советских предложений, касались прежде всего испанских портов. При этом поставки по воздуху и через Португалию не контролировались. Это значит, что «невмешательство» было направлено прежде всего против помощи Республике.

Обобщая для советского руководства ход военных действий на море, капитан второго ранга Алафузов писал: различие в положении двух сторон заключается в том, что фашистские перевозки производились на итальянских и немецких судах под прикрытием итальянского военного флота, на который республиканцы не могли напасть, а «перевозки оружия в республиканские порты производились почти исключительно на республиканских торговых судах, и уже это полностью развязывало руки фашистам... Все это привело к тому, что роли в борьбе на коммуникациях распределились таким образом, что республиканцы остались стороной, борющейся за сохранение своих коммуникаций и ни в какой мере не посягающей на коммуникации противника, фашисты — стороной стремящейся нарушить коммуникации противника и несколько не озабоченной защитой своих коммуникаций»¹⁸.

Таким образом, уже к октябрю 1936 г. стало ясно (и затем этот факт находил все больше подтверждений), что «невмешательство» стало формой умиротворения агрессора со стороны Великобритании и Франции. Правительство Народного фронта Франции готово было оставить Народный фронт Испании на съедение фашистам. В этих условиях у Республики остались два союзника — СССР и Мексика. Оба — крайне удаленные от места событий. И только СССР производил современное оружие, которое могло тягаться с германским и итальянским.

С августа в Испанию стали прибывать советские военные специалисты. Всего в Испании присутствовало около 4 тысяч советских граждан.

---

¹⁸ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 450. Л. 2.

Общий объем «операции X» был подсчитан в итоговом отчете заместителя начальника 11 отдела генштаба майора Пенчевского и начальника 2 отделения этого отдела военинженера 1-го ранга Обыдена. Отчет суммировал данные по перевозкам до 21 января 1939 г. Всего в ходе «Операции X» был организован 51 рейс: по маршруту Черное море—Картахена — 32 рейса, Ленинград—Бильбао — 2, Мурманск—Франция — 14, через третьи страны — 3 рейса. Пароход «Гильзинек» прибыл в Бордо 30 января, но из-за падения Каталонии уже не был разгружен и вернулся. Общий тоннаж 50 пароходов составил 286 600 т.

В Испанию Советским Союзом был отправлен 701 самолет, 156 453 бомбы, 64 748 320 авиапатронов, 615 запасных моторов.

Разнообразна была номенклатура артиллерии и боеприпасов: орудий среднего калибра — 334, крупного — 135. Итого — 469. Снарядов среднего калибра было отправлено 879 849, крупного — 217 142. Итого — 1 096 991 снаряд этих калибров. Еще было отправлено 185 45-мм противотанковых орудий, 30 45-мм танковых орудий, 2 095 978 45-мм снарядов, 30 пушек Маклена, 441 000 37-мм снарядов, 64 зенитных орудий и 161 909 снарядов к ним. Итого — 778 орудий и 3 795 878 снарядов.

Советский Союз поставил Испании 281 танк Т-26 и 50 танков БТ, 60 броневиков, 7019 станковых пулеметов, 12 650 ручных пулеметов (в том числе 2 000 чешских), 424 183 винтовки, в том числе 50 000 чешских, 860 188 724 винтовочных патрона, в том числе 60 600 200 чешских, 4 торпедных катера, 16 торпед, 400 глубинных бомб, 54 патронных станка, 19 раций, 25 прожекторов.

Стоимость всего имущества, переправленного на 48 пароходах, составила 171 236 083 доллара. Не оплаченными оказались два последних — «Виннипег» и «Бонифацио»¹⁹.

Эффективность использования этого оружия могла быть куда выше. Как докладывал в 1938 г. Р. Малиновский, «если посчитать брошенное оружие республиканцами за всю войну, то его хватило бы с избытком на целую новую армию...»²⁰

¹⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1258. Л. 1–20. Иные данные приводит историк Ю. Е. Рыбалкин: 648 самолетов, 347 танков, 60 бронемашин, 1186 орудий, 340 минометов, 20 486 пулеметов, 497 813 винтовок (Рыбалкин Ю. Е. Указ. соч. С. 44.). Разница, как видим, не принципиальная. Ю. Е. Рыбалкин ссылается на различные источники, включая зарубежную литературу. Подсчеты советских офицеров по отдельным видам вооружений можно считать более точными, потому что они суммировали внутренние данные Генштаба.

²⁰ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 483. Л. 74.

Впрочем, Сталин предпочитал вести беспронятную игру. Поставки советского оружия оплачивались за счет золотого запаса Испании. 510 тонн испанского золота прибыло в Одессу 5 ноября 1936 г. Этот запас был исчерпан только к концу 1938 г., и лишь последние, уже нерегулярные поставки были произведены «в кредит».

Первоначально советские специалисты с удовольствием докладывали: «Воздушные бои неизменно заканчиваются перевесом в нашу сторону»²¹. Советским летчикам удалось добиться прекращения систематических бомбардировок глубоких тылов республики, включая Картахену и Альбасете. «Хейнкели» и «Фиаты» отставали от И-15 по маневренности и от И-16 — по скорости. Ситуация стала меняться к худшему в середине 1937 г., когда в воздухе появились «Мессершмитты-109» и «Хейнкели-111», а союзники Франко стали резко наращивать поставки.

Советские летчики в Испании работали до изнеможения: за 5 месяцев в среднем на каждого приходилось по 250 часов боевой работы. «Без советских пилотов война с началом помощи пошла бы намного хуже для Республики, попросту потому, что в битве при Мадриде у нее не было достаточного количества опытных летчиков, и мало кто был знаком с новыми самолетами, прибывавшими с Востока»²², — считает историк А. Виньяс.

Потери авиации составляли 400 % в год. Роль советских специалистов-авиаторов в 1936–1938 гг. оставалась ключевой. Все решения испанского авиационного командования согласовывались с главным советником авиации Я. Смушкевичем. «Можно сказать, что Смушкевич, оставаясь формально на положении советника, фактически является руководителем всей авиации»²³.

Советские танки БТ-5 и Т-26 также превосходили немецкие и тем более итальянские. Но в условиях гористого рельефа Испании возможности применения танков были ограничены.

В целом, конечно, вмешательство фашистских государств значительно превышало помощь СССР. Прежде всего, Италия и Германия направили в Испанию свои боевые части, а не только советников. Здесь постоянно находилось до 50 000 итальянских солдат и до 10 000 немецких²⁴. Через Испанию прошли 150–200 тыс. итальянцев и 50 тыс. немцев²⁵. По советским данным, Германия и Ита-

---

²¹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 278. Л. 218.

²² Viñas Á. El escudo de la República. Barcelona, 2007. P. 633.

²³ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 360. Л. 12.

²⁴ Thomas H. The Spanish Civil War. Harmondsworth, 1986. P. 977–978.

²⁵ Рыбалкин Ю. Е. Указ. соч. С. 18.

лия поставили в Испанию соответственно: 593 и 1000 самолетов, 250 и 950 танков и бронемашин, 700 и 1930 орудий, 6174 и 1426 минометов, 31000 и 3436 пулеметов, 157306 и 240747 винтовок²⁶. Это гораздо больше, чем мог себе позволить СССР.

Старт Гражданской войны, всеобщее вооружение активных граждан в Республике, привели к началу уже не просто социально-политической, а глубокой социальной революции — качественных изменений системы собственности и власти. Эта революция определила многое в дальнейшем ходе событий. В результате проведения индустриальной коллективизации (инкаутации, социализации) в Испании, прежде всего в Каталонии и Арагоне, возник новый сектор экономики, качественно отличавшийся как от капиталистического, так и от государственного — прежде всего развитой системой производственной демократии, участия труженика в принятии производственных решений.

Анархо-синдикалистам и левым социалистам удалось создать относительно эффективную и относительно демократическую социальную систему (насколько это возможно в условиях гражданской войны), основанную на производственной демократии. Несмотря на тяжелую экономическую ситуацию, вызванную войной и расколом страны, коллективизированная промышленность не допустила резкого падения производства. Введение системы производственной демократии обеспечило ту эффективность производства, которая вообще была возможна на испанских предприятиях того времени в условиях войны и частичной экономической блокады. Однако модель самоуправления и производственной демократии, координируемой профсоюзами и полугосударственными общественными структурами, не устраивала представителей других политических сил. В 1937 г. это привело к резкому обострению политической борьбы в республиканском лагере. Борьба против производственной демократии, предпринятая в период правления Х. Негрина (1937–1939), способствовала падению экономических показателей по сравнению с временами правительства Ф. Ларго Кабальеро (1936–1937)²⁷.

С сентября 1936 г. по май 1937 г. правительство Республики во главе с левым социалистом Ф. Ларго Кабальеро содействовало глубоким социальным преобразованиям. Об этом нужно помнить тем, кто сегодня проводит романтические параллели между Донецкой и Луганской «народными» республиками и Испанской

---

²⁶ Там же. С.44.

²⁷ См. Шубин А. В. Великая испанская революция. С. 213–226.

республикой. ДНР и ЛНР не проводят глубоких социальных преобразований, их идеология связана с русским национализмом, то есть ближе к врагам республики, чем к ее друзьям. Впрочем, на стороне Франко тоже сражались русские добровольцы, хотя их было немного, куда меньше, чем итальянских и немецких.

В первой половине 1937 г. нарастали противоречия в республиканском лагере. Коммунисты выступали против той революции, которая разразилась в Испании, они считали, что эта революция ведет в сторону от общества советского образца, к которому они стремились, и к тому же мешает победе Республики. В последнем они сходились с либеральным президентом М. Ананьей, социалистами-государственниками И. Прието и Х. Негрином. Политический центр Республики уходил вправо, коммунисты становились центром консолидации «партии порядка», противостоявшей социальной революции. Ларго Кабальеро стоял на стороне происходившей в Испании революции и потому, что считал ее средством мобилизации активности масс, необходимой для победы над фашизмом, и потому, что революция придавала борьбе ясный смысл — победа нового общества над старым, а не просто сохранение той Испании, которая существовала до 1936 г. Ларго Кабальеро и его сторонники искали модель нового общества, которое образуется в ходе революции и будет соответствовать принципам демократического социализма. Познакомившись поближе с идеями, которые отстаивали вошедшие в правительство синдикалисты из НКТ, кабальеристы стали склоняться к идее создания общества, основной структурой, ядром которого являются профсоюзные организации трудящихся.

В феврале—марте 1937 г. среди советских советников и представителей Коминтерна образовалась влиятельная группа, выступавшая за отставку Ларго Кабальеро с поста не только военного министра, но и премьер-министра. «Мотором» этой группы был представитель Коминтерна в Испании И. Степанов (С. Минеев). Против Ларго Кабальеро был настроен Г. Димитров, за его смену выступал Я. Берзин (выражавший мнение и других советников как их начальник) и Горев. Вскоре эту позицию будет отстаивать и посол Гайкис. А. Виньяс настаивает: «Наконец, установлено документально, что позиция Сталина и Коминтерна заключалась в поддержании Ларго Кабальеро во главе Правительства. В этом вопросе сталкивались приказы из Москвы, и то, что фильтровал из Испании “Степанов”»²⁸. Нет, это не установлено. Во всяком

---

²⁸ Ibid. P. 570.

случае, А. Виньяс не доказал, что Степанов обладал монополией на информационные связи между Валенсией и Москвой. Также ни А. Виньяс, ни другие сторонники версии о том, что свержение Ларго было проведено вопреки воле Сталина, не доказали, что вопрос о сохранении Ларго был для Сталина принципиальным в его политике в Испании. В противном случае Степанову нечего было бы «фильтровать». Для Сталина был принципиален не Ларго Кабальеро во главе правительства, а контроль за ситуацией. Если бы Сталин был недоволен, как Степанов «фильтровал» его указания в Испании, Степанову бы потом не поздоровилось бы. Но его жизнь сложилась благополучно²⁹.

17 марта Степанов писал в Москву о возможности в ближайшем будущем (десятка дней) «форсировать реорганизацию министерства при другом министре войны или создать министерство без Кабальеро»³⁰. Из контекста видно, что во втором случае слово «министерство» употреблено в смысле «правительство».

Вывод Степанова на этот раз категоричен и недвусмысленен: «Здесь все согласны, что директивы — советы из дому абсолютно правильны во всех вопросах, только в одном вопросе они превзойдены событиями, это в вопросе, касающемся возможности найти общий язык с Кабальеро. (Подчеркнуто читателем в Москве. Этим читателем скорее всего был Димитров, может быть —

---

²⁹ А. Виньяс вообще пытается представить Степанова неким самостоятельным игроком на испанской политической сцене, который может проводить политику, противостоящую самому Сталину: «Неясен момент, когда становятся очевидными во всей полноте расхождения по вопросу желаемой будущей роли для Ларго Кабальеро. В этой части видно, насколько линия «Степанова» противоречит линии, неоднократно заявленной Москвой. Тот факт, что преданный и сверхидейный агент поддерживал это противоречие в вопросе, который отнюдь не был пустяковым, может объяснить то, что в критичный момент Коминтерн решил отправить Тольятти в Испанию, независимо от того, был ли он там раньше или нет. Патетическое обращение «Степанова» от 11 мая, в котором он просит совета (*feedback*, в современной терминологии) у своего руководства, позволяет думать, что он уже не чувствовал себя уверенно на земле, по которой ступал» (Р. 570). Если в письме от 11 мая и есть признаки «неуверенности», то объясняется это не «расхождениями» со Сталиным, а тем, что 7–17 мая был неясен политический исход майских столкновений в Барселоне, и он мог оказаться совсем неблагоприятным для коммунистов. Разумеется, никаких расхождений в курсах Сталина и Степанова не было, «аватар» Сталина просто шел впереди, а Сталин был осторожнее. Но результат получился тот, к которому стремился Степанов, и Сталин его за это не наказал.

³⁰ Коминтерн и гражданская война в Испании. С. 222.

Мануильский³¹. Оба были обязаны донести столь важную информацию до Сталина. — *А. III.*) Здесь все согласны признать, что дальнейшее согласие невозможно, что все возможности исчерпаны, что нужно взять руководящую позицию, заставить Кабальеро отказаться от поста военного министра и, если это понадобится, то и от поста председателя совета министров»³². Именно этот план будет в реальности осуществлен в течение ближайших месяцев. Причем осуществлен с ведома Москвы. И было бы очень наивно думать, что это могло быть сделано вопреки воле Сталина (тем более, что по окончании войны проводник этой политики С. Минев не был репрессирован, а продолжил работу в секретариате Коминтерна).

Публично Сталин все еще поддерживал Ларго Кабальеро. 20 марта, на встрече с Р. Альберти и М. Т. Леон он говорил, что «Ларго Кабальеро продемонстрировал свою готовность бороться с фашизмом. Он должен был оставаться на посту председателя Правительства»³³. Но при этом Сталин уже прощупывает почву для перемен в республиканском правительстве в соответствии с планом Степанова: «Было бы лучше, чтобы военное руководство перешло в другие руки»³⁴.

Пытаясь понять Сталина, всегда нужно иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, он далеко не всегда говорил то, что думал, первым встречным иностранцам (а иногда, особенно в 1937 г., — и в ближнем окружении). Во-вторых, никогда не забывая о стратегических целях, тактически Сталин обычно действовал по ситуации, маневрировал³⁵.

Его люди сообщали из Испании, что пора свергать Ларго Кабальеро. Сталин не одергивал их, но предлагал пока начать с малого. 14 марта на встрече с Ворошиловым, Молотовым, Кагановичем, Дмитриевым, Марти и Тольятти Сталин высказал-

---

³¹ Там же. С. 285.

³² Там же. С. 231.

³³ Viñas Á. El escudo de la República. P. 469.

³⁴ Ibid. А. Виньяс на основании этого интерпретирует Сталина так: «но целью было одно: демократическая Республика». Я бы добавил: «народно-демократическая».

³⁵ На мой взгляд, именно эти качества он проявлял в такие важные периоды, как 1929–1930 гг., и весной 1937 г., и в августе 1939 г., и в первой половине 1941 г. См., например: Шубин А. В. Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 20–30-е гг.; Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне. 1929–1941; Шубин А. В. 1937. «Антитеррор» Сталина. М., 2010.

ся в том духе, что фигура Ларго Кабальеро на посту председателя правительства является, конечно, предпочтительной, и сейчас нет на этот пост лучшей кандидатуры. Но необходимо убедить его оставить пост военного министра и в ходе реорганизации правительства по возможности расширить позиции компартии³⁶.

Советский полпред Л. Гайкис тактично разъяснял руководству, что невозможно отделить вопрос о военном ведомстве от проблемы конфликта Ларго Кабальеро и коммунистов в целом. Гайкис считал, что после Гвадалахары «успехи на Центральном фронте внесли самоуспокоение и ослабили нажим со стороны всех сторонников радикальных перемен в военном руководстве и военной политике, который Кабальеро воспринял как борьбу, направленную против него»³⁷.

7 апреля, направляя донесение в Москву, Гайкис уже исходит из необходимости добиваться свержения Ларго Кабальеро, если он откажется сдать пост военного министра. Он сообщает, что окружение Ларго Кабальеро — Аракистайн, Барайбар и Агирре пытаются «путем закулисных комбинаций» сохранить «старика» в качестве премьер-министра, заняв пост военного министра одним из его сторонников³⁸. Здесь Гайкис уже исходит из того, что Москва не собирается держаться за Ларго в качестве премьера.

Л. Гайкис утверждал: «Борьба реформистской верхушки с коммунистической партией облегчается рядом субъективных качеств престарелого и строптивого Ларго Кабальеро, действующего в силу специфических здешних условий в качестве политического диктатора»³⁹.

Противники премьера возобновили атаку на военное руководство, невзирая на то, что одержанную республиканской армией первую (и как оказалось — последнюю) очевидную военную победу. Но прокоммунистический блок критиковал и ее результаты как недостаточные. Гайкис надеялся, что растет поддержка идеи «смены военного руководства как решающей предпосылки обеспечения победы»⁴⁰. По его мнению: «Таким образом, в ближайшее время может встать вопрос, либо сохранить нынешнее военное руководство, подвергая тем самым серьезному

---

³⁶ The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949. New Haven, 2003. P. 58.

³⁷ АВП. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 49. Л. 35.

³⁸ Там же. Л. 50.

³⁹ Там же. Л. 49.

⁴⁰ Там же. Л. 46.

риску объективно возможную победу, либо обеспечить условия для победы хотя бы ценою некоторого серьезного внутреннего потрясения, вызванного вынужденным уходом Кабальеро с поста военного министра, если в конечном счете не удастся добиться конечных перемен»⁴¹. Финал фразы особенно примечателен. Что это за «конечные перемены»? Очевидно, что Ларго Кабальеро должен был воспротивиться уходу его с руководства военным ведомством и чистке от его военных сотрудников — как раз тогда, когда республиканцам наконец улыбнулась военная удача. С какой стати отправлять в отставку военное руководство, которое смогло одержать первую несомненную победу? Зачем менять его на людей, связанных с компартией, которые еще не доказали, что будут руководить лучше, зато в случае победы наверняка свернут голову партнерам по Антифашистскому фронту, опираясь на штыки? И что делать инициаторам нынешней военной чистки, если Ларго Кабальеро не согласится на разделение постов? А он скорее всего не согласится.

1 апреля военный советник «Санчо» (В. Горев) также выразился вполне определенно: «Не стоит держаться во что бы то ни стало за Кабальеро. Он достаточно умный старик для того, чтобы понять, что компартия считает его участие в правительстве если не обязательным, то крайне желательным. Потому на каждый нажим компартии он отвечает угрозой кризиса... В случае его упрямства лучше выиграть войну без Кабальеро, чем проиграть ее с ним»⁴².

Таким образом, после Гвадалахары у советских представителей и в коммунистическом руководстве возникает ощущение, что пора делить шкуру не убитого, но серьезно раненного фашизма. А значит, даже ценой «некоторого внутреннего потрясения» необходимо отстранить Ларго Кабальеро от руководства армией, а если он будет этому сопротивляться — то и правительством. Пора установить контроль над армией, чтобы после победы над Франко не упустить плоды победы.

Внутренние раздоры, более характерные для Республики, чем для режима Франко, были опасны для нее не сами по себе. Лишь в короткие моменты они могли нести угрозу фронту, и Франко этими моментами не воспользовался. К тому же, как справедливо пишет историк В. В. Малай, «политическое единство отсутствовало и в лагере мятежников (карлисты, мо-

---

⁴¹ Там же. Л. 50.

⁴² РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 334. Л. 26.

нархисты, фалангисты и пр.), что играло на руку защитникам республики»⁴³.

Внутриполитические конфликты негативно сказались на судьбе Республики не столько своим ходом, сколько исходом в мае 1937 г. 3 мая 1937 г. прокоммунистическая Объединенная социалистическая партия Каталонии (ОСПК) и каталонские националисты спровоцировали вооруженные столкновения с анархо-синдикалистами в Барселоне. Коммунисты в остальной Испании развернули кампанию в прессе, которая объявляла столкновения «анархо-троцкистским мятежом» («троцкистами» сторонники КПИ считали ПОУМ — небольшую, но энергичную Объединенную марксистскую рабочую партию, которая критиковала сталинский режим слева). Несмотря на то что сторонам удалось достичь соглашения о прекращении огня, столкновения 3–6 мая были использованы противниками НКТ и ПОУМ для установления контроля над Барселоной и начала репрессий против «анархо-троцкистской» оппозиции. Но пока сохранялось правительство Ларго Кабальеро, расследование событий в Барселоне могло привести к компрометации ОСПК и коммунистов в целом. Поэтому для коммунистов стало делом принципа скорейшее свержение Ларго Кабальеро, не соглашавшегося с трактовкой столкновений как «анархо-троцкистского» мятежа. Таким образом задуманное коммунистами еще в марте отстранение Ларго от реальной власти стало в мае непосредственной задачей. В сложившейся ситуации коммунистов фактически спасли лидеры правого крыла ИСРП и президент Асанья.

Семнадцатого мая М. Асанья поручил формирование правительства социалисту Х. Негрину, ориентированному на теснейшее сотрудничество с СССР и КПИ⁴⁴.

У антифашистов был не один (внешний), а как минимум два фактора сопротивления — революция и помощь СССР. В сложившихся условиях нельзя было победить, имея только один из них. Парализовав революцию, новое испанское руководство убило стимулы самоотверженной борьбы за победу. Ларго Кабальеро мог совмещать оба этих источника силы Республики. Негрин отказался от одного из них. Он и его сторонники рассчитывали, что уж просоветскому правительству СССР окажет

---

⁴³ Малай В. В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа. С. 129.

⁴⁴ Там же. С. 358–409.

еще большую помощь. Однако Советский Союз и так оказывал ту помощь, какую мог.

В 1936 г. Испания для СССР была важнейшим направлением европейской политики, но в условиях нарастающих угроз и ограниченных ресурсов Советского Союза это не могло продолжаться вечно. Отношение Сталина к Испанской республике нередко связывают с его капризным характером. Так, Ю. Рыбалкин утверждает: «Позиция Сталина в отношении Испанской республики была непредсказуемой и менялась в зависимости от его настроения, обстановки на фронтах Пиренейского полуострова и международной арене. Постепенно интерес Сталина к стране «Х» пропал, наоборот, возникло неприятие. С середины 1937 г. на заседаниях Политбюро ЦК ВКП (б) чаще стали обсуждать вопросы помощи не Испании, а Монголии и Китаю (страна «Z»), а также проблемы борьбы с «антигосударственными элементами» внутри страны. Перемены в настроении Сталина сказались на объемах и интенсивности военных поставок Республике»⁴⁵. «Капризный» Сталин. Нет бы забыть о Китае и внутривнутриполитических проблемах и заниматься только Испанией...

Испанский историк А. Виньяс комментирует мнение Ю. Рыбалкина: «Наконец, такие авторы, как Рыбалкин (2007), вводят личный фактор. Сталин перестал интересоваться Республикой так, как раньше.

Вряд ли это можно объяснить переменами настроения, хотя такой вариант тоже нельзя исключать»⁴⁶. Так исключать или не исключать? Все-таки этот вопрос принципиален, ибо категорически поставлен Ю. Рыбалкиным. Были ли паузы в снабжении вызваны настроением Сталина или конкретными военно-политическими причинами? А причины такие были. Помощь «стране Z» (Китаю) была обусловлена не капризным настроением Сталина, а вполне конкретной угрозой с востока.

Несмотря на некоторые колебания, А. Виньяс все же развивает версию о «парадоксальности», то есть в данном случае неразумности поведения Сталина в отношении к Испании в 1937 г.: «Начиная с лета 1937 в динамике внешних поставок создалась парадоксальная ситуация, которая имела драматические последствия для республиканцев. Муссолини продолжил и даже усилил

---

⁴⁵ Рыбалкин Ю. Указ. соч. С. 45–46.

⁴⁶ Viñas Á. Armas y hombres para España. Los apoyos exteriores en la guerra civil. Los apoyos exteriores en la guerra civil. // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.1. Barcelona, 2008. P. 401.

поддержку Франко»⁴⁷. А Сталин ослабил поддержку своих верных друзей.

С точки зрения сторонников республиканской «партии порядка», при Ларго Кабальеро Республика не могла победить, потому что это правительство было слишком уж революционным, а при умеренных и рассудительных Негрине и Прието победа забрезжила на горизонте, но помахала Республике ручкой. Кто виноват? Ну конечно Сталин, кто же еще. В самый удачный момент после мая (летом) «парадоксальный» Сталин перекрыл кислород, подчиняясь капризу, перемене настроения: «В свете событий, Негрин и Прието в качестве председателя правительства и министра обороны соответственно, быстро заметили, что ветер с востока больше не дует в том же направлении и с той же силой, что раньше»⁴⁸.

Но так ли «быстро» это произошло? Летом ли? И парадоксальным ли образом?

Для А. Виньяса и сторонников версии «Сталин — человек настроения» важно показать, что СССР перестал помогать Республике именно в тот момент, когда она получила надежные шансы на победу. «Когда Республика наконец получила сильное правительство и покончила с внутренними разногласиями, которые сделали безрезультатными многие ее усилия в течение первого года войны, новые руководители, начиная с Негрина и Прието, столкнулись с некоторой отчужденностью Советского Союза. Сталин снова изменил подход в ноябре 1938 г., но было уже слишком поздно»⁴⁹. Но испанские лидеры столкнулись с «отчуждением» Сталина не сразу, и новые поставки шли в Испанию все же не только с ноября 1938 г., но и раньше. Поставки продолжались во второй половине 1937 г. и были относительно регулярными — в среднем по одной в месяц, в марте 1938 г. — три, а в апреле — две⁵⁰.

Утверждение о том, что Сталин «отвернулся» от Испании именно тогда, когда в Республике образовался «дееспособный» режим, призвано «объяснить», почему эта «дееспособность» вылилась не в победы (а ведь прежде была Гвадалахара), а в сплошные неудачи. В действительности Сталин дал Негрину и Прието достаточно времени, чтобы проявить себя. Советские поставки

---

⁴⁷ Op. cit. P. 399.

⁴⁸ Op. cit. P. 407.

⁴⁹ Op. cit. P. 411.

⁵⁰ Op. cit. P. 400.

могли позволить республиканскому командованию успешнее действовать и в июле 1937 г., и в октябре 1937 г., и в январе—феврале 1938 г., и даже в марте—апреле 1938 г. Но оказалось, что между советскими поставками и ходом военных действий нет прямой связи. В декабре 1937 г. республиканцы действовали успешнее, чем в июле—октябре 1937 г.

Советские руководители не могли не испытывать разочарования новым республиканским руководством. Если весной, после победы под Гвадалахарой, Республика получила возможность перехватить инициативу в войне, то летом 1937 г. она все еще не сделала этого. Ради чего тогда была вся эта кампания против Ларго Кабальеро? Обещали побед, и не справились — лишь время потеряли на политическую междоусобицу.

Республиканская армия при Негрине изменилась. В период правления Ларго Кабальеро военное строительство Республики основывалось на сочетании принципов милиционности на уровне подразделений и регулярности — на уровне управления частями. Милиционная самоорганизация бойцов иногда заструдняла управляемость, но добавляла энтузиазма и самоотверженности бойцам. Важно было найти правильный баланс с принципами регулярной армии, и при Ларго его искали. Это сочетание не уберегло Республику от поражения в Малаге в феврале 1937 г., но позволило отстоять Мадрид и одержать победу над итальянским «добровольческим» корпусом под Гвадалахарой в марте 1937 г. Правительство Негрина-Прието стало разрушать милиционную систему, строить армию на обычных «казарменных» принципах, но побед не добилось. Падение энтузиазма солдат и рост кастовости и бесконтрольности офицерства способствовали падению боеспособности республиканской армии во второй половине 1937 г. и ее поражениям. Свержение Ларго Кабальеро сорвало подготовку операции в Эстремадуре, которая, возможно, могла вывести войну из губительной для республики позиционной фазы⁵¹.

Операции, подготовленные новым, «правильным» военным руководством, не оправдали надежд. К началу сражения под Брунете республиканцы сосредоточили 50 тысяч солдат, свыше 100 орудий, 100 танков, 40 бронемашин, свыше 100 самолетов. Противник имел 40 тысяч солдат, до 150 самолетов, около 60 орудий. Все эти силы сконцентрировались на фронте в 10–12 км.⁵²

⁵¹ См. Шубин А. В. Великая испанская революция. С. 328–330.

⁵² РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 503. Л. 17–18.

Начав наступление 5 июля, республиканцы почти без боя проскочили между опорными пунктами противника и 6 июля, после бомбардировки, взяли городок Брунете. Но развить успех, как планировалось, они не смогли. Оказалось, что и направление удара выбрано неудачно — республиканцы оказались в ловушке среди холмов. В результате удар республиканцев вылился в бесперспективную «мясорубку». Ожесточенные бои 24–26 июля закончились оставлением Брунете с потерями почти половины армии. Республиканская пехота была настолько деморализована ситуацией, что бежала даже от собственных танков, возвращающихся из атаки (где эта пехота свои танки не поддержала). По мнению советского автора А. Г. Серебрякова, командование франкистов не ударило по флангам и не разгромило республиканскую группировку полностью, потому что «не было уверено в наступательной способности своей пехоты, особенно в трудной для наступления местности»⁵³. И нужно было гнать лучшие силы республиканцев по этой трудной для наступления местности? Затем последовала неудача республиканского наступления на Сарагосу.

Пытаясь переложить на СССР ответственность за неудачи Республики Негрина, А. Виньяс пишет, что помощь Сталина «ослабела в течение двенадцати критических месяцев, с ноября 1937 г. по ноябрь 1938 г. В любом случае она не была достаточной для того, чтобы покрыть материальные недостатки Народной армии, ни, тем более, быть противовесом постоянных поставок, которые Франко до конца получал от Италии и Третьего Рейха... Когда Негрин принял пост председателя Правительства, Республика, говоря технически, уже проиграла войну»⁵⁴.

Но Негрин пришел к власти не в ноябре 1937 г. С мая по ноябрь 1937 г. — достаточный срок, чтобы продемонстрировать, что республиканцы стали сражаться лучше. А они при Негрине и Прието стали сражаться хуже. И это был результат их политики, а не изменения политики Сталина.

Решающим был период не 1938 года, а весны—лета 1937 г., когда Франко, сконцентрировав силы на Севере, воевал на два фронта. Вместо того, чтобы сосредоточить усилия на деле побе-

---

⁵³ Гражданская война в Испании. Центральный фронт и Брунетская операция. М., 2010. С. 312–319. Очерк А. Г. Серебрякова, опубликованный в 1941 г., представляет собой очень подробное, но несколько приглаженное описание Брунетского сражения.

⁵⁴ Viñas Á. El honor de la República. P. 545.

ды, на подготовке наступательной операции, коммунисты и социал-либералы увлеченно боролись за власть, а Республика теряла время. После июля 1937 г. шанс перехватить инициативу, возникший в марте после Гвадалахары, был практически упущен.

Летом 1937 г., «как только советское правительство ослабило помощь, фашистские диктаторы резко увеличили свою. Нет ничего удивительного в том, что Республика оказалась в совершеннейшей безвыигрышной ситуации»⁵⁵, — утверждает А. Виньяс. Когда точно уменьшили? На какие операции могли повлиять проблемы с поставками? Во всяком случае, не на бездарно упущенные возможности под Брунете и в Арагоне летом—осенью 1937 г.

Советская помощь к середине мая 1937 г. составила 333 самолета, 256 танков, 60 броневиков, 236 орудий среднего калибра⁵⁶. И поставки продолжались. К июню было поставлено 409 самолетов, из которых в строю было 343⁵⁷. Это не так мало.

А. Виньяс оценивает соотношение поставок самолетов советского и итало-германского производства с июля 1937 г. как 239–271 к 740–798⁵⁸. Присоединяя поставки первых двух с половиной месяцев правления Негрина к поставкам времени Ларго Кабальеро, А. Виньяс стремится доказать, что при Ларго Кабальеро Республика получала значительную помощь, а с приходом Негрина — уже нет. Если 1.10.1936–1.8.1937 СССР поставил в Испанию 496 самолетов и 714 орудий, то 14.12.1937–11.8.1938 — 152 самолета и 469 орудий⁵⁹. Получается, что в первый период было направлено 49,6 самолета и 71,4 орудия в месяц, а во второй — 19 самолетов и 58,6 орудия. Однако эти вычисления А. Виньяса как раз и подрывают его аргументацию: получается, что первые месяцы Негрина относятся к периоду «хороших поставок». Более того, поставленная тогда техника продолжала действовать и оказывать влияние на ход войны в следующие месяцы. Одновременно испанцы стали собирать самолеты по лицензии сами (было собрано 230 самолетов, что значительно улучшает статистику — более чем в два раза). Так что считать, что ситуация в середине 1937 г.

---

⁵⁵ Viñas Á. Armas y hombres para España. Los apoyos exteriores en la guerra civil. P. 405.

⁵⁶ Op. cit. P. 371.

⁵⁷ Op. cit. P. 375.

⁵⁸ Op. cit. P. 406.

⁵⁹ Op. cit. P. 409.

была заведомо проигрышной, можно только существенно преувеличивая значение внешних факторов.

Не будем также забывать, что Франко должен был делить свои силы надвое до падения Севера, а республика концентрировала советскую авиацию в центре. И только с началом войны в Китае и серией разочаровывающих военных неудач Республики летом—осенью 1937 г. советская помощь стала ослабевать, но вовсе не прекратилась.

К тому же динамика поставок зависела и от позиции французских властей. Именно поэтому пришлось придерживать их осенью 1937 — зимой 1938 г. (блокада на французской границе из-за «невмешательства» дополнялась подводным пиратством итальянцев в Средиземном море), а затем лихорадочно проталкивать в марте—июне 1938 г. Как пишет А. Виньяс, «недостаточная воля увеличивать поставки, которая вменяется в вину Сталину, не смягчалась препятствиями, которые устанавливали французы»⁶⁰. Это мягко сказано в отношении французов. Сталин давал столько помощи, сколько мог в сложившихся условиях. А вот французы существенно «регулировали» их поступление через границу, что могло оказаться критически важным. Дорого яичко ко Христову дню.

Ситуация зависела далеко не только от количества самолетов. Так, в июле 1937 г. под Мадридом у франкистов было всего лишь полуторное превосходство в авиации. Но начальник республиканской авиации Лопатин слишком часто вызывал истребители и изматал летчиков, в результате чего даже опытные стали биться при посадке. А вот в Сарагосской операции Птухин действовал аккуратнее, в результате чего при равенстве сил обеспечил превосходство республиканской авиации⁶¹.

Как отмечал в своем докладе советский военный советник Арженухин, «переоценивать роль авиации в бою, как это делало испанское командование и некоторые наши товарищи, — неправильно..., одна авиация не может заставить покинуть окопы достаточно устойчивую пехоту противника»⁶². Поэтому даже в условиях превосходства авиации противника республиканцы смогли в декабре 1937 г. взять Теруэль (что затем обернулось поражением, но не из-за дефицита авиации у Республики). А затем авиация фашистов сбивала республиканцев с позиций в Арагоне,

---

⁶⁰ Viñas Á. El honor de la República. P. 406.

⁶¹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 441. Л. 20.

⁶² Там же. Д. 499. Л. 2.

потому что пехота стала неустойчивой. Республиканские солдаты, которые все меньше понимали, за что воюют, бросали оружие, поставлявшееся из СССР.

Комдив Вальтер сообщал, что под Медианой часть солдат противника была вооружена «Максимами» и «Дегтяревыми», взятыми под Брунете⁶³. Республике нужно помогать, спору нет. Но она должна беречь полученное. А вот такие испанцы, как А. Виньяс, упрекают Сталина: мог бы и больше присылать. Но если бы республиканцы не бросали оружия, его было бы у них больше.

До 1938 г. советская помощь уравнивала материально-техническое вмешательство Германии и Италии, а интербригады отчасти — присутствие итальянского военного контингента. В конце 1937 г. советская помощь стала ослабевать, в то время как фашистская — нарастала. Ослабление советской помощи было связано как с разочарованием советского руководства неспособностью нового правительства Негрина добиться обещанного перелома в войне, так и усложнением международной ситуации, когда испанская проблема становилась менее важной по сравнению с кризисами в Китае и Чехословакии.

Со второй половины 1937 г. советская помощь поступала также в Китай, и объем поставок на Восток «вычитался» из того, что СССР мог направлять в Испанию. Китай был даже важнее для СССР, чем Испания, — ведь на этот раз борьба развернулась в непосредственной близости от советских границ. Сдерживание Японии на дальних подступах к СССР было для него крайне важным на протяжении всех 1930-х гг.

Упустив возможность одержать военную победу над франкистами, Республика сохраняла только один шанс на выживание — продержаться до начала Второй мировой войны. Такой шанс возник в сентябре 1938 г. в связи с Судетским кризисом, он сохранялся и в 1939 г., так как Республика имела пусть и небольшой, но достаточный ресурс сопротивления, чтобы продержаться несколько месяцев в непредсказуемой ситуации предвоенной Европы. СССР продолжал поддерживать Республику и в этих условиях. Но лидеры Республики уже сами не верили в успех.

По свидетельству П. Тольятти, «ясно было, что Негрин сам тоже потерял веру в дальнейшую борьбу, но он еще держался своей старой политической линии — линии сопротивления... Противоречивым моментом в позиции Негрина было то, что, платонически отстаивая сопротивление, он ничего не делал для

---

⁶³ Там же. Д. 412. Л. 9.

того, чтобы его организовать. Его серьезнейшая вина заключалась в том, что в последние дни в Фигерасе он не распорядился отправить в Валенсию и Мадрид по крайней мере часть оружия, которое к нам прибывало»⁶⁴.

Ответственность западной либеральной элиты за «невмешательство» и «умиротворение» естественным образом вызывает поиск оправданий, и одно из них — СССР вел себя так же. «Когда в Мюнхене в сентябре 1938 г. стало ясно, что западные демократии не готовы выступить против фашистской агрессии, — пишет Д. Пуццо, — Кремль решил сформулировать и проводить иную политику. С конца 1938 г. СССР прекратил поставки оружия в Испанию»⁶⁵. Это распространенное на западе мнение, которое априори исходит из национального эгоизма Сталина, верно «с точностью до наоборот».

Поставки возобновились в декабре 1938 г., причем в кредит. В декабре 1938 г. на эти нужды было выделено 100 млн долл. (для сравнения — в марте 70 млн долл.), на 55 млн оружие было переправлено во Францию⁶⁶. В условиях изоляции после Мюнхена Сталин попытался «зайти с тыла» к консолидировавшемуся Западу.

12 января 1939 г. СССР представил Республике заем в 50 миллионов долларов США. В этом соглашении, в отличие от прежней практики, не было условий гарантии займа и даже условий его возврата. По сути, Сталин просто оплатил поставки. Закупки, совершенные за счет этого кредита, дошли до Франции. Пока было можно, это оружие перебрасывалось в Каталонию. 30 января — 4 февраля было отправлено 41 955 винтовок, 3 446 пулеметов, 319 тысяч снарядов и 31,5 миллионов патронов. 4 февраля 1939 г. поставки оружия в Каталонию были остановлены республиканским руководством из-за наступления франкистов. Около 400 вагонов военного снаряжения пришлось эвакуировать назад во Францию. Попытка переправить 2 февраля часть боеприпасов в Центральную зону пароходами не удалась — они были уничтожены итальянской авиацией⁶⁷. Больше французы не допускали таких экспериментов. Склады во Франции были переполнены советским оружием, но не могли дойти по назначению.

Оставшееся во Франции имущество в основном удалось вернуть в СССР. К 11 июня 1939 г. на склады вернулось 180 37-мм пу-

⁶⁴ Коминтерн и гражданская война в Испании. С. 444–445.

⁶⁵ Puzzo D. A. Spain and the Great Powers, 1936–1941. NY., 1962. P. 148.

⁶⁶ Рыбалкин Ю. Указ. соч. С. 98–99.

⁶⁷ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 240. Л. 90–92.

шек, 117 45-мм пушек, 60 французских 76-мм пушек, 98 других 76-мм пушек, 57 английских гаубиц, 20 гаубиц, 14 японских пушек, 5 000 винтовок, 50 самолетов СБ, 70 И-16, 6 УТИ-4, 18 Р-10, 40 танков Т-26⁶⁸.

2 марта 1939 г. в Испанской республике начался мятеж против Негрина и коммунистов. Его инициатор С. Касадо и его сторонники надеялись договориться о капитуляции без репрессий. Франко не согласился с этим — его устраивала только безоговорочная капитуляция. Мятежники добились отъезда Негрина из страны, но сами оказались в тупике. Однако продолжать сопротивление в условиях такого раскола республиканцы уже не могли, тем более, что и так были деморализованы. Мятеж Касадо спровоцировал распад республиканского фронта. Мятеж спровоцировал крах Республики тогда, когда до начала Второй мировой войны оставалось пять месяцев. 1 апреля Республика была уничтожена.

Трагедия Испанской республики заключается и в том, что как раз после начала мятежа Касадо обстановка в Европе стала быстро меняться, мюнхенские соглашения были сорваны. Когда республика стала агонизировать, у нее появились шансы на выживание в связи с общеевропейским конфликтом. Но воспользоваться ими республиканцы не смогли. Однако вины советского руководства в этом нет.

Падение Испанской республики стало одним из сигналов (хотя уже далеко не важнейшим) для Сталина о необходимости смены внешнеполитической стратегии. Оно стало зримым доказательством краха стратегии коллективной безопасности. В то же время в Испании было дано первое сражение в противоборстве, которое закончится крахом фашистского блока в 1945 г.

---

⁶⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1259. Л. 7–15.

ЛУИС ПИО МОА РОДРИГЕС

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ОШИБКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ

1. Забытая генеральная стратегия Сталина

Согласно одному из наиболее распространенных представлений об Испанской войне, Сталин предстает как защитник республиканской демократии, брошенной на произвол судьбы западными демократическими странами. На самом деле Сталина никогда не интересовала никакая испанская демократия, среди прочих причин потому, что ее никогда не существовало, как мы увидим в третьем параграфе.

Часто забывают о том, что советское видение войны в Испании должно быть рассмотрено в рамках ленинской концепции империализма как высшей стадии капитализма и представлениях о войнах такого характера. Сталин и Ленин понимали Первую мировую войну как империалистический конфликт, чьим наиболее удачным результатом стала революция в России, продемонстрировавшая, что империализм — это загнивающий капитализм. Согласно доктрине, сама внутренняя динамика развития капитализма, усиленная существованием СССР, первого социалистического государства в истории, и мировым экономическим кризисом, начавшимся в 1929 г., в скором времени должна была привести к подобной войне. Эта генеральная концепция, догма в советской доктрине, повторялась в теоретических и агитационных трудах, достаточно известных для того, чтобы приводить здесь какие-либо из них. С. Пейн цитирует монументальный труд

С. Коткина: «Уже в 1925 г. Сталин официально провозгласил доктрину «второй империалистической войны», которая со временем превратилась в советскую политическую линию. Будущий вооруженный конфликт между сильнейшими капиталистическими государствами представлялся неизбежным в силу самой природы капитализма. Целью Советского Союза было уклонение от ближайшей большой «империалистической войны» до тех пор, пока главные капиталистические страны окончательно друг друга не ослабят, и последующее решительное вступление в нее с целью обеспечить мировую победу коммунизма. Эта концепция предсказала, какой будет политика Сталина позднее, начиная с 1939 года»¹. Не только в 1939 г. и после него, но и, по крайней мере, уже с 1925 г.

Политика Сталина до 1933 г. в значительной степени была основана на убеждении в том, что кризис в одинаковой степени затрагивал все империалистические государства, независимо от их политического режима, и что все они были в той или иной степени готовы к переходу к социализму. Поэтому Коминтерн, этот инструмент советской внешней политики, поддержал революционную «классовую борьбу» против всех буржуазных сил, не делая различий между их фашистской, авторитарной или демократической направленностью (марксизм понимал «буржуазную» демократию как обман, истинную природу которого продемонстрировал фашизм, вынужденный отказаться от лицемерного провозглашения свобод перед лицом обострившейся классовой борьбы).

Стратегия должна была измениться в 1933 г., когда в Германии пришел к власти национал-социализм. Это событие представляло собой факт исключительной важности для Москвы, не только потому, что был нанесен сокрушительный удар по Коммунистической партии Германии, наиболее значительной в составе Коминтерна, но и потому, что программа Гитлера предусматривала уничтожение СССР. Главной причиной этого был даже не большевистский режим, а включение советской территории в зону экспансии (*Lebensraum*) Третьего Рейха.

Поэтому Сталин в первую очередь стремился предотвратить эту агрессию и способствовать возрастанию «противоречий между империалистическими державами». Другими словами, он добивался, чтобы война, представлявшаяся неизбежной, вспыхнула на Западе, между нацистской Германией и демократиями,

---

¹ Revista de libros. 2015. Agosto.

а не на востоке, между Гитлером и СССР. В такой системе координат уступки демократических стран Гитлеру, завершившиеся Мюнхенским соглашением 1938 г., должны были интерпретироваться как демо-империалистическая² стратегия направления нацистской агрессии на восток, против СССР.

В связи с этим следующий указанием Москвы Коминтерн с 1935 г. изменяет направление деятельности и сосредоточивается на создании народных фронтов для ведения «классовой борьбы». Фашизм был определен как наиболее агрессивная и воинственная империалистическая идеология, для противостояния которой в Европе должны объединиться все «силы мира, свободы и прогресса». Лобовая атака на буржуазный и социал-демократический секторы, ранее представлявшие врагами, перешла в поиск альянса с ними, и нападки на правительства демоимпериалистических стран отошли на второй план. Коммунисты собирались возглавить движение против фашизма, которое должно было завершиться переходом к социализму. В свою очередь, советская дипломатия, пытаясь не допустить участия империалистических стран в войне против СССР, предложило западным правительствам соглашение против Германии. Непростая задача, учитывая, что остальные страны боялись Сталина не меньше, а возможно, и больше, чем Гитлера.

Если бы стратегия столкновения империалистических стран демократического и фашистского лагерей имела успех, в новой европейской войне СССР оказался бы не участником, а арбитром, наблюдающим за тем, как противники истощают друг друга. Дополнительным преимуществом должны были стать нищета и разруха в воюющих государствах, которые привели бы к новым коммунистическим революциям. Западные правящие круги осознавали такую возможность развития событий и относились к ней с большим опасением. К этому нужно добавить, что политика Сталина, типично *диалектическая* по характеру, не исключала секретных переговоров с нацистами в качестве запасной линии, которая превратится в основную, когда в конце сентября 1938 г. будет подписан Мюнхенский договор и когда станет очевидным падение в Испании режима, поддерживаемого Сталиным.

Историки часто игнорировали или уделяли недостаточно внимания этим базовым принципам советской генеральной стратегии. Официальная пропаганда о них умалчивала, но в основополагающих трудах и внутренних отчетах они были отражены.

---

² Так в тексте. — *Прим. перев.*

Это пренебрежение стало причиной появления неверных и плохо аргументированных интерпретаций (как те, что представлены в книгах «Spain betrayed» Рэдоша, Хэбека и Севастьянова и «Queridos camaradas» Элорца и Бицкаррондо³) и бесполезных споров о том, был ли Сталин в своих призывах к сохранению мира и свободы в Испании более или менее «искренним» и «честным» (Морадельос⁴ и др.).

В этом контексте испанская война приобрела исключительную важность для Сталина. Первое время он относился к ней с опасением, поскольку она угрожала «мирному» развитию левых революционных сил в Испании. Когда же Сталин убедился в том, что борьба затягивается, стала очевидной двойная возможность: во-первых, столкнуть империалистические государства между собой там, на значительном расстоянии от собственных границ, во-вторых, установить в другой стране режим, лояльный советскому. Сталин провозгласил: «Борьба в Испании — не частное дело испанцев. Это общее дело всего передового, прогрессивного человечества»⁵. Его пропаганда представила войну как столкновение между демократией и фашизмом, в котором Англия, Франция и даже США должны оказать братскую помощь воюющим против мятежников, поддерживаемых Италией и Германией. Эта версия советской пропаганды, превратившая Сталина в апостола демократии, была воспринята и другими политическими силами и служила аргументацией для многих историков вплоть до сегодняшнего дня. Интенсивная агитация и пропаганда были главной причиной того, что в Европе и еще значительной части мира отношение к испанской войне стало столь эмоциональным.

Разумеется, аргументация, применявшаяся для вовлечения Франции и Англии в войну в Испании, апеллировала исключительно к идеалистической солидарности между демократическими странами. В своем стремлении сделать Лондон одним из участников конфликта, СССР продемонстрировал живую заинтересованность в защите британских империалистических интересов. Между советским послом при Лондонском Комитете

---

³ Речь идет о следующих исследованиях: Spain Betrayed. The Soviet Union in the Spanish Civil War / Ed. by R. Radosh, M. Habeck, G. Sevostianov. New Haven, London, 2011 (Annals of Communism Series); Elorza A., Bizcarrondo M. Queridos camaradas. Barcelona, 1999. — *Прим. перев.*

⁴ Речь идет о книге Moradiellos E. Los mitos de la Guerra Civil. Madrid, 2004. — *Прим. перев.*

⁵ Так в тексте. Указания на место заимствования цитаты отсутствуют. — *Прим. перев.*

по невмешательству Майским и английским представителем лордом Плимутом состоялся выразительный диалог. После призыва к защите мира советский дипломат задействует другие рычаги: «Допустим, Франко победит и Германия станет твердой ногой в Испании. Что тогда станется с вашими, британскими, капиталовложениями в этой стране? Что станется с вашими морскими коммуникациями на востоке, над которыми повиснет Гитлер? Что станется с Францией, которой Германия будет угрожать не только с фронта, но и с тыла? Как вы, англичане, можете мириться с такими перспективами?» Действительно, это казалось непонятным. Но Плимут был прагматиком: «Как бы ни кончилась война, Испания выйдет из нее совершенно разоренной. Для восстановления своего хозяйства ей потребуются деньги... Откуда она их может получить? Во всяком случае, не от Германии и Италии: у них денег нет. Деньги разоренная Испания сможет получить только в Лондоне. Кто бы ни оказался после войны во главе Испании, он должен будет обратиться к нашим банкам... Вот тогда и наступит наш час... Мы сумеем договориться с этим будущим правительством Испании обо всем, что нам нужно: и о финансовых компенсациях, и о политических и военных гарантиях... Нет, наши интересы не пострадают при любом исходе войны!» Официально Советы настаивали на том, что их интервенция не преследовала политических целей, а была вызвана стремлением не допустить ослабления власти и ухудшения военной ситуации во Франции. Асанья желчно комментировал: «Курьез в том, что объявился добровольный защитник военных интересов Франции, поскольку Франция ведет себя так, будто возможное ослабление ее волнует меньше»⁶.

Москва развернула широкую дипломатическую и пропагандистскую кампанию, чтобы убедить Лондон и Париж в том, что Испания продолжала оставаться демократией, несмотря на очевидно анархо-социалистическую революцию. Испанские

---

⁶ Майский И. М. Испанские тетради. М., 1962. С. 137–138 [в данном случае имеет смысл привести окончание рассказа И. М. Майского о его разговоре с лордом Плимутом, опущенное автором статьи: «История скоро покажет, кто из нас двоих прав, а кто ошибается. История это действительно показала, и притом гораздо скорее, чем я ожидал. Франко после победы не пришел поклониться золотому тельцу в Сити. Он остался германской марионеткой до самого конца «третьего Рейха», а потом быстро переметнулся к США. Англия и Франция потеряли свое прежнее влияние в Испании... Так они заплатили за свою политику “невмешательства”» (Там же. С. 139). — *Прим. перев.*]; Azaña M. Memorias de guerra. Madrid, 1978. P. 241.

коммунисты провозгласили частичный отказ от беспорядочных революционных реформ, предлагая их отсрочить до тех пор, пока не будет выиграна война. Это позволило им усилить свои позиции, заключив союз с «мелкой буржуазией», пострадавшей от действий анархо-социалистов. Коммунисты старались сделать свое присутствие в правительстве очень скромным, возглавляли второстепенные министерства, чтобы не вызывать тревогу Лондона и Парижа, но втайне пытались занять ключевые позиции в армии и полиции, которые бы определили исход борьбы за власть в случае победы над «фашизмом». С другой стороны, благодаря переводу значительной части испанских финансовых резервов в Москву в руках Сталина оказалась судьба Народного фронта — принципиально важный факт, который часто не учитывается в более детальных разговорах о легитимности этого перевода и об употреблении этих резервов на покупку оружия. Результатом войны, независимо от вмешательства или невмешательства Англии и Франции, должна была стать демократия «нового типа», «народная» демократия, то есть режим, родственный советскому. Знаменитые декларации таких коммунистических лидеров, как Хосе Диас и Пассионария, не смущают историков, упорно игнорирующих или не уделяющих им достаточного внимания. Если бы левые победили в Испании, Европа столкнулась бы с режимами советского типа на самом западе и на востоке, — ситуация, которая бы крайне усложнила и без того трудное положение на континенте.

Некоторые исследователи, например Д. Кэттелл, автор труда «Советская дипломатия и Испанская гражданская война»⁷, находили непреодолимое противоречие между этими политическими линиями, поскольку сама военная интервенция и поведение Советов уменьшали шансы Народного фронта на поддержку демократических государств. Но, с советской точки зрения, речь шла о «диалектическом» противоречии. Разумеется, попытки Москвы вовлечь в конфликт западные демократии наталкивались на двойное препятствие: недоверие было вызвано как самим советским вторжением, так и кровавым революционным взрывом, который было невозможно скрыть. Это препятствие должно было быть преодолено посредством интенсивной работы дипломатии и пропаганды в сочетании с мобилизациями «народа». Но, по противоположным причинам, Лондон и Париж и, в меньшей степени,

---

⁷ Речь идет о книге Cattell D. Soviet diplomacy and the Spanish Civil War. Berkeley (Calif.), 1957. — *Прим. перев.*

Вашингтон старались не допустить переноса войны за Пиренеи, и у них не вызывало недовольства, что воюющие в Испании были фашистами и большевиками. Как известно, несмотря на настойчивые усилия Москвы, Испания не стала искрой, зажегшей Западную Европу, однако Советы достигли своей цели в 1939 г., при заключении Пакта Молотова—Рибентропа, добившись того, что европейская война началась на западе, а не на востоке. Курс на сближение с Гитлером объясняется советской исторической традицией и пропагандой как следствие провала в Мюнхене и в Испании из-за нежелания демоимпериалистических стран защитить «демократию» в Испании и сдержать Германию.

Есть, по крайней мере, две другие важные черты сталинской политики в Испании. В ноябре 1936 г., когда националисты были близки к тому, чтобы взять Мадрид и в короткий срок одержать победу над своими врагами, СССР усилил материальную и организационную помощь, создав условия для окончания войны и разгрома Франко. С этой целью левые, после консультаций с Советским Союзом, попытались использовать свое материальное превосходство, чтобы остановить и уничтожить малочисленную «фашистскую» армию. Это им не удалось, равно как и перехватить инициативу, однако они смогли отстоять Мадрид и продолжить борьбу⁸. Если бы левые тогда победили, Москве не удалось бы привлечь на свою сторону демократические государства, но она, по крайней мере, могла бы рассчитывать на объявленный ей и политически близкий режим, в котором решающую роль играла бы Коммунистическая партия Испании. Когда этот случай был упущен, Москва все еще была заинтересована в продолжении борьбы. Чем дольше она длилась, тем больше было шансов, что испанский военный очаг накалит Западную Европу.

Вторая черта сталинской политики связана с отсутствием политической и военной стратегии у левых и сепаратистских партий. Война началась при значительном материальном превосходстве Народного фронта, под контролем которого находились почти все финансовые резервы, индустриальные районы, главные города и коммуникации, важнейшие сельскохозяйственные обла-

---

⁸ Безрезультатные попытки обратить вспять и разбить войска Франко в ноябре 1936 г. хорошо задокументированы в фундаментальном труде: Salas R. Historia del Ejército Popular de la República. Madrid, 1974. См. также: Кольцов М. Испанский дневник // Кольцов М. Испания в огне. Т. 1–2. М., 1987, 1988. В тот период Кольцов являлся привилегированным агентом Сталина в Испании, но после возвращения в СССР он был «зачищен».

сти, значительнейшая часть флота, авиация и силы безопасности (обученные лучше, чем войска из новобранцев), почти половина сухопутной армии и т. д. Это огромное преимущество заставило Прието поверить в то, что националистов ждет неминуемое поражение, как бы сильны и хорошо обучены они ни были. То, как Народный фронт потерял это превосходство, наиболее ярко демонстрирует его несостоятельность, увеличенную соперничеством и раздорами внутри партий. Исключение составляли коммунисты, руководимые непосредственно Москвой. У Коммунистической партии Испании, изначально слабой, действительно была политическая и военная стратегия и дисциплина, которые в скором времени позволили ей занять лидирующее положение в Народном фронте, хотя это и не было абсолютным лидерством. Так, коммунисты были очень близки от того, чтобы подчинить себе армию (базовый пункт их стратегии), но полный контроль не был установлен. Как следствие, гражданская война завершилась «мини-войной» между левыми в марте 1939 г., когда надежды на победу уже не оставалось.

Подводя итог, можно сказать, что Сталин не защищал в Испании демократию, в которую никогда не верил и для которой был противником не менее ярым, чем Гитлер. Он действовал согласно стратегии, базовыми пунктами которой были удаление ожидавшейся мировой войны от собственных границ и создание в Испании дружественного и зависимого режима.

2. Сравнимо ли вмешательство Сталина с вмешательствами Гитлера и Муссолини?

Советское вмешательство и вмешательство фашистских государств порой ставят в один ряд, или разделяют в зависимости от масштабов поставок оружия (Дж. Хаусон⁹ и другие), или концентрируют внимание на том, как долго они длились, либо на других второстепенных факторах. Но суть вопроса состоит в их политическом значении. Ниже я кратко изложу доводы, достаточные, на мой взгляд, чтобы обозначить различия между ними.

а) Цели Гитлера и Муссолини очень сильно отличались от целей Сталина. Они стремились иметь дружественное государство

---

⁹ Речь идет о книге Howson G. Arms for Spain. The Untold Story of the Spanish Civil War. London, 1998.

в тылу левой на тот момент Франции и избежать установления крайне левого режима в Испании. В последнем были тайно заинтересованы Париж и особенно Лондон или их влиятельные круги. Опасность того, что война перерастет в крупное столкновение, была невысока.

б) С морально-политической точки зрения, фашизм Муссолини не отличался большой кровожадностью, а политика Гитлера еще не превратилась в геноцид. Напротив, жертвами политики Сталина уже стали сотни тысяч или даже миллионы человек. Часто не делают различия между Гитлером того времени и Гитлером периода Второй мировой войны — недопустимая хронологическая ошибка для состоятельной исторической концепции.

в) Сталин не ограничился оказанием помощи левосепаратистскому лагерю, он практически подчинил его себе с помощью трех инструментов: контроль над финансовыми резервами, влиятельные военные советники и, главное, Коммунистическая партия Испании, которая являлась прямым агентом Москвы (предмет особой гордости для КПИ). Гитлер и Муссолини никогда бы не добились подобного влияния в Испании. Франко всегда оставался независимым, вплоть до провозглашения, под предлогом мюнхенского кризиса, своего решения о нейтралитете в случае начала европейской войны. Это решение было воспринято Гитлером и Муссолини как демонстративная неблагодарность. Немцы и итальянцы едва ли оказывали влияние на ход военных действий, и, разумеется, они, в отличие от их противников, не располагали такой дееспособной партией, как КПИ.

г) Что касается второстепенных аспектов, таких как масштабы помощи (самолеты, танки, артиллерия и т. д.), то советские поставки были решающими во время битвы за Мадрид в ноябре 1936 г. В дальнейшем их было достаточно для продолжения борьбы вплоть до апреля 1939 г. В целом исследования братьев Рамона и Хесуса Салас Ларрасабаль¹⁰ демонстрируют, что воюющие стороны получали примерно одинаковый объем помощи, так что он не мог быть решающим, за исключением упомянутой битвы за Мадрид. Тем не менее расходы Народного фронта были гораздо более значительными, чем у его противников, возможно, из-за широко распространенной коррупции¹¹. Итальянская по-

---

¹⁰ Печь идет о книге Salas Larrazábal R., Sálas Larrazábal J. M. Historia de la Guerra Civil de España. Madrid, 1986. — *Прим. перев.*

¹¹ О закупках оружия и коррупция — теме скользкой, которую часто предпочитают обходить, см. в основанных на документах исследованиях историка-

мощь, наиболее значительная, будет оплачена Франко годы спустя по цене сальдо сильно девальвированной лирой.

е) Также часто настаивают на решающей роли воздушного моста (по-видимому, первого в истории), который транспортировал из Марокко маленькую, но очень боеспособную армию Франко. Выполнение операции приписывается немецкой авиации. Она имела огромную важность в начале войны, поскольку позволила стабилизировать ситуацию в занятой мятежниками области на западе Андалусии и объединить ее с северной областью, где Моле едва хватало боеприпасов. Но две эти задачи были выполнены в решающие первые десять дней войны с помощью испанских самолетов и рискованной морской транспортировки¹².

В целом помощь Советов и фашистских государств сопоставима по масштабам военных поставок, но не в моральном и политическом аспектах, которые являются наиболее важными.

3. Ни демократы, ни республиканцы

Огромное количество авторов (А. Виньяс и многие другие) отстаивали и продолжают отстаивать мнение, что испанский режим, поддерживаемый и в значительной степени руководимый Сталиным, был демократией и что западные демократические государства совершили большой грех, бросив его на произвол судьбы. Эта версия представляет собой настоящий гротеск. Французское и, в особенности, английское правительства прекрасно осознавали: то, что совершили противники Франко, было очевидной и жестокой революцией, ничего общего не имевшей ни с какой *буржуазной* демократией. И они боялись, что она распространится на Европу и повергнет ее в кризис. Вряд ли они хотели закрывать глаза на очевидное: им было достаточно лишь поверхностного взгляда на партии, которые составляли Народный фронт, чтобы избежать какой-либо ошибки.

Следует, таким образом, более детально рассмотреть эти политические силы. Наиболее значительными группами были социа-

---

анархиста: Olaya F. El oro de Negrín, Madrid, 1998; Idem. La gran estafa: Negrín-Prieto y patrimonio español. Madrid, 1996.

¹² Повторюсь: этот вопрос прекрасно освещен Р. Саласом в его непревзойденном труде «Народная армия Республики» (см. выше прим. 4). В своей книге «Мифы Гражданской войны» (Moa Rodríguez P. L. Los mitos de la Guerra Civil. Madrid, 2003) я привожу иные (безосновательные) мнения Г. Кардоны, А. Виньяса и К. Бланко Эсколы.

листы (Испанская социалистическая рабочая партия — ИСРП) и анархисты (Национальная конфедерация труда — НКТ) и, вскоре, коммунисты (КПИ). Считать анархистов и сталинистов демократами было бы просто смешно, и это не требует дальнейших разъяснений. Что касается ИСРП, плохо информированный наблюдатель мог бы отнести ее к остальным партиям II Интернационала, которые принимали демократию. Но в своей книге «Истоки Гражданской войны» я доказываю, ссылаясь на документы, что речь шла о классической марксистской партии революционного толка, стремящейся на первом этапе использовать «буржуазную» республику для собственного усиления, а затем свергнуть ее. Благодаря своему предыдущему сотрудничеству с диктатурой Примо де Ривера (часто тайному), ИСРП к моменту установления республики оказалась наиболее многочисленной и организованной партией, опиравшейся на многочисленную профсоюзную организацию (Всеобщий союз трудящихся — ВСТ). В первые два года республики (1931–1933) ИСРП была представлена в правительстве левыми республиканцами, которые должны были подготовить почву для перехода к высшей стадии социализма или «диктатуре пролетариата». Когда после двух лет совершенно провального правления левые проиграли выборы 1933 г., ИСРП решила, что пришло время установить свою диктатуру, режим советского типа, с помощью вооруженного восстания, задуманного как гражданская война. Глава социалистов Ларго Кабальеро был известен как «испанский Ленин» — прозвище, говорящее само за себя. В октябре 1934 г.¹³ восстание потерпело поражение, оставив после себя 1300 убитых и бесчисленные разрушения. С этого момента часть социалистов снова стала искать альянса с левыми республиканцами. Их тактика сочетала партийную пропаганду с планом активной подрывной деятельности. Это спровоцировало внутрипартийный кризис. Отсюда и появился Народный фронт.

Другой сектор Народного фронта состоял из левых республиканцев, или, как их еще называли, левой *буржуазии*, среди которых центральной фигурой был Мануэль Асанья. Этой *буржуазии* революционное трио социалистов, анархистов и сталинистов отводило скорее декоративную роль, используя их для того, чтобы внешне это было похоже на демократию. Асанья в своих дневниках постоянно сетует на эту роль, которую ему волей-неволей приходилось играть, пока он не воспользовался поражением левых в Каталонии, чтобы уйти в отставку. Кроме того, ни один

---

¹³ Речь идет об октябрьском восстании в Астурии 1934 г. — *Прим. перев.*

демократ никогда бы не назвал «своим» кого-либо из левых республиканцев. Асанья возглавлял правительство между 1931 и 1933 гг. в коалиции с ИСРП. Двухлетие было отмечено восстаниями анархистов, сразу провалившейся попыткой переворота правых, непрерывным насилием и почти постоянной цензурой прессы. Дневники Асаньи полны горечи и содержат многочисленные инвективы против его министров и остальных республиканцев («некомпетентная политика завсегдатаев таверн, кумовство, алчность и нажива без какой-либо высокой идеи»¹⁴).

Результатом стало то, что правые победили с большим отрывом на выборах в ноябре 1933 г. Уже упоминалось, что решение избирателей было воспринято социалистами как подходящий случай для восстания против республики, но нечто подобное сделали левые республиканцы, насколько позволяли их малые силы: под давлением Асаньи и других выборы аннулировали и провели другие, фальсифицированные результаты которых обеспечили победу левых. Это была попытка настоящего государственного переворота. Когда она провалилась, Асанья с баскскими и каталонскими сепаратистами старался дестабилизировать ситуацию и летом 1934 г. вместе с последними подготовил второй переворот. Он также не удался, поскольку ИСРП, занимавшаяся организацией *пролетарского* восстания и не желавшая подчиняться планам *буржуазии*, отказалась в нем участвовать¹⁵. Когда в октябре 1934 г. ИСРП и каталонские сепаратисты пытались свергнуть Республику, *буржуазные* левые их поддерживали в своих публичных заявлениях. После того как правительство правых подавило восстание, Асанья снова создал электоральную коалицию с ИСРП, несмотря на имеющийся опыт. В коалицию вошли также коммунисты. Таким образом, она состояла из «безупречных *демократов*». Эта коалиция позднее будет окрещена, как уже было упомянуто, в терминах коммунистической идеологии — «Народный фронт».

Оставляя в стороне более мелкие группы, такие как коммунистическая ПОУМ (Рабочая партия марксистского объединения), задуманная доминирующим сектором сталинистов, назовем дру-

¹⁴ Azaña M. Memorias políticas. Barcelona, 1978. P. 541.

¹⁵ Первая попытка Асаньи совершить переворот задокументирована, в частности, в мемуарах президента Республики Н. Алькала Саморы. Свидетельства о второй попытке я обнаружил в документах самой ИСРП в «Фонде Пабло Иглесиаса». Также ее упоминает военный-анархист Х. Перес Салас, сторонник Асаньи. См. мое исследование: Moa Rodríguez P. L. Los orígenes de la Guerra Civil española. Madrid, 1999. P. 335–336.

гих членов партии, противостоящей Франко. Это каталонские и баскские сепаратисты (Республиканские левые Каталонии и Баскская националистическая партия). Идеологическая база этих сепаратистских движений, используемая и сегодня, включала представление о басках и каталонцах как «расах», отличающихся от остальных испанцев и, разумеется, превосходящих их. Сама идея смехотворна (испанская генетическая карта свидетельствует об очень незначительной разнице между регионами, она более гомогенна, чем у большинства других европейских стран), но ее распространение баскскими националистами имело самые вредные последствия. Сабино Арана¹⁶, основатель Баскской националистической партии, обычно описывал остальных испанцев как «неотесанный, жестокий и женоподобный народ», «немногим лучше, чем гориллы» и т. д. В 1934 г. Республиканские левые Каталонии одобряли планы ограждения каталонской «расы» от губительных контактов с испанцами из других регионов. Разумеется, после поражения националистов такие причудливые идеи не декларируются открыто, но, частично завуалированные, они продолжают оставаться фундаментом этих сепаратистских движений — факт, признаваемый немногими¹⁷.

Республика предложила Республиканским левым Каталонии автономию, надеясь таким образом решить проблему, но сепаратисты поняли это как шаг на пути к полному отделению. Они провозгласили готовность к войне, когда правые выиграли выборы 1933 г., и начали вести подрывную деятельность, кульминацией которой стало восстание против легитимности

¹⁶ Арана Гоири, Сабино Поликарпо (1865–1903) — первый видный идеолог баскского национализма, основатель Баскской националистической партии. Идеология С. Араны действительно делала упор на биологические («расовые») отличия басков от других народов Испании, акцентировала внимание на многосотлетнем «угнетении» басков испанцами и т. п. Среди прочего, С. Арана являлся изобретателем терминов *Euscadi* (самоназвание Страны Басков) и *Euskara* (баскский язык). — *Прим. перев.*

¹⁷ Несмотря на то что баскский и каталонский сепаратизм еще в начале XX в. превратился в серьезную проблему для Испании, первое его исследование в контексте эволюции испанской политики — моя книга: Moa Rodríguez P. L. Una historia chocante. Los nacionalismos vasco y catalán en la España del siglo XX. Madrid, 2004. Существует достаточное количество монографических исследований частного характера (зачастую хороших), однако отсутствие обобщающей работы свидетельствует об определенной историографической скудности. Эта самая скудность способствует массовому распространению ошибочных представлений и необоснованных версий о Гражданской войне.

республики в октябре 1934 г. (одновременно с ним произошло восстание ИСПП). Баскская националистическая партия принимала участие в подрывной деятельности, но не в восстании, и затем во время Гражданской войны примкнула к левым в обмен на обещание автономии — удивительный случай, поскольку, в отличие от Республиканских левых Каталонии, речь шла о католической партии правого толка. Причину следует искать в том, что она сочетала крайний расизм с надеждой использовать войну для установления независимости. Во время войны и Республиканские левые Каталонии, и Баскская националистическая партия игнорировали договоры об автономии, создавая тем самым страшный беспорядок для своих союзников — левых. Таким образом, они оказали невольную, но значительную услугу войскам Франко. Дневники Асаньи содержат крайне выразительные жалобы на Республиканских левых Каталонии и их руководителя Компаниса, а также на маневры Баскской националистической партии.

Таким образом, достаточно беглого взгляда на партии Народного фронта, чтобы полностью отказать им в претензиях на демократичность. Разумеется, если мы не будем придавать слову «демократия» настолько растяжимого и неопределенного значения, чтобы определить им любой режим. За исключением Баскской националистической партии, речь шла о левых тоталитарного или путчистского толка, и этот очевидный факт делает роль Сталина в их защите и руководстве еще более понятной.

В исторических исследованиях чаще всего, практически всегда, левосепаратистский лагерь определяют термином «республиканский». Предполагая, что он наследовал Второй Республике, провозглашенной в 1931 г., против которой позднее восстанут правые. Но частота использования наименования не гарантирует его правильности, как нас в том убеждает история. Республика приняла Конституцию левой и антикатолической направленности, демократическую лишь отчасти, одобренную только Кортесами, но не народным референдумом¹⁸. Большинство правых приняли ее с недовольством. Избирательный закон копировал закон Муссолини для того, чтобы обеспечить огромное парламентское большинство тем, кто выигрывает выборы, даже если победа бы-

---

¹⁸ Испанское законодательство 1930-х гг. не предусматривало проведения референдумов. Первые референдумы состоялись в Испании лишь в период франкизма — в 1947 и 1966 гг. Однако их результаты в настоящее время подвергаются сомнению. — *Прим. перев.*

ла достигнута с минимальным перевесом. Такая система была призвана обезопасить правительство левых, но, после двухлетнего опыта их пребывания у власти, избиратели проголосовали за правых. Поэтому, как указано выше, левые в полном составе совместно с каталонскими сепаратистами подняли восстание. Неожиданно правые, в том числе Франко, защитили и поддержали республиканское законодательство, сторонниками которого они не являлись, вместо того чтобы ответить «фашистским» переворотом с применением силы. Так что, проиграв выборы, эти «республиканцы» пошли против республиканских законов, которые они сами и создали¹⁹.

Аргумент, очень часто используемый в защиту демократичности Народного фронта, — его победа на выборах в феврале 1936 г. Однако его программа (и это признавал Асанья) старалась навсегда исключить возможность правого правительства. А ни один состоятельный историк не назовет такой процесс демократическим. В ходе избирательной кампании крайне часто применялись угрозы и насилие; подсчет голосов производился под давлением и с многочисленными нарушениями²⁰. Якобы нейтральное центристское правительство в панике подало в отставку, и второй тур выборов прошел под непосредственным контролем левых. Результаты голосования не были опубликованы. Не удовлетворенные полученным таким образом большинством в Кортесах, левые перешли к незаконному «пересмотру протокола», чтобы лишить правых десятков мест, и вскоре так же незаконно отстранили президента республики Алькала Самору. Это были месяцы поджогов (в особенности церквей, включая значительные исторические памятники), захвата земельных участков, ужасных забастовок, экономического краха и насильственных смертей (около 300 за 5 месяцев), кульминацией которых стала смерть лидера оппозиции Кальво Сотело²¹. Его похитителями и убийцами были

---

¹⁹ Я основательно исследовал эти события в нескольких книгах, начиная с «Источников Гражданской войны» (см. прим. 17).

²⁰ Неадекватность подсчета голосов отмечена самим Асаньей и Алькалал Саморой. Скоро должно выйти в свет фундаментальное исследование Альвареса Тардио и Вилья Гарсиа, посвященное этому вопросу.

²¹ Кальво Сотело, Хосе (1893–1936) — испанский политик и юрист правового направления. В период диктатуры Примо-де-Риверы отвечал за экономическую политику правительства в качестве министра финансов. После падения диктатуры — в эмиграции, затем — лидер промонархической партии «Испанское Обновление». Убит левыми 13 июня 1936 г. в ответ на убийство лейтенанта Х. Кастильо, инструктора народной милиции. — *Прим. перев.*

правительственные полицейские и боевики-социалисты — доказательство трагического краха законности²².

После знакомства с фактами остается очень мало сомнений в том, кто уничтожил республиканскую законность, то есть саму республику. Это были сами республиканцы и сепаратисты, которые навязали эту законодательную систему без согласия народа и всенародного референдума. И сделали они это, потому что их наиболее сильные партии стремились к революции советского типа, а остальные действовали в союзе с ними и не были готовы отказаться от своей доли власти, какими бы ни были результаты голосования. Определять этот лагерь как республиканский было бы сарказмом и новой демонстрацией того, до какой степени значительная часть историографии искажается под воздействием пропаганды.

Терминологическое уточнение: ни каталонские и баскские сепаратисты, ни НКТ официально не вошли в Народный фронт, но я предпочитаю определять все эти партии как относящиеся к Народному фронту, поскольку их наиболее значительные силы действительно к нему относились, а остальные вращались вокруг них. Также можно было бы назвать их «красным лагерем» — так называли себя многие из них. Как угодно, только не демократическими.

4. Что было поставлено на карту в гражданской войне?

Если демократичность Народного фронта — пропагандистская конструкция, не имеющая под собой никакого основания, то правые не претендовали на звание демократов, тем более — либеральных. Их идею выразил лозунг «За Бога и за Испанию», то есть за преемственность христианской культуры и за национальное единство. Так что вопрос демократии не играл никакой роли в войне, за исключением пропагандистской уловки левых. Победители называли себя не националистами, как часто о них

---

²² Связь события с Народным фронтом подробно освещена в книге Рикардо де ла Сьерва (*De la Cierva y de Hoces R. Los documentos de la primavera trágica. Análisis documental de los antecedentes inmediatos del 18 de julio de 1936. Madrid, 1967*) и в моей книге (*Moa Rodríguez P. L. El derrumbe de la República y la Guerra Civil. Madrid, 2001*). Сожалею, что мне приходится ссылаться на мои собственные работы, которые сначала спровоцировали серьезный скандал, а затем замалчивались, что явилось показателем степени честности и интеллектуального уровня. Но ни в одном важном положении они не были опровергнуты.

пишут в различных книгах, а «национально ориентированными»²³, поскольку они считали национализм обоже­ствлением на­ции и государства, то есть идеей, противоречащей христианской доктрине.

Итак, что же было поставлено на карту в этом конфликте? Достаточно спросить себя, был ли лозунг «национально ориентированных» столь же лживым, как защита демократии, провозглашенная красным лагерем и Сталиным. Так говорили множество раз, утверждая, что «национально ориентированные» стремились лишь защитить привилегии некоторых отсталых классов, угнетающих остальные. Дж. Оруэлл прекрасно выразил это, когда заверял, что, если бы победили левые, установилась бы диктатура, но, во всяком случае, «послевоенное правительство было бы, по меньшей мере, антиклерикальным и антифеодальным <...>. Оно модернизировало бы страну, например, строило бы дороги, занималось бы вопросами просвещения и здравоохранения». Франкистский режим тоже стал бы диктатурой, только гораздо худшей: «Он не только являлся марионеткой Италии или Германии, но был бы связан по рукам и ногам волей крупных землевладельцев-феодалов и представлял бы собой замшелую клерикально-милитаристскую реакцию. Может быть, Народный фронт — это обман, но Франко — анахронизм»²⁴. Ошибка Оруэлла не могла бы быть более показательной: Франко не был марионеткой Германии или Италии, и его режим выполнил в удивительно короткие сроки задачу модернизации, которую английский интеллигент возлагал на левых. Впрочем, этот вопрос выходит за рамки темы настоящей статьи²⁵.

---

²³ В тексте — «nacionales». — *Прим. перев.*

²⁴ Orwell G. Homenaje a Cataluña. Barcelona, 2001. p. 154 [в русском переводе эта цитата выглядит следующим образом: «Во всяком случае, республиканское правительство, которому удастся вывести страну из войны, должно быть антиклерикальным и антифеодальным, способным ограничить влияние церкви, — по крайней мере временно, — и приступить к модернизации страны, например, к прокладке дорог, заняться вопросами просвещения и здравоохранения. Кое-что в этом направлении делалось даже во время войны. С другой стороны, Франко, даже если не видеть в нем всего лишь марионетку Италии или Германии, связан по рукам и ногам волей крупных феодалов-ленд-лордов и служит орудием военно-клерикальной реакции. Может быть, Народный фронт — это обман, но Франко — анахронизм» (см.: Дж. Оруэлл. Памяти Каталонии // http://orwell.ru/library/novels/Homage_to_Catalonia/russian/r_htc (дата обращения: 02.05.2016)].

²⁵ В книге «Мифы о франкизме» (Moa Rodríguez P. L. Los mitos del franquismo. Una revisión en profundidad de una época crucial. Madrid: La Esfera de los

С другой стороны, лозунг «За Бога и Испанию!» был хотя бы отчасти правдивым, и, чтобы понять это, достаточно вспомнить, что Народный фронт был альянсом сепаратистов, революционных и *буржуазных* левых. Первые старались раздробить Испанию на маленькие государства (разумеется, враждебные друг другу и представляющие легкую добычу для интересов могущественных держав) и для достижения этой цели маневрировали (безуспешно) между Римом, Берлином, Лондоном и Парижем. Революционные и *буржуазные* левые, дошедшие до взаимных преследований и убийств, были согласны в одном: необходимость уничтожения католицизма, наиболее глубокого культурного основания в истории Испании. На практике республика отпраздновала свою инаугурацию поджогом более сотни католических церквей, библиотек, произведений искусства и центров образования, и во время войны нападения и убийства переросли в кампанию по истреблению, практически геноцид.

Очевидно, Испания и ее католические истоки предшествуют во времени и превосходят по значению демократию. Этот тип режима появился в Европе совсем недавно, пережил кризис после Первой мировой войны, настолько серьезный, что был спасен (в Европе) лишь благодаря военной интервенции США во время Второй мировой войны. В Испании республика провозгласила себя демократической и была таковой, хотя и со значительными отклонениями в форме и содержании. Левые понимали республику как свою личную собственность, отводя правым роль оправдательной массовки. Большинство правых (СЭДА) приняло новый режим без энтузиазма, надеясь выиграть с помощью голосования и легальным образом реформировать Конституцию. Они получили такую возможность после выборов 1933 г., но оказались затравлены, как уже было указано, дестабилизирующими махинациями и попытками переворотов, завершившимися восстанием 1934 г. Стоит повторить, что в той ситуации правые, находящиеся у власти, защищали республиканскую Конституцию и законность. Мы уже упоминали, как в дальнейшем Народный фронт изменил курс.

Таким образом, демократия была сильнейшим образом дискредитирована, поскольку она ассоциировалась с беспокойными годами насилия, произвола и попыток переворота. И эта потеря ав-

---

Libros, 2015) я прослеживаю развитие Испании в очень неблагоприятных условиях 1940–1950-х гг. (пропаганда определенной направленности называла их «потерянными десятилетиями»), а также с 1965 по 1975 гг., когда темпы развития Испании были одними из самых высоких в мире.

торитета, вкупе с европейским кризисом, который ознаменовался расцветом фашистских и коммунистического режимов, побудила франкистов искать другие решения. Обычно их квалифицируют как «фашизм», но термин неадекватен. Франкизм был авторитарным, но не тоталитарным режимом, и внутри него соперничали четыре основных тенденции, которые называют «политическими семьями» (“familias políticas”): фалангисты, карлисты, монархисты и католические политики. Эти «семьи» плохо уживались друг с другом, и в каждой из них существовал сектор, враждебный Франко. Фаланга была наиболее близкой к фашизму партией, и зачастую между ней и франкизмом не делают различий, но это ошибочно по двум причинам. Во-первых, фашизм был светским модернизационным движением, мало или совсем не религиозным, очень мало отношения имеющим к христианству, в то время как Фаланга объявляла себя католической партией. Во-вторых, даже в моменты, когда она играла наиболее важную роль, Фаланга не смогла добиться гегемонии; позднее разногласия с другими «семьями» сгладились. Как единственным общим пунктом программ левых было радикальное неприятие католицизма, так все франкистские «семьи» объявляли себя католическими, так что режим в итоге определил себя католическим с точки зрения идеологии и конфессиональной принадлежности. В конечном счете это оказалось самоубийством, поскольку в 1960-е гг. на Втором Ватиканском соборе было принято решение отказаться от конфессиональности. Церковь осудила испанский режим и лишила его идеологического основания²⁶.

Подведем итог. Не вызывает сомнений, что в гражданской войне на карту были поставлены среди прочих менее значительных интересов единство Испании и сохранение ее христианской культурной основы, как бы мы ни судили то и другое с точки зрения идеологии.

Перевод с испанского Е. А. Полетаевой

---

²⁶ Раздоры между Фалангой и католическими политиками 1937–1941 гг. прекрасно описаны в книге: Andrés-Gallego J. ¿Fascismo o Estado Católico? Ideología, religión y censura en la España de Franco, Madrid, 1997. Эволюция отношений между церковью и франкизмом становилась темой многих исследований, но ни в одном из них этим отношениям не придавалось политического значения, которым они действительно обладали, как я попытался продемонстрировать в своей книге «Мифы о франкизме».

В. О. ДАЙНЕС

ПРИМЕНЕНИЕ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК В ИСПАНИИ, 1936–1939 гг.

В 1936–1939 гг. Испания стала своеобразным полигоном, на котором проходили проверку теоретические основы подготовки и ведения военных действий различного масштаба, а также применения в боевой обстановке образцов военной техники и оружия. В гражданской войне в Испании принимали участие добровольцы и военные советники из разных стран, в том числе из Советского Союза.

Советские танкисты-добровольцы в Испании

Двадцать девятого сентября 1936 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) было принято решение о проведении операции «Х» — оказании активной военной помощи республиканской Испании. 27 октября нарком обороны СССР маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов доложил И. В. Сталину: «Подготовлены к отправке 100 танков, 387 специалистов; посылаем 30 самолетов без пулеметов, на 15 самолетов — полностью экипажи, бомбы».¹ Специалисты автобронетанковых войск должны были обучать испанских танкистов на учебной базе в небольшом курортном го-

---

¹ Цит. по: Гаврилов В., Рыбалкин Ю. Для Республиканской Испании. Чтобы помочь союзнику, СССР пошел на нарушение норм международного права // Военно-промышленный курьер. 2005. № 7 (74). С. 11.

родке Арчена, расположенном в 90 км северо-западнее Картахены. Кроме того, им предстояло на практике проверить основные положения военной теории того времени. С этой целью К. Е. Ворошилов поручил Разведывательному управлению РККА подготовить предложения по стране «Х», содержащие тактические задания по проведению опытов и расчет сил и средств для испытания боевой техники. Такой документ наркому обороны 15 апреля 1937 г. представил заместитель начальника Разведуправления комдив А. М. Никонов.² В разделе «II. Танки» была определено девять задач:

- «1. Проверка практически (в условиях современного боя) положения ПУ-36 в отношении взаимодействия танков ДД с артиллерией, управления различными элементами боевого порядка и организации питания танков боеприпасами во время боя.
2. Определить желательные для огневого сопровождения танков калибры артиллерии и их пропорцию.
3. Выявить возможность и порядок использования дымов (преимущественно дымовых артснарядов) для непосредственного обеспечения атакующих танков, для прикрытия аварийных танков на время вывода их экипажей или производства кратковременных работ (одевание гусениц, смена трака, замена свечей и т. п.) и для прикрытия передачи боеприпасов из тыловых машин на танки во время боя.
4. Определить возможность сопровождения атакующих танков бронетягачами (транспортёрами) с боеприпасами и место этих тягачей (транспортёров) в боевом порядке танков.
5. Уточнить практические способы и наиболее пригодные средства связи и управления танков между собой и танков с артиллерией, как днем, так и ночью.
6. Определить приемы и способы атаки танков ночью как самостоятельно (танковый ночной поиск), так и совместно с пехотой.
7. Установить наиболее эффективные способы звукомаскировки и искусственного освещения для проверки выдерживания боевого курса и обеспечения огня из пушек и пулеметов.
8. Определить характер задач, могущих быть выполненными танками при атаке ночью: активные задачи (уничтожение

---

² См.: О проведении «опытов» в стране «Х» // Военно-исторический архив. 2006. № 6 (78). С. 119–133. А. М. Никонов был арестован 5 августа 1937 г. и расстрелян 26 октября того же года.

противника, его артиллерии и живой силы), или разведывательные задачи (установление глубины обороны противника, стыков, степень инженерного оборудования местности, взятие контрольных пленных), или превентивные задачи (срыв группировки противника перед его наступлением, уничтожение сети связи управления).

9. Определить практическую возможность «слепого» вождения танков и их скорость и наиболее приемлемый по простоте и четкости метод постановки задач и назначения боевого курса».

Для успешного выполнения всех задач предлагалось послать в Испанию дополнительно 50 танков Т-26 с боекомплектom и 55 человек (один командир бригады, два батальонных, 5 ротных, 17 взводных, два штабных и 28 младших командиров).

К. Е. Ворошилов одобрил эти разработки. Летом 1937 г. в Испанию прибыла новая группа советских танкистов, которую возглавлял майор С. И. Кондратьев, командовавший учебным танковым батальоном 13-й механизированной бригады.

Всего на испанской земле воевали 257 советских танкистов. По данным В. Морозова, в Испанию вместе с техникой прибыл 351 советский танкист.³ Среди них: старший советник по танкам, командир 1-й бронетанковой бригады комбриг Д. Г. Павлов (псевдоним — «генерал Пабло»); полковники С. М. Кривошеин (командир танковой группы) и М. Ф. Терехин (военный советник по бронетанковым войскам); майоры М. П. Петров (командир танкового батальона), С. И. Кондратьев (командир 1-го отдельного интернационального танкового полка, псевдоним — «Антонио Льянос») и Ф. В. Яборов (советник командира танковой дивизии); капитаны В. И. Баранов (командир 1-го танкового батальона) и П. И. Липин (советник начальника танковой школы в учебном центре Арчена); старший лейтенант А. Ф. Войновский (командир отдельной танковой роты), лейтенант Д. Д. Погодин (командир бронетанкового отряда).⁴ За проявленный героизм 21 танкист был удостоен звания Героя Советского Союза: комбриг Д. Г. Павлов, майор М. П. Петров, капитаны П. М. Арман

³ См.: Морозов В. Далекий Меридиан. Бронетанковая техника в гражданской войне в Испании // Техника и вооружение. 2015. № 7. С. 14.

⁴ В некоторых изданиях приводятся иные воинские звания и должности советских добровольцев-танкистов. Например, полковник С. И. Кондратьев, подполковник М. П. Петров. Воинские звания уточнены по труду: Герои Советского Союза: краткий биографический словарь в двух томах. М., 1987–1988.

[Пауль Тылтынь (Тылтыныш), псевдоним «капитан Грейзе»] и П. А. Цаплин (посмертно), старшие лейтенанты П. А. Семенов и Н. К. Шатров (посмертно), лейтенанты А. Г. Абрамович (посмертно), С. Я. Лапутин, С. К. Осадчий (посмертно), Д. Д. Погодин, Н. А. Селицкий (посмертно), Г. М. Склезов (посмертно), старшины В. Ф. Кручинин (посмертно) и П. Е. Куприянов (посмертно), младшие командиры К. Я. Билибин (посмертно), С. М. Быстров (посмертно), Ф. К. Ковров (посмертно), А. В. Никонов (посмертно), В. А. Новиков, В. М. Новиков и командир башни М. В. Юдин.

Бронетанковая техника в Испании

Количество бронетанковой техники, поставленной республиканской армии из СССР, оценивается по-разному. 26 сентября 1936 г. в испанский порт Картахена прибыли первые 15 танков Т-26. К концу года в армии уже насчитывалось 105 танков Т-26, 31 бронеавтомобиль БА-6 и ФАИ.⁵ 7 мая 1937 г. в Испанию на пароходе «Cabo Palos» с целью проведения опытов по стране «Х» были доставлены 50 танков Т-26, а в сентябре на пароходе «Cabo San-Augustin» — 50 колесно-гусеничных танков БТ-5.

В некоторых работах говорится о том, что Советский Союз в 1936–1939 гг. поставил республиканскому правительству 347 танков (297 однобашенных Т-26 и 50 колесно-гусеничных танков БТ-5) и 60 бронеавтомобилей (37 БА-6, 3 БА-3 и 20 ФАИ).⁶ Однако приводятся и другие данные. Так, И. П. Шмелев пишет, что в Испанию было отправлено 362 или 347 танков Т-26 и БТ-5.⁷ Испанский историк Р. Т. Мартинец считает, что было доставлено около 500 танков Т-26 и 100 БТ-5.⁸ Французский историк Р. Сурлемонт в статье, опубликованной в журнале «Armored Car» («Арморед Кар»), дает иные сведения: 362 танка и 120 бронеавтомобилей ФАИ-1 и БА-3/БА-6 с пулеметным и пушечным вооружением. По мнению английского историка Х. Томаса, в Испании было около

⁵ Шпаковский В., Шпаковская С. Бронетехника гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. СПб., 1999. С. 5.

⁶ История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 54; Начало. 1993. № 37; Коломиец М. В. Броня на колесах. История советского бронеавтомобиля 1925–1945 гг. М., 2007. С. 258.

⁷ Шмелев И. П. Танк Т-34 // Техника и вооружение. 1998. № 11–12.

⁸ Шпаковский В. Они сражались за Пиренеями // Техника и вооружение. 1998. № 3.

900 русских танков и 300 броневедомобилей.⁹ Данные о 900 танках присутствуют и в труде «Бронетехника гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.».¹⁰ В некоторых работах содержится упоминание о применении республиканскими войсками советских средних танков Т-28¹¹ или о республиканских средних танках Т-28, построенных по советской лицензии и имевших 75-миллиметровые орудия. По данным В. Морозова, Республиканская Испания получила 120 броневедомобилей, а до 40 % танков Т-26 были командирскими («радийными»), но испанцы к концу 1936 г. срезали с большинства этих танков антенны-поручни.¹² С помощью советских специалистов на испанских заводах был налажен выпуск броневедомобилей UNL-35 и Chevrolet 1937, ставших основой броневедомобильного парка Испанской Республики.

Войскам генералиссимуса Ф. Франко помощь оказывали Германия и Италия. 16 августа 1936 г. в Испанию прибыли 5 легких итальянских пулеметных танкеток CV-3/35, а 22 декабря — броневедомобили. Они использовались для обучения испанских экипажей. 29 сентября франкисты получили 10 итальянских танкеток (из них три огнеметные), а 8 декабря — еще 20 танкеток. Первые 9 германских легких танков Т-1А прибыли в Испанию в конце августа 1936 г. В середине сентября были поставлены еще 32 боевые машины. С декабря Германия стала поставлять франкистам модернизированные танки Т-1В.

В ноябре 1936 г. Польша продала Уругваю 64 танка «Рено» FT-17, которые во время советско-польской войны получила из Франции. Эти танки не попали в Уругвай. В том же месяце из Гдыни на судне «Rambo» в Сантандер прибыли 16 танков «Рено», а в марте 1937 г. — на кораблях «Autom» и «Andra» 32–48 танков (по разным данным).¹³ Они в основном использовались в качестве подвижных и неподвижных огневых точек.

Осенью 1938 г. франкисты получили танки нового поколения: 20-тонные германские Т-III и итальянские 11-тонные М-39 и 24-тонные П-40. Итальянские танки выдерживали попадания 20-миллиметровых снарядов и несли по пять расположенных

---

⁹ Tomas H. The Spanish Civil war. Penguin books, 1990.

¹⁰ Шпаковский В., Шпаковская С. Бронетехника гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. С. 5.

¹¹ Клотц, Г. Уроки гражданской войны в Испании. М., 1938. С. 39–40.

¹² Морозов В. Далекий Меридиан. Бронетанковая техника в гражданской войне в Испании // Техника и вооружение. 2015. № 7. С. 14, 15.

¹³ Морозов В. Далекий Меридиан. Бронетанковая техника в гражданской войне в Испании. 2015. № 6. С. 26.

тремя ярусами огневых точек вместо двух, в том числе 47-мм пушку. Танк Т-III имел автоматическое 37-миллиметровое орудие, три пулемета, 30-мм броню. Он превосходил танк П-40 в подвижности, живучести и надежности механизмов. Всего Германия и Италия в 1936–1939 гг. поставили франкистам 350 танков.¹⁴

В ходе боевых действий франкисты захватили более 150 танков Т-26, БТ-5 и БА-10.¹⁵ В зоне, которая контролировалась ими, были разработаны и изготовлены опытные образцы легких танков С. С.1 (1937) и «Verdeja» (1938) с использованием элементов ходовой части итальянской танкетки CV-3/35 и советского танка Т-26. Кроме того, имелось 12 танков оригинальной испанской разработки «Трубия» модели 1926 г., а на артиллерийском заводе в Мадриде хранилось 4 старых французских тяжелых танка «Шнейдер» СА-1. Основными бронеавтомобилями были 48 машин собственного производства «Бильбао» модели 1932 г.

Тактико-технические характеристики основных образцов танков представлены в таблице № 1.

По своим боевым свойствам легкие танки Т-26 и БТ-5 соответствовали сложившимся в то время в Красной Армии оперативно-тактическим взглядам на их боевое использование. Они превосходили немецкие, итальянские и испанские танки по огневой мощи и подвижности. Недостатком всех типов танков, представленных в таблице № 1, являлось то, что броня надежно защищала только от бронебойных пуль обычного калибра и осколков снарядов.

Организационная структура танковых сил

Бронетанковые силы Испании к началу гражданской войны включали два танковых полка: 1-й Мадридский (Regimiento de Carros de Combate № 1) и 2-й Сарагосский (Regimiento de Carros de Combate № 2) по 40 французских танков «Рено» FT-17 в каждом. На стороне республиканской армии сражались 1-й Мадридский танковый полк, 3 танка «Трубия» 32-го пехотного полка «Милан» и 24 бронеавтомобиля «Бильбао».

---

¹⁴ Шпаковский В., Шпаковская С. Бронетехника гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 15. Это были только те машины, которые франкисты смогли ввести в строй.

Таблица 1. Основные тактико-технические характеристики танков и танкеток, принимавших участие в гражданской войне в Испании¹

	СССР		Германия		Италия		Испания	
	БТ-5	Т-26	Pzpfwг 1 avsf A	Pzpfwг 1 avsf B	CV—3/35	«Трубина» 75НР серия А	СС.1	«Verdeja»
Экипаж	3	3	2	2	2	3	4	3
Боевая масса, т	11,5	9,6	5,4	5,8	3,3	8,9	8,0	5,45
Толщина брони, мм ²	15/13	15	13	13	15/9	20/16	12	16
Орудие, мм	45	45	—	—	—	—	20	45
Пулемет, калибр в мм	1×7,62	1×7,62	2×7,92	2×7,92	2×8	3×7,5	2×7,92	2×7,92
Боекомплект, выстрел	119 ³	136 ⁴	—	—	—	—	—	60
Боекомплект, патронов	2709	2848	1525	2250	2170	8000	—	2500
Мощность двигателя, л. с.	400	75 или 90	57	100	40	75	70	85
Скорость по шоссе, км/час	72/53 ⁵	30	37	40	42	19	36	70
Запас хода по шоссе, км	120/200 ⁶	190	145	170	150	100	200	120

¹ Шпаковский В., Шпаковская С. Бронетехника гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. С. 8–9.

² В числителе — толщина лобовой брони, в знаменателе — бортовой брони.

³ На танках с радиостанцией боекомплект составлял 72 выстрела.

⁴ На танках с радиостанцией боекомплект составлял 96 выстрелов.

⁵ В числителе — на колесном ходу, в знаменателе — на гусеничном ходу.

⁶ В числителе — на колесном ходу, в знаменателе — на гусеничном ходу.

Формирование танковых подразделений и частей республиканской армии осуществлялось по мере поступления советской боевой техники и прибытия добровольцев-танкистов. В учебной танковой школе (г. Арчена) 26 октября 1936 г. из курсантов и советских добровольцев была сформирована танковая рота (15 танков Т-26) под командованием капитана П. М. Армана. В конце этого года началось формирование маршевых рот, батальонов и 1-й республиканской танковой бригады, которые сразу же направлялись на передовую.

В мае 1937 г. были сформированы четыре бронетанковые бригады, каждая из которых имела в своем составе один танковый батальон и два батальона бронеавтомобилей (советского и испанского производства). Танковые экипажи комплектовались исключительно из испанцев. На базе танков БТ-5 в сентябре в Арчене был сформирован 1-й отдельный интернациональный танковый полк (две танковые роты; 42 танка БТ-5 с советскими экипажами) под командованием майора С. И. Кондратьева. Его заместителями являлись капитан П. С. Фотченков и военный инженер 3 ранга А. А. Ветров (псевдоним — «Валентин Рубио»), начальником штаба — капитан В. И. Кольнов. Танковыми ротами командовали старшие лейтенанты П. Н. Сиротин, Н. К. Шатров и И. Л. Губанов. В составы танковых экипажей были включены испанцы, а также добровольцы из других стран. Командирами танков и механиками-водителями были назначены в основном советские танкисты. На базе этого полка в ноябре создается бронетанковая группа под командованием майора Кондратьева. В ее состав также вошли батальон бронеавтомобилей (30 БА-6 с испанскими экипажами) и две танковые роты, оснащенные танками Т-26.

В конце марта 1938 г. 1-й отдельный интернациональный танковый полк был выведен на переформирование и после укомплектования испанскими экипажами преобразован в бронетанковую бригаду республиканской армии. К июлю этого же года бронетанковые силы республиканской Испании были сведены в две бронетанковые дивизии: 1-я (Каталония) в составе двух смешанных бронетанковых бригад (150 танков и бронеавтомобилей) и 2-я (зона «Центр—Юг») в составе двух бронетанковых и одной автомобильной бригад (210 танков и бронеавтомобилей).¹⁶ Кроме того, имелась 4-я учебная бронетанковая бригада.

---

¹⁶ См.: Морозов В. Далекий Меридиан. Бронетанковая техника в гражданской войне в Испании // Техника и вооружение. 2015. № 8. С. 15.

В армии генералиссимуса Франко в октябре 1936 г. на базе 10 итальянских танкеток была сформирована танковая рота из смешанных экипажей.¹⁷ В декабре формируется танковая группа «Panzergruppe Drohne», оснащенная немецкими танками Т-1В. Эта группа, которой командовал выпускник Казанской танковой школы подполковник В. Р. фон Тома, вошла в состав легиона «Condor».¹⁸ Она включала штаб и две танковые роты по три секции в каждой. В каждую секцию входили пять танков плюс одна командирская машина. Подразделения поддержки состояли из отделения транспорта, полевой ремонтной мастерской, противотанкового артиллерийского и огнеметного отделений. Группа была укомплектована солдатами и офицерами 6-го немецкого танкового полка (всего 180 человек), прибывших в Испанию под видом туристов.¹⁹ Она была предназначена для обучения испанских танкистов, но в последующем создаются смешанные германо-испанские экипажи, принимавшие участие в боевых действиях. В марте 1937 г. в составе группы «Panzergruppe Drohne» были развернуты четыре роты, укомплектованные трофейными танками Т-26. С августа 1937 по март 1938 г. эта группа была переформирована в испанскую часть под названием «Bandera de Carros de Combate de la Legion», вошедшую в состав Испанского иностранного легиона.²⁰ Она включала два батальона: один был вооружен немецкими танками Т-1А и Т-1В, другой — советскими Т-26.²¹

Теоретические основы применения бронетанковых войск

Советские танкисты-добровольцы были воспитаны на теории глубокого боя и операции. Ее сущность состояла в одновременном подавлении артиллерией и авиацией обороны противника

---

¹⁷ См.: Бярятинский М. Бронетанковая проба сил // Военно-промышленный курьер. 2014. 19 марта. № 10 (528). С. 11.

¹⁸ Legion Condor (Легион «Кондор») — добровольческая германская авиационная часть, которая была отправлена для поддержки войск генералиссимуса Ф. Франко.

¹⁹ См.: Бярятинский М. Бронетанковая проба сил // Военно-промышленный курьер. 2014. 19 марта. № 10 (528). С. 11.

²⁰ В октябре 1938 г. «Бандера» была выведена из подчинения Испанского иностранного легиона и переименована в «Agrupacion de Carros de Combate».

²¹ См.: Бярятинский М. Бронетанковая проба сил // Военно-промышленный курьер. 2014. 19 марта. № 10 (528). С. 11.

на всю глубину, быстром прорыве и развитии тактического успеха в оперативный путем применения мощных подвижных соединений и воздушных десантов. Непременными условиями успешного претворения в жизнь этой теории считались: завоевание господства в воздухе; наступление на широком фронте с решительным массированием сил и средств на направлении главного удара; изоляция района наступления ударной группировки от резервов противника путем нанесения по ним авиационных ударов и высадки воздушных десантов; воспрепятствование подвоза материальных средств атакованным войскам противника.

В соответствии с теоретическими взглядами решались и вопросы применения в бою и операции автобронетанковых войск. Согласно Полевому уставу РККА (1929), в наступлении создавались танковые группы поддержки пехоты (ПП) и дальнего действия (ДД).²² В состав групп ПП включались приданные стрелковой дивизии танки. Эти группы могли делиться на две группы: непосредственной поддержки пехоты (НПП) и дальней поддержки пехоты (ДПП).²³ Танки НПП являлись средством командира стрелкового батальона (роты) и действовали в тесной зрительной связи с пехотой, поддерживая ее на всю глубину боя. Танки ДПП находились в подчинении командира стрелкового полка или дивизии. Они подавляли пулеметы и отдельные орудия противника на глубину до 1,5–2 км. После выполнения своих задач танки ДПП переподчинялись командирам стрелковых подразделений для сопровождения вторых эшелонов в качестве танков НПП. Танки ДД, являясь средством командира дивизии или корпуса, действовали в тактической связи с пехотой на глубину до 4–8 км. На них возлагались задачи по выходу в район расположения артиллерии противника и ее уничтожению, а также пунктов управления, узлов сопротивления, резервов и тылов.

Такое деление танков на три группы позволяло им успешно действовать при прорыве обороны, которая имела небольшую плотность противотанковых средств — 3–6 единиц на 1 км фронта. В то же время это затрудняло обеспечение танков огнем артиллерии, так как она вынуждена была сначала под-

---

²² См.: Полевой устав РККА (1929). М.—Л., 1932. Ст. 134, 207.

²³ См.: Бюллетень боевой подготовки. № 2 (март 1931 г.). М., 1931. С. 65, 66; Боевой устав мотомеханизированных войск. Ч. 2. М., 1932, § 13; Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 31 933. Оп. 1. Д. 5. Л. 88–88 об.; Ф. 31311. Оп. 1. Д. 140. Л. 13–21; Ф. 4, Оп. 3. Д. 3268. Л. 133.

держивать танки ДД, затем ДПП и потом НПП. Кроме того, боевой порядок наступающих при таком построении танков становился трудноуправляемым и громоздким. Поэтому Реввоенсовет СССР в 1934 г. принял решение отказаться от создания групп ДПП и оставил только группы НПП и ДД.²⁴ Это положение было закреплено во Временном Полевом уставе 1936 г., введенном в действие приказом наркома обороны СССР от 30 декабря 1936 г.²⁵ Естественно, что не все добровольцы-танкисты успели освоить новый устав, что сказывалось на эффективности их действий.

Участие танковых подразделений и частей в боевых действиях

Танковые подразделения и части в ходе гражданской войны в Испании принимали участие в различных видах боевых действий и выполняли разнообразные задачи. Отметим сразу, что война уже в конце 1936 г. стала приобретать позиционные формы борьбы. В этих условиях не было возможности полностью реализовать идеи теории глубокого боя и операции.

Наиболее характерной для маневренного периода войны была Мадридская операция. В этой операции со стороны республиканцев участвовали 56 танков (36 Т-26, 20 «Рено» FT), 15 советских броневедомостей БА и около 30 броневедомостей испанской постройки.²⁶ Однако первый боевой опыт на испанской земле получили итальянцы. 21 октября 1936 г. танковая рота, оснащенная танкетками CV-3/35, совместно с пехотными подразделениями выбила республиканцев из местечка Навалкарnero. При этом рота потеряла одну боевую машину. 25 октября настала очередь показать себя в бою немецким танкам. Они совместно с итальянскими танками при поддержке артиллерии и авиации участвовали в наступлении в районе Ильескаса. 28 октября в бой вступила танковая группа «Panzergruppe Drohne».

Двадцать девятого октября 1936 г. в боевых действиях впервые приняли участие танкисты республиканской армии. Танковая рота капитана П. М. Армана в составе ударной группировки республиканской армии принимала участие в контрнаступле-

---

²⁴ См.: Военно-исторический журнал. 1970. № 10. С. 14.

²⁵ См.: Временный Полевой Устав РККА (ПУ-36). М., 1937. Ст. 113, 191.

²⁶ См.: Шпаковский В., Шпаковская С. Бронетехника гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. С. 10.

нии на городок Сесенья (30 км южнее Мадрида).²⁷ Всего республиканцы имели около 50 танков, намного меньше, чем франкисты.²⁸ По данным бывшего офицера германского флота доктора Г. Клотц, в контрнаступлении участвовало 40 танков.²⁹ При подготовке операции были допущены существенные недостатки, в том числе в вопросах организации взаимодействия между ударной и сковывающей группами и разведки противника.

Контрнаступление началось утром 29 октября после непродолжительной артиллерийской и воздушной подготовки. Танки республиканцев быстро прорвали оборону противника. Танковая рота капитана Армана, двигаясь впереди пехоты, вошла в Сесенью, где неожиданно атаковала противника, уничтожив до батальона пехоты и кавалерийский эскадрон, а затем повела наступление на запад к Эскивасу. Противник, опомнившись, встретил сильным огнем вышедшие к Сесенье два батальона первой ригады республиканцев, а затем, получив усиление (два резервных батальона), перешел в контратаку и отрезал пехоту республиканцев от танков. В свою очередь, республиканское командование ввело в бой вторые эшелоны, которые вынудили франкистов перейти к обороне. Однако они при поддержке авиации, которая имела господство в воздухе, вскоре перешли в контратаку и отбросили республиканцев от Сесеньи. Тем временем танковая рота капитана Армана вышла в тыл противника на глубину до 35 км, где в течение 10 часов самостоятельно вела боевые действия, а затем прорвалась к своим частям. В этом сражении лейтенант С. К. Осадчий совершил на своем Т-26 первый в мире танковый таран, столкнув в лощину итальянскую танкетку CV-3/35.³⁰ Однако В. Морозов считает, что тарана не было, а Осадчий просто «столкнул своим танком с дороги в канаву или неглубокое ущелье уже покинутую сбежавшим экипажем итальянскую танкетку».³¹

В результате смелого рейда танковой роты капитана Армана было уничтожено и рассеяно около двух эскадронов конницы и двух пехотных батальонов противника, выведено из строя 12 орудий, 4 танкетки (из них 2 уничтожены), повреждено несколько де-

²⁷ Подробнее см.: Ибрагимов Д. С. Противоборство. М., 1989. С. 19–23.

²⁸ См.: Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968. С. 135.

²⁹ См.: Клотц Г. Уроки гражданской войны в Испании / Пер. с французского. М., 1938. С. 31.

³⁰ Докучаев А. Т-26 бьет «Ансальдо» // Красная Звезда. 1997. 16 июля.

³¹ Морозов В. Далекий Меридиан. Бронетанковая техника в гражданской войне в Испании // Техника и вооружение. 2015. № 7. С. 17.

сятков транспортных машин с грузами. Танковая рота потеряла 3 танка вместе с экипажами.³² Один из них, танк Т-26 лейтенанта Н. А. Селицкого, был уничтожен марокканцами, которые впервые применили бутылки с зажигательной смесью (бензином), получившие впоследствии наименование «коктейль Молотова».

Американский исследователь С. Залого, анализируя опыт боевых действий у г. Сесенья 29 октября 1936 г., отмечал, что высокие потери республиканцев в танках в основном были обусловлены неорганизованностью ремонтного и тылового обслуживания, чрезвычайно низким уровнем подготовки испанских танкистов, перемешанных с советскими экипажами.³³

С целью сорвать наступление противника на Мадрид, республиканское командование решило нанести по нему контрудар силами Ударной группы (6,5 тыс. человек, 24 орудия, 32 танка, 10 бронеавтомобилей и один бронепоезд) с участка Анхелес, Сьемпосуэло, уничтожить его правофланговую группу и выйти в район Парля, Торрехон-де-Веласко.³⁴ По другим данным, участие в контрударе принимала танковая группа полковника С. М. Кривошеина в составе 23 танков Т-26, 6 бронеавтомобилей БАИ и 3 ФАИ.³⁵ Скользящая группа (5 тыс. человек, 10–12 орудий, 10 бронеавтомобилей, один бронепоезд) должна была перейти в наступление с участка Фуэнлабрада, Пинто в общем направлении на Уманес, Парль и не допустить переброски противником своих сил на правый фланг. Для обеспечения правого фланга Ударной группы была выделена одна колонна (около 4 тыс. человек, 6 орудий и 5 бронеавтомобилей), которая обороняла участок по р. Гвадаррама и прикрывала город Мостолес.³⁶

Утром 3 ноября франкисты и республиканцы перешли в наступление, которое вылилось во встречное сражение. К исходу дня франкисты, не сумев преодолеть упорное сопротивление республиканцев, перешли к обороне. Однако утром 4 ноября противник возобновил наступление. В районе Фуэнлабрады танковая

---

³² Рыбалкин Ю. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. М., 2000. С. 70.

³³ См.: Steven Y. Zaloga. Soviet Tank Operations in the Spanish Civil War // Journal of Slavic Military Studies 12:3 (Sep. 1999).

³⁴ См.: Гражданская война в Испании. Центральный фронт и Брунетская операция / Авт.-сост. В. Л. Гончаров. М., 2010. С. 53–54.

³⁵ См.: Коломиец М. В. Броня на колесах. История советского бронеавтомобиля 1925–1945 гг. С. 258.

³⁶ См.: Гражданская война в Испании. Центральный фронт и Брунетская операция. С. 55.

рота (9 танков) республиканцев, оставшись без поддержки пехоты, вынужденной залечь под сильным пулеметным огнем противника, обошла его левый фланг, прорвала оборону и уничтожила марокканский батальон, 7 орудий и пулеметов. После этого она нанесла контрудар по вражеской колонне, пытавшейся обойти Мостолес с запада.

6 ноября франкисты (10–12 тыс. человек, 50–60 танков и бронемашин) предприняли новое наступление на Мадрид.³⁷ У защитников города (40 тыс. человек) имелось в три раза меньше боевых машин. Танковая рота старшего лейтенанта А. Ф. Войновского (12 танков), по другим данным — танковая группа С. М. Кривошеина (15 танков Т-26 и 12 бронеавтомобилей БА-6), разделившись на две части, контратаковала наступающего противника в районах Вильяверде и Вильявисиоза. После этого вместе с группой республиканских танков (9 Т-26 и 6 «Рено» FT) танковая группа нанесла удар по противнику в районе Мостолеса и Карабанчель Альто. Она уничтожила до двух батальонов пехоты, 4 полевых батареи, 8 противотанковых орудий, пулеметную роту и 10 танкеток.³⁸ Однако попытка республиканцев нанести 13 ноября силами Ударной группы (17 пехотных батальонов, 11 орудий и 16 танков Т-26) контрудар юго-западнее Мадрида с целью окружить главные силы франкистов успеха не имела.³⁹ Основными причинами этого являлись: несвоевременный выход пехоты и танков в исходные районы; слабая артиллерийская поддержка из-за недостатка орудий и снарядов; отсутствие тесного взаимодействия между пехотой, танками и артиллерией; невысокий уровень подготовки испанских танкистов.

Неудачей завершился и контрудар республиканцев с участием советских танков, предпринятый 28 ноября по южному флангу осаждающей Мадрид группировки противника в районах населенных пунктов Пинто и Вальдеморо с целью освобождения города Талавера-де-ла-Рейна. Противник, перебросив из-под Мадрида несколько батальонов, при поддержке авиации сумел отбросить республиканцев на исходные позиции. 30 ноября командующий Мадридским фронтом противника генерал Л. Оргас, введя в бой

---

³⁷ См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). М., 2004. С. 98.

³⁸ См.: Шпаковский В., Шпаковская С. Бронетехника гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. С. 7.

³⁹ См.: Гражданская война в Испании. Центральный фронт и Брунетская операция. С. 67.

новые немецкие танки, нанес поражение частям 3-й бригады республиканской армии и занял городок Посуэло-де-Аларкон. Это вынудило республиканское командование срочно перебросить на север Мадрида советские танки, которые, вступив в сражение, уничтожили 12 немецких и итальянских танков.

Не имело успеха и очередное наступление республиканцев на Мадридском фронте. На рассвете 1 декабря после артиллерийской подготовки две танковые роты Т-26, перейдя в наступление по сильно пересеченной местности парка Каса-де-Кампо, пытались отрезать вражеские части в Университетском городке. Однако пехотные подразделения, укомплектованные анархистами, атаку танков не поддерживали, которые вынуждены были отойти обратно в тыл. В дневнике боевой деятельности механизированных частей республиканских войск в записи от 6 декабря отмечалось: «...По сообщениям т. Павлова в последних боях под Мадридом танки бросаются в бой изолированно, без пехоты, а войсковые начальники не побуждают свою пехоту к атаке. Танки долгое время использовались на одном направлении, что дало возможность мятежникам организовать хорошую ПТО».

Четырнадцатого декабря командующий Мадридским фронтом франкистов генерал Л. Оргас начал новое наступление на север с целью перерезать дорогу на Сьерра-Гуадарраму (или, как ее называли, «шоссе на Ла-Корунью»). Эти бои получили название «битва в тумане», так как стояла теплая для этого времени погода, которая способствовала образованию такой облачности, что видимость сократилась до нескольких метров. Главный удар наносили два пехотных батальона при поддержке двух танковых рот и авиации, которые сумели к исходу дня занять населенный пункт Боадилья-дель-Монте. Но дальнейшее продвижение противника было остановлено бойцами интернациональных бригад, которые понесли огромные потери.

Двадцатого декабря четыре батальона республиканцев (из них два интернациональных) при поддержке советских танков попытались вернуть Боадилья-дель-Монте. Но, заблудившись в тумане, республиканские части вышли на исходные позиции не в 7 часов утра, как планировалось, а только к двум часам дня. Поэтому наступление вели только советские танки, уничтожившие до двух пехотных батальонов и 8 танков, потеряв один. Но, в целом, наступление успеха не имело, хотя и вынудило генерала Оргаса прекратить дальнейшие операции.

Двадцать седьмого декабря танковая рота (9 танков Т-26 и 6 броневедомостей ФАИ) под командованием капита-

на П. А. Цаплина на тяжелых грузовиках была переброшена на Арагонский фронт под Теруэль для поддержки республиканских войск.⁴⁰ В тот же день она перешла в наступление. Противник оказал ожесточенное сопротивление, забрасывая танки бутылками с бензином и ведя огонь из противотанковых пушек. В течение последующих шести дней танковая рота без поддержки пехоты еще несколько раз участвовала в атаках, которые не увенчались успехом. В ходе боевых действий было потеряно четыре танка Т-26 и один броневедомитель ФАИ.

Первого января 1937 г. марокканская пехота при поддержке 45 немецких танков и авиации начала новое наступление под Мадридом. Противнику удалось продвинуться на 10–15 км и выйти к столичным кварталам вдоль шоссе Мадрид — Ла-Корунья. Это вынудило республиканское командование в спешном порядке перебросить к Мадриду резервы, в том числе и 1-ю бронетанковую бригаду Д. Г. Павлова (56 танков Т-26, 10 броневедомителей ФАИ и БА-6 с советскими экипажами).⁴¹

С целью сорвать наступление противника на Мадрид, командующий и штаб Центрального фронта при участии советского военного советника Р. Я. Малиновского (псевдоним — «полковник Малино») разработали план контрнаступления, который предусматривал нанесение главного удара с участка Вальдеморильо, Галапагар на юго-восток во фланг и в тыл противнику. В состав ударной группы вошли 12-я и 14-я интернациональные, 1-я бронетанковая бригады, три батальона, выделенные от 31-й и 32-й испанских бригад, а также 22 орудия. Вспомогательный удар должны были нанести три бригады из района парка Эль-Пардо. На севере была создана сковывающая группа (один батальон 31-й испанской бригады).

Наступление началось в 11 часов 11 января в условиях густого тумана. В книге «Гражданская война в Испании. Центральный фронт и Брунетская операция» отмечается, что части 1-й бронетанковой бригады быстро прорвали оборону итальянцев. Однако, по воспоминаниям участника войны в Испании генерал-полковника Х.-У. Мамсурова (псевдоним «майор Ксанти»), танки в условиях густого тумана потеряли ориентировку и по ошибке обстреляли свою же пехоту.⁴² Интернациональные бригады после

---

⁴⁰ См.: Шпаковский В., Шпаковская С. Бронетехника гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. С. 10.

⁴¹ См.: Там же.

⁴² См.: Болтунов М. Командарм арестовал офицер ГРУ // Независимое военное обозрение. 2003. 5 декабря.

упорных боев 12 января при поддержке танков сумели захватить важный опорный пункт (четырёхэтажное каменное здание телеграфа на холме между Лас Росасом и Махадаондой) и разгромить занимавшую его роту итальянцев. Части 1-й бронетанковой бригады, прорвавшись между обоими городками, уничтожили подходивший к фронту резервный батальон противника. Но интернациональные бригады не смогли поддержать наступление, так как были атакованы срочно переброшенными в район Махадаонды резервами врага.

Командование республиканцев, убедившись в бесплодности попыток овладеть Махадаондой и Лас Росасом ударом с фронта, приняло решение атаковать эти населенные пункты с фланга. Ночью по раскисшим дорогам по решению главы хунты обороны Мадрида генерала Х. Миаха на машинах была переброшена 3-я бригада, которая перешла в наступление только около 14 часов 13 января после полуторачасовой артиллерийской подготовки. При поддержке танков двум ротам удалось ворваться в Лас Росас, где завязались уличные бои. Но после отхода танков в тыл для дозаправки и пополнения боекомплекта три батальона противника выбили республиканцев из Лас Росаса. Поэтому командующий Центральным фронтом принял решение о переходе к обороне.

Мадридская операция, составная часть битвы за столицу Испании, была последней маневренной операцией на Центральном (Мадридском) участке фронта. В последующем здесь стали господствовать позиционные формы борьбы. В Мадридской операции танковые части и подразделения республиканцев использовались в качестве групп танков ДД. Они участвовали в прорыве вражеской обороны, в контратаках и контрударах, действовали из засад и в качестве неподвижных, хорошо замаскированных огневых точек. В ходе боевых действий путем применения грузовых автомобилей был осуществлен маневр 8 танками «Рено» FT на наиболее угрожаемые направления. Участник боевых действий в Испании маршал Советского Союза К. А. Мерецков, оценивая применение танков республиканским командованием, отмечал: «В ноябре 1936 года под Мадридом действовало всего лишь около 50 танков, намного меньше, чем имелось танков у Франко, но сражались они героически. Танки сцементировали столичную оборону и сыграли роль крупного морального фактора. Потери врагу они тоже наносили весьма ощутимые. Франкисты еще не имели опыта борьбы с танками, и боевые машины нередко просто давили вражескую пехоту и конницу. Фашиста-

ми овладевала паника, когда они видели идущие на них в атаку танки».⁴³

Столь же высоко оценивал действия советских танкистов профессор германской военной академии полковник Р. Ксиландер. Он, анализируя причины поражения итальянских войск, отмечал: «Поражение (в результате контрнаступления подкреплений, отправленных на фронт ген. Миаха) в этой операции, казалось, имевшей все шансы на успех, было вызвано частично танком Т-28.⁴⁴ Его превосходящая эффективность (возможно также, как это утверждают, деморализующее действие грохота его пушки) вместе с действием бомбардировщиков поколебала итальянскую колонну».⁴⁵ В то же время опыт боевых действий показал, что эффективность действий танковых подразделений и частей часто снижалась из-за отсутствия тесного взаимодействия с другими родами войск, отставания пехоты от танков, особенно при наступлении на труднодоступной местности, изобилующей оврагами и другими естественными препятствиями.

Составной частью Мадридской битвы являлась Харамская оборонительная операция, проведенная войсками Центрального фронта республиканской Испании с 6 по 27 февраля 1937 г. По замыслу командующего фронтом генерала С. Посаса, предусматривалось окружить и разгромить противника у стен Мадрида. Учитывая сильные укрепления противника на севере, планировалось силами Южной группы (15 пехотных бригад, из которых большинство еще находилось в стадии формирования, 1-я бронетанковая бригада, 120 орудий) нанести главный удар с юга-востока из района Боадилья и захватить Хетафе и Леганес. Для поддержки Южной группы была выделена почти вся республиканская авиация (до 100 самолетов). Северная группа (5–6 пехотных бригад) наносила вспомогательный удар из района Сан-Мартин-де-ла-Вега в направлении города Гриньон.⁴⁶ В районе Мостолеса обе группы должны были соединиться, замкнув коль-

---

⁴³ Цит. по: Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968. С. 135.

⁴⁴ В некоторых работах отмечается, что речь идет о танке Т-28 испанского производства, скопированного со среднего английского танка Виккерс-Армстронг 1929 года. Название Т-28 взято с русского названия танка того же образца. Танк имел на вооружении 45-мм пушку, спаренный пулемет на главной вращающейся турели и два пулемета на боковых вращающихся турелях. Возможно, Ксиландер писал о танке «Verdeja».

⁴⁵ См.: Military Wochenblatt. 1937. № 49.

⁴⁶ См.: Гражданская война в Испании. Действия на Центральном фронте (октябрь 1936 — апрель 1937 года). СПб., 2006. С. 102–105.

цо окружения противника под Мадридом. Сковывающей группе (Мадридский корпус) предстояло упорной обороной не допустить переброски сил противника на угрожаемые участки.

Операцию планировалось начать 27 января, но из-за медленного формирования новых бригад ее перенесли сначала на 1-е, затем на 6-е и, наконец, на 12 февраля. В связи с тем, что не были приняты меры по сохранению в тайне плана операции, о нем узнало командование противника. Оно решило предупредить республиканцев в развертывании и силами пяти мобильных бригад нанести удар юго-восточнее Мадрида, в долине р. Харама, и отрезать столицу от остальной Испании. На направлении главного удара Пинто, Арганда на участке шириной 14 км было сосредоточено 30 тыс. человек, 96 орудий, около 100 танков, 70 самолетов. Средняя плотность на 1 км фронта составляла 6,9 орудий и 7 танков.⁴⁷

6 февраля франкисты неожиданно перешли в наступление и к 8 февраля взяли под обстрел автостраду Мадрид—Валенсия. С целью восстановления положения республиканское командование 11 февраля перебросило на угрожаемый участок 11-ю дивизию под командованием Э. Листера, а затем 1-ю бронетанковую бригаду Д. Г. Павлова и почти всю авиацию. Один из батальонов 1-й бронетанковой бригады совместно с 12-й интернациональной бригадой принял участие в нанесении контрудара по противнику с целью отбросить переправившиеся его части на западный берег р. Харама. Танки, оторвавшись от своей пехоты, сумели прорваться в тыл противника на глубину 3–4 км и выйти к переправам через реку. Однако противнику удалось отразить контрудар республиканцев, причем танковый батальон потерял 7 танков, подбитых противотанковыми орудиями.⁴⁸

В книге «Танковый прорыв. Советские танки в боях 1937–1942 гг.» несколько по-иному описывается это событие. В 9 часов 30 минут 11 февраля по тревоге был поднят 2-й батальон (командир майор М. П. Петров) 1-й бронетанковой бригады и направлен в Арганду, а 3-й танковый батальон (командир майор И. Ф. Урбан) — в Мората-де-Тахунья. Военный атташе СССР при правительстве Республиканской Испании комбриг В. Е. Горев, выполнявший также роль военного советника командующего Центральным фронтом, приказал командиру 2-го танкового баталь-

⁴⁷ См.: Любарский С. И. Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании. М., 1939. С. 45.

⁴⁸ Там же. С. 21.

она уничтожить противника во взаимодействии с 11-й и 12-й интернациональными бригадами, которые должны были наступать соответственно на гору Похарес и на железнодорожный мост. Однако части 11-й интербригады своевременно не вышли к месту сбора. По требованию военного советника командующего фронтом комкора Г. И. Кулика (псевдоним — «генерал Купер») майор М. П. Петров отправил одну роту на поиски 11-й интербригады, а остальными силами перешел в контратаку. По другим данным, в этой контратаке принял участие весь танковый батальон. Противник не ожидал наступления танкистов, которые своим огнем вынудили замолчать часть его противотанковых орудий на горе Похарес, а при подходе к переправе уничтожили кавалерийское подразделение врага. Но закрепиться на переправе танки без пехоты не смогли и повернули назад. На обратном пути артиллерия противника, ожидавшая танкистов, открыла с холмов ураганный огонь. В результате были подбиты 3 танка, которые были эвакуированы с поля боя.

В течение ночи противник перебросил на восточный берег Харамы резервы, доведя общую численность своих войск до 40 батальонов, 100 орудий и 100 танков. Утром 14 февраля после сильной артиллерийской и авиационной подготовки франкисты перешли в наступление. Они прорвали оборону на стыке 11-й и 15-й интернациональных бригад и стали быстро продвигаться в направлении на Мората. Командование республиканцев, перебросив на это направление, свой резерв (танковую и 24-ю пехотную бригады), предприняло контрудар, в результате чего противник был отброшен в исходное положение, потеряв до 1 тыс. человек убитыми и ранеными.⁴⁹ В последующем развернулись упорные встречные сражения на южном участке харамского плацдарма противника, который пытались ликвидировать республиканцы. Однако сил для этого явно не хватало. 28 февраля обе стороны перешли к обороне.

В ходе Харамской операции, по сведениям Н. П. Платошкина, автора книги «Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.», потери франкистов составили 20 тыс. человек, а республиканцев — 15 тыс. В книге «Танковый прорыв. Советские танки в боях 1937–1942 гг.» говорится о том, что республиканцы потеряли 28 танков подбитыми и 13 боевых машин, захваченных противником, а франкисты — 22 танка. Столь высокие потери в танках

---

⁴⁹ См.: Любарский С. И. Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании. С. 21.

были обусловлены тем, что они в основном наступали при слабой артиллерийской поддержке и без тесного взаимодействия с пехотой. В целом же бронетанковые подразделения и части республиканской армии успешно действовали в оборонительных боях. Начальник Генерального штаба сил обороны Мадрида генерал В. Рохо отмечал, что «танки сыграли исключительно важную роль...».⁵⁰ Они наносили контрудары по вклинившемуся в оборону противнику, поддерживали свою пехоту в обороне, участвовали в прорыве сильно укрепленной обороны врага.

А. Мастерков в статье «Харама, 1937. Первое сражение советских танков», опубликованной в сборнике «Танковый удар: Советские танки в боях: 1942–1943 гг.», отмечал, что в этой операции «советские танкисты столкнулись с большинством задач, которые им пришлось затем решать в ходе советско-финской и Великой Отечественной войны». К этим задачам относятся: проведение танковых контратак с целью «остановить прорыв противника» и «мелкими силами с целью решения локальных задач и поддержки местных действий своей пехоты»; усиление танками пехотной обороны; осуществление массовой атаки танков на укрепленную оборону противника с целью ее прорыва.

После неудачи в Харамской операции итальянское командование настояло на проведение самостоятельной операции силами Итальянского экспедиционного корпуса. Замысел операции состоял в том, чтобы ударить четырьмя дивизиями (моторизованная «Литторио», 1-я волонтерская «Божья воля»⁵¹, 2-я волонтерская «Черное пламя», 3-я волонтерская «Черные перья») из района Альгора, Сигуэнца, Мединасели, Ариза, Альколеадель-Пинар по Мадриду с северо-востока через Гвадаррамский хребет с целью окружения столицы и главных сил Мадридского фронта. Испанской дивизии «Сория» (6 тыс. человек) предстояло нанести отвлекающие удары в Андалузии, на р. Харама и у Сеговии. Кроме того, силами так называемой «пятой колонны»⁵² намечалось поднять восстание во временной республиканской столице — Валенсии.

Данные о численности войск, привлекаемых для проведения операции, весьма противоречивы. Так, П. И. Самойлов

---

⁵⁰ См.: Солидарность народов с Испанской Республикой 1936–1939. М., 1972. С. 250.

⁵¹ В некоторых источниках дивизия «Божья воля» именуется «Так хочет Бог».

⁵² «Пятая колонна» — наименование агентуры генерала Ф. Франко, действовавшей в республиканской Испании.

в своей книге «Гвадалахара (Разгром итальянского экспедиционного корпуса)» пишет, что он насчитывал около 60 тыс. человек (по данным Д. Г. Павлова — более 50 тыс.), 250 орудий, 140 танков и бронеавтомобилей, 60 самолетов.⁵³ В то же время, рассматривая боевой порядок корпуса, Самойлов приводит следующие цифры: 46,4 тыс. бойцов, 78 мортир, 204 орудия, 108 танков и 32 бронеавтомобиля.⁵⁴ С. И. Любарский отмечал, что для проведения операции в полосе шириной 22 км было сосредоточено около 70 тыс. бойцов, 294 орудия и 120 легких танков.⁵⁵ С. Ю. Данилов приводит одинаковые с П. И. Самойловым данные по количеству орудий и бронетехнике, но отмечает, что корпус имел около 40 тыс. человек и его поддерживало не менее 120 самолетов.⁵⁶ Н. П. Платошкин в своей книге «Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.» приводит иные цифры, нежели Самойлов, по количеству бойцов — 49,8 тыс. бойцов и орудий — почти 200. Н. Г. Корсун, анализируя численность итальянского корпуса, подчеркивал, что он имел превосходство в личном составе в 6 раз, по орудиям — в 17 раз и по танкам — абсолютное. Плотность на 1 км фронта составляла 7,5 танка и 19 орудий.⁵⁷

Военное министерство республиканской Испании, Генеральный штаб и командование Центрального фронта не сумели вскрыть намерения противника. Они, считая, что Итальянский экспедиционный корпус нанесет удар из района Эль-Прадо, уделили основное внимание Харамскому фронту. На гвадаррамском направлении в полосе шириной 80 км оборонялась лишь 12-я пехотная дивизия (10 тыс. бойцов, 12–15 орудий), испытывавшая недостаток в артиллерии, пулеметах и боеприпасах.⁵⁸ В резерве у республиканцев имелись четыре пехотные бригады и 1-я бронетанковая бригада (54 танка и 16 бронеавтомобилей). Оборона рес-

⁵³ См.: Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М., 2006. С. 211; Самойлов П. И. Гвадалахара (Разгром итальянского экспедиционного корпуса). М., 1940. С. 34.

⁵⁴ Подсчитано по: Самойлов П. И. Гвадалахара (Разгром итальянского экспедиционного корпуса). С. 42.

⁵⁵ См.: Любарский С. И. Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании. С. 45.

⁵⁶ См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). С. 127.

⁵⁷ См.: Корсун Н. Некоторые оперативные выводы из последних войн (часть 1) // Военно-исторический журнал. 1939. № 1.

⁵⁸ См.: Самойлов П. И. Гвадалахара (Разгром итальянского экспедиционного корпуса). С. 34.

публиканцев не была сплошной. Они занимали преимущественно узлы дорог и командующие высоты, промежутки между которыми были слабо прикрыты. 7 марта республиканское командование решило перебросить под Сигуэнцу четыре резервных батальона и танковую роту (7 танков). Они, совершив 90-километровый марш, прибыли на позиции к утру 8 марта.

8 марта 1937 г. после 30-минутной артиллерийской и авиационной подготовки 20 танков при поддержке пехоты Итальянского экспедиционного корпуса перешли в наступление. Части 12-й пехотной дивизии оказывали упорное сопротивление. За три дня итальянцам, применившим огнемётные танкетки, удалось продвинуться всего на 30 км. На направление главного удара противника в спешном порядке к 12 марта были переброшены две республиканские дивизии, кавалерийский полк (всего около 20 тыс. человек) и 1-я бронетанковая бригада. На их поддержку были выделены 70–75 самолетов. Танки по-ротно и по-взводно были приданы пехотным батальонам. Танковая группа (20 Т-26 с советскими экипажами), пройдя по труднопроходимой лесистой местности, внезапно из засады атаковала во фланг и в тыл моторизованную дивизию «Литторио», которая до этого понесла большие потери от ударов республиканской авиации. Это вызвало панику среди личного состава дивизии. Командир танкового взвода республиканцев Э. Феррер 10 марта подбил сначала четыре итальянские танкетки, а потом, обнаружив 20 танкеток у заправки горючим, уничтожил их вместе с этой заправкой. После этого танковый взвод уничтожил 15 грузовиков и одно противотанковое орудие.⁵⁹ В результате смелых и решительных действий танкистов наступление итальянцев к 15 марта было остановлено. Попытка командира корпуса вводом в бой своего резерва (огнемётные танки «Ансальдо») восстановить положение была нейтрализована подоспевшими республиканскими средними танками Т-28.

В течение двух дней обе стороны готовились к новому наступлению. Итальянский экспедиционный корпус насчитывал 45 тыс. человек, 70 мортир, 200 орудий, 80–100 танков и бронеавтомобилей, 50 самолетов, а республиканцы — 20 тыс. человек, 17 мортир, 28 орудий, 60 танков и бронеавтомобилей и 70 самолетов.⁶⁰ Таким образом, итальянцы по-прежнему имели превосходство по живой

---

⁵⁹ См. Самойлов П. И. Гвадалахара. (Разгром итальянского экспедиционного корпуса). С. 58–59.

⁶⁰ Там же. С. 107.

силе почти в 2,3 раза; по орудиям — в 7, по танкам и броневым автомобилям — в 1,3–1,7 раза, уступая республиканцам в 1,4 раза по самолетам.

Командование республиканцев планировало нанести главный удар силами трех пехотных бригад (12-я интернациональная, 1-я ударная, 70-я) при поддержке 38 танков и авиации в направлении на город Бриуэгу, а затем развернуть наступление вдоль французского шоссе, чтобы разгромить резервы противника. Для поддержки ударной группы была создана артиллерийская группа в составе пяти батарей и выделена вся авиация. Танки были разделены на две группы: танки поддержки пехоты (ТПП) и танки дальнего действия (ДД). В резерве находилась одна пехотная бригада (65-я).

Восемнадцатого марта около двух часов дня после авиационной подготовки и 10-минутного артиллерийского налета танки и пехота перешли в контрнаступление и быстро прорвали оборону итальянцев. В образовавшуюся брешь была введена группа танков ДД (16 танков). Это вынудило 19 марта командира Итальянского экспедиционного корпуса генерала М. Роатта принять решение на отвод своих частей на север. Для преследования противника был создан моторизованный отряд, в состав которого вошли батальон пехоты на грузовиках, танковая рота и артиллерийская батарея на механической тяге. К 22 марта республиканцы вернули большую часть территории, занятой противником. Танковые авангарды республиканцев дважды доходили до Сигуэнсы, но из-за отставания тылов, нехватки боеприпасов и резервов взять город не смогли.

Данные о потерях в ходе Гвадалахарского сражения весьма противоречивы. Так, В. Шпаковский и С. Шпаковская отмечают, что в боях под Гвадалахарой итальянцы всего потеряли 45 танков (из них 10 захватили республиканцы), 43 пушки, 170 грузовиков, 35 самолетов и несколько тысяч человек убитыми.⁶¹ С. Ю. Данилов считает, что итальянцы потеряли почти 10 тыс. человек ранеными, убитыми и пропавшими без вести, оставили на поле сражения почти треть артиллерии (до 80 орудий и минометов), около 50 бронеединиц, 12 самолетов и около 300 автомашин, а потери республиканцев составили около 6 тыс. человек.⁶² По данным П. И. Самойлова, республиканцы потеряли 3 868 человек, в том

---

⁶¹ См.: Шпаковский В., Шпаковская С. Бронетехника гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. С. 12.

⁶² См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). С. 132.

числе 208 убитыми, 2 самолета и 7 танков (4 из них республиканцы вернули при отступлении итальянцев).⁶³

Успех республиканцев в Гвадалахарском сражении был достигнут благодаря умелому выбору направления главного удара, массированию сил и средств на нем, тесному взаимодействию пехоты, танков, артиллерии и авиации. Об этом говорил комкор Д. Г. Павлов 22 ноября 1937 г. на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны СССР. Для рекогносцировки местности, организации взаимодействия между пехотой, артиллерией, танками и авиацией были отведены четыре дня. Танковые подразделения республиканцев, несмотря на сложные погодные условия (дожди, туманы, низкая облачность, грязь и распутица), успешно действовали при прорыве обороны, отражении контратак действиями из засад и путем ведения огня с замаскированных позиций, нанесении контрударов, ведении преследования противника и захвате совместно с пехотой населенных пунктов и узлов обороны.

П. И. Самойлов в своей книге «Гвадалахара (Разгром итальянского экспедиционного корпуса)» дал высокую оценку действиям танков в обороне, подчеркнув, что они «в общевойсковой обороне оказались величайшей силой, составляя в испанских условиях опору и костяк этой обороны». При этом часть танков (меньшая) распределялась для «дежурства» по пехотным участкам, усиливая иногда передний край обороны (так называемые бронированные «огневые точки»), а остальные танки (большая часть) ставились в «засадах» у вероятных направлений наступления противника и играли роль танковых резервов, предназначенных для нанесения контрудара совместно с артиллерией, пехотой и авиацией. Танки также играли большую роль при отступлении, сдерживая наступление противника.

С 5 по 27 июля 1937 г. республиканское командование провело Брунетскую наступательную операцию с целью ослабить нажим противника на Северном фронте и сорвать готовившееся им наступление на юге, с целью окружения и разгрома Мадридского корпуса франкистов. Замысел состоял в том, чтобы нанести по Армии Центра противника (55 тыс. солдат, 300 орудий, 100 танков и 100 самолетов) два встречных удара в общем направлении на Брунете — важном узле коммуникаций в тылу франкистов. Главный удар намечалось нанести силами двух корпусов из рай-

---

⁶³ См.: Самойлов П. И. Гвадалахара (Разгром итальянского экспедиционного корпуса). С. 137.

она северо-западнее Мадрида, а вспомогательный — из района юго-восточнее города в направлении Навалькарnero.

Для проведения операции республиканское командование сосредоточило три корпуса (5-й, 18-й и 21-й), бронетанковые и артиллерийские части. Они, по данным С. Ю. Данилова, насчитывали 85 тыс. штыков, 220 орудий и минометов, 180 танков и бронеавтомобилей, до 200 самолетов.⁶⁴ Н. П. Платошкин в своей книге «Гражданская война в Испании (1936–1939)» считает, что республиканцы имели 250 орудий, 130 танков, 40 бронеавтомобилей и 140 самолетов. Участник войны в Испании Ю. И. Кириленко писал, что у республиканцев было 129 танков, 217 орудий и 140 самолетов.⁶⁵ Республиканцы превосходили противника в живой силе в 1,5 раза, в танках — в 1,8, в самолетах — в 2 раза, уступая ему в орудиях — почти в 1,4 раза. За счет умелого массирования сил средств на направлении главного удара на участке шириной 12 км были сосредоточены 6 пехотных дивизий, около 100 орудий, 80 танков и 30 бронемашин. Средняя плотность на 1 км фронта составляла до 3,3 тыс. человек, 8 орудий, 7 танков, 2 бронеавтомобилей.⁶⁶ Впервые республиканцам удалось сохранить в тайне подготовку к наступлению.

Операция началась на рассвете 5 июля ударом на вспомогательном направлении. Продвинувшись на 3 км, республиканцы были остановлены сильными контратаками противника. В ночь на 6 июля перешла в наступление ударная группа, которая быстро прорвала вражескую оборону. Развивая успех, части 5-го корпуса республиканцев при поддержке танков к исходу дня овладели Брунете. Однако генералиссимус Франко, перебросив с Северного фронта значительные силы (две наваррские бригады, 150-я и 108-я пехотные дивизии из Галисии, «Легион Кондор»), нанес ряд контрударов и к 12 июля остановил войска республиканцев. 18 июля противник перешел в общее наступление и 27 июля снова овладел Брунете.

В ходе Брунетской операции республиканскому командованию не удалось достигнуть конечной цели из-за нехватки сил и средств, просчетов в организации наступления. Кроме того, в состав ударной группы не было выделено необходимых сил для

---

⁶⁴ См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). С. 176.

⁶⁵ См.: Кириленко Ю. И. В небе Испании // Военно-исторический архив. 2006. № 5. С. 169.

⁶⁶ См.: Корсун Н. Некоторые оперативные выводы из последних войн (часть 1) // Военно-исторический журнал. 1939. № 1.

развития тактического успеха в оперативный. В то же время удалось сорвать планы противника, вынужденного отказаться от наступления на Южном фронте — в Эстремадуре. Потери противника составили 10 тыс. ранеными и убитыми и 35 самолетов, а республиканцев — почти 25 тыс. человек, 61 танк Т-26 и около 100 самолетов.⁶⁷

Особенностью Брунетской операции являлось то, что франкисты использовали танки (30–40 боевых машин) только в моменты обострения ситуации и на танкодоступной местности, избегая штурма опорных пунктов республиканцев. Противник успешно применял 37-мм противотанковые пушки с оптическим прицелом для борьбы с республиканскими танками, доведя плотность противотанковой артиллерии до 26,6 орудия на 1 км фронта. Кроме того, эффективными средствами борьбы с танками явились минные поля и использование бутылок с горючей жидкостью. А. Г. Серебряков также считал, что большие потери республиканской армии в танках были обусловлены «недостаточной тактической и технической подготовкой танковых экипажей республиканцев и фактически полным отсутствием своевременной поддержки и обеспечения атакующих танков со стороны других родов войск». Поэтому республиканские танки в большинстве случаев вели огонь с места или двигались на малых скоростях, далеко не всегда используя превосходные тактические качества своих машин.⁶⁸ Большие потери республиканцев в бронетехнике дали повод многим западным военным теоретикам считать, что эра танков закончилась.

После Брунетской операции франкисты предприняли наступление на город Сантандер — административный центр автономного сообщества Кантабрия. Город обороняла армия республиканцев численностью около 90 тыс. человек при 30 танках, в том числе 20 старых французских «Рено» и восемь пулеметных машин «Трубия», изготовленных астурийцами.⁶⁹ Для наступления на Сантандер противник сосредоточил до 50 тыс. штыков и сабель, 240 орудий, 60–70 танков и бронеавтомобилей. Их поддерживали три итальянские дивизии («Литторιο», «23 марта» и «Черное пламя»), насчитывавшие около 25 тыс. штыков. Итальянцы, понеся существенные потери в боях за Мадрид, решили

---

⁶⁷ См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). С. 181.

⁶⁸ См.: Серебряков А. Г. Брунетская операция республиканской армии Испании (Оперативно-тактический очерк). С. 77.

⁶⁹ См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). С. 181.

использовать свои легкие танки в составе смешанных подразделений, получивших обозначение «Celere» («быстрые»). Они включали бронев автомобили, мотоциклистов с пулеметами, кавалерию и мотопехоту. Несмотря на слабую материальную часть, эти подразделения показали высокую эффективность в ходе боевых действий.

Четырнадцатого августа франкисты и итальянцы нанесли мощный удар по Сантандеру с юго-востока. Они прорвали неустойчивую оборону республиканцев и создали угрозу городу Рейносе. Итальянскую дивизию «Черное пламя» на двое суток остановил у Кокранты республиканский танковый батальон. Однако противнику удалось срезать рейносский выступ ударами в сходящихся направлениях и занять 16 августа Рейносу, а 26 августа — Сантандер.

В ходе сражения за Сантандер командование республиканцев подготовило операцию в Арагоне на широком фронте. В полосе от Хаки до Теруэля были развернуты значительные силы: до 80 тыс. человек, около 200 орудий и 100 бронеединиц, 140 самолетов.⁷⁰ Впервые республиканцы располагали сотнями грузовиков, что позволило сформировать группы моторизованной пехоты. Противник насчитывал около 20 тыс. штыков, 80 орудий, 40 бронеединиц и 15 истребителей. На подступах к Сарагосе ему при участии германских военных инженеров удалось за год создать сильно укрепленный район.

С целью достижения внезапности республиканцы 22 августа без предварительной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление на Хаку — форпост противника в предгорьях Пиреней. 24 августа началось наступление на Сарагосу и Теруэль. Оно вначале развивалось успешно. Республиканские части вышли к Сарагосе с юго-востока, востока и северо-востока. Однако противник, опираясь на сильно укрепленную оборону, сумел к исходу третьего дня наступления остановить республиканцев. Генералиссимус Франко для поддержки своих войск перебросил из Кастилии две дивизии. В воздухе появилась итало-германская авиация, которая беспрепятственно атаковала коммуникации республиканцев, не защищенные зенитной артиллерией. Командующий армией Востока республиканцев генерал С. Посас 28 августа принял решение перейти к обороне на сарагосском направлении до овладения городами Бельчите и Кинто. Для их захвата были переброшены половина всей

---

⁷⁰ Там же. С. 192.

артиллерии и все танки. После ожесточенных боев гарнизоны Бельчите и Кинто, израсходовав все боеприпасы, 6 сентября сдались. В связи с тем, что все резервы республиканцев были израсходованы, они не сумели овладеть Сарагосой.

В октябре 1937 г. боевое крещение на Арагонском фронте получил 1-й отдельный интернациональный танковый полк, которому был придан в качестве десанта 24-й испанский пехотный батальон. 13 октября танковый полк совместно с 15-й интернациональной бригадой атаковал укрепленный городок Фуэнтес-де-Эбро, расположенный в низовьях р. Эбро. Местность для наступления была выбрана неудачно, так как предстояло переправиться через р. Синку и окружавшую ее систему оросительных каналов. Противник, стремясь сорвать наступление республиканцев, открыл шлюзы и затопил арагонскую равнину. Пехота и артиллерия отстали от танков БТ-5, которые вынуждены были в одиночку бороться с противотанковой артиллерией противника. Части 1-го отдельного интернационального танкового полка сумели потеснить неприятеля и выйти на подступы к Сарагосе. В этом сражении республиканцы потеряли 30 тыс. убитых, раненых и пропавших без вести, 70–80 танков, а националисты — 20 тыс. человек.⁷¹ Потери 1-го отдельного интернационального танкового полка составили, по одним данным, 16, по другим — 18–19 или 26 танков БТ-5.⁷² Опыт сражения показал, что танки нецелесообразно использовать без поддержки пехоты и артиллерии при штурме каменных и железобетонных укреплений.

Франкисты, опираясь на теруэльский плацдарм, имели возможность свободного выхода к Средиземному морю. Одновременно они готовили новое наступление на Мадрид. Командование республиканского Восточного (Арагонского) фронта, стремясь сорвать планы противника, решило провести Теруэльскую операцию. Замысел операции заключался в нанесении трех ударов по сходящимся направлениям с целью окружения и уничтожения 52-й пехотной дивизии противника (9 тыс. солдат и гражданских гвардейцев военного губернатора провинции полковника Д. Рея д'Аркура при 100 орудиях), оборонявшейся в теруэльском высту-

---

⁷¹ См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). С. 196.

⁷² См.: Павлов М. В., Желтов И. Г., Павлов И. В. Танки БТ. / М. В. Павлов, И. Г. Желтов, И. В. Павлов. М., 2001. С. 102; Шпаковский В., Шпаковская С. Бронетехника гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. С. 26; Морозов В. Далекий Меридиан. Бронетанковая техника в гражданской войне в Испании // Техника и вооружение. 2015. № 8. С. 11.

пе. Подготовка к операции осуществлялась с соблюдением всех мер маскировки. Она должна была начаться в сложных погодных условиях с целью достижения внезапности.

Командованию республиканцев удалось скрытно сосредоточить 5 корпусов, в том числе части Маневренной армии, развёрнутых на территории так называемого испанского Леванта (восточная часть Испании). Они насчитывали 135 орудий, 92 танка и 60 броневых автомобилей.⁷³ По данным Н. П. Платошкина, в операции должны были принять участие 125 орудий, 92 танка и 80 броневых автомобилей. С. Ю. Данилов считает, что в операции принимали участие 60 тыс. человек, 240 орудий, около 100 бронеединиц и до 200 самолетов.⁷⁴ Две танковые роты (2-я и 4-я) бронетанковой группы майора Кондратьева были приданы 34-й пехотной дивизии, а одна танковая рота (3-я) — 68-й пехотной дивизии. Остальные подразделения бронетанковой группы (1-я танковая рота и батальон броневых автомобилей) под командованием майора Кондратьева должны были наступать на Теруэль вдоль западного берега р. Турия. Оперативная плотность на 1 км фронта составляла до 4 батальонов, 16 орудий (на некоторых направлениях), 8 танков и 20 броневых автомобилей.⁷⁵

Пятнадцатого декабря 1937 г. войска Восточного (Арагонского) фронта в сложных погодных условиях (метели, мороз до -20°C) без артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление. Оно оказалось неожиданным для противника, оборона которого была быстро прорвана. К исходу 16 декабря республиканцы окружили части 52-й пехотной дивизии в долине р. Альфамбра севернее Теруэля. Для создания внешнего фронта окружения были выделены две дивизии, а остальные соединения продолжали наступление на внутреннем фронте. 21 декабря республиканские войска, несмотря на сильнейшую метель, ворвались в Теруэль. Танки и броневые автомобили в составе смешанных танкострелковых групп втянулись в уличные бои, в ходе которых понесли большие потери.

С целью оказать помощь окруженному гарнизону Теруэля противник перебросил к городу 6 пехотных дивизий. Они при поддержке авиации 28 декабря перешли в наступление на вне-

---

⁷³ См.: Шпаковский В., Шпаковская С. Бронетехника гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. С. 26.

⁷⁴ См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). С. 217.

⁷⁵ См.: Корсун Н. Некоторые оперативные выводы из последних войн (часть 1) // Военно-исторический журнал. 1939. № 1.

шнем фронте окружения, прорвав его к исходу 31 декабря и выйдя на подступы к Теруэлю. Однако соединиться с окруженным гарнизоном противнику не удалось. Значительную роль в срыве плана врага сыграли части бронетанковой группы майора Кондратьева. Танки БТ-5, укрытые за развалинами домов, огнем с близкого расстояния уничтожили два итальянских танка «Ансальдо», а затем, перейдя в контратаку, рассеяли пехоту противника. Для отражения его удара в сражение был введен из резерва 5-й армейский корпус (2 пехотные дивизии). 7 января 1938 г. остатки гарнизона противника (5 тыс. человек), не имея артиллерии и боеприпасов, капитулировали.

Успешное проведение республиканцами Теруэльской операции вынудило генералиссимуса Франко отложить очередной штурм Мадрида. В ходе операции 1-й отдельный интернациональный танковый полк в уличных боях потерял 15 танков БТ-5. Танки, действуя в горных условиях при низкой температуре воздуха (-20°C) и слое снега, достигавшем 30–40 см, не имели возможность проявить свои быстроходные качества.

Противник, потеряв Теруэль, неоднократно пытался восстановить над ним свой контроль. В ходе оборонительных боев части бронетанковой группы майора Кондратьева успешно проводили контратаки и уничтожали противника из засады. Так, во время очередного штурма Теруэля утром 2 февраля 1938 г. танковая рота старшего лейтенанта П. Н. Сиротина, перейдя в контратаку, отсекла пехоту от танков, подбила три танка «Ансальдо» и еще три уничтожила. 12 февраля франкисты силами 11 пехотных дивизий и 40 танков предприняли решительный штурм Теруэля. После ожесточенной так называемой «морозной битвы» им удалось 22 февраля вновь захватить город. При этом они потеряли 47 тыс. человек, в том числе 14 тыс. убитыми и пленными, а республиканцы — почти 55 тыс. человек (из них около 20 тыс. пленными), 60–70 орудий и 40–50 танков.⁷⁶

В начале марта 1938 г. генералиссимус Франко решил принять решающее наступление с целью рассечь территорию республиканской Испании на две части, разъединить ее Центральный и Каталонский фронты, отрезать центральные районы страны и Мадрид от главной промышленной базы — Каталонии, закрыть пути снабжения с Францией. Для достижения этой цели намечалось нанести серию последовательных ударов на различных участках фронта. Воспользовавшись политикой «невме-

---

⁷⁶ См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). С. 223.

шательства», проводимой правительствами Англии и Франции, Франко сумел значительно пополнить свои силы людскими резервами и военной техникой, поступавшими из Германии и Италии.

Для проведения операции, получившей наименование Арагонская, между Теруэлем и Пиренеями на 300-километровом фронте были развернуты пять испанских армейских корпусов («Галисия», «Кастилия», «Марокко», «Маэстраго», «Наварра») и Итальянский добровольческий корпус. Они насчитывали около 350 тыс. человек, 700 орудий, 250 танков и до 700 самолетов.⁷⁷ Н. Г. Корсун приводит иные данные: по живой силе — до 250 тыс. человек, по орудиям — 1800 (считая и малокалиберные).⁷⁸ С. Ю. Данилов совершенно по-иному оценивает численность войск противника: 300 тыс. человек, свыше 700 орудий и минометов, около 300 бронеединиц и до 800 самолетов.⁷⁹ В работе Н. Г. Корсуна отмечается, что на участке прорыва шириной 90 км были сосредоточены 13 пехотных дивизий, 350 орудий и 100 танков. Средняя плотность на 1 км фронта составляла 4 орудия, 1 танк, а на направлениях главных ударов — 60–70 орудий и 10–15 танков.⁸⁰

В отличие от франкистов, возможности правительства Респуббликанской Испании закупать за границей необходимые для ведения войны средства были крайне ограничены. Оно смогло противопоставить врагу всего 200 тыс. человек, 300 орудий, 100 танков и 60 (по другим данным 100) самолетов.⁸¹ Почти одну треть бронетанковой техники составляли танки и бронеавтомобили, кустарно изготовленные каталонскими анархистами.

9 марта 1938 г. войска генералиссимуса Франко совместно с итальянцами после сильной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление южнее р. Эбро. Однако республиканское командование считало, что это наступление носит вспомогательный характер, а главный удар противника следует ожидать на Мадрид через Гвадалахару. Поэтому южнее р. Эбро были сосредоточены незначительные силы. В результате противник быстро прорвал оборону республиканцев, а затем ввел в сражение два корпуса, расширив прорыв и продвинувшись на восток

---

⁷⁷ См.: Советская военная энциклопедия. В 8 т. М., 1976. Т. 1. С. 227–228.

⁷⁸ См.: Корсун Н. Некоторые оперативные выводы из последних войн (часть 1) // Военно-исторический журнал. 1939. № 1.

⁷⁹ См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). С. 223–224.

⁸⁰ См.: Корсун Н. Некоторые оперативные выводы из последних войн (часть 1) // Военно-исторический журнал. 1939. № 1.

⁸¹ См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). С. 226.

на 70–90 км. В ходе операции 1-й отдельный интернациональный танковый полк, вступив с ходу в бой, разгромил моторизованную колонну итальянцев. Отразив наступление противника на Монтальбан, полк был переброшен на наиболее угрожаемое направление под Альканьис. Там один танк БТ-5 обратил в бегство пять немецких танков, уничтожив один из них таранным ударом. Это был второй танковый таран во время гражданской войны в Испании.

Республиканское командование, осознав свою ошибку с определением направления главного удара противника, начало перебрасывать на это направление резервы, но их ввод в сражение с ходу уже не мог повлиять на исход операции. Противник, перегруппировав свои силы, 22 марта перешел в контрнаступление и к 15 апреля вышел южнее р. Эбро у рыбацкого городка Винароса к Средиземному морю. В результате фронт республиканской армии был рассечен и нарушена связь Каталонии с Центральной Испанией.

В ходе Арагонской операции франкисты потеряли не более 15–20 тыс. человек, а республиканцы — свыше 145 тыс., в том числе не менее 50 тыс. ранеными и убитыми, большую часть военной техники и почти половину автотранспорта.⁸² Поражение республиканцев было обусловлено следующим причинами: превосходством противника в силах и средствах; просчетами республиканского командования в определении направления главного удара врага; отсутствием твердого руководства республиканскими войсками в ходе оборонительных действий. В этой операции группа танков ДД с десантом, действуя самостоятельно, понесла большие потери от огня противника.

Командование республиканцев, стремясь отвлечь силы франкистов и вынудить их отказаться от наступления на Валенсию, решило силами Армии Эбро (12-й, 15-й и 5-й корпуса) нанести удар с севера во фланг и в тыл группировки противника, наступавшей на Валенсию, форсировать р. Эбро на участке Алматрет, Миравет, где оборону занимала всего лишь одна пехотная дивизия. В последующем намечалось развивать наступление в направлении Гандеса, Вальдерробреса, а в дальнейшем — на Море-лья. Это позволяло создать угрозу для валенсийской группировки противника и вынудить его приостановить наступление на фронте Леванте и перебросить значительную часть сил на север.

Для проведения операции были созданы две ударные группы: одна в составе четырех, а другая — двух пехотных дивизий, уси-

---

⁸² См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). С. 235.

ленных артиллерией, танками и бронеавтомобилями. В резерве находился один корпус (20 тыс. человек). К участию в операции республиканцами были привлечены две бронетанковые бригады. Части 15-го корпуса получили на усиление до 20 танков и 40 бронеавтомобилей, а 5-й корпус — 20 танков и 30 бронеавтомобилей. Ширина полосы наступления составляла 90 км, а главный удар наносился на участке в 14 км. На участке форсирования р. Эбро республиканцы сосредоточили до 200–250 орудий, около 60 танков и 100 бронеавтомобилей при поддержке 70 самолетов.⁸³ Оперативная плотность на 1 км фронта была 2–4 батальонов, 16 орудий, 4 танка, 5 бронеавтомобилей.⁸⁴ С целью обеспечения секретности операции участие авиации в ней не предусматривалось. У республиканцев не хватало зенитной, тяжелой и противотанковой артиллерии.

В ночь на 25 июля республиканские части после короткой, но эффективной артиллерийской подготовки форсировали Эбро и к исходу дня продвинулись на 15–25 км. Однако пехотные части остались без поддержки артиллерии и танков, так как бронетанковые части в течение двух с половиною суток ожидали наводки мостов. Этим воспользовался противник, который перебросил в район прорыва часть сил из-под Валенсии. К концу июля ему удалось остановить наступление республиканцев. Генерал Х. Ягуэ, командовавший войсками франкистов, 6 августа силами пехоты и танков нанес контрудар по соединениям Армии Эбро. Они под напором противника вынуждены были отступить от Гандесы. В августе—сентябре генерал Ягуэ, применив на узком участке 130 бронеединиц при поддержке 300 германских и итальянских самолетов, развернул наступление на Гаэту и Сьерру-Пандольс. Несмотря на превосходство противника, республиканцы сумели удержать занимаемые позиции. И только после ожесточенных боев они под давлением врага 15 ноября оставили плацдарм на правом берегу р. Эбро.

Активные действия республиканцев на р. Эбро вынудили противника прекратить наступление на Валенсию. В ходе этого сражения республиканцы, по их данным, потеряли от 50 тыс. до 70 тыс. человек ранеными, убитыми, больными и пропавшими без вести, около 130 самолетов. Франкисты захватили до 200 ору-

---

⁸³ См.: Серебряков А. Операция на р. Эбро (1938 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 6.

⁸⁴ См.: Корсун Н. Некоторые оперативные выводы из последних войн (часть 1) // Военно-исторический журнал. 1939. № 1.

дий и гранатометов, 2 000 пулеметов, 35 танков. Их потери составили свыше 80 тыс. человек, 214 самолетов.⁸⁵

А. Г. Серебряков, оценивая применение танков республиканцами, отмечал, что слишком поздняя их переправа через р. Эбро не позволила оказать помощь пехоте. И только в районе Аско и Миравет с целью обеспечения переправы пехоты танки успешно использовались для подавления своим огнем огневых точек противника на противоположном берегу. В то же время франкисты применяли танки массированно после разведки и в сопровождении артиллерии.

К середине ноября 1938 г. генералиссимус Франко развернул в 140-километровой полосе от Пиренеев до Средиземного моря Северную армию (четыре испанских и один итальяно-испанский корпуса), насчитывавшую 340 тыс. солдат, до 1 000 орудий и минометов, не менее 300 бронеединиц, около 500 исправных самолетов.⁸⁶ По другим данным, противник имел 200 танков.⁸⁷ Этими силами намечалось 26 ноября перейти в наступления на Каталонию, сосредоточив основные усилия севернее и южнее Лериды в общем направлении на Барселону.

Республиканское правительство имело данные о возможном генеральном наступлении противника, полученные советской разведкой от работавшей в Германии «Красной капеллы» во главе с обер-лейтенантом Х. Шульце-Бойзенем. Для отражения этого наступления были сформированы две армии и шесть корпусов, вошедшие в состав Восточного фронта под командованием генерала Х. Э. Сарабии. Они насчитывали 200 тыс. человек, около 250 орудий, 120 танков и бронеавтомобилей, 106 самолетов.⁸⁸ По другим данным, республиканцы имели 176 тыс. солдат, 225 орудий, 240 танков и бронеавтомобилей, 134 самолета.⁸⁹ Значительная часть военной техники, в том числе танки и бронеавтомобили, была неисправна. Части Восточного фронта опирались на два оборонительных рубежа, из которых только рубеж вдоль р. Сегре мог считаться сплошным, второй был прерывчатым и неглубоким. Командование республиканцев планировало прочно удерживать эти рубежи и сосредоточить для контрудара опера-

---

⁸⁵ См.: Серебряков А. Операция на р. Эбро (1938 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 6.

⁸⁶ См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). С. 265.

⁸⁷ См.: Советская военная энциклопедия. В 8 т. М., 1977. Т. 4. С. 118.

⁸⁸ См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). С. 266.

⁸⁹ См.: Советская военная энциклопедия. Т. 4. С. 118.

тивные резервы на флангах ударных группировок противника. Кроме того, предусматривалось силами флота между 8 и 11 декабря высадить десант в тылу врага у Мотриля.

Двадцать третьего декабря авиация противника нанесла удары на глубину до 60 км. После этого две ударные группировки Северной армии одновременно перешли в наступление из района Тремпа в полосе Восточной армии и из района Сегре против Армии Эбро. Плохо вооруженные республиканские войска не смогли сдержать вражеский натиск. В начале января 1939 г. командующий Северной армией ввел в сражение свежие германо-итальянские моторизованные и танковые части, насчитывавшие более 100 танков, в том числе более совершенные Т-III, Л-6 и П-40. Они обошли фланги республиканцев и, пользуясь развитой дорожной сетью Каталонии и сухой морозной погодой, прошли с боями без поддержки пехоты свыше 30 км в тылу республиканцев, уничтожая командные пункты, резервы, линии связи и коммуникации. Это вынудило сильно поредевший 5-й корпус республиканцев начать отход к Таррагоне.

С целью оказать помощь войскам Восточного фронта 5 января 1939 г. республиканцы перешли в наступление в Эстремадуре. Они, имея численное превосходство, отбросили почти без потерь врага на 20 км. Однако противник продолжал вводить в сражение новые силы пехоты и танков, развивая удар на Монтбланк, Таррагона. Войска республиканцев, оборонявшиеся в нижнем течении р. Эбро, вынуждены были начать отход к Барселоне. Противнику удалось прорвать оборону республиканцев в стыке между Восточной армией и Армией Эбро. Его механизированные части и итальянская моторизованная дивизия «Литторио» стали обходить Барселону с запада и севера, вынудив республиканцев 26 декабря оставить город. Преследуя их, противник 5 февраля занял на северо-востоке Испании город Жирона, расположенный в 40 км от французской границы. 8–9 февраля республиканские войска перешли на территорию Франции и были интернированы. Всего во Франции оказались 63 тыс. испанских военнослужащих и не менее 400 тыс. гражданских лиц. Противник взял в плен почти 60 тыс. человек, потеряв около 40 тыс. ранеными и убитыми. Потери республиканцев составили около 50 тыс. человек.⁹⁰

Двадцать седьмого февраля 1939 г. правительства Франции и Великобритании признали генералиссимуса Франко и заявили о разрыве дипломатических отношений с правительством

---

⁹⁰ См.: Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). С. 278.

Республиканской Испании. Вечером 5 марта новый начальник Генштаба генерал С. Касадо организовал переворот и захватил власть в Мадриде. 28 марта фронт был открыт войскам Франко, которые к 30 марта заняли всю территорию Республики.

Изучение опыта применения танков в Испании

Еще в ходе Гражданской войны в Испании отечественные и зарубежные историки, а также участники боевых действий приступили к обобщению ее опыта, в том числе применения автотанковых войск.⁹¹

Одним из первых трудов является книга «Гражданская война в Испании. Действия на Центральном фронте (октябрь 1936 — апрель 1937 года)», изданная под грифом «Секретно». Она была разработана советскими военными советниками на основе материалов отечественной и иностранной прессы. В книге дается характеристика территории, на которой разворачивались боевые действия, показывается состав, численность и соотношение сил и средств противоборствующих сторон. Значительное внимание уделено вопросам подготовки и ведения операций, на основе обобщения опыта которых сделаны выводы по вопросам военного искусства. Авторы книги, рассматривая вопросы применения танков, отмечали: «Хотя действия танковых групп дальнего действия и не имели места в испанской войне, нужно сказать, что

---

⁹¹ См.: Гражданская война в Испании. Действия на Центральном фронте (октябрь 1936 — апрель 1937 года). М., 1937; Война в Испании. Мадридская операция. 1937. Б. м., б. г.; Делапре Л. Героический Мадрид. М., 1937; Война в Испании. Вып. 9. Оборонительные действия. М., 1938; Шмелев Г. Война в Испании. Обзор военных действий. М., 1938; Клотц Г. Уроки гражданской войны в Испании / Пер. с французского. М., 1938; Игнатьев А. А. Танки в общевойсковом бою. Очерки тактики броневых частей. М., 1939; Корсун Н. Некоторые оперативные выводы из последних войн (часть 1) // Военно-исторический журнал. 1939. № 1; Некоторые оперативные выводы из последних войн (окончание) // Военно-исторический журнал. 1939. № 2; Любарский С. И. Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании. М., 1939; Бюллетень боевой подготовки РККА. № 1–2, 1939. М., 1940; Самарин А. Борьба за Мадрид. М., 1940; Терульская Восточная и Левантская операции. М., 1940; Самойлов П. И. Гвадалахара (Разгром итальянского экспедиционного корпуса). М., 1940; Серебряков А. Операция на р. Эбро (1938 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 6; Иссерсон Г. С. Новые формы борьбы. М., 1940; Серебряков А. Г. Брунетская операция республиканской армии Испании (Оперативно-тактический очерк). М., 1941 и др.

батальон танков как отдельная группа ДД себя вряд ли оправдает. В каждую группу танков ДД должно назначаться не менее бригады танков». Действия танков поддержки пехоты (ПП), по мнению авторов, должны быть, прежде всего, дерзкими и наносить пехоте противника материальный и моральный ущерб, используя огонь и вес танка. В составе групп танков ПП целесообразно иметь несколько огнеметных танков «для выжигания пехоты из окопов». При этом танки ПП должны поддерживаться пехотой, полковой и дивизионной артиллерией. В книге особо подчеркивается, что танки в атаке не должны останавливаться на месте ни на секунду, так как «всякая остановка приводит к немедленному выводу танка из строя».

Доктор Г. Клотц, бывший офицер германского морского флота, в своей книге «Уроки гражданской войны в Испании» подчеркивал: будущая война будет позиционной, а непродолжительная, молниеносная война обречена на провал. Он справедливо отмечал, что легкие германские и итальянские танки не оправдали себя в бою, так как имели слабое бронирование и только пулеметное вооружение. Более тяжелые, пушечные танки республиканцев проявили себя значительно лучше. Основной вывод Клотца состоит в том, что танковая атака может быть эффективной только в том случае, если она будет массовой, эшелонированной в глубину, проводиться на широком фронте в тесном взаимодействии с пехотой и артиллерией. При этом танковые соединения должны состоять в основном из средних и тяжелых танков. Их можно использовать для самостоятельных действий в особых условиях, которые оправдывают такой риск. «Танк, равно как и артиллерия, — пишет Клотц, — является лишь вспомогательным средством боя, предназначенным для оказания помощи пехоте. Танк должен расчищать путь пехоте, но пехота захватывает и удерживает местность. В последнем счете пехота решает исход боя».⁹²

Преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе Н. Г. Корсун, анализируя опыт военных действий в Испании, а также в Китае, отмечал, что длительность операций «зависит от силы ударной группировки наступающего, своевременного пополнения и питания ее из глубины и наличия средств (крупных кавалерийских и механизированных частей) для развития тактического прорыва в оперативный». Корсун пишет: «...Современные средства подавления позволяют при прорыве обороны противника организовать

---

⁹² Цит. по: Клотц Г. Уроки гражданской войны в Испании. С. 48.

решительный маневр во фланг и в тыл, используя с этой целью маневренные силы армии и фронта: мотомеханизированные соединения, оснащенную техникой конницу, авиацию и “воздушную пехоту”». Однако в Испании механизированные войска не применялись как фактор оперативного воздействия, а танки использовались преимущественно для поддержки пехоты.

Комбриг С. И. Любарский в своем труде «Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании» также отмечал, что главную роль в наступлении играла пехота. «Танки, артиллерия, авиация остаются пока вспомогательными родами войск, работающими на пехоту, сведенную в крупные общевойсковые соединения, — пишет Любарский. — Это, конечно, не значит, что крупные конно-механизированные, танковые и авиационные соединения не будут в будущей войне решать самостоятельных оперативных задач».⁹³ Обе стороны широко использовали танковые части совместно с пехотой и артиллерией для проведения контратак в ходе оборонительных сражений. Однако танки не применялись массированно во взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией для нанесения мощных контрударов. В первый период войны республиканское командование часто стремилось самостоятельными ударами небольших танковых частей компенсировать недостаточную стойкость пехоты. При этом отдельные танковые роты прорывались в тыл противника и наносили ему значительные потери. Этому способствовало то обстоятельство, что он в то время не имел еще в достаточном количестве противотанковой артиллерии, а легкие танки с пулеметным вооружением были бесценны в борьбе с пушечными танками республиканцев. Танковые роты широко использовались для маневра на наиболее угрожаемые участки фронта, несмотря на отсутствие поддержки пехоты и артиллерии. Такая тактика себя не оправдала в последующих сражениях, когда противник, получив большое количество противотанковой артиллерии, сумел организовать общую систему противотанковой обороны. Особенностью применения танков в обороне являлось и то, что они успешно действовали из засад и при отражении танковых атак противника. «На основании опыта войны в Испании мы приходим к выводу, — отмечал Любарский, — что танки в обороне должны, как общее правило, использоваться для контрударов в тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией. Все это, однако, не означает, что танкам

---

⁹³ Цит. по: Любарский С. И. Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании. С. 49.

в обороне никогда не придется контратаковать самостоятельно. Такие контратаки будут иметь место преимущественно против неорганизованного или расстроенного в результате боя противника. Но, повторяем, они будут являться исключением, а не общим правилом».⁹⁴ Он также считал, что в наступлении основная масса танков должна быть использована для непосредственной поддержки атаки. При этом в состав танковых групп должны включаться средние и тяжелые танки, а для развития успеха необходимо иметь танковый резерв в дивизиях и корпусах. На танконедоступной местности танки необходимо использовать только после прорыва пехотой переднего края обороны противника.

П. И. Самойлов в своей книге «Гвадалахара (Разгром итальянского экспедиционного корпуса)», как и другие исследователи, отмечал, что в этой операции «не было массового одновременного ввода в бой танков».⁹⁵ Однако, по мнению Самойлова, «современный бой без участия танков немыслим и без танков бой вряд ли может быть завершен с успехом, независимо от того, является ли он оборонительным или наступательным». При этом танки служат одним из решающих элементов общевойскового боя, но при обязательном условии, что они работают в тесном взаимодействии с другими родами войск (пехотой, артиллерией и авиацией). В случае отсутствия такого взаимодействия танковая атака приводила к большим потерям «и затухала, не достигнув цели».

Старший преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе комдив Г. С. Иссерсон следующим образом оценивал испанские события: «События войны в Испании, имевшей в общем позиционный характер, не представляют особого интереса сами по себе. По своему оперативно-тактическому содержанию они не являются собой чего-то нового по сравнению с войной 1914–1918 гг. Гораздо важнее оценка тех выводов, к которым должен был привести опыт войны в Испании. Поэтому исследование ее не носит характера военно-исторического описания фактов и является только критико-стратегическим разбором характера войны». По оценке Иссерсона, война в Испании по ее масштабам могла быть причислена к так называемым «малым войнам». Ее особенностью являлось то, что она началась как маневренная война, превратилась затем в позиционную войну и завершилась преодолением позиционного фронта.

---

⁹⁴ Там же. С. 22.

⁹⁵ См.: Самойлов П. И. Гвадалахара (Разгром итальянского экспедиционного корпуса). С. 142–143.

Советские военные советники после возвращения на родину представили в наркомат обороны СССР и Генеральный штаб РККА отчеты и доклады с анализом опыта боевых действий в Испании. Так, Р. Я. Малиновский в своем докладе «Оперативно-тактические выводы и заключения, сделанные на основании боевого опыта войны в Испании» от 5 августа 1937 г. подчеркивал: «В условиях позиционной войны не может быть и речи о применении групп танков ДД для подавления глубины. Мне кажется, сам термин “танк дальнего действия” надо было бы упразднить, танки, какие бы они ни были, пускать одни глубоко в тыл, на 15–20 км нельзя, ибо они будут уничтожены, они останутся там без горючего и без огнеприпасов и не всегда смогут выйти, а встретив десяток противотанковых пушек и взорванные мосты спереди и сзади, будут расстреляны».

Р. Я. Малиновского поддержал комкор Д. Г. Павлов, назначенный после возвращения из Испании заместителем начальника Автобронетанкового управления (АБТУ) РККА. В своем выступлении на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны СССР, прошедшего 21–27 ноября 1937 г. в Москве, он отмечал, что самостоятельные действия группы танков ДД приводят к значительным потерям от огня противника.⁹⁶

Комдив К. А. Мерецков (псевдоним «Петрович») и полковник Б. М. Симонов (псевдоним «Валуа») в своем докладе наркому обороны маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову о применении танков в Испании подчеркивали, что в ноябре 1936 г. — апреле 1937 г. в боевых действиях одновременно участвовало не более 70 танков. «Следовательно, массовость танков была весьма относительна, — отмечали авторы доклада, — так как танки прибывали не одновременно из-за протяженности фронтов и крупных значений отдельных направлений».⁹⁷ В то же время некоторые участники войны в Испании отмечали, что танки успешно решали задачи в обороне. При этом указывалось, что «танки как средство контрудара в тяжелых топографических условиях, в которых развивались военные действия в Испании, показали себя блестяще».⁹⁸

Опыт применения танков в Испании был обсужден весной 1937 г. на совещании технического совета Наркомата среднего машиностроения и Военного совета при наркоме обороны СССР.

---

⁹⁶ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М., 2006. С. 207.

⁹⁷ РГВА. Ф. 32871. Оп. 1. Д. 61. Л. 43.

⁹⁸ РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 20. Л. 23–24.

Д. Г. Павлов высказался за создание нового танка с гусеничным ходом. Однако начальник АБТУ комдив Г. Г. Бокис считал необходимым иметь колесно-гусеничную машину типа БТ. Точку в этом споре поставил Комитет Оборона, который 15 августа принял постановление № 94 «О новых типах танков для вооружения танковых войск РККА». В нем говорилось, что для оснащения механизированных соединений и механизированных полков конницы необходимо иметь гусеничный танк типа БТ (Кристи) массой 13–14 т с дизельным двигателем мощностью 400 л. с., одной 45-мм стабилизированной или одной 76-мм пушкой и двумя пулеметами ДТ.⁹⁹ В перспективе намечалось создать танк БТ с шестью ведущими колесами.

В январе 1938 г. Д. Г. Павлов, уже в должности начальника АБТУ РККА, предложил разработать танковую пушку 76–107-мм калибра или гаубицу калибра 122–152 мм для средних и тяжелых танков. Они предназначались для прорыва современных укрепленных полос обороны. 21 февраля Д. Г. Павлов в докладе К. Е. Ворошилову высказался за разработку вместо танков Т-28 и Т-35 нового тяжелого танка прорыва, а за отказ от колесно-гусеничного танка.

А. А. Ветров, заместитель командира 1-го интернационального танкового полка по технической части, выступая 4 мая 1938 г. на заседании Комитета обороны, также предложил отказаться от колесного хода на танках и заменить его гусеничным. Он отмечал, что танки БТ-5, обладая хорошей проходимостью, маневренностью, относительно мощным вооружением и многими другими прекрасными преимуществами перед итаलो-немецкими танками «Ансальдо» и Т-II, не смогли противостоять немецкой противотанковой артиллерии, так как имели всего лишь 13-миллиметровую, противопульную, бронезащиту.¹⁰⁰ К тому же наличие на танках БТ-5 бензинового двигателя приводило при попадании в них к мгновенным пожарам. Кроме того, весьма сложный и громоздкий колесно-гусеничный движитель этого танка был ненадежен.

Предложения Д. Г. Павлова и А. А. Ветрова были реализованы в постановлении Комитета Оборона при СНК СССР от 19 декабря 1939 г. о принятии на вооружение РККА гусеничного

---

⁹⁹ ДТ (Дегтярева танковый, индекс Главного артиллерийского управления РККА — 56-П-322), танковый пулемет, разработанный В. А. Дегтяревым в 1929 г.

¹⁰⁰ Ветров А. А. Так и было. М., 1982. С. 8.

танка Т-32 с дизельным мотором, 76-мм пушкой, которому было присвоено наименование Т-34, а также тяжелого танка КВ.

Опыт войны в Испании оказал влияние и на развитие организационно-штатной структуры автобронетанковых войск. Для ее пересмотра 22 июля 1939 г. по решению Главного военного совета была создана комиссия под председательством заместителя наркома обороны командарма 1 ранга Г. И. Кулика. На заседании комиссии Д. Г. Павлов предложил ликвидировать танковые корпуса, считая, что их невозможно использовать для «рейдирования» по тылам противника, а также вводить в прорыв в узкой полосе. Но большинство членов комиссии высказалось за сохранение танкового корпуса, исключив из его состава стрелково-пулеметную бригаду, а из танковой бригады — стрелково-пулеметный батальон. Этот корпус при развитии прорыва в наступлении должен работать на пехоту и кавалерию, а также может применяться и самостоятельно, когда «противник расстроен и не способен к обороне». Несмотря на это, Главный военный совет 21 ноября признал необходимым расформировать танковые корпуса и входившие в них стрелково-пулеметные бригады.¹⁰¹ Одновременно вводилась однотипная организация отдельных танковых бригад и моторизованной дивизии (два мотострелковых, танковый, артиллерийский полки), которая насчитывала 275 танков и 73 бронеавтомобиля.¹⁰² Ее предусматривалось использовать в качестве эшелона развития успеха общевойсковой армии, а также в составе конно-механизированной (подвижной группы) группы фронта.

Опыт, полученный в Испании, широко использовался в процессе боевой и оперативной подготовки войск, командиров и штабов Красной Армии. Так, в июне 1938 г. в Белорусском военном округе на сборах высшего командного и политического состава были заслушаны доклады об использовании танков и авиации по опыту войны в Испании.¹⁰³ На курсах усовершенствования командиров штабов дивизий, корпусов и округов при Академии Генерального штаба Красной Армии одной из задач было «изучение опыта современных войн (Испания, Китай)»¹⁰⁴. В приказе № 113 наркома обороны К. Е. Ворошилова от 11 декабря от руководителей военных академий требовалось в 1939 учебном го-

¹⁰¹ См.: Военно-исторический журнал. 1968. № 8. С. 109.

¹⁰² См.: Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М., 1979. С. 44.

¹⁰³ РГВА. Ф. 31 983. Оп. 2. Д. 267. Л. 55.

¹⁰⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 19. Л. 151.

ду «обеспечить на деле развертывание научно-исследовательской работы по кафедрам, имея задачей разработку тактических форм современного боя, обработку боевого опыта войны в Испании и Китае, разработку требований к современному вооружению и его совершенствованию».¹⁰⁵ В приказе командующего войсками Киевского военного округа от 17 декабря 1938 г. «О задачах боевой и политической подготовки на зимний период 1939 года» для изучения в системе командирской подготовки были определены следующие темы: «Теруэльская операция республиканской армии в 1938 году», «Наступательная операция республиканской армии на р. Эбро в 1938 году».¹⁰⁶

В последующем опыт боевых действий в районе озера Хасан (1938), на р. Халхин-Гол (1939), советско-финляндской войны (1939–1940) и начавшейся Второй мировой войны заслонил собою опыт, полученный в Испании. Несмотря на это, интерес к гражданской войне в Испании не был потерян. Участники этой войны в своих мемуарах с различной степенью полноты рассказывали о деятельности советских военных советников, а также высказывали свои мнения по вопросам применения различных родов войск, в том числе и танков.¹⁰⁷

Во второй половине XX — начале XXI в. были опубликованы труды и статьи, в которых освещается гражданская война в Испании, а также рассматриваются вопросы применения танков в различных видах боя.¹⁰⁸ Кроме того, были опубликованы

---

¹⁰⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М., 1994. Док. № 38.

¹⁰⁶ РГВА. Ф. 25 880. Оп. 4. Д. 82. Л. 637.

¹⁰⁷ См.: Прицкер Д. П. Подвиг Испанской республики. М., 1962; Под знаменем Испанской республики 1936–1939. М., 1965; Мерецков К. А. На службе народу. М.: Политиздат, 1968; Листер Э. Наша война / Пер. с исп. М., 1969; Родимцев А. И. Под небом Испании. М., 1974; Ветров А. А. Так и было. М., 1982; Кузнецов Н. Г. На далеком меридиане. Воспоминания участника национально-революционной войны в Испании. 3-е изд., доп. М., 1988 и др.

¹⁰⁸ Под знаменем Испанской республики 1936–1939. М., 1965; Тонконогов Я. В боях за Теруэль // Военно-исторический журнал. 1966. № 12. С. 62–66; Мерецков К. Под Гвадалахарой // Военно-исторический журнал. 1967. № 7. С. 53–61; Война и революция в Испании. 1936–1939. М., 1968; История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 21–34, 50–64; Батов П. И. В походах и боях. Изд. 3, испр. и доп. М., 1974; Испания. 1918–1972 гг. Ист. очерк. М., 1975; Дайнес В. О. На фронтах республиканской Испании (К 50-летию начала национально-революционной войны испанского народа) // Военно-исторический журнал. 1986. № 7. С. 85–90; Ибрагимов Д. С. Противоборство. М., 1989; Шмелев И. В. История тан-

монографии и статьи, непосредственно посвященные поставкам броневой техники противоборствующим сторонам и ее использованию в боевой обстановке.¹⁰⁹

В статье В. Л. Гончарова «Танковая битва под Дубно (июнь 1941 года)», включенной в сборник «Танковый удар: Советские танки в боях: 1942–1943 гг.», подчеркивается: «Опыт Испанской войны, в которой с обеих сторон массово применялись как танки, так и противотанковая артиллерия, оказался очень противоречивым. С одной стороны, под сосредоточенным огнем противотанковых орудий танки массово выходили из строя (не всегда, однако, безвозвратно), с другой — хорошо организованная танковая

ков. М., 1997; Рыбалкин Ю. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. М., 2000; Тарас Д. А. Лёгкий танк Рз. I. История, конструкция, вооружение, боевое применение. М.; Минск, 2002; Павлов М. В., Желтов И. Г., Павлов И. В. Танки БТ. М., 2001; Вышельский Л. Мадрид 1936–1937 гг. М., 2003; Хью Томас. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. М., 2003; Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). М., 2004; Платошкин Н. П. Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. М., 2005; Гаврилов В., Рыбалкин Ю. Для Республиканской Испании. Чтобы помочь союзнику, СССР пошел на нарушение норм международного права // Военно-промышленный курьер. 2005. № 7 (74). С. 11; Градосельский В. В. Испания в огне // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 65; Кириленко Ю. И. В небе Испании // Военно-исторический архив. 2006. № 5. С. 160–182; О проведении «опытов» в стране «Х» // Военно-исторический архив. 2006. № 6. С. 119–133; Свиридин М. Н. Броневой щит Сталина. История советского танка 1917–1943. М., 2006; Коломиец М. В. Броня на колесах. История советского броневых автомобиля 1925–1945 гг. М., 2007; Танковый прорыв. Советские танки в боях 1937–1942 гг. М., 2007; Ветров А. А. Советские добровольцы в антифашистской борьбе в Испании // Военно-исторический архив. 2008. № 9 (105). С. 106–118; Дайнес В. О. Бронетанковые войска Красной Армии. М., 2009; Гражданская война в Испании. Центральный фронт и Брунетская операция / Авт.-сост. В. Л. Гончаров. М., 2010; Ларин М. Ю., Хватов А. В. Неизвестные войны России. М., 2012; Шубин, А. «Такой народ или победит, или умрет»: советские военные советники о гражданской войне в Испании // Родина. 2013. № 8. С. 116–119 и др.

¹⁰⁹ Коломиец М., Мошанский И. Танки Испанской Республики // Танкомастер. М.: Техника — молодёжи, 1998. № 2–3. С. 2–9; Шпаковский В., Шпаковская С. Бронетехника гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. СПб., 1999; Steven Y. Zaloga. Soviet Tank Operations in the Spanish Civil War // Journal of Slavic Military Studies 12:3 (Sep. 1999); Барятинский М. Бронетанковая проба сил. Боевые машины в гражданской войне в Испании // Военно-промышленный курьер. 2014. 19 марта. № 10 (528); Морозов В. Далекий Меридиан. Бронетанковая техника в гражданской войне в Испании // Техника и вооружение. 2015. № 6. С. 17–26; № 7. С. 13–22; № 8. С. 8–17.

атака очень часто достигала успеха, если было налажено необходимое взаимодействие с пехотой. Высокая скорость танка, считавшаяся лучшей защитой от противотанкового огня, не всегда могла проявить себя. В итоге был сделан вывод о необходимости реформирования танковых войск и нового подхода к характеристикам перспективных танков».

В. Л. Гончаров, автор-составитель сборника «Гражданская война в Испании. Центральный фронт и Брунетская операция», останавливаясь на вопросах применения танков, пишет: «Немецкие и итальянские пулеметные танки из-за их слабости использовались лишь для поддержки пехоты, пушечные республиканские Т-26 удавалось эффективно применять лишь при наличии советских экипажей и в том случае, если бой контролировался нашими советниками. При этом сплошь и рядом возникала проблема, ставшая больной во время Финской войны: пехота залегала и за танками не шла, боевые машины отрывались от пехоты и действовали в тылу противника самостоятельно, используя танкобоязнь испанских солдат. Возможно, относительная эффективность таких рейдов породила у советских танкистов убеждение, что танки вполне могут действовать в глубине обороны противника даже без пехотной поддержки...».¹¹⁰

В статьях В. Морозова «Далекий Меридиан. Бронетанковая техника в гражданской войне в Испании» в систематизированном виде излагаются вопросы, связанные с поставкой бронетанковой техники противоборствующим сторонам и ее применением в ходе боевых действий. С некоторыми выводами автора трудно согласиться. Например, он утверждает, что военные советники республиканской армии из числа командиров Красной Армии были слабо знакомы с историей и теорией, не умели толком использовать такой мощный инструмент современной войны, как танки.¹¹¹ При этом не приводятся какие-либо доказательства таких выводов.

Выводы

Анализируя опыт применения танков в гражданской войне в Испании, необходимо учитывать особенности горного театра

---

¹¹⁰ Цит. по: Гражданская война в Испании. Центральный фронт и Брунетская операция. С. 5.

¹¹¹ См.: Морозов В. Далекий Меридиан. Бронетанковая техника в гражданской войне в Испании // Техника и вооружение. 2015. № 7. С. 14.

военных действий, а также своеобразие населенных пунктов с их каменными жилищами и такими же массивными оградами. В первом периоде войны (1936–1937) операции противоборствующих сторон носили ограниченный характер. Характерным было то, что франкисты в основном применяли такой способ ведения наступления, как фронтальный удар («немецкий таран»), а республиканцы — также «таран», но в сочетании с фланговыми ударами. При этом франкисты с целью обнаружения слабых участков в обороне республиканцев последовательно переключали свои усилия с одного района на другой. Однако это не позволяло достичь каких-либо ощутимых оперативных результатов в наступлении. Во втором периоде (1938–1939) боевые действия в основном разворачивались в горной местности. Они преследовали решительные цели и носили характер последовательных операций, в ходе которых осуществлялись фронтальный прорыв обороны и маневры в ее глубине.

В ходе гражданской войны в Испании значительно возросла роль авиации, танков и средств ПВО. Анализ опыта применения танков позволяет сделать следующие выводы.

1. Танки являются мощной ударной силой в наступлении при условии их массированного использования.
2. Для претворения в жизнь теории глубокого боя и операции у республиканского командования не было необходимых сил и средств, главным образом крупных танковых соединений.
3. Не оправдало себя деление танков в наступлении на три группы (НПП, ДПП и ДД), а танки использовались, в основном, для непосредственной поддержки пехоты. Поэтому в проекте Полевого устава 1939 года предусматривалось, что в наступлении необходимо создавать одну группу поддержки пехоты (ТПП), а для наращивания силы удара и быстрого развития успеха иметь в стрелковых дивизиях и корпусах танковый резерв.¹¹²
4. В ходе боевых действий наметилась тенденция более решительного массирования танков на главном направлении от 5 до 15 танков, а в редких случаях — до 30 боевых машин на 1 км фронта. Это обеспечивало более успешный прорыв тактической зоны обороны, особенно слабо оборудованной в инженерном отношении.

---

¹¹² См.: Полевой устав РККА. (ПУ-39). Проект. М., 1939. Ст. 107, 29.

5. В начальный период войны танки в наступлении использовались, как правило, малыми группами или поодиночке. В результате они несли большие потери от огня противника.
6. В обороне танковые подразделения и части использовались в качестве подвижного резерва, который совместно с пехотой участвовал в проведении контратак и в отражении атак танков противника.
7. Применение танков без поддержки пехоты и артиллерии в сильно укрепленных населенных пунктах, являвшихся своеобразными «танковыми ловушками», приводило к большим потерям в боевой технике.
8. Пушечные танки советского производства машины продемонстрировали свое превосходство над немецкими и итальянскими танками, имевшими только пулеметное вооружение.
9. Танки обеих противоборствующих сторон, имевшие слабую броню, несли значительные потери от огня противотанковой артиллерии.

В. В. ГАГИН

ОБ УЧАСТИИ СОВЕТСКИХ ВВС В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ В 1936–1939 гг.

1. Военно-авиационная помощь СССР Испанской республике в 1936–1939 гг.

Еще весной 1936 г. СССР располагал данными о планах заговорщиков генерала Франко. Однако, связанный дипломатическими обязательствами, Советский Союз отклонял многочисленные и упорные ходатайства республиканского правительства о закупках оружия в СССР. Поворот в политике Кремля в отношении Испании произошел только в середине сентября 1936 г. План «Х» военной помощи был одобрен 29 сентября 1936 г. По этому плану предусматривалось создание за границей специальных фирм для закупки и отправки в Испанию оружия, военных материалов и техники. Организовывались военные поставки и непосредственно из СССР. Было решено направить военных советников и специалистов для оказания помощи Республике в создании регулярной народной армии, ее обучении, и оперативного руководства в боях с войсками мятежников и итало-германских интервентов. Боевая техника, оружие, боеприпасы и другие военные материалы поставлялись на коммерческой основе. На проведение специальной операции Разведупру РККА отпустили 1 910 000 советских рублей и 190 000 американских долларов. Следует подчеркнуть, что военные специалисты и оружие из Советского Союза стали прибывать на Пиренейский полуостров значительно раньше, чем были предприняты конкретные ме-

ры по передаче испанского золота в СССР. К 22 октября на пяти судах была доставлена первая реальная помощь: 50 танков Т-26 с горючим и боеприпасами, эскадрилья скоростных бомбардировщиков СБ (30 машин), стрелковое оружие. К концу месяца прибыло еще 60 броневых автомобилей, эскадрилья истребителей И-15, артиллерийские системы с боеприпасами. И. В. Сталин руководил всей работой по организации помощи республиканцам. Советское руководство стремилось обеспечить республиканскую армию необходимой техникой и испытать ее в боевых условиях. От специалистов, воевавших в Испании, по возвращении требовали самые подробные отчеты. На их основе шла модернизация техники и разрабатывались новые типы самолетов и танков. Советские специалисты оказали республиканцам также помощь в организации военного производства (патронов, гранат, снарядов, саперного оборудования, стрелкового оружия, самолетов). Были налажены заводские сборка и ремонт боевой техники.¹

В сентябре 1936 г. положение правительственной военной авиации было очень тяжелым. «Разношерстные» пилоты-добровольцы республиканцев, собранные «с миру по нитке», в большинстве своем (за исключением французских летчиков) уступали в искусстве пилотирования и боевом опыте кадровым посланцам Бенито Муссолини и, тем более, специалистам из германских люфтваффе.²

Франкисты полностью господствовали в воздухе, и тогда стало ясно, что помощь советских ВВС была жизненно необходимой для республиканской Испании. До приезда Я. В. Смушкевича при И. Сиснеросе (руководившем боевой авиацией) состояли советский военно-воздушный атташе в Испании полковник Б. Ф. Свешников и комбриг А. И. Бергольд. Смушкевич (ис-

---

¹ Мещеряков М. Т. СССР и гражданская война в Испании // Отечественная история. 1993. № 3. С. 18–32; Рыбалкин Ю. Москва, Настасьинский, 13 // Родина. 1996. № 3. С. 14–19; Рыбалкин Ю. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. С. 44; Manrique Garcia J. M. Las armas de la Guerra Civil española. Madrid, 2006; Nemecek V. Civilni letadla. Praha, 1981.

² Бенито Муссолини. Новые факты. Редкие документы. Уникальные фотографии. М., 1999. С. 67, 79; Гагин В. В. Боевые действия советских ВВС и их противников на Верхнем и Среднем Дону в июне 1942 — феврале 1943 г. // Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции. Воронеж, 2006. С. 150–160; Гагин В. В. Воздушная война в Испании. Воронеж, 2001. С. 11; Степанов А. Пиррова победа Люфтваффе на Западе // История Авиации. 2000. № 3. С. 27.

панский псевдоним «генерал Дуглас») по прибытии стал старшим советником при командующем ВВС и одновременно возглавил группу советских летчиков-добровольцев. С его прибытием связана весьма эффективная боевая работа правительственной авиации, которая позволила значительно улучшить общую ситуацию на Мадридском фронте, изначально катастрофическую: в октябре количественное превосходство фашистской авиации достигло десятикратного.

Советские летчики, которые начали прибывать в Испанию, были хорошо подготовлены, и это позволяло им практически немедленно вступать в бой.³

На аэродроме Сан-Клементе (на реке Рус) базировались бомбардировщики «Потез 54с» и «Бреге 19». Командиром эскадрильи легких бомбардировщиков «Бреге 19» был назначен В. С. Хользунов, впоследствии видный советский авиационный начальник, командующий Первой авиационной армией особого назначения. У интернациональных экипажей «Потезов» оставалось пять машин.⁴

С появлением советских летчиков в испанском небе воздушные бои сразу стали более упорными. Уже 28 октября четверка бомбардировщиков Туполева СБ впервые отбомбилась по противнику, нанеся значительный ущерб, а налет 1 ноября десяти советских СБ уничтожил шесть итальянских истребителей на аэродроме Гаманал в Талаведе.

Даты и события воздушных боев по иностранным и советским источникам значительно разнятся, однако точно можно сказать, что первый серьезный удар в воздухе итальянцы получили от советских ВВС в начале ноября, когда привычно и ранее практически безнаказанно шедшие бомбить Мадрид 12 немецких бомбардировщиков Ю-52 и 5 итальянских РО.37 с истребительным эскортом девяти «сверчков» CR.32 повстречали 10 истребителей И-15 «Чатос» («Чатос» — по-испански «курносый»). Противоборствующие стороны заявили о многочисленных сбитых вражеских самолетах, но впоследствии подтвердилось только сообщение об одном сбитом «Фиате» и одном «Чатос».⁵

Высочайшую оценку действиям советских истребителей дает и сторонний наблюдатель событий — известный в то время французский специалист в области авиации Камилл Ружерон. В своей брошюре «Уроки воздушной войны в Испании», издан-

---

³ ГАВО. Ф. Р-1968–1969. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1585. Л. 14–47.

⁵ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 2. Л. 147.

ной в 1939 г., он пишет: «Эта замечательная истребительная авиация сумела прекратить регулярные бомбардировки правительственных тылов». (Совершенно секретный перевод брошюры был осуществлен Иностранным отделом ВВС Разведупра РККА в 1940 г.)⁶

Масштаб боевых действий нарастал. Если, по данным полковника Шпилевского, представленным Наркому обороны СССР маршалу Ворошилову, потери советских самолетов в период с 28 октября 1936 г. по 2 января 1937 г. составили 28 машин всех типов, то за период с 28 октября 1936 г. по 1 января 1938 г. правительственной авиацией было потеряно 265 самолетов. В то же время начальник Разведывательного Управления РККА комкор С. Урицкий представил К. Ворошилову потери франкистской авиации на 7 декабря 1936 г.: у мятежников сбито в воздухе 47 самолетов, разбит на аэродромах — 91. На 1 января 1938 г. в ВВС генерала Франко было сбито в воздушных боях 410 самолетов, республиканской ПВО уничтожено 20 и бомбометанием на аэродромах — 63 машины. Всего, по данным советской разведки, — 493.⁷ Летно-технического персонала не хватало, поэтому для подготовки испанских летчиков в 1936 г. на территории СССР была создана авиационная школа. Она разместилась в городе Кировабаде в Азербайджане, так как ландшафт местности, природные условия и погода там очень сходны с испанскими. Для сохранения секретности, в которой готовили республиканских летчиков, большое значение имела внешняя похожесть (смуглая кожа, темные волосы) испанцев и азербайджанцев.⁸ Так же, как пилотов, штурманов и стрелков, самолетов для ВВС Республики требовалось все больше. На 5 июня 1937 года в Испанию было доставлено самолетов И-15 — 123, И-16 — 79, СБ — 40, ССС — 31, Р-«Зет» — 93, всего — 366 машин.⁹

Советский Союз оказывал более чем существенную военную помощь Республике. Но для сравнения: Гитлер и Муссолини, не испытывая практически никаких проблем с доставкой и транспортируя боевую технику на короткие расстояния, вместе постави-

⁶ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 2; Ф. 29. Оп. 49. Д. 71. Л. 20; Шингарев С. И. «Чатос» идут в атаку. М., 1996.

⁷ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 2. Лл. 14–22, 26–27, 146.

⁸ Якуба Н. «Испанские» советские самолеты // Крылья Родины. 1989. № 10. С. 31–33.

⁹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 2. Л. 143; Якуба Н. На помощь Республике // Крылья Родины. 1989. № 8. С. 33–34; Бенито Муссолини. Новые факты. Редкие документы. Уникальные фотографии.

ли франкистам всего около 1400 самолетов. В частности, в самый разгар боевых действий, в период с 25 октября 1936 г. по 1 января 1938 г., интервенты направили в Испанию: Германия — 550 самолетов, Италия — 300, всего 850 машин. СССР в одиночку отправил Испании за тот же период с 25.10.1936 по 01.01.1938 475 самолетов, а всего, по разным оценкам, от 648 до 975 самолетов (в условиях жесткой блокады республиканских портов). Количество советских военных летчиков, воевавших над Пиренеями в 1936–1939 гг., также точно определить пока представляется затруднительным. Цифры колеблются от 141 (число советских пилотов) до 772, но это, скорее всего, весь авиаперсонал из СССР, включая техников, вооруженцев и других специалистов.¹⁰

На быстро морально устаревших И-16 тип 5 и тип 6 (относительно немецкого моноплана нового поколения Ме-109, с его появлением на фронте) могли воевать на равных с противником только опытные летчики-добровольцы из СССР, такие как, например, группа летно-технического персонала для 1-й эскадрильи «ласточки», присланная в Испанию из СССР 27 июня 1937 г. Многие из 16 летчиков этой группы (прибыли и 7 техников), такие как Чевизов, Плыгунов, Пузейкин, Соболев, весьма скоро стали асами. Состав таких групп, однако, имел определенный организационный недостаток, который отражал общее недостаточное количество наземного технического персонала на единицу авиатехники в советских ВВС (на 12 летчиков в прибывшей следом группе приходилось всего 6 авиатехников и вооруженцев). Для исправления ситуации в 1938 г. из Советского Союза стали приходить И-16 тип 10. Он же, по-испански — «Super Mosca»: двигатель еще большей мощности, радиостанция (на некоторых), четыре пулемета ШКАС. Республиканцы считали этот И-16 даже немного лучшим, чем Мессершмитт Вф-109В. Вдобавок на нашем истребителе стало возможно эффективно бороться с новейшими немецкими бомбардировщиками Не-111 и До 17, а также итальянским S-79, на которых летали отборные немецкие и итальянские пилоты.¹¹

Сильной стороной другого советского самолета-истребителя — биплана И-15 «Чатос» также конструкции Н. Н. Поликарпова — было вооружение: 4 пулемета 7,62-мм ПВ-1 (глубокая модификация знаменитого «Максима»), и в первой половине

¹⁰ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 2. Л. 146–147; Гриф секретности снят. М., 1993. С. 68; Якуба Н. На помощь Республике. С. 33–34.

¹¹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 5. Л. 18–19; Маслов М. Истребитель И-16. М., 1997. С. 11.

гражданской войны «Чатос» отлично справлялись с «Хейнкелями» и «Фиатами». Потом ему стало не доставать скорости.¹²

С советской помощью совершенствовалась и ранее существовавшая авиационная промышленность Испании. Развернуть производство своих самолетов сумели в Испании лишь специалисты советских ВВС, что говорит, безусловно, о высочайшей квалификации наших инженеров и организаторов производства.¹³ Также было освоено производство советских пулеметов ПВ-1.

В итоге, достигнув пика на рубеже 1937–1938 гг., советская военная помощь в силу различных объективных и субъективных причин, о чем будет изложено ниже, в середине 1938 г. стала сокращаться, и далее шел взаимосвязанный процесс ухудшения положения на фронтах и сворачивания поставок из СССР, вплоть до января 1939 г.

2. Особенности ведения воздушной войны в Испании

Несмотря на необычные и непривычные для советских военных политические, экономические, географические и климатические особенности, наши специалисты — военные советники — сыграли в организации ведения современной воздушной войны в Испании огромную роль.

Преодолевая, ко всему прочему, огромные трудности общения из-за взаимного незнания языков, немногочисленные советские летчики сражались за интересы испанского народа умело и самоотверженно.¹⁴

Например, осенью 1936 г. войска мятежников, усиленные интервентами и поддерживаемые с воздуха итальянскими и немецкими авиачастями (летчиков-испанцев у франкистов тогда почти не было), успешно продвигались к Мадриду. Пилоты «Фиатов» наслаждались полным господством в воздухе — достаточно сказать, что даже через полгода зенитная артиллерия республиканцев насчитывала всего 150 разнотипных пушек и 15 прожекторов.¹⁵ И тут они получили неприятный сюрприз: с 28 октября советские

¹² Гордон Е. И-5, И-15, И-15-бис. М., 1992. С. 58; Косминков К. Истребители в небе Китая и Монголии // Крылья Родины. 1990. № 10. С. 21–23.

¹³ Якуба Н. «Испанские» советские самолеты. С. 31–33.

¹⁴ РГВА. Ф. 37 977. Оп. 4. Д. 314. Л. 1–17.

¹⁵ РГВА. Ф. 29. Оп. 49. Д. 71. Л. 11; Ф. 35082. Оп. 1. Д. 2. Л. 142. Д. 5. Л. 1; Войска ПВО страны. М., 1968; Ленинградцы в Испании. Сборник воспоминаний. Л., 1973.

скоростные бомбардировщики регулярно стали наносить удары по аэродромам интервентов. Более того, встретившись в районе Торрихоса с группой истребителей «Фиат», скоростные бомбардировщики СБ сами начали их преследовать. Господство в воздухе, которому уже тогда уделялось первостепенное значение, стало переходить к республиканцам.¹⁶

Отличительной особенностью ведения боевых действий в Испании для специалистов советских ВВС были частые кадровые перестановки. Они объяснялись как тактическими соображениями, так и ротацией советских пилотов, а также неизбежными боевыми потерями. Летчиков не хватало, поэтому на шестимесячные курсы летчиков в Союз стали направлять испанцев и укомплектовывать ими смешанные эскадрильи, где командирами звеньев и пар были, в основном, более опытные советские пилоты. Так, в шифровке от 19 июня 1937 г. «Директор» сообщает «Себастьяну» (Ф. Арженухину — одному из руководителей советских авиаторов в Испании), что из СССР ему в Валенсию направлены 69 летчиков и два капитана (все — испанцы): 23 человека, обученных пилотированию истребителей И-16 (среди них — будущий прославленный ас-республиканец Антонио Ариас), пилотов И-15 — 16 человек, для экипажей СБ — 12 летчиков и для Р«Z» — 20.¹⁷

Одной из главных особенностей воздушной войны в Испании для советских ВВС явилась необычайная важность применения (в боевых действиях с сильным противником) новой техники, которая может обеспечить преимущество и инициативу в воздушных, а следовательно, и в наземных сражениях, как в том ярком эпизоде начального периода гражданской войны, когда вмешательство советских летчиков на новейшей советской авиатехнике практически полностью сорвало попытки вражеских бомбардировщиков прорваться к Мадриду и сыграло немалую роль в провале франкистского плана захвата испанской столицы.

Мощный мотор плюс малая масса давали советскому самолету-истребителю И-15 выигрыш в ближнем маневренном бою на горизонталях и в скороподъемности.¹⁸

---

¹⁶ РГВА. Ф. 29. Оп. 49. Д. 71. Л. 2.

¹⁷ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 5. Л. 3; Гагин В. В., Кириллов Д. Д. Воронеж — Мадрид — Воронеж. Судьбы военных летчиков // Великая Отечественная война глазами разных поколений. Воронеж, 2007. С. 31–34.

¹⁸ Исаев А. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М., 2005. С. 370; Захаров Г. Н. Я — истребитель. М., 1985; Самолетостроение в СССР. 1917–1945 гг. М., 1992. Т. 1. С. 139.

И-16 тип 5, впервые примененный в небе Испании, наоборот, немного уступал итальянскому истребителю CR.32 конструктора Розателли по радиусу виража, но значительно выигрывал в скорости на всех высотах, а заодно и в вертикальном маневре.¹⁹

И-16 тип 5 нес только два пулемета, но это были новые пулеметы ШКАС, отличавшиеся еще большим темпом стрельбы. Г. Н. Захаров вспоминал и о выявленных недостатках: «...И-15 явно не хватало устойчивости: самолет «рыскал», а это мешало вести прицельный огонь и заставляло подходить к противнику вплотную».²⁰ То же самое можно было сказать и об И-16.²¹

Отличная выучка и храбрость советских летчиков и, как следствие, высокая боеспособность И-15 по сравнению с другими, даже более современными иностранными маневренными бипланами, в конечном итоге, во многом явилась для руководителей ВВС РККА дезориентирующим фактором при оценке срочности принимаемых мер по улучшению истребительного авиапарка.²²

Даже на этом, весьма высоком тактико-техническом уровне советских истребителей, бомбардировщики СБ выглядели превосходно. В тяжелых боях росло тактическое мастерство советских командиров, которые фактически руководили всеми боевыми действиями в воздухе. Так, советские военные специалисты спланировали и реализовали выдающуюся операцию ВВС по разгрому наступающих итальянских сил в колоннах вдоль Французского шоссе 8 марта 1937 г.: разведка, потом бомбежка, затем штурмовка под прикрытием истребителей. Используя низкую облачность, под прикрытием обильных осадков (постоянно шел дождь со снегом), наши истребители не прекращали полетов. На дополнительную разведку вылетали лично старшие начальники — главный советник командующего республиканской авиацией комбриг Я. Смушкевич и командир истребительной группы комбриг П. Пумпур. Ведущим у них был лейтенант И. Лакеев, который уже побывал в этом районе. На одном из шоссе воздушные разведчики обнаружили огромную колонну и дерзко атаковали ее. Комбриг Смушкевич — «генерал Дуглас» принял переловое (по тем временам — новаторское) решение сосредоточить

---

¹⁹ Котельников В. Р. Пиренейский сверчок // Крылья Родины. 1995. № 9. С. 9–15; Меронь Ф. В небе Испании. М., 1975; Самолетостроение в СССР. 1917–1945 гг. С. 139, 159.

²⁰ Захаров Г. Н. Я — истребитель. М., 1985.

²¹ Котельников В. Р. Пиренейский сверчок. С. 9–15.

²² РГВА. Ф. 29. Оп. 37. Д. 31. Л. 103–118.

все самолеты на ближайших к району боевых действий аэродромах для сокращения подлетного времени и увеличения боевой нагрузки. Размокшее грунтовое покрытие потребовало дополнительных инженерных решений, и совет в составе Е. Иоффе — инженера эскадрильи СБ в Сан-Кlemente и штурмана эскадрильи СБ — «Феликса» (И. Прокофьева) разработал мероприятия, в результате которых, при определенном риске, стало возможно взлетать и бомбардировщикам. Капитан Н. Остряков (в будущем — командующий ВВС Черноморского флота) первым поднял СБ в воздух с мокрой глины с помощью трамплина — бугорка над обрывом. И начался «конвейер» — непрерывные воздушные атаки высокой плотности. Израсходовав свой боекомплект, авиация республиканцев вернулась на аэродром для перезарядки. Командир истребительной группы тем временем произвел личную авиаразведку района Бриуэга. Он обнаружил в этом районе около 400 грузовиков с войсками и на подходах к Бриуэга в движении еще три автоколонны по 100 машин каждая. Всего, по его подсчетам, в этом районе сосредоточивалось около 800–1000 автомашин (1-я и 2-я волонтерские дивизии со своими тылами, которые еще производили перегруппировку для назначенного в этот день наступления). В 14 час. 30 мин. республиканская авиация в составе 40 самолетов атаковала противника, обнаруженного в районе Бриуэга.²³

Этот удар был опять очень удачным. Скопившиеся в узких улицах Бриуэга многочисленные автомашины с войсками были забросаны бомбами и охвачены огнем. Солдаты противника в панике разбегались в разные стороны. В итоге 1-й волонтерской дивизии был нанесен с воздуха мощный удар и наступление ее было сорвано — была разгромлена 20-километровая колонна итальянской дивизии «Литторио» и значительные скопления автомашин и пехоты 1-й волонтерской дивизии на шоссе Сарагосса—Мадрид у города Альмадронеса. Бомбежки уничтожили также эшелоны в г. Сигуэнсе.²⁴

«Генерал Дуглас» как советский военный советник вызывал у республиканцев большое уважение. Его новаторство в подлинности эффективности действий боевой авиации было признано всеми. Вышеупомянутый французский аналитик К. Ружерон также высоко оценил боевую работу советских летчиков, назвав

---

²³ РГВА. Ф. 29. Оп. 49. Д. 71. Л. 2, 7.

²⁴ Левицкий С. Трагедия генерала Дугласа // Крылья Родины. 1990. № 1. С. 28–29; Самойлов П. Гвадалахара. М., 1940.

разгром итальянцев под Гвадалахарой 12 марта одним из лучших примеров непосредственной поддержки с воздуха.²⁵

«Такие блестящие авиационные удары демонстрировали всю мощь современной авиации, правильно руководимой в воздухе своими начальниками и сильной мужеством и героизмом своих летчиков. Мы не располагаем точными цифрами потерь, которые были нанесены интервентам авиацией 20 марта. По единодушному признанию советских летчиков, за этот день у итальянцев были выведены из строя не менее 200–300 автомашин и многие сотни людей. Но что было самым главным — огромное моральное потрясение, которому подвергся в этот день итальянский корпус. Не будет преувеличением сказать, что удар в марте прибавил, по крайней мере, лишний месяц к тому сроку, который понадобился затем итальянскому командованию для восстановления боеспособности своих войск».²⁶

В общем, деятельность советских специалистов ВВС, безусловно, положительно (а зачастую — определяюще) влияла на ведение боевых действий республиканскими вооруженными силами во время гражданской войны в Испании — по выражению К. Ружерона: «Вмешательство авиации в наземную войну является одной из решающих побед военного искусства».²⁷ При этом выявился ряд специфических особенностей применения боевой авиации.

Всю гражданскую войну у республиканцев хронически не хватало авиации, и их летчикам (особенно советским, как наиболее востребованным из-за высокой профессиональной подготовки) приходилось воевать «не числом, а умением» — в большинстве случаев воздушные бои происходили с двух-трехкратным численным превосходством франкистов. Сравнение сводок потерь республиканских ВВС и авиации мятежников на конец 1937 г. — начало 1938 г. подтверждают это соотношение: советских самолетов в строю — 192 машины, у Франко — 357 немецкой и итальянской постройки.²⁸ При этом считанными самолетами производства других стран можно пренебречь — как правило, это были транспортные и учебно-тренировочные машины. Поэтому летчиков из СССР «бросали» в очередной прорыв, ими «латали дыры» в обороне, как «тришкин

²⁵ РГВА. Ф. 29. Оп. 49. Д. 71. Л. 8; Мы — интернационалисты. Воспоминания советских добровольцев — участников национально-революционной войны в Испании. М., 1975.

²⁶ Самойлов П. Гвадалахара. М., 1940.

²⁷ РГВА. Ф. 29. Оп. 49. Д. 71. Л. 10.

²⁸ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 2. Л. 143–144.

кафтан», — даже проследить передвижение пилотов из одной эскадрильи в другую и перемещение самих эскадрилий, групп и звеньев часто очень затруднительно. Дополнительные трудности доставляли обязательные элементы конспирации из-за нелегального статуса военных специалистов из СССР в Испании.

Качественно новым фактором было и то, что немецкий и итальянский контингенты, представлявшие регулярные части ВВС своих стран и открыто составлявшие основу вооруженных сил мятежников, были отлично подготовлены и представляли собой сильнейшего, по тем временам, противника. Писатель Алексей Толстой, живо интересовавшийся авиационной тематикой, был хорошо знаком со многими знаменитыми советскими летчиками. Поэтому немудрено, что во время войны с фашистской Германией в блокноте писателя появилась интересная запись: «В воздушном бою нет шаблона. Каждый бой — новый, каждый бой — искусство». К сторонникам этой точки зрения с полным основанием можно отнести участника и аса войны в Испании и на Халхин-Голе, дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации С. П. Денисова. В апреле 1941 г. он, будучи командующим авиацией Закавказского военного округа, посетил Тбилисскую военную школу пилотов. В стенах этого учебного заведения генерал Денисов много рассказывал об испанском опыте, о воздушных боях в небе Испании, тактике немецкой истребительной авиации в сравнении с нашей и о том предпочтении, которое отдавали летчики люфтваффе атакам сверху на выходе из пикирования, о вынужденном стремлении наших пилотов завязывать воздушный бой на виражах, необходимости иметь хорошую пилотажную подготовку.²⁹

Объективно вредным явилось то обстоятельство, что советское партийное руководство влияло на ход боевых действий не только на тактическом, но и на стратегическом уровне. Еще одним отрицательным фактором явилось то, что, по мере накопления боевого опыта республиканской армией и ее командованием, роль советников из СССР постепенно снижалась, а численность их сокращалась. Это привело в итоге к снижению уровня управления войсками. Так, в Москве первоначально планировалось участие только опытных советских военных специалистов. Однако на деле, в том числе и по политическим соображениям, уровень профессионализма правительственных войск неуклонно падал. Во-первых, качественно и количественно испанские командиры убывали в ре-

---

²⁹ Елецких В. Л. С. П. Денисов — герой двух народов. Очерк / Рукопись. Воронеж, 1988.

зультате как боевых, так и не боевых потерь (участились случаи перехода на сторону франкистов). Во-вторых, в 1938 году, после политических чисток, в Испанию зачастую стали посылать средних и младших командиров, часть из которых имела лишь среднее военное образование. Уровень оперативной помощи с их стороны резко снизился, и республиканское командование стало терять к ним интерес. (Поразительно, но с тем же явлением автор столкнулся при изучении войны в Корее 1950–1953 гг. и боевых действий в Египте в 1973 г., которые имели такие же последствия.) Это свидетельствует о недальновидной политике, непоследовательности и недооценке советским командованием «обратной связи» — реакции руководства стран-потребителей военной помощи. Советники и технические специалисты из СССР столкнулись с массой проблем. Подавляющее большинство из них не знали испанского языка, обычаев, традиций и национального характера; воинских порядков и уставов в испанских вооруженных силах, особенностей театра военных действий и т. д. Вдобавок испанские некоммунистические партии и организации увидели в комиссарах оружие, с помощью которого компартия стремилась установить свою гегемонию над вооруженными силами, и всеми средствами пытались его ликвидировать, что отрицательно сказывалось на общих результатах боевой работы.³⁰

Нестабильная политическая обстановка недоверия и подозрительности в СССР и Испании порождала у некоторых советских военных руководителей желание свести личные счеты со своими конкурентами. Отдаленность Пиренейского полуострова весьма затрудняла советским руководителям в Москве провести объективную проверку таких наветов, как, например, доклад т. Бергольца в Центр осенью 1936 г., содержавший самую отрицательную характеристику В. С. Хользунову — потом известнейшему советскому летчику, новатору приемов бомбардировочной авиации, удостоенному за бои в Испании звания Героя Советского Союза, ставшему впоследствии генерал-лейтенантом, командующим авиационной армией особого назначения. В этом отдельном случае, к счастью, разобрались правильно и Бергольца, чтобы он своими претензиями и непрофессионализмом не создавал лишних проблем и не дискредитировал советников из СССР, отозвали в Союз.³¹

---

³⁰ Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1961. С. 121; Мещеряков М. Т. СССР и гражданская война в Испании. С. 18–32; Рыбалкин Ю. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. С. 44.

³¹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–11.

Основополагающая, доминирующая особенность, главная черта воздушной войны в Испании: СССР вел бои отлаженными образцами боевых самолетов — им было в среднем 2–3 года — самый расцвет, но уже был виден предел технических возможностей И-16, И-15, СБ и Р-5. Немцы же — с отсталыми самолетами начали агрессию в Испании, затем оперативно и динамично отреагировали на отставание: опробовали в боевых операциях новинки и отладили их. Доведя до кондиции свою авиатехнику, они развязали Вторую мировую войну и ушли далеко вперед, отслеживая этот процесс непрерывно. Именно это умение немцев эффективно использовать военный опыт имел в виду француз К. Ружерон: «Война в Испании явилась проверкой немецкого военного материала, т. к. СССР прислал туда новую технику».³²

3. Итоги и уроки боевых действий советских ВВС в Испании

Главной проблемой и очень важной чертой боевых действий в Испании была гонка вооружений — постоянное и быстро меняющееся лидера соперничество противоборствующих сторон по наращиванию боевых возможностей самолетов. Но, сравнивая и оценивая достоинства и недостатки самолетов, следует иметь в виду, что они не обязательно в полной мере могут проявляться в бою. Успехи или, наоборот, неудачи действий на том или ином типе самолета напрямую связаны не только с качественным превосходством или недостатками техники, но и с тактикой использования этой техники, которая и приводит к реальному изменению положения на фронтах. Правильная тактика сводит к минимуму недостатки техники и обнажает ее достоинства. Как показал прошлый и показывает современный опыт, победа в бою достигается не только благодаря качественному и количественному превосходству техники, но в большой степени благодаря опыту летных кадров, способных выработать и реализовать такую тактику действий, которая была бы наиболее эффективна в борьбе с данным противником.³³

Это хорошо согласуется с мнением французского теоретика Ружерона: «Решающее значение в бою истребителей имеет индивидуальное мастерство пилота, его тренированность».³⁴ В ходе

---

³² Там же. Ф. 29. Оп. 49. Д. 71. Л. 3.

³³ Захаров Г. Н. Я — истребитель. М., 1985. С. 73.

³⁴ РГВА. Ф. 29. Оп. 49. Д. 71. Л. 63.

воздушных сражений в небе Испании выявлялись сильные или слабые стороны боевых самолетов, совершенствовалась тактика воздушного боя, разрабатывались новые приемы борьбы в воздухе. Например, именно в Испании советские летчики стали весьма удачно, хотя и вынужденно, использовать тактику тесного взаимодействия скоростных истребителей И-16 и тихоходных, но очень маневренных И-15. Задача скоростных истребителей состояла в том, чтобы догнать врага и завязать бой, после чего И-15 сковывали боем истребителей противника, а И-16 атаковали бомбардировщиков. Такая тактика действий оказалась весьма эффективной и применялась потом советскими летчиками в Китае и Монголии. Подлинными новаторами, носителями нестандартных тактических идей были П. В. Рычагов, С. И. Грицевец, Г. П. Кравченко и другие наши асы.³⁵

Опыт воздушных боев определял основные направления по техническому улучшению и совершенствованию боевых самолетов. Яркий пример: в феврале 1937 г. для борьбы с окрепшей с помощью СССР истребительной авиацией республиканцев в Испанию направляются 40 немецких истребителей Bf-109V конструкции Вилли Мессершмитта.³⁶ Поначалу появившиеся в Испании «мессершмитты» ни по скорости, ни по вооружению не превосходили советский истребитель И-16, находящийся на вооружении у республиканцев. Новый «мессершмитт» — Bf-109E (вскоре он стал обозначаться как Me-109E) был оснащен двигателем Даймлер-Бенц 601A мощностью 1100 л. с., вооружен четырьмя пулеметами МГ-17 (в некоторых вариантах крыльевые пулеметы были заменены 20-мм пушками MG-FF) и развивал скорость 570 км/ч. Этот самолет оказался грозным воздушным противником и под занавес испанской войны проявил себя как наилучший истребитель, когда И-16 и И-15³⁷ значительно уступали ему по скорости, скороподъемности и вооружению. Благодаря действиям разведывательных органов, ВВС РККА могли иметь возможность изучать, обобщать и использовать для учений и маневров информацию, добытую у противника.³⁸

³⁵ Захаров Г. Н. Я — истребитель; Самолетостроение в СССР. 1917–1945 гг. С. 163.

³⁶ РГВА. Ф. 37 977. Оп. 4. Д. 191. Л. 1–7; Merrick K. A. The Official Monogram Panting Guide To German Aircraft 1935–1945. Boylston, Mass., 1986.

³⁷ Polikarpov Fighters In Action. Squadron / signal publications. Texas, 1999.

³⁸ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–73; Маслов М. Испанский пленник: Messerschmitt Bf 109 B-1. М., 1995.

Не только истребитель Ме-109 явился объектом пристального внимания советских авиационно-технических специалистов. В документе «Перечень объектов иностранного вооружения переданного 5 Управлением Красной Армии за период 1936–1939 гг. в ГУАС КА» для тщательного изучения значатся, кроме «мессершмитта», немецкие истребитель Не-51, бомбардировщики Ю-52, Ю-86 и Не-111, итальянский истребитель CR.32, а также трофейные авиационные двигатели, прицелы, оборудование, стрелковое и бомбовое вооружение, аэрофотоаппараты, радиостанции — десятки наименований. Причем работы по освоению и изучению захваченной передовой немецкой, итальянской, а также закупленной во Франции, Великобритании и США авиатехники находились под постоянным контролем. В фондах РГВА находится множество документов того периода, по содержанию аналогичных такому: «НКО — тов. Дратвину... необходимо подробно сообщить, как они (материалы) использованы и какие конкретные мероприятия по их реализации намечаются в 1940 г.». Новые машины Як-1, ЛаГГ-3, Пе-2, МиГ-1 и Ил-2 создавались в СССР уже с учетом новых требований.³⁹

Обязательно нужно подчеркнуть, что советники и специалисты советских ВВС сыграли главную роль в становлении испанской народной армии, в разработке и осуществлении многих наступательных и оборонительных операций, в создании оборонной авиапромышленности, подготовке младшего и среднего командного состава.⁴⁰ Многие из них были награждены орденами, некоторые получили звание Героя Советского Союза, что, однако, не спасло некоторых из них от репрессий впоследствии.

Однако существовали и негативные моменты. О том, что отсталой республиканской авиационной промышленности нужна помощь, советские военспецы неоднократно доносили с подробными перечнями, в чем именно нужна эта помощь. Ответа на все их запросы, хотя бы в порядке информирования, не было, «что поставило нас в очень тяжелое и смешное положение» — писал военинженер Шарапов. Сейчас неизвестны многие подлинные мотивы, которыми руководствовались высшие военные и политические деятели нашей страны, направившие в Испанию людей и технику, а затем, особенно при переходе преимущества к противнику, резко изменившие свое отношение к ним. Ситуацию усложняли и политические чистки, которые во многом ослабили

³⁹ РГВА. Ф. 29. Оп. 49. Д. 73. Л. 8, 12–15; Ф. 37977. Оп. 4. Д. 217. Д. 387. П. 5. Д. 389. П. 4; Ф. 4. Оп. 14. Д. 1578, 1919, 1925.

⁴⁰ Там же. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 192. Л. 45–109.

Красную Армию. На место командиров, хорошо знавших свое дело, приходили новые сотрудники, но и они, не успев набраться опыта и разобраться в обстановке, тоже оказывались арестованными. В результате призывы о технической помощи авиационным заводам далекой Испании оставались без внимания.⁴¹

Опыт войны в Испании показал, что истребители должны вести бой в составе пары ведущего и ведомого, меча и щита. Виртуозный пилот и грамотный командир И. Лакеев подчеркивал, что высота полета для истребителя является залогом победы, что каждая атака должна быть внезапной для противника, а внезапность достигается смелым маневром и неожиданным приемом в бою. Но этот драгоценный опыт не получил широкого распространения и оставался достоянием ограниченного круга военных летчиков. В вопросах улучшения управления воздушным боем комкор Е. Птухин считал обязательным установку на самолетах радиостанций, тогда целеуказанием с земли можно было существенно повлиять на исход схватки. Стоит особо выделить тему авиационной радиосвязи. Для советских ВВС это было огромной проблемой вплоть до середины 1942 года — радиопромышленность СССР, несмотря на всевозможные мероприятия, не могла выпускать до той поры приемлемые по качеству приборы.⁴²

Герой Советского Союза генерал-майор в отставке А. Гусев вспоминал, как летчики-добровольцы вернулись из Испании в СССР. Самое главное, что они хотели сделать, — немедленно совершенствовать методы боевой подготовки. Замечания летчиков касались и коренной переделки авиатехники, и таких «мелких» доводок, как, к примеру, спаривание 12,7-мм пулеметов для прикрытия СБ от атак истребителей противника снизу.

Интересен и тот факт, что Я. Смушкевич обратил внимание И. В. Сталина на то, что с началом войны воздушные армии нападающей державы внезапно пересекут границу с целью разрушения и уничтожения наиболее важных военных объектов противника. Смушкевич был репрессирован накануне войны, а 22 июня 1941 г. немецкие люфтваффе без объявления войны обрушили бомбардировки на важнейшие оборонные объекты СССР по методу, отработанному в Испании, Польше и Франции.⁴³

---

⁴¹ Якуба Н. «Испанские» советские самолеты. С. 31–33.

⁴² РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 369; Ф. 4. Оп. 14. Д. 2711. Л. 46, 53, 62; Головешкин В. Человек большой судьбы // Крылья Родины. 1989. № 11. С. 6–7.

⁴³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 198. Л. 1–42. Д. 399; Ф. 4. Оп. 14. Д. 2891; Левицкий С. Трагедия генерала Дугласа // Крылья Родины. 1990. № 1. С. 28–29.

Неожиданных поворотов в истории много: в июне 1941 г. И. В. Сталин требовал выполнения мероприятий, которые даже снижали боеготовность, чтобы не спровоцировать Гитлера. Такая же вынужденная ошибка, продиктованная внешнеполитическими соображениями, была накануне войны с Японией у Дугласа Макартура, закончившаяся катастрофой в Перл-Харборе. Исторический опыт впоследствии показал: при желании выход из положения нужно и можно найти. Например, повысить качественный уровень каждой степени боеготовности в боевом уставе. Так, для ВВС — готовность № 1 — самолеты в воздухе (а не «пилоты в кабинах, двигатели прогреты»).⁴⁴

Есть мнение, что, несмотря на скептицизм многих авиационных командиров, ответственные специалисты ВВС РККА, опираясь на мнение «политкорректных» авторитетных авиационных военачальников, например таких, как Герой Советского Союза С. П. Денисов, совершили историческую ошибку, положительно оценив опыт использования истребителей-бипланов. Напротив, для немцев недостатки истребителя Хейнкель-51 ознаменовали фактическую смерть истребителей-бипланов в ВВС Германии. Однако необходимо учитывать четкое понимание Денисовым и другими опытными летчиками и командирами политической обстановки в стране и хорошее знание экономических, а также технических возможностей советской авиапромышленности.⁴⁵ С другой стороны, объективность требует учесть и тот факт, что бесперспективное решение по бипланам было принято не только в СССР: итальянцы были настолько открыты тактико-техническими характеристиками своих CR.32, что решили развернуть производство следующего истребителя-биплана — CR.42. Что касается первых моделей самолета Мессершмитт-109, то немцы, не без основания, считали, что они превосходят все типы самолетов, летавших в небе Испании. Однако вооружение самолета, состоявшее из трех пулеметов, было признано недостаточным, после чего был установлен четвертый пулемет. Кроме того, было выявлено, что дальность этого истребителя недостаточна для сопровождения бомбардировщиков, выполняющих рейды к объектам, расположенным на вражеской территории на большом удалении от линии фронта; это привело к созданию подвесных топливных баков. Главное управление авиационного

---

⁴⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 344. Л. 51–116.

⁴⁵ Там же. Ф. 29. Оп. 37. Д. 10. Л. 103–118.

снабжения советских ВВС учитывало эти факты и внедряло аналогичные разработки.⁴⁶

По тактике применения боевой авиации германские летчики также сделали много эффективных нововведений.⁴⁷

Немцы так же, как и многие советские историки, приписывают многие тактические изобретения своим знаменитым асам и командирам. К примеру: штурмовку истребителями придумал, по одним советским источникам, Е. Птухин, а по другим — Я. Смушкевич, то же можно сказать и о тактике замены трехсамолетных звеньев на пары. Западные историки приписывают В. Мельдерсу и Г. Траутлофту новейшие приемы использования скоростных истребителей-монопланов (на опыте Мессершмитта Bf-109), забывая, что в СССР моноплан Поликарпова И-16 начали использовать в войсках — да и в Испании — гораздо раньше. Фон Рихтгофену приписывается идея использования устаревших истребителей He-51 для штурмовки, хотя это у немцев однозначно произошло позже, чем в республиканской авиации.⁴⁸ Именно Смушкевич и Птухин впервые сосредоточили авиацию непосредственной поддержки на ближайших к линии фронта площадках, что стало прообразом т. н. «аэродромов подскока», но и этот урок лучше был усвоен противником — пилотами люфтваффе во Второй мировой войне. Именно слаженная и в высшей степени грамотная работа немецкого наземного авиационного персонала, который, в сравнении с советскими ВВС, был еще и в 5 раз многочисленней, позволяла агрессорам быстро реагировать на передвижение линии фронта вперед.⁴⁹

Были и положительные сдвиги. Советский Союз к 1936–1939 гг. был количественно обеспечен современными авиазаводами, моторостроительным производством и собственным алюминием. Непрерывно шла интенсивная работа по модифицированию старых и созданию новых авиадвигателей. Одновременно — постоянные и настойчивые попытки улучшить боевые качества самолетов старых типов установкой более совершенных двигателей, новых образ-

⁴⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2205; Д. 2216. Л. 1–29; Д. 2237. Л. 1–27; Д. 2870. Л. 1–15.

⁴⁷ Гагин В. В. Воздушная война в Испании. Воронеж, 2001. С. 59.

⁴⁸ Гагин В. В. Боевые действия советских ВВС и их противников на Верхнем и Среднем Дону в июне 1942 — феврале 1943 гг. // Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции. Воронеж, 2006. С. 150–160; Гагин В. В. Воздушная война над Черноморьем // Битва за Воронеж. Воронеж, 2005. С. 233–263.

⁴⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2244. Л. 1–18; The Pictorial History of the Luftwaffe. Airline. London, 1991.

цов авиавооружения и авиаприборов. Уровень развития авиации в СССР в 1937 г. позволил правительству ставить перед авиаторами бомбардировочной авиации сложнейшие и престижнейшие задачи — такие, как перелет Москва—Северная Америка.⁵⁰

Советские ВВС стали самостоятельным родом войск в РККА, однако организационная чехарда нанесла огромный урон их боеготовности. Сначала основой структуры советских ВВС была эскадрилья однотипных самолетов, а 3–5 эскадрилий составляли авиабригаду (приблизительно 130–150 машин). В 1933 г. были сформированы тяжелобомбардировочные корпуса. В каждом корпусе — 2–4 тяжелобомбардировочные бригады. В 1936 г. они были реорганизованы в армии особого назначения с базированием в Воронеже, Хабаровске и Ростове-на-Дону. По штату 1938 г. в АОН входили 2 бригады ТБ, 1 бригада — легких бомбардировщиков и 1 — истребителей.⁵¹ По итогам войны в Испании, а также в Китае в конце 1938 г. появилась новая структура — авиационный полк. В каждой авиабригаде было два полка по 4–5 эскадрилий. В полку тяжелых бомбардировщиков по штатному расписанию насчитывалось до 40 машин, а в полках легких штурмовиков, разведчиков и истребителей было по 63 самолета. На 1 января 1938 г. в советских ВВС находились 3 воздушных армии, 5 авиакорпусов и 77 авиабригад (24 ТБ, 25 ЛБ (легкий бомбардировщик) и СБ, 10 штурмовых, 14 истребительных и 4 разведывательных). В первой половине 1938 г. советские ВВС имели 115 тактических единиц на уровне авиаполка.⁵²

Особое внимание уделялось обучению летчиков, но зачастую на местах гнались за количественными показателями. В 1937–1939 гг. количество школ военных летчиков выросло с 18 до 32. ОСО-АВИАХИМ в 1936 г. насчитывал 170 аэроклубов. За 1930–1941 гг. аэроклубы на простых и дешевых самолетах У-2 с двигателем М-11 подготовили 120 тысяч летчиков и более двухсот тысяч парашютистов, которые стали основой крупнейших в мире воздушно-десантных войск. Численность состава советских ВВС в январе 1938 г. — 194 900 чел. (12,2 % от всего личного состава РККА). Материальная часть ВВС (1938 г.): бомбардировщиков и штурмовиков — 4 222; истребителей — 2 255; остальных — 1 662. Обладая официально

⁵⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1893. Л. 1–113; Д. 1992, 2126; Д. 2207. Л. 1–8; Д. 2822. Л. 1–36; Д. 2873. Л. 1–7; История металлургии легких сплавов в СССР 1917–1945. М., 1983. С. 264.

⁵¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1550, 1552, 1566, 1610; Ф. 37977. Оп. 4. Д. 198, 311.

⁵² Бочкарев П. П. Годы в огненном небе. М., 1991; Советские Воздушно-десантные. М., 1982; Шумихин В. С. Советская военная авиация 1917–1941. М., 1986.

8139 самолетами первой линии, советские ВВС были сильнейшими в мире — к сожалению, во многом — только номинально.⁵³

СССР поставил республиканской Испании в основном современную военную авиатехнику: истребители И-15 и И-16, бомбардировщики СБ и Р-З (или «Эр-зет»). Весной 1938 г. положение республиканцев на фронтах значительно ухудшилось, и одновременно стало заметно охлаждение Советского Союза к проблемам республиканского правительства.⁵⁴

Советский Союз выступал в гражданской войне верным союзником и последовательным защитником интересов Испанской Республики. Советские люди были солидарны с испанским народом и были готовы оказать и оказывали ему всю возможную в тех условиях моральную и материальную помощь и поддержку.⁵⁵

При всех негативных моментах, гражданская война в Испании была одной из тех локальных войн, в которых Советский Союз сыграл поистине прогрессивную роль. Его весьма действенная помощь позволила антифашистам Испании в течение почти трех лет отражать наступление внутренней и международной реакции. Нередко эта помощь шла за счет снабжения собственных войск и отрицательно сказывалась на боеготовности частей Красной Армии. Из почти 3-х тысяч советских добровольцев, побывавших в Испании в то время, погибло и пропало без вести 158 человек.⁵⁶

Почему И. В. Сталин не попытался довести дело до победного конца?

Одной из многих причин стало разочарование в испанских союзниках — они были «заражены» анархизмом и троцкизмом, а многие из них даже не сочувствовали коммунистическим идеям, не были готовы идти за них до конца, хотя и не принимали фашизм.⁵⁷ У Советского Союза не было возможности осуществлять

---

⁵³ РГВА. Ф. 37 977. Оп. 4. Д. 181. Л. 1–43; История Новосибирской военной авиационной школы пилотов: краткий очерк / Под ред. М. Б. Пеняева. Новосибирск, 1941. С. 10; Авиационный двигатель М-11ФР. Инструкция по техническому обслуживанию. М., 1955. С. 4; Шумихин В. С. Советская военная авиация 1917–1941. М., 1986. С. 185, 235; Самуэльсон Л. Красный колос. М., 2001. С. 223.

⁵⁴ Рыбалкин Ю. Москва, Настасьинский, 13. С. 14–19.

⁵⁵ Гагин В. В. Итоги и уроки боевых действий советских ВВС в Испании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2006. № 5. С. 14–23.

⁵⁶ Мещеряков М. Т. СССР и гражданская война в Испании. С. 18–32; Гриф секретности снят. М., 1993. С. 68.

⁵⁷ Испания. История // Малая Советская Энциклопедия. М., 1937. Т. 5. С. 34–38.

военную помощь Испании безвозмездно в крупных масштабах. Военная, в том числе и авиационная, промышленность СССР работала чрезвычайно напряженно, вплоть до введения на заводах чрезвычайных и мобилизационных положений. Наркомат авиационного прома и ВВС Красной Армии испытывали постоянную нехватку практически во всем: от помещений, зданий и сооружений до горюче-смазочных материалов.⁵⁸

Испанию пришлось «бросить», потому что назрели более близкие внешнеполитические проблемы, у самых границ — Китай, Монголия, Финляндия. Отсюда и нехватка опытных, грамотных командиров и летно-технического состава для одновременных боевых действий на разных направлениях.⁵⁹ В то же время задача-минимум была выполнена — авиатехника опробована, военные набрали опыт.⁶⁰

Необходимо добавить и субъективное отношение ВКП(б) и И. В. Сталина лично именно к «человеческому фактору»: многих встревоженных и критически настроенных «ветеранов Испании» репрессировали сразу, как паникеров, а в 1941-м расстреляли других — тех, кто давал раньше победные реляции и уверял, что все было в порядке. В результате многими элементами драгоценного опыта воспользоваться не успели — зачастую непонятные и необъяснимые аресты многих командиров лишили инициативы тех, кто остался в строю. С коротким интервалом начались еще три войны, и тревожным симптомам (таким, как появление Вф-109 — лучшего, по мнению многих, истребителя Второй мировой войны) при общей организационной неразберихе должного значения не придали.

Многие часто не умели и не желали обобщать и хранить накопленный предшественниками богатый боевой опыт. Этим недостатком страдали даже крупные советские военачальники. Яркий пример: «Совершенно секретно. Заместитель начальника разведуправления РККА старшему майору госбезопасности т. Гендину. Только лично. Направляю следующие совершенно секретные документы (шифротелеграммы, списки советских и испанских летчиков, техников, политработников, с указанием настоящих фамилий и псевдонимов, их боевые характеристики, рапорта, приказы,

---

⁵⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2861. Л. 1, 5–14; Народное хозяйство СССР. 1922–1972. М., 1972. С. 355; Никитин А. Состояние важнейших отраслей промышленности СССР накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1960. № 3. С. 18; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1929–1940 гг.). М., 1967. Ч. II. С. 694.

⁵⁹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 398.

⁶⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2220.

схемы, карты и т. п.), обнаруженные [после спешной эвакуации штаба республиканской авиации. — В. Г.] на ст. Бетеро вблизи Валенсии, где размещался штаб советской группы авиации... По предварительным данным, в преступно-небрежном отношении к хранению совершенно секретных материалов виновны — главный советник авиации Арженухин, комиссар Агальцов...». ⁶¹ Безответственный, судя по этим документам, Ф. К. Арженухин в 1939 г. стал начальником штаба ВВС РККА. И таких случаев — множество. Так и подошли к началу Великой Отечественной войны.

Автор еще раз убедился в справедливости своего суждения, собирая материалы о воздушной войне в Афганистане, — ветераны советских ВВС передали ему для работы множество подлинных аналитических документов штаба ВВС 40-й армии — ни у кого из военных за прошедшие годы не нашлось времени их обобщить.

Подводя итоги, принципиально важно отметить, что имевших боевой опыт летчиков (прошедших не только Испанию, но и Китай, Хасан, Халхин-Гол и Финляндию) в связи с резким увеличением авиаполков непосредственно в предвоенный период, командование ВВС РККА старалось равномерно распределить между старыми и вновь сформированными частями и соединениями. Это объективно привело к «распылению» сил, к «растворению» мастеров боевого применения в среде новичков и не способствовало повышению боевой подготовки и совершенствованию профессионального уровня будущих воздушных бойцов Великой Отечественной войны.

Положение усугубляла и реакция многих авиационных командиров и начальников всех уровней на более чем жесткие требования И. В. Сталина по снижению аварийности в ВВС РККА, выразившаяся в понижении нормативов ночных полетов, упрощении разрешенных фигур пилотажа, уменьшении количества воздушных стрельб и бомбометаний во избежание возможного риска при производстве учебных полетов.

Только в конце 1942 г. по инициативе В. И. Сталина в ВВС РККА стали формировать элитные авиагруппы с целью борьбы за превосходство в воздухе в небе Сталинграда. ⁶²

---

⁶¹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2.

⁶² Перечень № 12 авиационных полков военно-воздушных сил Красной Армии, входивших в состав Действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.; Сухомлинов А. В. Василий Сталин — летчик, генерал, человек, или история осуждения и реабилитации сына «Вождя народов» // Вестник Воздушного флота. Июль—август 1999. С. 42–47.

АНТОНИО МАНУЭЛЬ МОРАЛЬ РОНКАЛЬ

СОВЕТСКИЙ ПОСОЛ В МАДРИДЕ:
РЕАКЦИЯ ИНОСТРАННОГО
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КОРПУСА ИСПАНИИ

Дипломатия и гуманитарные вопросы

Начиная с 17 июля 1936 г. в тех областях республиканской Испании, где военный мятеж не одержал победу, политическая и социальная ситуация характеризовалась началом социальной революции. В некоторых регионах она означала массовое вытеснение государственной власти властью революционной на муниципальном, провинциальном и региональном уровнях. Это вытеснение сопровождалось установлением контроля над средствами производства в сельском хозяйстве и промышленности при помощи конфискаций и коллективизации, а также стихийными репрессиями, порою никак не управляемыми государством. Ими руководили члены профсоюзов, партий и группировок, которые позднее продолжают свою деятельность в составе машины организованных репрессий. В Мадриде, еще до капитуляции восставших в казармах Монтанья, начались печально известные казни без суда и следствия (*paseos*) и убийства людей, считавшихся врагами Народного фронта. В соответствии с декретом от 23 августа 1936 г., правительство Х. Хиралья¹ учредило в Мадриде

---

¹ Хираль Перейра, Хосе (1879–1962) — испанский политический деятель, сторонник М. Асаньи, морской министр в республиканском правительстве С. Касареса Кироги, 19 июля — 4 сентября 1936 г. одновременно занимал пост главы Правительства. — *Прим. перев.*

чрезвычайный трибунал, а тремя днями позднее распространило его полномочия на все без исключения население подвластные ему территории. Следующим шагом в создании так называемого «Народного правосудия» (*Justicia Popular*) была нормализация его работы, которую начал новый кабинет, возглавляемый Ф. Ларго Кабальеро², которым через семь месяцев был отдан приказ об интеграции народных трибуналов в стационарные суды (*audiencias*).

Репрессивный характер системы «Народного правосудия» подтверждается целым рядом фактов, таких как: чистка, проводимая среди судебных чиновников еще до появления самой системы; сильно ускоренное судопроизводство, розыск людей, придерживающихся правых взглядов, значительное присутствие членов левых партий и профсоюзов среди коллегий присяжных заседателей и широта полномочий этих коллегий; рассматриваемые преступления, такие как неприятие режима, шпионаж, государственная измена, пораженчество и бунты; отличительные черты обвиняемых — людей религиозных, ведущих консервативный или буржуазный образ жизни, традиционалистского склада ума, а также применяемые наказания³. В сознании мятежных военных, тех, кто подвергался преследованиям, эти репрессии были связаны с теми, которые проводились во время русской революции. Благодаря этому распространилось мнение о том, что Советский Союз был их вдохновителем. Другие считали, что эта волна насилия связана с тем, которое применяли уже несколько десятилетий анархисты. Что можно утверждать точно, так это то, что уже 17 июля, узнав о состоянии дел в Испании, Москва выслала ряд рекомендаций Медине, секретному испанскому адресату, и ПБ (Политбюро Коммунистической партии Испании), где, среди прочего, советовала: «Требовать у республиканского правительства немедленного задержания парламентских лидеров и сделать это незамедлительно без малейшей задержки. Произвести чистку армии, полиции и ор-

---

² Ларго Кабальеро, Франсиско (1869–1946) — видный испанский политик первой половины XX в., представитель левого крыла Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), один из лидеров Всеобщего союза трудящихся (ВСТ), профсоюзного объединения, действовавшего в тесной связи с ИСРП. Занимал пост главы правительства с 4 сентября 1936 г. по 17 мая 1937 г. — *Прим. перев.*

³ О репрессиях в Испании времен Народного фронта см.: *La represión en la Guerra Civil* / Coord. por A. D. Martín Rubio // *Aportes. Revista de Historia Contemporánea*. 2004. No. 54. P. 4–68; *La Otra Memoria* / Coord. por A. Bullón de Mendoza, L. E. Togores. Madrid, 2011.

ганов власти от врагов народа. Лишить аристократию, которая стоит за заговорщиками, гражданских прав и всего имущества. Изгнать их из страны и запретить их прессу. Необходимо создать специальный трибунал для всех наемников, террористов, заговорщиков и мятежных фашистов и применять к ним высшую меру наказания, включая конфискацию имущества»⁴.

Эти события — революция и репрессии — были причиной определенных действий, предпринятых иностранным дипломатическим корпусом, аккредитованным в Испании. Большинство послов и поверенных в делах, которые находились при так называемом «Временном министерстве» (*Ministerio de Jornada*) в Сан-Себастьяне⁵, переехали на юг Франции и отказались возвращаться в Мадрид, если не считать некоторые исключения, например мексиканского посла. Некоторые из тех, кого военный мятеж застал в столице, например перуанский и колумбийский послы, в считанные недели покинули территорию, которую скоро объявят «красной». Поэтому рано или поздно дипломаты более низкого ранга — исполняющие обязанности временных поверенных в делах — или даже сотрудники архивов оказывались во главе столичных посольств, дуайеном которых был чилийский посол Аурелио Нуньес Моргадо⁶. Республиканское правительство заявило протест против беспрецедентной ситуации, созданной самими главами посольств, аккредитованных правительством, на чьей территории они не желали находиться, оставаясь на территории третьей стороны — Франции. Этот факт не мог не дискредитировать Народный фронт в глазах мирового сообщества. Поэтому Совет министров и местные власти не замедлили признать единственным дуайеном дипломатического корпуса посла Чили, а не Аргентины (последний проживал во французском

---

⁴ The National Archives (Лондон, Великобритания). HW (Records created or inherited by Government Communications Headquarters) (далее — TNA. HW). 17/27. No. 266–275. Цит. по: Volodarsky B. *El caso Orlov. Los servicios secretos soviéticos en la Guerra Civil Española*. Madrid, 2013. P. 63.

⁵ По традиции во время летних каникул послы переезжали туда, где находилось правительство или государственный министр (министр иностранных дел) — в Сан-Себастьян. Между тем остальная часть дипломатического персонала оставалась в Мадриде.

⁶ Исполняющий обязанности временного поверенного занимал руководящую должность, когда она оказывалась вакантной из-за отсутствия соответствующего должностного лица. Как правило, это был чиновник, непосредственно следующий по рангу за главой дипломатической миссии. В отличие от аутентичного поверенного в делах, он не получал верительных грамот министерства.

городе Сибур) и потребовали у правительств иностранных государств положить конец столь необыкновенному положению либо посредством возвращения их представителей, либо посредством их замещения⁷.

Посольства и дипломатические миссии в Мадриде, а также многочисленные консульства в провинциях начали эвакуировать и предоставлять убежище как иностранным гражданам, так и испанцам, подвергавшимся преследованиям во время вспышки упомянутых репрессий. Уже в ночь с 21 на 22 июля 1936 г. группа из ста человек, попросивших убежища, отправилась из французского посольства в Валенсию, откуда они покинули страну. В последующие дни в Министерстве иностранных дел получили вербальные и письменные ноты, а также письма, содержащие, помимо ходатайства о предоставлении помощи эвакуировавшимся, заявления о произволе милиции по отношению к иностранным гражданам, запросы о некоторых пропавших без вести, требования вернуть конфискованные автомобили и просьбы обезопасить от нападений дипломатические здания⁸. В первое время ответственность за принятие решений о предоставлении убежища легла на тех людей, которые оказались во главе миссий в начале войны. Некоторые консультировались со своими послами, которые без колебаний одобряли их решение. Другие обращались в свои Министерства иностранных дел, представляя дипломатическую помощь как уже свершившийся факт. Не было недостатка и в тех, кто испытывал серьезные сомнения, прежде чем принять беженцев в здании, принадлежавшем дипломатической миссии

⁷ В разгар лета 1937 г. во французском местечке Сен-Жан-де-Люз и его окрестностях проживали или держали действующую канцелярию послы Соединенных Штатов, Бельгии, Чили, Аргентины и Франции, поверенные в делах Великобритании, Китая, Египта и Нидерландов, министры Уругвая, Норвегии, Польши, Венесуэлы и Перу. Все они были аккредитованы в Испании. См.: Archivo Estalella (далее — АЕ) (Madrid). Carpeta “Guerra Civil” (1937).

⁸ Archivo General de la Administración (далее — АГА) (г. Алькала-де-Энарес). Fondo del Ministerio de Asuntos Exteriores. R. 527. Exp. 13: жалобы и требования иностранных дипломатических миссий, вызванные конфискацией имущества и собственности иностранных граждан, полученные с августа 1936 по январь 1937 гг.; Ibid. R. 416. Exp. 3: циркулярная вербальная нота от 4 августа, разосланная в дипломатические миссии и посольства, гарантировала защиту иностранных подданных и их интересов со стороны республиканского правительства; Ibid. R. 749. Exp. 1–144: протесты против агрессии и произвола, допущенных в Испании в отношении иностранных граждан и их имущества, направленные различными странами через дипломатических представителей. Приводятся сведения об убийствах.

(например, посол Колумбии). Традиционно право на получение дипломатического убежища предоставлялось в условиях политического кризиса небольшой группе лиц. В случае с Испанией поразительным является масштаб, поскольку со временем помощь была оказана 11 000 человек — вещь неслыханная в истории международных отношений.

Некоторые из преследуемых, которые по различным причинам не могли укрыться ни в одном из иностранных посольств, искали убежища в различных учреждениях, таких как больницы и психиатрические лечебницы, куда они при участии некоторых врачей поступали в качестве душевнобольных. Но медицинские центры (за исключением тех, что находились под защитой иностранного флага) не представляли собой безопасного места, поэтому большинство таких больных в определенный момент вынуждены были их покинуть⁹.

Вследствие продолжения репрессий, некоторые дипломатические чиновники старались оказать испанцам помощь, не только предоставляя им убежище, но и другим, не совсем обычным способом — выдавая им документы о том, что они аккредитованы как сотрудники, прикрепленные к их посольствам. Таким образом увеличилось число вспомогательных сотрудников секретариата, переводчиков, курьеров, механиков и представителей других профессий, в документах которых стояла спасительная фраза «приписан к службе дипломатического корпуса». Это был способ противостоять требованию вооруженных милисиано¹⁰, которые в любой момент у любого человека могли потребовать профсоюзное или политическое удостоверение о принадлежности к организациям или партиям, союзным Народному фронту, или какое-либо другое свидетельство благонадежности. Со временем республиканская разведка и полиция обратили на это внимание и установили жесткий контроль за всем этим вспомогательным персоналом, особенно после 1937 г.¹¹

---

⁹ Montero Alonso J. Del tiempo trágico. Emilio Carrere se fingió loco para salvar su vida // АЕ. Carpetas "Recortes de prensa". 22 мая 1937 г. писатель был вынужден покинуть психиатрическую лечебницу, поскольку подозревал, что один из медбрatьев может донести на него. Он спрятался в своем доме, откуда не выходил до конца войны.

¹⁰ Милисиано — бойцы республиканского народного ополчения (*milicia popular*).

¹¹ Alcocer S....Y Madrid dejó de reir. Memorias de la Guerra Civil Española. Madrid: Editorial Gregorio de Toro, 1974. P. 289. Автор был журналистом католической газеты «Эль-Дебате». О контроле над вспомогательным персоналом и чиновниками см.: AGA. Fondo Ministerio de Asuntos Exteriores. R. 789.

Хотя и в провинциях многие консулы старались защитить и эвакуировать многочисленные семьи, чтобы избежать беспорядочных убийств, взрыв невероятных репрессий в Мадриде, число жертв которых превысило 8 000 человек в последующие месяцы, предопределил массовый характер предоставления убежища, поддерживаемого многими иностранными дипломатами, которые в равной мере были встревожены расправами над почетными консулами в разных городах страны¹². В конце июня в столице был создан Контроль поименных списков (*Control de Nóminas*), чья функция состояла в централизации всех учетных картотек, конфискованных в штаб-квартирах правых партий, и снабжении различных административных учреждений информацией о функционерах этих политических группировок. Однако на деле информацию предоставляли любому лицу или департаменту Главного управления безопасности, который ее запрашивал. В первые месяцы войны любой милисиано или человек, состоявший в одной из организаций Народного фронта, мог явиться в этот Контроль и потребовать информацию о тех или иных людях, и никто не решался отказать ему в этом.

Таким образом, ЧК, анархистские группировки, партии, профсоюзы и другие организации подобного толка узнавали о политическом прошлом тех, кого они задержали, или о семьях тех, кого они собирались арестовать. Все это спровоцировало ужесточение репрессий и, в особенности, грабежей и убийств. По словам агента полиции Хосе Мария Овехеро-де-Ганте, никакая власть не могла изменить эту ситуацию до января 1937 г., когда стали приниматься только запросы, соответствующие определенному регламенту¹³. К этим фактам имеет отношение обнаружен-

¹² О республиканских репрессиях см. основательный труд британского историка: Ruiz J. *El terror rojo*. Madrid, 1936. Madrid, 2012.

¹³ Archivo Histórico Nacional (далее — АНН) (Madrid). Causa General. Vol. “Embajadas y Legaciones”. Declaración de José María Ovejero de Gante. Madrid, 27 de diciembre de 1939. P. 68. Этот агент полиции утверждает, что направил в вышестоящие инстанции доклад о злоупотреблениях, которые были допущены в первые семь месяцев войны, и это послужило причиной для ужесточения требований. В начале ноября 1937 г. Центральный контроль поименных списков и его архив обосновались на улице Алькала, объединив всю документацию Главного управления безопасности. Его первым руководителем был Пауль Бельидо, а его секретарем Педро Рианьо. См. также: Archivo Guerra Civil (г. Саламанка) (далее — GC). PS Madrid. Carp. 10–15 (картотека Главного управления безопасности по политической принадлежности населения областей, соседствующих со столицей); Carp. 240. Leg. 1.764 (доклады о лицах, придерживающихся правой идеологии).

ная в архивах СССР телеграмма советского агента Луиса Диаса, отправленная 21 июля 1936 г. в Москву, в которой он информирует свое руководство о том, что за день до этого члены партии захватили в Мадриде канцелярию консервативной католической партии Народное действие (*Acción Popular*), предоставив это здание коммунистам, которые составляли парламентское меньшинство, а также сообщает о конфискации полицейских архивов и архивов ХАП¹⁴, молодежной секции Народного действия. Телеграмма заканчивается фразой, в которой речь идет, без сомнения, о репрессиях: «Мы будем хранить их в надежном месте, после того как изучим»¹⁵.

С целью отстоять право предоставлять убежище, обеспечить экстерриториальность дипломатических зданий, согласованно осуществлять гуманитарные акции помощи гражданскому населению, выступать с мирными инициативами и действовать в условиях экстраординарной ситуации, сложившейся из-за отсутствия большей части послов и министров, 24 июля руководители посольств в Мадриде, во главе со своим дуайеном, создали совместный орган и избрали секретарей и рабочие комиссии¹⁶. Они начали проводить собрания в одном из зданий, которое занимал посол Чили, так называемой приемной дуайена, и вели протоколы своих заседаний и соглашений для того, чтобы согласовать свои действия¹⁷. Эти протоколы свидетельствуют о том, что представители Соединенных Штатов и Великобритании отказывались укрывать в своих зданиях политических беженцев, но оказывали

---

¹⁴ ХАП (*JAP. Juventud de Acción Popular*) — молодежная организация партии Народное Действие. — *Прим. перев.*

¹⁵ TNA. HW. 17/27, n° 273. Цит. по: Volodarsky B. El caso Orlov... P. 67.

¹⁶ В ходе войны и после ее развязки явственно обозначилось чувство солидарности и общности, существовавшее по обе стороны Атлантики. Некоторые южноамериканские страны пытались выступить посредниками в конфликте, безуспешно стараясь найти мирное разрешение. См. об этом: Marquina A. Planes internacionales de mediación durante la Guerra Civil // *Revista de Estudios Internacionales*. 1984. No. 5. P. 569–591; Moral A. M. Cuba ante la Guerra Civil Española. La acción diplomática de Ramón Estalella. Madrid, 2003. P. 215–223.

¹⁷ Не существует сборника протоколов всех этих заседаний иностранного дипломатического корпуса в испанской столице. Они находятся в различных архивах, таких как Архив Ватикана, Архив Эстателья в Мадриде, Архив государственного управления в Алькала-де-Энарес, или опубликованы в исследовании румынского дипломата Генри Гельфанта, который в то время занимал должность секретаря-протоколиста: Helfant H. La doctrina Trujillo del asilo diplomático humanitario. México, 1947.

содействие в эвакуации тех, кто находился в других посольствах, и активно помогали при выполнении других гуманитарных задач. И, как частные лица, чиновники обоих посольств помогали укрывать и оберегать квартиры испанцев, которым решено было оказать помощь.

В некоторых случаях эти дипломаты подвергали свою жизнь серьезному риску. Например, поверенный в делах Уругвая Франсиско Миланс Сабалета, узнав, что Хосе Субисаррета Гутьерес был силой выдворен из своего дома военными, отвез его непосредственно в Главное управление безопасности, избавив тем самым от преследователей. После выяснения обстоятельств он предоставляет ему убежище, равно как и его семье¹⁸. Дипломаты вели очень активную деятельность, так что представляется необоснованно суровым высказывание министра иностранных дел Хулио Альвареса дель Вайо: «Одним из многочисленных препятствий, стоявших перед республиканским министерством иностранных дел, была необходимость контактировать с иностранным дипломатическим корпусом, состоявшим, по большей части, из молодых и неопытных поверенных в делах и секретарей, очень далеких от того уровня, который требовала столь неординарная ситуация»¹⁹.

Изначально эвакуация иностранных граждан прошла без каких-либо особых проблем благодаря материально-технической поддержке влиятельных сил²⁰. Трудно было осуществлять эвакуацию испанских семей, каждый раз все более многочисленных, в последующие месяцы. В это же время были организованы различные рабочие комиссии: Комиссия по особым делам, которая изучала и разрабатывала вопросы особого характера, наиболее щекотливые и значительные, и состояла из представителей Великобритании, Франции и Аргентины; Комиссия по снабжению, которая со временем окажется важнейшей для поддержания служащих, связанных с посольствами, а также тех, кому было предоставлено убежище; Комиссия по делам заключенных, созданная с целью оказания помощи значительным лицам, несправедливо арестованным и, во многих случаях, приговоренным к высшей мере²¹. В конце августа 1936 г. убийство политических заключенных

¹⁸ Cervera J. Madrid en guerra. La ciudad clandestina, 1936–1939. Madrid, 1999. P. 348–349.

¹⁹ Álvarez del Vayo J. La guerra empezó en España. México, 1940. P. 241.

²⁰ H. Helfant. La doctrina Trujillo del asilo diplomático... P. 175 ss.

²¹ Archivo Edgardo Pérez Quesada (г. Буэнос-Айрес, Аргентина) (далее — APQ). Informe del encargado de negocios argentino al ministro de Relaciones Exteriores y de Culto, abril de 1937, P. 23; AE. Carpeta “Actas de las Reunio-

в мадридской тюрьме Модело, совершенное левыми милисиано, произвело ошеломляющее впечатление на иностранных дипломатов и даже на самого президента Асанью²². Его шурин Сиприано Ривас Чериф после войны заявлял по этому поводу: «В день убийств в мадридской тюрьме Модело я отправился во Дворец и застал всех с очень странными лицами. Один молодой человек из канцелярии сказал, что Асанья провел всю ночь, обхватив голову руками, а на вопрос “Что случилось?” возмущенно ответил: “Что ты хочешь, чтобы со мной случилось, когда убили Мелькиадеса Альвареса²³, Мартинеса де Веласко²⁴? Они вошли в тюрьму и убили их”. А выслушав версию о том, что это произошло из-за мятежа заключенных, Асанья сказал ее изложившему: “Ты можешь себе представить Мелькиадеса Альвареса, поднимающего восстание в тюрьме?”»²⁵.

Иностранные послы, до этого покинувшие Испанию, расположились во французском городке Андай и в конце августа публично призвали к вмешательству Международного Красного Креста. 18 сентября президент этой организации разослал циркуляр во все национальные отделения, в котором проинформировал о результатах деятельности своего представителя в Бар-

---

nes del Cuerpo Diplomático”; AGA. Fondo Ministerio de Asuntos Exteriores. R. 527. Exp. 4. “Demandas de información sobre paraderos de personas, varios documentos fechados entre julio y septiembre de 1936”.

²² Асанья Диас, Мануэль (1880–1940) — испанский политик левоцентристского толка, основатель и лидер Левой республиканской партии. Один из активных участников свержения монархии (1931 г.), в дальнейшем неоднократно занимал министерские посты в республиканских правительствах. Дважды (с 14 октября 1931 г. по 12 сентября 1933 г. и с 19 февраля по 10 мая 1936 г.) являлся главой правительства Республики. В 1936–1939 гг. — Президент Республики. Один из наиболее радикальных лидеров республиканского лагеря, непримиримый противник Церкви. — *Прим. перев.*

²³ Альварес Гонсалес-Посада, Мелькиадес (1864–1936) — испанский политик-республиканец центристского направления, один из основателей Либерально-реформистской партии (в дальнейшем — Республиканская либерально-демократическая партия). Блестящий оратор и публицист. Неоднократно избирался депутатом парламента, в 1922–1923 гг. занимал пост председателя нижней палаты Национальных Кортесов — Конгресса Депутатов (*прим. перев.*).

²⁴ Мартинес де Веласко, Хосе (1875–1936) — видный испанский политик правоцентристского направления, республиканец. В разное время состоял в Либеральной, Аграрной, Либерально-реформистской партиях. Неоднократно избирался депутатом парламента, алькальдом Мадрида, занимал министерские посты в правительствах Второй Республики. — *Прим. перев.*

²⁵ АНН. Causa General. Caj. 1.524 (“Declaración de Cipriano Rivas Cherif, 4 de septiembre de 1947”). P. 2.

селоне, уже установившего контакт с каталонским филиалом и, позднее, с Центральным комитетом Красного Креста в Испании (Мадрид). Были подписаны два соглашения: одно — с испанским филиалом, другое — с республиканским правительством. Оба они фиксировали вмешательство организации в конфликт в этом регионе. Позднее тот же самый представитель побывал в областях, контролируемых Хунтой Бургоса²⁶, и подписал там два схожих соглашения. Опираясь на эти четыре договора, Международный Комитет разместил четыре делегации в Мадриде, Барселоне, Бургосе и Севилье. Оба правительства заявили о принятии и поддержке гуманитарной деятельности Красного Креста, обмене пленными и эвакуации женщин и детей²⁷. Все это делало честь гуманитарной работе иностранного дипломатического корпуса.

Обеспокоенность судьбой политических заключенных распространилась и на сотрудников Красного Креста, которые возложили на себя задачу посещения узников (иногда — в сопровождении иностранных дипломатов) и наблюдения за их физическим состоянием, питанием и обращением тюремных властей²⁸. В 1936 г. на этом поприще особо выделялась деятельность доктора Джорджа Хенни, представителя Красного Креста в Мадриде; затем эту работу продолжили его преемники, с апреля по июль 1937 г. посетившие пять главных тюрем, в которых содержался 4601 заключенный. В остальных частях Испании, в обеих зонах конфликта, представители Красного Креста также посещали узников в провинциальных тюрьмах, рабочих лагерях, старинных монастырях, превращенных в тюрьмы, и т. д.²⁹

Наряду с представителями Великобритании, Франции и Аргентины, Доктор Хенни входил в комиссию дипломатического

---

²⁶ Правительством мятежников. — *Прим. перев.*

²⁷ Sevillano Carbajal F. V. La diplomacia mundial ante la Guerra Civil Española. Madrid: Editora nacional, 1969. P. 398–399, 406–411.

²⁸ В начале войны местные комитеты по приказу обеих сторон подверглись чисткам, так что ключевые посты занимали исключительно люди, лояльные режиму. О республиканских чистках в Мадриде см.: Archivo de la Cruz Roja Española (Madrid) (далее — ACRE). Caj. 64. Exp. 11. Между августом и сентябрем 1936 г. местные комитеты должны были посылать своих кандидатов для утверждения в Центральный Комитет.

²⁹ Рассказ о посещении тюрем представителями Красного Креста можно найти в книге: Clemente J. C. El árbol de la vida. La Cruz Roja en la Guerra Civil, Madrid: Laboratorios Beecham, 1993. P. 241ss. Впечатления заключенного № 831 (Хулио Гильен Тато) см.: Del Madrid rojo. Últimos días de la cárcel Modelo. Cádiz, 1937. Здесь сообщается о посещениях глав аргентинской, норвежской, чилийской, турецкой и кубинской миссий.

корпуса в Мадриде. На первом ее заседании он поставил вопрос о необходимости оказания помощи освобожденным заключенным и поиска решения проблемы, не связанного с эмиграцией, поскольку число беженцев возросло почти во всех дипломатических представительствах. Эта обеспокоенность Международного Красного Креста судьбой заключенных и заложников явилась, среди прочих моментов, причиной конфликта с Международной организацией помощи борцам революции (МОПР), которая не замедлила выступить с критикой его гуманитарной деятельности, о чем иностранные и испанские представители Красного Креста доложили своим руководителям³⁰.

К февралю 1937 г. иностранный дипломатический корпус добился освобождения 19 заключенных из ужасающих застенков мадридских ЧК, 288 — из других тюрем, в то время как 45 прошений было отклонено, а 58 осталось на рассмотрении. В Народных трибуналах благодаря дипломатическому поручительству удалось добиться 32 оправдательных приговоров, в 4 случаях такие поручительства не оказали действия, и заключенные были приговорены к наказанию, и 12 случаев находились в процессе рассмотрения к этому времени. Без поручительства были освобождены из трибуналов 214 человек, при этом в 24 случаях был получен отказ. Дипломатам удалось обнаружить местонахождение 388 человек и провести расследования относительно 165, которых так и не удалось найти. Потерпели неудачу хлопоты о 393 обвиненных в убийстве, фашизме и без вести пропавших³¹. Кроме того, не поддаются исчислению случаи, когда посольства помогали семьям арестованных, совместно с Красным Крестом хлопотали об организации поисков и предоставлении информации о без вести пропавших, оказывали все виды помощи своим соотечественникам, которые являлись членами интербригад, распределяли продукты питания со своих собственных складов, принимали участие в различных санитарных и благотворительных кампаниях, проходящих на республиканской территории, и т. д. Один из сотрудников кубинского посольства насчитал 15 000 случаев содействия, оказанного за три года войны только его представительством³². Среди всех этих аспектов гуманитар-

³⁰ ACRE. Caj. 64. Exps. 7–15 (переписка между Городским комитетом Мадрида и Главной медицинской инспекцией). См. также: Marques P. La Croix Rouge pendant la Guerre d’Espagne, 1936–1939. Paris, 2000. P. 87.

³¹ Cervera J. Madrid en guerra... P. 352.

³² AE. Carpeta Informes Confidenciales. Confidencial n° 4 (09.05.1939).

ной деятельности выделяется, тем не менее, использование права предоставления убежища, на котором более всего настаивали южноамериканские посольства в силу традиции и поскольку это считалось обязательным: ведь ранее, во время конфликтов между американскими странами, испанские представители в Лиге Наций всегда разворачивали активную деятельность, способствующую урегулированию и заключению мира между враждующими государствами³³. Содействующие им европейские дипломаты также считали свою поддержку естественным ответом на ту гуманитарную помощь, которую оказывал король Альфонс XIII и испанское правительство во время Первой мировой войны.

Прибытие советского посольства

Двадцать седьмого августа 1936 г. в Испанию прибыл первый посол Советского Союза Марсель Израилевич Розенберг и его сопровождающие. По словам Бориса Володарского, высшие политические инстанции в Москве посчитали необходимым учредить официальное представительство в Испании, поскольку Сталин решил предоставить помощь испанскому Народному фронту, который 25 июля обратился к нему с просьбой о поставках оружия. Но, кроме того, советская верхушка пришла к мнению, что, получая сведения из различных источников, она не слишком хорошо информирована о происходящем в этой стране, а разместившись официально в Мадриде, можно будет предоставить лучшее прикрытие агентам ГРУ и НКВД, которые должны были собирать информацию. Политбюро узаконило это решение 22 августа, за два дня до завершения Первого Московского процесса³⁴. Согласно внутреннему приказу руководства НКВД, два опытных офицера — Лев Никольский и Наум Белкин — были отправлены в Испанию для установления контакта с республиканским Министерством внутренних дел. При этом они не выступали в качестве сотрудников посольства, хотя и обладали дипломатическим иммунитетом, поскольку офици-

³³ Delgado Gómez-Escalonilla L. La política latinoamericana de España en el siglo XX // *Ayer*. 2003. No. 49. P. 135.

³⁴ Первый Московский процесс (процесс «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», «процесс шестнадцати») — первый из так называемых «московских процессов», проведенный в Москве 19–24 августа 1936 г. Основными обвиняемыми являлись Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев. — *Прим. перев.*

ально были политическими помощниками советского посольства в Мадриде³⁵. Владимир Антонов-Овсеенко был назначен консулом в Барселоне, втором по значению городе на территории, контролируемой Народным фронтом.

Прибыв в Мадрид, посольство Советского Союза расположилось сначала в отеле «Альфонсо», а в конце сентября переехало в «Палас» на площади Кортесов, один из самых роскошных отелей, где заняло три этажа. В начале войны отель был захвачен милицией, дирекцию выгнали, и в здании стал хозяйничать Переда, опытный боец-штурмовик, участник революции 1934 г. Он приказал арестовать постояльцев и организовал ЧК до прибытия советского посольства, а позднее вошел в испанскую службу безопасности этого самого посольства. На самом деле, помимо советской личной охраны, на службе у Розенберга и его сопровождения находилось около 40 испанских полицейских, назначенных республиканским правительством. И это еще не все. Свои услуги послу предложила группа добровольцев-милисиано, социалистов и коммунистов, из профсоюза мукомолов, пекарей и кондитеров под командой лейтенанта Сантоса Аревало. Полицейские и милисиано оспаривали друг у друга честь сопровождать Розенберга во время его поездок. В итоге они пришли к соглашению о том, что за автомобилем посла будут следовать две машины сопровождения — полицейская и милицейская³⁶. Все это говорит о той важности, которую республиканский лагерь официально придавал поддержке СССР, и тех надеждах, которые испанские революционеры возлагали на советских (за исключением анархистов и троцкистов, боявшихся, что этот приезд помешает им в достижении их собственных целей).

Среди сопровождавших посла находился военный атташе генерал Владимир Горев³⁷, консультировавший Народную армию Республики во время различных операций и заданий и ставший советником полковника Рохо, начальника Генштаба Мадридско-

---

³⁵ Volodarsky B. El caso Orlov... P. 81.

³⁶ Показания Ансельмо Бургоса Хилья от 1 июля 1940 г. Он был арестован за то, что занимал пост командира бригады особого назначения в Мадридской социалистической группировке, расположившейся в августе 1936 г. во дворце графа де Элета. См.: AHN. Causa General. "Embajadas y Legaciones, testimonios relacionados con la Embajada de la Unión Soviética".

³⁷ Горев, Владимир Ефимович (1900–1938) — на момент прибытия в Испанию имел воинское звание «комбриг». Генеральские звания были введены в Красной Армии только в 1940 г. В Испании действовал под псевдонимом «Гордон». — *Прим. перев.*

го фронта³⁸. В то же время он был опытным агентом РУ (Разведупр, Главное разведывательное управление Красной Армии) и организовал в республиканской Испании советские военные информационные службы, в которые было направлено множество военных атташе³⁹. Генерал Ян Берзин⁴⁰ и его бригада офицеров также входили в команду посла Розенберга. Среди них находился советник по танковым войскам Дмитрий Григорьевич Павлов⁴¹, будущий генерал, который в июле 1941 г. был расстрелян НКВД. После войны их обоих будет упоминать в своих показаниях франкистским властям персонал отелей, в которых они проживали. Также они вспомнят и других русских военных, но по именам (Токо, Семен, Максим, Кончаренко) их идентифицировать сложно. Тем не менее точно были установлены личности других, таких как Леонид Яковлевич Гайкис, профессиональный дипломат, занимавший должность секретаря советского посольства, а также *Kolzoff* (в реальности Михаил Кольцов), журналист, корреспондент «Правды», который вместе со своей женой Марией Остен будет впоследствии обвинен в контршпионаже и расстрелян НКВД⁴². После войны телефонист и два привратника отеля «Пелас» утверждали, что у советского посла был секретарь, которого звали Серваль или Ферваль, с жестоким характером, который сопровождал Розенберга почти во всех его поездках.

³⁸ Рохо Льюк, Висенте (1894–1966) — испанский военачальник, майор, подполковник (с октября 1936 г.), полковник (март 1937 г.), позднее (октябрь 1937 г.) — бригадный генерал армии Республики, начальник Генерального штаба. — *Прим. перев.*

³⁹ Volodarsky B. El caso Orlov... P. 86, 175–177.

⁴⁰ Берзин (Берзиньш), Ян Карлович (настоящее имя — Кюзис, Петерис Янович) (1889–1938) — советский военный и политический деятель, один из создателей и руководителей советской военной разведки, в 1936 г. — корпусный комиссар, с 1937 г. — армейский комиссар 2-го ранга. В Испании, где он являлся главным военным советником, носил псевдоним «генерал Доницетти» (*прим. перев.*).

⁴¹ Павлов, Дмитрий Григорьевич (1897–1941) — советский военный деятель. В Испании под псевдонимами «Пабло» («Паблитто») являлся советником командира танковой бригады, в 1937 г. за героизм был удостоен звания Героя Советского Союза (*прим. перев.*).

⁴² Ibid. P. 86, 112, 258, 326. Андре Марти, комиссар интербригад, сообщил НКВД, что Мария Остен была тайным агентом Германии. Послевоенные заявления работников отелей см.: AHN. Causa General. “Embajadas y Legaciones, testimonios relacionados con la embajada de la Unión Soviética”; “Juan Gallego Rodero”; “Purificación Galván Martín”; “Jesús del Pino Carmoña”; “Alejandro Witlens Monvigne”; “José María de Alba (1940–1941)”.

К настоящему моменту в советских источниках не удалось найти упоминаний о нем.

У многих иностранных дипломатов присутствие советского посла в Мадриде вызывало смесь любопытства и недоверия. Консул Феликс Шлайер, руководивший всем представительством Норвегии (поскольку посол находился в Сен-Жан-де-Люз), отзывался о Розенберге как об «абсолютном хозяине Красной зоны». От посла Мексики сеньора Переса Тревиньо консул узнал, что «Розенберг добился от Ларго Кабальеро подписи под соглашением, в котором речь шла о том, что в обмен на советскую помощь Испанская Республика полностью утрачивала суверенитет»⁴³. Несмотря на все это, Сталин считал деятельность своего посла малоэффективной и в марте 1937 г. отозвал его из Испании и приказал расстрелять». Также, по словам Шлайера, «большое влияние в Красной Армии имел австрийский еврей генерал Клебер»⁴⁴ и другой русский генерал, имени которого он не помнил. Первый был организатором знаменитых наступлений на холме Гарабитас <...> В этих боях всего три тысячи солдат-националистов отбивали многочисленные и жестокие атаки войск милиции и Интернациональных бригад, которые за две ночи потеряли более 8 000 человек убитыми»⁴⁵.

Посол Чили Аурелио Нуньес Моргадо в докладе, который 28 августа 1936 г. он отправил своему руководителю, министру иностранных дел, отметил великолепную обстановку, дух единства и готовность к работе, способствующие гуманитарной деятельности в условиях войны, но... «Новый этап этих отношений открывается сейчас с приездом в Мадрид первого посла СССР господина Розенберга. Полагаю, он будет участвовать в наших переговорах, и мы увидим, какие вопросы он будет ставить. Он

---

⁴³ Речь шла о соглашении, по которому Банк Испании передавал золотой запас Советскому Союзу. Официально его огласили в середине октября 1936 г., хотя оно было подготовлено за несколько недель до этого.

⁴⁴ Генерал Эмилио Клебер — под этим псевдонимом в Испании воевал советский разведчик, сотрудник Коминтерна Манфред (Мойше Залманович) Штерн (1896–1954). Происходил из дер. Волока (Буковина), на территории Австро-Венгрии (ныне — Черновицкая обл., Украина). В качестве командира XI интернациональной бригады в ноябре 1936 г. принимал участие в отражении наступления колонны генерала Варелы на Мадрид в районе Каса-дель-Кампо, на подступах к Университетскому Городку. Отбить холм Гарабитас, занятый националистами, республиканцам действительно не удалось. — *Прим. перев.*

⁴⁵ AHN. Causa General. “Embajadas y legaciones...” (“Declaración del testigo Félix Schlayer Gratwohl”). P. 3, 544, 433 (07.03.1940).

прибыл в Мадрид вчера в атмосфере полного безмолвия. Его въезд и выезд из отеля, в котором он расположился, происходят при внушительном скоплении охраны, и плотный кордон солдат приостанавливает движение транспорта на Гран-Виа на целый квартал»⁴⁶.

Необходимо учитывать, что для большинства иностранных дипломатов советское присутствие являлось подтверждением опасений относительно того, что разворачивающаяся в Испании социальная революция происходила при решительной поддержке и руководстве Москвы. В сентябре в испанские порты открыто вошли корабли СССР, доставившие продовольствие, а в конце октября танки Т-26 принимали участие в боях в окрестностях столицы. К концу года на испанской территории находилось уже более 700 советских военных советников.

С другой стороны, иностранные дипломаты боялись, что тот дух единства, который был присущ собраниям дипломатического корпуса, будет нарушен позицией советского представителя. Кроме того, они опасались, что русские установят слежку за каждым их шагом. Многие еще помнили скандал с французским коммунистом Жаком Дорио, который, будучи изгнан в июне 1934 г. из партии, раскрыл, что Французская коммунистическая партия получала секретные инструкции и денежные средства от Москвы через Отдел иностранных отношений Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ). Это подтверждало мысли тех, кто боялся распространения советской революции в мире⁴⁷. Поэтому посол Чили старался максимально отсрочить формальное приглашение Розенберга на собрания дипломатического корпуса, так что вызвал недовольство Альвареса дель Вайо, которое тот высказал в октябре. Эти упреки привели к тому, что советский посол присутствовал на следующих собраниях, после того как нанес традиционные визиты вежливости в основные посольства (до этого их отсутствие служило формальной причиной для отсрочивания его приглашения).

Страх подтвердился, потому что посол Советского Союза, разумеется, на первом же собрании дипломатического корпуса с его участием отказался принять и поддержать мнение его коллег по поводу права предоставления убежища, что привело к конфликту между ним и большинством иностранных пред-

---

⁴⁶ Vargas J. E.; Cuyoumdjian J. R., Duhart C. G., *España a través de los informes diplomáticos chilenos, 1929–1939*. Santiago de Chile, 1994. P. 207.

⁴⁷ Volodarsky B. *El caso Orlov...* P. 48.

ставителей. Россия не была страной с сильно развитой традицией использования права предоставления дипломатического убежища. В любом случае, существовали прецеденты в XIX в. и даже в XX в эпоху СССР: в частности, в 1924 г. советское торговое представительство в Берлине предоставило убежище одному из немецких коммунистов. Это право убежища не было соблюдено немецкими властями, что привело к временному разрыву дипломатических отношений⁴⁸. С другой стороны, абсолютно понятно, что советское посольство не принимало беженцев и не оказывало содействия в предоставлении убежища испанским гражданам, поскольку люди, из-за преследований искавшие укрытия в Мадриде, знали, что это представительство страны, которая им откажет и передаст их республиканским властям.

Занимая четкую позицию, Розенберг не принимал во внимание историко-правовой аспект той специфической ситуации, которая сложилась в Испании с предоставлением убежища. Как бы то ни было, с дипломатической точки зрения была менее разумна другая позиция советского посла, о которой он заявил на том же самом собрании. Он открыто поддержал предложение о том, чтобы дипломатический корпус не мог выступать как таковой при обсуждении темы предоставления убежища с испанским правительством. Позиция, не отличающаяся обдуманностью, поскольку, даже оставляя в стороне то, что не существовало никакой международной правовой нормы, препятствовавшей обсуждению корпоративных вопросов подобного рода, поддержка, оказанная широким большинством председателю, и исключительность ситуации, сложившейся в первые месяцы войны, оправдывали коллективную защиту права убежища. Но не нужно забывать, что, занимая такую позицию, Розенберг старался помочь министру Альваресу дель Вайо, выступавшему против предоставления убежища и совместной деятельности иностранного дипломатического корпуса⁴⁹.

---

⁴⁸ Bolesta-Koziebrodzki L. Le droit d'asile. Leiden, 1962. P. 225. Этот автор служил в польском посольстве в Мадриде в годы испанской Гражданской войны. *Прим. перев.*: в тексте неточность, т. к. после инцидента 3 мая 1924 г. с налетом полиции на советское торгпредство в Берлине, в котором укрылся сотрудник торгпредства немецкий коммунист Боценгардт, были временно прекращены не дипломатические, а торговые отношения. Конфликт был ликвидирован протоколом от 29 июля 1924 г. (см., например: Документы внешней политики СССР. Т. 7: 1 января — 31 декабря 1924 г. М., 1963. С. 232–240).

⁴⁹ Rubio J. Asilos y canjes en la guerra civil española. Barcelona, 1979. P. 58.

Таким образом, изначальное единство среди дипломатов оказалось нарушено отказом Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза поддержать право убежища. Несмотря ни на что, большая часть руководителей миссий продолжала отстаивать его, и некоторые из них добивались принятия ряда мер для его утверждения правительством Ларго Кабальеро, таких как телеграммы, направленные министрами иностранных дел этих государств своему мадридскому коллеге⁵⁰.

С другой стороны, репрессии, проводимые республиканской Испанией, все набирали силу, и многие связывали это с советским влиянием. Для самого посла это не было тайной. Посол Чили Нуньес Моргадо отмечал по этому поводу: «А что касается этих преступлений, которые являются позором для человечества и для нашей цивилизации, то здесь я сошлюсь на разговор с послом России господином Розенбергом, который так отзывался о происходящем в Мадриде: “Меня беспокоит, что ходят разговоры о том, что всем этим руководит Россия, потому что там никогда ничего подобного не происходило”»⁵¹. Тем не менее во время войны и после нее это обвинение поддерживалось как националистами, так и республиканскими властями, которые искали виновного «извне», чтобы объяснить значительное число репрессированных на своей территории.

Не вызывает удивления, что в русских архивах была обнаружена телеграмма НКВД, в начале войны отправленная одному из его агентов в Испании Луису Диасу, в которой отдан следующий приказ: «Старайтесь развить неожиданное наступление на наиболее важные очаги контрреволюции для того, чтобы безжалостно истребить зачинщиков мятежа»⁵². Сталин был убежден в том, что одной из основных причин поражения республиканцев может стать присутствие в их тылу предателей. Как и в России, советский лидер потребовал вести себя с предателями решительно. Задача выбора исполнителей, призванных доставить ему такую радость своей работой в Испании, легла на плечи иностран-

---

⁵⁰ Так, сохранились телеграммы, в которых за сохранение права предоставления дипломатического убежища высказались послы Чили, Парагвая, Сальвадора и Эквадора, несмотря на то что на территории последнего беженцев не было. См.: AGA. Fondo Ministerio de Asuntos Exteriores. R. 672. Exp. 1; Ibid. R. 527. Exp. 1.

⁵¹ Vargas J. E.; Couyoumdjian J. R., Duhart C. G., España a través de los informes diplomáticos chilenos... P. 209.

⁵² TNA. HW 17/27. No. 275–277 (23.07.1936). Цит. по: Volodarsky B. El caso Orlov... P. 68.

ных коммунистов, в особенности немецких, которые объявили о своей готовности защищать Народный фронт и представляли собой наиболее дисциплинированную и организованную группу, а также на активистов Коммунистической партии Испании. В этих случаях офицеры НКВД действовали как инструкторы и надзиратели, контролирующие выполнение советских секретных заданий многочисленными иностранными солдатами Интернациональных бригад⁵³.

Внешне советское влияние было очень значительным. График визитов советского посла был крайне плотным. Начальник его испанской охраны утверждал, что в те осенние месяцы он посетил морское министерство, Министерства внутренних дел, иностранных дел и военное, Главное управление безопасности и отель «Ритц». Кроме того, он принимал визиты важных лиц, среди которых социалист Индалесио Прието, командующий авиацией Идальго де Сиснерос, депутат Маргарита Нелькен, глава правительства Ларго Кабальеро, генерал Миаха, начальник Главного управления безопасности Мануэль Муньос и, почти ежедневно, министр иностранных дел Альварес дель Вайо⁵⁴. В самом деле, многие свидетельства совпадают в рассказе о том, как министр иностранных дел и советский посол были выдворены из кабинета Ларго Кабальеро, куда они явились, чтобы требовать отстранения от должности заместителя военного министра Асенсио Торрадо, которого они считали некомпетентным в организации обороны столицы⁵⁵. Также поверенный в делах Аргентины Перес Кесада и норвежский консул Феликс Шлайер в своих докладах и отчетах руководству отмечали великодушные отношения между министром иностранных дел и послом Советского Союза, которые, по мнению некоторых иностранных дипломатов, предполагали наличие связи, подобной той, что устанавливается между подчиненным и начальником. В своих воспоминаниях министр отмечал, что русский во время своего предыдущего назначения в Париже продемонстрировал «выдающийся ум и неутомимую работоспособность». 15 октября Ларго Кабальеро официально сообщил Розенбергу о том, что его правительство приняло решение поместить золотой запас Банка Испании в Государственный банк СССР (Госбанк). Иностранные посольства передали

---

⁵³ Ibid. P. 112–113.

⁵⁴ См. цитированные выше показания Алехандро Уитлемса, Ансельмо Бургоса Хилья и Хесуса дель Пино.

⁵⁵ Álvarez del Vayo J. Op. cit. P. 243.

это сообщение своим правительствам, что увеличило подозрения многих из них относительно политического характера испанского режима.

В начале ноября аргентинский представитель провел деловую встречу с Альваресом дель Вайо. Во время разговора в комнату ворвался советский посол Розенберг и, по словам аргентинского дипломата, не сняв ни пальто, ни шляпы, направился к министру с видом человека, занимающего руководящее положение и действующего с развязностью хозяина. Поверенный в делах сообщал своему руководству: «Этот случай очень симптоматичен и дает ясное представление о том, какое влияние в данный момент оказывает Россия на испанские дела. В то же время в Мадриде действуют ЧК и трибуналы, созданные исключительно советскими подданными. Та же национальность у летчиков, которые участвуют в обороне Мадрида. И в позиции республиканского правительства относительно развития событий чувствуется абсолютное проникновение русских»⁵⁶.

Дипломатический корпус, стремясь увеличить количество инициатив по гуманизации конфликта, организовал Комиссию по особым делам, призванную, в первую очередь, изучить все имеющиеся возможности улучшить положение политических заключенных. Президентом этой Комиссии был назначен Эдгардо Перес Кесада. Но, как он сам признавал в своих докладах, ему мало что удалось сделать, так как правительство оказывало недостаточную поддержку дипломатам, стремящимся остановить действия ЧК и крайне левых организаций. Тем не менее Комиссия хлопотала о судьбе заключенных, выступала с предложениями об улучшении обращения и питания заключенных, следила за уровнем давления, оказываемого на заключенных полицией и милисиано. К ее помощи прибегал представитель Красного Креста доктор Хенни, стремящийся облегчить участь жертв войны, гражданского населения и политических заключенных.

Убийства в Паракуэльос и тень Советского Союза

Консул Норвегии Феликс Шлайер, постоянно посещавший столичные тюрьмы и отделения Главного управления безопасности, начал испытывать беспокойство по поводу ситуации с по-

---

⁵⁶ Доклад поверенного в делах Аргентины, отправленный министру иностранных дел в Буэнос-Айрес (Мадрид, 7 ноября 1936). См.: APQ.

литическими заключенными, заполнявшими тюрьмы Мадрида. Принципиальная связь между страхом поражения и увеличением террора была известна дипломатическому корпусу и иностранным правительствам⁵⁷. После событий 22 августа на заседании дипломатического корпуса 29 сентября консул представил доклад, в котором со всей обстоятельностью и доказательствами обрисовал ситуацию и, прежде всего, серьезнейшую опасность, в которой находились заключенные. Непосредственно от их охранников он знал, что надзор за арестантами ограничивается присмотром за ними, но при этом существует приказ ожидать нападения милиции. Чтобы избежать этих убийств, он воззвал к чести собравшихся дипломатов и призвал их потребовать от правительства необходимых гарантий. Его предложение было поддержано, и вместе с представителями Аргентины и Мексики он провел деловую встречу с министром Альваресом дель Вайо⁵⁸.

С другой стороны, в коммунистических и анархистских средствах массовой информации нередко можно было прочесть пространные призывы очистить тыл ввиду непрекращающегося наступления войск мятежников, которые приближались к столице с юга. 7 ноября, прибыв вместе с делегатом Международного Красного Креста в тюрьму Модело, он обнаружил, что находящаяся перед ней площадь занята баррикадами и патрулями милисиано. Также они заметили множество припаркованных автобусов. Шлайер попытался проникнуть в здание и, натолкнувшись на сопротивление одного из милисано, вынужден был категорично потребовать пропустить его и в итоге смог встретиться с заместителем директора тюрьмы. Чиновник сообщил ему, что автобусы будут использованы для перевозки в Валенсию 125 военных, чтобы не допустить их освобождения в случае взятия Мадрида националистами. Добываясь подтверждения этой информации в Главном управлении безопасности, Шлайер узнал, что, помимо этих заключенных, автобусы должны забрать и других из различных мадридских тюрем⁵⁹.

Делегация дипломатического корпуса провела официальную встречу с генералом Миахой, чтобы ходатайствовать о предоставлении гарантий относительно судьбы заключенных, так как

---

⁵⁷ В отношении Великобритании см.: Viñas A. El escudo de la República... P. 38–39.

⁵⁸ АНН. Causa General. “Embajadas y Legaciones, declaración de Félix Schlayer, 7 de marzo de 1940”. P. 78.

⁵⁹ Ibid. P. 82ss.

дипломаты, учитывая августовский прецедент, подозревали возможную скорую казнь. Республиканский военный заверил их, что нет поводов для опасения, так как правительство контролирует ситуацию. То же самое он заявил Шлайеру. Консул решил вернуться в тюрьму Модело. Директор тюрьмы сообщил ему, что по приказу Главного управления безопасности несколько сотен заключенных отправили в Валенсию. Вместе с представителем Красного Креста он явился к Сантьяго Каррильо, руководителю Комитета общественного порядка Хунты обороны Мадрида, который гарантировал им безопасность заключенных. На следующий день Шлайер располагал достаточным количеством фактов, чтобы увериться в том, что перешли к ужасной расправе над заключенными и те не добрались до места назначения на востоке. Начальник тюрьмы Модело, Хасинто Рамас, признался ему, что в предыдущий день отсутствовал и не мог помешать расправам⁶⁰. 9 или 10 ноября он снова посетил начальника, чтобы узнать, добрались ли заключенные до места назначения, и после нескольких отговорок тот признался ему, что большинство не добралось. Это подтвердилось после телефонного разговора с Валенсией. Кроме того, два освобожденных заключенных, которые обратились в посольство Норвегии с просьбой о предоставлении убежища, рассказали консулу, как несколько человек из отрядов милиции хвастались тем, что в ближайшие дни убьют заключенных. Ясно представляя себе финальную точку поездки арестованных, Шлайер попытался установить место, где они были убиты и похоронены.

После войны он признавался: «После многочисленных усилий мне удалось узнать, что захоронения большинства из них находятся в ирригационном канале усадьбы Кастильо де Аль-

---

⁶⁰ 7 ноября 1936 г. произошла первая расправа над заключенными тюрьмы Порлиер, которые были убиты в Паракуэльос-де-Харама. В этот же день произошли расстрелы заключенных тюрем Сан-Антон и Модело. Все они также были убиты в Паракуэльос-де-Харама. С этого дня и до 4 декабря продолжались расправы над заключенными мадридских тюрем, которых расстреливали в Паракуэльос. Заключенных одной из тюрем расстреляли в Торрехон-де-Ардос. Расправы прекращаются лишь на время первого срока полномочий Мельчора Родригеса в качестве начальника мадридских тюрем (с 10 по 14 ноября). 18 ноября в результате расправы над заключенными тюрьмы Порлиер все заключенные были убиты в Паракуэльос. Другая расправа — над заключенными тюрьмы Вентас — произошла в Алькала-де-Энарес. В ночь с 3 на 4 декабря произошла последняя большая расправа в Мадриде. См.: Cervera J. Op. cit. P. 84–103.

довеа близ Торрехон-де-Ардос. Там я узнал, что утром 8 числа было совершено около 300 крайне жестоких убийств. Автобусы, в которых ехали заключенные, были расположены рядом с канавом, и те, кто в них ехали, должны были выходить по 10 человек и самостоятельно спускаться в канаву. В этот момент по ним открывался огонь. Затем повторялась эта жуткая процедура, при которой присутствовали пассажиры автобуса, ожидавшие своей очереди. В поисках останков остальных заключенных, я прибыл в Паракуэльос-де-Харама. Там найти захоронения было очень трудно, и только с помощью ухищрений мне удалось их обнаружить. Целый поселок принес клятву замалчивать и скрывать убийства, и милиция Паракуэльос организовала караул, который препятствовал доступу к месту, где находились рвы. Также мне известно, что среди тех, кто расстреливал заключенных, помимо коммунистов, во главе которых находился Анхель Роберо (или Рибера), было значительное количество сотрудников полиции. Последние, являясь перед тем в тюрьмы в поисках жертв, искали также добровольцев для проведения расстрелов. Также в те дни неподалеку от кладбища Барахас была расстреляна и похоронена группа людей правых взглядов»⁶¹.

Общее число расстрелянных в Паракуэльос не удалось выяснить с точностью, и по этому вопросу идут споры: некоторые утверждают, что там было убито 2750 человек, другие говорят о приблизительно 4200 человеках⁶². Что касается ответственности за расправы, прошедшие в ноябре 1936 г., представитель баскского правительства в изгнании Хесус Галиндес решительно заявлял, что она падает на «новые власти, контролировавшие общественный порядок»⁶³. Среди них начальник Главного управления безопасности Мануэль Муньос, руководитель Комитета общественного порядка Сантьяго Каррильо, друг Каррильо Сегундо Серрано Понсела и Маргарита Нелькен (оба члены Комитета общественного порядка), министр внутренних дел Анхель Галарса, министр юстиции Гарсиа Оливер. Несомненно, в тех обстоятельствах такое решение не могло быть принято единственным человеком.

---

⁶¹ AHN. Causa General. “Embajadas y Legaciones, declaración de Félix Schlayer, Madrid, 7 de marzo de 1940”. P. 83.

⁶² Gibson I. Paracuellos: cómo fue. Barcelona: Plaza y Janés, 2005; Vidal C. Paracuellos-Katyn. Madrid, 2005. P. 214–215; Ruiz J. El terror rojo... P. 265–317.

⁶³ Galíndez J. Los vascos en el Madrid sitiado. Buenos Aires, 1954. P. 86.

Как указывает Хесус Галиндес, первые слухи о казнях стали доходить в мадридскую штаб-квартиру автономного правительства, когда один из его членов заметил возвращение тех, кто проводил вторую расправу. Его подозрения были подтверждены Феликсом Шлайером и доктором Хенни, к которым явились просящие о помощи; ввиду этого сообщение о произошедшем было передано «в Валенсию и Барселону для того, чтобы наше руководство было в курсе»⁶⁴. Вследствие этого министр Ирухо послал пространное сообщение секретарю генерала Миахи, в котором говорилось о серьезности событий, а также была изложена просьба о предоставлении информации о количестве жертв, тюрьмах, из которых они были увезены, имени ответственного лица и мерах, которые были приняты в связи с этими событиями. Он требовал все эти сведения, чтобы проинформировать президента Асанью, которого он сопровождал во время его пребывания в городе, и это заставляет думать, что рано или поздно президент Республики получил определенное представление о произошедшем⁶⁵. На следующий день было проведено заседание Хунты обороны, в ходе которого обсуждался вопрос об эвакуации заключенных, ответственным за которую был Альварес дель Вайо, специально посланный Правительством Валенсии, поскольку министр иностранных дел должен был быть в курсе происходящего. Как Ирухо, так и Хираль потребовали объяснений от министра Галарсы, который не мог не знать об этих событиях, но тот прибег к лжи⁶⁶.

То, что решение о расправах было принято незамедлительно, отражено в черновиках протокола собрания представителей Национального комитета, региональных комитетов и других организаций НКТ, которое состоялось 8 ноября. В этих черновиках были обнаружены соглашения, заключенные между местной федерацией анархистов и *«социалистами, которые занимают*

---

⁶⁴ Galíndez J. Los vascos... P. 90–91.

⁶⁵ Cervera J. Op. cit. P. 101.

⁶⁶ В конце октября Шлайер посетил Галарсу, обратившись к нему с просьбой о переводе в Главное управление безопасности подполковника Гонсалеса Хонте во избежание расправы над ним. Во время разговора премьер-министр сказал, что, «учитывая риск приближения армии неприятеля к Мадриду, он думает о том, чтобы перевести часть заключенных в другое место, и посетители были тем источником информации, который быстро распространял эту новость». См.: AHN. Causa General. “Embajadas y Legaciones, declaración de Félix Schlayer, 7 de marzo de 1940”. P. 79. На обман Галарсы обращает внимание в своей книге Ян Гибсон (Gibson I. Paracuellos... P. 139–144).

руководящие посты в Комитете общественного порядка» относительно того, *“как следует поступить с заключенными”*) относительно казней⁶⁷. Это решение было полностью преднамеренным, и казни продолжались в течение всего ноября. Организациями, которые подписали это соглашение, руководили Сантьяго Каррильо и Амор Нуньо⁶⁸. На том же самом собрании при обсуждении вопроса, касающегося заключенных, было принято решение не только об их выборочном уничтожении; было указано и на то, что дипломатический корпус выразил желание остаться в Мадриде, если будет гарантирована его безопасность и предоставлена постоянная несменяемая охрана. Но, по словам одного из участников собрания, настоящей причиной, по которой главы дипломатических миссий не хотели переезжать в Валенсию, была их заинтересованность в судьбе заключенных и беженцев, находящихся на территории посольств⁶⁹. Активная гуманитарная деятельность определенных членов дипломатического корпуса по оказанию помощи заключенным снова была подчеркнута, когда Хунта обороны собралась 11 ноября. Ответственный за эвакуацию анархо-синдикалист Франсиско Каминеро спросил у Сантьяго Каррильо, была ли эвакуирована тюрьма Модело, так как франкистские солдаты находились близко и могли захватить здание и освободить заключенных. Каррильо ответил ему, что уже приняты все меры для того, чтобы приступить к эвакуации, но на данный момент проводить ее нецелесообразно. До глав дипломатических миссий дошли слухи об убийствах заключенных, и оказываемое ими давление не позволяло приступить к эвакуации⁷⁰.

Несколько месяцев спустя генеральный секретарь Коминтерна Г. Димитров послал народному комиссару обороны СССР маршалу Клименту Ворошилову развернутое сообщение, составленное 22 марта 1937 г. его агентом в Испании Степановым. В нем находим следующее: «Сейчас перейдем к Ирухо (баск, министр юстиции). Баскский националист, католик. Настоящий иезуит, достойный ученик Игнатия де Лайолы. Скомпрометирован в банковском скандале Саламанка-Франция. Действует как на-

⁶⁷ Полный текст черновика протокола собрания, созванного Национальным комитетом НКТ в Мадриде и проведенного в 10.30 8 ноября 1936 г. из Архива НКТ. См.: Reverte J. M. *La batalla de Madrid*. Barcelona, 2004. P. 577–581.

⁶⁸ Reverte J. M. *La batalla...* P. 227.

⁶⁹ Экземпляр протокола, подписанный всеми участниками собрания, см. в: Архив внешней политики РФ (г. Москва). Ф 097. Оп. 1. П. 102. Д. 14. Л. 159. Цит. по: Viñas Á. *Op. cit.* P. 47–49.

⁷⁰ Reverte J. M. *Op. cit.* P. 230.

стоящий фашист. Занимается преимущественно преследованием и травлей простых людей и антифашистов, которые в прошлом году жестоко обращались с фашистами, арестованными в августе, сентябре, октябре и ноябре. Он хотел задержать Каррильо, генерального секретаря Объединенной социалистической молодежи, так как во время приближения фашистов к Мадриду тот отдал приказ расстрелять некоторых задержанных фашистских функционеров. Ссылаясь на закон, этот фашист Ирухо, министр юстиции республиканского правительства, инициирует расследование в отношении коммунистов, социалистов и анархистов, которые жестоко обращались с заключенными фашистами. Ссылаясь на закон, этот министр юстиции освободил сотни и сотни арестованных фашистов (или фашистов замаскированных)»⁷¹.

Все заставляет думать, что советские советники также отстаивали необходимость провести в Мадриде чистку среди заключенных, чтобы не допустить их перехода в руки солдат-франкистов⁷². Эта «одержимость чистками» постоянно возникает в многочисленной документации, обнаруженной в советских архивах. На протяжении всех трех лет войны считалось необходимым для достижения победы проводить это «очищение» в политической, социальной и военной сферах. По мнению некоторых исследователей, один из таких советников, агент НКВД Александр Орлов, оказывал значительное влияние на определенных республиканских руководителей во время принятия решения о проведении мадридских расправ в ноябре. Также влияние оказывал другой агент — Иосиф Григулевич. Оба они рекомендовали эти меры Педро Фернандесу Чека, секретарю ЦК КПИ, и Хосе Касорла, заместителю руководителя Комитета общественного порядка Хунты обороны Мадрида⁷³. Тем не менее, как указывает Хулио Руис, если инициаторами и могли быть русские советники, то организаторами и исполнителями определено были испанцы, чью ответственность преуменьшать не следует⁷⁴. Одним словом, в достаточной мере ясно, что

---

⁷¹ Оригинал документа, хранящийся в РГВА, датирован 30 июля 1937 г.; текст полностью воспроизведен в книге: España traicionada. Stalin y la guerra civil / Ed. por R. Radosh, M. R. Habeck, Sevostianov G. Barcelona, 2002. P. 278–279. Авторство Степанова доказывается в книге: Viñas Á. El escudo de la República... P. 71–73. *Русский текст приведен в обратном переводе с испанского (прим. перев.).*

⁷² Cervera J. Madrid en guerra... P. 95–96.

⁷³ Hernández Sánchez F. Masacre de Paracuellos. Moscú movió los hilos // La aventura de la Historia. 2012. No. 168. P. 16–25.

⁷⁴ Ruiz J. El terror rojo... P. 375–380.

коммунисты и анархисты виновны в событиях, развернувшихся в тот трагический месяц в Мадриде⁷⁵.

О ноябрьских казнях было известно всем иностранным послам, многие из которых укрепились в своем негативном отношении к республиканским властям и новым силам, появившимся с началом войны, таким как опасное влияние СССР. Как показал Реверте, в эти события вмешивалось непосредственно республиканское руководство, ответственные лица, занимавшие официальные должности. У тех, кто пришел за заключенными, были при себе списки, и они предъявляли полицейские значки⁷⁶. По словам Гибсона, Хунта обороны Мадрида рано или поздно получила четкое представление об этой резне. С другой стороны, надо полагать, об обнаруженных в Паракуэльос и Торрехон-де-Ардос могилах Шлайер сообщил дипломатам, с которыми поддерживал наиболее близкие отношения, таким как немец Шлоссер, поверенный в делах Нидерландов, чех Форманек, австриец Брюннер, аргентинец Перес Кесада (сопровождал его во время поездок в тюрьмы) и чилиец Нуньес Моргадо.

Как утверждает Гибсон, ссылаясь на дипломатические источники, доклады о расправах, которых Феликс Шлайер послал в Министерство иностранных дел Норвегии, были уничтожены чиновниками этого же самого министерства⁷⁷. Что касается поверенного в делах Чехословакии, то он еще в августе отправил сообщения в Прагу, в которых описывал бесчинства, творящиеся в Мадриде, упоминая о действиях милиции, случаях задержания и расстрела людей, массовых расправах в Аточа и тюрьме Модело⁷⁸. Чешский министр Флидер, находившийся в Сен-Жан-де-Люз, также сообщал своему руководству об убийствах заложников в районе Бильбао и Сантандера. Зденко Форманек, узнав о ноябрьских расправах в Мадриде, также информировал свое

---

⁷⁵ Viñas Á. El escudo... P. 45, 75. Предположение о связи руководства Комитета общественного порядка с НКВД подкрепляется докладом республиканской полиции по делу Нина.

⁷⁶ В частности, во время первой ноябрьской расправы их предъявили три полицейских-коммуниста — Андрес Урресола, Агапито Сайнс и Альваро Мараса. См.: Reverte J. M. Op. cit. P. 208–209.

⁷⁷ Gibson I. Paracuellos... P. 184.

⁷⁸ AMZV (Архив Чернинского Дворца МИД Чешской Республики (Прага)). F. PZ (политические доклады). K. Madrid, 1936–1937. PZ 12/1936. “Formanek a MZV, 27.08.1936”. Выражаю благодарность профессору Петеру Спаразу (Словакия), любезно приславшему информацию об этой документации.

правительство и заверил, что принимал участие в осмотре территории и оценил количество убитых в 1300 человек: 700 в Паракуэльос-де-Харама, еще одна меньшая группа у кладбищенской стены в Барахасе и 500 в Сото-де-Альдовеа, между Торрехоном и Сан-Фернандо. По мнению чешского дипломата, расправы были следствием абсолютной слабости правительства, полного отсутствия власти и контроля. Разделяя мнение Шлайера, он указал на Мануэля Муњоса как на одного из главных ответственных лиц⁷⁹. Таким образом, министр иностранных дел, Совет министров и даже президент республики были информированы о событиях, и не только через своих дипломатов. Глава аргентинского посольства послал копию доклада норвежского консула в Буэнос-Айрес, а также британскому поверенному в делах, который переслал ее в Лондон. Как бы то ни было, эти события, подорвавшие авторитет Республики, стали известны правительствам аккредитованных ей стран.

Розенберг покидает Испанию

Седьмого ноября 1936 г., следуя за республиканским правительством, считавшим неминуемым падение Мадрида под ударами националистов, Розенберг переезжает в Валенсию, и советское правительство размещается в отеле «Метрополь», напротив Арены для боя быков. Тем не менее в Мадриде осталось представительство, состоящее из 40 человек, которое располагалось в отеле «Метрополь», а с 1937 г. — в отеле «Гейлордс». Сотрудники обоих отелей после войны утверждали, что «все эти люди жили и одевались с необычайной и вызывающей роскошью и отличались своим жестким и презрительным обращением к нижестоящим». В апреле 1938 г. из-за разрыва снаряда они решили переехать в шале в районе Сьюдад-Линеаль, где оставались до конца войны⁸⁰.

Постепенно вслед за республиканским правительством в Валенсию и Барселону переехали и другие посольства, хотя те, что

⁷⁹ Ibid. PZ 19/1936. "Formanek a MZV, 31 de diciembre de 1936"; доклады Флидера см.: Ibid. PZ 5/1937. Доклад из Сен-Жан-де-Люз. 13.01.1937.

⁸⁰ Показания Густаво Левенфельда Спенсера, администратора и брата хозяина отеля «Гейлордс», Хосе Мария де Альба, бухгалтера этого отеля, другого сотрудника Хуана Гальего Родеро от 17 июня 1940 г. См.: AHN. Causa General. Embajadas y Legaciones, testimonios relacionados con la embajada de la Unión Soviética.

поддерживали беженцев, отказались их покинуть, и многие иностранные дипломаты остались в Мадриде. Начиная с 1937 г. посылы старались договориться с Министерством иностранных дел об эвакуации тех, кому было предоставлено убежище, за пределы Испании. Этот процесс протекал медленно, но предполагал определенное решение проблемы. Чтобы поддержать эту меру, многие страны внесли в Лигу Наций предложение об эвакуации. В ходе дебатов, происходивших в Женеве, советский представитель выступил с защитой позиции Альвареса дель Вайо и против предоставления убежища. В действительности, речь Литвинова, произнесенная 27 января, в конце сессии, была важна: хотя она и прозвучала после того, как было достигнуто соглашение о начале ведения переговоров по вопросу эвакуации беженцев, выступление советского дипломата представляло собой наиболее полное изложение историко-юридических аргументов, приведенных в Женеве против мнения чилийского представителя Эдвардса, выступавшего за эвакуацию. Но решение об эвакуации в итоге было принято, и по этому вопросу начались переговоры. Процесс этот оказался сложным и запутанным для стран, которые его начали⁸¹. К концу войны более тысячи беженцев находились под дипломатической протекцией.

В марте 1937 г. Розенбергу было приказано вернуться в Советский Союз. Вскоре он пропал и, как предполагается, был казнен⁸². Многими историками была описана публичная сцена, происходившая у дверей канцелярии президента Ларго Кабальеро, когда испанский руководитель обвинил советского посла в попытке навязать свою волю правительству. Принимая во внимание, что вскоре после этого Розенберг был вызван в Москву, логично предположить, что этот спор ускорил его падение. Но, в действительности, все советские советники старались установить максимальные контроль и влияние на ход войны, экономическую политику и саму КПИ, так что усилия Розенберга, прикладываемые в том же направлении, едва ли могли привести к решению Сталина о его казни.

Кроме того, официальные документы свидетельствуют о том, что Розенберг впал в немилость уже в декабре 1936 г. В этом месяце Сталин отправил личное сообщение Ларго Кабальеро,

---

⁸¹ Наиболее подробное исследование вопроса об эвакуации беженцев см.: Moral Roncal A. M. El asilo diplomático en la guerra civil española. Madrid, 2001.

⁸² На самом деле печальный конец М. И. Розенберга хорошо известен: он был расстрелян в Москве 5 марта 1938 г. (*прим. перев.*).

в котором, среди прочего, спрашивал его о том, довольно ли республиканское правительство Розенбергом. Почему он задал этот вопрос? До этого советский лидер получил донесение генерала Горева, в котором тот сообщал, что ему передали ряд указаний от вышестоящих инстанций, чтобы посол покончил со «всякого рода грязными делами». Советский посол был в ярости, он воспринял это как личное оскорбление и попытку ограничить его власть и, несмотря ни на что, заявил, что не может изменить форму поведения. В своей записке Горев обвинил его в нездоровом самомнении, которое заставляет его опасаться за собственную власть и попусту растрачивать силы в своем стремлении все контролировать. Также было указано на то, что Розенберг очень болезненно воспринимал попытки кого-либо из сотрудников посольства, например, самого Горева, проявить инициативу. По мнению Горева, все это осложняло отношения с республиканским правительством⁸³. Возможно, посол пытался контролировать аспекты, не входившие в круг его непосредственных полномочий, такие как деятельность военных консультантов или разведчиков, и находившихся под управлением других лиц.

После отъезда Розенберга руководство советским посольством принял на себя секретарь консульства Гайкис. Это произошло в очень сложный момент, поскольку военная ситуация оставляла желать лучшего, отсутствие четкой государственной структуры и конфликты между различными силами Народного фронта предвещали кровавые столкновения, которые произойдут в мае 1937 г. в Барселоне. Но, несмотря на трудности, влияние СССР и его помощь Республике будут продолжаться до самого окончания войны.

Перевод с испанского Е. А. Полтавской

---

⁸³ Доклад Горева Ворошилову от 16.10.1936 г.; оригинал — РГВА. Воспроизведено и прокомментировано в книге: *España traicionada...* Р. 136.

ФРАНСИСКО ХАВЬЕР ГОНСАЛЕС МАТИН

ОБРАЗ РОССИИ В ИСПАНИИ:
МЕЖДУ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ
И ГОЛУБОЙ ДИВИЗИЕЙ (1917–1945).
ОТ ИНТЕРЕСА К РАЗНОГЛАСИЯМ

Вместо предисловия

Географическая удаленность русского народа от испанского всегда пробуждала в нашей стране определенное любопытство (если не большой интерес) по отношению к России. Однако сближение между двумя народами в неблагоприятных историко-политических обстоятельствах привело к отсутствию взаимопонимания. В XIX в. представления об Испании ограничивались романтическим и фольклорным образом, созданным Пушкиным¹, Римским-Корсаковым и Глинкой. Как и в других странах Европы, в России сформировалось представление о несломленной Испании, которая ожесточенно сражалась за независимость против Наполеона, наравне с Россией или Германией; впоследствии, со времен революций 1820-х гг., в ней видели колыбель романтической свободы. Но каким видели русского в Испании? Что знали о России? Практически ничего: русских ассоциировали с казаками или татарами, их считали экзотическими дикарями, обитающими в далеких восточных землях, почти на краю Азии, в местах, практически неизвестных. Иными словами, это был образ России, без каких-либо исключений господствовавший по всей Европе. И если русская литература, славянские сказки, истории,

---

¹ Bravo Villasante C. Pushkin en España // Cuadernos Hispanoamericanos. 1989. No. 468. P. 119–120.

переплетенные с легендами (где появлялись такие устрашающие персонажи, как Иван Грозный), повествования о боярине Борисе Годунове или князе Игоре были известны благодаря операм, то о существовании таких крупных деятелей европейского Просвещения, как Петр I Великий² или Екатерина Великая, и о первых попытках сближения с Западом, не знали практически ничего. Такие важные события, как русско-турецкие войны, в частности — Крымская война (1853–1856), или война русско-японская (1904–1905) привлекали внимание некоторых журналистов, военных и политиков, но этот интерес не разделялся остальной частью испанской нации. Эта тема требует отдельного и детального изучения.

Можно было ожидать, что Октябрьская революция усилит интерес и породит определенную симпатию или антипатию. В свете пионерского характера настоящей работы я постараюсь выделить пять аспектов проблемы.

В первую очередь следует проанализировать вопрос не об одобрении или неодобрении, а об изменении образа, проекции и заинтересованности, порожденных великой революцией 1917 г., отметить предшествующее и последующее состояние, обратить внимание на отход от более или менее фольклорного представления о народе с определенными танцами и музыкой, которое предшествовало поворотному моменту. Возможно, как предполагал Фернандо Де-лос-Риос, это представление о русском как о казаче или смешении славянина и монгола-азиата также с самого начала не соответствовали действительности (или, по крайней мере, действительность этим не ограничивалась)³. Этот топос заставлял Европу опасаться нашествия враждебных орд, о чем говорил уже Освальд Шпенглер в эссе «Пруссачество и социализм» (1919), написанном в конкретных исторических обстоятель-

---

² В оригинале — Pedro I Cruel (Петр I Грозный) (*прим. перев.*).

³ В этом отношении достаточно обратиться к комментарию Фернандо Де-лос-Риоса (Ф. Де-лос-Риос Уррути (1879–1949) — видный политик-социалист, один из идеологов ИСРП. — *Прим. перев.*) в издании 1934 г. его книги «Мое путешествие в Советскую Россию»: «Этот полуевропейский, полуазиатский народ, чье географическое положение, экономика и психологические черты столь уникальны, вновь привлекает внимание; его духовная и историческая оригинальность, а также предпринимаемые им усилия достойны стать объектом размышлений и изучения, но... каждый народ испытывает потребность следовать исконному пути, назначенному природой его духа, его историческими основаниями, его внутренним голосом». См.: De los Ríos F. *Viaje a la Rusia soviética*. Madrid: Ed. Alianza, 1970. P. 38–39.

ствах немецкой революции 1918–1920 гг. и огромного импульса, который получил большевизм благодаря победе в России всего двумя годами ранее. Значительная часть русской литературной культуры была известна в Испании лишь немногим профессионалам в этой области, то есть интеллектуальной прослойке, например, представителям поколений 1868 и 1898 годов, а также последующего времени. Испанская писательница Эмилия Пардо Басан была первой, кто занялся изучением натурализма на основе не только сочинений Золя, но и русской литературы. То же сделали Леопольдо Алас Кларин и Пио Бароха⁴. Они обратились к Пушкину⁵ и к романтикам вроде Герцена, а от них — к Тургеневу и Достоевскому, Толстому и Гоголю, а также влиянию нигилистов и анархистов (таких как Бакунин или князь Кропоткин) на натурализм в культуре. Но если именно литература создавала общее представление о социально-политической ситуации, и то же самое делала пресса, то все равно не существовало никакого живого опыта общения и прямых контактов с русским народом. В реальности великий момент сближения между испанцами и русскими пришелся на период между триумфом большевистской революции и экспортом идеи «коммунистического рая», которая началась в двадцатые годы прошлого века.

В этом отношении большое значение имела поездка, которую предпринял в «советизированную Россию» в 1921 г. Фернандо Хинер де лос Риос⁶, будущий министр юстиции в первые два года существования Второй испанской республики, который увидел тоталитарное государство, шокировавшее душу краулиста⁷. Удивление, страх или осторожность, которыми встречали успехи Петрограда, а также скорость, с которой эти эмоции распростра-

⁴ Baroja P. Hojas sueltas. Madrid. 1976. Т. 1. P. 56–88.

⁵ Obolenskaya Yu. Pushkin en la cultura española // <http://hispanismo.cervantes.es/documentos/obol.pdf>.

⁶ De los Rios F. Mi viaje a la Rusia sovietista...

⁷ Крауизм — философское течение, связанное с именем немецкого философа К. Х. Ф. Краузе (1781–1832), ученика Ф. Шеллинга, слушавший также лекции Г. В. Ф. Гегеля и И. Г. Фихте в период обучения в Йенском университете. Крауизм получил значительное распространение в Испании, Латинской Америке (на Кубе) и Филиппинах начиная со второй половины XIX в. На рубеже XIX–XX вв. быть крауизмом в Испании означало разделять либеральные политические взгляды и (в большинстве случаев) принадлежать к числу масонов. Наиболее успешный проект крауизмов в сфере образования — Свободный институт образования (основан в 1876 г.), влияние питомцев которого на интеллектуальную и политическую жизнь Испании этого времени было весьма велико. — *Прим. перев.*

нялись по всей Европе, вылились в противостояние сторонников и противников новой власти, вплоть до возникновения явления, получившего название «европейская гражданская война» 1917–1945 гг. Одновременно родились два порожденных русской революцией образа — «белые русские» и «красные русские»; эта биполярность распространилась по всей Европе и за ее пределами — например, в Азии в связи с расколом Гоминьдана и началом гражданской войны в Китае (1926–1949). Надо полагать, что обстоятельства, обусловившие советскую революцию в России, существовали и в Испании⁸. В этом отношении достаточно упомянуть знаменитое «большевистское трехлетие» в Андалусии (1918–1920)⁹, которое в миниатюре копировало события в России.

Вторым моментом сближения стала война в Испании (1936–1939) — точное отражение европейских проблем; как и во всем мире, в Испании наблюдалось противостояние между старой системой власти и новой, которая стремилась ее заменить, и на это накладывались внутренние трудности. Прежде всего, еще до начала Гражданской войны 1936 г. в Испании существовали определенные симпатии по отношению к белогвардейской или царской России; затем, после начала конфликта элементы, ранее сочувствовавшие царю, прибыли сражаться за национальную идею¹⁰.

⁸ Однако всеобщая забастовка, начавшаяся в конце июля 1917 г. и продолжавшаяся в августе, по-видимому, не была связана с влиянием России или других стран, а являлась исключительно следствием общего кризиса. Об этом вспоминает в своих мемуарах Хусто Мартинес Амутио, один из выборщиков на выборах Президента Республики, секретарь Социалистической федерации Валенсии и сенатор (1977 г.), представлявший умеренную линию в ВСТ и ИСПП (см.: Martínez Amutio J. *Chantaje a un pueblo*. Barcelona, 1977. P. 11).

⁹ В связи с этим достаточно вспомнить о сочинениях Маркса и Энгельса, касавшихся Испании, и их влиянии на Ленина и Сталина — хотя «большевистское трехлетие» началось независимо от этих работ, написанных много ранее (1854–1856 г.). «Большевистское трехлетие» было периодом, когда группы анархистов конфисковывали земли и силой захватывали магазины у владельцев. Применение силы ассоциировалось у некоторых с большевистским влиянием или с желанием подражать успехам большевиков, однако, прежде всего, оно объяснялось прискорбным состоянием испанского сельского хозяйства, которое отмечали многие авторы от Малефакиса до Гэбриела Джексона или Джеральда Бреннана. См. об этом: Delgado Larios A. ¿Problema agrario andaluz o cuestión social? El Trienio bolchevique andaluz // *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 1991. No. 113; González Fernández A. La construcción de un mito. El trienio bolchevique en Andalucía // *La Utopía Racional: Estudios Sobre el Movimiento Obrero Andaluz*. Granada, 2001.

¹⁰ Crespo E. *Rusos blancos en la guerra de España* // *Historia y vida*. 1973. No. 69. P. 131; Keen J. *Botas de nieve en la soleada España: rusos blancos en la*

Провозглашение Второй республики и Гражданская война стали вершиной глобального противостояния.

Взаимное противостояние породило двоякие последствия. С одной стороны, появилось ощущение причастности к политическому идеалу, отождествление между республикой и сталинизмом, возникшее не без участия массированной пропаганды, которая сопровождала эту идентификацию. С другой стороны, война в Испании породила в национальном или франкистском лагере негативный образ не столько русского, сколько советского человека и сталиниста, тогда как «белые», и не только из числа русских, встали на их сторону. Очевидно, что образ русского народа в обоих случаях искажался, чтобы соответствовать определенным ожиданиям. В реальности, с началом Гражданской войны в Испании в 1936 г. идейно-политические соображения породили два общих типажа: «русский друг», которого придумали коммунисты и позаимствовали республиканцы и официальные власти, и «белогвардеец», противостоящий этому образу, менее важный и значительный, в силу своей контрреволюционности и принадлежности к меньшинству, которого взяли на вооружение франкисты. Можно вспомнить уличные манифестации, организованные находившимися у власти левыми в период «красной эйфории». Эти манифестации проходили под бредовыми лозунгами: «России да, Испании нет!», «Да здравствует Россия, смерть Испании!»¹¹. В честь двадцатой годовщины революции в трех пролетах ворот Алькала висели портреты Максима¹² Литвинова, Иосифа Сталина и Климента¹³ Ворошилова, лозунг «Слава СССР» и герб Советского Союза. К этой идеологической и пропагандистской эстетике впоследствии добавились такие явления, как отъезд в Россию видных руководителей КПИ, например Хосе Диаса, ко-

---

guerra civil española // Voluntarios europeos al servicio de Franco. Barcelona, 2006. P. 282–317; Mesa J. L. Los otros internacionales. Voluntarios nacionales desconocidos en el bando nacional, durante la Guerra Civil española. Madrid, 1998. P. 79–111. Следует отметить, что, вопреки сказанному, абсолютное большинство русской белогвардейской эмиграции не разделяло монархических взглядов, по меньшей мере — изначально. — *Прим. перев.*

¹¹ Я помню, что мои родители (да покоятся они с миром), которые были свидетелями этих событий, часто говорили мне, что в Испании, казалось, пропало чувство единства и национальной гордости. Судя по пылу, с которым говорили официальные лица о Советской России, Испания практически продавала себя иностранцам. *Прим. перев.*: степень точности передачи лозунгов оставляем на совести автора.

¹² В оригинале — Masilik. — *Прим. перев.*

¹³ В оригинале — Dmitry. — *Прим. перев.*

торый покончил с собой в Тбилиси в 1942 г. при довольно странных обстоятельствах, «Пассионарии» Долорес Ибаррури, Энрике Листера или Сантьяго Каррильо, дети войны, которые воспитывались в Советском Союзе, не говоря уже о золоте, которое было вывезено в Советский Союз в обмен на предоставление военной помощи. Поскольку Банк Испании владел золотым запасом, четвертым по объему в мире¹⁴, представляется, что эта коммерческая сделка дорого стоила Испанской республике, которая передала свой золотой запас советским союзникам¹⁵.

Эта операция была вызвана различными причинами, но в целом в рамках предполагаемого «братства» золото либо передавали для оплаты полученного оружия, либо отдавали на хранение, чтобы оно не попало в руки генерала Франко, если тот выиграет войну, — в любом случае предполагалось, что после окончания войны золото будет возвращено¹⁶ и из Москвы, и из Парижа. Поскольку победу одержала противная сторона, то хотя золото принадлежало «испанскому народу», оно так и не вернулось на родину. Новое националистическое правительство выдвигало

---

¹⁴ Статистика Банка международных расчетов в Базеле. См.: Sixième rapport annuel. 11.05.1936. Цит. по: Viñas A. La soledad de la República: el abandono de las democracias y el viraje hacia la Unión Soviética. Barcelona, 2006. P. 112; Idem. El escudo de la República. El oro de España, la apuesta soviética y los hechos de mayo de 1937. Barcelona, 2007. P. 104.

¹⁵ Термин «Московское золото», или «Золото Республики», относится к операции по присвоению и перевозке 510 т золота в монетах, составлявших 72,6 % золотого запаса Банка Испании, из хранилища в Мадриде в Советский Союз через несколько месяцев после начала Гражданской войны в Испании. Перевозка, как и последующие операции по передаче золота СССР и использованию полученных за это средств, а также аналогичные переводы ценностей, которые осуществляло правительство Народного фронта в ходе военного конфликта, была организована правительством Второй республики во главе с Франсиско Ларго Кабальеро по инициативе министра финансов Хуана Негрина. Оставшаяся четверть золотого запаса банка, составлявшая 193 т, была перевезена во Францию и тоже по большей части продана — эта операция, по аналогии, получила название «Парижское золото».

¹⁶ Хотя некоторые авторы (в том числе Анхель Виньяс или Энрике Морадельос) считают, что отправка золота в СССР была единственным способом, который мог обеспечить выживание республики перед лицом наступления мятежников и политики «невмешательства» западных демократий, другие (например, Франсиско Олайя Моралес) полагают, что это было мошенничество огромных масштабов, ставшее одним из важнейших факторов поражения республиканцев, и обвиняют в нем Хуана Негрина — председателя правительства, а позднее (после смерти Мануэля Асаны) Президента Республики в изгнании.

обвинения в грабеже, но не получило на них ответа, и никакой дополнительной информации, особенно с советской стороны, больше не поступало. Постепенно эта мошенническая уловка, задуманная Сталиным с целью превратить Испанию в советскую провинцию, стала еще одним мифом Гражданской войны.

Третий аспект связан со Второй мировой войной и объединяет три вопроса. Первый из них касается мифа о всемирном тайном заговоре, характерного для менталитета тридцатых годов и укладывавшегося в рамки господствовавшей тогда идеологии «крестового похода». Это представление (истинное или ложное¹⁷) или социально-политический архетип приводит нас к двум другим проблемам. Во-первых, это еврейский вопрос и проблема Холокоста; причем этот феномен касался не только евреев, но и славян, не говоря уже о других категориях лиц, которые считались нежелательными по другим причинам, помимо биологических и расовых. Это предубеждение повлияло на контакты между русскими и испанцами после отправки испанской Голубой дивизии, которая развенчала миф о тайном заговоре, к которому «настоящие» русские оказались непричастны. Несмотря на то что существует архивный документ (вероятно, в двух экземплярах), касающийся масонского движения в эпоху Гражданской войны и сохранившийся в архивах Барселоны и Саламанки¹⁸, достоверных и масштабных публикаций на эту тему пока нет, по крайней мере, на испанском языке. Масонство и тайный заговор стали предметом многочисленных литературных и пропагандистских текстов, но в исторической науке они отошли на второй план, поскольку этот вопрос — ошибочно — сочли недостаточно серьезным. И действительно, психологическое манипулирование в политике совершенно точно имело огромное историческое значение¹⁹. При-

¹⁷ Так в тексте: «falsa o real». — *Прим. перев.*

¹⁸ В Барселоне и Саламанке существуют два крупнейших хранилища испанских документов, посвященных эпохе Гражданской войны — Библиотека Респуб-
ликанского Павильона (CRAI Biblioteca del Pavelló de la República) (Барсело-
на) и «Общий архив Гражданской войны» (Archivo General de la Guerra Civil)
(Саламанка); документы, касающиеся Каталонии и переданные в барселонский
архив, хранятся в саламанкском архиве в виде копий. — *Прим. перев.*

¹⁹ В связи с этим следует отметить, что помимо Закона о политической ответ-
ственности (декрет от 9 февраля 1939 г.) был издан Закон о запрете масон-
ства и коммунизма (декрет от 2 марта 1939 г.). Любопытно также, что гоне-
ния на масонов происходили и в СССР, правда, естественно, там масонство
не связывали с коммунизмом. При этом в Испании преследовали масонов,
но не преследовали евреев.

менительно к Испании можно предположить, что Франко верил в него больше, чем его собственный аппарат, и то же самое можно сказать про Сталина. Так что вопрос, сколько во всем это правды, остается открытым.

Существование тайного союза и заговора со всей очевидностью явствовало из пропаганды, которая обращала большое внимание на подозрения и таинственные совпадения. Аналогичные теории развивал аббат Баррюэль²⁰ в отношении Французской революции — с конца XVIII в. они дожили до XX столетия, приспособиваясь к изменяющимся историческим условиям, и в конце концов стали неотъемлемой частью контрреволюционной идеологии в ее историческом разрезе. Этот вопрос и сейчас нельзя считать закрытым, так как он снова возникает в моменты общего кризиса, политической коррупции или активного насаждения иностранных образцов, когда люди не желают прислушиваться к объяснениям ученых о глобальных экономических циклах. Логично, что триумф глобализации и ликвидация национальных (культурно-идеологических) границ приводит тому, что столь популярная в тридцатые и сороковые годы идея об опасности, грозящей народу из-за рубежа, отходит в тень²¹.

Несмотря на пропаганду, испанцы, познакомившись с русскими, развенчали миф о существовании сумрачной и зловещей связи между иудаизмом и большевизмом, прежде всего — поскольку такой союз рассматривался как противоречащий интересам Испании. Кроме того, за пределами риторики о еврейско-коммунистическом заговоре, режим Франко, как оказалось впоследствии, был способен видеть «просто» евреев, не виновных в резне, которую учинили коммунистические агрессоры. Сталина более или менее открыто обвиняли в преследовании евреев и даже в так на-

---

²⁰ Баррюэль, Огюстен (1741–1820) — французский священник-иезуит, журналист и полемист реакционного направления; одним из первых (1797–1799) выдвинул тезис о решающей роли тайных планов масонов и иллюминатов в подготовке Французской революции. — *Прим. перев.*

²¹ В связи с этим см.: Duque de la Victoria. Israel manda. Comprobación de los protocolos de los Sabios de Sión. Su veracidad, profecías cumplidas. Madrid, 1935; особенно см.: P. 173–290. Существует исследование, неоправданно претендующее на полноту анализа этого вопроса: Ferrer Benimeli A. El contubernio judeo-masónico-comunista. Del Satanismo al escándalo de la P-2. Madrid, 1982. Из более поздних работ, освещающих еврейскую и масонскую тему, но практически игнорирующую мотив коммунизма, стоит отметить: Domínguez Arribas J. El enemigo judeo-masónico en la propaganda franquista. Madrid, 2003.

зывается вторым неудавшимся Холокостом. Эта тема изучена недостаточно глубоко²², если не считать обвинений, которые выдвигали интеллектуалы от Александра Солженицына²³ до датского коммуниста Свена Хасселя²⁴. Более широкий взгляд на проблему представлен в коллективной монографии «Черная книга коммунизма»²⁵.

В связи с этим следует сказать о втором Холокосте и о процессах, которые обусловили это явление²⁶. Установлено, что франкистское правительство предоставило своим дипломатам, консулам и послам карт-бланш на спасение большого числа евреев Европы. Об этом мало говорили, потому что Испания не заинтересована в публикации любых позитивных материалов о Франко, даже если они правдивы, — вероятно, в России то же самое происходит в отношении фигуры Сталина, которому сейчас предъявляются претензии, хотя благодаря ему страна достигла

²² Так в тексте. — *Прим. перев.*

²³ См.: Солженицын А. Двести лет вместе. Ч. II. М., 2002. (Здесь и далее ссылки автора на зарубежную литературу для удобства русскоязычного читателя заменены ссылками на русские оригиналы или доступные переводы на русский язык (если таковые имеются). — *Прим. перев.*)

²⁴ Хотя Хассель получил широкую известность в качестве автора военных романов, среди которых выделяются «Колеса ужаса», «Фронтовое братство», «Блицфриз», «Тюрьма ОГПУ», его тексты все же представляют собой художественные произведения, которые отличаются от свидетельств очевидцев. Этот коммунист из карательных батальонов пишет о преступлениях Сталина против евреев в «Колесах ужаса». См.: Хассель С. Колеса ужаса. М., 2009.

²⁵ Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголин Ж.-Л. Черная книга коммунизма. М., 2001. Гл. 14: Последний разговор. С. 236 и далее.

²⁶ Пьер Куртуа пишет: «Сосредоточив вокруг себя власть, Иосиф Сталин планировал еще одну «большую чистку» по образцу 1937 г., чтобы как можно дольше сохранить власть за собой. Любопытно, что в этом случае вину возложили не на сторонников поверженного Льва Троцкого, ни на социалистов-революционеров. Следующими жертвами должны были стать евреи — народ, который ему не нравился, и, обвинив который, легко было стяжать симпатии населения, в тот период настроенного весьма антисемитски. Поэтому в кремлевских кабинетах зародилась идея о еврейско-сионистском заговоре, целью которого было разрушение Советского Союза» (Указ. соч. С. 237–238, 684 (русский перевод книги означенной цитаты не содержит. — *Прим. перев.*)). С 1928–1934 гг., в ходе так называемого «третьего периода» советской власти, сионизм был объявлен вне закона. Но в конце тридцатых годов официальная позиция по отношению к сионизму постепенно становилась более благоприятной. В Советской энциклопедии того времени указывалось, что еврейская эмиграция в Палестину была «прогрессивным фактором», поскольку многие тамошние рабочие придерживались левых взглядов.

уровня сверхдержавы. Анхель Виньяс в восьмидесятые годы мог указать на гуманитарную роль франкизма лишь на пресс-конференции Испанского Телевидения. Речь идет о своеобразном защитном эффекте во время всемирного конфликта: в то время как в самой Испании развернулась пропагандистская кампания против всемирного заговора, испанские дипломаты получили карт-бланш для вмешательства в решение еврейского вопроса самым гуманным образом. Хотя об этом факте хорошо известно, он не подвергался всестороннему изучению, за исключением работ нескольких авторов: Бернда Ротера²⁷, Диего Карсеро²⁸, Антонио Мораля Ронкаля²⁹ и Суареса Фернандеса³⁰. Сталин разделял свойственную Гитлеру ненависть к евреям³¹, и любопытно, что это отношение никак не проявилось в Ялте и Потсдаме, и в результате там воцарилась полностью противоположная ситуация, благоприятная для его интересов. Другие аспекты, также связанные со Второй мировой войной, тоже позволили испанцам параллельно посмотреть русских и немцев со своей точки зрения. Благодаря отправке добровольческой Голубой дивизии они смогли сами увидеть, по меньшей мере, два обстоятельства. С одной стороны, представление о единстве немецкого и нацистского начала соответствует или «обратно пропорционально» представлению о тождестве русского и советского, только наоборот, поскольку в тот момент Голубая дивизия сражалась на стороне немцев с советским врагом.

За этими образами или политическими клише стоял реальный немец, так же как с другой стороны под маской советского человека прятался настоящий русский. В ходе любой революции новая идеология пытается создать нового гражданина, который был бы лучше прежнего. Коммунизм и нацизм хотели создать такого мифического нового человека, который так никогда и не появился на свет³². В этом отношении человечество

---

²⁷ Rother B. *Franco y el Holocausto*. Madrid, 2005.

²⁸ Этот известный журналист стал автором двух книг; см.: Carcedo D. *Un español ante el Holocausto*. Madrid, 2008; Idem. *Entre bestias y héroes. Los españoles que plantaron cara al Holocausto*. Madrid, 2011.

²⁹ Moral Roncal A. *Los diplomáticos españoles ante el holocausto* // González Martín F. J., Moral Roncal A. *España y la Segunda Guerra Mundial. Otras miradas del conflicto*. Alcalá de Henares, 2014. P. 79–95.

³⁰ Президент Фонда Франсиско Франко и Документального архива, независимого от архивов Министерства иностранных дел.

³¹ Так в тексте. — *Прим. перев.*

³² Negro Pavón D. *El mito del hombre nuevo*. Madrid, 2009.

не так легко освобождается от груза утопий, что произошло и с современными демократиями после 1968 г. Но существует и второе представление, которое родилось благодаря реальной встрече с русским народом, с гражданским населением, с пленными и русскими солдатами. Испанские бойцы, отправленные на советский фронт, убедились, что так же, как немец оказался не равен нацисту, русские тоже не обязательно были сталинистами, по крайней мере, можно было исповедовать сталинизм активно или пассивно. Таким образом, существовали два вида эмпатии, порожденные политико-идеологическим климатом, которые в первом случае превратились в германофилию, а во втором — в сталинизм. Вследствие этого во франкистском лагере родилось представление о сталинизме и коммунизме как о чем-то «антииспанском» — и это представление диаметрально отличалось от взглядов русских последователей белого движения, но одновременно развивало демонологический образ «советского русского», который франкисты конструировали с 1936 г. Естественно, сталинизм и республиканско-коммунистический лагерь были «против белых» и против фашистов. Учитывая новую ситуацию, с 1 апреля 1939 г. режим ввел эти идеологические коннотации в реальность Второй мировой войны. Поэтому с того момента можно выделить целый ряд терминов, с помощью которых пропаганда искажала или скрывала истинную идентичность русского народа (советский человек, большевик, меньшевик) от взгляда извне³³. Так что симпатии необходимо анализировать с учетом воздействия на них идеологических клише и различных интересов; видеть четкую разницу между русским человеком, советским человеком и особенно сталинистом. Эти термины помогают понять сталинскую диктатуру и противопоставить ей франкистскую, увидеть различия между ними, и только так можно оценить взаимопонимание и симпатию между двумя народами. Это особенно необходимо потому, что после смерти Сталина СССР продолжал быть коммунистическим, но ненависть по отношению к нему в Испании стала гораздо меньше в свете определенного сближения в области торговли. Кульминацией этого процесса стала смерть Сталина, явившая собой своего рода эпилог к окончанию мировой войны.

---

³³ Маркузе Г. Конец утопии // *Логос*. 2004. № 6 (45). С. 18–23; Núñez Seixas J. M. *Las utopías pendientes*. Barcelona, 2015; Vidal Jiménez R. *Las utopías después del fin de las utopías* // *Revista Especulo*. 2002. No. 22: www.ucm.es/info/especulo/numero22/utopia.html.

В действительности, Ялта и Потсдам положили конец противостоянию и созданию международного союза противников Испании, которого добивался Сталин. Образ союзников, Советского Союза и США, противостоящих Испании, стал последней точкой идеологического возбуждения. 1946–1950 гг. станут завершением эпохи. Однако вхождение Испании в орбиту США³⁴ с 1953 г. парадоксальным образом совпало с медленным поворотом лицом к СССР. Тем не менее после смерти Сталина и прибытия в барселонский порт в 1954 г. судна «Семирамида», на борту которого находились последние пленные из числа солдат Голубой дивизии, нужно было подождать еще несколько лет, пока сам франкистский режим не начал развивать экономические отношения и стало возможным говорить о конце одной эпохи и начале другой. Но в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов оттепель шла медленно и с перерывами в связи с «холодной войной». Невозможно не обратить внимания на то, что двойственность, которая происходила из этих представлений, должна была, насколько мы можем судить с методологической точки зрения, привести к двояким последствиям.

С одной стороны, речь идет о восстановлении образа России в современной истории Испании, особенно начиная с ревизии коммунистического учения и заканчивая падением железного занавеса, а с другой — образа Испании, который существовал в России с 1953 до 1990 гг. и предполагал наличие образа «испанского франкиста», предназначенного для внешнего мира. В обоих случаях это предполагало изменение акцентов в пределах длинной траектории и перемены, произошедшие из этих оснований, так что с конца 1950-х годов испано-российские дипломатические отношения вступили в фазу медленной стабилизации, которая завершилась их восстановлением в 1977 г. Таким образом, один из самых противоречивых феноменов, наблюдавшихся в Испании в первую очередь на первом этапе существования франкистско-

---

³⁴ В этом отношении следует отметить: 1) создание лишенного абстрактности образа русского-советского человека в отношении советских граждан и истории русской культуры в тот момент, когда солдаты Голубой дивизии в действительности встретились с русским народом; 2) доброжелательный нейтралитет Испании в отношении Германии, противостоявшей СССР, по причинам, которые казались в тот момент очевидными. Роль, которую сыграла в международных отношениях Голубая дивизия, указывает, что испанское вторжение было направлено не против «виноватой России», а против системы, с которой не умел и не смог справиться гитлеровский фанатизм. См.: Villega Vega E. Rusia no fue culpable. Historia de la División azul. Granada, 1999.

го режима и связанных с русско-испанскими отношениями, было отношение к Советскому Союзу как к стране рабства и тирании, а к русскому человеку — как к жертве этой системы. Отвращение было так велико, что даже «русский салат»³⁵ стали называть «национальным», чтобы избежать коннотаций с Советским Союзом. Надо полагать, что если изначально ассоциация русского народа с коммунизмом форсировалась, то затем произошла стабилизация, пусть Россия и оставалась несоотносимой с франкистской Испанией.

Переход к демократии стал возможным, в первую очередь, потому, что режим Франко предполагал определенную либерализацию образа жизни и медленный рост степени открытости внешнему миру. Падение же коммунизма, наоборот, вызвало катастрофу и резкие и глубокие изменения, которые совсем по-разному повлияли на жизнь испанцев и русских. В любом случае, однако, следует четко различать, где заканчивается западная пропаганда и начинается реальность — и наоборот. Поэтому наша работа посвящена не столько исследованию дипломатических отношений или культурного влияния России в Испании, сколько образу русского народа, существовавшему в такой противоречивый период, каким были эти годы — 1917–1945.

От первых контактов к встрече с русскими «белыми»

Если не считать тех испанцев, которые служили во французских дисциплинарных батальонах в ходе наполеоновской кампании 1812 г.³⁶, сочинений Пушкина, Бакунина или Маркса, русский и испанский народ очень мало знали друг о друге в течение почти всего периода Нового времени. Любопытным фактом стало знаменитое путешествие в Крым генерала Прима³⁷. До этого самодержавные властители царской России ока-

---

³⁵ В России он называется «салат оливье». — *Прим. перев.*

³⁶ Эту тему осветил писатель Артуро Перес-Реверте в своем первом романе; см.: Pérez Reverte A. *A la sombra del águila*. Madrid, 1993 (русс. перевод: Перес Реверте А. *Тень орла* / Пер. А. Богдановского. М., 2003).

³⁷ Rhodes G., Edmond Ch. *El viaje del general Prim a Oriente*. Barcelona, 2015; текст основан на данных знаменитой докладной записки: Memoria sobre el viaje militar á Oriente presentada al gobierno de S. M. por el Excmo. Sr. General Don Juan Prim, conde de Reus, Jefe de la Comisión de Señores Oficiales del Ejército Español, nombrada en 1853 para seguir y estudiar las operaciones de la guerra entre Rusia y Turquía. Madrid, 1855.

зывали поддержку идеологически близким им испанским карлистам в пику Франции и Великобритании³⁸; хотя другие испанцы вступали во французский Иностранный легион, чтобы сражаться в Крыму (1854–1856). Эти вопросы тоже еще предстоит изучить более глубоко. Не было случая формальных выступлений, особенно в свете строгого нейтралитета, который соблюдало тогдашнее испанское правительство. Возможно, лучше всего о дружбе между русскими и испанцами свидетельствуют благодарные воспоминания дона Хайме де Бурбона³⁹ и генерала Луиса Фернандеса де Кордобы, маркиза де Мендигоррия, в его «Дневнике» русско-японской войны⁴⁰.

В них описываются добросердечные отношения с русскими командирами и офицерами в Маньчжурии. Однако к западу от России все еще придерживались мнения, которое не сильно отличалось от высказанного Наполеоном I: «это восточная империя, скорее азиатская, чем европейская, почти варварская, полная контрастов между цветистой роскошью пышных дворцов и глубочайшей бедностью подданных»⁴¹. К этим наблюдениям западного человека можно добавить еще одно соображение, касающееся индивидуальности русского человека. Ему присущи, среди

³⁸ Карлизм был политическим и идеологическим движением, современным европейскому легитимизму, который стал реакцией на революционный протест против реставрации, развернувшийся в постнаполеоновский период. Его основой служили традиции, религия, фуэро и старые испанские законы, иногда восходившие к средним векам. Он противопоставлял себя либерализму спекулянтов, которые считали себя атеистами, антиклерикалами и сторонниками модернизации, вплоть до революции. Поэтому логично, что царская Россия симпатизировала подобным группировкам, хотя обстоятельства не всегда способствовали этим отношениям, основанным на сходстве идей.

³⁹ Archivo Histórico Nacional (далее — AHN). Sección Nobleza. Archivo Carlista. Diversos. Legajo 125. Exp. 2.

⁴⁰ Маркиз де Мендигоррия описывает только кампанию 1904 г. (апрель—октябрь) (см.: Fernández de Córdoba y Remón Zarco del Valle L. (Marqués de Mendigorria). *Apuntes Diarios de la guerra ruso-japonesa*. Madrid, 1907). К этому документу стоит добавить записки майора инженерных войск Хавьера Авилеса, писателя Кристофа де Кастро или «Хроники восточной войны», печатавшиеся в «Илюстрасьон эспаньола и американа», Жоана Рьеры, печатавшегося в «Диарио де Пальма-де-Майорка» и «Диарио де Ла-Риоха», а также в других периодических изданиях («Эль Импарсиаль», «Эль Глобо», «АБС» и др.); все они свидетельствуют о том, что специальная работа на эту тему была бы весьма интересна.

⁴¹ *Mémorial de Sainte-Hélène par le comte de Las Casas audivi de Napoléon dans l'Exil*. Paris. 1815; Napoléon. *Memorias, escritas por el mismo*. T. 2. Mexico, 1894.

прочего, искренность характера или глубокая религиозность⁴², а также, среди прочего, и идея покорности судьбе, что порождает определенный уровень фатализма. Однако в Испании очень немного знали о том, что из себя представляют русские люди и какой была царская Империя. Признание доброты, смирения, щедрости, способности к самопожертвованию или самоотречению случилось позже, в ходе встречи на войне. Так что если, применительно к временам царей, в Испании мало знали о России, и затем изменилось немного. Великая революция возбуждала большие опасения и страх.

Было два исключения: кое-что было известно, правда, очень немногим, о русском фольклоре и русских литераторах, в том числе изгнанниках из числа романтиков⁴³, а также заговорщиках-нигилистах⁴⁴. Ничего не знали и о роли будущих большевиков, которые скрывались под вымышленными именами по всей Центральной Европе. Их связь с тайными обществами была популярным объектом пропаганды и антипропаганды, вплоть до того, что, рассуждая об успехе Октябрьской революции, их отождествляли с идеей всемирного тайного заговора. После триумфа большевиков удивление сменилось страхом и опасениями.

Естественно, что после исчезновения всяких гарантий на частную собственность и частную жизнь⁴⁵, свойственных классическим буржуазным представлениям, и разрушения традиционных уз, в том числе морального и институционального авторитета церкви, царей и территориальной юрисдикции мест-

---

⁴² Chizevski D. Historia del espíritu ruso / 2 vols. Madrid, 1959.

⁴³ Напомним известную книгу Э. Карра: Carr E. H. Los exiliados románticos. Bakunin, Herzen, Ogarev. Madrid, 1987.

⁴⁴ Еще одним событием стал приезд ашкеназов, или русских евреев, которые бежали от погромов на юге России (1881–1883, 1887–1891 и 1903–1906). Это был период создания по заказу охранки (царской полиции) знаменитых «Протоколов Сионских мудрецов». Официальная версия была составлена Сергеем Нилусом в 1901 г. на основе заговора, описанного в «Диалоге в аду между Монтеке и Макиавелли» Мориса Жоли (1864). Ср.: González González I. El retorno de los judíos. Madrid, 1991. P. 65–127. Это была встреча с евреями, но с восточными, а не со средиземноморскими сефардами, что, несомненно, открывает еще один тематический аспект, не чуждый, правда, современной концепции тайного заговора, которым Бродель объяснял русскую революцию, хотя редакция «Протоколов Сионских мудрецов» Сергея Нилуса относится к 1901 г.

⁴⁵ Как говорит Стрельников арестованному Живаго в фильме «Доктор Живаго» Дэвида Лина (1965), снятому по роману Бориса Пастернака, «частная жизнь в России мертва».

ной знати, сброшенных классовой борьбой. На смену всему этому пришло насаждение атеистической и материалистической доктрины социальной и семейной жизни, а также новых форм производства и труда. Огромное влияние оказало упразднение институтов православной церкви и физическое преследование священников. Оно было примером того, что должно было бы произойти в Европе — упразднение любой формы веры и интеллектуального мышления о прошлом. Следует также упомянуть общую идею равенства в новой социально-политической иерархии и правоохранительной системе и раздававшиеся во все стороны крики об эмансипации пролетариата. Эта идея, казалось бы, соответствовала глобальной концепции свободы, но существовала только в пропаганде. Она не только повлияла на далекие страны, завоевавшие независимость, но и на роль коммунистических партий на западе. Необходимо было проверить, достаточно ли у них сил, чтобы превратиться в ячейки, необходимые для распространения коммунизма. Как и в ходе Французской революции за тридцать лет до этого, вся система вещей, которая могла напоминать о старом режиме, представлялась угрозой для новой власти, не удовлетворившейся созданием диктатуры пролетариата в новой России. Режиму потребовалось время, чтобы найти название для нового государства, которое из Российской Советской Республики (25.01.1918) превратилось в Российскую Социалистическую Федеративную Республику (10.07.1918), и наконец, в Союз Советских Социалистических Республик (30.12.1922). Имелась в виду совокупность представителей российских регионов⁴⁶. Немедленно развернулось экспансионистское движение — наследие империализма⁴⁷. Гражданская война в России послужила пред-

---

⁴⁶ Я говорю не о государствах, а именно о регионах, которые по праву принадлежали и принадлежат России. Во время Конференции делегаций от съездов Советов республик 28 декабря соответствующую петицию подали делегаты Закавказья, Белоруссии и Украины — там говорилось, что эти регионы и провинции объединены с Россией не только силой оружия, но и культурными и языковыми узами и общей историей. Так появились два важных документа: «Договор об образовании СССР» и «Декларация об образовании СССР», подписанные 30 декабря, во время Первого Съезда советов Союза Советских Социалистических Республик, главами делегаций Михаилом Калинин, Михаилом Цхакая, Михаилом Фрунзе, Григорием Петровским и Александром Червяковым. См.: Sakwa R. The Rise and Fall of the Soviet Union, 1917–1991: 1917–1991. London, 1999. P. 141; Towster J. Political Power in the U. S. S. R., 1917–1947: The Theory and Structure of Government in the Soviet State. Oxford, 1948. P. 10.

⁴⁷ Так в тексте. — *Прим. перев.*

логом для присоединения регионов и провинций бывшей империи от далекой Сибири и границ Маньчжурии и до Финляндии на севере.

По этой причине была предпринята попытка вернуть Польшу, которая открывала путь в Центральную Европу. Но Красная Армия, созданная Львом Троцким и одерживавшая победы на всех фронтах, в 1920 г. была разбита под Варшавой⁴⁸ и в Финляндии, благодаря чему обе страны добились независимости. Унижение осталось неотомщенным; ни Ленин, ни Сталин не считали, что революция в новой России победила, пока новый порядок не установлен в Финляндии, Польше, Венгрии, Германии или Австрии⁴⁹. В Испании в двадцатые—тридцатые годы об этом знали немногие. Гражданская война в этих странах, как впоследствии и в Испании, была обусловлена попытками отразить террор, хаос и распространение теорий, которые подтверждались такими плохими примерами, теорий, которые должны были изменить исторический порядок⁵⁰. Такова была ситуация, с которой столкнулся средний класс (во всем его многообразии, а не только олигархат), который раскололся по идеологическому признаку, над которым нависла опасность пролетаризации и истребления в свете экономического кризиса, порожденного Мировой войной и классовым противостоянием двух форм мировосприятия. Насаждалась тоталитарная система, и ее методы вызвали к жизни концепцию и практику гражданской войны⁵¹. В случае Испании в ходе системного кри-

---

⁴⁸ Zamoyski A. *Varsovia*, 1920. México, Madrid, 2008.

⁴⁹ Эти страны, поскольку они обладали ярко выраженной национальной идентичностью с собственной историей, языком и различными системами управления, я не приравниваю к Украине, Белоруссии и другим русским провинциям, которые представляли собой исторические области, находившиеся под полным культурным, политическим и идеологическим влиянием России. Я не считаю их независимыми, несмотря на наличие международных соглашений, которые были призваны территориально ослабить СССР, искусственным образом подогревая не менее искусственные националистические движения, лишённые всякого исторического основания.

⁵⁰ Pabón J. *La subversión contemporánea y otros estudios*. Madrid, 1971. P. 17; Payne S. G. *La Europa revolucionaria. Las guerras civiles que marcaron el siglo XX*. Madrid, 2011. P. 67, 126.

⁵¹ По этой причине средний класс был склонен позднее, после установления советского государства в России, поддерживать фашизм. Однако молодое большевистское государство представляло собой не триумф пролетариата в строгом смысле слова, а, согласно учению самого Ленина, триумф авангарда его представителей — за эту идею он расплатился размежеванием с меньшевиками и подавлением восстания моряков Кронштадта (1921), не говоря уже

зиса 1917 г. всеобщая забастовка, объявленная в тот год, усилила и без того плачевное состояние страны, хотя, если верить Хусто Мартинесу Амутио, события в России весьма мало повлияли на ее начало, потому что партия большевиков пока была слаба и еще ждала возможности, которая представилась только в октябре⁵². Хотя во всей Европе к июлю—августу наблюдалось стремление к эмансипации рабочего класса и прекращению мировой войны, в Испании кризис объяснялся, прежде всего, внутренними причинами, порожденными закрытием предприятий и окончанием экономического благоденствия, сопутствовавшего нейтралитету⁵³.

Видимо, совершенно отдельным явлением было так называемое «большевистское трехлетие» (1918–1920) на территории Андалусии, в ходе которого возникали революционные ячейки, инициировавшие захват земель и провозглашавшие самоуправляющиеся коммуны. Оба эти успешные начинания — всеобщая забастовка 12 августа 1917 г. и «большевистское трехлетие» (1918–1920) были предвестниками гражданской войны: хотя испанской коммунистической партии все еще не существовало⁵⁴, революция почти началась, и в ней участвовали те же люди, которые впоследствии примут участие в Гражданской войне. Кроме того, эти два события обусловили кризис, вызванный различными причинами, совпавшими по времени. У трехлетия было больше шансов превратиться в миф, чем у самой всеобщей забастовки, поскольку оно пыталось имитировать то, что, по мнению его лидеров, происходило в России, применяя идею «Апрельских тезисов» Ленина (1917) — «мир, хлеб и земля»⁵⁵. Хотя и тому времени революция в России уже произошла, в Испании не могли знать подробностей ее триумфа, черпая информацию только из пропаганды. Естественно, любое пропагандистское заявление включало в себя стремление к разделу

о попытке покушения на самого Ленина. Так что, хотя старая аристократия была уничтожена, для знати и буржуазии не осталось других форм социально-политических свобод, кроме дозволенных главным бенефициаром — единственной партией. Кроме того, после упразднения партий возникла новая и единая иерархия со своей системой привилегий. См.: Traverso E. *A sangre y fuego. De la guerra civil europea*. Valencia, 2007.

⁵² Ср. выше прим. 5.

⁵³ Romero Salvadó F. J. 1918, el año de desestructuración de la monarquía // *España, 1914–1918. Entre la guerra y la revolución*. Barcelona, 2003. P. 177–178; см. также мою работу: González Martín F. J. *España y el 14, crisis política y auge cultural* // *Dialéctica Libertadora*. 2015. No. 7. P. 84.

⁵⁴ Она возникла вследствие раскола ИСПП 14 ноября 1921 г.

⁵⁵ González Á. *La construcción de un mito. El trienio bolchevique en Andalucía...* P. 17.

земли, требование хлеба или славного будущего. Однако в Испании, как указывает Сельсо Альмунья, царило смятение и разброд во мнениях, не говоря уже о дефиците бумаги и скудости новостей, приходивших из России. Новостям из России не желали верить, потому что они противоречили друг другу и великим социалистическим идеалам, что также способствовало общему неведению, как и нехватка адекватных средств информации⁵⁶. Испанские социалисты не могли избежать порожденного Мировой войной раскола между союзниками и немцами, считали союзников явными аггрессорами, которые лишь притворяются миролюбивыми. Поэтому русская революция еще больше усилила симпатии к русскому народу, сражающемуся против царского деспотизма и войны⁵⁷. Отношение к революции как к войне против буржуазии, аристократии и угнетателей, олицетворявших старый порядок, копировало модель борьбы против капиталистической войны. Кроме того, с этого момента рождается миф о революции как явлении мессианского порядка: «Революция? Мы не осмелимся удовлетворить ею свой дух. Такой революцией, которую мы хотели бы, и такой, в которой нуждается Россия. Возможно, это лишь патристическое движение, движение за национальное достоинство?»⁵⁸.

Однако начиная с октября—ноября цензура препятствовала проникновению новостей о том, что в действительности происходило в России после триумфа большевиков, особенно в газету «Эль Сосьялиста». После 1–3 декабря 1918 г. новости и комментарии печатала только издававшаяся Ортегой-и-Гассетом газета «Соль». Так что начиная с этого момента нам приходится обращаться к гораздо более поздним источникам, чтобы заполнить информационную лакуну. Следует, однако, сразу сказать, что не триумф фашизма и нацизма вызвали гражданскую войну в Европе — первоначально это был коммунистический тоталитаризм на основе

---

⁵⁶ Almunia C. La imagen de la revolución rusa en España (1917) // Investigaciones Históricas. 1997. No. 17. P. 209.

⁵⁷ Cp.: Misión socialista. Anets de la Guerra, en la guerra y después de la Guerra // El Socialista. 09.02.1917. No. 2821. P. 1. Из этой статьи ясно, что, присоединившись к одному из лагерей и объявив себя противником германофилии, автор неизбежно проявил воинственные настроения. Разумеется, социалисты приветствовали свержение царя, свидетельством чему является статья (El Socialista. 16.03.1917. No. 2856), посвященная вынужденному отречению Николая II и озаглавленная «La Revolución en Rusia. Abdicación del Zar. Duma, el Ejército y el pueblo. Encarcelamiento de los ministros. Proclamación de la regencia!».

⁵⁸ El Movimiento revolucionario ruso. Contra el espíritu alemán // El Socialista. 17.03.1917. No. 2857.

научного социализма в конкретной стране. Это восстание привело к такой радикализации в Европе, что в итоге нацизм слился с фашизмом в противостоянии сталинской России. Таким образом, его разгром стал также разгромом его союзника, хотя фашизм и нацизм сильнее отличались друг от друга, и у нацизма и коммунизма было больше точек соприкосновения, на что указывают исследования Эрнста Нольте и Франсуа Фюре⁵⁹. Это наблюдение подтверждается изменением настроений в историографии с 1960–1970-х гг. вплоть до 1990–2000-х, когда было осмыслено различие между двумя идеологическими течениями по форме и содержанию.

Раньше считалось, что нацизм возник как противодействие коммунизму, теперь принято придерживаться других критериев⁶⁰. Гражданское столкновение началось не из-за отречения царя и казни его и его семьи, поскольку они были символом, который необходимо было уничтожить физически, напоказ, хладнокровно и трезво, а из-за бреши, возникшей еще до начала Мировой войны. Большевики рационализировали геноцид и ненависть, неизбежные после хаоса, смятения и страха. Кроме того, биполярность существовала еще до победы революции; но, возможно, правильнее будет говорить о поляризации в различных сферах, а политическая радикализация синтезировала их и определила каждой свое место.

Тем не менее, чтобы добиться абсолютной рационализации, власти необходимо было достичь определенного уровня безумия, террора, систематизм которого напоминает предсказания Достоевского в «Бесах»⁶¹. Можно ли было предвидеть, что отсюда же берет начало испанская революция? Нет, степень мерзости и гнусности должна была быть такова, чтобы человек отринул от себя идеологию, культуру и общество. Невзирая на бедность, в Испании не существовало планов по идеологическому отчуждению

⁵⁹ Nolte E. Furet F. *Fascismo y comunismo*. Madrid, 1999.

⁶⁰ Гражданская война, как считалось, была следствием кризиса либеральной системы, после падения которой популярность приобрели теории воздаяния, спасения национального государства и особенно нации как живого явления, не связанного с интересами группы, олигархических группировок или классов.

⁶¹ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. М., 1957. С. 441–442. В этом фрагменте высказывается идея о том, что общество должно скатиться до глубочайшей ненависти, мерзости и хаоса, в котором возникнет потребность в единой власти и едином руководстве. Несомненно, эти идеи владели Лениным. В другом фрагменте описывается хаос, возникший из-за коллективного помешательства, насилия, бесконтрольной ненависти, отсутствия власти, в связи с притчей о стаде свиней в Евангелии от Луки (Лук. 8:32–37), которые в безумии бросились в пропасть, когда бесы покинули людей и вошли в свиней (см.: Достоевский Ф. М. Бесы... С. 681–682).

и психотизации, какие были в России или в других странах. Кроме того, уже существовавшие тексты на эту тему были написаны поспешно, просто, и к ним не относились серьезно, воспринимая их лишь как развлечение, хотя таким испанским писателям, как Пардо Басан, Перес Гальдос или Пио Барроха, это мнение могло показаться ошибочным. Триумф революции как системы означал введение закрытого порядка, железной системы власти, первую идеальную модель тоталитаризма. Речь шла и о создании модели цивилизации, ранее не знакомой Западу, хотя впоследствии нацистский режим копировал этот вид дисциплины в мире трудовых отношений, вложив в него обратный идейно-политический смысл, который соответствовал милитаризации системы. Обязательный аскетизм и равенство были свойственны системе производства, при которой труд и обязательная служба коллективу или государству были не только почестью, но и неизбежной обязанностью. Поэтому следовало проявлять осмотрительность в тактических и стратегических вопросах. После падения олигархата и царя события развивались так быстро, что сам Ленин восклицал: «Слишком резкий переход от подполья к власти. Кружится голова». Мировая война продолжалась без всяких успехов, и сам Корнилов пытался в августе 1917 г. совершить государственный переворот против Керенского. Тогда именно правительство вооружило большевиков, чтобы отразить его. Немедленно произошел штурм Зимнего дворца моряками из Кронштадта. Началась Гражданская война, в которую вмешались союзники, которых тревожили возможные варианты развития событий: они боялись неизбежного наступления немцев и столь же нежелательной революции. Гражданская война в России породила белое движение, которое после смерти Корнилова возглавили Колчак, Врангель, Деникин и Алексеев⁶², хотя настоящего согласия между ними не было.

Тем временем война распространилась от Сибири, Тувы, Монголии, персидской границы и Северного полюса⁶³ до бывших русских провинций в Европе, особенно после провала похода союзников во главе с Фердинандом Фошем (1918–1920)⁶⁴. Союзники

---

⁶² Так в тексте. На самом деле генерал М. В. Алексеев скончался в октябре 1918 г. и не принимал участия в основной фазе Гражданской войны. — *Прим. перев.*

⁶³ Так в тексте. — *Прим. перев.*

⁶⁴ Речь идет о французской интервенции на Украину и в Крым в 1919 г., миссии генерала Жанена в Сибири (1919–1920), поддержке Польши в ходе советско-польской войны 1919–1920 гг. и др. — *Прим. перев.*

преследовали расплывчатые цели⁶⁵: а) с одной стороны, продолжение войны на других основаниях не поддерживало ни население, ни парламенты, потому что всеобщая усталость усугублялась постоянными забастовками; б) с другой стороны, немцы продолжали наступление на Украине, освободив страны Балтии и Польшу. Если они помогут белым, придется ли потом бороться с немцами и прогонять их? в) но храбрость белогвардейцев не сопровождалась необходимой осмысленностью и координацией между командующими отдельными группировками.

Кроме того, силы и опора белого движения сокращались, поскольку население запуталось, голодало и страдало от репрессий с обеих сторон. Эта ситуация прекратилась с усилением стороны победителя. Победа Красной Армии была обусловлена лучшей организацией и большей численностью. После разгрома белого движения чуть больше 100 000 военных отправились в изгнание и расселились почти по всей Европе, а те их товарищи, которые попали в руки врага, были уничтожены⁶⁶. К сожалению, на испанском языке не существует ни одного подробного исследования, посвященного Гражданской войне в России. К моменту окончания событий революция и Гражданская война унесли около четырех миллионов жизней. Из них два миллиона шестьсот тысяч пали жертвой расстрельных команд или на фронтах, а другие погибли от голода и холода. Эта мясорубка поразила даже испанских социалистов, которые еще не были заражены всеобщей ненавистью, которая впоследствии погрузила весь левый лагерь в хаос, напоминая о французской или русской революции в период между спонтанными действиями и институционализацией. Вот что говорит Хусто Мартинес Амутио в книге «Шантаж народа»: «В свете плана русских большевиков учредить Третий Интернационал взамен ослабевшего и очевидно нежизнеспособного Второго Интернационала с определенными условиями для партий и организаций, которые в него вступят, из России приходили противоречивые но-

---

⁶⁵ Война с Германией не просто еще не закончилась — на этом фронте не видно было особых успехов, если учесть, что интервенция союзников началась в апреле—июле 1918 г. В то время на всем Восточном фронте немцы одерживали победы. Нужно было остановить красных или немцев, которые хозяйничали в Польше, странах Балтии, на Украине и в Белоруссии и войска которых проникли в Финляндию? Кроме того, общественное мнение было по горло сыто Великой войной, а предполагаемый поход против красных означал ее расширение или продолжение. Парламенты разных стран не видели необходимости в расширении вооруженного конфликта.

⁶⁶ Crespo E. Rusos blancos en la guerra de España... P. 132.

ности. Они создали состояние неуверенности, на смену которому пришло еще большее замешательство среди испанских организаций и рабочих... Революция и захват власти произвели на них большое впечатление, но вскоре они с большим удивлением и зачастую со страхом стали узнавать о методах, которые применяли большевики, чтобы добиться власти и проводить революционный курс, чтобы построить в России социализм. Не вполне понятны были многие тенденции, например, почему силой, вплоть до физического истребления, уничтожают несогласных меньшевиков. Нелегко было поверить тем, кто внимательно следил за продвижением русской революции по немногим оставшимся источникам информации, что люди, которые, как считалось, стояли во главе борьбы с царизмом, такие как Плеханов и Мартов, инициаторы и теоретики марксизма и научного социализма в России, что Кропоткин и другие создатели анархистского движения высланы или изгнаны и объявлены врагами революции. Что Махно, лидер крестьянских масс, освободивших Украину, объявленный героем революции, был расстрелян вместе с несколькими тысячами сторонников, что крестьянские массы оказались вынуждены подчиняться решению советов, в которых господствуют большевики. Испанские рабочие, усердные защитники своих прав и свобод, будучи теми, за кого идет борьба, не могли согласиться с уничтожением моряков Кронштадта — тех самых, благодаря которым Октябрьская революция произошла в Зимнем дворце и других местах тогдашнего Петрограда, и с победой фракции большевиков, которая оказалась хозяйкой положения»⁶⁷.

Социалисты пугались или «отстранялись» от того, что они слышали или читали. Истинные причины еще предстоит исследовать, но именно так думали тогда в Испании в обстановке всеобщего неведения. «Белый» русский был таким не только из-за формы, которую он носил, и идеалов служения царю⁶⁸, но из-за того, что

---

⁶⁷ Martínez Amutio J. Chantaje a un pueblo... P. 12. Похоже, что автор забывает о внутренних конфликтах, которые существовали в ходе Гражданской войны и привели к еще одному вооруженному столкновению между анархистами и коммунистами в майские дни 1937 г. в Барселоне, о том, что произошло с Андреу Нином, и о спорах между Негрином и Хулианом Бестейро и Касадо и другими умеренными социалистическими лидерами, и о том, что, разделив тактику с правыми, ему оставалось только говорить о свободе и правах, которыми пользовались рабочие в Испании, по сравнению с русскими рабочими.

⁶⁸ Хотя в этом отношении следует упомянуть о существовании «зеленого» движения в изгнании, которое различные входившие в него группы добровольцев считали основой будущей армии освобождения России.

он защищал ценности старой России в самом националистическом смысле. В их сознании объединились традиция и религиозность как самые примечательные идеологические аспекты, идеи, отражавшие незыблемые устои политической модели, основанной на теократии, и провиденциалистского видения истории.

Фернандо де лос Риос, правовед краутистской школы, находившийся под сильным влиянием социализма, пришел в возмущение, увидев настоящий социализм в действии. Широкую известность получила реакция Ленина на вопрос лидера испанских республиканцев. Ленин указывал ему на фактический триумф и политическую организацию советской системы, а Фернандо де лос Риос спросил его, а где же свобода и является ли диктатура переходным этапом. На что Ленин ответил: «Свобода? А зачем?»⁶⁹

Об этом рассказывает в своей книге и Мартинес Амутио⁷⁰.

⁶⁹ Фернандо де лос Риос Уррути о том, является ли диктатура переходным этапом: «Мы, — ответил Ленин, — никогда не говорили о свободе, а говорили лишь о диктатуре пролетариата; мы устанавливаем ее с позиции власти, ради блага пролетариата, а поскольку в России рабочий класс в строгом смысле слова, то есть индустриальный рабочий класс, пребывает в меньшинстве, то диктатура осуществляется этим меньшинством, и она продлится, пока все прочие социальные элементы не подчинятся экономическим условиям, накладываемым коммунизмом, поскольку для нас такое же преступление эксплуатировать другого человека, как прятать муку, в которой кто-то нуждается. Психология крестьян невосприимчива к нашей системе; их мышление мелкобуржуазно, и поэтому мы не считаем их пролетарскими элементами; среди них нашли немало сторонников лидеры контрреволюции (Деникин, Колчак, Врангель и пр.); но крестьяне пришли к выводу: пусть большевики плохи, но остальные просто невыносимы. Мы сказали крестьянам, чтобы они подчинились или мы сочтем, что они объявили нам гражданскую войну, что они наши враги; и в этом случае мы ответим им гражданской войной. Потихоньку их психология изменяется, и они приближаются к правительству. Трудность для нас заключается в доступности промышленных продуктов, которыми мы компенсируем то, что реквизируем у них; поэтому нам, возможно, придется и дальше печатать ассигнации, что не представляет для нас никакой трудности, потому что бумага и печатные машины у нас есть; эти деньги-бумага означают лишь обещание заплатить за продукты». «Переходный период диктатуры, — продолжал Ленин, — будет у нас очень долгим... возможно, он продлится сорок—пятьдесят лет; в других странах, например, в Германии и Англии, из-за их более высокой индустриализации, этот период, возможно, будет намного короче. Но у этих народов, в свою очередь, существуют другие проблемы, которых здесь нет; в одной из них рабочий класс сформировался на основе зависимости колоний. Да, да, проблема для нас состоит не в свободе, по этому поводу мы всегда спрашиваем: “Для чего свобода?”» (De los Ríos Urruti F. *Mi viaje a la Rusia soviética...* P. 97, 98).

⁷⁰ Martínez Amutio J. *Chantaje a un pueblo...* P. 15.

Гражданская война в Испании и антисоветская картина мира в лагере националистов

Сталинизм еще больше исказил образ русского человека. Фиктивная эмансипация рабочего класса сменилась гораздо более непроницаемой диктатурой. Несмотря на политическую стабилизацию, Сталин довел политику репрессий до таких масштабов, что в тот момент уже перестали принимать во внимание антипатию, изумление и недовольство друзей и врагов. Жертвами этих чисток стали его товарищи по партии, вожди революции, а также военачальники и армейские командиры. Публичные процессы 1933–1941 гг. продолжались и во время Второй мировой войны⁷¹, и под различными предлогами обвинения выдвигались против населения, смирившегося со своим положением, для проведения принудительной индустриализации аграрного сектора и планов электрификации⁷².

Настоящий русский народ представлял собой совокупность покорных людей, смирившихся со своим положением, трудолюбивых до самоотверженности, с глубокой религиозностью, проявлять которую теперь было невозможно, практически находившихся в рабстве, по оценке вождя испанских коммунистов Валентина Гонсалеса «Кампесино»⁷³ или Энрике Кастро Дельгадо⁷⁴. Гражданская война в Испании, ставшая следствием как внутренних, так и внешних причин, привела к столкновению группировок, ни одна из которых не собиралась сохранять модель либеральной демократии, которую они считали дряхлой и архаичной⁷⁵ в силу

⁷¹ Broué P. Los procesos de Moscú. Barcelona: Ed Anagama, 1988. Cfr.: Michel B. Los grandes procesos de la historia. Los procesos de Moscú. Barcelona, 1970.

⁷² Так в тексте. — *Прим. перев.*

⁷³ Валентин Гонсалес, бывший контрабандист, партизанский вождь, известный жестокостью и к своим, и к пленным, прибыл в СССР, искренне считая его коммунистическим раем, но вскоре решил покинуть эту страну и направился в Иран, но агенты НКВД вернули его в Россию и отправили в трудовой лагерь в Воркуте (Республика Коми). См.: González V., Gorkin J. El Campesino. Life and Death in Soviet Russia. Nueva York, 1952. P. 1110. См. Также: Castro Delgado E. Mi fe se perdió en Moscú. Buenos Aires, 1964. Cp.: González V. Yo escogí la esclavitud. Barcelona, 2008; Idem. Comunista en España, antistalinista en Rusia. Madrid, 2008. Это сборники воспоминаний, основанные частично на его мемуарах: González V. Vida y muerte en la URSS (1939-1949). México, 1951.

⁷⁴ Castro Delgado E. Mi fe desapareció en Moscú...

⁷⁵ В тексте — “decimonónico”, т. е. «относящийся к XIX веку». — *Прим. перев.*

ее классового и олигархического характера; из-за этого она была упразднена в странах, обратившихся к фашистской модели как явлению современному, с солидной социальной программой, хотя и имевшему мессианскую социальную природу, сближавшую его с коммунизмом.

Ситуация в республиканской Испании и в странах Запада в целом⁷⁶ отражала слабость демократической системы, упадок буржуазии, отсутствие контроля над улицей. Ясно было, что модель демократии XIX в. в идеологии и практике Коминтерна представлялась устаревшей⁷⁷. Только национальная, социальная или национально-социальная революция могла принести нечто новое, сопровождающееся социальной эмансипацией. Именно здесь находится ключевая точка возникновения фашистских идей, которые отнимут миллионы голосов у коммунистов в ходе соперничества за влияние на социальную сферу⁷⁸ и призыв к вооруженной борьбе.

«Красные» и «фашисты» противостояли друг другу, но одновременно были сходны в идеологическом смысле, поскольку и те, и другие выступали против либерально-капиталистической системы. Следует отметить, что в этом случае белые оказывались вне игры, хотя в ходе Гражданской войны в Испании они сумели присоединиться к самым консервативным и традиционалистским

---

⁷⁶ Либеральное государство считалось еще и государством плутократии, о чем говорится в декларации об объявлении войны, направленном Муссолини 10 июня 1940 г. плутократическим режимам Великобритании и Франции. В таком государстве преуспеть могли только самые состоятельные классы, которые к тому же действовали вместе с Церковью и армией как единый бастион, включавший иногда и класс предпринимателей, владеющих средствами производства. Правящие классы ассоциировались с землевладельцами, семьями, которые умели спекулировать на экономических кризисах. Нувориши по большей части были приспособленцами, финансировавшими любую систему, умевшую отразить угрозы их интересам, верившими, что они и есть нация, — представление, несомненно, заимствованное из XIX столетия. Социальное государство несовместимо с олигархическим и классовым государством, решение может быть двояким — либо межклассовое государство, либо же такое, которое подразумевает весомое участие трудящихся классов.

⁷⁷ Hilgemann W., Kinder H. Atlas Histórico. T. 2. Madrid, 1975. P. 123.

⁷⁸ И не только это — даже методы должны были быть схожи: дисциплина, послушание, система производства и организации труда, военизированная и рационализированная до предела. Государство должно было сбросить с себя оковы законов рынка и планировать экономику, контролировать цены и заработные платы, подчинить себе предпринимателей и одновременно интенсифицировать производство в системе корпораций, в которой государство регулирует трудовые отношения между начальством и рабочими.

кругам, поскольку религия, моральная и духовная основа давала не только независимость, но и определенное чувство морального превосходства при защите порядка, который они считали ниспосланным свыше. Их социальные представления были построены на христианском милосердии, благотворительности и некоем социальном католицизме, они видели в прошлом ценности, отличные от либерализма XIX в., хотя их противники считали иначе. Во время гражданской войны белые противостояли красным, и поэтому существовало двойственное представление: белый был союзником тех, кто выступал против русских сталинистов. Оба образа становились частью простого противопоставления «хорошие» — «плохие» и наоборот: ненависть к националистам⁷⁹ и белым русским определялась противостоянием. Однако я уверен, что это противопоставление не анализировалось и не экстраполировалось на настоящих русских, так же как в России не знали и плохо представляли себе настоящих испанцев, пока не увидели, например, испанских детей, которых они растили вдали от родины.

Контакт, особого и очень конкретного рода, будет установлен во время Второй мировой войны, в связи с отправкой Голубой дивизии. Так, каждая сторона сформировала свои архетипы, которыми руководствовалась в отношении противника. В лагере националистов (или франкистов) существовало двойное предубеждение против сталиниста, предполагаемого друга Республики, а тем самым врага националистов в Испании и нового порядка в Европе. Рассуждения о слабости испанской внутренней политики, которая привела к гражданской войне, важны для понимания интереса сталинской России к испанским событиям. И политика «невмешательства» западных демократий, и военная помощь, которую Германия и Италия оказывали национальному, то есть франкистскому лагерю, привели Сталина к пониманию, что нельзя терять времени. Но прибытие советских техников, советников и агентов не предполагало контакта между русским и испанским народом⁸⁰. Сталин хотел выглядеть освободителем Испанской республики и пролетариата, но его методы и его посланцы должны были оставаться в тени и держаться на заднем плане. Распад СССР в девяностые годы имел следствием то, что к архивным документам

---

⁷⁹ Сторонникам мятежа июля 1936 г. — *Прим. перев.*

⁸⁰ Martínez Amutio J. Chantaje a un pueblo... P. 19–21. Автор рассказывает, до какой степени тайным был контакт с этими советниками: в лесу, ночью, на безлюдной дороге. Все их действия тоже должны были держаться в секрете.

обратились лишь недавно и, возможно, они до сих пор становятся объектом манипуляций⁸¹. В испанском лагере националистов сформировалось негативное отношение к сталинистам.

Стали думать, что Сталин вводит политику «ЧК», доказательством чего служило обвинение советских агентов в причастности Михаила Кольцова к расстрелам в Паракуэльосе⁸² наряду с испанцами Сантьяго Карильо, Серрано Понсело, Муньосом Алонсо, Висете Урибе и Маргаритой Нелькен⁸³. Таким образом, вторжение Сталина в Испанию включало в себя шпионскую деятельность, коллаборационизм и подчинение. Но не стоит ли пересмотреть эти факты, которые в Испании считаются неопровержимыми? С одной стороны, мы знаем советников и инженеров, таких как Орлов, Малино⁸⁴, сам Михаил Кольцов, военно-морской советник адмирал Николай Кузнецов и Кирилл Мерецков; были и другие, кто сражался в ранге специалиста, например Волкан Семенович Горанов, Петр Павлович Десницкий, Михаил Петрович Петров, Дмитрий Павлов (которого испанцы называли Паблито), но их присутствие было обусловлено приказами сверху, кроме того, они периодически чередовались, так что количество советских военных консультантов не превышало 50 человек в год⁸⁵; с другой стороны, одновременно осуществлялись поставки оружия и звучал общий призыв спасти Республику, находящуюся в опасности. Но все это не приблизило рядового советского человека к установлению отношений, не содействовало знакомству народов друг с другом — и еще меньше этому способствовала царившая тогда атмосфера таинственности. Создание Интернациональных бригад, ставших частью иконографии и мифа о республиканской Испании, было следствием призыва, объявленного пражским отделением Коминтерна. Его горькие результаты более очевидны, чем

⁸¹ Так в тексте. — *Прим. перев.*

⁸² См.: González Martín F. J. Historia fraudulenta y propaganda // La IIª Republica y la guerra civil 70 años después / Ed. por A. Bullón de Mendoza, L. E. Togores Sánchez. Madrid, 2009. P. 48–64; Idem. Algunas reflexiones sobre la Ley de Memoria histórica. Las víctimas sin nombre // La otra memoria / Ed. por A. Bullón de Mendoza, L. E. Togores Sánchez. Madrid, 2011. P. 253–276.

⁸³ Delgado Iribarren F. Paracuellos del Jarama. Las matanzas del terror revolucionario en la guerra civil // ABC. 18.08.2013.

⁸⁴ Будущий маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский.

⁸⁵ Kowalsky D. La Unión Soviética y la Guerra Civil española. Barcelona, 2009. Помимо Кольцова важные свидетельства (непереведенные) оставила журналистка и переводчица Аделина Кондратьева. Ср.: Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма... С. 318–320.

во всех иных случаях такого рода⁸⁶. Но Интербригады не только сражались с врагами из лагеря противника, но и преследовали тех, кого считали противниками в самом республиканском лагере, в том числе участников революционных группировок ПОУМ, придерживавшихся троцкистских взглядов⁸⁷. СССР оказывал помощь республике не потому, что Сталин был другом Испании или Второй республики, а потому, что человеку, которого называли «красным царем», выгодно было воспользоваться ими как значимым средством собственной политики.

Образ «народа-мученика» использовался не только в связи с самой войной, но и в связи с «фашистской агрессией», которая, по словам пропагандистов, и спровоцировала эту войну. Это утверждение до сих пор бытует в левой среде, хотя факты говорят об обратном. Обращение к демократии-жертве должно было оправдывать действия республиканцев-коммунистов в отношении диктатуры (которая, по их мнению, естественно, была «фашистской»). Самым простым для народа было манихейское подразделение на черное и белое, без всяких оттенков и даже без серого цвета. Таким образом, коммунистическая пропаганда оставляла в стороне цели, причины и истоки и в той же степени скрывала истинные мотивы и преступления Сталина. Невозможно было даже помыслить, что Сталин сам уничтожает собственных соратников⁸⁸.

Разумеется, лагерь националистов и антисталинистов в той же мере пользовался пропагандистскими ресурсами, с той оговоркой, что после двух войн, гражданской и мировой, пропаганда победителей стала преобладать в мировом контексте; хотя крушение советской автократии приоткрыло истинные движущие силы борьбы, пусть даже проигранной фашистскими режимами в военном отношении, и после распада СССР показало антигуманную природу советской системы⁸⁹. Поддержка, которую Сталин якобы оказывал Второй республике — ничто по сравнению с очень искусной пропагандой, которая практически превращала Сталина в спасителя

---

⁸⁶ Eby C. Entre la bala y la mentira. Los voluntarios norteamericanos en las brigadas internacionales. Madrid, 1974.

⁸⁷ Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма... С. 320–325.

⁸⁸ Там же. С. 323.

⁸⁹ Стэнли Дж. Пейн объявил о скором открытии государственных, военных и партийных архивов (в том числе архивов КГБ), содержащих массу документов, связанных с планами распространения коммунизма по всему миру, которые в испанском случае изучены крайне мало (Payne S. G. La apertura de los archivos soviéticos y la Guerra Civil española // www.fundanin.org/payne.htm), однако в реальности архивы не будут открыты до 2020 г.

системы, изначально являвшейся буржуазной или либерально-демократической, хотя и находившейся в упадке.

Именно слабость этой системы и привлекала Сталина. Эта модель, надломленная изнутри в 1936 г., вместе со всеми составлявшими ее элементами, когда коммунизм объявил себя врагом либерально-буржуазной идеологии и западных демократий, но был открыт для «сотрудничества». Своеобразная связь между коммунистической партией и буржуазным режимом, которую мы истолковываем как интервенцию, была результатом двойной стратегии Коминтерна, целью которой являлось создание разнообразных Народных фронтов в соответствии с чудовищным планом выхода на мировой, а не только на европейский уровень. Речь шла об установлении партнерских отношений с буржуазно-демократическими режимами, чтобы не возбуждать сомнений в подготовке пролетарской революции снизу вверх — в сложившейся ситуации смена направления и политические изменения сверху вниз были менее затратными и рискованными.

Когда спустя несколько месяцев началась война, КПИ приобрела особое значение, будучи небольшой партией, но, без сомнения, самой организованной группой, готовой охранять со стороны Коминтерна многосторонние отношения подчинения, восхищения сталинизмом и повиновения распоряжениям Москвы. На пути от гражданской войны к мировой ее позиция усилилась. На этом всемирном уровне были задействованы все страны, к которым трудно было проявить безразличное или объективное отношение. Нацистский режим был инициатором заключения Антикоминтерновского пакта 25 ноября 1936 г., к которому к 1941 г. присоединилось около 15 государств. Испания сделала это в конце Гражданской войны, 27 марта 1939 г.⁹⁰. В Испании это явление воспринималось как усиление борьбы между «красными» и «голубыми»⁹¹. Писатель Пио Бароха, живший совсем рядом с событиями в Вера-де-Бидасоа и знавший, что происходит в других местах, в первую очередь в Мадриде и Барселоне, описал все это в эссе «Красные и белые»⁹². Будучи в эмиграции в Париже, он записал разговор, состоявшийся в августе 1936 г. и содержавший соображения по поводу некоторых русских (понятно, что речь шла о белых), революции и о том, что они считали подражанием событиям в России: «Десять—двена-

---

⁹⁰ Osmańczyk E. Encyclopedia of the United Nations and International Agreements. New York, 2002. P. 10.

⁹¹ Голубой — официальный цвет Испанской Фаланги. — *Прим. перев.*

⁹² Baroja P. *Rojos y blancos*. Madrid, 2015.

дцать русских сидят за круглым столом и с жаром говорят на своем языке. Есть еще один стол, за которым играют в бридж, и маленький столик, у которого я разговариваю с одним русским и одним испанцем. Русский, писатель и эмигрант, говорит мне:

— Я двадцать лет во Франции и все время жду и с каждым днем все хуже говорю по-французски.

Он говорит, что молодежь смеется над ними из-за того, как плохо они изъясняются.

— Странно, ведь всем известно, что вы хорошо говорите по-французски.

— Но вы видите, что это не так, — отвечает он. — Вы, испанцы, в политических вопросах еще в начале пути.

— Мы верим или, по крайней мере, надеемся, что мы уже в конце; но точно мы не знаем. Поскольку Испания гораздо меньше, чем наша страна, возможно, вы разберетесь быстрее. Среди русских популярна идея, что происходящее в Испании — это повторение того, что произошло в России. Почти все так думают, не знаю почему. Одна дама спросила меня, как я думаю, забудут ли испанцы об ужасах, которые творятся в Испании. Я сказал ей, что со временем, конечно, забудут; но сейчас их забыть невозможно. <...> Я не сомневаюсь, что красные совершили множество бессмысленных зверств, но справедливо будет признать, что не только они сейчас творят это в Испании. Кроме того, очевидно, что красные хуже контролируют правительство, чем белые. Нет ни одного политика или военного, который мог бы овладеть ситуацией и направить действия революционных масс.

Эти русские, естественно, с большим интересом и жаром говорят о собственных проблемах и воспоминаниях. Они уверяют, что Кутепов шел на свидание по улице Шам-де-л'Алуэт. Русские агенты, переодетые шоферами, схватили Кутепова в Париже, сунули его в машину и убили. Потом привезли тело в Ла-Рошель, поместили труп в ящик и на корабле отправили в Россию. Говорят, что потом всех этих агентов расстреляли под ничтожными предлогами. В какие времена мы живем! Самые низкие и жалкие в истории!»⁹³

В Италии чернорубашечники сражались с краснорубашечниками, в Германии обладатели коричневых рубашек — с обладателями красных, и постепенно конфликт в революционной Европе приобретал все большую радикальность, как отметил Стэнли Дж. Пейн. Итальянцы, немцы, австрийцы, русские, французы — все изменялись под давлением нового состояния дел. Консолидация

---

⁹³ Ibid. P. 31–32.

большевистской или коммунистической революции с середины двадцатых до начала тридцатых годов XX в. была связана с процессом сталинизации — эвфемизма, которым обозначалась революция в одной-единственной стране, тогда как коммунизм распространялся как новая форма империализма. Создание негативного образа русского в среде националистов в период Гражданской войны в Испании 1936 г. было не сугубо испанским, но интернациональным явлением.

В Испании тридцатых годов вряд ли могли знать о московских Больших процессах и политике чисток. А узнав, не поверили бы, потому что никто не мог поверить в параноидальную шизофрению Сталина. Логично, что Москва скрывала свои преступления от собственного народа, того самого, который совершил революцию, а потом от собственных специалистов, советников и советских агентов, которые прибыли в Испанию не для организации обороны республики, а для создания новой системы — физического уничтожения интеллектуального класса, традиционной военной верхушки, старой аристократии, знати и, разумеется, католической церкви в Испании. Это стало ясно из так называемого «Общего дела», осудившего так называемое «господство красных в Испании»⁹⁴.

Михаил Кольцов в «Испанском дневнике»⁹⁵ и Энрике Кастро Дельгадо в «Людах, сделанных в Москве»⁹⁶ рассказывают, хотя и вскользь, об ответственности этих советников и их участии

⁹⁴ «Общее дело, возбужденное Государственным обвинителем о господстве красных над Испанией» (*“Causa general instruida por el Ministerio Fiscal sobre la dominación roja en España”*) — обширное расследование, начатое министром юстиции франкистской Испании Эдуардо Ауносом изданием Декрета от 26 апреля 1940 г. с целью «установления преступлений, совершенных на всей территории страны в период господства красных». В настоящее время объективность результатов этого расследования обоснованно ставится под сомнение. См., например: Gil Vico P. *Ideología y represión: la Causa General. Evolución histórica de un mecanismo jurídico-político del régimen franquista // Revista de Estudios Políticos*. 1998. No. 101. P. 159–189. — *Прим. перев.*

⁹⁵ Михаил Кольцов был одним из главных свидетелей событий, связанных с Хунтой обороны Мадрида, и автором цитируемого «Испанского дневника» (Кольцов М. *Испания в огне. Испанский дневник*. В 2 тт. М., 1987), а также книги «Испанская весна» (Кольцов М. *Испанская весна*. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933).

⁹⁶ Castro Delgado E. *Hombres made in Moscú*. Barcelona, 1965. Это еще одна книга, считающаяся классической в этой области. Ее автор считался агентом КПИ и рассказывает об участии Кольцова и Орлова в числе других советских агентов в деятельности указанной Хунты обороны Мадрида.

в убийствах, в том числе уже упомянутых расстрелах в пригородах Мадрида, под прикрытием Хунты общественного порядка. Этот орган и его комитеты относились к числу внутренних структур Хунты обороны, и отвечал за них верный слуга и поклонник России Сантьяго Каррильо, который всегда, конечно, отказывался от таких заданий и лично не участвовал в их исполнении. Однако неясно, получал ли он письменные или устные приказы, руководствовался намеками или прямыми советами этих агентов⁹⁷. Разве не этими поступками похвалялся Сталин у себя в стране, как бы невероятно ни прозвучало это предположение? Разве не то же самое происходило в Польше, в Катини или во время репрессий против белогвардейцев, казаков и других контрреволюционных элементов?

Так каков был образ этих русских в Испании, помимо уже существовавшей и теперь материализовавшейся ненависти? Каковы были источники этой взаимной ненависти? В любом случае, в тот момент необходимо было сохранять полную тайну для поддержания великого идеала освобождения рабочего класса по всему миру и распространения идеи общей, мессианской демократии, которая сознательно свела коммунизм с буржуазным либерализмом. Коммунизм экспортировался как форма глобальной свободы, модели достойной жизни и социально-политического равенства, особенно если он сочетался с победой пролетариата. Однако деятельность комитетов и народных трибуналов классовых организаций и партий была формой прямой демократии и даже популизма.

Все остальное, то, что находилось с другой стороны политической призмы, называлось «фашизмом» и было дискредитировано, хотя фашизм истолковывали и в ложном, пусть и очень конкретном значении агрессивного, нетолерантного и деспотического явления, что явно далеко от истины, поскольку ни одна сторона не имела индивидуальной, и особенно объективной, монополии на ненависть, приводящей к насилию. Когда возникают и становятся инструментами политики ненависть, презрение, социальная зависть с конкретными целями, приходится прибегать к такой тактике.

На практике существовало определенное противоречие между прямым повиновением Москве и испанскими представлениями о том, какой должна быть революция, особенно в свя-

---

⁹⁷ Архивы НКГ, находящиеся в Лондоне, постепенно раскрывают свои фонды в течение последних пяти лет.

зи с критериями окончания войны, которую они надеялись выиграть.

Всемирный заговор. Мировая война и Голубая дивизия

Масштабное знакомство с русским народом состоялось благодаря так называемому «великому крестовому походу против большевизма». Здесь соединилось несколько аспектов: идея о знаменитом иудео-большевистском заговоре и еврейский вопрос, при анализе Хосе Мануэль Сейхас⁹⁸ или Хосе Луис Родригес Хименес⁹⁹ обращаются к теме геноцида, пытаются обнаружить прямое или косвенное участие в нем испанских солдат, которое отрицают другие авторы, в том числе Хавьер Морено¹⁰⁰, Рафаэль Ибаньес¹⁰¹ или Карлос Кабальеро Хурадо¹⁰². Мы не хотим сказать, что нет документов, свидетельствующих об этом феномене, — просто у испанцев были другие цели, отличные от расовой политики Гитлера, и они могли добиваться их, пользуясь большей свободой действий, чем та, которой располагали немцы. Кроме того, существуют другие свидетельства, от похвалы до критики¹⁰³. В этом отношении я постараюсь сделать следующее: 1) с од-

⁹⁸ Seixas X. M. ¿Testigos o encubridores? La División Azul y el holocausto de los judíos europeos entre la Historia y la memoria // Historia y política. 2011. No. 26. P. 259–290.

⁹⁹ Rodríguez Jiménez J. L. De héroes e indeseables. La División Azul. Madrid, 2008.

¹⁰⁰ Moreno X. La División Azul. Sangre española en Rusia. Barcelona, 2004. P. 15. Добавим множество свидетельств, собранных в книге: Caballero Jurado C. Memoria e Historia de la División Azul // Historia sobre la División Azul. Actas jornada de Lliria (4 de mayo de 2013). Valencia, 2014. P. 252; Idem. Atlas ilustrado de la División Azul. Madrid. Ed. Susaeta, 2009. P. 11; González Martín F. J. La División Azul de Leningrado a Berlín // Moral Roncal A., González Martín F. J. España y la Segunda Guerra Mundial. Otras visiones del conflicto... P. 53–55.

¹⁰¹ Ibáñez Hernández R. Españoles en las trincheras. La División Azul // Payne S. G., Contreras D. España y la Segunda Guerra mundial. Cursos de Verano de la UCM en el Escorial. Madrid, 1996. P. 85–86.

¹⁰² Caballero Jurado C. División Azul. La división española de Hitler. Madrid: Ed. Tikal, 2011, Idem. Atlas Ilustrado de la División Azul..

¹⁰³ Díaz Ramos J. Las enseñanzas de Stalin, guía luminoso para los comunistas españoles. Moscú, 1950. Я помню, как грузный Энрике Листер, весивший 118 кг, в интервью, переданном Испанским телевидением, похвалялся, что имеет звание маршала Красной Армии, и превозносил чудеса сталинской

ной стороны, развенчать миф или антими́ф о тайном заговоре, в котором участвовал и сталинский режим; 2) с другой стороны, показать, что существовало определенное сближение между испанскими солдатами и русскими людьми, которое привело к разрушению шаблонов и политических искажений; и 3) подтвердить, что испанцы были далеки от славянских и еврейских погромов. Все эти оценки и взгляды могли бы, несомненно, быть изложены в более подробном монографическом исследовании.

В первую очередь, движущей силой «крестового похода», как я попытался показать, была серьезная пропагандистская база (своя у идеологии каждого лагеря), призванная привести в движение миф — психологическую силу, которая вызовет необходимые действия в соответствии с поставленными политическими целями. Понимая соображения, по которым нацист неверно, но прочно ассоциируется с немцем, можно понять ту же логику, по которой одно целое составляют русский и коммунист. В этом отношении сама пропаганда создает сеть взаимоотношений. Ответом на «крестовый поход против большевизма» стала Великая Отечественная война, которая, как и в 1812 г., приобрела религиозный оттенок. По крайней мере, с испанской точки зрения кажется, что был сформирован образ врага — ненавистника коммунистической системы, который как бы продолжает конфликт времен Гражданской войны. Этим объясняется прекрасное функционирование обеих противоборствующих пропагандистских систем, так что термин «фашист» продолжает носить негативные коннотации. Он связан с агрессией, он — наследие тех, кто ненавидит свободу, демократию — такой образ был создан коммунистической пропагандой, инициированной в те годы Сталиным. В Испании возмущение действиями Орлова и Кольцова привело к возникновению так называемого «Общего дела» (1938)¹⁰⁴ и заявлениям о нелегитимности республиканского правительства, ко-

---

России, умалчивая обо все остальном и утверждая, что Катынь была делом рук «фашистов» (на самом деле Листер, воевавший в годы Великой Отечественной войны под именем Эдуарда Лисицына, имел звание генерала. — *Прим. перев.*). Тот же самый Хосе Диас, прежде чем покончить с собой, написал мемуары, воспевающие учение Сталина. Эти наблюдения требуют проведения параллельного исследования, которое сравнивало бы розовую легенду и черную легенду о роли испанской Голубой дивизии.

¹⁰⁴ Документ, созданный в аппарате министра юстиции Эдуардо Ауноса в 1940 г., перечислял все преступления красных в Испании во время Гражданской войны, предъявляя обвинения всем, кто отдавал и исполнял приказы о расстрелах, а также указывал на участие иностранных агентов. См.:

торое продано иностранцам. Это представление пережило саму Гражданскую войну и продолжало существовать в послевоенный период и в эпоху мировой войны. Оно отражено в знаменитой речи Серрано Суньера¹⁰⁵ от 24 июня 1941 г. о том, что «Россия виновна в гражданской войне, в гибели Хосе Антонио и тысяч товарищей»¹⁰⁶. В фалангистской пропаганде этот факт оправдывал вторжение войск Третьего Рейха и его союзников в Россию. В Испании эти события обусловили создание «Голубой дивизии испанских добровольцев» в обстановке полемики о вмешательстве, нейтралитете или неучастии в войне. Это подразделение стало для генерала Франко выходом из положения и политическим инструментом, нарушавшим условия неофициального нейтралитета и способным скомпрометировать его перед лицом каждой из противоборствующих сторон. Единственной объявленной целью этих действий, предпринятых в общем контексте борьбы против мирового коммунизма, тем более в условиях Антикоминтерновского пакта, являлась сталинская Россия.

К так называемой Голубой дивизии примкнули другие добровольческие подразделения из стран Запада и даже Востока, которые желали принять участие в великом крестовом походе против коммунизма. Этот феномен существовал не только в Испании, но и в Нидерландах, Франции и Италии; и если эти

АНН. Madrid. 1940 (более точные указания места хранения документа отсутствуют. — *Прим. перев.*).

¹⁰⁵ Серрано Суньер, Рамон (1901–2003) — испанский правый политик, в 1938–1942 гг. занимал ряд министерских постов в правительствах Ф. Франко (внутренних дел, иностранных дел, местного управления); являлся председателем политического совета Фаланги (1938 г.), возглавлял национальное агентство ЭФЭ и международное радио Испании. Находился в родственных отношениях с женой Ф. Франко К. Поло, что, несомненно, изначально способствовало его карьере. В дальнейшем, однако, выраженные фашистские убеждения политика привели к его отстранению от высших государственных постов, поскольку его фигура раздражала западных партнеров Испании. — *Прим. перев.*

¹⁰⁶ Рамон Серрано Суньер, в тот момент занимавший пост министра пропаганды, произнес эти слова, опубликованные во всех ведущих газетах 24 июня. Хосе Антонио Примо де Ривера, или просто Хосе Антонио, был основателем партии Испанская Фаланга, объединившейся с Хунтами Национал-синдикалистского наступления (ХОНС) Онесимо Редондо. Вместе они составили самую многочисленную силу, сражавшуюся на стороне Франко. О Хосе Антонио говорили как о поэте-мученике, расстрелянном коммунистами, обвинившими его в отсутствии разрешения на ношение оружия, а затем в заговоре, имевшем целью военный переворот. Его расстреляли вместе с еще двумя карлистами и двумя фалангистами 20 ноября 1936 г. во дворе тюрьмы в Аликанте.

страны в 1941 г. находились под оккупацией или на положении сателлитов, то другие, такие как Швеция и, разумеется, Испания, формально соблюдали нейтралитет, но их симпатии скорее были на стороне Германии против Советской России. У финнов, румын и венгров были свои интересы, связанные с близостью их стран к Советскому Союзу. В этих условиях в Испании германофила можно было отличить от сторонника нацистов. Так, средний католик и традиционалист придерживался пронемецких, но не пронацистских взглядов и сочувствовал белым русским; а фалангист в этом отношении был ближе к европейскому фашизму и, следовательно, нацизму, если не вдаваться в детали. Причина, по которой он поначалу стал восхищаться Гитлером, состояла не только в его противопоставлении Сталину, но и в сочувствии к Германии и немцам в связи с несправедливостью, с которой обошлись с ней по Версальскому миру. Эти чувства, существовавшие и до Второй мировой войны¹⁰⁷, теперь усилились.

Возникнув как противопоставление себя французам и англичанам, возникшее в связи с историческими обстоятельствами, лежавшими за пределами испанской истории этого времени, это ощущение поддерживалось сложившейся расстановкой сил и особенно ощущалось в 1936–1941 гг. Мировая война завершила процесс радикализации позиции Испании при отсутствии понимания того, в чем в будущем могут быть обвинены фашистские режимы, особенно — в статусе проигравшей стороны, как это и случилось в реальности после войны. Отсюда важность идеи так называемого «еврейско-масонского заговора», к борьбе с которым в результате присоединился и Сталин, что разрушило союз между евреями и коммунистами¹⁰⁸. Он стал видеть Россию подчиненной иудаизму — элементу, чуждому истинной революции. Те годы военных схваток стали эпохой знакомства

---

¹⁰⁷ Ср.: Sanz-Francés E. *Entre la antorcha y la svástica*. Madrid, 2002. P. 11; см. также о пронемецких настроениях перед войной: González Martín F. J. *Neutralidad y no beligerancia, formas alternativas de política exterior de la España de Franco durante la II Guerra mundial* // Conferencia pronunciada en el II Seminario “España y la Segunda Guerra mundial”, el 20 de noviembre de 2014, Universidad de Alcalá. Alcalá de Henares, 2014; Navarro Ordoño A. 1914. Aliadófilos y germanófilos en la cultura española. Madrid, 2014; García Sanz F. *España en la Gran Guerra*. Barcelona, 2014; González Martín F. J. *Europeísmo y neutralidad en la España de 1914. la visión de la Gran Guerra en Pío Baroja* // *Saberes. Revista de Ciencias sociales y jurídicas*. 2003. No. 1. P. 5.

¹⁰⁸ Так в тексте. — *Прим. перев.*

с настоящими русскими и развенчания мифа о заговоре или о тождестве евреев и масонов с коммунистами, что стало ясно самим волонтерам Голубой дивизии. Не прекращались разговоры о том, что Россия была родиной «Протоколов сионских мудрецов» Сергея Нилуса.

Распространение этой книги в рамках европейской антибольшевистской пропаганды сочеталось с уверенностью, что СССР и мировое еврейство заключили союз и готовят установление нового порядка мирового господства, причем Советский Союз представлял в виде жертвы заговора, который в будущем станет одним из полюсов конфликта между капитализмом и коммунизмом. Две системы, будто бы противостоящие друг другу, в реальности находятся под контролем одной и той же группы, расы или клана. Более того, возникали не только сомнения в легитимности революции, но и подозрения относительно вмешательства определенных элементов, которые искажали истинные и изначальные цели революции. Эти принципы впоследствии принял на вооружение Сталин¹⁰⁹. Но до какого момента отождествление еврейских и русских элементов соответствовало действительности?

«Если эти «Протоколы» были выдумкой; если не вскрылись истинные тайные упования мирового еврейства и его коммунистические методы, если эти методы, реализуемые в наше время, не были точной и шокирующей копией планов, описанных в «Протоколах», с помощью которых тайное еврейское правительство думало добиться власти над миром, если все это было ложью, то мы спросим: почему публикация «Протоколов» стала таким ударом для евреев? Почему мировая пресса, которая на три четверти принадлежит им, протестовала так яростно и, не удовлетворившись этим, наводнила книжные магазины книгами, брошюрами и статьями, доказывающими, что «Протоколы» — это фальшивка? Защитниками этих бедных и невинных евреев были настоящие русские; а среди них даже профессор Милуков, который уже предал свою родину, и еще несколько профессоров»¹¹⁰.

---

¹⁰⁹ Вопрос состоял в том, действительно ли Лев Бронштейн (Троцкий) был евреем и пытался расколоть революцию, что усиливало личную ненависть Сталина к Троцкому; то же самое произошло с Марселем Розенбергом, советским послом в Испании, который пытался влиять на решения председателя правительства Испании Ларго Кабальеро. В феврале 1937 г. Розенберга, уничтоженного во время сталинских чисток, заменили на Леонида (Леона) Гайкиса. См.: Kowalski D. La Unión Soviética y la Guerra civil española... P. 36. Так за что вычистили Розенберга?

¹¹⁰ Duque de la Victoria. Israel manda... P. 180.

Верили ли в подобные истории испанцы, побывавшие в России? Участники Голубой дивизии не оставили воспоминаний, которые соответствовали бы этому предположению. Сражаться с мировым еврейством или со славянско-еврейским союзом? Не подразумевала ли война с коммунизмом эту идею? Представляется, что солдаты дивизии не имели четкого представления об этой теории и о том, соответствует ли она тому, с чем им предстоит встретиться. У них не было ни предрассудков, ни мысли о заговоре. Война, как и раньше, стала катарсисом, вступлением в новый мир, в котором всем надо распрощаться с прошлым и горестями настоящего.

Следует отметить, что и сами немцы полагали, что испанские солдаты сильно отличаются от них. Например, бойцы дивизии считались анархистами, индивидуалистами, недисциплинированными, кроме того, они общались с русскими, хотя никто из них не знал русского языка. Но главное, что испанцы вступали в контакт с русскими военными и гражданским населением вопреки распоряжениям немцев. Причина состояла в том, что испанские солдаты никогда не разделяли презрение к образу жизни, мышлению и чувствам русских (и следует отметить, это было взаимно) и не примыкали к расистской, социально-биологической идеологии, не считали тех, кто принадлежал к славянским этносам и культуре, да и всех прочих европейцев, ниже себя — и вообще испанцы мало знали о России. Испанцы никогда не считали славян и евреев низшими существами. Их целью было приключение, борьба с коммунизмом, бегство от нищеты, царившей в тогдашней Испании, от семейных и социальных проблем — а еще любопытство.

Так что, несмотря на то что официальная Испания твердила о «заговоре», разговоры о нем не выходили за рамки чистой риторики, и в реальности его считали необременительным способом указать на близость к Гитлеру, чтобы не переходить к настоящему сближению во всем прочем. Герцог де ла Виктория в предисловии к испанскому переводу «Протоколов», появившемуся в 1935 г., представил Россию жертвой еврейско-масонского заговора¹¹¹. Так что вера в еврейский революционный заговор, о которой рассуждает Леон Поляков в работе «О дьявольской причинности»¹¹², следует антикоммунистической модели, которая ближе

---

¹¹¹ Ibid. P. 163.

¹¹² Poliakov L. La causalidad diabólica. De Gengis Khan a Lenin. Barcelona, 1992. P. 17.

всего к нацизму, но в ней есть предполагаемые совпадения¹¹³, не позволяющие ей стать нацизмом. Однако Поляков выступал в качестве защитника еврейской стороны, особенно в преддверии Холокоста, что вполне логично. В Испании, Франции и Италии идея заговора имела христианские или, точнее, католические основы, что ясно из выступлений французской епархии против Лиги прав человека. В статье в «Международном журнале тайных обществ»¹¹⁴ от 1 марта 1935 г., по сообщению герцога де ла Виктория¹¹⁵, было написано: «Эта Лига представляется юридической ассоциацией, целью которой является вмешательство на стороне каждого человека, ставшего жертвой несправедливости, неравенства, самоуправства, и, следовательно, эти идеи могут соблазнить всех, кто мечтает о справедливости и свободе. Но на самом деле это организация, которая действует в союзе с франкмасонством, о чем свидетельствует заявление, сделанное в Официальном бюллетене Великой ложи (от сентября 1920 г.), которое касается Лиги прав человека, Лиги образования и всех прочих подобных Лиг...»¹¹⁶. «Из этого следовало сделать вывод, что те, кто страдает от тирании любого рода или от ущемления прав человека и элементарных свобод, подобно русскому народу, или французскому, или любому другому, не должны обращаться в эту организацию, которая, казалось бы, создана специально для этих целей, хотя на самом деле она стремится к мировому господству, поделенному между крупнейшими банкирами и мировым коммунизмом»¹¹⁷. «Поэтому очевидно, что масонство стоит за всеми этими союзами. В настоящее время штаб этой Международной Лиги прав человека по большей части состоит из франкмасонов, и их деятельность превращает Лигу в филиал Легиона — отсюда ее идеи и отсюда все действия против христиан!»¹¹⁸.

¹¹³ Так в тексте — “presuntas coincidencias”. — *Прим. перев.*

¹¹⁴ Revue Internationale Des Sociétés Secrètes. Paris, 1935. (Заместитель главного редактора — монсиньор Эрнест Жуэн, главный редактор — маркиз де ля Франкери.)

¹¹⁵ «Епархия категорически запрещает католикам примыкать к данной Ассоциации или симпатизировать ей с того момента, как она провозгласила свою принадлежность к франкмасонству, ведет антирелигиозные кампании и сознательно замалчивает преступления, совершенные в Мексике и впоследствии в Испании». Речь идет о Мексиканской революции и попытке революции в октябре 1934 г. в Испании.

¹¹⁶ Duque de la Victoria, Israel manda. P. 169.

¹¹⁷ Ibid. P. 163–164.

¹¹⁸ Ibid.

По этой причине, если мы отправимся на встречу с настоящим русским, мы услышим от собеседника призыв к русскому народу избавиться от людей такого пошиба. Здесь, по-видимому, кроется аллюзия на вышедшую по-французски книгу Дмитрия Петровского «Россия под властью евреев»¹¹⁹: «*Puisse ce livre ouvrir les yeux à tous les autres Peuples Chrétiens afin qu'ils s'unissent pour vaincre leurs oppresseurs*»¹²⁰. Итак, главная задача состоит в схватке христианской религии в широком смысле слова (в любом изводе или направлении) против тайных сил секулярной или теософской религии масонов. Россия стала жертвой этого заговора, так же как и все остальные народы, но это стало ясно, только когда большевикам удалось захватить власть. На самом деле в политике франкистского режима не было материальной политической цели, к которой можно было бы приспособить эту ненависть, в отличие от других стран, особенно в тех, где властвовал Гитлер и даже Сталин. Однако следует отметить, что использование лозунгов, намекающих на эту старую теорию заговора или «еврейско-масонско-большевистского комплота», было необходимо в риторике франкистского режима больше для того, чтобы стяжать симпатии родственных режимов.

Как я уже сказал, все это нужно было больше для поддержания отношений с гитлеровской Германией, чем для реального воплощения; этими лозунгами пользовались как инструментами для достижения совершенно иных политических целей. Испанский и русский боец были близки друг другу, несмотря на то что приказы, которые они получали от своего командования, говорили об обратном. Вторая мировая война стала прекрасным шансом для испанских добровольцев Голубой дивизии познакомиться с русскими, такими, как они были на самом деле. Это был контакт не только с крестьянами, но и с женщинами, возможно, бойцы видели семьи, детей, множество эвакуированных с линии фронта; они встречались и с солдатами, знакомились с крестьянским бытом, условиями жизни, верованиями, самими людьми и их самобытностью, пусть даже подавленной одной из самых авторитарных и хладнокровных диктатур. По этому поводу немецкие офицеры оставили воспоминания, которые совпадают с рассказами бойцов Дивизии и свидетельствуют о пропаганде, обмане и нацистском произволе. Командир немецких бронетанковых

---

¹¹⁹ Petrovsky D. La Russie sous les juifs. Paris, 1931.

¹²⁰ «Пусть эта книга откроет глаза всем прочим Христианским Народам, чтобы они сплотились и побороли своих угнетателей» (Ibid. P. 5).

войск Хайнц Гудериан в своих «Воспоминаниях»¹²¹ и глава оперативного подразделения Генерального Штаба Вальтер Варлимонт для сериала BBC «Мир в войне» (1977) рассказывают о том же. Русские никогда не жаловались, проявляли самоотверженность, упорство и стойкость в тяжелейших условиях, когда за каждым подсолнуховым полем начиналась одна степь за другой, уходящие за горизонт¹²²! Идиотское представление о расовом господстве привело к тому, что все население сплотилось под властью своего вождя. Красный царь дал понять, что снаружи гораздо хуже, чем внутри, сумел воспользоваться своими преимуществами харизматического лидера и образом отца народа и объявил всеобщую войну нацистским агрессорам. Заявления о прямой или косвенной ответственности Голубой дивизии и Голубого Легиона за славянские и еврейские погромы не имеют под собой оснований. Они никак не участвовали в погромах, за исключением отдельных случаев, поскольку и нацистские, и советские источники старались держать подобные события в тайне¹²³.

Эти акции совершали соответственно специалисты из СС—Гестапо¹²⁴ или комиссары и представители коммунистической партии¹²⁵. И это логично: уродливые проявления каждой идеологии или «идеала» не могли разворачиваться так, как говорилось в восторженной пропаганде нового порядка, — так же как советский режим призывал к построению нового прекрасного мира для рабочего класса. Ни Красная Армия, ни Вермахт напрямую не привлекались для операций уничтожения, которые имели сугубо идейно-политический характер, за исключением обычных репрессий военного времени и выполнения приказов, поскольку в каждой партии существовала целая политическая сеть комиссаров, а также организаций и специальных порученцев — как в гитлеровской НСДАП, так и в ВКП (б). Но бойцы испанской Дивизии пользовались большей свободой, по крайней мере, с политической точки зрения, а их контакты с Вермахтом и с остальными подразделениями за некоторыми исключениями

¹²¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 2012. С. 288.

¹²² Toynbee A. La Europa de Hitler. Madrid, 1986; Gluckstein D. La otra historia de la II Guerra Mundial. Barcelona, 2013. P. 21.

¹²³ Иную точку зрения см., например: Пожарская С. П. Испанская «Голубая дивизия» на советско-германском фронте (1941–1943) // http://militera.lib.ru/h/sb_crusade_in_rossia/05.html. — *Прим. перев.*

¹²⁴ Goldahen D. J. Los verdugos voluntarios de Hitler. Los alemanes corrientes y el holocausto. Madrid, 1999.

¹²⁵ Rayfield D. Stalin y los verdugos. Madrid, 2003.

ограничивались военными действиями и нуждами координации¹²⁶. Латыши, хорваты или солдаты Русской освободительной армии издевались над мирным населением по самым разным причинам, то же самое происходило во время националистических репрессий в Югославии и в ходе особенно жестоких этнических и религиозных конфликтов. Но испанцы за редкими исключениями не участвовали в погромах, да и не могли участвовать. Идеи о немце-нацисте или русском-советском, о которых мы упомянули в предисловии, были параллельны друг другу и давали ошибочное представление об образах конкретных людей и самобытности народа, к которому они принадлежали, — они были возможны только в атмосфере, в которой товарища можно было распознать только в обстановке страха, бойкота или совместного труда.

Вместо послесловия

Утверждение о существовании «черной легенды» о Сталине и его режиме не голословно, оно вполне реально, как реальна и «черная легенда» о генерале Франсиско Франко и его политической системе — даже если не сравнивать двух глав государств и их такие разные жизненные пути.

Веря им, историк или аналитик впадает в редукционизм и упрощение. Обстоятельство, которое до сих пор используется в некоторых кругах, чтобы усилить взаимные обвинения противоборствующих идеологий и скрыть ответственность или вину. Эта тема настолько сложна и неудобна, что еще предстоит изучать архивы. Эта работа не претендует на то, чтобы служить пропагандой или контрпропагандой, которые влияют на формирование легенды или заставляют толковать историю с общих позиций, предлагаемых средствами массовой информации или сиюминутной модой, помимо политических интересов. Очевидно, что период 1917–1945 гг. был полон конфликтов, страхов, формировавших исторический период, для которого характерно психологическое напряжение. Этим напряжением воспользовались пропагандистские силы, действовавшие во время войны в Испании и после нее,

---

¹²⁶ Такое впечатление сложилось не только у Дионисио Ридруэхо (см.: Ridruejo D. Cuadernos de Rusia. Madrid, 2013. P. 25. См. также: Caballero Jura-do C. El cerco de Leningrado. Artillería alemana y española en Krasny Bor. Valencia, 2014. P. 14; Martínez Canales F. El cerco de Leningrado. La División Azul en combate. Madrid, 2009. P. 31, 58.

в послевоенный период. Вопрос, открывают ли они истинный облик народа или это лишь политический образ, — вот вопрос, который ставит моя работа. Видение, представление и знание о русских, за пределами идеологических клише, политических интересов и экстремальных ситуаций стали изучать совсем недавно. Параллель между испано-германскими и испано-русскими отношениями доходит до точки инверсии, когда Сталин в Ялте заклеил франкистскую Испанию в надежде сделать ее пособником «фашистского геноцида», присоединив ее к политическим системам сходной природы. Черчилль в присутствии больного, дряхлого и не разбирающегося в европейских реалиях Рузвельта договорился со Сталиным о новых границах и о передаче сотен тысяч казаков, бывших солдат Белой армии и Освободительной армии. Все они были захвачены и уничтожены на югославской и белорусской границах.

Я указал, что тема сложна, и попытался развенчать политические параллели, поскольку речь идет о далеких, плохо знакомых и плохо понятных друг другу народах. Но с самого начала борьба не подразумевала ненависти испанского народа к русскому или наоборот, если не принимать во внимание лозунги, пропаганду и конфликт идеологий и интересов. Это была борьба двух крупных движений, придерживавшихся противоречащих друг другу экономических и политических систем, несмотря на возможные параллели, даже если вывести за скобки религиозный вопрос или цивилизационную модель, которая тоже служила камнем преткновения. Победа большевистской революции с 1917 г. питала страхи и царившую во всей Европе обеспокоенность распространением революции по континенту. Этот страх привел к серии гражданских войн, возникновению и укреплению коммунистических партий в буржуазных системах и появлению так называемых Народных Фронтов, в соответствии с постановлениями VII конгресса Коминтерна¹²⁷.

Следует думать, что, несмотря на смерть Сталина, десталинизация затронула коммунистическую систему в границах СССР, но не сильно повлияла на образ СССР за рубежом. В стране продолжали видеть большой потенциал и способность к разрушению и дестабилизации, несмотря на природную доброту ее жителей. Но кроме того, если у испанцев и был интерес к этому народу, хотя новости мировой политики не дают оснований предполагать этого, за исключением шума, поднятого на Западе несколькими

---

¹²⁷ В тексте ошибочно — «IV и V Конгрессов Коминтерна». — *Прим. перев.*

диссидентами. Первым из них был Борис Пастернак, который получил Нобелевскую премию 1958 г. за роман «Доктор Живаго», где осуждается процесс строительства коммунизма в СССР. Вскоре после появления роман был экранизирован. К Пастернаку следует добавить физика-ядерщика Андрея Сахарова и Александра Солженицына, автора знаменитого «Архипелага ГУЛАГ». Я помню, как ребенком в шестидесятые—семидесятые годы я слушал записи на пластинках в 33,5 оборота и в телевизионных передачах в ту эпоху, когда в Испании было всего два канала. Сильные и чистые голоса певцов хора Советской Армии генерала¹²⁸ Александра исполняли всемирно известные песни из русского репертуара: «Калинку», «Подмосковные вечера», «Под вишнями»¹²⁹ (?? — *Прим. перев.*) или народные песни, возбуждавшие восторг во всем мире и проникавшие из-за «железного занавеса».

Эти проявления были синонимом восхищения, несмотря на политическое молчание относительно происходящего в каждом городе, деревне или в далекой Сибири — необъятной тюрьме, не придуманной большевиками, а существовавшей еще в царские времена. Война стала также поводом восхищаться способностью русских к быстрому восстановлению, но изгнание немцев тоже было сопряжено со страхом, потому что Советский Союз на своих Т-34 завоевал почти все страны Восточной Европы. В документальных фильмах о мировой войне продвижение знаменитого русского катка называлось «Казачий патруль». Сами немцы в своих докладах говорили, что народ, который они называли «низшим», на самом деле оказался «народом терпеливым, молчаливым, героическим до безрассудства и с полным пренебрежением относящимся к смерти» — и не из ненависти к жизни. Испанцы тоже любили ее, особенно если посмотреть на фотографии того времени, где воины испанской Голубой дивизии хвастаются своими шумными пирушками в России.

Перевод с испанского Л. В. Черниной

---

¹²⁸ В тексте ошибочно — «полковника». — *Прим. перев.*

¹²⁹ Так в тексте. — *Прим. перев.*

ЖОЗЕП ПУИГЖЕК ФАРРАС

СОВЕТСКОЕ КОНСУЛЬСТВО
И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В КАТАЛОНИИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

Введение

Испанско-советские отношения во время Гражданской войны в Испании (1936–1939) развивались по многим направлениям, в числе которых, без всякого сомнения, были дипломатические отношения. Лучшим свидетельством этому служит обмен дипломатическим персоналом между Союзом Советских Социалистических Республик (СССР) и республиканской Испанией и деятельность советского полпреда в Мадриде Марселя Розенберга и посла Испании в Москве Марселино Паскуа. Контакты Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) и Министерства иностранных дел Испанской республики намечают траекторию, критически важную для понимания отношений между странами в свете события, которому предстояло объединить их, — Гражданской войны в Испании².

---

¹ Написание этой статьи стало возможным благодаря исследованиям, проводившимся в рамках проекта, финансируемого Министерством по науке и инновациям Испании. Он называется «Culturas políticas, movilización y violencia en España, 1930–1950» («Политические культуры, мобилизация и насилие в Испании, 1930–1950»), код исследования: HAR 2014-53498.

² В российской историографии советско-испанские отношения, в том числе в дипломатической плоскости, получили освещение в таких работах, как: Шубин А. В. Великая Испанская революция. М., 2012; и с точки зрения советской позиции в Комитете по невмешательству: Малай В. В. Гражданская

Однако при анализе этих контактов особый интерес представляет участник, чья роль, на первый взгляд, была второстепенной, но в реальности имела исключительное значение и оказывала огромное влияние на сами отношения. Речь идет о советском консульстве в Барселоне. Консульство во главе с Владимиром Антоновым-Овсеенко появилось в каталонской столице 1 октября 1936 г.³ Открывая его, руководящие органы НКВД, который возглавлял Максим Литвинов, выполняли указания Комиссии Политбюро ЦК Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) ВКП (б) по внешней политике, которую возглавлял И. Сталин⁴. Консульство получило указание выполнять тройственную миссию. В военной сфере — упростить въезд военных советников под видом дипломатического персонала. В экономических вопросах — поддерживать торговые отношения между Барселонной и Москвой. И наконец, в политическом плане — заниматься всеми аспектами, касающимися политической деятельности тыла, особенно связями с правительством Каталонии (Женералитатом) и необходимостью поддерживать контакты с различными политическими лидерами и организациями, действовавшими

война в Испании 1936–1939 годов и Европа. М., 2011. Эта проблема затрагивалась также в англоязычной, немецкой и испанской историографии — и гораздо подробнее, чем в российской. Англо-американские и немецкие работы переводились на испанский язык, и в нашей статье мы будем ссылаться на эти переводы. В англоязычной историографии выделяются особенно идеологизированные работы, для которых характерны сильные антикоммунистические позиции. Таковы исследования: Payne S. *Unión Soviética, comunismo y revolución en España (1931–1939)*. Barcelona, 2003; *España traicionada. Stalin y la guerra civil* / Ed. por R. Radosh, M. R. Habeck, G. Sevostianov. Barcelona, 2002. Другие англоязычные исследователи сохраняли дистанцию, не разделяя этой идеологии, — можно оценить следующие примеры: Kowalsky D. *La Unión Soviética y la Guerra Civil Española*. Barcelona, 2003. В немецкой историографии выделяется реакция на утверждения, сформулированные Пэйном, Радшем и др. (см.: Schauff F. *La victoria frustrada. La Unión Soviética, la Internacional Comunista y la Guerra Civil Española*. Barcelona, 2008). Наконец, в испанской научной литературе особое место занимает трилогия, в которой испанско-советским отношениям уделено большое внимание, хотя они не являются главной темой исследования: Viñas Á. *La soledad de la República. El abandono de las democracias y el viraje hacia la Unión Soviética*. Barcelona, 2006; Idem. *El escudo de la República. El oro de España, la apuesta soviética y los hechos de mayo de 1937*. Barcelona, 2007; Idem. *El honor de la República. Entre el acoso fascista, la hostilidad británica y la política de Stalin*. Barcelona, 2008.

³ *La Vanguardia*. 02.10.1936. No. 22 637. P. 1.

⁴ Schauff F. *Op. cit.* P. 315.

в тылу (особенно с анархистами). Логика рассуждений очевидна: консульство должно было следить за перестановками в органах власти республиканского тыла и, с учетом этого, поддерживать существование либерально-демократической модели для исключения любых признаков пролетарской революции, которая могла произойти в Каталонии с июля по сентябрь 1936 г., главную роль в подготовке которой играли анархисты⁵. Логика этих действий исходила из заинтересованности СССР в политике коллективной безопасности, в рамках которой, как предполагалось, Москва может сблизиться с Лондоном и Парижем для создания фронта, препятствующего территориальной экспансии фашизма в Европе, и, тем самым, возможному нападению фашистских режимов на СССР⁶.

Консульский персонал в Барселоне неукоснительно исполнял приказы, полученные из управления НКВД. Поэтому он выказывал полную поддержку автономному правительству Каталонии — Женералитату. Консульство понимало, что политическая ситуация в Каталонии с начала тридцатых годов характеризовалась наличием политической автономии внутри Испанской республики, что означало принятие Статута об автономии и создание автономного правительства, подчиненного верховенству Правительства Республики в государственных делах. Начало Гражданской войны в Испании означало крушение власти республиканского правительства в Каталонии. Этот факт, в сочетании с гегемонией анархистов во многих каталонских деревнях и городах вследствие возникновения всякого рода революционных комитетов, привел к тому, что представителем республиканской власти стал Женералитат, который, вместе с тем, соперничал с революционными комитетами за политическую власть в каталонском тылу⁷. Консульство быстро установило, какие политические силы открыто вмешались в процесс передела исполнительной власти в тылу и, следовательно, выступали в защиту либерально-демократической модели. Во-первых, это была Левая республиканская партия Каталонии (ЛРПК), либеральная прогрессистская партия, которая захватила лидирующее

---

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 10. Оп. 11. Д. 71. П. 53.

⁶ Donaldson R., Nogee J. L. The Foreign Policy of Russia. Changing systems, enduring interests. New York, London, 2005. P. 37–74.

⁷ Martín Ramos J. L. La rereguarda en guerra. Catalunya, 1936–1937. Barcelona, 2012. P. 15–40.

положение в Женералитате с момента его учреждения. Второй, но не менее важной, силой было каталонское коммунистическое движение, которое, как следовало ожидать, должно было стать главным партнером представителей НКИД в Барселоне⁸.

Итак, первым вопросом, с которым столкнулось консульство, было осознание того, что бренд, с которым идентифицировали себя испанские коммунисты, — Коммунистическая партия Испании (КПИ), — не имеет аналога в Каталонии. Испанская секция Коммунистического Интернационала (Коминтерна) в Каталонии не действовала. С 24 июля 1936 г. вместо каталонского отделения КПИ — Коммунистической партии Каталонии (КПК) — действовали три каталонских марксистских партии, две из которых принадлежали к лагерю социалистов (Социалистический Союз Каталонии (ССК) и Каталонская Федерация Испанской социалистической рабочей партии (КФ ИСРП)), а одна — к коммунистическому лагерю (Каталонская Пролетарская Партия). В конечном счете, появилась Объединенная социалистическая партия Каталонии (ОСПК). Это объединение стало партией нового типа, далекого от модели, по которой действовали коммунистические партии, состоявшие в Коминтерне с 1919 г. в результате размежевания с социалистическими партиями⁹.

ОСПК родилась в результате призывов VII Конгресса Коминтерна к созданию единой пролетарской партии, а также в результате объединения левого крыла социалистов с коммунистами в целях противодействия фашизму. Иными словами, ОСПК стала первым воплощением принципов тактики Народного Фронта, сформулированных в Москве летом 1935 г. ОСПК была единственной такой партией во всей Европе, которая появилась в уникальных обстоятельствах первых дней Гражданской войны. Однако возникновение этой партии нельзя объяснять исключительно влиянием тактики Народного Фронта. Оно также стало результатом внутренней динамики рабочего движения в Каталонии, логика которого отличалась от общеиспанского, во-первых, поскольку марксистское движение в Каталонии было гораздо более раздробленным, чем в других частях Испании; во-вторых, потому что в Каталонии существовало самое важное ядро руководящих и военных кадров Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ) — антисталинской коммунистической партии, основанной в 1935 г.; и в-третьих, гегемония в рабочем движении Каталонии находилась в руках

⁸ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 119. П. 62; Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 71. П. 53.

⁹ Treball. 21.07.1936. No. 1. P. 1; Там же. Treball. 30.07.1936. No. 8. P. 11.

анархо-синдикалистов, объединенных в профсоюз Национальная конфедерация труда (НКТ). В условиях маргинального положения КПК, а также ИКП, ССК и ФК ИСРП, лучшим выходом было объединение всех этих организаций в новую партию.

В силу происхождения членов ОСПК из различных партий, объединение стало возможным только в той мере, в которой новая партия считалась не коммунистической, а объединенной, то есть выступала как новый тип партии под знаменами антифашизма, марксизма в самом широком понимании — как коммунизма, так и социализма, — и национализма, — пусть без стремления к независимости. После учреждения в Барселоне, ОСПК постепенно открывала ячейки в разных деревнях и городах Каталонии. В то же время она считала себя наследником ССК в политическом отношении, поскольку большинство членов и активных деятелей партии были выходцами из этой организации, и, кроме того, ССК имел опыт работы в правительстве, поскольку перед Гражданской войной его представители имели несколько портфелей в Женералитате¹⁰.

Таким образом, после поражения мятежа¹¹ в Каталонии и начала процесса перераспределения исполнительной власти в каталонском тылу, сотрудничество с ОСПК стало необходимым для защиты интересов НКИД в Испании, особенно в Каталонии. Если в остальной республиканской Испании ИКП считалась основным переговорщиком с советским полпредством, поскольку считалась коммунистической партией, верной приказам из Москвы, хотя это и не исключало отдельных случаев несогласия с указаниями Коминтерна¹², то в Каталонии эту роль должна была сыграть ОСПК, хотя поначалу руководство Коминтерна не выделила ее в официальную секцию, и испанские делегаты Коминтерна выражали беспокойство по поводу возникновения этой партии, которая была им неподконтрольна и, кроме того, по своей идеологии и структуре была далека от коммунизма¹³. В этих условиях в первую очередь нужно понять, как отреагировали находившиеся в Барселоне советские дипломаты на расхождения, свойственные ОСПК, на какой основе строились отношения между

---

¹⁰ Puigsech J. Entre Franco y Stalin. El difícil itinerario de los comunistas en Cataluña, 1936–1949. Mataró, 2009. P. 13–25.

¹¹ Военного мятежа, вспыхнувшего 19 июля 1936 г. (*прим. перев.*).

¹² Hernández Sánchez F. Guerra o Revolución: El Partido Comunista de España en la Guerra Civil. Barcelona, 2010. P. 472–473.

¹³ España traicionada. Stalin y la guerra civil... P. 52.

этими структурами и наконец, какое влияние эта партия оказала на планы НКИД в отношении Испании.

Свободные, но критические отношения с Объединенной партией

Исходной точкой в отношениях консульства с ОСПК было определение ее как естественного канала, во-первых, для получения информации о действиях Женералитета, поскольку она входила в структуру исполнительной власти автономии; и, во-вторых, для донесения до Женералитета своих соображений об организации тыла¹⁴.

Ставка на ОСПК была предсказуема. Консульство воспроизводило модель, по которой действовало советское полпредство в Мадриде в отношениях с КПИ. Ошибочно определив ОСПК как коммунистическую партию, консульство поставило ее наравне с КПИ. Трудно понять причины, которые заставили делегацию НКИД в Барселоне совершить такую большую ошибку. Разумеется, такая характеристика позволяла обойти необходимость объяснять Максиму Литвинову и Николаю Крестинскому, а в конце концов, и Сталину, почему установлены тесные контакты с организацией, которая не является коммунистической ни в идеологическом, ни в структурном отношении. Кроме того, на это решение, вполне вероятно, повлиял тот факт, что в задачи представителей НКИД в Испании не входило определение степени и вида связи испанских партий с СССР, — эта сфера была отдана делегатам Коминтерна. И, в-третьих, следует также предположить, что глубоко просоветские позиции, которые публично отстаивала ОСПК, а также ее прокоммунистическая риторика немало способствовали тому, чтобы причислить ее к международному коммунистическому движению. В любом случае, нет никаких сомнений в том, что полпред Розенберг регулярно встречался с руководством КПИ и непосредственно участвовал в некоторых заседаниях Политбюро КПИ вместе с делегатом Коминтерна в Испании Андре Марти, а генеральный консул Антонов-Овсеенко тоже поддерживал непосредственные контакты с руководством ОСПК¹⁵. Тем не менее это не было совсем одним и тем же.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 11. Д. 71. П. 54.

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 206.

Во-первых, потому что военно-политические обстоятельства в Мадриде и Барселоне были разными. Во-вторых, потому что НКВД поручил Розенбергу и Антонову-Овсеенко разные задачи в отношении советского военного присутствия в республике. И в-третьих, поскольку если Антонов-Овсеенко пользовался авторитетом среди руководителей ОСПК и поддерживал с ними сердечные отношения, то в отношениях между Розенбергом и КПИ было все наоборот. Руководство КПИ в целом ряде случаев негативно отреагировало на вмешательство полпреда, в связи с чем следует отметить, с каким недоверием генеральный секретарь КПИ Хосе Диас отнесся к поддержке, оказанной полпредом заместителю министра обороны Хосе Асенсио, которого верхушка КПИ считала человеком неблагодарным, некомпетентным, саботажником и вражеским агентом¹⁶.

С другой стороны, говоря об отношениях, сложившихся между консульством и ОСПК, следует отметить, что было достигнуто гораздо большее взаимопонимание, чем существовало между делегатами Коминтерна и каталонской партией. Причиной послужило направление, в котором действовали эти органы. Консульство оказывало воздействие на политику ОСПК в тылу, и их позиции по важнейшим вопросам, в том числе по необходимости перераспределения исполнительной власти в тылу и развитию либерально-демократической модели, совпадали. Коминтерн же пытался влиять на идеологию партии, ее внутреннюю структуру и функционирование. И Викторю Кодовилья, и вслед за ним Андре Марти без колебаний считали появление ОСПК нелегитимным, отрицали ее одностороннее присоединение к Коминтерну, которое, естественно, не было признано руководством Коминтерна, и осуждали объединенный характер партии, не говоря уже о том, что они видели в ней признаки мелкобуржуазного национализма¹⁷.

Тем не менее, несмотря на различия в отношениях консульства и делегатов Коминтерна с ОСПК, оба контрагента каталонской партии неизбежно взаимодействовали друг с другом. Показательный эпизод произошел через несколько дней после прибытия консулов в Барселону. Героем его был Эрнэ Герё, особый делегат, которого руководство Коминтерна направило в Барселону в связи с ситуацией с ОСПК. Партия сформировалась в Каталонии, и присутствие особого делегата было единственно

¹⁶ Viñas Á. La soledad de la República... P. 239–255, 432–433.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 10а. Д. 209; Там же. Ф. 495. Оп. 74. Д. 206.

возможным способом превратить ее в коммунистическую организацию. Но Антонов-Овсеенко обвинил Герё в том, что тот не сообщил ему о соглашении, заключенном ОСПК, его профсоюзным центром, Всеобщим союзом трудящихся (ВСТ), НКТ, а также Федерацией анархистов Иберии (ФАИ) — другой каталонской анархистской организацией. Он считал, что делегат Коминтерна вмешался в сферу интересов консульства, то есть реорганизацию исполнительной власти в тылу, да еще совершил при этом оплошность. Антонов-Овсеенко полагал, что необходимо было замедлить публикацию текста соглашения в прессе. Решение анархистов ускорить публикацию оказалось инструментом шантажа республиканского правительства с целью вынудить анархистов войти в министерства, которые относились к центральной власти в Испании¹⁸.

В связи с этим нам следует определить, до какой степени эти люди дополняли друг друга или подчинялись друг другу в ходе работы в Барселоне. Нет свидетельств о других прямых столкновениях между ними, что заставляет думать, что после этого конфликта сферы деятельности обоих были ясно очерчены и каждый уважал границы полномочий другого. В любом случае, сосуществование члена советского дипломатического аппарата и делегата Коминтерна в республиканской Испании не было исключением в деятельности консульства. Дуэт Антонов-Овсеенко Герё дублировал параллельную деятельность полпредства и делегатов Коминтерна в республике, то есть Розенберга и Марти. Часть историков считают, что столкновение между Антоновым-Овсеенко и Герё привело к тому, что консул подчинился авторитету венгерского делегата. Герё превратился в представителя Москвы в Барселоне и с этого момента выполнял миссию по насаждению советской коммунистической модели в Каталонии, под маской желания защитить либерально-демократическую модель устройства Испании¹⁹. С другой стороны, есть историки, которые предпочитают рассматривать Герё, как и других делегатов Коминтерна в Испании, в качестве дипломатов, действовавших параллельно официальному дипломатическому корпусу и подчинявшихся интересам партии и правительства СССР. Эти дипломаты стремились к сохранению либерально-демократического устройства Испании, не намеревались советизировать страну, а хотели завоевать доверие Великобритании и Франции для создания союза

¹⁸ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 11. Д. 71. П. 54.

¹⁹ Payne S. Op. cit. P. 156–75.

против распространения фашизма в Европе, которое могло завершиться территориальной агрессией против СССР²⁰. Личные дневники консула заставляют нас склоняться ко второй версии. У Антонова-Овсеевко и Герё были разные миссии. Они совпадали только в том, что касалось поддержания активных отношений с ОСПК и, в меньшей степени, ситуации на фронте. Тем не менее консул считал ОСПК главным элементом в процессе восстановления исполнительной власти и порядка в тылу. В то же время Герё рассматривал ее как формацию, отклонившуюся от основного курса ортодоксальной коммунистической партии и неподконтрольную Москве и КПИ. Так что разница между ними и интересы обеих сторон вполне очевидны.

Согласие, царившее между консульством и ОСПК, не было само собой разумеющимся. С самого начала ОСПК являлась объектом целого ряда критических замечаний со стороны консула, которые продолжались в течение всего периода советского консульского присутствия в Барселоне. Речь шла не только о риторическом механизме самокритики, которого требовали московские начальники. Оно также удовлетворяло потребность в объективном и точном анализе расстановки политических сил в тылу для достижения политических целей, обозначенных для консульской миссии руководством НКВД²¹. Антонов-Овсеевко был весьма критически настроен по отношению к политической стратегии ОСПК, в первую очередь, в самом тылу и, кроме того, в отношениях с фронтом. Каталонская партия продемонстрировала явную слабость по сравнению с НКТ в ходе работы Женералитета, который был сформирован 6 сентября 1936 г. и в котором принимали участие обе организации: ОСПК имела два поста советников, а НКТ — три. Главное обвинение, которое было им предъявлено, заключалось в том, что и генеральный секретарь ОСПК Хуан Коморера²², и секретарь по организации Микель Вальдес поддались давлению НКТ, узаконив коллективизацию крупных предприятий Каталонии, проведенную анархистскими силами после начала Гражданской войны. Об этом свидетельствует декрет о коллективизации промышленных и торговых

²⁰ Viñas Á. La soledad de la República... P. 154.

²¹ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 11. Д. 71. П. 54.

²² Хуан (Жоан) Коморера-и-Солер (Хоан) — испанский (каталонский) политик левого направления, социалист, с 1931 г. — в ОСПК, с 1936 г. — Генеральный секретарь партии, с 1934 г. — депутат Женералитета. В 1949 г. исключен из КПИ. — *Прим. перев.*

предприятий, утвержденный Женералитатом 24 октября 1936 г. Это был явный удар по интересам консульства в пользу передела исполнительной власти в тылу на базе либерально-демократической модели. Другим объектом критики, связанным с неспособностью ОСПК выступить против гегемонии анархистов в каталанском рабочем движении и частично в тылу вообще, стала сфера военных действий. ОСПК обвиняли в неспособности остановить формирование модели военной организации в форме милиций²³, которую отстаивали анархисты, в отличие от модели регулярной армии, за которую высказывалась ОСПК и которую целиком подерживало консульство. В этом случае, как и в предыдущем, речь шла об ограничениях, с которыми сталкивалось намерение консульства перераспределить исполнительную власть в тылу на основе либерально-демократической модели.

Консул также жаловался на упрямство генерального секретаря ОСПК, которое затрудняло действия комитета по связям между НКТ и ВСТ, поскольку он был мало склонен к проявлению гибкости в отношениях с НКТ и ФАИ, что могло бы побудить их встать на сторону проекта обустройства тыла, предложенного ОСПК. Комореру призывали работать совместно с НКТ и ФАИ, чтобы усилить объединенный фронт ОСПК—ВСТ—НКТ—ФАИ в тылу под неусыпным контролем консульства. Антонову-Овсеенко не нравилось, что ОСПК и ВСТ препятствуют начавшемуся процессу сближения с анархистами. Он особенно высоко ценил сближение анархистов с ВСТ, поскольку благодаря ему он мог бы убедить их в необходимости поддерживать Женералитат, причем с позиций, далеких от призывов к пролетарской революции. С другой стороны, деятельность Комореры, который, не следует забывать, занимал в Женералитате пост советника по государственной службе, также мешала анархистам подчиняться последним приказам Женералитата, в том числе декрету о реорганизации муниципального управления, а также проекту по реорганизации работы военной промышленности в тылу²⁴.

С другой стороны, консульство без каких-либо проблем признавало также и определенные достоинства деятельности ОСПК в этой области. Оно выразило поддержку предложению последней по созданию дивизии для отправки на фронт, которая состояла как из членов ВСТ, так и из членов НКТ. Этот союз должен был превратиться в символ единства профсоюзов в тылу ради победы

---

²³ Ополчений. — *Прим. перев.*

²⁴ АВР РФ. Ф. 5. Оп. 11. Д. 71. П. 54.

на фронте и единства в действиях в тылу. Поэтому Антонов-Овсеенко без колебаний предложил сформировать такое соединение, тщательно отобрав 15 000 человек, снабдив их собственной униформой и советским оружием, присланным в Испанию. Консульство также поддерживало аргументы ОСПК в пользу создания тыловых комиссий, которые должны были разоружать вражеские элементы в исполнение предшествующих приказов Женералитата²⁵.

Однако оказав всю возможную поддержку политике ОСПК в тылу, консул захотел пойти дальше и затронул спорный вопрос. Сразу после встречи с советником Женералитата по внутренней безопасности Артеми Айгуадером он предложил конкретное решение, которое позволило бы гарантировать авторитет Женералитата и подчинение его власти всех политических сил и профсоюзов каталанского тыла. Консул рекомендовал ввести в действие политическую полицию, созданную по модели, которую использовал в СССР Наркомат внутренних дел (НКВД)²⁶. Эффективность этой модели не вызвала никаких сомнений и считалась полезной в качестве элемента убеждения и, естественно, принуждения радикальных секторов НКТ, замеченных в подрыве дисциплины в тылу, а также в неисполнении приказов, полученных от их собственного руководства и от советников Женералитата, в которых была представлена НКТ. Антонов-Овсеенко не выступал за организацию политической полиции с целью начала общего процесса политических репрессий против всех предполагаемых врагов в тылу по образцу СССР. Консул хотел появления инструмента, способного путем убеждения и принуждения гарантировать практическое выполнение мер, утвержденных Женералитатом, и с этого момента отслеживать политические силы и профсоюзы тыла, которые враждебно относились к этим мерам. В любом случае, все самые радикальные круги НКТ должны были попасть под гораздо более пристальный контроль как раз потому, что именно эта организация больше всех мешала установлению в тылу такого порядка, которого ожидало советское консульство.

Поэтому так же верно то, что предложение подобного рода отвечало принципам, господствующим в государстве, которое представлял консул, и предполагало применение принуждения и насилия. В СССР середины тридцатых годов службы внутренней

---

²⁵ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 11. Д. 71. П. 54.

²⁶ Там же.

безопасности были одним из основных столпов, поддерживавших существование государства. Не стоит также забывать, что НКВД действовал и в Республике, начиная с самого консульства и являясь дополнительным элементом давления на консула²⁷. Действительно, это был единственный эпизод в отношениях советского консульства с каталонскими властями, когда последние решительно отвергали предложения, исходившие от советской стороны. Они рассматривались как вмешательство (причем с тяжелыми потенциальными последствиями) в политическую ситуацию в тылу, поскольку такое вмешательство невозможно было бы ограничить какими-либо пределами. Антонов-Овсенко понял это именно таким образом и потому тут же отказался от подобной идеи. Предложение было абсолютно секретным. В случае, если бы оно стало достоянием общественного мнения или было сообщено политическим силам или профсоюзам тыла, то, вне сомнений, дало бы основания для обвинений консульства в стремлении превратить Каталонию, да и всю Испанскую Республику, в территорию, находящуюся под прямым контролем СССР.

Таким образом, политическая картина тыла начала приобретать оттенки, которые желал придать ей НКВД посредством своего консула. Во-первых, росло влияние консульства на ОСПК и ВСТ, благодаря чему консул мог оказывать все более существенное воздействие на движения и решения Женеалитата. Тем не менее в его пользу действовала также позиция другого важного игрока на поле каталанского тыла. Мы имеем в виду Компаньса²⁸, председателя Женеалитата и центральной фигуры в ЛРПК. Компаньс предвидел большие трудности с тем, чтобы заставить анархистов отступить от своих позиций ради полного вхождения в исполнительную власть и отказаться от концепции пролетарской революции. Стратегия Компаньса состояла в том, чтобы опереться, во-первых, на ВСТ и ОСПК, чтобы противостоять влиянию анархистов, а во-вторых, на консула, чтобы воспользоваться влиянием, которое он имеет на анархистов. Компаньс заручился полной поддержкой советского консульства, и Антонов-Овсенко без малейших колебаний предоставил ему

---

²⁷ Volodarsky B. El caso Orlov. Los servicios secretos soviéticos en la Guerra Civil Española. Barcelona, 2013. P. 120.

²⁸ Компаньс-и-Жовёр, Льюис (*исп.* Компанис-и-Ховер, Луис) (1882–1940) — каталонский политический деятель, умеренный националист, министр правительства Испании (1933), председатель Женеалитата (1933–1934, 1936–1940 (в том числе — в изгнании)).

эту поддержку. Кроме того, влияние анархистов в тылу и их максималистские позиции в отношении необходимости пролетарской революции, а также их первоначальное отвращение к власти и участию в Женералитате стали постепенно ослабевать. Частично (но только частично) эта тенденция объяснялась сближением ОСПК и особенно ВСТ с НКТ²⁹.

Согласие между консульством и ОСПК позволило последней на заседании Женералитата, состоявшемся 29 октября 1936 г., внести серию предложений, исходящих из консульства. Собравшиеся отвергли эти предложения. Но консул добился от ОСПК обещания, что она снова внесет их в ближайшем будущем. Речь шла о предложениях по усилению централизации и иерархии военной структуры, а также по реорганизации промышленности в тылу в соответствии с потребностями фронта. В первую очередь необходимо было создать Республиканский совет обороны, куда войдут Компаньс и советники по экономике (от НКТ), финансам (от ЛРПК), обороне (независимый советник, но при поддержке НКТ), труду и общественным работам (от ОСПК). Во-вторых, консул выступал за создание Военного совета, который должен будет заниматься планированием и согласованием действий на фронте, в которых принимают участие различные политические силы и профсоюзы тыла. В-третьих, в продолжение вышесказанного, необходимо было создать Военный институт для подготовки военных комиссаров, которые смогут преодолеть дезорганизацию, царившую в системе вооруженных формирований, и компенсировать нехватку кадров, имеющих военную подготовку. В-четвертых, предлагалось интенсифицировать промышленное производство в интересах фронта, так чтобы предприятия работали круглосуточно.

Роль ОСПК в продолжении и расширении курса на ослабление позиций анархистов в тылу получила поддержку консульства. Более того, единственная надежда консула на то, чтобы не дать части военных и анархистов помешать исполнению решений Женералитата, состояла в укреплении власти председателя Компаньса, которое могло произойти только при полной поддержке последнего и его партии со стороны ОСПК. Антонов-Овсенко объединился с Коморерой для реализации этой стратегии и договорился, что ОСПК перестанет соперничать с ЛРПК, чтобы, во-первых, привлечь мелкую буржуазию в качестве социальной базы и, во-вторых, передать партии Компаньса ведущую роль в политике. Антонов-Овсенко также выступал за разрыв отношений между

---

²⁹ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 11. Д. 71. П. 54.

НКТ-ФАИ и мощными профсоюзными и политическими организациями, которые могут их поддерживать. Первым примером стал Союз земледельцев (СЗ). Напомним, что этот крупный профсоюз, куда входили земледельцы, не имевшие собственности на землю, которую они обрабатывали, привлек интерес консульства именно в свете его сближения с НКТ в самом начале Гражданской войны. Но теперь консул был доволен, потому что ему удалось разрушить эту связь благодаря воздействию ОСПК на СЗ.

Несмотря на все достоинства, которые признавались за каталонской партией, ОСПК продолжала быть объектом критики, на сей раз на основе информации, переданной Антонову-Овсеевскому Ильей Эренбургом. Эренбург, который официально был корреспондентом советской газеты, узнал о ситуации в двух арагонских городах, Сесе и Мене, один из которых контролировали анархисты, а другой — ОСПК. Услышав о втором случае, он пришел к выводу, что члены каталонской партии оказались неспособны вовремя отреагировать на начало анархистских акций по коллективизации³⁰ в регионе. Они просто окаменели, не проявив способности к ответной реакции, а потом не смогли предотвратить акции по коллективизации в городах, где власть принадлежала анархистам. Они продемонстрировали неспособность высказаться так, чтобы убедить анархистов в нереальности коллективистской модели. Негодование еще более усиливалось от того, что все бойцы-анархисты, участвовавшие в процессе коллективизации, выказывали горячий энтузиазм в адрес СССР. Но члены ОСПК не смогли воспользоваться этой возможностью. Консул подтвердил все сообщения Эренбурга, и это стало новой причиной для критики в адрес каталонской партии³¹.

Пропагандистская и политическая кампания против инакомыслия в коммунизме

ОСПК также оказалась ключевым объектом для консульства во время международной кампании, начатой Сталиным против тех, кого он считал членами всемирного троцкистского движе-

---

³⁰ Коллективизация — система мер в рамках концепции коллективистского анархизма (анархо-коллективизма), полностью отрицающего право частной собственности. Активным сторонником идеи коллективизации являлся, в частности, М. А. Бакунин. — *Прим. перев.*

³¹ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 11. Д. 71. П. 54.

ния. В Испании советские руководители видели внешнего врага в лице ПОУМ³². Поэтому если раньше ОСПК была достойным партнером, если не покорным слугой консульства, передававшим в Женералитат предложения консула по поводу политической стабилизации в тылу, теперь она превратилась в партию, готовую по приказу из СССР начать публичную кампанию по дискредитации ПОУМ и добиться ее вытеснения из каталонской политики. Так внешний аспект, каковым являлся импорт анти-троцкистской риторики из Москвы, превратился в фактор, подчинивший партию консульству. И, наоборот, этого не произошло, когда речь шла о внутреннем вопросе — модели перестройки исполнительной власти в тылу и защите либерально-демократической модели. В конечном итоге, последний элемент был частью политического проекта, в рамках которого была учреждена ОСПК. А антитроцкизм не был принципиален для политического проекта ОСПК. Поэтому он был менее важен для членов партии и даже мог принести им определенные политические дивиденды: они могли ответить на критику, которой продолжали подвергать партию делегаты Коминтерна за объединенный, а не коммунистический характер партии.

Разногласия между представителями НКВД в Барселоне и представителями других коммунистических течений, существовавших в Каталонии, стали очевидны уже с момента появления консульства в Барселоне. Печатный орган ПОУМ, газета «Ла Баталла» подвергала резкой критике советское руководство и даже советских граждан еще до прибытия в Барселону дипломатической делегации³³. Советских руководителей представляли как касту, искажившую дух Октябрьской революции 1917 г. Поэтому во время первой встречи между Антоновым-Овсеемко и лидером ПОУМ Андреу Нином, состоявшейся в середине октября 1936 г. во время встречи первой партии советских продуктов питания, отправленных в Барселону на грузовом пароходе «Зырянин», консул просто проигнорировал Нина³⁴. Следующий шаг был сделан в начале ноября 1936 г. Консульство воспользовалось мероприятиями, организованными в Барселоне в честь 19-й годовщины Октябрьской революции, чтобы запретить участие в них представителей ПОУМ. Цель не была достигнута,

---

³² Шубин А. В. Указ. соч. С. 301; Puigsech J. Falsa leyenda del Kremlin. El consulado y la URSS en la Guerra Civil Española. Madrid, 2014. P. 155–163.

³³ La Batalla. 29.08.1936. No 24. P. 2–6.

³⁴ Diari de Barcelona. 18.10.1936. No. 245. P. 30–31.

но частичного успеха удалось добиться. Делегации ПОУМ было отведено последнее место в процессии, позади представителей всех прочих политических и профсоюзных организаций³⁵.

После этих двух эпизодов и после того как консульство установило хорошие отношения с ОСПК и добилось взаимопонимания с президентом Женералитата, оно без всякой пощады обрушилось на ПОУМ. Конечной целью было добиться вытеснения этой партии с каталонской политической арены. Для этого был задействован такой механизм, как диффамационная пропагандистская кампания. Партию, возглавляемую Нином, публично обвинили в троцкизме и, более того, в фашизме. Эта кампания разворачивалась в печатном органе, принадлежавшем ОСПК, — газете «Требалль». Так ОСПК превратилась в полезный инструмент для сведения счетов между представителями ортодоксального коммунистического движения, прибывшими из Москвы и коммунистами других направлений, существовавших в Каталонии. Первая статья была опубликована 26 ноября 1936 г.³⁶ «Требалль» заверял читателей, что международный фашизм и контрреволюционный троцкизм — это одно и то же явление, хотя последнее прячется под видом инфантильного и безосновательного революционаризма, но представляет опасность. Доказательством этого утверждения послужил недавний московский процесс. Группа, во главе которой стояли Григорий Зиновьев и Лев Каменев, публично созналась в троцкизме, в прямом сотрудничестве с гестапо, а также в неоднократном шпионаже и саботаже. Можно было быть уверенным, что это явление распространилось и на Испанию. Ведь фашизм, а значит, и троцкизм как его продолжение представляли общую угрозу для Коминтерна, СССР и Народного фронта на международном уровне, в котором Испания занимала не последнее место. ПОУМ в тексте не упоминалась, но ее название легко прочитывалось между строк.

Ответ ПОУМ последовал немедленно и в самой категоричной форме. «Требалль» назвали инструментом на службе советской бюрократии. «Ла Баталла» напрямую выступила против советского дипломатического представительства в республике. Авторы статьи публично объявили, что и консульство, и полпредство были инициаторами кампании по очернению ПОУМ, целью которой было добиться политического ostracism партии. Наконец, они выражали уверенность в том, что республика превратилась

³⁵ La Batalla. 07.11.1936. No. 84. P. 1–3.

³⁶ Treball. 26.11.1936. No. 110. P. 1.

в советскую колонию. Сталин воспользовался отправкой в Испанию материальной помощи, чтобы навязать ей политические нормы, наложить запреты и, в сущности, руководить политикой страны³⁷.

Эти заявления всколыхнули консульство. Это было уже слишком. Были выдвинуты именно те обвинения, которых Сталин не желал видеть ни в одном печатном органе и слышать ни от каких политических сил не только в Республике, но и в Европе вообще, по поводу советского присутствия в Испании. Поэтому консульство немедленно, в тот же день, составило и отправило заявление для печати, которое несколько газет опубликовало 28 ноября³⁸. Автором этого заявления был сам Антонов-Овсеенко. Консул воспользовался им, чтобы предъявить счет и другому комментарию, опубликованному в «Ла Баталла» несколькими днями ранее, в котором газета заверяла, что не является троцкистским печатным органом и Антонов-Овсеенко не сможет доказать противное никакими ее прошлыми публикациями³⁹. Консул расценил эти обвинения как клевету в продавшей мировой фашизму газете. Он утверждал, что советское дипломатическое представительство никоим образом не влияет на внешнюю и внутреннюю политику Республики. Консул выразил сожаление по поводу этих публикаций и предположил, что их целью является лишь ослабление Республики и содействие победе фашизма в Испании. Во-первых, они подрывали авторитет Жернелалитата (и Правительства Республики) на международном уровне. Во-вторых, были направлены на ослабление братской солидарности, существовавшей между народами СССР и Испанской республики. И в-третьих, они укрепляли бесконтрольные и безответственные группы и усиливали дезорганизацию и бойкот в тылу.

ПОУМ назвала жалкой и бесчестной уловкой попытки консула представить ее как врага СССР и союзника мирового фашизма. Она напомнила, что члены ПОУМ с первого дня сражались против повстанцев в Испании и в тылу, и на фронте и потеряли в этой борьбе множество лучших товарищей и целый ряд руководителей. Представители ПОУМ также напомнили, что они были первыми, кто осудил фашистскую коалицию Германии и Японии

---

³⁷ La Batalla. 27.11.1936. No. 101. P. 1.

³⁸ La Vanguardia. 28.11.1936. No. 22686. P. 2; Diari de Barcelona. 28.11.1936. No. 280. P. 5; La Humanitat. 28.11.1936. No. 1485. P. 1.

³⁹ La Batalla. 19.11.1936. No. 94. P. 1.

против Коминтерна, — намного раньше, чем это сделало консульство через прессу. Также они не забыли упомянуть, что, пока они сами с первого дня выступали за социалистическую революцию в республиканской Испании, представители НКИД в Барселоне (и в других частях Испании) оставались на стороне буржуазных демократических сил.

На этот раз публично ответить и заверить, что обвинения, брошенные газетой «Ла Баталла», не имеют под собой никакого основания и создают тяжелый инцидент на дипломатическом уровне, поручили Коморере. Он обвинил ПОУМ в том, что та играет на руку мировому фашизму⁴⁰.

Отступать было уже невозможно. Следующим шагом консульство стало добиваться исключения ПОУМ из нового Женералитата, сформированного 17 декабря 1936 г. Непосредственная поддержка ОСПК в провоцировании кризиса и косвенная поддержка президента Компаньса, который никак не реагировал на выступления против ПОУМ, стали ключевыми факторами, благодаря которым желание консула было удовлетворено⁴¹. Антонов-Овсеевко ясно дал понять своему московскому начальству, что план, разработанный им для ослабления ПОУМ, сработал безукоризненно благодаря ставке на ОСПК. Этой партии необходимо было укрепить отношения с консульством и оказать давление на Компаньса, чтобы добиться постоянного исключения ПОУМ из Женералитата. Правда, это не значило, что ОСПК была марионеткой в руках консульства, не способной разработать собственный политический проект для тыла и принимать независимые решения по поводу происходящего на фронте и в тылу. ОСПК имела собственную позицию по происходящему в тылу и на фронте, которая действительно во многом совпадала с позицией консульства, но это были две независимых структуры, пусть и со схожими программами. Тем не менее консульство могло влиять на ОСПК, а она на него — нет. Однако консульство не превратило партию Комореры в свой придаток... за исключением одного вопроса — политической маргинализации ПОУМ.

Добившись исключения ПОУМ из Женералитата, представители НКИД в Барселоне сосредоточились на укреплении единства действий основных политических и профсоюзных организаций тыла с целью восстановить полную власть Женералитата

---

⁴⁰ Tarradellas J. Crònica de la guerra civil a Catalunya. Vol. 1. Crònica diària de la Generalitat de Catalunya. Part. I. Barcelona, 2008. P. 490.

⁴¹ Шубин А. В. Указ. соч. С. 152–153.

и сделать интересы фронта приоритетными по сравнению с гипотетической революцией в тылу. Реализация этой задачи должна была привести к установлению твердой, признанной и уважаемой разными политическими силами и профсоюзами власти в тылу. Осью всей конструкции должна была стать ЛРПК. Консул принял серию конкретных мер для осуществления этого плана. И, как и следовало ожидать, ключевую роль в нем сыграла ОСПК. Представленный консулом список направлений действия не оставлял в этом никаких сомнений: 1) укрепить контакты консульства с руководством ОСПК, начиная с исправления самых слабых мест каталонской партии, то есть ее недостаточно твердого отношения к анархистам в тылу и к идее формирования регулярной армии, внутренней нестабильности, ошибочной тактики в отношении пропагандистской работы на фронте, а также неспособности мобилизовать все доступные ресурсы для фронта; 2) укрепить контакты между ВСТ и НКТ, превратив комиссию по сотрудничеству между двумя профсоюзами в исполнительный комитет, сделать совместные заседания более регулярными и, наконец, добиться эффективного влияния на ФАИ, чтобы та прекратила попытки не подчиняться власти и приказам Женералитета; 3) расширить влияние ОСПК в СЗ; 4) обнародовать предложения ОСПК и ВСТ по совместной деятельности с НКТ и ФАИ; 5) установить контакт между Женералитатом и правительством республики, чтобы положить конец постоянному напряжению и разногласиям, характерным для отношений между двумя этими органами власти с момента начала Гражданской войны. ОСПК с одной стороны и ИКП с другой должны были возглавить движение к этой цели⁴².

Однако планы, которые консульство связывало с ОСПК, вскоре столкнулись со сложной политической ситуацией, возникшей в Каталонии после образования нового Женералитета 17 декабря 1936 г. Исключение из правительства автономии ПОУМ не означало отсутствия моря других проблем. ФАИ и наиболее радикальные круги НКТ до такой степени тянули канат на себя, что в конце концов парализовали снабжение тыла продовольствием. Их профсоюзы в области пищевой промышленности, индустрии и транспорта, а также комитеты обороны и дальше отказывались выполнять указания Женералитета. Главными жертвами такого поведения стали городской порт, продуктовый и рыбный рынки: они остались без снабжения и организации. Результатом стало

---

⁴² АВП РФ. Ф. 5. Оп. 11. Д. 71. П. 54.

политическое напряжение между ОСПК и ЛРПК с одной стороны, и экстремистскими кругами НКТ с другой. Лучшим примером могут служить отношения между Советом по экономике, который возглавлял Абад де Сантильян⁴³, и Советом по снабжению, находившимся под контролем Комореры⁴⁴.

Консульство упрекало ОСПК, считая ее частично виновной в сложившейся ситуации. Партии Комореры не удалось добиться ведущего положения в тылу, чего требовал от нее Антонов-Овсеенко. По версии консульства, это объяснялось тем, что умеренные круги НКТ отошли к экстремистским позициям и возродили уже забытые призывы к пролетарской революции и присоединению к ПОУМ. Кроме того, в печатном органе НКТ публиковали критические выступления против правительств Женералитета и республики, их называли правительствами, служащими мелкой буржуазии, а также печатали прокламации, призывающие к пролетарской революции и коллективизации. И как будто этого было мало, устраивали собрания, на которые НКТ приглашала представителей ПОУМ и одновременно не допускала присутствие членов ОСКТ. Все это сопровождалось началом активной кампании, которую ПОУМ в своей газете развязала против ОСПК. В результате всего этого начался ожесточенный конфликт между руководителями НКТ и ОСПК, который беспокоил консула, тем более что в середине октября 1936 г. он уже докладывал о существовании этой проблемы своему московскому начальству⁴⁵. Но теперь ситуация зашла слишком далеко. Во время собрания, организованного Советником по внутренней безопасности для обсуждения объединенного плана действий в отношении безопасности в тылу, руководитель НКТ Аурелио Фернандес приставил пистолет к виску Комиссара по общественному порядку Женералитета, одному из лидеров ОСПК Эусебио Родригесу Саласу. Комиссару по общественному порядку Айгуадеру пришлось выхватить собственный револьвер и направить его на Аурелио Фернандеса, пока тот не согласился убрать свой пистолет от виска Родригеса Саласа. Продолжения у этого эпизода не было, но он хорошо показывает существовавшее напряжение.

⁴³ Диего Абад де Сантильян (настоящее имя — Синесио Баудилио Гарсия Фернандес) (1897–1983) — видный деятель испанского и аргентинского анархо-синдикалистского движения, в 1930-е гг. — активный член ФАИ, с декабря 1936 по апрель 1937 г. — член Женералитета, занимал пост советника по экономике. — *Прим. перев.*

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 11. Д. 71. П. 54.

⁴⁵ Schauff F. Op. cit. P. 317–318.

И как будто этого было недостаточно, ЛРПК в ответ на оскорбление, нанесенное ОСПК ее военному крылу, сблизилась с НКТ. Партия Компаньса с подозрением относилась к тому, что ОСПК в последнее время укрепилась, и в ответ стала тяготеть к противовесу в лице НКТ. Для Антонова-Овсеевко эта ситуация представляла тяжелейшую угрозу стабильности Женеералитата. Компаньс признавал, что НКТ завоевала доверие и поддержку ЛРПК. НКТ обвиняла ОСПК в пренебрежении каталонскими интересами и подчинении власти Валенсии и Мадрида в ущерб Барселоне. Консул считал, что нежелательное поведение председателя правительства республики по отношению к Каталонии придавало основание утверждениям НКТ и, прежде всего, нарушало договор между республиканским правительством и Каталонией. Так что ОСПК не добилаь такого уровня роста, какого требовал от нее консул, и не смогла предпринять практические меры, которые бы эффективно сдерживали НКТ, изолировали ее от членов ФАИ и, самое главное, от экстремистских кругов в самой НКТ⁴⁶.

В такой политической ситуации не было ничего удивительного в том, что в апреле 1937 г. разразились два политических кризиса. Первый завершился образованием нового Женеералитата 4 апреля 1937 г. Второй — еще одного правительства, которое начало работу 17 апреля 1937 г. В обоих случаях ключевую роль Антонов-Овсеевко отводил ОСПК и Компаньсу. Консул высоко ценил способность главы Женеералитата брать командование в руки в критических условиях. Его авторитетность, граничившая с авторитаризмом, и способность принимать решения были особенно важны для разрешения кризиса. Но и Компаньс принимал во внимание неоценимую помощь ОСПК. Консул хвалил поведение партии Комореры, которая заняла позицию лояльности по отношению к президенту Женеералитата. Поддержка, которую ощутил Компаньс с этого момента, с одобрения консула, привела к тому, что правительство, сформированное 4 апреля, в котором у НКТ и ЛРПК было по два совета и еще по одному у ОСПК и СЗ, признало себя мертвым. Антонов-Овсеевко был убежден, что правительство, сформированное 17 апреля 1937 г., сможет добиться политической стабилизации, столь необходимой тылу. Первым фактором, на котором основывалась эта надежда, был рост авторитета Компаньса после первого правительственного кризиса апреля 1937 г. Вторым фактором стала центральная

---

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 131. П. 50.

роль, которую сыграла ОСПК, хотя и из тени, в стабилизации кризиса, отказавшись позволить ПОУМ стать частью нового правительства, куда вошли ЛРПК, НКТ, ВСТ и ОСПК⁴⁷.

Однако очень быстро оказалось, что надежды консула на новое правительство не оправдались. Антонову-Овсеенко пришлось признаться руководству НКИД, что новое правительство далеко от единства по трем причинам: отсутствие конкретной программы действий; напряженность между НКТ и ОСПК по поводу контроля над Советом по обороне; и нож, который вонзило в спину Женералитата республиканское правительство. В этих условиях консул надеялся на ОСПК как на спасательный круг. Надежда зиждилась на постоянном росте числа бойцов, а также на устойчивой позиции, которую партия завоевала в Женералитете, а также в новом правительстве, где ей косвенно, через ВСТ, принадлежали три совета (один из них возглавлял Коморера). Антонов-Овсеенко верил в способность Комореры мобилизовать бойцов как из мелкобуржуазной среды, так и из числа самых радикальных рабочих, которые в тот момент идентифицировали себя с ФАИ. ОСПК также была партией, оказавшей самое большое сопротивление в момент нарушения республиканским правительством обязательств перед Каталонией в отношении военных ресурсов, поставляемых Каталонией, финансирования каталонской автономии и в то же время отношения к Каталонии как к одному из регионов республики, не признавая ее автономный статус.

События мая 1937 года

Конфликт, разразившийся в республиканском тылу в начале мая 1937 г., стал водоразделом в политической истории тыла. Эпицентр этого конфликта находился в Барселоне, а волны его распространились по всей территории Каталонии. Блок, состоявший из НКТ—ФАИ—ПОУМ, противостоял блоку ЛРПК—ОСПК—ВСТ—СЗ—Женералитат. Представители НКТ—ФАИ—ПОУМ заняли барселонскую телефонную станцию, и это событие стало детонатором вооруженного столкновения, когда боевики отказались покупать здание, находившееся под контролем Женералитата. Споры о гегемонии и контроле над политической властью в тылу усугубляли различия, существовавшие в представлениях

---

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 131. П. 50.

различных групп о социально-политической модели, которую следовало реализовывать в тылу, а также о том, каким приоритетом должны пользоваться интересы фронта. Политическая вражда, в латентном виде существовавшая еще до начала Гражданской войны, а также персональные разногласия сделали все остальное. Конечным результатом, среди прочего, стал разгром блока, образованного НКТ—ФАИ—ПОУМ и объединившегося против вторжения сил правопорядка, посланных из Валенсии, новой столицы республики, которые позволили правительству республики вернуть себе немалую часть политических полномочий, которые Женералитат в одностороннем порядке присвоил себе после начала Гражданской войны⁴⁸. Этот результат не имел ничего общего ни с идеей советизации Каталонии, ни с аналогичной идеей в масштабе всей Республики, о чем утверждают некоторые исследователи, рассматривающие майские события как термидор революционного процесса и начало испанской «народной демократии»⁴⁹.

ОСПК сыграла активную роль в реакции на действия, предпринятые блоком НКТ—ФАИ—ПОУМ. Помощь консульства состояла только в том, что консул выразил горячую поддержку партии Комореры. Одновременно оно резко осудило ПОУМ и самые левые круги НКТ, которых обвинило в подготовке государственного переворота⁵⁰. Их называли виновными в стычках, а ОСПК представили как партию-спасительницу. Антонов-Овсенко не скупился на похвалы в адрес ОСПК, действия которой он называл полными энергии, внутренней сплоченности и организации. Категоричность этих слов подтверждалась рядом аргументов. Во-первых, ОСПК предоставила оружие для отражения попытки государственного переворота, а именно 2000 пистолетов, 1000 винтовок, 50 ручных пулеметов и 20 станковых. Кроме того, ее казармы «Карл Маркс» и «Климент Ворошилов» оказывали эффективное сопротивление и немало помогли вооруженным формированиям Женералитата. Во-вторых, ей удалось минимизировать жертвы, потеряв всего 18 человек убитыми и 80 ранеными, если не считать смерти генерального секретаря ВСТ Антонио Сесе, которого кон-

⁴⁸ Gallego F. Barcelona, mayo 1937: la crisis del antifascismo en Cataluña. Barcelona, 2007; Guillamón A. Barricadas en Barcelona: la CNT de la victoria de julio de 1936 a la necesaria derrota de mayo de 1937. 2007. P. 139–203; Viñas A. El escudo de la República. P. 487–548.

⁴⁹ Шубин А. В. Указ. Соч. С. 410–415.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 131. П. 50.

сул назвал «великим большевиком». В-третьих, они с первого дня противостояли ПОУМ, поддержав захват редакции «Ла Баталла» и ведя пропагандистскую работу среди руководителей НКТ, убеждая их размежеваться с ПОУМ. В-четвертых, она сохраняла твердость и не поддавалась заговорщикам и хитростям, на которые они шли, чтобы организовать переворот. Особенно Антонов-Овсеев ценил сознательность, проявленную ОСПК в поддержании вооруженной обороны против заговорщиков до прихода подкрепления от правительства республики — тем самым она помешала неэкстремистским кругам НКТ присоединиться к восстанию.

Завершая свои соображения о майских событиях, Антонов-Овсеев выразил уверенность, что ОСПК и те, кого консульство ассоциировало с ней, обязательно превратятся в главную политическую силу тыла. Настал момент всеми возможными способами помочь ей превратиться в настоящую партию, располагающую как надежными кадрами, так и общественным влиянием и политической гегемонией. Но этой цели можно было добиться, только выполнив ряд условий. Консул требовал, чтобы партия Комореры создала надежное руководство, не ослепленное победой, одержанной на этих фронтах, и озлобленностью, охватившей некоторых рядовых членов. Антонов-Овсеев призвал ОСПК также серьезно развить процесс объединения и даже взаимного растворения ВСТ и НКТ.

Тем не менее если действия ОСПК во время конфликта Антонов-Овсеев оценивал положительно, то о ее военно-политической стратегии он отзывался по-иному. В первом случае, по его мнению, ОСПК проявила большое мужество, упорство и настойчивость. Однако он указал на ошибки, совершенные на военном уровне, из-за чего не были задействованы ни достаточные средства, ни подготовленные кадры, которые позволили бы твердо и эффективно противостоять анархистам-троцкистам. Прямую ответственность за это консул возложил на Рафаэля Видиелью, крупного профсоюзного лидера партии; Фелипе Гарсию Матаса, профсоюзного секретаря ОСПК и члена ЦК; Виктора Коломера, еще одного крупного партийного деятеля; Комореру и Герё. Упоминание делегата Коминтерна еще раз указывало, что отношения между главой делегации НКИД в Барселоне и представителем Коминтерна были не из лучших⁵¹.

Майские события 1937 г. обусловили появление на сцене нового персонажа. Алексей Страхов, секретарь консульства, не ме-

---

⁵¹ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 131. П. 50.

нее влиятельный, чем сам консул, также проанализировал роль ОСПК в майских событиях. Его выступление было естественным результатом действий, предпринятых Сталиным в Москве несколькими месяцами ранее, а именно в феврале 1937 г. Розенберга на посту советского полпреда в Испании сменил Леонид Гайкис. Антонов-Овсеенко тоже уже был приговорен, хотя его отозвали из Испании только в сентябре 1937 г.⁵²

Итак, Страхов уже начал действовать в качестве неофициального преемника Антонова-Овсеенко. Он тоже считал ОСПК, а также ИКП жертвой заговора различных республиканских партий и профсоюзов. Однако в остальном он воспринимал ситуацию иначе — в двух отношениях. Прежде всего, тыл двигался к неизбежному взрыву и повторению майских событий. Кроме того, власть Женералитета была крайне неустойчива, и Компаньес уже выражал желание уйти в отставку. Новый заговор, по мнению Страхова, готовился в тайном союзе, созданном 9 сентября 1937 г. представителями ЛРПК и НКТ—ФАИ. Хайме Миравитлес, комиссар Женералитета по пропаганде, поддерживавший тесные отношения с Антоновым-Овсеенко, считался его вдохновителем, а значит, с этого момента консульство не могло относиться к нему положительно. Заключение союза рассматривалось как следующий шаг в подготовке заговора, который имел явно общегосударственный характер. Те и другие заговорщики якобы договорились объединить усилия, чтобы нанести удар ОСПК и ИКП. Конечной их целью было добиться исключения обеих партий из учреждений исполнительной власти в тылу, то есть вывести ОСПК из состава Женералитета, а КПИ — из правительства республики⁵³.

Это было последним действием консульства, связанным с коммунистическим движением в Каталонии. Переезд основной части республиканского аппарата в Барселону и размещение в каталонской столице новой столицы Испанской республики⁵⁴ предполагало и переезд советского полпредства. С этого момента полпредство и консульство делили одно и то же здание, расположенное в верхней части города. И хотя номинально обе структуры продолжали существовать как отдельные, в реальности полпредство присвоило себе все полномочия по дипломатическому представительству

⁵² Archivo Histórico Nacional. Diverso P. Marcelino Pascua. Caso 2. Legajo 6.

⁵³ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 131. Л. 50.

⁵⁴ Martín Ramos J. L. Territori capital. La guerra civil a Catalunya, 1937–1939. Barcelona, 2015. P. 279–293.

СССР в Испании. Разумеется, ничего хорошего от этого не произошло. Отзыв Гайкиса и его неофициальная замена на Сергея Марченко, а также постепенное снижение объема советской военной помощи Республике низвели советское дипломатическое присутствие в Испании до минимального уровня⁵⁵.

Заключение

В любом случае, анализируя траекторию взаимодействия консульства с коммунистическим движением в Каталонии во время Гражданской войны, мы можем утверждать, что его отношения с ОСПК были необычными. Они были далеки от тех отношений, которые поддерживало советское полпредство в Мадриде, а затем в Валенсии и Барселоне с КПИ. Если последняя была обычной коммунистической партией, послушно выполнявшей указания Москвы, то связь консульства и ОСПК невозможно рассматривать на том же уровне. Во-первых, ОСПК была не коммунистической партией в строгом смысле слова, а партией объединенной. Во-вторых, политический контекст в Каталонии не во всем совпадал с политическим контекстом, существовавшим в республиканской Испании в целом, поскольку там имелось автономное правительство; кроме того, на каталонской сцене действовала ПОУМ; там же располагалась и главная цитадель анархистов, что создавало ситуацию, принципиально отличавшуюся от той, в которой существовали полпредство и КПИ.

Консульство совершило грубую аналитическую ошибку, посчитав ОСПК коммунистическим образованием как в организационном, так и в идеологическом смысле. Исходя из этой посылки, оно считало ОСПК своим верным союзником в деле перераспределения власти в тылу. Через ОСПК оно передавало свои предложения в Женералитат, разделяя с этой партией план реорганизации обороны и исполнительной власти в тылу по либерально-демократической модели. В этом их планы совпадали, что и стало ключевой точкой схождения. Совпадали и их краткосрочные политические проекты для республиканской Испании, как это было и с КПИ и советским полпредством в Испании. Но, в отличие от двух последних, отношения между консульством и ОСПК всегда сопровождались резкой критикой, которой консульство подвергало каталонскую партию, во-первых, за по-

---

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 85. П. 144.

литическое взаимодействие ее Генерального секретаря с анархистами; во-вторых, за сектантскую позицию, которой придерживалась ОСПК в той части арагонского фронта, который находился под ее контролем; и в-третьих, за неспособность ОСПК добиться проведения Женералитатом тех мер, которые консульство считало необходимым провести для достижения политической гегемонии в тылу, к которой ОСПК стремилась, но так никогда ее и не добилась.

В конечном итоге, между советским консульством в Барселоне и каталонским коммунистическим движением сложились прочные контакты. Стороны достигли высокого уровня взаимопонимания. Вместе с тем налицо были и разногласия, во многом объяснявшиеся влиянием местных каталонских реалий, противоречивших советским проектам в масштабах всего испанского государства. В этом смысле следует констатировать, что советское вмешательство в Гражданскую войну в Испании не носило монолитного характера и не исключало способности реагировать на непредвиденные изменения ситуации. И хотя оно не решило всех ранее поставленных задач, однако значительная часть целей была достигнута. Об этом в полной мере свидетельствует политическая линия, проводившаяся Антоновым-Овсеенко и, в меньшей степени, Страховым в период их пребывания во главе советского консульства в Барселоне.

Перевод с испанского Л. В. Черниной

В. Я. КОЧИК

МАНФРЕД ШТЕРН, САМЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ ИЗ ВСЕХ ВОЛОКСКИХ ШТЕРНОВ

Как и у многих других разведчиков и деятелей Коминтерна, у этого человека было много имен и псевдонимов. В Германии, Австрии, США, Китае и Испании — в каждой стране новые документы и клички. А на страницах партийной печати он публиковал военно-политические статьи за подписью М. Фред. Его настоящее имя — Манфред Штерн.

Манфред Штерн (Манфред Сальманович Стерн) родился 20 января 1896 года в деревне Волока Вашковского уезда Северной Буковины, расположенной тогда на территории Австро-Венгрии (сейчас на Украине). Он был вторым сыном в многодетной семье бедного крестьянина Сальмана Штерна, всего их было двенадцать. Тем не менее Манфреду удалось окончить начальную школу в родном селе и 1-ю государственную гимназию в Черновцах (1905–1914), а затем с помощью старшего брата Филиппа, который был адвокатом, смог поступить в Венский университет, где некоторое время изучал медицину.

Когда началась Первая мировая война, Манфред добровольно пошел на фронт в австро-венгерскую армию, служил в 41-м и 95-м пехотных полках, был вольноопределяющимся и унтер-офицером санитарной службы. По окончании офицерской школы в Надьмароше (Венгрия), ему присвоено звание прапорщика с назначением на должность командира взвода. Воевать, и вполне успешно, Манфреду выпало на Русском фронте, «за боевые

заслуги» на полях сражений он получил «два отличия»¹. В июне 1916 года, во время наступления русской армии на Юго-Западном фронте, он попал в плен, откуда ему удалось бежать. Вновь он был захвачен русскими в конце того же года и отправлен в Россию. Находился в Чистопольском (1916–1917), Троицкосавском и Березовском (1917–1918) лагерях для военнопленных.

В Сибири Манфред валил лес, строил бараки, батрачил у богачей, некоторое время работал на Петровском заводе учителем немецкого языка. В архивных документах сказано, что именно в тех краях он примкнул к революционному движению и вел работу среди военнопленных, был членом немецкой секции РКП (б) в Березовском лагере. В июне 1918 года он вступил в Интернациональный отряд бывших военнопленных, сражавшийся на стороне красных против Чехословацкого корпуса и войск Белой Армии. В одном из сражений Манфред попал в плен к врагам и был заключен в Иннокентьевский концлагерь, откуда был освобожден во время восстания против колчаковцев в Иркутске в декабре 1919 года. И сразу же включился в боевые действия на стороне красных как боец второй роты запасного полка «повстанческого войска», затем как командир взвода, роты (декабрь 1919 — январь 1920). В составе НРА ДВР был командиром 13-го Ингодинского полка, комиссаром Чикойского партизанского отряда, под Читой его ранили, но после выздоровления он вернулся на фронт в свой полк, где был принят в члены ВКП (б) в апреле 1920-го. На Восточном фронте гражданской войны воевал с войсками А. В. Колчака, отрядами Г. М. Семенова, с частями японских оккупантов. По списку большевиков избирался депутатом Учредительного собрания ДВР (январь 1921), но долго заседать в парламенте ему не пришлось, его назначили командиром Сводного отряда, который принимал участие в походе на р. Керулен (Монголия), воевал с отрядами Р. Ф. Унгерна. Позже Штерн командовал батальоном Ингодинского полка 5-й армии НРА, возглавлял Мензо-Акшинский пограничный район в Восточной Даурии, что на границе с Монголией (январь 1920 — март 1921)².

«В 1921 г., по мобилизации иностранцев для заграничной работы, в связи с мартовскими событиями в Германии, был направлен Сиббюро в Москву, но как опоздавший на заграничную работу не поехал»³, до столицы ему удалось добраться лишь в мае. Зани-

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 156. Л. 101.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 187. Д. 2690. Л. 18–19.

³ Там же. Имеется в виду мартовское восстание 1921 г. в Средней Германии.

мался в немецкой совпартшколе при Свердловском коммунистическом университете в Москве, а в сентябре 1921 — августе 1923-го М. С. Стерн (так его величали в документах того времени) учился с перерывами в Военной академии РККА. Был отчислен из Академии с 18.08.1923 и «убыл в распоряжение члена РВС СССР т. Уншлихта» (приказ по Военной академии РККА № 226 от 19.08.1923, §9).

Теперь его путь лежал в Германию, на сей раз он находился в Москве и потому смог принять участие в событиях, вошедших в историю под названием «Германский Октябрь». Когда шел отбор кандидатов для специальной германской командировки («комсостав, знающий немецкий язык»), Манфреду в Академии дали положительную характеристику: «Общее развитие хорошее... Политически развит, может выполнять агитационную работу. Интересуется партвопросами. Партработу выполняет добросовестно, хотя не активно. К занятиям относится серьезно. Успеваемость средняя. Интересуется военным делом и принимает активное участие в обсуждении военных вопросов. Настойчив, усидчив, общителен. Прекрасно говорит по-немецки, английски, французски... По мнению военного комиссара академии, может быть начальником штаба стрелковой дивизии»⁴.

При этом нужно отметить, что в первой половине 1920-х годов слушателей Военной академии РККА (затем Военной академии им. М. В. Фрунзе) нередко отрывали от занятий по многим причинам:

- для работы в центральных управлениях военного ведомства, в Разведупре, например, «академики» участвовали (в начале 1920-х гг.) в создании серии справочников «Материалы стратегической разведки»;

- для участия в боевых действиях на территории страны, например, в марте 1921 года группа слушателей участвовала в подавлении Кронштадтского мятежа;

- для зарубежной работы по легальной и нелегальной линии в Польше, Турции, Персии (Иране), Афганистане и других странах;

- для работы в качестве советников в период восстаний и боевых действий в Германии, Эстонии, Китае;

- для чтения лекций по военным вопросам, например о борьбе с бандитизмом;

---

⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 681. Л. 319 об.

— для участия в хозяйственной деятельности Академии, они занимались, например, заготовкой дров, доставкой в Москву раздобытых где-то книг для библиотеки или постельного белья для слушателей.

По прибытии в Германию Манфред Штерн был назначен военным советником штаба знаменитого Гамбургского восстания, происходившего 20–25 октября 1923 года. Политическим руководителем выступления рабочих города был Эрнст Тельман. Как писал после подавления восстания один из полицейских чинов, «события свидетельствуют о том, что повстанческое движение в Гамбурге готовилось планомерно и издавна. Несмотря на это, оно не было известно полиции и вспыхнуло совершенно неожиданно»⁵. Наряду с этим Штерн выполнял задания советской военной разведки, участвовал в подготовке военно-политических кадров. На его работу в этом качестве обратил внимание советский военный советник при Компартии Германии «Нейберг»⁶ в письме к «Бронеку»⁷, которое было отправлено из Берлина в Москву 10.04.1925: «[Военно-политическая школа КПГ] крайне нужна, но следовало бы изменить немного программу. Так как Штерн в свое время проводил занятия — это, по-моему, не совсем целесообразно. Он уделял все внимание конечным задачам партии, а весьма мало заботился о задачах в период подготовки еще задолго до восстания. Это — недостаток, и необходимо было бы его устранить»⁸.

Впоследствии он продолжал работу в военной организации КПГ в качестве военного советника, как в ЦК в Берлине, так

⁵ Давидович Д. С. Гамбург на баррикадах. М., 1985. С.129.

⁶ Возможно А. Ю. Гайлис (1895–1937). Латыш. Из рабочих. Комбриг (24.01.1936). Окончил гимназию, Военную академию РККА (1920–1923). Служил в «царской» армии (1915–1918), участник 1-й мировой войны. Унтер-офицер. Был награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й ст., Георгиевской медалью 4-й ст. Участник гражданской войны на Восточном и Южном фронтах. Сотрудник военной разведки (1923–1937). Награжден орденом Красного Знамени (1928), двумя золотыми часами (15-я армия, ОКДВА), наградным оружием — шашкой (ОКДВА). Репрессирован 26.07.1937. Реабилитирован 01.06.1957.

⁷ Руководитель Военного бюро при ЦК РКП(б) Б. Б. Бортновский (1894–1937). Поляк. Из семьи чиновника. Участник революционного движения в России. Сотрудник ВЧК (1918–1919, 1921–1922). В военной разведке на Западном фронте (1920–1921), резидент в Берлине, Германия (1922–1924), на руководящей работе в РУ штаба РККА (1924–1929), в ИККИ (1929–1937). Награжден орденом Красного Знамени (1928). Репрессирован в июне 1937. Реабилитирован в 1955.

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 25. Д. 94.

и на местах. В тот период всю работу этого «М-аппарата» вела Техническая комиссия (Теко), в состав которой входили руководители различных направлений деятельности этого аппарата: политический, военно-политический, разведки, разложения, связи и сообщений, по вооружению. Кроме того, в состав Теко входили два представителя комсомола. Наездами Манфред бывал в СССР, но на завершение учебы в академии времени у него не оставалось, и потому 1 августа 1924 года он был отчислен с последнего — дополнительного курса. В мае 1924 г., во время одной из своих побывок в Москве, он давал разъяснения по поводу ситуации, сложившейся в военном аппарате Германской компартии в связи с деятельностью «террористической группы» (руководитель «Ганс» — Феликс Нейман, правильное Нойманн, ставший предателем), группа входила в состав «М-аппарата» КПП (руководитель «Гельмут», он же «Володька» и др. — Вольдемар Розе⁹).

Манфред Штерн писал: «Когда я был вызван из обер-бецирка в Берлин в конце января [1924 г.] для замещения в штабе одного заболевшего товарища, террористическая группа Неймана уже существовала, и дело покушения на Рауша уже состоялось. Судя по поведению тов. Гельмута, по отношению к террористической группе Ганса, можно было заключить, что дело приняло такой оборот, при котором Гельмут уже ничего не мог поделать. Частые истребования денег со стороны Ганса, казалось, побуждали его к решению бросить все это предприятие. Почему это решение не было своевременно приведено в исполнение, было мне непонятно, т. к. я не знал тогда об имевшем место обсуждении вопроса между Гансом (Феликсом Нейманом) и Гельмутом, в присутствии Брандлера, при котором дело дошло до драки. Теперь, когда мне известно об этом инциденте, хотя и не в подроб-

---

⁹ Вольдемар Розе (1897–1939). Латыш. Из рабочих. Комдив (26.11.1936). Окончил Гатчинскую школу прапорщиков (1917), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1919–1922 с перерывами, 1929–1930). Служил в «царской» армии (1915–1918). Прапорщик. Участник гражданской войны на Западном фронте. Нелегальный резидент РУ штаба РККА в Германии и руководитель военной организации КПП (декабрь 1922 — апрель 1924), был арестован в апреле того же года, осужден судом в Лейпциге по делу «Германской ЧК» на смертную казнь (25.04.1925), с заменой её впоследствии на тюремное заключение, затем был помилован (август 1926) и в сентябре того же года попал в СССР в результате обмена заключенными. На различных постах в РККА и Главном управлении гражданского воздушного флота (апрель 1934 — октябрь 1937). Награжден двумя орденами Красного Знамени (1920, 1927), Почетным Революционным оружием (1921), золотыми часами. Репрессирован 02.03.1938. Реабилитирован 19.05.1964.

ностях, я считаю возможным заключить, что Гельмут находился под некоторым моральным влиянием со стороны Ганса (Феликса Неймана) ...О личности Феликса Неймана: прямых сомнений в его применимости и надежности тогда ни у кого из товарищей не возникало, по крайней [мере] таковых никто не высказывал. Но жизнь «на широкую ногу» Феликса Неймана и его со товарищей неоднократно побуждала товарищей в Мариендорфе и Темпельгофе к отрицательному о нем отзыве. То обстоятельство, что он крайне резко противился попытке Гельмута освободить его от обязанностей, причем дело дошло до рукопашной, может служить доказательством, что он уже тогда был сознательным провокатором и не хотел уходить из аппарата раньше, чем ему удалось скомпрометировать ГКП»¹⁰.

Окончательно вернувшись в СССР, Манфред, который числился сотрудником резерва 2-го (агентурного) отдела Разведупра штаба РККА, был назначен в январе 1925 года помощником начальника 3-й (военно-политической) части 3-го (информационно-статистического) отдела Разведупра. Одновременно он помощник начальника Особых курсов (школы) ИККИ (1924–1925), на которых готовили зарубежных коммунистов для работы в специальных (военных) подразделениях компартий. Проработав на этих должностях до марта 1925 г., он вновь был принят на 3-й курс Военной академии РККА и, наконец, окончил ее в июле того же года. Как и положено в таких случаях, его отправили на стажировку по должности начальника штаба 250-го стрелкового полка 84-й стрелковой дивизии, расквартированной в г. Белев. Пройдя курс практической подготовки, Штерн служил некоторое время в политотделе той же дивизии (август 1925 — октябрь 1927).

В 1927 году Манфред Сальманович попытался продолжить обучение в Военной академии им. М. В. Фрунзе, на ее Восточном факультете, но ему отказали «ввиду наличия достаточного образования и знания иностранных языков»¹¹. Видимо это следует понимать так — ВАФ уже ничего не могла ему дать, а Академии Генерального штаба в Красной Армии еще не существовало. Службу в войсках он продолжал в должности начальника штаба 2-го стрелкового полка Московской Пролетарской стрелковой дивизии, был помощником военного руководителя Московского высшего технического училища, начальником учебно-лабораторной части Военной академии им. М. В. Фрунзе (октябрь 1927 — декабрь 1929).

¹⁰ Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 482–483.

¹¹ РГВА. Ф. 37837. Оп. 21. Д. 286. Л. 265.

В распоряжение IV управления штаба РККА он поступил в декабре 1929-го, и уже вскоре руководство военной разведки направляет Штерна нелегальным резидентом в США. На американский континент он прибыл в 1930 году с документами на имя Марка Зильберта. Основным направлением его деятельности была военно-техническая разведка, которая опиралась на немалую сеть источников и агентов. Позднее Манфред рассказывал сыну, что приобрел у кого-то в американской армии... танк, который разобрал на части, упаковал и отправил морем в Советский Союз¹². В 1932 году ФБР вышла на его след, и Штерн покинул США и через Канаду вернулся в Москву.

Сделав отчет о проделанной работе, он совсем недолго пробыл в Разведупре — ему дали новое задание. Но и там, на посту резидента в Маньчжурии, Манфред находился всего несколько месяцев — в конце 1932-го он перешел в распоряжение Коминтерна, его назначили главным военным советником ЦК Компартии Китая. В Шанхае он появился в апреле 1933 г. Как раз в то время, когда Манфред Штерн прибыл в город, связь ИККИ с его представителями в Китае и руководством КПК стала довольно стабильной. Этому предшествовало восстановление в Шанхае аппарата представителя ОМС (Отдела международной связи) ИККИ, руководителем которого весной 1932 г. назначен Н. Н. Герберт (Зедделер)¹³. Спустя несколько месяцев туда прибыл политический представитель ИККИ Артур Эверт и представитель Профинтерна Джон Кларк (его в 1933 г. сменил Раймонд Бейкер), другим военным советником и помощником Манфреда стал Отто Браун. В октябре 1933 г. всем им в помощь прибыл Тим Райан (Юджин Денис). Таким образом, было сформировано ядро Дальневосточного бюро ИККИ, куда помимо Штерна вошли Эверт и Райан. Связь с Москвой и ЦК КПК осуществлялась с помощью двух радиостанций, а в наиболее важных случаях коминтерновцы использовали возможности шанхайской резидентуры Разведупра штаба РККА¹⁴.

После переезда ЦК КПК в советский район, Манфред Штерн остался в Шанхае, откуда информировал ЦК о воен-

¹² Tanenhaus S. Whittaker Chambers. New York, 1998. P. 85, 542.

¹³ Н. Н. Зедделер (Герберт) (1876–1937). Русский. Из дворян (военнослужащих). Художник, рабочий, участник революционного движения. Советский военный разведчик в Италии и Германии. Позднее работник ОМС ИККИ в различных странах (1926–1937). Репрессирован 05.10.1937. Реабилитирован 11.06.1964.

¹⁴ ВКП(б), Коминтерн и Китай. М., 2003. Т. 4, ч.1. С. 31, 33, 37.

ных приготовлениях и планах гоминдановских войск, давал рекомендации. В советский район он отправил своего помощника Отто Брауна, работавшего в Китае под именем Ли Дэ. Браун участвовал в разработке оперативных планов Красной Армии, а Штерн разрабатывал стратегические планы, в соответствии с указаниями Коминтерна. Кроме того, он занимался и «политикой» — добивался создания единого национального антияпонского фронта. Манфред встречался со многими известными демократическими деятелями, в том числе и с вдовой Сунь Ятсена Сун Цин-лин. В предисловии к сборнику документов «ВКП (б), Коминтерн и Китай» отмечалось: «Рекомендации М. Штерна, согласованные с А. Эвертом, учитывались ЦК КПК и Реввоенсоветом при разработке планов военных действий. Ряд документов, подготовленных Дальбюро при особо активной роли О. Брауна, были (с небольшими изменениями) направлены в другие советские районы от имени ЦК КПК... По предложению М. Штерна Восточная армия, сформированная из частей Красной армии Центрального советского района, в августе—октябре 1933 г. совершила рейд в Западную Фуцзянь, где захватила значительные трофеи и создала несколько новых небольших советских баз. Москва расценила этот план и его исполнение как “образцовые”»¹⁵. Однако к этому нужно добавить, что рекомендации «Фреда» учитывались не всегда, да и сам он, как и другие, не всегда отваживался давать рекомендации начальству. «Ни М. Штерн, ни А. Эверт не решались поставить перед ИККИ вопрос о неизбежной и необходимой более ранней эвакуации основных сил Красной армии из Центрального советского района, выхода ее за кольцо окружения. Даже в сентябре 1934 г., когда судьба Центрального советского района был уже практически решена, Т. Райан продолжал писать в ИККИ о якобы появившихся новых благоприятных условиях для сохранения района и разгрома похода противника». Кроме того, общей работе мешали разногласия, существовавшие, в частности, между Штерном и Эвертом¹⁶.

В Шанхае «Фред» находился до марта 1934 года. Дольше оставаться там было нельзя, коммунистическое подполье потерпело ряд серьезных провалов, а за ним и полиция международного селтльмента, и агенты Гоминьдана охотились особо. В документах ИККИ значится, что в 1930—1935 гг. он находился

¹⁵ Там же. С. 38–39.

¹⁶ Там же. С. 38.

в распоряжении штаба РККА, что, по-видимому, означает, что и в эти годы он так или иначе связан был с военной разведкой. Позднее он занимал пост помощника заведующего Восточным секретариатом ИККИ (январь 1935 — сентябрь 1936), где отвечал за военные дела вплоть до командировки в Испанию. Официально Стерн Манфред Сальманович уволен из РККА 10 марта 1936 г. (приказ НКО СССР по личному составу № 00265).

В Мадриде, где уже несколько месяцев шла гражданская война, он прибыл в сентябре 1936-го, «прибыл одним из первых» и «участвовал в организации Генштаба Интербригад»¹⁷. Там его знали как генерала Эмилио Клебера (кстати, свой испанский псевдоним он выбрал в честь Жана Батиста Клебера, который руководил подавлением мятежа в Вандее во время Французской революции). Он занимался также организационной военной работой в ЦК Компартии Испании и Пятом полку («с задачей — обучать кадры военному делу»), налаживал связь ЦК КПИ с советским полпредством (военный атташе В. Е. Горев, советник полпредства Л. Я. Гайкис), был советником штаба Толедской группы, Оперативного отдела Генштаба Республиканской армии, возглавлял сектор Посуэло-де-Аларкон, а в ноябре 1936 — декабре 1937 года командовал 11-й Интербригадой, самой первой из тех, что были сформированы в Испании. Был военным советником ЦК КПИ в Валенсии, выполнял отдельные распоряжения ЦК. Командовал 12-й Интербригадой и 45-й дивизией Республиканской армии.

Его называли «спасителем Мадрида» (в делах ИККИ отмечено, что «он имеет большие заслуги в защите Мадрида в октябре и ноябре 1936 г.»¹⁸), но есть и другие свидетельства этого. Вот что говорил другой герой испанской войны «генерал Лукач» (Матэ Залка): «...Не совсем зря его еще недавно «спасителем Мадрида» величали, пусть даже так ни про кого говорить нельзя... Однако Клебер, как ни крути, а больше любого другого в часы пик сделал, и с ним отвратительно поступили — неблагодарно и неблагодарно»¹⁹. Тем не менее по указанию коминтерновского руководства Манфред Штерн вынужден был в октябре 1937 года покинуть Испанию.

У нас есть возможность взглянуть на произошедшее глазами самого «Фреда» благодаря его отчету о работе в Испании,

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 187. Д. 2690. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 28.

¹⁹ Эйсер А. В. Двенадцатая интернациональная. М., 1990. С. 587.

14.12.1937²⁰. Согласно указаниям руководства он изложил «с максимальной подробностью и в хронологическом порядке все важнейшие моменты», с которыми ему пришлось столкнуться во время годичного пребывания в Испании. Первым делом он отметил, что в Москве ему было поручено выполнять все распоряжения ЦК КПИ, но главным образом надлежало завоевать себе «положение в армии, как боец, как командир»²¹.

Сентябрь—октябрь 1936 г. Сразу же по приезде Штерна отправили на военно-оперативную и организационную работу в штаб Пятого полка, где помимо него военную работу вел Д. А. Фрид²², которого сменил В. Цайссер (Хозе Гомес)²³. Кроме того, поскольку он являлся военным советником ЦК КПИ, ему «почти ежедневно приходилось присутствовать на заседаниях Политбюро, принимать участие в прениях или делать доклады о военном положении и об очередных военно-организационных вопросах, то по поручению самого Политбюро, то по поручению руководства Пятого полка»²⁴. Вместе с «Альфредом» (Т. Лехеном)²⁵ и членом Политбюро Чема он ведал распределением при-

---

²⁰ Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы. М., 2001. С. 324–390.

²¹ Там же. С. 324.

²² Д. А. Фрид (1895–1936). Венгр. Из семьи ремесленника. Майор (17.01.1936). Окончил восточный факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе (1929–1932). Служил в австро-венгерской армии (1914–1915). Попал в русский плен, участвовал в революционном движении и гражданской войне в России. Служил в НКВД СССР, был на партийной работе в Чехословакии, был сотрудником ИККИ. Состоял в распоряжении РУ штаба РККА, служил в армии и Коминтерне. Воевал в Испании (1936), начальник штаба бригады, погиб в период обороны Мадрида.

²³ В. Цайссер (1893–1958). Немец. Из семьи жандармского вахмистра. Окончил Королевскую учительскую семинарию. Служил в германской армии (1913–1919), участник 1-й мировой войны. Лейтенант. Потом учительствовал. Участник революционного движения в Германии, руководитель «военной работы» в Рурской и Рейнской областях. Сотрудник РУ штаба РККА, выполнял специальные задания в разных странах, затем на военной работе в ИККИ. Участник боевых действий в Республиканской Испании (1936–1938), работник Коминтерне и ЦК ВКП (б) в Москве. На руководящих постах в ГДР, министр государственной безопасности. После событий 17.06.1953 исключен из Политбюро и ЦК, а затем и из партии, работал переводчиком. Награжден орденом Карла Маркса (1953).

²⁴ Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы. М., 2001. С. 325.

²⁵ Т. И. Лехен (1898–1976). Финн. Из рабочих. Подполковник. Окончил Военную академию РККА. Участник рабочего движения и гражданской войны в Финляндии, гражданской войны в России. Служил в РУ штаба РККА

бывающих добровольцев, сопровождал руководителей КПИ в их поездках по фронтам, знакомился с республиканскими командирами и их деятельностью. При этом в отчете он отметил ряд случаев дезертирства и вредительства.

Довольно много внимания Манфред уделил рассказу о своих разногласиях с полпредом СССР в Испании М. И. Розенбергом и военным атташе В. Е. Горевым²⁶ по поводу «командующего армией Центра генерала Асенсио», которого в Политбюро ЦК КПИ, да и сам Штерн считали «опасным человеком», а военно-политические представители СССР «стали доказывать, что нам нужно идти вместе с Асенсио и что нужно делать все, чтобы поддержать его авторитет», в свою очередь военный советник 5-го полка «старался объяснить Розенбергу и Гореву, почему этого нельзя делать и что при том глубоком недоверии, которые фронт питает по отношению к Асенсио, этого делать нельзя», однако Горев продолжал настаивать, «как будто от меня зависело то, что армия настроена против Асенсио»²⁷. Преодолеть эти разногласия не удалось, и натянутые отношения с Розенбергом сохранились и в дальнейшем.

В то же время Штерн добился у премьер-министра и военного министра Ларго Кабальеро назначения пяти коммунистов в Генштаб. Таким образом, по предложению генсека ЦК КПИ Хосе Диаса он стал «генералом Клебером», военным советником Оперативного отдела Генштаба, сохраняя за собой пост и в военном отделе ЦК. «Работая одновременно в генштабе и в во-

---

(1924–1926), затем на руководящих постах в ИККИ, воевал в Испании (1936–1938). На редакторской и литературной работе в Москве и Карело-Финской ССР, ректор Карело-Финского госуниверситета в Петрозаводске. Участник Великой Отечественной войны. Сотрудник 7-х отделов политуправлений Карельского, Ленинградского фронтов, главный редактор Госиздата Карело-Финской ССР. Видный партработник Компартии Финляндии. Награжден орденом Красного Знамени (1967), Красной Звезды (1943), медалью «За оборону Советского Заполярья» (1945). Почетный доктор МГУ (1968).

²⁶ В. Е. Горев (1900–1938). Белорус. Из служащих. Комдив (1937). Окончил восточный отдел Военной академии РККА (1924–1925). Участник гражданской войны, политработник, военный следователь, чекист. Военный советник в Китае (1925–1927), на службе в РККА. Нелегальный резидент РУ штаба РККА в США (1930–1933) и вновь на службе в войсках. Военный атташе при полпредстве СССР в Испании (1936–1937). Репрессирован 25.01.1938. Реабилитирован 13.10.1956. Награжден орденом Ленина (1937), Красного Знамени (1937), Красной Звезды (1936), серебряными часами (1920).

²⁷ Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы. М., 2001. С. 326.

енном отделе ЦК, я имел гораздо более полную информацию с фронтов по линии ЦК, нежели по линии генерального штаба. На основании этих данных и частых расспросов живых людей я оценивал наши силы и возможности, силы и возможности противника куда точнее, нежели генеральный штаб, который слабо поддерживал связь с фронтами». Продолжая отмечать факты саботажа и вредительства (в том числе и со стороны генерала Асенсио), он рассказывает о разработке им планов войсковых операций, в том числе и по обороне Мадрида. И тут он опять вступил в противоречие с «товарищами из посольства», считающими правильным «ударить с большей силой — после потери Мадрида». Штерн же считал, что, «потеряв Мадрид, мы его не вернем себе и двадцатью бригадами, а просто будем вести лишь арьергардные бои, которым очень скоро настанет конец, т. е. полное поражение республики». ЦК КПИ решил защищать столицу и начал «лихорадочно» готовиться к обороне, посылая на фронт «лучших товарищей». Штерн назначен командиром 11-й Интербригады²⁸.

Ноябрь—декабрь 1936 г. В условиях, которые скорее всего можно назвать беспорядком, «Клебер» ведет подготовку к основным боям. Он замечает: «постепенно наш фронт принимает контуры и стабилизируется», однако 11-я ИБ при этом «окончательно выбилась из сил», и ей на помощь шлют 12-ю ИБ и другие части. В результате он «стал командовать обширным сектором, в который, кроме двух интербригад, входили еще шесть—семь бригад», реорганизованных им на фронте «из числа прежних разношерстных отрядов»²⁹. В связи с этим непосредственное командование 11-й ИБ Манфред доверил командиру немецкого батальона имени Эдгара Андре «товарищу Гансу» (Гансу Кале)³⁰. Репутации «генерала Клебера» в Москве сильно повредила, как отметил он сам, шумиха в прессе и вынужденные беседы

---

²⁸ Там же. С. 327–331.

²⁹ Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы. М., 2001. С. 332–336.

³⁰ Г. Кале (1899–1947). Немец. Из служащих. Окончил Высшую коммерческую школу (1920–1921). Участник 1-й мировой войны. Воевал на французском фронте (1917–1918). Лейтенант. Торговый служащий, журналист, участник революционного движения в Германии. После прихода Гитлера к власти жил и работал в Швейцарии, воевал в Испании. Подполковник Республиканской армии, командовал 17-й и 45-й дивизиями. Впоследствии в эмиграции во Франции и Великобритании, советский военный разведчик, журналист. Начальник народной полиции земли Мекленбург в Восточной Германии (1946–1947).

и интервью, к тому же фотографам несколько раз удалось его сфотографировать. К тому же в каких-то вопросах разладились отношения с командованием 12-й ИБ (командующий «генерал Лукач» — Матэ Залка).

Подробно автор отчета описывает ситуацию, сложившуюся в этих двух бригадах и других частях фронта в ходе боев. Одна и другая ИБ были сильно потрепаны, но пополнения от базы Интербригад добиться не удавалось, хромало и снабжение частей. При этом тылы разрастались и уже превышали состав фронтовиков. А руководство приступило к формированию 13-й и 14-й бригад. Настаивал Штерн и на прекращении «вавилонского столпотворения» в бригадах, пытаясь собрать воедино однопольные части и сделать испанский язык главным в войсковой деятельности. С сожалением он констатировал: «по многим вопросам фронт не понимал «политику» своей базы, а база не хотела считаться с законными требованиями и запросами фронтовых частей»³¹. Он также был сторонником создания полноценной испанской республиканской армии.

Наступил декабрь. «Нам нужно воспользоваться потрясением, которому подверглись силы противника в течение ноября, — говорил «Клебер», — и перейти в наступление на крайнем правом фланге, т. е. в районе Эскориала». Однако командование, по мнению Манфреда, проявляло нерешительность, поскольку не верило, что войска действительно одержали крупную победу над противником. И даже более того, успешное наступление у Вильянуева во фланг противника было остановлено все тем же Асенсио, помощником военного министра. Тогда же о «генерале Клебере» стали распространяться слухи, что он то ли «троцкист», то ли «анархист», и как результат в конце декабря главный военный советник «Гришин» (Я. К. Берзин) отправил его в Малагу с неясными полномочиями³².

Январь—май 1937 г. В этом разделе своего отчета Манфред Штерн много рассказывает об отношениях с различными деятелями Испанской республики, о чрезвычайно сложной ситуации в стране, вновь разбирает свои «проступки» и «грехи». Нового назначения он так и не получил, продолжал работать в военной комиссии ЦК, выполнял отдельные его поручения. «Тов. Степанов в беседе со мной сформулировал заключение

³¹ Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы. М., 2001. С. 336–340.

³² Там же. С. 341–346.

по «вопросу Клебера» так: в общем ты был прав, но ты выступил рано и был горяч, поэтому был неправ. За это тебя крыли»³³.

Июнь—октябрь 1937 г. Штерн вновь заводит речь об использовании имени «генерала Клебера» для антиреспубликанской пропаганды, которая «умело играла на национальных чувствах и на самолюбии республиканских офицеров». Рассказывает о встрече с новым главным военным советником «Григоровичем» (Г. М. Штерном), тот сообщил «Фреду», по его словам, следующее: «хозяин доволен моей работой и что все эти кляузы в конечном счете — чепуха»³⁴. Подробно рассматривает ход действий, связанных с назначением его командиром дивизии. Его назначили, наконец, командиром 12-й ИБ, вместо погибшего «Лукача» (Матэ Залки). Эту часть, потерявшую 50 % своего личного состава, и должны были преобразовать в дивизию. Он дает оценку деятельности «Лукача» и описывает, как шла реорганизация, в ходе которой и была создана 45-я дивизия «на 70 % испанского состава»³⁵. В бой дивизия вступила под Брунете, где «развернулись труднейшие бои», затем были сражения под Сарагосой. Все это он описывает, уделяя немалое внимание всем неприятностям и стычкам с весьма разнообразным командованием Республиканской армии Испании. И в заключение Манфред Штерн пишет: «Несмотря на все неприятности, у меня остается глубокое удовлетворение проделанной работой. Я удовлетворен и тем, что товарищи, которые вместе со мной дрались на фронте, меня действительно уважали и любили»³⁶.

Китайский революционер Го Шаотан в своих мемуарах дает описание внешности Штерна: «Даже по прошествии стольких лет передо мной встает яркий образ М. Штерна: высокий, красивый мужчина богатырского сложения. Он казался не по возрасту серьезным, несколько угрюмым, даже суровым. Но в действительности это был добродушный, жизнерадостный и душевный человек. Он был замечательным собеседником и чутким товарищем, много знавшим и много видевшим. Ему были свойственны исключительное трудолюбие и работоспособность. Внешне этот элегантный представительный мужчина походил скорее на уче-

---

³³ Там же. С. 347–357.

³⁴ Там же. С. 357–358.

³⁵ Там же. С. 358–362.

³⁶ Там же. С. 362–389.

ного, литератора или дипломата, трудно было представить, что это легендарный храбрый военачальник»³⁷.

В СССР Манфред Штерн вернулся в самый разгар массовых репрессий (октябрь 1937), работал референтом в Секретариате ИККИ, был политическим помощником О. В. Куусинена. В 1938 году его арестовали и 14 мая 1939 года осудили на 10 лет ИТЛ — исправительно-трудовых лагерей — и отправили на Крайний Север. В заключении, где его называли Александром Фёдоровичем, он прокладывал железную дорогу от Котласа до Печоры, опять валил лес, добывал уголь в Воркуте, был лекпомом (помощником лекаря). Во время Великой Отечественной войны неоднократно обращался к лагерному начальству с просьбой отправить его на фронт, но каждый раз получал отказ. По отбытии первого срока, работал фельдшером в больнице, однако через несколько месяцев вновь осужден по обвинению в антисоветской деятельности. После этого сидел в Инте в спецлагере Минеральный, в Озерлаге работал на трассе Тайшет—Братск и на лесоповале.

Штерна вспоминал его сокамерник поэт А. В. Жигулин, он писал: «После отбытия десяти лет (они прошли для него сравнительно легко — выходец из австрийско-еврейской семьи, он имел среднее медицинское образование) Штерн поступил на работу в больницу, но вскоре (в 1948 году) был снова взят, как все тогдашние повторники. Светлый был человек, добрый, хороший. И лицо его вовсе не было властно-жестоким, как описывает его А. В. Эйсер по военным мадридским плакатам... Почти всю мою жизнь на 331-й колонии Александр Фёдорович Штерн помогал мне — по мере возможности, конечно. Он, например, руководил моим чтением (в колонии со времен Тайшетлага осталась случайно не уничтоженная небольшая библиотека). В совсем хорошие времена (когда я порубил себе левую ногу и кантовался в зоне — об этом особый сказ) он помогал мне в изучении английского языка. Я очень страдал оттого, что прервалась моя учеба в институте, что нет возможности много читать, и восполнял эти лишения беседами с людьми. От людей порою узнаешь больше, чем из книг»³⁸.

Умер Манфред Штерн 18 февраля 1954 года от истощения в Озёрном ИТЛ на станции Сосновка (близ Тайшета). Реабилитировали его 7 сентября 1956 г.

---

³⁷ Го Шаотан (А. Г. Крымов). Историко-мемуарные записки китайского революционера. М., 1990. С. 318.

³⁸ Жигулин А. В. Черные камни. М., 1989. С. 73.

Из всех братьев Манфреда наиболее известен Вольф Штерн, родившийся 15.12.1897 в той же самой австро-венгерской деревне. Несмотря на нелегкие обстоятельства жизни, ему удалось получить прекрасное образование — он окончил немецкую народную школу (1903–1907), 1-ю государственную гимназию в Черновцах (1907–1915), 2 курса философского факультета Черновицкого университета (1918–1920) и 2 курса экономического факультета Венского университета. Как и старший брат, он служил в австро-венгерской армии (1915–1918), воевал на Итальянском фронте, был командиром взвода, дослужился до звания фенриха (унтер-офицера).

После демобилизации из армии примкнул к революционному движению в родных краях, вступил в Компартию Буковины (1918) как один из ее основателей, в дальнейшем находился на партийной работе, стал членом иностранного комитета ЦК КПБ (1918–1924), вел нелегальную оргработу среди крестьян и в румынской армии. Ему довелось быть организатором и активным участником восстания солдат 113-го румынского пехотного полка, расквартированного в Черновцах (17.11.1919). В следующем году он несколько месяцев служил в румынской армии и дезертировал из нее по указанию партии.

Несколько лет он сочетал партийную работу с деятельностью в составе советских специальных служб. Как военный разведчик действовал в округе Снятин, находившийся в районе польско-румынской границы (1920–1924), как сотрудник Закордота (Закордонного отдела КП(б) Украины) и Буковинского бюро Коминтерна работал в Завалье и Каменец-Подольске, организовывал там пункты переправки людей, материалов и средств. Когда его активная и многосторонняя деятельность привлекла внимание полиции, он вынужден был бежать в Австрию (1924).

В Вене Вольф работал редактором пресс-бюро полпредства СССР (1924–1927), выполняя одновременно поручения ОМС ИККИ. Став членом Компартии Австрии (1924), входил в состав партийного руководства 8-го венского округа (1925–1927), в то же время состоял в должности торгпреда Русско-австрийского торгового общества — РАТАО в Вене (1926–1927).

Последующие 12 лет Вольф Штерн «находился на спецработе по линии советских органов»³⁹, что в данном случае означа-

³⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 156. Л. 99.

ло сотрудничество с советской военной разведкой (Разведупр штаба РККА — Разведупр РККА). Хотя он и участвовал при этом в антифашистских вооруженных стычках в Вене в июле 1927-го и в феврале 1934 г., местными спецслужбами он не был расшифрован и успешно продолжал свою работу. Направлен был в Испанию (в рамках «операции Икс»), когда там началась гражданская война. Воевал в рядах одного из партизанских подразделений («спецслужба русских товарищей»⁴⁰), собранных позднее в составе 14-го (партизанского) корпуса Республиканской армии (1936–1939).

Из Испании Вольф приехал в Москву в феврале 1939-го. В должности старшего преподавателя работал в Институте иностранных языков и в МГУ, преподавал немецкий язык (1939–1941 гг.) и сам учился в Университете марксизма-ленинизма (1939–1940), повышал свою партийную подготовку.

Когда началась Великая Отечественная война, Вольф добровольно отправился воевать в рядах Красной Армии, но, с учетом того, что он «имеет опыт нелегальной партработы и спецработы в различных условиях»⁴¹, его перевели на службу в ОМСБОН НКВД СССР (1941–1943). Затем последовало новое направление его деятельности — Вольфа назначили сотрудником Управления (затем Главного управления) по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР (1943–1950), занимая должности уполномоченного оперативно-чекистского отдела УПВИ и старшего уполномоченного 1-го отделения 1-го отдела 2-го Управления ГУПВИ, он работал с немецкими военнопленными в лагерях Лунево, Войково и других. Дослужился до звания майора. На этих постах он отличился, в частности, в деле «вербовки» фельдмаршала Ф. Паулюса, которым, по поручению руководства, занимался вплотную. И 16.08.1944 руководство НКВД СССР обратилось к И. В. Сталину с предложением наградить Вольфа Соколомоновича Штерна орденом «Знак Почета»⁴².

После демобилизации он работал переводчиком и редактором журналов «Советская литература» и «Новое время», выходивших на иностранных языках (1950–1956), являлся также сотрудником Всесоюзной торговой палаты СССР.

---

⁴⁰ См., например: РГАСПИ. Ф. 545. Оп. 6. Д. 350. Л. 97. Такая формулировка встречается во многих делах фондов 495 и 545.

⁴¹ Там же. Л. 99 об.

⁴² Военные загадки Третьего рейха / Сост. Непомнящий Н. Н. М., 2002. С. 414–415.

В сентябре 1956-го Вольф Штерн уехал в ГДР, вступил в СЕПП. Занимал ответственные посты: начальника Политуправления Министерства национальной обороны ГДР (декабрь 1956 — январь 1957), заместителя начальника Научного совета по военной истории и начальника Института военной истории в Дрездене (1957–1958), начальника Института немецкой военной истории в Потсдаме (1958–1961). Свои военно-политические работы он подписывал псевдонимом Стефан Вольф. Владел английским, немецким, французским и испанским языками.

Умер Вольф Штерн 16.09.1961 в Берлине, ГДР.

Среди других братьев Манфреда известны — Лео, Курт, Макс и Вальтер Штерны. О них, может быть, в другой раз, на другом уровне познаний по этой теме.

Н. С. ТАРХОВА

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ «ЗОЛОТО» ОТДЕЛЕНИЯ «Х»
(ОБ ИНФОРМАЦИОННЫХ СБОРНИКАХ РУ РККА
О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ)

Пятого июня 1937 г. Разведывательное управление РККА направило наркому обороны К. Е. Ворошилову сигнальный вариант книги о войне в Испании. В препроводительной служебной записке, написанной собственноручно комдивом А. М. Никоновым, на бланке заместителя начальника РУ РККА на имя секретаря наркома комдива М. Р. Хмельницкого указывалось:

«Посылаю сигнальный экземпляр книги «Война в Испании. — Важнейшие операции на центральном фронте».

500 таких же экземпляров будут готовы сегодня к 17.00.

Спешность выпуска не дала возможности включить в книгу составленное предисловие (оно находится на просмотре у Народного Комиссара) и оформить книгу так, как хотелось бы.

К назначенному народным комиссаром срок[у] — 10 июня — книга будет выпущена в тираже 7 000 экз. в надлежащем оформлении (часть тиража в хороших переплетах)»¹.

Книга представляла собой итог работы созданного в составе РУ РККА отделения «Х», занимавшегося, в том числе, сбором и обработкой информации о событиях в Испании. Ее выход означал начало нового этапа в работе отделения «Х», в частности, выход на широкую аудиторию «всею», как указывалось

---

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1015. Л. 29. Автограф на бланке.

в предисловии, командно-начальствующего состава РККА с целью довести до командиров и специалистов новейший практический военный опыт, полученный в Испании. Тираж книги в 7 тыс. экземпляров подтверждал заявленные цели. Там же, в предисловии, говорилось, что наряду с первым выпуском, где были освещены наиболее важные операции на центральном (Мадридском) фронте в период с конца октября 1936 г. по апрель 1937 г., предполагалось выпустить еще два выпуска: 2-й — об операциях на южном, северном и арагонском фронтах и 3-й — опыт действий отдельных родов войск (пехоты, артиллерии, танков, авиации, флота и т. д.).² Обещанные выпуски действительно вышли в 1937 г.³ По данным военного историка Ю. Рыбалкина, РУ РККА за 1937–1938 гг. подготовило 17 выпусков под единым названием «Война в Испании», каждый из которых имел свою тематику. Используя тот же заголовок, Генеральный штаб РККА в течение 1937–1940 гг. издал свои серийные выпуски и отдельные брошюры⁴.

К июню 1937 г., к моменту издания указанного первого выпуска, РУ РККА, и в частности отделение «Х», имели в своем распоряжении достаточный массив информации, позволявшей не только воссоздать широкий спектр происходящих событий, но и анализировать их с учетом опыта для РККА. Отделение «Х» располагало различными источниками информации как собственными (донесения, доклады, отчеты военного атташе, советников,

---

² Там же. Л. 30.

³ Война в Испании. Вып. 1. Важнейшие операции на Центральном фронте. М.: НКО СССР, 1937; Война в Испании. Вып. 2. Важнейшие операции на Северном, Арагонском и Южном фронтах. М.: НКО СССР, 1937; Война в Испании. Вып. 3. Боевые действия авиации. М., 1937.

⁴ См. их перечень: Ю. Рыбалкин. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. М. 2000. С. 130–131. Среди них: Война в Испании. Боевые действия авиации. (С начала мятежа по август 1937 г.) М.: Развед. упр. РККА. Штаб ВВС РККА, 1938; Война в Испании. Действия авиации ночью. М.: Развед. упр-е РККА, 1938; Война в Испании. Мадридская операция. 1937. М.: Развед. упр., 1938; Война в Испании. Морской флот в гражданской войне. М.: Развед. упр. РККА, 1938; Война в Испании. Роль артиллерии в современном бою. М.: Развед. упр., 1938; Война в Испании. Боевые действия авиации. (С начала мятежа по август 1937 г.) М. 1938; Боевые действия истребительной авиации (из опыта войн в Испании и Китае). М., 1939; Каталонская операция. 23 декабря 1938 г. — 9 февраля 1939 г. (Оперативно-технический очерк) / Для служебного пользования. М., 1940; Краткие оперативно-тактические выводы из опыта войны Испании / Для служебного пользования. М.: 5-е управление РККА, 1939 и др.

командиров, военных специалистов, рядовых участников), так и служебными, присылаемых из других ведомств (наркоматов — иностранных и внутренних дел, внешней торговли, оборонной промышленности и др.). Кроме того, важным источником являлась зарубежная пресса и издания.

Как указывает Ю. Рыбалкин, формы оперативного информирования руководства наркомата и страны по наиболее важным материалам, полученным отделением «Х», были различными. В частности, нарком обороны по мере накопления материала и при его личном участии в отборе представлял доклады в Политбюро ЦК ВКП (б)⁵. Ежедневно (два раза в сутки) оформлялись на бумаге спецсообщения по донесениям главного военного советника о положении на фронте, полученные по радио и телефонной связи. Эти спецсообщения рассылались по определенному списку за подписью руководства РУ РККА⁶.

Начиная с декабря 1936 г. РУ РККА еженедельно составляло сводки о военных действиях в Испании, имеющие типовые заголовки (без нумерации) с периодом освещения от 6 до 8 дней. Первая такая сводка была составлена, видимо, 20 декабря 1936 г. с заголовком «*Сводка военных действий в Испании за время с 14 по 19 декабря 1936 года*» и имела две подписи — зам. начальника РУ РККА комдива А. М. Никонова и начальника 1 отдела РУ РККА корпусного комиссара О. О. Штейнбрюка. Последующие сводки имели общие с первой форму и элементы оформления. Систематизация информации внутри сводок строилась, как правило, по фронтам; в отдельные пункты могли выделяться наиболее важные вопросы (действия авиации, состояние политработы и пр.); завершающим разделом были «выводы». К сводкам прилагались схемы боевых действий на конкретный период.

Наряду с оперативным осуществлялось системное информирование в виде обзорных материалов, составленных отделением «Х». Первый информационный обзор был подготовлен в октябре 1936 г. и издан типографским способом с грифом «Секретно» в виде брошюры (35 стр.) с названием «*Обстановка в Испании на 16 октября 1936 г.*». На титульном листе помимо названия были напечатаны следующие выходные элементы: Разведывательное управление РККА. Москва. 1936. Обзор имел разбивку по разделам, перечисленным в Содержании: Обстановка на фронтах (с. 5); Внутриполитическая обстановка в Мадриде и организация оборо-

⁵ См.: Ю. Рыбалкин. Указ. соч. С. 9.

⁶ Там же.

ны (с. 10); Международная обстановка вокруг испанских событий (с. 13); Краткие справочные сведения об Испании (с. 14). Последний раздел включал в себя подразделы: Социальная база мятежников (с. 14); Классовые силы народного фронта (с. 18); Ход событий с начала восстания 18 июля (с. 22); Краткие географические данные (с. 23); Испанская армия и флот перед восстанием 18 июля (с. 27); Краткие характеристики политических деятелей (с. 31); Руководители мятежников (с. 34). Этот обзор, первоначально предназначенный для узкого круга лиц, лег впоследствии в основу первого выпуска по Испании, изданного массовым тиражом (7 тыс. экз.) для широкого круга командного состава⁷.

Начавшееся в октябре 1936 г. информирование по событиям в Испании продолжилось в последующие месяцы. Однако в ноябре—декабре 1936 г. РУ РККА были подготовлены уже не обзоры, а сборники с № 2 и 3 информационных материалов о военном положении в Испании. Продолжающаяся нумерация означала приемственность с предыдущим обзором. Главное отличие обзора от сборника заключалось в принципах составления и форме подачи материала. Если в обзоре давался переработанный РУ РККА материал, в основе которого лежали разные по виду первоисточники, то в сборниках (далее — ИСборник) перепечатывались материалы, полученные отделением «Х» из Испании. Наряду с материалами, исходящими от лиц, командированных в эту страну по линии советского военного ведомства, в ИСборники могли включаться также переводные материалы (декреты, выступления, листовки, доклады и пр.) от испанских противоборствующих сторон, как от представителей республиканской армии, так и войск мятежников. Тематика и разнообразность публикуемых материалов была разнообразной — от отчетов, докладов и предложений до официальных документов, листовок, текстов выступлений испанских политических и военных деятелей, протоколов допросов военнопленных, фотографий и схем.

Такой принцип подачи материала позволял не только давать более широкое представление о происходящих событиях, но и персонализировать источники информации. В связи с новым наполнением и принципом составления менялся вид информационных материалов, составляемых РУ РККА, — их содержание по составу соответствовало не обзору, а сборнику, что и нашло отражение в официальных заголовках, начиная с № 2.

---

⁷ В настоящее время перечисленные материалы: первый выпуск, обзор и сводки за декабрь 1936 г. — апрель 1937 г. — подготовлены к изданию.

Хронология подготовки ИСборников

Первый по времени составления ИСборник (№ 2) был подготовлен в ноябре 1936 г., второй (№ 3) — 3 декабря 1936 г., последнее — в декабре 1938 г. (№ 129) и в марте 1941 г. (№ 131 и 130).

Из материалов военного ведомства известно, что 26 марта 1937 г. было проведено совещание у зам. наркома обороны М. Н. Тухачевского с целью организации изучения опыта, полученного в ходе боевых действий в Испании. К этому совещанию РУ РККА составило справку о полученных материалах. Согласно ей, на 26 марта 1937 г. были получены из Испании с начала войны 184 документа (докладов и писем), из них по почте — 164, от прибывших из командировки — 20. По содержанию эти материалы распределялись по следующим группам: по общим вопросам — 30, по авиации — 84, по танкам — 25, по артиллерии — 1, по ПВО — 1, по политработе — 17, по промышленности — 8, по морскому делу — 4, по другим разным вопросам — 14. РУ РККА сообщало, что на 26 марта 1937 г. полученные материалы были объединены в 14 сборников⁸.

До конца 1937 г. было подготовлено уже 60 сборников, из них наибольшее количество пришлось на *апрель* (13-ть, с общим числом ок. 500 листов), *март* и *июнь* (по 8-мь, каждый — ок. 200 листов). В эти месяцы шла активная ротация командированных по линии военного ведомства. Известно, что с февраля по май 1937 г. вернулось более 270 человек⁹. Им вручали соответствующие награды на закрытых заседаниях ЦИК СССР, с ними встречалось военное руководство, а они, в свою очередь, составляли подробные отчеты о проделанной работе, которые перерабатывались отделением «Х» и включались в ИСборники.

Приведенные далее цифры показывают соотношение сборников по месяцам, номерам и количеству листов:

- 1 ИСб — Ноябрь 1936 (№ 2) — 42 л.
- 1 ИСб — Декабрь 1936 (№ 3) — 57 л.
- 1 ИСб — Январь 1937 (№ 4) — 61 л.
- 5 ИСб — Февраль 1937 (№ 5–9) — 139 л.
- 8 ИСб — Март 1937 (№ 10–17) — 256 л.
- 13 ИСб — Апрель 1937 (№ 18–30) — 528 л.
- 5 ИСб — Май 1937 г. (№ 31–35) — 91 л.

⁸ См.: Ю. Рыбалкин. Указ. соч. С. 105.

⁹ См.: РГВА. Ф. 33 987. Оп. За. Д. 1060 (рапорты о возвращении).

- 8 ИСб — Июнь 1937 г. (№ 36–43) — 190 л.
- 4 ИСб — Июль 1937 г. (№ 44–47) — 124 л.
- 2 ИСб — Август 1937 г. (№ 48–49) — 83 л.
- 5 ИСб — Сентябрь 1937 г. (№ 50–54) — 139 л.
- 2 ИСб — Октябрь 1937 г. (№ 55–56) — 58 л.
- 3 ИСб — Ноябрь 1937 г. (№ 57–59) — 177 л.
- 4 ИСб — Декабрь 1937 г. (№ 60–63) — 159 л.

В 1938–1939 гг. было подготовлено 67 ИСборников (№ 64–129, 95а, 100а), причем только один из них имеет заверительную подпись от февраля 1939 г. (№ 109). С осени 1938 г. происходят изменения в подходе к их составлению. В частности, от группового (тематического) принципа переходят к единичному, при этом на обложке сохранялось название «Информационный сборник» (вплоть до № 95). Начиная с № 95а основу ИСборников составляют отчеты и доклады (полностью или частично) советников и участников боев, имеющиеся в распоряжении отделения «Х» за разные периоды войны в Испании. В связи с этим ИСборники второй трети 1938 г. отличаются пестротой в датах и хронологической непоследовательностью. У некоторых даты отсутствуют, другие датируются 1937 годом: 13 января (№ 102), 25 января (№ 97), 29 апреля (№ 95а), 27 мая (№ 103), 25 июня (№ 100), 5 ноября (№ 96). Помесячная картина подготовки ИСборников представлена далее:

- 3 ИСб — Январь 1938 г. (№ 64–66) — 84 л.
- 2 ИСб — Февраль 1938 г. (№ 66–69) — 111 л.
- 2 ИСб — [Март] 1938 г. (№ 70–71) — 101 л.
- 5 ИСб — Апрель 1938 г. (№ 72–76) — более 174 л.
- 4 ИСб — Май 1938 г. (№ 77–80) — 229 л.
- 3 ИСб — Июль 1938 г. (№ 81–83) — 124 л.
- 5 ИСб — Август 1938 г. (№ 84–88) — 292 л.
- 5 ИСб — Сентябрь 1938 г. (№ 89–93) — 169 л.
- 2 ИСб — [Октябрь] 1938 г. (№ 94–95) — 98 л.
- 32 ИСб — [Вторая треть] 1938 г. (№ 95а–108, 110–129) — более 1 тыс. листов.
- 1 ИСб — Февраль 1939 г. (№ 109) — 40 л.

В марте—апреле 1941 г. РУ РККА были перепечатаны рефераты слушателей Военной академии им. М. В. Фрунзе с исследованием военных операций в Испании. Они имели тот же формат что и ИСборники, но обложки их, в отличие от последних, бы-

ли другого (красного) цвета. На обложках проставлены штампы «130» и «131», что свидетельствовало о преемственности с ранее вышедшими сборниками. Видимо, в связи с военно-политической обстановкой в Европе интерес к операциям на Пиренейском полуострове стал предметом внимания РУ РККА. Помимо номерных рефератов в делах отложились еще шесть рефератов с соответствующими темами, но без должного оформления.

Высшее оформление ИСборников и принципы подачи материала

Обложка. Внешнее оформление ИСборников было единым — сброшюрованные листы размером современного формата А4 с обложкой из более плотной бумаги серо-зеленого цвета (хаки). На обложках типографским способом были напечатаны следующие реквизиты: автор-учреждение — *Разведывательное управление РККА* и гриф — *Совершенно секретно* (в верхнем поле), место издания — *Москва* (в нижнем поле), заголовок с типовым названием (по центру), после общего заголовка в скобках мог указываться тематический подзаголовок. Первый сборник назывался — «Сборник № 2 информационных материалов о военном положении в Испании»; следующие — «Сборник №... информационных материалов о военной обстановке в Испании» (№ 3–7, 10–15); однако большинство имело заголовки — «Сборник №... информационных материалов по Испании» (№ 8–9, 16–95).

Не сразу оформление приобрело типовой вид. Так, первый ИСб (№ 2) имел простую обложку зеленого цвета с наклейками из белой бумаги, на одной от руки было написано название, на другой — учреждение, дата отсутствовала. К сборнику прилагалась карта-схема Испании (л. 42). Следующий ИСб № 3 имел уже более плотную обложку, оформленную типографским способом с датой — 3 декабря 1936 г. Название ИСб № 4 было также написано от руки с подзаголовком «О работе авиации в Испании», но без даты. ИСб № 5 имел уже все описанные элементы оформления.

Типовая обложка в ИСборниках сохранялась на протяжении всего 1937 г., вплоть до сентября 1938 г. Начиная с № 95 происходят изменения в ее оформлении, в связи с переходом от групповой публикации материалов к единичной. Основные реквизиты в ряде случаев остаются (учреждение, гриф, тираж, место издания), но заголовок меняется. На смену прежнему общему

названию («Сборник информационных материалов...») приходит собственный заголовок публикуемого документа, при этом номер сборника проштамповывался на обложке большими цифрами. Последний ИСборник, имеющий типографски оформленную обложку с реквизитами, был № 103. В дальнейшем наблюдается еще большее упрощение в оформлении. Обложку заменяет лист (светло-зеленого цвета), на котором проштампован только порядковый номер (с № 104), иногда встречаются два номера (один зачеркнут и рядом проставлен другой). Возможно, что окончательное оформление материалов в виде ИСборников, в том числе проставление штампов, проводилось уже в 1939 г. Иначе трудно объяснить, почему ИСб № 109 имеет заверительную подпись от февраля 1939 г., а в ИСб № 122–125 включены препроводительные записки от 27 октября 1938 г. Последние два ИСб № 130 и 131 с рефератами слушателей Военной академии им. М. В. Фрунзе имеют обложку красного цвета.

Даты. Сборники имели собственную датировку, также напечатанную на обложке после заголовка. Причем нередко были ситуации, когда одним числом датировались два, а иногда и три сборника. Так, например, за 1937 год такими повторными датами были — 3 февраля (2 сборника), 20 февраля (2), 11 марта (2), 2 апреля (2), 13 апреля (3), 15 апреля (2), 26 апреля (2), 26 мая (2), 14 июня (2), 10 сентября (2). Подобное говорило о том, что подготовка ИСборников шла по мере накопления и обработки материала. В 1938 г. также имеются случаи дублирования дат — 23 августа (2), 5 сентября (2), 27 октября (4); в ряде случаев даты на обложках отсутствуют (№ 70, 71, 94, 95 и др.).

Тираж и рассылка. Помимо перечисленных реквизитов на обложке указывался номер экземпляра — *экз. №* __, где цифра проставлялась от руки. Тираж ИСборников был непостоянным, средний — 5–6 экз., наибольший — 12–9 экз., наименьший — 2–3 экз. и даже 1 экз. В ряде ИСборников имеется список рассылки, написанный от руки на первом листе после Содержания, из чего следует, что они предназначались для информирования как руководства наркомата обороны, так и государства. В список адресатов входили И. В. Сталин и члены Политбюро ВКП (б), занимающие руководящие посты в профильных ведомствах.

В ИСборниках выявлены 42 списка рассылки, причем в них только один из адресатов был постоянным, это — К. Е. Ворошилов, остальные фамилии менялись в зависимости от тематики сборников, а также в связи с репрессиями в РККА. Сопоставление указанных в рассылке лиц позволяет говорить о том, что

общее число получивших ИСборники — 35 чел. (одновременно не более 12), из них 25 чел. — представители военного ведомства и 10 чел. — руководители государства.

Среди военных помимо наркома были его заместители, руководители центральных управлений, командующие военными округами и др. В частности, начальник Генерального штаба РККА А. И. Егоров указан 29 раз, Шапошников — 17, Гамарник и Алкснис — по 10 раз, Тухачевский — 7, Рыбин (Санитарное упр.) — 5, по 3 раза — Уборевич, Якир, Бокис, по 2 раза — Белов, Воронов, Ефимов, Локтионов, Кобленц, Орлов, Роговский, Седякин, Смушкевич, по 1 разу — Аксенов, Баранов (вычеркнут), Галлер, Гуськов, Кулик, Павлов, Смирнов. При указании фамилий в рассылке отсутствовали инициалы и названия учреждений (кроме Рыбина).

Руководство страны представлено в списках прежде всего И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. Обращает на себя внимание тот факт, что имя Сталина присутствует не в каждом списке рассылки, оно встречается 24 раза (первый — ИСб № 5, последний — № 101); при этом, наблюдаются большие перерывы между № 43 и 79, затем только № 88 и 101. Молотов зафиксирован 17 раз. Более-менее регулярно получал ИСборники Ежов — 21 раз. Кроме них, Андреев — 11, Каганович — 7 (без уточнения инициалов — 4, с инициалами Л. М. — 1, М. М. — 2), Орджоникидзе — 3, Федоров (ГУГБ) — 1.

Согласно имеющимся спискам, Сталину почти год не посылали ИСборники (с июля 1937 г. по май 1938 г.). Скорее всего, такой большой перерыв был сделан с ведома или по желанию вождя, который по линии военного ведомства получал и другие материалы о событиях в Испании, в том числе доклады военных советников и специалистов¹⁰. В связи с этим важно отметить тематику посланных ему последних ИСборников. Это — «О работе и организации связи в республиканской армии» (№ 43), «Санитарная работа в авиации» (№ 79), «О состоянии интернациональных частей» (№ 88), «Работа авиации в Испании. (Доклад полковника тов. Свешникова)» (№ 101).

Примером получаемых и читаемых Сталиным материалов военных советников может стать доклад Ф. Агальцова «Замечания по работе в Испании», направленный 31 декабря 1938 г. в ЦК

¹⁰ Например, 16 февраля 1937 г. И. В. Сталину была послана копия донесения Я. Берзина, а 11 марта 1937 г. — копия доклада С. Кривошеина (РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 960. Л. 180–189; Д. 996. Л. 21–27).

ВКП (б) из РУ РККА¹¹. Примечательна резолюция Сталина, оставленная на сопроводительной записке, подписанной А. Орловым: «Почему Орлов, а не Локтионов сообщает о нашей авиации в Испании? И. Сталин». Далее он продолжил: «Что сделано Локтионовым для того, чтобы сделать опыт испанских авиабоев достоянием нашей авиации?» Там же имеется ответ К. Е. Ворошилова на вопросы вождя: «т. Сталину. Возвращаю, доклад будет целиком использован. 7/І-39. К. Ворошилов»¹².

Оглавление. Для удобства пользования ИСборники были снабжены «Содержанием», открывающим их, в котором последовательно (с нумерацией) указывались публикуемые материалы. Так, в первых 14-ти ИСборниках были опубликованы 93 документа, что составляло половину от полученного отделением «Х» на данный момент. Всего за конец 1936 г. и 1937 г. было включено более 420 материалов, за первую половину 1938 г. — более 70, за вторую половину — более 35. Приведенные цифры показывают, что наиболее результативным был 1937 год.

Важно отметить, что в сборники включался не подлинный, а перепечатанный на машинке материал. В ряде случаев он представлял собой полную копию первоисточника, в других — частичную копию, в третьих — отредактированный вариант. Все сборники имели подлинные заверительные подписи сотрудников отделения «Х», одновременно занимающих соответствующие должности в РУ РККА. Среди них О. О. Штейнбрюк, О. А. Стигга, Г. Г. Шпилевский, И. Г. Гречнев, А. Г. Орлов, С. Г. Гендин. Если на первоначальном этапе заверялся каждый включенный в ИСборник материал, то очень скоро заверительная подпись была оставлена только на последнем листе сборника.

Анализ реквизитов оформления ИСборников позволяет говорить о том, что до октября 1938 г. их составление шло более-менее регулярно, включая оформление и рассылку. С завершением подготовки тематических ИСборников РУ РККА и, в частности, отделение «Х» дополнительно включило в данный комплекс отдельные доклады и отчеты военных советников за разные периоды войны, которые были перепечатаны или оформлены ранее (№ 95а–98, 100–101, 108 и др). Одновременно оно продолжало отбирать среди общего массива имеющихся в его распоряжении материалов наиболее актуальные по содержанию. Как правило,

---

¹¹ СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939 годы / Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2013. С. 433–453.

¹² Там же. С. 532.

это были итоговые отчеты советников за более поздние периоды или доклады военных инженеров и техников по вопросам вооружения (№ 111–117 и др.). В большинстве своем эти материалы перепечатывались уже в 1–2 экз. и не подлежали рассылке. Исходя из того, что в некоторые из них включены подлинные препроводительные записки на имя К. Е. Ворошилова, подписанные руководящими лицами РУ РККА, можно сделать вывод, что они предназначались для информирования наркома. Возможно, что окончательное оформление всего комплекса ИСборников было завершено в 1939 г.

Общая картина работы отделения «Х» выглядела так: за 1936 год было подготовлено 2 ИСб, в 1937 году — 60 ИСб; в 1938 году — 67 ИСб (из них 2 — с литерными номерами: 95а, 100а); 1939 годом датируется 1 ИСб; в 1941 году — 2 ИСб (дополнительно включены в комплекс рефераты по использованию опыта военных операций в Испании).

Характеристика сборников (тематика и авторы)

Первые сборники, имея задачу ознакомления с обстановкой в Испании, включали в себя обзорные доклады военных советников по различным вопросам и, прежде всего, главного военного советника Я. К. Берзина (Доницетти), который так описывал условия работы в ноябре 1936 г., характеризуя обстановку «не писательской»:

«В центре, наверное, думают, что мы здесь имеем дело с приличными штабами, имеющими дублированную связь со всеми частями, что эта связь идет сверху вниз, а также вдоль фронта, что можно каждый час знать — что на каком участке делается. Ничего подобного здесь нет. Кроме вышеуказанной телефонной станции и личных поездок людей (мотоцикл, машина), никакой другой связи не существует. Связи между частями на фронте, кроме делегатской, совершенно нет; комбриг со своими батальонами связан только через вестовых или личными поездками. Полевого телефона в частях нет, радио также нет. При организации последнего наступления удалось на мадридских складах разыскать некоторое количество полевых телефонов и кабеля, но использовать их не могли, потому что не нашлось даже для этого специалистов. То же самое и с полевым радио. При таком положении даже в Мадриде связь с отдельными участками

поддерживается, главным образом, людьми. Сведения поэтому поступают запоздалыми, а телефонные часто нужно уточнять и проверять».

(ИСб № 2)

Другой советник А. В. Мокроусов в ноябре 1936 г. писал с Арагонского фронта: «Извиняюсь, что мало и плохо написал, нет времени, спешу на фронт». (ИСб № 2)

Со временем работа военных советников налаживалась как в организационном, так и в бытовом плане, а их доклады и донесения продолжали оставаться главными источниками информации для отделения «Х» и руководства. Среди включенных в первые ИСборники материалов были следующие доклады (или выборки из них) военных советников и специалистов за ноябрь—декабрь 1936 г.:

Я. К. Берзина, К. А. Мерецкова, Б. М. Симонова, Н. Н. Воронова — о военной обстановке и военно-организационных мероприятиях (№ 3, л. 210–218);

Я. К. Берзина (Доницетти) от 16, 17, 19, 22 ноября 1936 г. — об общих итогах работы (№ 2, л. 2–10), о состоянии республиканской армии и положении на фронтах (№ 2, л. 11–16), о положении на Южном фронте (№ 2, л. 17–18), о состоянии военной промышленности в республиканской Испании (№ 2, л. 19–22), о положении на Эстрамадурском участке Южного фронта (№ 3, л. 163–166); от 10 и 12 декабря 1936 г. — о состоянии республиканской армии и работе ее Генерального штаба (№ 4, л. 2–11);

Я. К. Берзина, К. А. Мерецкова, Б. М. Симонова — о работе по мобилизации промышленности (№ 3, л. 188–192);

Б. М. Симонова — обзор, подготовленный для Республиканского правительства, о состоянии работ по изготовлению боеприпасов (№ 3, л. 167–171) и предложения по организации работы уполномоченного правительства по вооружению (л. 171–178);

К. А. Мерецкова и Б. М. Симонова — о проведенных военно-организационных мероприятиях (№ 3, л. 179–187);

А. В. Мокроусова (Сатурнино) — об условиях работы с характеристикой боевого и численного состава арагонского фронта (№ 2, л. 23–26);

Г. И. Чусова (Мурильо) — о политическом положении в Каталонии и ходе реорганизации каталонской армии (№ 4, л. 12–15);

А. В. Смушкевича (Андре) — о состоянии и работе авиации в республиканской армии (№ 2, л. 27–33);

Н. Г. Кузнецова (Лепанто) — о состоянии морского флота Республиканской Испании (№ 2, л. 34–39), о деятельности морского флота (№ 3, л. 193–194);

И. Н. Несстеренко (Патри) — о политическом состоянии и политической работе в Республиканской армии (№ 3, л. 200–209);

В. Я. Колпачки — о проведении операции под Мадридом (№ 3, л. 195–196);

П. А. Алексеева — о состоянии тыла республиканской армии и настроениях в тыловых районах страны (№ 4, л. 38–42).

Как видно даже из простого перечисления авторов докладов и их тематики, содержание первых сборников давало представление о различных сторонах военно-политической обстановки в Испании.

Начиная с февраля 1937 г. материал начинает группироваться по тематическому принципу, что является показателем актуальности освещаемых вопросов. Первые сборники имели следующие тематические подзаголовки, представленные после основных заголовков: «По вопросам работы авиации и ПВО»; «Боевые действия танков», «О политической работе в республиканской армии», «О положении на Арагонском фронте» и др. Тематический принцип подачи материала использовался также в ИСборниках, имеющих общий заголовок. Так, например, в ИСб № 5 большая часть материалов касается Каталонии (военной обстановки, организации военного управления, состояния вооруженных сил). Весь 1937 г. и первую половину 1938 г. в основном преобладала тематическая подборка материалов. С середины 1938 г. ИСборники начинают отражать новые тенденции, в них появляется анализ «испанского» опыта, полезного и необходимого для боеготовности РККА как оперативно-тактический, так и в отношении вооружения.

Систематизация имеющихся тематических сборников по их заголовкам, приведенная далее в табличной форме, позволяет выделить наиболее актуальные вопросы, по которым проводился отбор материала из общего комплекса, имеющегося в распоряжении отделения «Х».

Всего было составлено более 80 тематических ИСборников, каждый из которых включал в себя по несколько материалов. Так, например, в ИСб № 16 (по авиации) было перепечатано 26 отчетов и записок летчиков (64 л.), в № 17 (по штурмовой авиации) — 11 (32 л.), в № 18 (по бомбардировочной авиации) —

18 (83 л.), в № 54 (по бомбардировочной авиации) — 7, в № 81 (авиатехника) — 13, в № 30 (документы итальянских частей) — 27 (41 л.), а в ИСборниках с показаниями итальянских и немецких летчиков общее число включенных материалов — 35. Важно отметить, что зачастую та или иная тематика материалов не ограничивается рамками только тематических сборников. В частности, материалы республиканской армии (декреты, приказы, листовки, выступления лидеров и пр.) и доклады советников о ее формировании, структуре, численности, вооружении и пр. можно встретить в ИСб № 2, 3, 25, 43, 78 и др. То же можно говорить об Арагонском и Северном фронтах, материалы о них имеются также в ИСб № 5, 8, 12, 45, 86 и др. Подобные примеры можно продолжать и по другим темам.

Дополняют тематические сборники материалы советников, специалистов, техников, включенные в самостоятельном виде; таких сборников выявлено более 30. Среди них выделяются своей значимостью и объемом доклады главного военного советника Г. М. Штерна от 5 октября и 8 октября 1937 г. о военном положении в Испании, первый был адресован на имя Сталина, Ворошилова и Ежова (60 л.), второй — заслушан в зале заседаний НКО СССР (32 л.)¹³; аналитические обзоры комкора Г. И. Кулика «Оперативно-тактический опыт войны в Испании» (боевые действия на центральном фронте с октября 1936 г. по февраль 1937 г. 168 л.) и Р. Я. Малиновского «Оперативно-тактические выводы и заключения, сделанные на основании боевого опыта войны в Испании за 1936–1937 гг.» (82 л.), «Выводы и оценка по важнейшим операциям республиканской Испании» (69 л.)¹⁴; доклады: капитана 2 ранга А. П. Александрова «Организация и боевые действия морского флота на севере Испании с 14 мая по 21 октября 1937 г.» (107 л.), И. Г. Чусова «Состояние арагонского фронта и боевые операции с октября 1936 г. по май 1937 г.» (38 л.), Б. Ф. Свешникова «Работа авиации в Испании» (31 л.)¹⁵ и др.

В ряде случаев к отчетам могли прилагаться препроводительные записки либо самих советников, либо руководителей РУ РККА. Так, например, к отчету комбрига А. К. Малышева «Астурийский фронт. 29 октября — 17 декабря 1936 г.» (ИСб № 108) была приложена написанная им собственноручно записка на бланке «начальника штаба Средне-Азиатского военного окру-

¹³ См.: ИСб № 98 и 100.

¹⁴ См.: ИСб № 95а, № 86, № 92.

¹⁵ См.: ИСб № 96, № 100а, № 101.

Систематизация имеющихся тематических сборников по их заголовкам

Тема	Тематика (заголовки)	Освещаемый период
Общая	О военном положении (№ 2–5, 8, 12, 77, 78); О военной обстановке (№ 10); О военно-политической обстановке (№ 26).	Ноябрь 1936 г. — май 1938 г. (с перерывами).
Фронты	О военном положении на Арагонском фронте (№ 29, 35); О положении (№ 13, 34) и военно-политической обстановке (№ 27) на Северном фронте.	Январь—май 1937 г. (с перерывами).
Республиканская армия	По вопросам строительства республиканской армии (№ 42); О подготовке командного состава (№ 66); О состоянии интернациональных частей (№ 88).	Май—июнь, август—октябрь 1937 г., июнь 1938 г.
Флот	О положении в республиканском морском флоте (№ 28); О боевых действиях республиканского флота (№ 41, 46, 56, 63, 68, 72, 75, 80, 124); О боевых действиях морского флота в Испании (№ 87, 89).	Март, май 1937 г. — июнь 1938 г. (с перерывами).
Авиация (А)	О боевых действиях: республиканской А (№ 36, 53 — на Северном фронте, 58, 59, 62, 67, 70, 102); истребительной А (№ 16); бомбардировочной А (№ 18, 24); скоростной бомбардировочной А (№ 54, 69); штурмовой А (№ 17).	Октябрь 1936 г. — декабрь 1937 г. (с перерывами), январь 1938 г.
Танки	О боевых действиях республиканских танков (№ 9, 14, 20, 37, 84, 73 — в Терульской операции).	Октябрь 1936 г. — январь 1938 г. (с перерывами).
Техника (ремонт, усовершенствование)	Об эксплуатации и ремонте материальной части республиканской авиации (№ 81); О ремонте танков (№ 82); с рационализаторскими предложениями (№ 39).	1937 г., 1938 г.
Артиллерия	О боевых действиях артиллерии в Испании (№ 19), зенитной артиллерии (№ 32, 44, 49).	Февраль—август 1937 г. (с перерывами).
ПВО	О противовоздушной обороне в republ. Испании (№ 50), во время Терульской операции (№ 71).	1937 г.

Связь	О работе и организации связи в республиканской армии (№ 43)	Июнь 1937 г.
Санитарная служба	Об организации военно-санитарной службы в республиканской армии (№ 40, 55, 79); О санитарном обеспечении боевых действий республиканской армии (№ 61), танковых войск (№ 64); О санитарной работе в республиканской авиации (№ 79).	Май 1937 г. — март 1938 г. (с перерывами).
Химическая служба	Об организации и состоянии военно-химической службы в армиях противника и республиканской (№ 65).	Ноябрь—декабрь 1937 г.
Политработа	О политической работе в республиканской армии (№ 6, 11, 15, 60); О политической работе в авиационных и танковых войсках (№ 38); О политико-моральном состоянии советских добровольцев-танкистов (№ 90).	Декабрь 1936 — октябрь 1937 г. (с перерывами).
Военный плен	Доклады о пребывании в плену противника (советских добровольцев — № 47, 48, 51, 52, 85); Показания плененных немецких, итальянских испанских летчиков (№ 74, 76, 83, 95).	Октябрь 1936 г. — июль 1937 г., январь—июль 1938 г., март—ноябрь 1938 г.
Противник	Состояние тыла (№ 23); Документы итальянских частей (№ 30); Дневник английского летчика, воевавшего на стороне Франко (№ 99).	Февраль—март 1937 г.; декабрь 1936 г. — март 1937 г.
Опыт	«с оперативно-тактическими выводами» по гражданской войне в Испании (№ 86, 94); по операциям республиканской Испании (№ 92); по боевым действиям республиканской армии (№ 91); с выводами для инженерной подготовки РККА (№ 93).	1938 г.
Промышленность и крестьянство	По крестьянскому вопросу и состоянию промышленности (№ 25); Сборник документов по вопросам производства сталистого чугуна (№ 105).	Март 1937 г. Декабрь 1937 г.
Прочее	Документы по вопросам защиты гражданского населения от боевых отравляющих веществ (№ 104); Доклады технической экспертной подкомиссии по невмешательству в дела Испании за 1937 г. (№ 97).	Март—апрель 1937 г. Январь 1937 г.

га» от 24 января 1937 г. следующего содержания: «Представляю доклад об Астурийском фронте. Задержка в представлении, как доносил радиогаммой — болезнь гриппом» (лист 1). Подлинная записка дивизионного комиссара И. С. Гальцева от 25 июля 1938 г. на имя К. Е. Ворошилова и начальника ВВС РККА открывает ИСб № 112, в котором опубликованы «соображения» автора «по вопросу о разведывательной авиации и наших мероприятиях по улучшению учебно-боевой подготовки ее» (лист 1). Препроводительные записки на имя К. Е. Ворошилова за подписями руководителей военной разведки А. Г. Орлова и С. Г. Гендина открывают ИСб № 113, 114, 116, 117 и др.

Основными авторами публиковавшихся в ИСборниках материалов были советские военные и гражданские специалисты, направленные в Испанию по линии Наркомата обороны СССР. В научной литературе точная цифра командированных специалистов колеблется между 2–3 тысячами. В вышедшем в канун 2016 г. справочном издании «Из Москвы — в страну “Икс”» (1 том), с подзаголовком «Книга памяти советских добровольцев — участников Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.», она определена как «более двух тысяч человек»¹⁶. Как указывают составители справочника, в основу его был положен составленный в середине 1960-х гг. в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР «Список командного, начальствующего, рядового состава РККА и других лиц, принимавших участие в Гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг.». Значимость данного издания несомненна. С выходом следующего тома (2-го) исследователи получат возможность не только внести коррективы в цифры советского военного контингента в Испании, но и увидеть лица этих людей, прочитать краткие биографические справки о них. К сожалению, время и обстоятельства не сохранили фотографии некоторых участников и даже даты их смерти. Так, например, из представленных в 1 томе биографий у 135 человек отсутствует фото.

Справочник впервые дает четкое представление о количестве и персоналиях как советских военных советников и инструкторов, чьи фамилии и имена более-менее введены в научный оборот, так и о рядовых участниках боев и техническом персонале,

---

¹⁶ Из Москвы — в страну «Икс»: Книга памяти советских добровольцев — участников Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Том 1 / Главариум Москвы; ГБУ «ЦГА Москвы». Сост. В. А. Арцыбашев, О. В. Каримов, И. Н. Волошенко. — М., 2015. С. 11.

обслуживающем военную технику. Из справочника становится известно, что в Испании воевали не только летчики, танкисты, военные моряки, зенитчики и саперы, но и связисты, радисты, радиоразведчики, шифровальщики, военные химики и инженеры, медицинский персонал. Их фамилии, а тем более биографические данные менее всего известны специалистам и широкому кругу читателей. Даже на страницах ИСборников многие из них проходят под сокращенными буквами — командир танка Ф., командир танка № 379, мехводитель О., командир звена С., штурман звена А., летчик Г. и др.

В рабочих материалах отделения «Х» можно встретить примеры подобных сокращений. Так, на докладе «комиссара тов. Королева» о политической работе в танковых частях республиканской армии имеется редакция заголовка: («доклад комиссара тов. Королева»), а на остальных тов. К.»¹⁷, означающая, что в экземпляре предназначенном для наркома, необходимо печатать фамилию целиком, а в остальных — сокращенно; к докладу летчика Н. И. Мирошниченко была приложена записка, написанная от руки простым карандашом: «Для наркома Мирошниченко, а остальным М.»¹⁸.

В связи с этим персонализация условных букв на страницах ИСборников имеет важное историческое и социальное значение. Задача эта, несмотря на ее трудоемкость, к счастью, выполнима. Большую помощь в установлении авторов публикуемых отчетов могут оказать материалы отдела «Х».

Обработка материала

Каждый полученный из Испании материал (будь то доклад, отчет, документ, справка) подлежал регистрации. Как правило, в верхнем поле полученных документов проставлялись от руки: входящий делопроизводственный номер, кем получен — *отд.* «Х» и дата — арабскими цифрами через точку (число, месяц, последние цифры года). Там же после прочтения оставались резолюции руководителей РУ РККА (начальника С. П. Урицкого или его заместителя А. М. Никонова), указывающие на значимость материала. Типовыми резолюциями С. П. Урицкого были: «т. Нионов. Отредактировать и включить в сборник испанских мате-

¹⁷ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 75. Л. 12.

¹⁸ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 10. Л. 214.

риалов. 2.2.37.»¹⁹ или с добавлениями: «т. Никонов. В очеред[ной] сборн[ик] и можно отдельно послать т. Кадацкому в Ленинград. 31.1.37.»²⁰, «т. Шпилевский. С возможностью сокращения размножить и разослать наркому, Егорову, а также подготовить для рассылки членам ПБ. 10.2.37.»²¹, однако были и другие: «Не печатать»²². Примечательна одна из резолюций С. П. Урицкого, написанная на препроводительной записке Я. Смушкевича (Андре) от 3 марта 1937 г. к комплексу присланных из Испании отчетов летчиков на 215 листах. Она отражала суть и значение всех получаемых отделением «Х» материалов: **«т. Никон<ов>. Это золото! Надо свести в спец. сборник. 14.3.37. С. У.»**²³. Часто встречаемое в резолюциях слово «отредактировать» означало, прежде всего, нацеленность на выявление «золотых» крупниц практического опыта.

По данным А. Рыбалкина, к обработке и изучению материалов, получаемых отделением «Х», привлекались специалисты из всех Центральных управлений НКО СССР, способные оценить полученный в Испании опыт. Уже в начале 1937 г. зам. начальника РУ РККА А. М. Никонов докладывал К. Е. Ворошилову, что «война в Испании выявила целый ряд чрезвычайно важных сторон в применении и использовании военной техники и дала уже сейчас ценный опыт для изучения оперативно-тактических и технических вопросов»²⁴. Известно, что руководство наркомата и РУ РККА разрабатывало и направляло военным советникам «тактические задания», нацеленные на изучение особенностей ведения военных действий и поведения боевой техники в Испании. Советники с учетом этого старались, что называется, по свежим следам, фиксировать боевые эпизоды. Так, военный советник Г. М. Штерн доносил в Москву: «Я всячески забочусь о том,

¹⁹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 7. Л. 89; написана на докладе Д. Павлова (Доминго).

²⁰ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 7. Л. 76; написана на докладе Шехтера (Зендера) «Противовоздушная оборона Мадрида и Центрального фронта» от 12.01.37; И. Ф. Кадацкий — председатель Исполкома Ленсовета с января 1930 г. по февраль 1937 г.

²¹ Написана на обложке отчетного доклада комбрига А. К. Малышева «Астурский фронт. 29 октября — 17 декабря 1936 г.» (ИСб № 108).

²² Подобная резолюция написана на обороте последнего листа докладной записки В. Пекарш от 10 декабря 1936 г., в которой описывается опыт сборки самолета СБ вне завода.

²³ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 10. Л. 217.

²⁴ Цитируется по: Рыбалкин Ю. Указ. соч. С. 104. См. также гл. 4 «Значение опыта войны в Испании для советского военного строительства» в его книге.

чтобы исключительно ценный опыт войны здесь был запечатлен и использован у нас...»²⁵. В качестве примера приведем ранее упоминаемую записку Я. В. Смушкевича (Андре), на которой С. П. Урицкий оставил свою замечательную резолюцию.

«З.З.37.

Тов. Директор!

Посылаю материал написанный руками летчиков, техников, командиров, самих участников наших боевых действий.

Этот материал дает в разработанном виде ответ на тот вопросник, который вы нам прислали.

Считаю также, что этим материалом я в основном выполнил требование тов. Алксниса о том, чтобы описать техническое применение нашей авиации и способы действий авиации противника.

Суммировать весь материал и дать свое описание требует много времени, чего у меня нет. Прошу весь материал, который посылаю по В. В. С., сохранить с тем, что когда вернемся, я со своими ближайшими командирами мог бы составить полный отчет.

Очень прошу копии всех этих описаний послать лично тов. Уборевичу, так как все что в этих материалах описано есть результат действий в основном его воспитанников.

Всего письменных листов двести пятнадцать (215). Андре»²⁶.

Подобные записки были и от советников-танкистов. Так, например, Д. Павлов 17 декабря 1936 г. написал: «Препровождаю краткий технический отчет боевой работы танков в условиях испанского театра. Последующий отчет будет уточнен фотоснимками наиболее характерных повреждений. Павлов»²⁷.

Отчеты участников боев (летчиков и танкистов), сохранившиеся среди рабочих материалов отделения «Х», интересны не только своим содержанием, но и внешним оформлением. Как правило, они написаны от руки на разных по формату листках бумаги, в том числе в ученических тетрадах, на блокнотных листках, на четвертушках и половинках. Разные чернила, почерки, стили, оформление. Некоторые имели собственные заго-

²⁵ Цитируется по: Рыбалкин Ю. Указ. соч. С. 105.

²⁶ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 10. Л. 217. Машинопись с подлинной подписью, при публикации сохранены авторские особенности написания слов.

²⁷ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 7. Л. 89. Автограф. Отчет — л. 88–77.

ловки типа «Боевые воспоминания», «Мои боевые воспоминания», «Результат [в тексте — «ризултат»] проделанной работы моей командировки», «Первый воздушный бой, переживания и впечатления летчика»²⁸ и др. Те отчеты, которые составлялись по прибытии из Испании, обычно были больше по количеству страниц, чем написанные вслед за боем. Так, например, капитан Ухов В. П. использовал для своего отчета несколько ученических тетрадей с портретом А. С. Пушкина (в 1937 г. отмечали 100-летие смерти поэта) и на обложке написал даты работы над ним, указав ошибочно: «10.9. — 10.X 1937»; видимо, свой отчет объемом в 36 страниц он писал 2 дня²⁹. В других отчетах наглядно видно, что руки писавших больше привыкли держать рычаги управления техникой, а не ручку и карандаш. Их отличает простые, иногда с ошибками фразы, свидетельствующие о навыках писавших. Примером такого отчета является самый короткий из встреченных нами (менее одного листа) текст, написанный рядовым танкистом Иваном Чепижко. Приведем его полностью, исправив некоторые ошибки и расставив знаки препинания:

«С 11 декабря участвовал на фронте Роза де Мадрид. Принимал участие на следующих фронтах Харама, Иодолахар, ни пропустил ни единой атаки. Машина № 367 прошла 1 320 к/л [км] без ремонта. [Машина] № 372 [прошла] 309 к/л [км]. Награжден орд. К[расной] Звезды. По возвращению хочу остат[ь]ся в запас[е]».

Однако ни ошибки, ни простота в изложении мыслей не мешали увидеть специалистам в этих отчетах ростки нового, названного позже «золотом».

Все получаемые отчетные материалы прочитывались, на одних в верхнем поле ставилась резолюция руководства, на других — помета: «Новых данных нет» с датой и подписью читавшего³⁰, третьи — подвергались «редактированию». Важно отметить, что «редактирование» не носило цензурный характер, в большинстве своем оно преследовало цель сокращения материала и выявления наиболее важного и практического. Редакторская правка шла прямо по первоисточнику, зачеркивая второстепенное и выделяя нужное и полезное. После нее отредактирован-

---

²⁸ Примеры взяты из дел с отчетами танкистов и летчиков — РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 75, 10.

²⁹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 10.

³⁰ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 11. Л. 206, 211 и др.

ный материал перепечатывался на машинке, представляя собой практическую выжимку, и включался в ИСборники.

В качестве примера правки приведем доклад летчика Г. Н. Захарова из 109 истребительной авиаэскадрильи (КВО) с датой 15 апреля 1937 г., о котором С. Абросов, автор нескольких монографий о советских летчиках в Испании, содержащих богатейший исторический, технический и биографический материал, пишет: «Отдельно, пожалуй необходимо сказать об отчетах летчиков, вернувшихся из Испании. В своих мемуарах Георгий Захаров рассказывает, что его самого и его товарищей буквально заставили писать отчеты. Однако ни его отчета, ни отчетов большинства летчиков в архивах автору обнаружить не удалось»³¹. Рады сообщить автору, что интересующий его доклад летчика Захарова Георгия Нефедовича, находящегося в Испании с 28 октября 1936 г. по 28 марта 1937 г., хранится среди материалов отделения «Х» вместе с другими докладами авиаторов³².

Частично отчет Г. Н. Захарова был перепечатан в одном из ИСборников (№ 18) с авторской буквой «З.», но предварительно сокращен и отредактирован. На первом листе отчета, в верхнем поле листа, проставлена помета: «Имеются отдельные не плохие мысли и предложения. 9.5.37. [Инициалы подписи]»; на обороте последнего листа написано: «Отпечатать». Начало отчета (первые пять строчек), где сказано о времени прибытия в Испанию и о налете часов, зачеркнуто. Поверх них простым карандашом написано: «*Докладываю некоторые заслуживающие внимания выводы по боевой работе авиации в Испании*». Далее летчик, описывая условия сбрасывания бомб «Юнкерсами», сообщал: «Какой пеленг? Это зависит от времени дня и выгодности атаки. С ихней стороны использование солнца было на 100 %». Редакторская правка зачеркнутого последнего предложения выглядела так: «*“Юнкерсы” при всех своих полетах очень хорошо используют [так в тексте] солнце для целей ориентировки*». Далее Захаров писал: «Маскировка и ориентировка по солнцу, это главное для подхода к цели и во всех случаях: идешь ли ты в атаку, или бомбить или разведка и т. д. Общая ориентировка

³¹ Абросов С. В небе Испании. 1936–1939 гг. М., 2003. С. 312; Он же. Воздушная война в Испании. Хроника воздушных сражений 1936–1939. М., 2008.

³² РГВА. Ф. 35 082. Оп. 1. Д. 11. Л. 235–229. Дело имеет заголовок «Доклады по авиации 1 января — 15 апреля 1937 г.», к материалам дела составлена опись с фамилиями летчиков.

по солнцу не отъемлемая часть всех летчиков.» Часть двух последних предложений была отредактирована: «...и во всех случаях *воздушного боя и бомбометания* и разведки и т. д. Общая ориентировка по солнцу — *важнейшее условие полета*» [курсивом выделены редакторские исправления]³³.

Отчеты и записки летчиков, о которых писал Я. В. Смушкевич, вошли в тематические ИСб № 16–18, освещающие боевые действия авиации в Испании за декабрь 1936 — март 1937 г. Открывает ИСб № 16 «Доклад командира истребительной авиации эскадрильи И-16 капитана К. Некоторые выводы из практики воздушных боев». Подлинник его хранится среди материалов отделения «Х» под тем же названием, что позволяет установить автора — К. И. Колесников. В том же сборнике под номерами 12 и 13 включены материалы: «Из письма командира отряда Д. о воздушном бое над Мадридом 15 февраля» и «Из записок командира звена Х. о воздушном бое 17 февраля». Их подлинники также выявлены среди присланных Смушкевичем бумаг. Под буквой Д. значится командир отряда истребителей С. П. Денисов, описавший «боевой эпизод воздушного боя»; под буквой Х. — командир звена П. И. Хара, писавший о бое 17 февраля³⁴. Приведенные примеры не единственные.

Зачастую отчеты летчиков и танкистов помимо узкоспециальной информации содержали в себе описание впечатлений от встреч с простыми испанцами. Так, например, один из летчиков в своем отчете, наполненном технической информацией, описал встречу с крестьянами вблизи деревни Мондехар (в 25 км от линии фронта), где он был вынужден совершить посадку в связи с поломкой самолета:

«...Люди впервые увидели самолеты в непосредственной близости. Собралась вся деревня. Людская масса окружила самолет. Мой экипаж разъясняет опасность такого сборища, так как могут налететь самолеты противника, но это не оказывает никакого воздействия. [...] Вдруг, кто-то неистово закричал. Я понял только одно слово “авион” и кровь застыла в жилах оттого, что из-за меня могут пострадать сотни этих ни в чем не повинных стариков и детей. Толпа с визгом шарахнулась во все стороны. [...] На высоте больше 3 000 м были видны два самолета и слышен гул. [...] Самолеты точно над нами. Вот сейчас будут вопли ужа-

³³ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 11. Л. 235.

³⁴ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 10. Л. 2 (Хара), 8 (Денисов), 190 (Колесников).

са..., но, еще секунда и пространство прорвалось сотнями разноголосых криков: “Катюшка! Катюшка!” “Нуэстра Катюшка!” “Вива Катюшка!” “Вива Русия!” И опять кулаки над головами, и опять любопытная и ликующая толпа повалила к самолету. Мы спрашивали, откуда они знают это имя, но так толком и не смогли добиться. [...] В Испании нет летчика, который не пошел бы со всей охотой работать на “СБ”. Летчик, летающий на “СБ”, пользуется особым уважением, его тепло хлопают по спине (в испанском обычае похлопыванием по спине выражают к человеку самые глубокие чувства приветствия) и говорят: “Эль пилото де Катюшка” (он пилот на “Катюшке”). [...] Таковы общие черты впечатлений, произведенных нашей “Катюшкой” (*ИСб № 18*).

Из приведенного отрывка следует, что истоки знаменитого имени «Катюша», вошедшего в историю Великой Отечественной войны как символ первой советской ракетной артиллерийской установки, возможно, идут с фронтов гражданской войны в Испании, где «Катюшкой» именовали советский самолет СБ.

Не ставя перед собой задачу обзора всего подготовительного материала отделения «Х», составляющего сотни дел, отметим, что в настоящее время многие исследователи используют его в научных целях. За последние годы был издан ряд исследований об участии советских авиаторов и танкистов в Испании.

Публикация ИСборников

Полный комплекс ИСборников хранится в Российском государственном военном архиве (РГВА) в фонде № 35082 «Коллекция документальных материалов по Гражданской войне в Испании. 1936–1939 гг.», составляя его часть. Данный краткий обзор по объему, тематике и содержанию ИСборников позволяет утверждать о несомненной важности этого комплекса исторических источников и актуальности введения его в научный оборот. В настоящее время в РГВА завершена подготовка к изданию первого тома (ИСб № 2–15) и ведется работа по второму тому (ИСб № 16–30) этого серийного издания. Помимо ИСборников в издание планируется включить сводки о боевых действиях в Испании, фотографии и другие материалы, дополняющие основную комплекс.

Благодаря процессу рассекречивания архивных материалов, активно проходившему в последние десятилетия, стали возмож-

ны научные публикации по данной теме. В 2001 г. вышел первый сборник документов «*Коминтерн и гражданская война в Испании*» (составители С. П. Пожарская и А. И. Саплин), подготовленный Институтом всеобщей истории РАН и Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ)³⁵. В него вошли документы РГАСПИ за 1923–1944 гг. из фонда Коминтерна (№ 494), частично из фонда № 545 и др. В 2013 г. «Вестник Архива Президента Российской Федерации» опубликовал значительный комплекс документов под названием «*СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939 годы*»³⁶ (составители А. В. Коротков, А. С. Степанов, при участии С. А. Мельчина), основу которого составили 17 дел объемом чуть более двух тысяч листов, «описанных и систематизированных по тематическому принципу»³⁷. Предстоящая публикация материалов военного ведомства станет весомым вкладом в формирующуюся источниковую базу российской историографии по истории гражданской войны в Испании. Общий объем хранящихся в архиве ИСборников составляет около 5 тыс. листов. Несомненно также, что эти материалы одинако важны не только для российской научной общественности. В них содержится разносторонний фактический и документальный материал о событиях и участниках гражданской войны в Испании, о помощи СССР республиканской Испании и поддержке Германией и Италией войск мятежников, о советском военном контингенте и о итальянских и немецких летчиках, о технических достоинствах и недостатках военной техники и вооружения, об изучении «испанского» опыта в преддверии новой мировой войны.

Документальное «золото», как образно назвал присланные из Испании материалы начальник РУ РККА С. П. Урицкий, пролежавшее более полувека в закрытых недрах советских архивов, постепенно становится известным для потомков тех, кто 80 лет назад встал с оружием в руках против фашизма, принесшего миру горе и смерть миллионов людей.

---

³⁵ Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М., 2001. 528 с.

³⁶ СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939 годы / Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2013. 547 с.

³⁷ Там же. С. 23.

ХУЛИО РУИС

ЛОЖНОЕ ОБВИНЕНИЕ: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
И ЗВЕРСТВА РЕСПУБЛИКАНЦЕВ
В ПАРАКУЭЛЬОС

I.

Ранним утром во вторник, 27 октября 1936 г., республиканский Мадрид был атакован с воздуха немецким «Юнкерсом». Несмотря на то что налет привел лишь к незначительным разрушениям, тюрьму Вентас на западе города окружила толпа примерно в 500 человек. Эта тюрьма была одной из не менее чем семи тюрем, в которых содержалось более 10 тыс. «фашистов», арестованных перед началом Гражданской войны в июле 1936 г. и в ее первые дни. Демонстранты потребовали, чтобы им выдали узников Вентас, утверждая, что политические заключенные по сигналам, поданным самолетами националистов, подняли бунт¹. Всего тремя неделями ранее, 3 октября, Долорес Ибарури («Пассионария»), самый знаменитый коммунист Испании, выступила с печально известным заявлением на первой полосе *Mundo Obrero*, ежедневной газеты Испанской коммунистической партии (ИКП). «Как говорил предатель [генерал] Мола, он бросит на Мадрид четыре колонны, — утверждала она, — но первой выступит “пятая” колонна. “Пятая” колонна находится в Мадриде, и, несмотря на принятые меры, она все еще скрывается во мраке... врага нужно немедленно разгромить. Законы войны суровы, но с этим приходится смириться... [это] следует сделать

---

¹ Julius Ruiz. Paracuellos. Una verdad incómoda. Barcelona, 2015. P. 213–214.

незамедлительно: очистить тылы, принять меры к тому, чтобы... враг не смог ударить нам в спину»².

Вслед за толпой, убежденной в том, что в Вентас действует «пятая колонна», на сцене объявились руководители Провинциального комитета публичных расследований (Comité Provincial de Investigación Pública, ПКПР). Этот революционный трибунал Народного фронта был создан 4 августа 1936 г. по инициативе Мануэля Муньоса, генерального директора безопасности (министра полиции). Перед ПКПР была поставлена задача «содействовать» Генеральному управлению безопасности (Dirección General de Seguridad, ГУБ), в поисках «фашистских» шпионов и саботажников, пока ГУБ не будет очищено от сочувствующих мятежникам. Охота ПКПР на воображаемых внутренних врагов — «пятую колонну» — привела к массовым арестам и казням. ПКПР несет ответственность за многие из более 8 000 внесудебных расправ, произошедших в Мадриде во время гражданской войны³.

В числе этих жертв находились 32 узника, забранных из Вентас и расстрелянных в ночь с 28 на 29 октября. Среди них были 14 профессиональных военнослужащих, а также правый интеллектуал Рамиро де Маэсту и фашистский лидер Рамиро Ледесма Рамос. Официально злосчастных заключенных «эвакуировали» в тюрьму Чинчиля на востоке Испании. Этот кровавый *modus operandi* — санкционированный Анхелем Галарса, республиканским министром внутренних дел — почти сразу же стал применяться ПКПР и в отношении других тюрем Мадрида. Члены ПКПР, стремясь предотвратить мятеж так называемой «пятой колонны» в испанской столице, являлись в тюрьмы и требовали, чтобы заключенные шли на фронт, сражаться за республику. На это соглашались немногие. Как и в Вентас, ПКПР отбирал из числа заключенных самых «опасных», и к 6 ноября в Чинчилю по полицейскому приказу было формально «эвакуировано» уже 190 военнослужащих и гражданских лиц. На самом деле все они были казнены в соседних деревнях Аравака и Ривас-Васиамадрид⁴.

В тот же день директор Образцовой тюрьмы — крупнейшей столичной тюрьмы, в которой содержалось около 5 400 заключен-

---

² Mundo Obrero, 3/10/36.

³ Julius Ruiz. The 'Red Terror' and the Spanish Civil War. Cambridge, 2014. P. 101–105.

⁴ Ruiz. Paracuellos, 213–228.

ных, — получил от ГУБ приказ «передать милиции заключенных, перечисленных в прилагаемом списке, с целью их перемещения в тюрьму Сан-Мигель-де-лос-Рейес в Валенсии». Но времени у ПКПР почти не оставалось. К моменту выдачи этого приказа силы Франко взяли Карабанчель-Бахо, находившийся в трех километрах к юго-западу от тюрьмы. Выявление «опасных фашистов» в Образцовой тюрьме едва началось; в вышеупомянутом приказе не содержалось никаких имен. Тем не менее то, что «эвакуация» означала убийство заключенных, было ясно с самого начала; начальство тюрьмы в Валенсии не получало уведомлений о какой-либо массовой эвакуации на восток страны. Из-за того, что отбор обреченных на смерть шел медленно, утром 7 ноября первыми «эвакуированными» стали те, кто содержался в тюрьмах Порльер и Сан-Антон, а не заключенные Образцовой тюрьмы (ближайшей к фронту). Место казни находилось у ручья Сан-Хосе в Паракуэльос-де-ла-Харама — деревне, расположенной примерно в 20 километрах к северо-востоку от Мадрида и потому легко доступной из столицы. Во второй половине дня туда же было доставлено более 500 заключенных из Образцовой тюрьмы. В их число входили такие видные военные, как адмирал Франсиско Салас-и-Гонсалес, в июле 1936 г. возглавлявший генеральный штаб военно-морского флота, а также ряд фашистов, включая Федерико Примо де Риверу, кузена лидера «Фаланги» Хосе Антонио Примо де Риверы⁵.

Из этого не следует, что в число обреченных на смерть не попали случайных людей. Так, среди них находилось менее десяти человек, чьи первые фамилии начинались на буквы *h*, *i*, *j*, *k* и *l*. Так произошло потому, что перепуганный начальник тюрьмы Валентин Лостау де ла Морена сумел спрятать дела заключенных на эти буквы от представителей ПКПР и сопровождавших их полицейских⁶. И напротив, из тех подозреваемых, которые имели несчастье быть арестованными на протяжении предыдущей недели и помещенными в Образцовую тюрьму, смерть сильнее всего грозила тем, кто фигурировал в начале тюремных списков. Так, среди отобранных для казни находился Висенте Кома Серкейра, который попал в Образцовую тюрьму только 5 ноября; вся его вина состояла в том, что он «внимательно разглядывал отель “Палас” [в Мадриде], и особенно его первый этаж, где размещалось

⁵ Ibid., 228–250.

⁶ Archivo Histórico Nacional (Madrid). Fondos Contemporáneos, Causa General, caja 1512, expediente 8 (далее — FC, CG, 1512, exp. 8).

Советское посольство»⁷. Другими были простые испанцы, заподозренные в подрывной деятельности. В их число входил Рафаэль Тони Стерлинг, 18-летний вице-казначей местной католической молодежной организации, тем летом «якобы стрелявший в народ» из здания, не существовавшего в природе⁸. По сути, палачи поставили себе целью уничтожение «пятой колонны», которой осенью 1936 г. на самом деле не существовало. Как доказывает Хавьер Сервера в своем новаторском исследовании 1998 г. о «пятой колонне», организованная подпольная активность в республиканском тылу началась только в ноябре 1936 г., после провала попыток Франко взять испанскую столицу. То, что республиканскому Мадриду удалось выстоять, сильно повысило вероятность затяжной гражданской войны и побудило мобилизоваться прежде затерроризированных сторонников националистов⁹. Но даже при этом возникшая впоследствии «пятая колонна» — состоявшая из непрерывно возникавших и распадавшихся подпольных организаций, в большей или меньшей степени связанных с фашистской «Фалангой» и франкистской военной разведкой, — избегала таких террористических актов, как снайперская стрельба. Она так и не стала той сеявшей смерть секретной организацией, которая существовала в воображении антифашистов¹⁰.

Так началось «Паракуэльос» (этим словом историки называют все массовые убийства, совершавшиеся республиканцами). Тем не менее палачам не сразу удалось организовать бесперебойное проведение массовых казней. Вторая группа из менее чем 400 заключенных, вывезенных из Образцовой тюрьмы утром 8 ноября на двухэтажных автобусах британского производства, не попала в Паракуэльос, потому что могильщики не успели похоронить всех казненных накануне. Но это не дало осужденным отсрочки: их отвезли в конфискованное имение Сото де Альдовеа в соседней деревне Торрехон-де-Ардос и расстреляли там в пересохшем оросительном канале¹¹.

К тому времени политический контекст казней изменился. И Анхель Галарса, министр внутренних дел, и Мануэль Муньос, служивший при нем генеральным директором безопасности,

⁷ ANH, FC, CG, 1512, exp.9.

⁸ Centro Documental de la Memoria Histórica (Salamanca). Sección Político-Social de Barcelona, caja 315, legajo 431, número 21.

⁹ Javier Cervera. Madrid en guerra. La ciudad clandestina 1936–1939. Madrid, 1998.

¹⁰ Ibid., 263–282.

¹¹ Ruiz. Paracuellos, 243–244.

вместе с премьер-министром республиканского правительства Франсиско Ларго Кабальеро бежали из Мадрида в Валенсию. К счастью для ПКПР, созданный генералом Хосе Миахой Хунта обороны Мадрида (Junta de Defensa de Madrid, ХОМ) — чрезвычайный орган, 6–7 ноября 1936 г. взявший в свои руки власть в городе, — был точно так же преисполнен решимости ликвидировать так называемую «пятую колонну». Ответственность за поддержание общественного порядка была возложена на 21-летнего Сантьяго Каррильо, вождя Объединенной социалистической молодежи (Juventudes Socialistas Unificadas, ОСМ) — организации, в которой доминировали коммунисты, — и тем самым под его контролем оказалось сильно разросшееся население городских тюрем¹². Каррильо при поддержке своего заместителя и ближайшего союзника в ОСМ Сегундо Серрано Понсела принял меры к тому, чтобы «эвакуация», осуществлявшаяся силами ПКПР, продолжалась. Заручившись согласием со стороны руководителей ИКП и анархо-синдикалистского профсоюзного движения (CNT-FAI), Каррильо ввел таких ключевых деятелей ПКПР, как Мануэль Раскон и Артуро Гарсиа де ла Роса в свой Совет Генерального управления безопасности (Consejo de la Dirección General de Seguridad) — новое полицейское учреждение, которому было поручено «перемещение» заключенных. Было принято решение ускорить сортировку узников, причем «фашистов и опасные элементы» следовало незамедлительно предавать смерти в соответствии с принципом «вероятной виновности»¹³.

Но, несмотря на то что казни предполагалось проводить секретно, по Мадриду вскоре распространились слухи о том, что произошло в Паракуэльос и Торрехон-де-Ардос. Известия о жестоких расправах с заключенными дошли до ушей баскского националиста Мануэля де Ирухо и левого республиканца Хосе Хиралья, входивших в состав правительства Ларго Кабальеро в качестве министров без портфеля. 10 ноября они обратились с запросом к адъютанту генерала Миахи капитану Кастаньеде, который наотрез отрицал, что заключенным что-то угрожает¹⁴. Более того, три дня спустя ХОМ опубликовал в печати лживое заявление о том, что «заключенные не подвергались какому-либо жестокому обращению и не должны бояться за свою жизнь.

¹² Julio Aróstegui, Jesús A. Martínez. La Junta de Defensa de Madrid: noviembre 1936 — abril 1937. Madrid, 1984. P. 53–86.

¹³ Ruiz. Paracuellos, 272–278.

¹⁴ Ian Gibson. Paracuellos: cómo fue. Barcelona, 1983. P. 123.

Всех их будут судить в соответствии с законом»¹⁵. На следующий день оба республиканских министра выразили серьезную озабоченность тем, что происходит в мадридских тюрьмах, своему коллеге Анхелю Галарсе. Но они ошибались, если надеялись на то, что министр внутренних дел примет энергичные меры к предотвращению дальнейших казней. Галарса раздраженно отказался отвечать на их вопросы и резко прервал разговор¹⁶. Мануэль де Ирухо, не сдаваясь, осудил расправы на заседании кабинета министров в Валенсии и во время аудиенции у президента Асаньи в Каталонии. Но это ничего не дало. Более того, министр юстиции, анархист Хуан Гарсиа Оливер на заседании кабинета сурово заявил, что «войну следует вести жестокими методами»¹⁷. Это решительное объявление «тотальной войны» стало последним словом. Ни ХОМ, ни республиканское правительство не были готовы прекратить массовую «эвакуацию» заключенных.

Не одних только Мануэля де Ирухо и Хосе Хиралья беспокоила судьба тех, кто оказался в тюрьмах осажденной испанской столицы. Во второй половине дня 7 ноября иностранные дипломаты, включая почетного консула Норвегии Феликса Шлайера, потребовали от Миахи и Каррильо обеспечить безопасность заключенных. Хотя в этот момент приговоренных уже везли из Образцовой тюрьмы в Паракуэльос, оба они заверили Шлайера, что заключенным ничего не угрожает¹⁸. Более важными были действия анархиста Мельчора Родригеса Гарсии. Обратившись к своему другу Мариано Санчес-Роке, заместителю министра юстиции, 9 ноября он был назначен на специально созданную должность «генерального инспектора тюрем»¹⁹. Каррильо, входя в состав ХОМ, всегда требовал, чтобы тот подчинялся валенсийскому правительству. Как он указывал на совещании ХОМ 19 ноября, «в Испании есть только одно правительство, только одна власть — правительство во главе с ЛАРГО КАБАЛЬЕРО»²⁰. Поэтому Каррильо оставалось только признать полномочия Родригеса, несмотря на личную враждебность по отношению к этому анархисту: между ними ранее возникли «разногласия» по вопро-

¹⁵ ABC (Madrid) 14/11/36.

¹⁶ Gibson. Paracuellos, 124–6.

¹⁷ Manuel Azaña. Apuntes de memoria, Inéditos y cartas, 1938–1939–1940. Valencia, 1990. P. 35.

¹⁸ Félix Schlayer. Diplomático en el Madrid rojo. Sevilla, 2008. P. 138, 140. См. также: AHN. FC, CG 1527, exp.1, 82–83.

¹⁹ Gaceta de la República, 14/11/36.

²⁰ Ariostegui. La Junta de Defensa, 337. Выделение в оригинале.

су об «эвакуации» тюрем²¹. Поэтому Родригесу, который вскоре получил среди заключенных прозвище «Красный ангел», парадоксальным образом удалось остановить казни как раз тогда, когда войска мятежников ближе всего подошли к Образцовой тюрьме.

Вмешательство Родригеса не означало конца казней. Санчес-Рока действовал без ведома своего начальника, министра юстиции Хуана Гарсии Оливера, который прибыл в Мадрид 12 ноября. Обнаружив, что контроль над столичными тюрьмами без его санкции захватил его коллега-анархист, Гарсия Оливер три дня спустя уволил Родригеса после «яростного трехчасового спора»²². Устранение «Красного ангела» было воспринято как сигнал о том, что страшные мероприятия Совета Генерального управления безопасности получили одобрение со стороны правительства, и 18 ноября казни возобновились. К тому времени Образцовая тюрьма была окончательно закрыта, а ее узники переведены в другие тюрьмы города. С 18 ноября по 4 декабря было проведено не менее 15 смертоносных «эвакуаций» из Мадрида в Паракуэльос. 27–28 и 29–30 ноября и 1–2 и 2–3 декабря были отправлены четыре группы заключенных из Вентас, 22–23, 27–28 (две), 28–29 и 29–30 ноября — пять из тюрьмы Сан-Антон, и 18–19, 24–25 и 25–26 ноября и 1–2 и 2–3 декабря — шесть из тюрьмы Порльер. Самое большое количество жертв (не менее 505) было доставлено из тюрьмы Сан-Антон, из Порльер — примерно 440, и из Вентас — 226²³. Казненные в этот период, скорее всего, были гражданскими лицами, не имевшими никакого отношения к армии. В их число входило много духовных лиц. Из числа заключенных тюрьмы Сан-Антон, отобранных для уничтожения и казненных в ходе четырех «эвакуаций» с 27 по 30 ноября, более 123 были священниками или монахами, включая 51 монаха-августинца из Эскориала, расстрелянных ранним утром 30 ноября²⁴. Очевидно, их принадлежность к духовенству не обеспечивала им статуса нонкомбатантов; более того, перед казнью их спрашивали, не хотят ли они сражаться за Республику на фронте²⁵.

---

²¹ Jesús F. Delgado, *Amor Nuño y la CNT. Crónicas de vida y muerte*. Madrid, 2014. P. 360.

²² Ibid; AHN. FC, CG, 1513, núm. 11, 19.

²³ Ruiz. The 'Red Terror', 274.

²⁴ Antonio Montero Moreno. *Historia de la persecución religiosa en España*. Madrid, 2000. P. 343–346.

²⁵ Rafael Casas de la Vega, *El Terror: Madrid 1936*. Madrid, 1994. P. 255.

На протяжении этого периода международная озабоченность судьбой заключенных лишь усилилась; более того, в конце ноября в Мадрид с целью провести расследование прибыла британская парламентская делегация. Стремясь сокрыть истину, Совет обороны Мадрида попросил стать гидом британцев Маргариту Нелькен, полиглота и депутата парламента, незадолго до этого перешедшую из Социалистической партии в ряды коммунистов. Нелькен отлично выполнила порученное задание; когда британцы усомнились в ее заявлениях о том, что все заключенные живы и здоровы, она с негодованием возразила: «Вы сами согласитесь с тем, что вам были созданы все условия для того, чтобы посещать этих заключенных, говорить с ними и тем самым непосредственно ознакомиться с их положением... вы сами согласитесь с тем, что ни один из этих заключенных не слышал ни одного бранного слова и тем более никто из них не подвергался дурному обращению — ни в момент ареста, ни впоследствии... Я уверена, что вы первые увидите, что то питание, которое получают заключенные, служит одним из величайших доказательств гуманности нашего правительства и нашего народа»²⁶.

Пылкие утверждения Нелькен о «гуманности» республиканцев рассеяли сомнения делегации, потрясенной зрелищем страданий гражданского населения в результате бомбардировок, проводившихся мятежниками. В докладе, составленном по возвращении в Лондон, делегация признавала: «Мы посетили заключенных и столкнулись с некоторыми сложностями при разговоре с ними, поскольку рядом часто находились должностные лица». Тем не менее парламентарии объясняли «сообщения о сокращении численности» заключенных мадридских тюрем «реальным перемещением заключенных из Мадрида в провинции, осуществляемым властями». Испанское посольство в Лондоне было так довольно этим докладом, что пресс-служба посольства издала его в виде брошюры²⁷.

До отбытия из республиканской Испании британская делегация 4 декабря встретила в Валенсии с Ларго Кабальеро и выразила свою озабоченность судьбой мадридских заключенных. Премьер-министр обещал принять меры: республиканцы отчаянно нуждались в том, чтобы Британия отказалась от поли-

²⁶ The National Archives (London). Foreign Office General Correspondence 371, box 20553, file W17 530/62/41.

²⁷ Frederick Seymour Cocks et al. The Visit of an All-Party Group of Members of Parliament to Spain. London, 1936. P. 23, 11–2.

тики невмешательства. Кроме того, к тому моменту правительство подвергалось постоянному нажиму со стороны иностранных дипломатов, требовавших восстановить в должности Родригеса Гарсию, «Красного ангела». К концу ноября Гарсиа Оливер согласился сделать это, но вследствие различных проволочек с его стороны соответствующий приказ был отдан лишь 1 декабря. При этом он был подписан его заместителем, Санчес-Рокой, а его публикация в официальном правительственном бюллетене *Gaceta de la República* состоялась лишь два дня спустя. Родригес Гарсиа в итоге занял свою должность лишь 5 декабря²⁸. На этом с «Паракуэльос» было покончено. В ходе этих расправ с жизнью рассталось около 2500 «фашистов» из числа военных и гражданских лиц.

II.

Расстрелы в Паракуэльос представляли собой наиболее кровавую из всех расправ, устроенных республиканцами в ходе гражданской войны. Всего в республиканской Испании во время войны было убито около 50 тыс. «фашистов», включая более 6 тыс. представителей католического духовенства. Разумеется, мы не хотим сказать, что только республиканцы осуществляли массовые убийства некоммунистов; примерно 100 тыс. «красных» было предано смерти в националистической Испании, и еще не менее 28 тыс. республиканцев было расстреляно после 1 апреля 1939 г., когда Франко объявил победу²⁹. Поскольку в боях погибло около 150 тыс. человек, можно сказать, что во время испанской гражданской войны находиться в тылу было не менее опасно, чем на передовой.

Неудивительно, что вопрос о политическом терроре занимает ключевое место в историографии испанского братоубийственного противостояния. Вообще говоря, среди историков левого толка наибольшей популярностью пользуется тот же тезис, который во время войны (и впоследствии) выдвигали сами республиканцы: о том, что националисты систематически проводили в жизнь

²⁸ Ruiz. Paracuellos, 343–345.

²⁹ Stanley G. Payne. The Spanish Civil War. Cambridge, 2012. P. 244–245; Francisco Espinosa (ed). *Violencia roja y azul. España, 1936–1950*. Barcelona, 2010. P. 77–78; Santos Juliá Díaz (ed). *Víctimas de la guerra civil*. Madrid, 1999. P. 411–412.

«программу» ликвидации или геноцида, в то время как республиканский террор был делом рук «неуправляемых элементов», воспользовавшихся крахом республиканского государства, который сам стал следствием военного мятежа в июле 1936 г.³⁰, как недавно выразился в своей книге «Испанский холокост» самый известный сторонник этой интерпретации, профессор Пол Престон из Лондонской школы экономики,

Тыловые репрессии проводились и в республиканской, и в мятежной зонах. И республиканские репрессии, и репрессии мятежников, сильно различаясь как количественно, так и качественно, унесли десятки тысяч жизней... Репрессии, осуществлявшиеся мятежниками, представляли собой тщательно спланированные операции, направленные, по словам руководителя путча Эмилио Мола, на то, чтобы ликвидировать «без угрызений совести и без колебаний всех, кто думает не так, как мы». Напротив, репрессии в республиканской зоне отличались импульсивным и сиюминутным характером. Первоначально они являлись спонтанной и оборонительной реакцией на военный мятеж, впоследствии ожесточившейся из-за принесенных беженцами известиях о зверствах военных и проводившихся путчистами бомбардировок. Трудно себе представить, чтобы насилие, творившееся в республиканской зоне, стало возможным в отсутствие военного мятежа, фактически уничтожившего цивилизованное общество со всеми его сдержками. Таким образом, вызванный мятежом крах правоохранительных структур сделал возможным и взрыв слепой праведной мести (вызванной возмущением, накопившимся за столетия угнетения), и разгул безнаказанной преступности, творившейся выпущенными из тюрем заключенными или теми, кто ранее не осмеливался дать полную волю своим инстинктам. Кроме того, существовала реальная военная необходимость борьбы со внутренним врагом³¹.

Этот тезис уже давно оспаривается специалистами. Во-первых, ведущееся уже более сорока лет отечественное изучение франкистских репрессий указывает на существование обратной зависимости между укреплением франкистского государства и жестокостью репрессий. Сам Престон показывает, что региона-

---

³⁰ Julius Ruiz. 'Seventy Years On: Historians and Repression during and after the Spanish Civil War // The Journal of Contemporary History. 44 (3) (2009). P. 449–472.

³¹ Paul Preston. The Spanish Holocaust. Inquisition and Extermination in Twentieth-Century Spain. New York, 2012. P. XII–XIII.

ми, сильнее всего пострадавшими от репрессий, были Андалусия на юге (47 399 или 36 % всех казней) и Старая Кастилия в центре и на севере Испании (17195 или 13 % казней). Эти территории были в основном заняты мятежниками в начале гражданской войны или в течение последующих семи месяцев, когда внесудебные казни были нормой. В целом, более половины всех казней произошло еще до формального провозглашения франкистского «Нового государства» 1 октября 1936 г.

Иными словами, институционализация «франкистского правосудия» в рамках системы военных трибуналов, произошедшая зимой 1936–1937 гг., привела и к относительному, и к абсолютно-му сокращению числа казней³². Это чрезвычайно важно с учетом того факта, что основой геноцида в XX в. служили не «тщательно спланированные операции», как полагает Престон, а радикализация государства. Как писал Марк Ливин, геноцид следует размещать в крайнем «конце спектра репрессивных государственных стратегий, включающих маргинализацию, насильственную ассимиляцию, депортацию и даже резню»³³. В случае нацистского и Османского государств война радикализовала решимость создать этнически или расово однородное «национальное сообщество». Нацисты, ранее предполагавшие решить «еврейский вопрос» путем маргинализации евреев и их изгнания из страны, между сентябрем 1939 г. и декабрем 1941 г. сделали выбор в пользу их полномасштабного уничтожения; Османское государство до 1914 г. решало «армянский вопрос» путем периодической резни, но в мае 1915 г., встревоженное состоявшейся месяцем ранее высадкой войск Антанты в Галлиполи и опасавшееся того, что неминуемое русское наступление на Кавказе будет поддержано живущими в империи армянами, оно сделало своей стратегией геноцид³⁴.

Не менее, а может быть, и более сомнительным является и утверждение о том, что причиной республиканского террора стал «взрыв слепой праведной мести (вызванной возмущением, накопившимся за столетия угнетения) и разгул безнаказанной

³² Julius Ruiz. A Spanish Genocide? Reflections on the post-war Francoist repression // *Contemporary European History*. 14 (May 2005). P. 171–191.

³³ Mark Levene. *Genocide in the Age of the Nation State: Meaning of Genocide*. Vol. 1. London, 2008. P. 50.

³⁴ См., например: Christopher Browning. *The Origins of the Final Solution: the Evolution of Nazi Jewish policy, September 1939 — March 1942*. London, 2005; Donald Bloxham. *The Great Game of Genocide: Imperialism, Nationalism, and the Destruction of the Ottoman Armenians*. Oxford, 2005.

преступности, творившейся выпущенными из тюрем заключенными или теми, кто ранее не осмеливался дать полную волю своим инстинктам». Архивные исследования показывают, что это неправда. Как еще в 1999 г. предупреждал Хулиан Касанова, «не следует возлагать вину исключительно на “неуправляемых”... которых так часто объявляют ответственными за крайние проявления насилия [имевшие место в республиканской зоне]»³⁵. Среди убийц было немало лиц, имевших квалификацию или образование. Хороший пример дают палачи из ПКПР. В работе этого крупнейшего мадридского революционного трибунала с августа по октябрь 1936 г. участвовало не менее 584 антифашистов. Нам известны социоэкономические корни лишь 175 (30 %) из их числа, и потому мы не в состоянии делать однозначные выводы, но очевидно, что в ПКПР не доминировала какая-либо конкретная социальная группа. Несмотря на то, что 95 человек (54 %) из этих 175 занимались физическим трудом, в этой группе были представлены как квалифицированные, так и полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие: столяров-краснодеревщиков (8 человек) среди них было больше, чем чернорабочих (5 человек). Еще 51 (29 %), включая 18 профессиональных водителей, работали в столичном секторе услуг. В число оставшихся 29 (17 %) входили представители самых разных профессий, в том числе администраторы, юристы и бухгалтеры, — очевидно, выступавшие в качестве носителей специальных знаний, необходимых для эффективного функционирования любой современной организации³⁶.

Аналогичным образом, не выдерживает проверки и старая песня о том, что «большинство убийств в республиканской зоне были делом рук анархистов»³⁷. В реальности убийц поставляли все профсоюзы и политические партии, входившие в состав левацкого Народного фронта. Опять же, об этом свидетельствует пример мадридского ПКПР. Его возглавлял руководящий комитет из 30 членов, включавших представителей анархистского CNT-FAI, социалистов и коммунистов, а также буржуазных организаций *Izquierda Republicana* и *Unión Republicana*. В октябре ПКПР насчитывал 77 следственных бригад, производивших аресты. Эти бригады состояли из участников какого-либо одного

---

³⁵ Juliá (ed). *Victimas*, 120.

³⁶ Ruiz. *The “Red Terror”*, 104.

³⁷ Ángel Viñas. *El escudo de la República: el oro de España, la apuesta soviética y los hechos de mayo de 1937*. Barcelona, 2007. P. 49.

движения. У анархистов имелось около 36 бригад (46,5 %), что давало им явное преимущество над социалистами и коммунистами (по 15 бригад, или по 19,5 %). Несмотря на это, с целью подчеркнуть совместную ответственность за принятие решений, трибуналы ПКПР были тщательно организованы так, чтобы в них не доминировала какая-либо отдельная политическая партия или организация. Всего насчитывалось шесть таких трибуналов, решавших участь «взятых под стражу», по три члена в каждом (набиравшихся в основном, но не исключительно, из состава руководящего комитета). Работая попарно восьмичасовыми сменами, эти трибуналы ПКПР выносили смертные «приговоры», а также выдавали приказы об освобождении³⁸.

Убийства в Паракуэльос всегда создавали проблему для левых защитников идеи о «неуправляемом» республиканском насилии. Как заключает ирландский историк и откровенный социалист Иен Гибсон в своей важной работе 1983 г., посвященной этим расправам, «[операция] осуществлялась... с четкостью хорошо смазанной машины... Ее ход тщательно контролировался из Мадрида»³⁹. Проблему усугубляет и тот факт, что Сантьяго Каррильо, юный вождь ОСМ, в конце 1936 г. отвечавший за поддержание общественного порядка в Мадриде, после гражданской войны стал лидером Испанской коммунистической партии и сыграл ключевую роль во время перехода к демократии после смерти Франко в ноябре 1975 г. Неудивительно, что политические враги Каррильо из числа неофранкистов использовали Паракуэльос в качестве направленного против него политического оружия. Каррильо даже угрожали смертью. В июне 1977 г. террористическая группировка *Alianza Apostólica Anticomunista* (известная как «Три А») отправила в центральную штаб-квартиру ИКП в Мадриде послание, адресованное «Герцогу Сантьяго Каррильо». В этом послании его предупреждали о том, что «жертвы Паракуэльос-де-Харама, которым ты [sic] вынес смертный приговор, требуют справедливости, и хотя прошли годы... Настал твой черед»⁴⁰.

Полемика вокруг причастности Каррильо к расправам в Паракуэльос лишь обострилась после того, как этот коммунист решительно отказался брать на себя какую-либо ответственность за расстрелы. В июле 1976 г. он заявил, что организовал подлин-

---

³⁸ Ruiz. The “Red Terror”, 103.

³⁹ Gibson. Paracuellos, 233.

⁴⁰ Ya. 29/6/77.

ную эвакуацию заключенных, но «конвой» был «перехвачен» «неизвестными силами» и «заключенных казнили, чему я не смог воспрепятствовать. В чем я виноват? Я виноват в том, что не снял с фронта бригаду для охраны этих заключенных до их прибытия в Валенсию... Я не вмешивался в это дело лично. Я не считаю себя ответственным за исчезновение этих людей»⁴¹. Каррильо продолжал отрицать какое-либо участие в этих убийствах вплоть до своей смерти в сентябре 2012 г. в 97-летнем возрасте⁴².

К утверждениям Каррильо о своей невинности не может быть никакого доверия. Даже левые историки признают, что ему принадлежит ключевая роль в событиях в Паракуэльос. Например, в апреле 2011 г. Престон заявил испанским журналистам, что слова Каррильо — это «ребяческая ложь»⁴³. В лучшем случае, полагал в 2007 г. Анхель Виньяс, «не исключено, что в начале [Каррильо] не знал подробностей операции», но он не мог не быть в курсе происходящего самое позднее к 11 ноября⁴⁴. Но это не значит, что левые авторы осознают значение Паракуэльос. Среди них существует тенденция отмахиваться от этих событий, вместо того, чтобы объяснять, что там происходило. Так, в некоторых недавних работах преувеличивается угроза поражения, стоявшая перед республиканцами, защищавшими Мадрид, в ноябре 1936 г. Например, Престон утверждает, что «мятежники, наступавшие через Университетский городок и Каса-де-Кампо, к 6 ноября находились всего в двухстах ярдах от крупнейшей тюрьмы — Образцовой — в районе Аргуэльес. Впоследствии франкистские офицеры утверждали, что в тот день в передовых частях регулярной армии были организованы группы захвата, которым удалось проникнуть в Образцовую тюрьму и освободить часть заключенных»⁴⁵. Положение республиканцев действительно было серьезным, но не настолько отчаянным, как считает Престон. Как мы видели выше, 6 ноября войска националистов находились не в «двухстах ярдах», а в 3 километрах от Образцовой тюрьмы, и у нас нет никаких доказательств того, что франкистские «группы захвата» сумели освободить хотя бы одного заключенного. В любом случае стоит еще раз повторить, что положение фронта никак не было связано с хронологией

⁴¹ Цит. по: El País. 4/1/77.

⁴² Santiago Carrillo. Mi testimonio político. Barcelona, 2012. 111–130.

⁴³ См., например: La Vanguardia. 11/4/2011; ABC (Madrid). 12/4/2011.

⁴⁴ Viñas. El escudo, 74.

⁴⁵ Preston. Spanish Holocaust, 344.

расстрелов. Первые жертвы Паракуэльос были привезены туда из тюрем Порльер и Сан-Антон, а не из Образцовой тюрьмы, находившейся ближе всего к местам боев; а 9 ноября, когда силы националистов ближе всего подошли к Образцовой тюрьме, расстрелы временно прекратились. Вообще, если убийства проводились только для того, чтобы не дать заключенным влиться в ряды националистов, неясно, почему не было казнено ни одного узника из тюрьмы Дуке-де-Сесто, пенитенциарного заведения, в котором на конец ноября 1936 г. содержалось 509 заключенных (включая 139, ранее служивших в армии)⁴⁶.

В левой историографии событий в Паракуэльос основное внимание уделяется не анализу расправ, а оправданию республиканских властей. В 2007 г. Виньяс утверждал, что «невозможно поверить» в какую-либо связь правительства Ларго Кабальеро с массовыми убийствами⁴⁷. Весьма примечательна и позиция, занятая пять лет спустя британским историком Хелен Грэм, заявлявшей, что расстрелы в Паракуэльос являлись «мерой возмездия» и что «не имеется никаких доказательств того, что республиканское правительство в Валенсии знало об убийствах... прежде чем они завершились»⁴⁸. Это не означает, что всю вину возлагают на Каррильо. Ему в то время был всего 21 год, и считается, что он обладал слишком ничтожным политическим влиянием, для того чтобы в одиночку отвечать за зверства масштаба Паракуэльос. Утверждается, что скорее он выполнял приказы иностранцев. Как выразился Виньяс, «в конечном счете главным организатором резни в Паракуэльос был один из палачей того времени — Александр Орлов», глава советской тайной полиции, НКВД, в Испании. Иными словами, события в Паракуэльос представляли собой «первый и, с учетом его размаха, единственный крупный “подвиг” НКВД на испанской земле»⁴⁹. Пожалуй, еще более сенсационно звучит заголовок статьи о Паракуэльос,

⁴⁶ Ibid., 313–4. Престон на протяжении всего своего рассказа говорит о «четырех» мадридских тюрьмах (Образцовая тюрьма, Вентас, Сан-Антон и Порльер), в то время как их было не менее шести, включая женскую тюрьму Конде-де-Торено, в которой содержалось около 1000 заключенных. Благодаря усилиям иностранных дипломатов и «Красного креста» в Паракуэльос не было расстреляно ни одной женщины.

⁴⁷ Viñas. El escudo, 53.

⁴⁸ Helen Graham. The War and its Shadow. Spain's Civil War in Europe's Long Twentieth Century. Brighton, 2012. P. 45–46.

⁴⁹ Ángel Viñas. Aportaciones para una reescritura de la Guerra Civil española // Revista del Libros, No. 159 (March 2010); El escudo, 78.

написанной сразу же после смерти Каррильо в сентябре 2012 г.: «Расправы в Паракуэльос: Москва дергала за ниточки»⁵⁰.

По иронии судьбы, тезис об ответственности Советского Союза за Паракуэльос издавна муссируется во *франкистской* историографии. Хотя до националистов доходили сообщения о массовых казнях, происходивших во время гражданской войны, их значение и размах осознавались медленно. В феврале 1939 г. юридическая комиссия, созданная Министерством внутренних дел с целью доказать «законность» военного мятежа, объявила, что «славное национальное восстание» спасло «Испанию, а может быть, и все цивилизованное человечество от опасного кризиса 18 июля 1936 г.»⁵¹. Прибегая к логике типа *post hoc ergo propter hoc*, комиссия особо выделяла революционный террор, начавшийся в июле 1936 г., ответственность за который решительно возлагалась на республиканское правительство⁵². Но и при этом массовые убийства мадридских заключенных осенью 1936 г. упоминались лишь вскользь (им в докладе был посвящен всего один короткий абзац), при отсутствии какой-либо оценки числа жертв⁵³. Более четырех лет спустя, в декабре 1943 г., прокурор франкистского Верховного суда опубликовал итоги проведенного режимом официального расследования «преступлений красных»⁵⁴. В этом «Генеральном обвинении» (*Causa General*) предсказуемо подчеркивалась ответственность республиканского правительства⁵⁵. Но, несмотря на более общий тезис о том, что «истинным вершителем политики Народного фронта была Коммунистическая партия, подстрекавшаяся из-за рубежа», там не содержалось упоминаний об участии советских советников в планировании и последующем осуществлении казней⁵⁶.

Франкистская версия заметно изменилась на протяжении последующего десятилетия. 13 апреля 1943 г. берлинское радио сообщило, что в СССР, около деревни Катынь в Смоленской области,

⁵⁰ Fernando Hernández Sánchez. Masacre en Paracuellos: Moscú Movi6 Los Hilos // La aventura de la historia. 168, octubre de 2012.

⁵¹ Estado Español, Dictamen de la Comisión sobre ilegitimidad de poderes actuales en 18 de julio de 1936. Barcelona, 1939.

⁵² Ibid., 104.

⁵³ Ibid., 80–81.

⁵⁴ Causa General, La dominación roja en España. Avance de la información instruida por el ministerio público. Ministerio de Justicia: 1943. Цитаты приводятся по исправленному второму изданию.

⁵⁵ Ibid., 239.

⁵⁶ Ibid., 12.

были найдены тела 10 тыс. польских офицеров. Хотя их реальная численность была ближе к 3 тыс. человек, Сталин сам знал, что в Катыни находилось одно из трех массовых захоронений, сохранивших тела 14 500 жертв, расстрелянных весной 1940 г.; еще 7 300 поляков были казнены в украинских и белорусских тюрьмах НКВД⁵⁷. Пытаясь посеять рознь между Сталиным, западными союзниками и поляками-некоммунистами, нацисты произвели эксгумацию тел в присутствии иностранных наблюдателей, включая журналистов из таких дружественных стран, как франкистская Испания. Среди приглашенных в Катынь находился и интеллектуал-фалангист Эрнесто Хименес Кабальеро. Он не разочаровал своих немецких хозяев. 30 апреля 1943 г. в испанской печати был опубликован его отчет об увиденном. Несмотря на удаленность Советского Союза от Испании, Хименес Кабальеро чувствовал себя находящимся на родине, созерцая «эту ужасную... и громадную массовую могилу, в которой друг на друге рядами лежат уничтоженные [испанская] “Фаланга” и цвет польской армии». Это зрелище «заставляет воскликнуть: “Катынь? Нет!... Паракуэльос-де-Харама! Поляки? Нет! Это наши...”»⁵⁸. Хименес Кабальеро впоследствии даже утверждал, что эти убийства не только продемонстрировали врожденную кровожадность коммунизма, но и осуществлялись под началом одного и того же человека. Как вспоминал Хименес Кабальеро, во время посещения полицейского участка, поспешно превращенного нацистами в «Музей Катынской резни», он разговаривал с чиновником, утверждавшим, что казнь поляков руководил советский генерал Горев (Gorew). Затем Хименесу Кабальеро сообщили, что этот же Горев служил и в Испании. «“В Испании?” — воскликнул я в ужасе... “Да, Горев был советником генерала Миахи и организатором казней... в Паракуэльос”»⁵⁹.

Хименесу Кабальеро идея о том, что за убийствами в Паракуэльос стояли иностранцы, казалась вполне логичной, так как эти расправы не соответствовали испанскому характеру: «Даже самый жестокий испанец в своей жестокости никогда не проявит садизма или профессионализма. Если испанцам вообще не хватает навыков — в таких сферах, как математика, конструирова-

⁵⁷ Anna M. Cienciala, Natalia S. Lebedeva & Wojciech Materski (eds). *Katyn, A Crime Without Punishment*. London, 2007. P. 1, 216.

⁵⁸ ABC (Madrid), 30/4/43.

⁵⁹ Ernesto Giménez Caballero. *La matanza de Katyn: visión sobre Rusia*. Madrid, 1943 (?). P. 19–20.

ние или механика, — было бы абсурдно ожидать, что они станут убивать по науке»⁶⁰. Однако его «открытие» не имело никакой ценности. Владимир Горев (Gorev, не Gorew) действительно руководил советской военной разведкой в Мадриде зимой 1936–1937 гг., но он был расстрелян после возвращения в СССР в июне 1938 г.⁶¹ Тем не менее тема, поднятая Хименесом Кабальеро, впоследствии неоднократно всплывала в историографии Паракуэльос. Организаторами казней объявляли не испанцев, а советских советников, в качестве «доказательства» ссылаясь на «научную» или «большевистскую» природу этих расправ.

Во время холодной войны режим Франко использовал «Катынь» и «Паракуэльос» в качестве риторических орудий в идеологической борьбе с коммунизмом. Франкисты, оценивавшие число жертв Паракуэльос завышенной цифрой в 14 тыс. человек, утверждали, что страдания других жертв коммунизма бледнеют в сравнении с тем, что выпало на долю поляков и испанцев. Как в ноябре 1951 г. выразился вашингтонский корреспондент *La Vanguardia* в ответ на появившиеся в США (ложные) сообщения о том, что во время Корейской войны было казнено более 2500 американских военнопленных, «по сравнению с Паракуэльос-дель-Харама [sic], по сравнению с Катынским лесом зверское убийство этих храбрых северо-американских парней, будь их 2500 или 5500, кажется незначительной мелочью»⁶².

Проводившееся по идеологическим, антикоммунистическим причинам разоблачение мнимой причастности советских советников к событиям в Паракуэльос не завершилось со смертью диктатора в 1975 г. Как в 1994 г. франкистский генерал Рафаэль Касас де ла Вега писал заглавными буквами в начале своей книги «Террор: Мадрид, 1936» («El terror: Madrid 1936»), «СТРАШНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ПАРАКУЭЛЬОС [было] ОРГАНИЗОВАНО ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ЛАРГО КАБАЛЬЕРО ПЕРЕД ЕГО БЕГСТВОМ, ВДОХНОВЛЕНО СОВЕТСКИМИ СОВЕТНИКАМИ И ОСУЩЕСТВЛЕНО САНТЬЯГО КАРРИЛЬО СОЛАРЕСОМ»⁶³. Авторы неофранкистского толка и по сей день проводят параллель между Катынью и Паракуэльос. В 2005 г. Сесар Видаль издал книгу под названием «Paracuellos-Katyn: Un ensayo sobre el genocidio de la

---

⁶⁰ Ibid., 20.

⁶¹ Frank Schauf. La victoria frustrada. La Unión Soviética, la Internacional Comunista y la guerra civil española. Barcelona, 2008. P. 347.

⁶² La Vanguardia, 17/11/51.

⁶³ Casas. El Terror, 26.

izquierda” («Паракуэльос—Катынь: эссе о левом геноциде»). Она посвящалась памяти «более 100 миллионов человек, погибших в XX веке по вине так называемого “реального социализма”»⁶⁴.

Ссылки на авторов-франкистов сами по себе не делают какие-либо сопоставления между Катынью и Паракуэльос незаконными. И в том, и в другом случае была задействована современная бюрократическая машина уничтожения. На протяжении шести недель (в ноябре—декабре 1936 г. и в апреле—мае 1940 г.) осужденных доставляли автобусами (Паракуэльос) или поездами (Катынь) на место казни, расстреливали и закапывали со связанными руками в общих могилах. Во время и после расправ и республиканские, и советские власти прибегали к политике обмана с целью скрыть свои кровавые действия. Жертвам говорили, что их перевозят на восток (Паракуэльос) или отправляют на родину (Катынь). Заинтересованным посторонним лицам сообщали о том, что эвакуация прошла успешно (Паракуэльос), или об освобождении заключенных (Катынь). Более того, непосредственные исполнители убийств получали вознаграждение за участие в таком неприглядном деле, как массовые казни. Оно принимало форму работы в заново учрежденной полиции безопасности (Паракуэльос) или денежных премий (Катынь). Сходным было и социально-экономическое положение жертв. В Паракуэльос убивали главным образом профессиональных военных и гражданских лиц из рядов среднего класса, а поляки, убитые в Катыни, формально являясь армейскими офицерами или полицейскими, в большинстве своем были гражданскими резервистами, в сентябре 1939 г. призванными в армию воевать с Гитлером. Среди убитых насчитывались сотни судей, прокуроров, адвокатов и школьных учителей⁶⁵. Кроме того, расстреливали только мужчин: единственной женщиной, убитой в ходе расправ и в Паракуэльос, и в Катыни, была летчица Янина Левандовская, сбитая в сентябре 1939 г. во время разведывательного полета⁶⁶.

Тем не менее существуют и важные различия. Первое из них связано с масштабом. Общее число поляков, уничтоженных советскими карательными органами, составляет около 21 300 человек (включая 3 тыс. убитых в Катыни). Поскольку в Паракуэль-

---

⁶⁴ César Vidal. Paracuellos-Katyn: Un ensayo sobre el genocidio de la izquierda. Madrid, 2005. Позиция Видаля в отношении Паракуэльос впервые была изложена им в книге: Checas de Madrid. Barcelona, 2003.

⁶⁵ Cienciala et al. Katyn, 29–30, 142.

⁶⁶ Ibid.

осе расстались с жизнью около 2500 человек, в СССР было убито почти по девять поляков на каждого «фашиста», расстрелянного республиканцами. Во-вторых, в обоих случаях использовался разный *modus operandi*. В советском НКВД предпочитали поодиночке расстреливать поляков в камерах, а затем хоронить тела в массовых могилах, расположенных в отдаленных районах; бойцы республиканской милиции убивали своих жертв большими партиями на краю выкопанных рвов рядом с местными дорогами. Это отчасти объясняет, почему советским властям удалось сохранить полную секретность во время собственно казней. Напротив, как мы видели, события в Паракуэльосе не были ни для кого секретом, несмотря на меры маскировки; эта операция была прекращена в декабре 1936 г. вследствие нажима со стороны иностранных дипломатов и республиканцев, потрясенных расправами. Это указывает на более существенное различие: расправы в Катыни осуществлялись по инициативе «верхов», а в Паракуэльосе — по инициативе «низов». Уничтожение поляков было тщательно спланировано на высшем уровне советского руководства. Палачи следовали четкому приказу, выданному главой НКВД Лаврентием Берией 5 марта 1940 г., после одобрения, полученного от Сталина и остальных членов Политбюро. В этом приказе от сотрудников НКВД требовалось уничтожать «заклятых врагов Советской власти» посредством «специальной процедуры», применяя к ним «высшую меру наказания, расстрел»⁶⁷. Вопреки заявлениям представителей франкистского режима и его апологетов, до сих пор так и не удалось найти каких-либо аналогичных «приказов» республиканского правительства. Из этого не следует, что Ларго Кабальеро и ключевые министры его правительства не были причастны к расправам; но они всего лишь одобрили проведение операции, начатой другими.

Контекст расправ в обоих случаях тоже был разным. Катынь представляла собой завершение начавшегося осенью 1939 г. длительного процесса сортировки польских военнопленных, содержавшихся в лагерях НКВД. Цель этой сортировки состояла в выявлении тех, кто готов был сотрудничать с советским режимом и политически «перевоспитывать» своих товарищей-военнопленных, враждебно относившихся к Сталину. В конечном счете подавляющее большинство польских офицеров отказалось работать со своим традиционным врагом, тем более вступившим

---

⁶⁷ Cienciala et al. *Katyn*, 118–120. Цитаты приводятся в обратном переводе. — *Прим. перев.*

в соглашение с нацистской Германией, но следствием этого отказа не обязательно становилось уничтожение весной 1940 г. Еще в феврале 1940 г. НКВД предлагал отправить польских военнопленных домой⁶⁸. Что послужило толчком к казням, остается предметом дискуссий, но в теории, предложенной американским историком Анной М. Съенсиалой, польским историком Войцехом Матерским и российским историком Наталией Лебедевой, во главу угла ставится изменение международной ситуации. Согласно этим историкам, Сталин в марте 1940 г. решился на ликвидацию поляков после того, как стала неизбежна победа над Финляндией. Авторы этой теории указывают, что окончание военных действий лишило Сталина нужды в военнопленных как козыря, с помощью которого можно было отговорить польское правительство в изгнании от присоединения к англо-французским экспедиционным силам, которые планировалось отправить в Финляндию, и вынудить польских вождей к признанию советской аннексии восточной Польши в сентябре 1939 г.⁶⁹ Сортировка заключенных производилась и перед казнями в Паракуэльос. Однако на выявление «фашистов и опасных элементов» отводились часы, а не месяцы. Даже если отчаянная военная ситуация, в которой находилась Республика в ноябре 1936 г., сама по себе и не объясняет расправы в Паракуэльос, едва ли она не играла никакой роли в уничтожении республиканцами тех, кто был причислен к «пятой колонне». Убеждение в том, что опасный внутренний враг готов ударить Республике в спину, не было выдумкой Сантьяго Карильо; такие подозрения и сопутствовавший им постоянный страх осенью 1936 г. были широко распространены в Мадриде.

Несмотря на то что при проведении параллелей между Катынью и Паракуэльос следует проявлять осторожность, в настоящее время между историками, принадлежащими к числу воинствующих правых и левых, сложился странный противоестественный консенсус относительно роли, сыгранной в Паракуэльос советскими представителями. Более того, в 2011 г. бывший франкистский министр культуры Рикардо де ла Сьерва выражал немалую радость по поводу этого «единодушия среди историков». Отныне, отмечал он, все согласны с тем, что ответственность за Паракуэльос «лежит в первую очередь» на советских советниках. Он даже нашел несколько теплых слов для своего *bête noire* Пола Престона, похвалив его за присоединение к «всеобщему консен-

---

⁶⁸ Ibid., 37–38.

⁶⁹ Ibid., 143.

сусу относительно убийств в Паракуэльос»⁷⁰. Разумеется, это не означает, что они следуют одной и той же политической повестке дня; правые историки стремятся использовать советский след как доказательство «советизации» Республики. Как выразился Видал, корни расправ скрываются в том «тоталитарном и кровожадном подходе, который представляли в СССР Ленин и его преемники, и который впоследствии испытала на себе Испания в дни Народного фронта»⁷¹. Как мы отмечали выше, их левые оппоненты ставят своей целью реабилитацию республиканского правительства. В сентябре 2012 г., после смерти Сантьяго Каррильо, Фернандо Эрнандес Санчес, Хосе Луис Ледесма, Пол Престон и Анхель Виньяс изложили позицию левых в испанской газете *El País*. В своих «десяти тезисах о Паракуэльос» они сетовали на то, что «профранкистские» авторы одержимы темой Паракуэльос, поскольку стремятся подать эти события «в качестве правила, а вовсе не печального исключения, каким они были», а также «возложить ответственность за них на республиканское правительство»⁷². Нам хотят напомнить о том, что советские советники присутствовали в Мадриде лишь потому, что западные демократии бросили Республику на произвол судьбы. Как выразился в 2010 г. Хосе Луис Ледесма, «Поскольку единственной страной, помогавшей Республике, был СССР, это привело к тому, что первая оказалась под его контролем, который диктовал формы политической жизни в республиканском тылу, включая и проявление насилия»⁷³. Иными словами, «в конечном счете» ответственность за Паракуэльос несли британцы и французы, поскольку они толкнули не желавшую этого Республику в объятия Советов. Более того, заявляя, что дискуссии о Паракуэльос предоставляют «прекрасные возможности для сокрытия франкистских репрессий, которые были намного более кровавыми и продолжительными»⁷⁴, Эрнандес Санчес и иже с ним тем самым выдают свое подсознательное убеждение в том, что разговор о самых кровавых *республиканских* репрессиях времен гражданской войны каким-то образом подразумевает оправдание преступлений *Франко*.

⁷⁰ Ricardo de la Cierva. Los mártires de Paracuellos. La hora de la Historia. Madrid, 2011. P. 132.

⁷¹ Vidal. Paracuellos-Katyn, 14.

⁷² El País. 21/9/12.

⁷³ Espinosa (ed.). Violencia roja, 236.

⁷⁴ El País. 21/9/12.

Таким образом, историки любых политических убеждений по самым разным причинам стремятся возложить основную вину за Паракуэльос на НКВД. Разумеется, это не обязательно означает того, что они не вправе так делать. В конце концов, невозможно отрицать того, что в Мадриде во время казней присутствовали агенты НКВД. Несмотря на то что начало гражданской войны привело в СССР к проявлениям организованной массовой поддержки Республики, Сталин сдержанно реагировал на запросы республиканцев о военной помощи⁷⁵. Однако после откровенного провала проводившейся англичанами и французами политики невмешательства, не сумевшей предотвратить получение националистами в конце лета и начале осени 1936 г. помощи от нацистов и итальянцев в виде людей и боеприпасов, интерес советского диктатора к испанским делам возрос, вследствие чего в Мадрид во все больших количествах стал прибывать советский персонал. К концу августа в испанской столице уже находились советские журналисты Михаил Кольцов и Илья Эренбург и кинематографисты Роман Кармен и Борис Макасеев; к 27 августа к ним присоединился советский посол Марсель Розенберг⁷⁶. «Я прекрасно знаю, — два дня спустя заявил Розенберг на французском, вручая свои верительные грамоты президенту Мануэлю Асанье, — что республиканское испанское правительство не желает навязывать свои социальные и политические представления другим странам, и это отношение разделяется и моим правительством»⁷⁷. Однако сотрудники Розенберга не походили на персонал обычного посольства. Помимо самого посла и советника посольства Леона Гайкиса, в их число не входили профессиональные дипломаты; в составе посольства, разместившегося в отеле «Палас», преобладали представители советских разведслужб. Тайную полицию — НКВД — представлял некто «Кулов», а военную разведку (ГРУ) — Владимир Горев и Йозеф Винцер⁷⁸. В качестве начальника НКВД в Испании «Кулова» быстро заменил Александр Михайлович Орлов, 41-летний уроженец Белоруссии, в качестве офицера контрразведки сражавшийся против поляков в рядах Красной армии во время гражданской

⁷⁵ О советской политике см.: Daniel Kowalsky. *La Unión Soviética y la guerra civil española: una revisión crítica*. Barcelona, 2004.

⁷⁶ Ibid., 29; *El Socialista* 28/8/36.

⁷⁷ *El Socialista*. 30/8/36.

⁷⁸ Boris Volodarsky. *Soviet Intelligence Services in the Spanish Civil War, 1936–1939*. Unpublished DPhil thesis. London School of Economics & Political Science; 2010. P. 56–57.

войны в России. Орлов — при рождении получивший имя Лейба Лазаревич Фельдбин — прибыл из Парижа в Мадрид 16 сентября, с тем чтобы взять на себя руководство немногочисленной группой агентов НКВД, которых на протяжении всей войны никогда не было больше десяти⁷⁹. В их число входил и Иосиф Григулевич. Этот «нелегал» НКВД — секретный агент, работающий на зарубежной территории под фальшивым именем и без дипломатического статуса, — родился в Литве в мае 1913 г. С ранних лет став коммунистическим активистом, в 1932 г. Григулевич за революционную деятельность был заключен в тюрьму в польском городе Вильно, а год спустя депортирован во Францию. Завербованный в Париже НКВД, Григулевич — известный также как «Юзик» — в августе 1934 г. был отправлен в Аргентину для вербовки агентов разведки и выполнения «специальных задач». После того, как 19 июля 1936 г. он был арестован и вскоре освобожден, его советские руководители приказали ему покинуть Аргентину, и к сентябрю он уже направлялся в Испанию. К тому времени Григулевич, впоследствии получивший известность в Испании под именами «Хосе Эской» и «Хосе Окампо», достаточно хорошо говорил по-испански для того, чтобы выдавать себя за бразильца⁸⁰.

По словам заявления, сочиненного в Москве, главная задача НКВД в Испании состояла в том, чтобы снабжать «советское руководство сведениями о всем диапазоне испанских проблем и информацией контрразведывательного характера». Но вдобавок к этому Орлов также собирался давать республиканцам «советы» о наилучших способах борьбы с внутренним врагом. К его досаде, его инструкции не всегда выполнялись. 15 октября в докладе НКВД, отправленном в Москву, выражалось сожаление по поводу того, что у республиканцев «не имеется единой секретной службы, поскольку правительство не считает ее создание достаточно нравственным. Поэтому каждая партия заводит свою собственную службу безопасности. В состав нынешних властей входит много бывших полицейских, настроенных профашистски. Наша помощь вежливо принимается, но жизненно важная работа, столь необходимая для безопасности страны, саботируется»⁸¹. Однако в течение недель, предшествовавших событиям в Паракуэльос, Орлов

---

⁷⁹ Ibid., 70, 67.; см. также: Boris Volodarsky. *Stalin's Agent, The Life and Death of Alexander Orlov*. Oxford, 2014. P. 9.

⁸⁰ Volodarsky. *Soviet Intelligence Services*, 124–128.

⁸¹ Ibid., 95–96. Цитата приведена в обратном переводе с английского. — *Прим. перев.*

был больше занят перевозкой республиканского золотого запаса в Советский Союз, чем угрозой, исходившей от заключенных тюрем в испанской столице; в середине октября главный агент НКВД на две недели покинул Мадрид с целью проследить за тем, чтобы все ящики были надежно размещены на советских судах, стоявших в Картахене. Тем не менее и Орлов, и Григулевич находились в столице 6–7 ноября и остались там, несмотря на отбытие Розенберга и республиканского правительства в Валенсию⁸².

И все же ключевые свидетельства о причастности советских представителей к Паракуэльос исходят не от Орлова или Григулевича, а от Михаила Кольцова, корреспондента «Правды» в Мадриде. Кольцов (настоящее имя — Михаил Ефимович Фридлянд), родившийся в Киеве в 1898 г., в 20-летнем возрасте вступил в Коммунистическую партию и во время гражданской войны в России занимался политической пропагандой. К началу 1930-х гг. получив в СССР широкую известность в качестве писателя, он стал первым советским журналистом, прибывшим в Испанию после того, как там началась гражданская война⁸³. Его последующие корреспонденции печатались на первой полосе «Правды», а место, которое он занимал среди наиболее прославленных иностранных корреспондентов, писавших об испанской гражданской войне, окончательно закрепилось за ним после издания его мемуаров в 1957 г., через семнадцать лет после того, как он был казнен по приказу Сталина. В своих воспоминаниях, опубликованных в форме дневника, Кольцов неоднократно выражал разочарование провалом эвакуации мадридских заключенных. Например, в записи от 4 ноября он с сожалением отмечал: «Восемь тысяч фашистов [sic] по-прежнему пребывают в мадридских тюрьмах. Они открыто говорят о своем скором освобождении. Тюремный персонал уже лебезит перед ними. Они могли бы уже сейчас без труда рассосаться из тюрем, но считают это невыгодным — на улицах для них опасно»⁸⁴. Двое суток спустя он сетовал, что «из восьми тысяч арестованных фашистов не эвакуирован ни один. Город не обороняется ни снаружи, ни изнутри»⁸⁵.

---

⁸² Yuri Rybalkin. *Stalin y España. La ayuda militar soviética a la República*. Madrid, 2007. P. 133; Volodarsky. *Soviet Intelligence Services*, 84.

⁸³ Paul Preston. *We Saw Spain Die. Foreign Correspondents in the Spanish Civil war*. London, 2008. P. 173–176.

⁸⁴ Кольцов М. Е. *Испания в огне*. М., 1987. Т. 1. С. 201.

⁸⁵ Там же. С. 211.

Но наиболее важным является его рассказ о встрече с Педро Чекой, оргсекретарем ИКП, состоявшейся ранним утром 7 ноября в помещении ЦК партии. В ходе этого разговора Чека сообщил своему иностранному собеседнику, что эвакуировать 8 тысяч заключенных уже слишком поздно: для этого нет ни людей, ни транспорта. В ответ ему было заявлено:

«Все восемь тысяч эвакуировать незачем, там много барахла и безобидных. Надо отобрать самые злостные элементы и отправить в тыл пешком, небольшими группами, по двести человек.

— Разбегутся. [возразил Чека].

— Не разбегутся. Крестьянам поручить охрану, это будет, пожалуй, еще надежнее, чем тюремная стража, — она очень продажна. Если и разбежится часть, черт с ней, можно потом переловить. Лишь бы не отдавать Франко эти кадры. Сколько бы ни удалось отправить — две тысячи, тысячу, пятьсот человек, — все будет благо. По этапу гнать до Валенсии.

Чека подумал, утвердительно мотнул головой. На это дело выделили трех товарищей. Поехали в две большие тюрьмы...

Фашистов выводили во двор, выкликали по спискам. Это озадачило и потрясло их. Они думали — ведут на расстрел. Их отправили в сторону Арганды [деревни к юго-востоку от Мадрида]...»⁸⁶

Сторонники виновности НКВД ссылаются также на не заслуживающие доверия мемуары испанских коммунистов времен холодной войны — такие, как разоблачающая неблагоприятные дела коммунистов книга *Hombres made en Moscú* (1960), написанная Энрике Карлосом Дельгадо, бывшим членом Политбюро Испанской коммунистической партии и командиром организованного коммунистами Пятого полка⁸⁷, рассказывающим о ряде встреч между руководителями ИКП и советскими представителями, во время которых якобы и была приведена в действие машина уничтожения. Как пишет Престон, «в число тех, кто настаивал на эвакуации — но не обязательно казни — заключенных, входило республиканское военное начальство, генерал Миаха [глава ХОМ], начальник его штаба Висенте Рохо, главные русские представители в Мадриде и коммунистическое руководство. С учетом жизненно важной военной помощи, предоставлявшейся

---

⁸⁶ Там же. С. 217.

⁸⁷ Enrique Castro Delgado. *Hombres made en Moscú*. México, 1960.

советским персоналом, и опыта, полученного ими самим во время осады Санкт-Петербурга [sic] в ходе гражданской войны в России, было вполне естественно, что к ним обратились за советом»⁸⁸. Однако, как Престон пишет выше, дело не ограничилось одними лишь «советами»: «Несомненно, для этого [эвакуации тюрем] требовалась отмашка со стороны [Педро] Чеки и [Антонио] Михе [коммуниста, входившего в ХОМ], которые, в свою очередь, должны были получить одобрение от Миахи и, вероятно, от русских советников»⁸⁹. Использование Престоном слова «вероятно» характерно для его спекулятивного стиля. Его рассказ о деятельности советских агентов изобилует такими выражениями, как «почти наверняка», «очень может быть, что», «наверняка бы имело смысл», «возможно, что», «стенограммы этих совещаний отсутствуют, но трудно себе представить, что-бы», «вполне разумно предположить, что» и т. п.⁹⁰

Тем не менее самым важным в историографии Паракуэльос остается свидетельство Кольцова. Проблема в том, что собеседником Чеки у Кольцова является не он сам, а вымышленный мексиканский коммунист «Мигель Мартинес». В ходе дебатов о том, кто может скрываться за этим персонажем, было исписано немало чернил, хотя русский исследователь Борис Володарский, несомненно, прав, отмечая, что «вероятно, никогда не будет найдено документов, которые бы объясняли сложные коллизии, возникавшие в авторском воображении»⁹¹. Однако, как указывает Виньяс, вполне вероятно, что, в «Мигеле» объединены как минимум две реальные исторические фигуры: Орлов и Григулевич⁹². Более того, последний в интервью, взятом у него в 1986 г., за два года до его смерти, похвалялся тем, что быстро произвел впечатление на своих испанских хозяев: «Я начал работать как переводчик в нашем посольстве и вскоре стал советником и правой рукой [Сантьяго] Каррильо, который в то время входил в *Junta de Defensa de Madrid* и отвечал за поддержание общественного порядка»⁹³. Далее Григулевич заявил, что в распоряжении Каррильо находился специальный полицейский отряд, состоявший из воинствующих социалистов и выполнявший «самые разные

---

⁸⁸ Preston. Spanish Holocaust, 349.

⁸⁹ Ibid., 347.

⁹⁰ См.: Ibid., 347–354.

⁹¹ Volodarsky. Soviet Intelligence Services, 140.

⁹² Viñas. El escudo, 56–68.

⁹³ Volodarsky. Soviet Intelligence Services, 138.

операции». По утверждению Григулевича, осенью 1936 г. он был назначен командиром этой Особой бригады⁹⁴.

Нет никаких сомнений в том, что советский агент, известный как «Хосе Эской», в 1937 г. работал в тесном контакте с Особой бригадой — элитным полицейским отрядом, занимавшимся борьбой с подрывными элементами. Этот отряд, находившийся под командованием Фернандо Валенти Фернандеса, 35-летнего чиновника, перешедшего в полицию, и первоначально состоявший из социалистов, впоследствии оказался связан с коммунистами и выполнял грязную работу для НКВД. Наиболее неприглядной из его операций стали арест и убийство лидера ПОУМ Андреаса Нина в июне 1937 г. Люди Валенти под присмотром Орлова и Григулевича, сфабриковавших документы о связях Нина с мадридской «пятой колонной», вывезли его из Барселоны в Мадрид, после чего Нин был казнен в Алькала-де-Энарес. Бойцы Особой бригады присутствовали и при его расстреле Григулевичем⁹⁵.

Убийство Нина стало последним делом «Хосе Эской» в Испании, хотя карьера Григулевича не закончилась с ликвидацией этого *poumista*. Напротив, это был лишь один из шагов к тому, чтобы стать, как выразился Володарский, «одной из величайших звезд советской нелегальной агентуры»⁹⁶. Затем последовало безжалостное убийство бывшего секретаря Троцкого и неудачное покушение на самого этого ненавистного вождя «старых большевиков» в Мексике в мае 1940 г. Его провал дал каталонскому коммунисту Рамону Меркадеру, всадившему 20 августа 1940 г. в череп Троцкого ледоруб, возможность стать легендой сталинизма⁹⁷. После этого Григулевич был отправлен в США, где поступил в подчинение к главе НКВД в Нью-Йорке Василию Зарубину, за год до этого участвовавшему в катынских расстрелах; вероятно, это следует считать самой тесной связью между Катынью и Паракуэльсом⁹⁸. Интересно, что в 1953 г. Григулевич завершил свою политическую карьеру в должности коста-риканского посла в Италии и Югославии, хотя впоследствии он стал профессором и издал ряд книг, в которых нападал на влияние католической церкви в Латинской Америке⁹⁹.

---

⁹⁴ Ibid., 134–135.

⁹⁵ Ibid., 243–248. См. также: Ruiz. The “Red Terror”, 293–294.

⁹⁶ Volodarsky. Soviet Intelligence Services, 7.

⁹⁷ Ibid., 337–338.

⁹⁸ Ibid., 139.

⁹⁹ Ibid., 7, 141–142.

Таким образом, Григулевич представлял собой архетипичного сталинского злодея. Он был безжалостным профессиональным убийцей (как выразился в 1943 г. Хименес Кабальеро в отношении «Горева», вымышленного организатора расправ и в Паракуэльос, и в Катюни, «убивавшим по науке»). Уничтожение примерно 2500 испанских «фашистов» не потревожило бы его большевистскую совесть, уверенную в том, что цель оправдывает средства. Но следует ли принимать на веру свидетельство Григулевича, которое он дал задним числом? Вся его карьера основывалась на лжи и обмане, и нет никаких причин полагать, что в старости он излечился от привычки к ним. Борис Володарский, который сам является бывшим сотрудником советской разведки, предупреждает о том, что Григулевич любил выдумывать «истории, основанные на подлинных фактах»¹⁰⁰. И действительно, в его свидетельстве содержатся серьезные изъяны. Как мы уже видели, этот советский шпион утверждал, что в ноябре 1936 г. он был «правой рукой» Каррильо и командовал в это время Особой бригадой. Этот полицейский отряд, безусловно, существовал в реальности, но у нас нет никаких свидетельств о его участии в убийствах в Паракуэльос, поскольку он начал действовать только в конце ноября, то есть примерно через три недели *после* начала операции¹⁰¹.

Так как же следует оценивать свидетельства Григулевича — равно как и Кольцова? К заявлениям, содержащимся в советских источниках, необходимо относиться с крайней осторожностью. В том, что касается мемуаров Кольцова, историки уже давно это поняли. Как выразились Хулио Аростеги и Хесус А. Мартинес в отношении рассказа Кольцова о том, как Хосе Миаха 6 ноября стал главой ХОМ, «описание этих событий у Кольцова является фантастическим и на него не нужно ссылаться»¹⁰². Даже сообщения, предназначенные для внутреннего потребления, неизменно носили характер гиперболы, подобно сталинистскому мировоззрению 1930-х гг., объявлявшему неспособность разоблачить шпионов не менее ужасным преступлением, чем собственно шпионаж. Так, Владимир Горов, советский военный атташе в Мадриде, в своем донесении, отправленном в Москву в апреле 1937 г., высоко оценивал работу НКВД, «предотвратившего внутренний мятеж» в столице — на что ссылаются Эрнандес Санчес

---

¹⁰⁰ Ibid., 147.

¹⁰¹ Ruiz. Paracuellos, 261–264.

¹⁰² Aróstegui & Martínez. La Junta, 64.

с соавторами в статье, помещенной в сентябре 2012 г. в *El País*, как на доказательство советского соучастия, — а также расточал похвалы Льву Гайкису, который в ноябре 1936 г. являлся советником посольства (совсем не случайность, что он только что был назначен советским послом в республиканской Испании). «Тем, что Мадрид все еще сопротивляется, — без всякого стеснения утверждал Горев, — он обязан вам»¹⁰³. Такие претензии советских представителей в Мадриде проявлялись не только в тайных донесениях их начальству. Уже после гражданской войны до ушей секретной полиции Франко дошел анекдот о «банкете», на котором присутствовали Миаха и советские агенты: «Русские командиры стали заявлять, что Мадрид был спасен их усилиями, на что МИАХА возразил: “Вы не правы; если Мадрид был спасен позерами, то его спасли чистильщики обуви, строители, механики... и даже официанты”»¹⁰⁴.

Тем не менее такое позерство полезно тем, что оно помогает представить, как могли бы происходить казни мадридских заключенных, если бы они действительно были делом рук НКВД. В 1973 г. Герберт Мэтьюз, во время гражданской войны бывший прореспубликански настроенным корреспондентом *New York Times*, писал, что в том, что касается Паракуэльос, «я лично уверен в том, что приказы исходили от агентов Коминтерна в Мадриде, поскольку мне известно, что страшный Витторио Видали провел в тюрьме ночь, бегло допрашивая приводившихся к нему заключенных и убивая их выстрелом в затылок из своего револьвера, если решал, что они принадлежат к “пятой колонне” (что происходило почти во всех случаях). Как рассказывал мне Эрнест Хемингуэй, он слышал, что у Видали из-за частой стрельбы сильно обожжена кожа на правой руке между большим и указательным пальцами»¹⁰⁵. Разумеется, Мэтьюз говорит неправду, однако итальянец Витторио Видали — больше известный как Карлос Контерас или Команданте Карлос из Пятого полка — вместе с Григулевичем входил в состав отряда «Управление НКВД для выполнения специальных задач», подчинявшегося

---

¹⁰³ Донесение цитируется по: Frank Schauff. La victoria frustrada. La Unión Soviética, la Internacional Comunista y la guerra civil española. Barcelona, 2008. P. 231. (Цитаты приводятся в обратном переводе. — *Прим. перев.*)

¹⁰⁴ Archivo Histórico de Defensa (Madrid), legajo 48 924, pieza seperada José Cazorla Maure.

¹⁰⁵ Herbert Matthews. Half of Spain Died. A Reappraisal of the Spanish Civil War. New York, 1973. P. 120–121.

непосредственно главе НКВД в Москве¹⁰⁶. Более того, не составляет тайны, что способу расстрелов, якобы применявшемуся Видали, — массовое убийство жертв путем выстрелов в затылок — отдавали предпочтение и в НКВД, используя его для казни поляков в Катынском лесу и в украинских и белорусских тюрьмах НКВД весной 1940 г.

Так какой же была истинная роль НКВД в событиях в Паракуэльос? Судя по мемуарам Кольцова, советские представители не знали об «эвакуациях» из мадридских тюрем, производившихся начиная с конца октября, поскольку запись корреспондента «Правды» от 6 ноября о том, что «из восьми тысяч арестованных фашистов не эвакуирован ни один», явно не соответствует действительности. Более того, ПКПР пользовался поддержкой аппарата Коммунистической партии уже во время расправ, предшествовавших Паракуэльос¹⁰⁷. Тем не менее приведенное у Кольцова описание разговора Педро Чеки и агента НКВД в ночь с 6 на 7 ноября выглядит логичным. В конце концов, как 17 октября сообщал в Москву Андре Марти (вождь французских коммунистов), оргсекретарь ИКП отвечал и «за работу коммунистов в полиции. Он выдает указания по ведению допросов тех, кто арестован по серьезным обвинениям»¹⁰⁸.

Однако из этого не следует, что Чека слепо выполнял приказы Орлова или Григулевича. Для того, чтобы жестоко расправляться с внутренними врагами, испанским коммунистам не требовались приказания советских товарищей. Кровавые революционные трибуналы действовали в стране задолго до прибытия агентов НКВД¹⁰⁹. Не менее кровавым был и язык ИКП. 3 ноября в газете коммунистов *Mundo Obrero* были помещены такие рассуждения о борьбе с внутренними врагами: «Мы отмахиваемся от “пятой колонны”. И это неправильно. Нельзя забывать о ее существовании и о том, что нам жизненно необходимо ее ликвидировать»¹¹⁰. Коммунисты участвовали в казнях, проводившихся в Паракуэльос, без какого-либо понукания со стороны; несомненно, советы Орлова и Григулевича принимались с благодарностью, но в них вряд ли имелась нужда. В этом отноше-

---

¹⁰⁶ Volodarsky. *Soviet Intelligence Services*, 142.

¹⁰⁷ Ruiz. *Paracuellos*, 225.

¹⁰⁸ Ronald Radosh et al. *Spain Betrayed: The Soviet Union in the Spanish Civil War*. New Haven, 2001. P.51.

¹⁰⁹ Ruiz. The “Red Terror”, 66–72, 110–121.

¹¹⁰ *Mundo Obrero*. 3/11/36.

нии имеет смысл процитировать слова Сантьяго Каррильо из его «политического завещания» 2012 г.: «Я убежден в том, что роль таких людей, как журналист Кольцов [в событиях в Паракуэль-ос], была более-менее вымышленной, поскольку они, несомненно, тесно общались с республиканскими фигурами и зарубежными корреспондентами, при этом, вероятно, употребляя много спиртных напитков и рассказывая небылицы о своих поездках на фронт и контактах с испанскими политическими лидерами. Но в республиканском тылу находилось достаточно людей для того, чтобы составить из них отряд палачей, точно так же, как и с другой стороны фронта»¹¹¹. Убийства в Паракуэльос были «отечественным изделием».

III.

О советском вмешательстве в испанскую гражданскую войну было написано много слов, но гораздо меньше — о ее влиянии на сам Советский Союз. Вообще, представляется, что война республиканцев с «пятой колонной» произвела на Сталина гораздо большее впечатление, чем деятельность агентов НКВД в Мадриде в ноябре 1936 г. В этом мы в первую очередь можем убедиться при изучении причин «Большого террора» 1937–1938 гг., в ходе которого было не только репрессировано более 40 тыс. офицеров и командиров Красной армии (включая начальника генштаба, маршала Михаила Тухачевского), но и арестовано 800 тыс. «бывших кулаков, преступников и прочих антисоветских элементов» и казнено 367 тыс. человек согласно директиве НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. Эти акты массового террора включали этническую чистку пограничных регионов Советского Союза, жертвами которой становились проживавшие в них немцы, поляки, корейцы, китайцы, латыши, греки, эстонцы, болгары, афганцы, иранцы, румыны, македонцы и финны¹¹². Эти мероприятия в значительной степени основывались на новом понимании «угрозы» со стороны классовых и этнических врагов, сложившемся на фоне усиления международной напряженности и в условиях перспективы войны с нацистской Германией и императорской Японией. Как выразился в 1970-е гг. Вячеслав Молотов, председатель

---

¹¹¹ Carrillo. Mi testamento, 128.

¹¹² Terry Martin. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History. (70/1998), 813–861.

Совета Народных Комиссаров, в 1939 г. назначенный Сталиным наркомом иностранных дел, чистки «были необходимы. Следует принять во внимание, что после революции мы покончили с правыми и левыми и одолели их, но кое-кто из врагов, принадлежавших к разным лагерям, уцелел, и перед лицом растущей угрозы фашистской агрессии они могли объединиться. В 1937 году мы исходили из того, что в случае войны у нас не должно быть «пятой колонны»»¹¹³.

Причиной страхов перед советской «пятой колонной» в какой-то мере служили «уроки», полученные в Испании. Сам Сталин жадно следил за сообщениями о гражданской войне. В начале октября 1936 г., вскоре после того, как в СССР приняли решение помочь Республике оружием, Лазарь Каганович, один из ближайших приближенных диктатора и нарком путей сообщения СССР, отправил Сталину отчет о своем обеде с только что прибывшим в Москву послом Республики, Марселино Паскуа. «В ходе разговора я сказал ему, что вы лично [выделено в оригинале] уделяете исключительное внимание революционной Испании и принимаете ее проблемы и нужды близко к сердцу»¹¹⁴. И эти слова были не просто лестью. Сталин регулярно получал сообщения от Михаила Кольцова, а когда тот в апреле 1937 г., получив отпуск, вернулся из Мадрида в Москву, диктатор вызвал его к себе в Кремль и расспрашивал в течение двух часов¹¹⁵.

«Уроки» Испании казались очевидными. Сталин и его подчиненные объясняли начало гражданской войны тем, что республиканское правительство не сумело провести чистку в вооруженных силах. Как отмечалось в передовице «Правды» от 28 сентября 1936 г., «факт тот, что [в июле] основная часть армии оказалась на стороне фашизма»¹¹⁶. Зимой 1936–1937 гг. Сталин получал

---

¹¹³ Oleg V. Khlevniuk. The Objectives of the Great Terror, 1937–1938 // Julian Cooper (ed). Soviet History 1917–1953. Essays in Honour of R. W. Davies. London, 1995. P. 173. (Цитата приводится в обратном переводе с английского. — *Прим. перев.*)

¹¹⁴ R. W. Davies, Oleg V. Khlevniuk & E. A. Reed (eds). The Stalin—Kaganovich Correspondence, 1931–1936. New Haven, 2003. P. 369. Каганович добавлял, что Паскуа «явно подавлен угрозой потери Мадрида», хотя и объяснял это тем, что тот «не большевик-революционер, а меньшевик». Цитаты приводятся в обратном переводе с английского. — *Прим. перев.*

¹¹⁵ Paul Preston. We Saw Spain Die. Foreign Correspondents in the Spanish Civil War. London, 2008. P. 192.

¹¹⁶ Правда. 28 сентября 1936. (Цитата приводится в обратном переводе. — *Прим. перев.*)

от советских представителей в Испании донесения о том, что офицеры-профессионалы в республиканской армии саботируют проведение военных операций. Торговый атташе Сташевский 14 декабря 1936 г. писал: «Я уверен, что повсюду происходят провокации, и нельзя исключить возможности существования среди высших офицеров фашистских организаций, занимающихся саботажем и, конечно, шпионажем»¹¹⁷. Решение Сталина, как обычно, было недвусмысленным. После падения Малаги в феврале 1937 г. он рекомендовал тщательно очистить республиканский генштаб от «тех старых специалистов, которые неспособны понять условия гражданской войны и, более того, вызывают политические подозрения... Несомненно, что без этой радикальной меры республиканцы проиграют войну»¹¹⁸. Он повторил эту точку зрения в ходе беседы с испанским поэтом-коммунистом Рафаэлем Альберти и его женой Марией-Тересой Леон 20 марта 1937 г. Как сообщала главе Коминтерна Георгию Димитрову выполнявшая на этой встрече обязанности переводчика Серафима Ильинична Гопнер, Сталин подчеркивал, что республиканский «генеральный штаб ненадежен. Накануне наступления республиканских частей всегда происходили предательства. Республиканская армия одерживает победу в наступлениях тогда, когда генштаб не знает о них!»¹¹⁹.

Несмотря на то что все эти цитаты относятся к началу 1937 г., очевидно, что события в Испании влияли на отношение советских вождей к своим врагам с самого начала гражданской войны. 19–24 августа 1936 г. проходил печально известный показательный процесс над вождями «старых большевиков», включая Зиновьева и Каменева. Опыт Испании как будто бы указывал на то, что разоблачение этих так называемых «троцкистских террористов» оказалось своевременным. 26 августа Димитров подводил итоги этого процесса в статье, помещенной в «Правде». По его словам, процесс показал, что «Троцкий, Зиновьев, Каменев и их банда стояли по одну сторону баррикады, стояли в одном лагере с теми, кто сражался против испанского народа». Однако, поскольку в Испании «контрреволюционные генералы слишком долго оставались ненаказанными, в отношении фашистов, организовавших

---

¹¹⁷ Rybalkin. Stalin y España, 118. (Цитата приводится в обратном переводе. — *Прим. перев.*)

¹¹⁸ Ibid. 119. (Цитата приводится в обратном переводе. — *Прим. перев.*)

¹¹⁹ Ivo Banac (ed). The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1939. New Haven, 2003. P. 60.

заговор против народа, не были приняты своевременные меры»¹²⁰. Временами проводились и более прямые сопоставления между борьбой советской власти с троцкизмом и борьбой республиканцев с внутренними врагами. В начале октября 1936 г. в Политиздате — издательстве советской Компартии — вышла книга об испанской гражданской войне под названием «Героическая Испания». В ней утверждалось, что «во время московского суда над троцкистско-зиновьевской бандитской шайкой испанские троцкисты организовали ряд террористических актов против коммунистов. В ночь воздушного налета на Мадрид [27–28 августа 1936 г.] банда троцкистов под покровом ночи из-за угла убила группу партийных активистов»¹²¹. К зиме 1936–1937 гг. у верных сталинистов уже сложилось стойкое убеждение в том, что они ведут параллельное сражение с «пятой колонной». С 23 по 30 января 1937 г. Ирен де Фалькон, московский корреспондент *Mundo Obrero*, освещала ход суда над заместителем наркома тяжелой промышленности Георгием Пятаковым, журналистом Карлом Радеком, бывшим дипломатом Григорием Сокольниковым и 14 другими лицами, обвинявшимися во вредительстве на промышленных предприятиях и в шпионаже в пользу Троцкого и нацистов. 25 января она сидела рядом с молодым рабочим из Кузбасса, прибывшим в Москву для того, чтобы увидеть, как будут судить за саботаж в этом регионе Якова Дробиса. «Эти мерзавцы, — сказал он своей соседке, — замыслили продать нашу любимую родину... фашистам, убивающим героический испанский народ. Можно сказать, что они были в нашей стране «пятой колонной» Франко». Дробиса расстреляли в феврале того же года¹²².

В качестве самой значительной республиканской «победы» над «пятой колонной» до «Большого террора» Паракуэльос представляет собой важную веху в ходе приобретения советским государством подобного опыта. Однако ощущение того, что расправы в Паракуэльос предвосхищали будущие формы политических чисток в военное время, выходит за рамки смысла, вкладывавшегося в эти события. Многие из то, что происходило в Паракуэльос, в гораздо более широких масштабах повторилось во время Второй мировой войны с ее ужасами. Историки уже дав-

---

¹²⁰ Правда. 26 августа 1936. (Цитата приводится в обратном переводе. — *Прим. перев.*)

¹²¹ Цит. по: Правда. 7 октября 1936. (Цитата приводится в обратном переводе. — *Прим. перев.*)

¹²² Mundo Obrero. 26/1/37.

но отмечают, что в военном плане испанская гражданская война была войной контрастов. Так, наряду с применением новейших самолетов и танков она стала ареной последней крупной конной атаки в истории европейских войн: речь идет об атаке Монастерио на республиканские позиции к северу от Теруэля 7 февраля 1938 г.¹²³ То же относится и к убийствам нонкомбатантов за линией фронта. Жестокая казнь генерала Лопеса де Очоа, обезглавленного в Мадриде в августе 1936 г., вызывает ассоциации с французским революционным террором 1790-х гг.; состоявшееся в том же месяце убийство 2 000 милиционеров на арене для боя быков в Бадахосе напоминает о кровавых колониальных войнах XIX века. С другой стороны, расстрелы в Паракуэльос являлись самой современной массовой расправой в этой войне. Они включали бюрократический — и произвольный — метод отбора жертв и их доставку моторизованным транспортом к заранее подготовленным местам казни. С точки зрения палачей, случившееся в Паракуэльос было невероятным «достижением». То, что по большей части молодым и неопытным антифашистам в разгар войны удалось в кратчайшие сроки создать импровизированную машину уничтожения, поразительно; настолько поразительно, что многие историки до сих пор уверены в том, что эти убийства были организованы советским НКВД.

Перевод с английского Николая Эдельмана

---

¹²³ Hugh Thomas. The Spanish Civil War. London, 1991. P. 793.

КРИСТИАН ГАРАЙ ВЕРА, ХОСЕ ЛУИС ОРЕЛЬЯ

ПОДДАННЫЕ ТРАДИЦИИ.¹

«БЕЛЫЕ РУССКИЕ» В ИСПАНСКОЙ «РЕКЕТЕ» И ДРУГИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЯХ НАЦИОНАЛИСТОВ В 1936–1939 гг.

Введение

По замечанию Игоря Медникова, одной из проблем российской историографии о Гражданской войне «является очевидное незнание последних достижений современной испанской и мировой историографии, а также почти полное отсутствие представлений об источниках, которые находятся в архивах Испании и других стран. Этот перекося, проявляющийся в предпочтении источников и исследований на русском языке работам на других языках, наблюдается в большинстве русских публикаций о Гражданской войне в Испании, хотя определенно существуют некоторые русскоязычные исследования, обращающие внимание на недавно опубликованные зарубежные исследования, по крайней мере, на работы общего характера. Обратной стороной медали является практически полная неосведомленность о проведенных в Испании, а также других странах русскоязычных исследованиях»².

¹ В данном случае понятие «традиция» (исп. *tradición*) в настоящей статье используется в том значении, которое ему придавали карлисты, имея в виду восстановление легитимной *преемственности* (*tradición*) испанской монархии, прерванной после отстранения от власти «Карла V» и его потомков. — *Прим. перев.*

² Médnikov I. Los límites de una renovación: la historiografía actual rusa sobre la Guerra Civil española // *Studia Historica. Historia contemporánea*. 2014. No. 32. P. 422.

В этой статье мы реконструируем историю «белых русских» в контексте их борьбы против коммунизма. Для этого мы используем значительную часть или почти всю существующую в Испании библиографию по этой теме. Кроме того, один из авторов воспользовался контактами со специалистом по этой проблеме, видным историком российского происхождения Ольгой Ульяновой³, которая вместе с чилийским специалистом Кармен Норамбуэна провела исследование деятельности «белых русских» как части русской колонии в Чили. Речь идет о лицах, любое упоминание о которых было запрещено в период советской империи⁴. Благодаря изменениям, произошедшим в 1990-е годы, стали известны истории «белых русских» в контексте возрождения русскоязычного сообщества за рубежом, которому способствовал Президент Путин.

Гражданская война в России в период между 1917 и 1920 гг. стала причиной трех волн эмиграции: побежденные и их семьи из числа сторонников царя; социал-демократическая эмиграция и «умеренные»; и наконец, те, кто уехала в качестве диссидента «большевистского режима»⁵. Кроме того, покидали родину военнослужащие, члены их семей и люди, которые подверглись политическому насилию. Согласно подсчету, проведенному в 1920 г. Международным Красным Крестом, количество эмигрантов составило 1 965 000 человек, в то время как исследования 1939 года говорят о 2–3 млн эмигрантов⁶.

Так называемая «белая эмиграция» была, прежде всего, эмиграцией незапланированной, бегством в поисках спасения собственных жизней. В довершение ко всему, советский режим декретами 1921 и 1924 гг. провозгласил апатридами служивших

³ Ульянова, Ольга Викторовна (Ulianova Olga) — чилийская исследовательница, выпускница Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (1985), кандидат исторических наук (1988). С 1992 г. проживает в Сантьяго-де-Чили. В настоящее время является директором Института перспективных исследований Университета Сантьяго. — *Прим. перев.*

⁴ Ulianova O., Norambuena C. Rusos en Chile. Santiago: Universidad de Santiago de Chile (USACH) / Comisión Gubernamental para los Asuntos de los Compatriotas en el Extranjero del Ministerio de Relaciones Exteriores de la Federación Rusa, Santiago de Chile, 2009. Кроме того, Ольга Ульянова исследовала роль чилийцев в Интернациональных бригадах в период Гражданской войны в Испании, в которые в большинстве своем входили обученные члены Коммунистической партии. О Гражданской войне в Испании см.: Ulianova O. A sesenta años de la Guerra Civil española, combatientes chilenos en las brigadas internacionales // Estudios Avanzados interactivos. 2006. Vol. 5. No. 7.

⁵ Так в тексте. — *Прим. перев.*

⁶ Ulianova O., Norambuena C. Rusos en Chile... P. 132–133.

в Белой армии и членов их семей, которые не вернулись в СССР, составив категорию лиц, не имеющих гражданства или апатридов Лиги Наций. В 1928 г. был закрыт выезд за границу для русских⁷ граждан, а затем были закрыты границы. Русские за рубежом продолжали оставаться приверженцами имперского строя и критически оценивали созданное революцией государство, не принимая государственное устройство, появившееся после свержения царя. Эта особенность была характерна для «русской белоэмиграции», которая ожидала восстановления монархии или окончания революции. Как утверждают Ульянова и Норамбуэна, сплоченность этой группы объясняет ее сопротивление интеграции и участию в мировой политике в контексте диалектики коммунизма / антикоммунизма. Вместе с тем, «по мере того, как сохранялись границы, прочерченные в период Гражданской войны в России, русских политических эмигрантов постреволюционного времени стали называть «белыми русскими» в противоположность «красным», победившим в Гражданской войне и управлявшим страной из Кремля»⁸.

Являясь частью обширного потока эмиграции, «белые русские» рассеялись по разным частям света. Некоторые из них стали значимыми фигурами общественной жизни Парижа или Шанхая. Впрочем, первой остановкой на их пути были государства, имеющие границы с Империей⁹: от Финляндии и недавно получивших независимость стран Балтии, Румынии, Югославии, Польши, по одну сторону, и до Маньчжурии (город Харбин) и Китая, по другую. В двадцатые годы в Париже проживали 100 тыс. русских, в Берлине — 75 тыс., а в Харбине — до 120 тыс. В этом азиатском городе в 1931 г. Константин Родзаевский создал Российскую фашистскую партию (РФП), попытавшуюся сплотить белую русскую диаспору вокруг движения, подобного ее итальянскому аналогу. В Соединенных Штатах Америки его представителем был бывший военный служащий, Анастасий Вонсяцкий, женатый на богатой наследнице и финансировавший большую часть проектов белой русской колонии в США¹⁰. Однако в Европе русская диаспора придерживалась идеологических принципов, которые обусловили ее эмиграцию. В 1930 г. самое молодое поколение эми-

⁷ Так в тексте. Разумеется, речь идет о гражданах СССР. — *Прим. перев.*

⁸ Ibid. Р. 134.

⁹ Так в тексте. — *Прим. перев.*

¹⁰ Об отношениях между фашизмом и белой эмиграцией см.: Stephan J. J. The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945. New York, 1978.

грантов организовало конгресс в Белграде, еще одном городе со значительным присутствием «белых русских», который дал начало Национальному союзу русской молодежи, впоследствии превратившемуся в Народно-трудовой союз, наиболее известный как Народно-трудовой союз российских солидаристов. Это объединение будет сотрудничать с немцами во время Второй мировой войны и с американцами во время холодной войны. Испания же в те годы была государством, чуждым интересам белой эмиграции.

«Белые русские» в Гражданской войне в Испании

Испания войдет в историю русской белой эмиграции довольно поздно. Изначально белые присутствовали лишь в литературной и издательской сфере, поскольку занимались переводами, занятием, довольно распространенным среди некоторых образованных эмигрантов¹¹. В то время как другие белые, в силу своей принадлежности к монархистским организациям или военного прошлого записывались в разнообразные воинские части, такие как французский Иностранный легион, или же участвовали в боевых действиях в различных регионах мира. Это было естественно, так как, помимо групп аристократов и предпринимателей, «большую часть белой эмиграции из России составляли военнослужащие частей Белой армии, в которых солдатами служили крестьяне и казаки, а в числе офицеров были выходцы из среды русской военной знати и казачья верхушка, а также молодые представители средних слоев, единственным жизненным опытом которых была война», ...группы «были в основном монархистами, националистами и защитниками имперских военных традиций. Они представляли южную, аграрную и традиционалистскую, Россию и особый автономный мир казаков»¹².

Для военных война против большевистского врага была естественным состоянием, где бы они ни находились. В этом отношении Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. явилась ключевым полем деятельности, в ее рамках принадлежность к Рекете и воинским частям монархистов-карлистов оказалась

---

¹¹ Rodríguez Espinosa M. Rusos blancos, bolcheviques y trotskistas en la historia de la traducción en España // Panorama actual de la investigación en traducción e interpretación / Coord. por M. A. García Peinado, E. Ortega Arjonilla. Granada: Editorial Atrio, 2003. P. 65–74.

¹² Ulianova O., Norambuena C. Rusos en Chile... P. 136.

наиболее естественной благодаря их легитимистской идентичности¹³. Русские предпочитали называться «подданными», а не «гражданами», потому что в их представлении они продолжали борьбу за Российскую империю, и длительная война против коммунизма была продолжением той войны, которую они начали в Сибири и на Кавказе.

Слово «Рекете» обозначало отряды бойцов Традиционалистского союза или карлизма. Слово «Рекете»¹⁴ появилось во время Первой карлистской войны в 1833 г., однако его военный дух сохранился благодаря бывшим повстанцам, сохранявшим его вплоть до окончания Гражданской войны в 1939 г.; в период Второй республики это слово стало вновь использоваться для отрядов защиты католических церквей от их сожжения революционерами¹⁵. Характерная униформа «Рекете» цвета хаки с красным беретом превратилась в региональный символ Наварры, где оно более всего идентифицировало себя с местным населением, и откуда в начале Гражданской войны пришли ты-

---

¹³ Карлизм является политическим и социальным движением защитников традиционной испанской монархии, которое противостояло либеральному режиму, начиная с Первой карлистской войны (1833–1840) между доном Карлосом и его сестрой Марией-Кристиной де Бурбон. Затем была Вторая карлистская война (1846–1849), и считается, что для карлистов Третьей карлистской войной была Гражданская война в Испании (1936–1939). [Так в тексте; на самом деле Третья карлистская война датируется предельно четко: 1872–1876 гг. — *Прим. перев.*]

¹⁴ Это название не совсем понятно, однако представляется, что это местная форма обозначения бойца «requeté listo» («готовый рекете»), т. е. народное выражение, подразумевающее подготовленного солдата, отсюда широкое просторечное употребление «ге» для обозначения множественного числа, подобно тому, например, как в Аргентине говорят «ge bueno» имея в виду «очень хороший». Поэтому равносильно было бы сказать «requeté listo (preparado)» о боестолкновении (см.: Iribarren J. M. Vocabulario Navarro. Pamplona, 1984). Подобное значение было знакомо также и 3-му батальону карлистов из Наварры во время Первой карлистской войны. Позднее, в период Второй Республики, карлисты именовали «рекете» свою милицию самообороны, которая была создана для защиты религиозных святынь от нападений революционеров. После победы Народного фронта в 1936 г. она превратилась в боевое подпольное формирование, каковым оставалось до 18 июля.

¹⁵ Об истории организации со стороны ее высшего руководства в Андалусии см.: Redondo L., Zavala J. El requeté. La tradición no muere. Barcelona, 1957. О Наварре, где располагалось ее наиболее мощное подразделение, см.: Lizarza A. Memorias de la conspiración. Madrid, 1986. О милициях, воевавших на стороне лагеря националистов, см.: Casas de la Vega R. Las milicias nacionales en la guerra de España / 2 vols. Madrid, 1974.

сячи бойцов, которые влились в колонну генерала Молье¹⁶. Тем или иным образом «Рекете» распространилось по другим регионам и стало частью боевых отрядов националистов¹⁷; затем оно должно было войти в Национальную¹⁸ армию, а в политической сфере — в Испанскую традиционалистскую фалангу и ХОНС, которая в безальтернативном порядке объединила политические силы лагеря националистов, возглавляемого генералом Франко¹⁹.

«Рекете» формировала свои отряды в виде терций, используя старинное название, применявшееся для полков в эпоху Золотого Века, под своими собственными знаменами с изображением знаков Креста Святого Андрея («Бургундский крест»). Однако во время военных действий аналогом терции являлись армейский батальон и бандера у фалангистской милиции. Его особенностями являлось то, что в нее могли добровольно вступать пожилые, молодежь и люди среднего возраста, а также религиозные убеждения его бойцов, носивших изображение Святого Сердца Христа (так называемое «детенте»), чтобы подчеркнуть свою веру в Бога. Во главе терции шел «христофор»²⁰, то есть знаменосец с поднятым распятием. Красный берет стал основным отличительным элементом бойца, и, несмотря на то, что он являлся хорошей мишенью и не защищал от осколков, носить его считалось честью.

Карлизм, как его называли в народе, являлся легитимистским движением, которое провозгласило превосходство веры как основы монархической власти. Причиной этого послужило, как сказано в его гимне под названием «Oriamendi» («за Святую Традицию»):

---

¹⁶ Утром 18 июля на борьбу поднялись 10 000 бойцов Рекете только из Наварры; за все время конфликта их количество достигло 40 000, судя по данным А. де Лисарсы и Р. Касас-де-ла-Вега. [См. прим. 11. — *Прим. перев.*]

¹⁷ О формированиях Рекете см. фундаментальную работу Х. Апостери: Aróstegui J. Los combatientes carlistas en la guerra civil española: 1936–1939 / 2 vols. Madrid: Editorial Aportes, 1991.

¹⁸ Франкистскую. — *Прим. перев.*

¹⁹ См.: Boletín Oficial del Estado (BOE). 20.04.1937. No. 182. Там опубликован декрет № 255 об объединении Испанской фаланги и Рекете. Будучи объединенными, организации сохранили свою собственную символику, к примеру, красные береты у бойцов Рекете и голубые рубашки у фалангистов.

²⁰ Аллюзия на западную версию жития св. Христофора, в которой говорится, что однажды он перенес на плечах через реку самого Христа, от которого и принял крещение. — *Прим. перев.*

За Бога, за родину, за короля
 Сражались наши отцы.
 За Бога, за родину, за короля
 Сразимся также и мы.
 Сразимся все вместе,
 Все вместе, объединясь,
 Святой Традиции зная
     удастся нам отстоять. (2 раза)
 Во что бы то ни стало. Этого нужно достичь —
 Чтобы в Мадриде вновь
     воцарился испанский король. (2 раза)
 За Бога, за родину, за короля
 Сражались наши отцы.
 За Бога, за родину, за короля
 Сразимся также и мы.

Военная организация карлистов распространилась по всей националистической Испании, однако в Наварре она, несомненно, являлась массовой уже с самого начала, как показал Антонио де Лисарса в своих «Воспоминаниях о заговоре, 1931–1936 гг.». Она отличалась от других крупных милиционных формирований, от Фаланги, которая со своими националистскими и модернистскими взглядами относилась к другому спектру политических сил, поддержавших мятеж 18 июля 1936 г.

Некоторые «белые русские» видели Гражданскую войну в Испании как второй этап Гражданской войны в России. Однако попытка массового рекрутского набора «белыми» потерпела неудачу, так как в их военную организацию — Русский Обще-Воинский Союз, или РОВС, — были внедрены советские агенты. Созданный в 1924 г. генералом П. Н. Врангелем, последним главнокомандующим Белой армии в Крыму, РОВС считал, что его смерть в 1928 году произошла из-за отравления, совершенного советскими секретными службами. Врангель был заменен генералом А. П. Кутеповым, который попытался придать организации большую активность. Он командовал Корниловским полком, считавшимся элитой Белой армии. Но в 1930 г. Кутепов был убит во время неудачной попытки его похищения советскими агентами²¹. На посту главы РОВС его заменил генерал Е. К. Миллер, по происхождению Baltenritter²². Однако тайный агент НКВД, белый русский генерал Н. В. Скоб-

²¹ Существуют также другие версии смерти А. П. Кутепова. — *Прим. перев.*

²² Об этих белых воинах во время Гражданской войны в России см.: Grey M., Bourdier J. Los ejércitos blancos. Barcelona, 1973 [Baltenritter («балтийский рыцарь», нем.) — потомок рыцарей Тевтонского ордена. — *Прим. перев.*]

лин, способствовал его похищению в 1937 г., и спустя два года Миллер был расстрелян в Москве. Эти события могли бы привести к провалу возможную попытку рекрутирования белых в Париже²³. В двадцатых годах РОВС смог объединить 60 тыс. членов, являвшихся бывшими военными Белой армии. Но эта важная организация со временем была обречена на исчезновение, поскольку только бывшие белогвардейцы могли являться ее членами. Способом восстановить ее было обращение ко второму поколению «белых русских», рожденных в эмиграции или покинувших Россию в детстве, но они не имели военного образования. Гражданская война в Испании смогла предоставить им необходимые знания, которые старшее поколение получило в 1917–1921 гг. в России. РОВС терял силы, и его руководители были готовы к тому, чтобы самые опытные его члены вновь встали под старые штандарты.

В конце 1936 г. РОВС направил генерала П. Н. Шатилова, начальника Главного штаба генерала Миллера, к генералу Франко с предложением об отправке достаточного количества добровольцев для создания бандеры в составе терции. РОВС предполагал, что сможет собрать несколько тысяч добровольцев, при условии, что Франко сможет оплатить им поездку в Испанию, ввиду материальных проблем русской общины. Примерная цифра составила 290 750 франков²⁴. Однако этот план не смог осуществиться, и только некоторым, за свой счет, удалось присоединиться к рядам Национальной армии. От 90 и до 130 человек — цифры, которыми оперируют применительно к русским добровольцам, которые смогли сражаться в группировке националистов; почти все они прибыли через Русский Обще-Воинский Союз во Франции. На тот момент Союз насчитывал 6 тыс. членов во Франции, 4 тыс. в Югославии, 3 тыс. в Болгарии, 3 тыс. в Маньчжурии, 2 тыс. в Китае, 1 тыс. в Германии и еще 2 тыс., рассеянные по другим странам. Русские добровольцы должны были создать небольшие группы, никогда не превышавшие 30 человек, чтобы ускользнуть от французской жандармерии и перейти границу²⁵.

Лозунг Белого движения «Великая, Единая, Свободная!» совпадал с девизом Национальной Испании «Una, Grande y Libre». Монархизм и глубокая православная религиозность русских определяли их жизнь под девизом Русской императорской армии

---

²³ Caballero Jurado C. Rusos contra Stalin. Una historia del Ejército Ruso de Liberación. Madrid, 2010. P. 10–15.

²⁴ Othen Ch. Las Brigadas internacionales de Franco. Barcelona, 2007. P. 170.

²⁵ Mesa J. L. Los otros internacionales. Madrid, 1998. P. 80.

«За Веру, Царя и Отечество!», который был чрезвычайно похож на девиз «Рекете» «Бог, Отечество, Король!». Тем не менее «белым русским» не удалось создать собственную воинскую часть, кроме взвода в рамках организации «Рекете». По мере их прибытия, они определялись в те воинские части, которые формировались на тот момент. Иностранные добровольцы по большей части определялись в иностранную терцию (Испанский Легион), хотя те, кто прибывал со стороны Пиренеев, могли обратиться непосредственно в призывной пункт карлистов в Памплоне, в то время как другие облачались в голубые рубашки добровольцев-фалангистов. Впрочем, почти половина русских добровольцев, вероятно, вошла в состав терции «Донья Марии де Молина-Марко де Бельо» и еще одной группы в Наварре²⁶. В первую очередь, ввиду того что ее основной руководитель, капитан Руис Эрнандес, говорил очень хорошо по-французски, как и другие испанцы, но не по-русски.

Русские традиционалисты вне «Рекете» и РОВС

Карлос Кабальеро Хурадо, получивший доступ к личному архиву Григория фон Ламсдорфа, смог дать полностью основанное на документах описание его жизни²⁷. Происходящая от знаменитых Baltenritter²⁸, полностью русифицировавшаяся семья Ламсдорфов дала нескольких генералов и одного министра иностранных дел — Владимира Ламсдорфа (1845–1907). Факт, вполне объяснимый в силу значительного представительства немецкой знати на русской службе. Григорий фон Ламсдорф попал в эмиграцию еще будучи ребенком и впоследствии принимал участие в Гражданской войне в Испании, во Второй мировой войне в качестве французского солдата (и был удостоен награды), а затем вступил в Русскую освободительную армию генерала Власова и действовал в Югославии и на других фронтах.

Его сын, Владимир Ламсдорф-Галаган²⁹, интеллектуал, был связан с протрадиционалистски настроенными группами «Вер-

²⁶ Blinkhorn M. Carlismo y contrarrevolución en España, 1931–1939. Barcelona, 1979. P. 357–358.

²⁷ Caballero Jurado C. Rusos contra Stalin... P. 3–21; впрочем, значительная часть книги посвящена его личности.

²⁸ См. выше прим. 22. — *Прим. перев.*

²⁹ Первоначальная немецкая фамилия — Von Lambsdorff. В России она превратилась в фон Ламсдорфф, после чего как русская ветвь рода отделилась от эстонской, исключив одну «ф». В Испании к ней добавилась фамилия «Га-

бо» и «Сьюдад Католика» и написал работу под названием «Поговорим о социализме» (Madrid: Editorial Speiro, [1977]). В 2003 г. вышел его труд «Тихая история правовых идей» (Lamsdorff-Galagane V. Historia Sencilla de las Ideas Jurídicas. Madrid: Colex, Madrid, 2003), кроме того, у него есть большая работа, где «русское» является предельно конкретным предметом рассмотрения. Это действительно так, поскольку в 2012 г. он прочитал лекцию в университете «Сан Пабло СЕУ» под названием ««Белые русские» в Испанской войне», о чем говорится в анонсе: «Лекция профессора Владимира Ламсдорф-Галагана, почетного профессора Автономного университета Барселоны. Актовый зал Дворца герцога Инфантадо, Каррера-де-сан-Франциско 2, Мадрид. 17 февраля 2012 г.».

Интересным представляется то, что превратности судьбы фон Ламсдорфа привели его к участию в Гражданской войне в Испании по собственному желанию. Он не являлся членом РОВС, когда обосновался в Париже и вступил там в брак. Г. фон Ламсдорф присоединился к лагерю националистов вместе с графом Борисом фон Лудингхаузен-Вольфом, и, следуя его плану, они прибыли в Данчаринею (Наварра), где их приняли за советских шпионов, следивших за расположенными здесь формированиями. Только после долгих объяснений первый был отправлен в бандеру, не имевшую четкого политического оттенка, а второй в одну из воинских частей Легиона, известную под названием «Жанна Д'Арк» из-за большого количества французских добровольцев. Третьим русским, прибывшим из Германии, был Игорь Сахаров, который в ноябре 1936 г. вступил в 4-ю бандеру Легиона. После войны Сахаров вернулся в Германию.

Фон Ламсдорф вошел в состав бандеры «Санхурхо», которая являлась единственной в своем роде — милицейской и которая вскоре стала 15-й бандерой Легиона и сражалась на фронтах в Арагоне и Каталонии. После войны фон Ламсдорф вернулся в Париж и записался во французскую армию, где был удостоен

лаган», таким образом получилось «Ламсдорф-Галаган» [на самом деле, двойная фамилия Ламсдорф-Галаган возникла еще в России: с 1894 г. ее носил генерал-лейтенант К. Н. Ламсдорф-Галаган (1841–1900). — *Прим. перев.*]. Существовали немецкая, эстонская и русская ветви, из числа значимых. Редакционное замечание: как уточняет Кабальеро Хурадо, эта фамилия засвидетельствована очень давно, достаточно известна и ведет свое начало от рода тевтонских рыцарей, уважаемого немцами. Во время одного из инцидентов с немецкими офицерами оккупационной армии в России он успокаивал себя, говоря с иронией: «По приказу явился недочеловек капитан граф фон Ламсдорф!» (см.: Caballero Jurado C. Rusos contra Stalin... P. 8–9).

награды и, в силу имеющегося у него опыта, приглашен в Русскую освободительную армию, созданную под немецким командованием. Действительную службу он продолжил в Югославии и в конце концов удачно вывел свою воинскую часть в Западную Европу. Он был взят в качестве переводчика союзников и постарался воспрепятствовать выдаче советским властям некоторых из своих людей при помощи советского комиссара...³⁰

Гражданская война в Испании явилась школой и для других «белых русских», с которыми судьба обошлась так же, как с полковником Сахаровым, также находившимся в армии Власова. Кроме того, понятна подоплека его идеалов: ведь, согласившись поддерживать образование русской армии в структуре немецких войск, он присоединился к одному из двух основных идейных течений внутри белой эмиграции — «пораженческому», которого придерживался и фон Ламсдорф, ожидавший поражения Советского государства, чтобы восстановить монархию; второе течение составляли те, кто, как и белый русский генерал Антон Иванович Деникин, наоборот, считали, что тот, кто напал на Россию, является их личным врагом. Следует отметить, что фон Ламсдорф воспринимал Гражданскую войну в Испании, как и Вторую мировую войну, в рамках единого процесса, целью которого являлось поражение коммунизма³¹.

Русские в боях под испанским солнцем³²

Отсутствие испанского финансирования набора добровольцев-белогвардейцев и нежелание Франко видеть присутствие иностранцев в рядах националистов привели к тому, что их число было незначительно, за исключением прибывших из дружественных стран, таких как Португалия, Италия и Германия. Русские же прибывали из Франции по линии РОВС, и капитану Петру Савину удалось с успехом переправить четыре группы, до того как французская жандармерия арестовала его во время пятой попытки, предъявила обвинения и уничтожила его организацию. В аналогичных случаях, когда Французская комму-

³⁰ Так в тексте. — *Прим. перев.*

³¹ Ibid. P. 19–20. Этот исследователь в ходе дискуссии ссылается на: Andrejev C. Vlasov and the Russian Liberation Movement. Soviet reality and émigré theories. Cambridge, 1987. Мы не располагаем этим текстом. — *Прим. авторов.*

³² Вероятно, авторы намекают на название франкистского гимна «Лицом к солнцу» (De cara al sol). — *Прим. перев.*

нистическая партия переправляла добровольцев в Интернациональные бригады, такого не случалось. В это же время генерал Миллер, главное должностное лицо РОВС, был похищен и вывезен в СССР, где и был убит.

Одним из первых добровольцев был Павел Рачевский, бывший капитан Генерального штаба, который в Сарагосе вступил в качестве сержанта в терцию «Донья Мария де Молина», о чем упоминалось в португальской печати³³. Он получил ранение в голову и предложил свои услуги в качестве агента-вербовщика среди своих соотечественников. Его пример способствовал тому, что многие белые, прибывавшие в Испанию, присоединялись к этой воинской части «Рекете». Терция «Мария де Молина» несла службу в составе недавно созданной 51-й армейской дивизии под командованием генерала Густаво Уррутия, во 2-й бригаде. Во главе терции был поставлен капитан Эмилио Висенте Лопес. Воинская часть участвовала в наступлении в Арагоне³⁴. Впоследствии она вошла в состав 52-й дивизии, которая в 1937 г. была отправлена на фронт в верховья р. Тахо в составе Кастильского армейского корпуса. Попадшая под обстрел в ходе наступления республиканцев 21 октября, терция понесла значительные потери, что потребовало реорганизации, и часть была преобразована в 4-ю группу под командованием капитана пехоты Энрике Монтальво Истуриса³⁵. В третий раз она была отправлена на фронт в феврале 1939 г., на этот раз — в составе 57-й дивизии в секторе верховьев р. Тахо (Арагон) со штабом в Каррионе под командованием полковника Луиса Искьердо. На этот раз терцией командовал капитан Феликс Эрнандес Диас, однако воинская часть не столкнулась с серьезной опасностью из-за стабильности линии фронта³⁶.

В конце 1936 г. к частям «Рекете» прибавилась терция «Марко де Бельо», также состоящая из арагонских бойцов-рекете, отчего новая воинская часть получила двойное название — терция «Донья Мария де Молина-Марко де Бельо». В этой воинской части число русских превысило три десятка, и часть из них сформировала взвод под командованием лейтенанта Яковом Полухиным. Две первые роты терции располагались в Кинто — де-Эбро,

³³ O Imparcial. 27.11.1936.

³⁴ Engel C. Historia de las Divisiones del Ejército Nacional 1936–1939. Madrid, 2010. P. 101. Рисунки и, особенно, изображение «христофора» (Ibid. P. 129) принадлежат знаменитому чилийскому военному художнику Клаудио Фернандесу.

³⁵ Ibid. P. 111.

³⁶ Ibid. P. 145.

на одном из участков, подвергшихся наступлению Интернациональных бригад, предшествовавшему битве при Бельчите. Хотя 1-я рота, где находилась значительная часть русских, не была им затронута, 2-ая рота подверглась разгрому и посмертно удостоилась коллективного награждения Крестом Сан-Фернандо с лавровой ветвью³⁷. В этом бою погиб генерал-майор Анатолий Владимирович Фок, 57 лет, выпускник Константиновского артиллерийского училища императорской армии, кавалер ордена св. Георгия и ветеран Галлиполи, вместе со своим товарищем капитаном Яковом Полухиным; своим испанским сослуживцам они были известны как «Фот» и «Пелукин». Оба погибли отважно, Полухин был лейтенантом и возглавлял взвод, состоявший исключительно из «белых русских» и являвшийся органичным воинским подразделением, обладавшим такой особенностью, которая вскоре обратила на себя внимание благодаря достоинствам в нем служивших, каждый из которых являлся офицером³⁸. Благодаря своему количеству, довольно значительному, эту группу посетил архимандрит Иоанн Шаховской и священник Хабичев (Chabicheh), из Русской православной церкви, чтобы провести службу согласно православному обряду и духовно наставить их.

Еще одной воинской частью, оставившей свидетельство заметного присутствия «белых русских», стала терция из Наварры. Эта воинская часть возглавлялась капитаном кавалерии Луисом Вильянова Ратацци-Вайс. В ней воевал Кайетано Бурбон-Пармский³⁹, под видом французского легитимиста. Сфера действия этой терции охватывала весь север Кантабрии, от Ируна до Хихона, а затем она была переброшена на фронт у Теруэля. Часть, понесшая многочисленные потери, была награждена Военной медалью⁴⁰. В составе воинской части упоминались по крайне мере

³⁷ Diario Oficial del Ministerio del Ejército. No. 261. 20.11. P. 586 «Recompensas», concesión de la Cruz Laureada de San Fernando, colectiva, a la Segunda Compañía del Tercio de Requetés de “Doña María de Molina-Marco Bello”. Orden de concesión de 13 de noviembre, firma: Varela.

³⁸ Lorén G. La batalla de Quinto de Ebro en la ofensiva republicana sobre Zaragoza // Revista de Historia Militar. 2014. No. 115. P. 89–134.

³⁹ Каэтано Мария Хосе Пио де Бурбон-Парма-и-Браганца (1905–1958) — аристократ, сын последнего герцога Пармского; младший брат Хайме де Бурбон-и-Бурбон-Парма, почитавшегося карлистами в качестве легитимного короля Испании («Хайме III») и Франции и Наварры («Иаков I»). Во время Гражданской войны сражался под псевдонимом «Гаэтан де Лаварден». — *Прим. перев.*

⁴⁰ Об истории формирования и случаях, связанных с русскими военными, см.: Herrera Alonso E. Los Mil días del Tercio Navarra. Madrid, 1974.

пятеро белых русских: Владимир Двойченко, Александр Амилахвари, Константин Гогиджонашвили, Александр Трингам и Владимир Ковалевский. Все они были офицерами армии Врангеля, и хотя нам неизвестны их звания, Двойченко⁴¹ и Амилахвари, были назначены в штаб воинской части. Последний из них, Ковалевский, упомянул о своем участии в Чакской войне в составе парагвайской армии. Что касается Гогиджонашвили, то он упоминается как «белый русский», бывший офицер императорской армии, а также как единственный грузин в группировке националистов.

Одним из наиболее видных «белых русских» был генерал Николай Всеволодович Шинкаренко-Брусиллов, который начал свое вооруженное содействие вместе с генералом А. В. Фоком в терции «Рекете» «Сумалакарреги», впоследствии служил в терции «Марко де Бельо», а закончил в звании лейтенанта в 9-й бандере Легиона. Будучи писателем, поэтом, использовал псевдоним «Н. П. Белогорский». Оба генерала прибыли со своими капитанами-адъютантами, Николаем Кривошея и Яковом Полухиным соответственно, в начале 1937 г. и участвовали в составе терции «Сумалакарреги» в наступлении на Бискайю, после чего всем четверым было присвоено звание временного лейтенанта⁴².

С другой стороны, более молодое поколение, проникнутое мистикой фашизма, предпочитало носить голубые рубашки, как в случае с Игорем Сахаровым и Павлом Зотовым; последний состоял в Каталонской центурии Фаланги, но, под влиянием товарищей, вступил в бандеру Легиона. Что же касается первого, то он был сыном белого генерала и прибыл из русской колонии в Германии. Сахаров говорил с легкостью не только на русском и испанском, но также и на английском, французском и немецком языках. Он был назначен в 4-ю бандеру Легиона, где стал танкистом, будучи знакомым полковнику фон Тома. Закончил войну в танковом батальоне Легиона в звании временного лейтенанта. В его 21-й роте 6-й бандеры находились румынские

---

⁴¹ Что касается Двойченко, то он являлся полковником в армии генерала Врангеля, а вступил в звании старшего сержанта, затем дослужившись до лейтенанта. В течение своей жизни он участвовал в Русско-японской войне, Второй Балканской войне на стороне болгар, Первой мировой войне и Гражданской войне в России, умер в Сан-Себастьяне в возрасте 62 лет. Даты — по рукописи его потомка Дмитрия Двойченко, проживающего в США (APJLO-Archivo particular de JL Orella).

⁴² Mesa J. L. Los otros internacionales... P. 87–88. [Звание временного лейтенанта присваивалось лишь на период боевых действий. — *Прим. перев.*]

добровольцы из «Железной гвардии», с которыми он завел дружеские отношения⁴³.

Русские входили также и в армейские воинские части, прежде всего — в Легион, хотя затем были зачислены в национальную авиацию, как в случае с Николаем Рагозиным-Дейманом, Михаилом Крыгиным-Мелокановым и Всеволодом Марченко-Лариновым. Первые два были лейтенантами. Рагозин был определен в Тетуан, произведен в капитаны и сражался в воздухе, пока не был назначен преподавателем штурманского дела в летную школу в Табладе (Севиля). После войны он вступил в Военно-воздушные силы. Крыгин, назначенный в Мурсию, вынужден был служить республиканцам, ввиду угрозы расстрела его матери в СССР, укрылся во Франции.

Другой пример представляет случай украинца, относившегося к «белым русским», Всеволода Марченко. Он записался в национальную авиацию после того, как служил командующим воздушными силами адмирала Колчака в Сибири. Перед Гражданской войной в России был летчиком гидросамолетов Военно-морского флота. После поражения смог уехать через Японию, Китай и Индию, поступив в качестве пилота в Авиационную академию Югославии. В 1922 г. вошел в состав Испанского Легиона и отсюда попросил перевода в испанскую авиацию в качестве механика. В 1927 г. получил испанское гражданство и был назначен преподавателем в летную школу в Альбасете (до 1931 г.) и директором аэропорта Барахас до 1934 г., а позднее стал пилотом авиакомпаний «Испанские Почтовые Авиалинии» (ЛАПЭ). 18 июля он вступил в авиацию националистов в звании младшего лейтенанта запаса. Получив звание лейтенанта, участвовал в воздушных операциях по охране укреплений в Санта-Мария-де-ла-Кабеса в качестве летчика «Юнкерса-52», а потом на фронте Брунете, в бомбардировке линкора «Хайме I»; был сбит около Сарагосы в сентябре 1937 г. истребителем, управляемым другим русским, Иваном Еременко. Хотя ему удалось воспользоваться парашютом, он был расстрелян республиканцами, когда пытался перебраться в зону националистов. Очевидно, его противник пытался спасти его, но неудачно. В 1943 г. сын Марченко забрал тело отца, а супруга получила военную пенсию⁴⁴.

---

⁴³ Ibid. P. 84–85.

⁴⁴ Flores J., Yacubuv A. Vsevolod Márchenko. Un ucraniano en la Aviación nacional // Ares Enyalis. Revista de historia y actualidad militar. 2014. No. 38. P. 54–57.

Еще одним любопытным примером является случай Ивана Шаховского, бывшего императорского офицера, воевавшего в Испании, а после обосновавшегося в Берлине, где он служил священником в православной общине; по окончании Второй мировой войны эмигрировал в Соединенные Штаты, став архиепископом Сан-Францисским (Калифорния).

Согласно регистрам новобранцев, в феврале 1937 г. на военную службу прибыли Али Гурский-Магометов, Владимир Бибииков, Евгений Пальчевский, Венцеслав Гурко и Георгий Селим-Бек Алибеков. Первый, полковник кавалерии, прибывший из Рима, был добровольцем в 4-й и 9-й бандерах, затем перешел в терцию «Мария де Молина». С ним из Рима прибыл капитан кавалерии Селим-Бек, говоривший на немецком, французском и итальянском, помимо русского и испанского. Гурко и Пальчевский ценились довольно высоко, будучи специалистами-механиками, первый из них прибыл из Французского Иностранного легиона. В марте того же года вступили как добровольцы: Борис Ильин-Борк, Петр Белин, Дмитрий Голбан, Владимир Налетов, Николай Селиванов, Лев Пылаев, Николай Сладков, Антон Яремчук, Михаил Сальников, Василий Кривошея, Лев Тоцкий, Вадим Клименко и Николай Барк. Первый из них находился в кавалерийском эскадроне «Бургундия», перейдя впоследствии во взвод того же рода войск терции «Марии де Молины».

В последующие осенние и зимние месяцы в состав вошли Борис Лудингхаузен-Вольф, Владимир Юренинский, Константин Гончаренко, Николай Артюхов, Павел Зотов, Сергей Бриллиантов, Владимир Боярунас, Пантелеймон Иванов-Панфилов и Николай Болтин. Первый из них высоко ценился благодаря тому, что учился в престижном учебном заведении (особой военной школе) Сен-Сир и продолжил военную карьеру во Французском Иностранном легионе. Служил в 4-й бандере, однако затем перешел в терцию «Мария де Молина». Что касается последнего, Болтина, то он являлся главой и официальным представителем небольшой общины белоэмиграции в Испании, добился в декабре принятия прошения о том, чтобы все русские, воюющие в армейских воинских частях или же в составе милиций, могли перейти в терцию «Мария де Молина»⁴⁵.

---

⁴⁵ Mesa J. L. Los otros internacionales... P. 89, 94.

В рядах «Голубой дивизии»

Кое-кому из «белых русских», переживших войну в Испании, кто окончательно решил остаться в нашей стране и не вернулся во Францию, в довелось еще один — последний, — раз нести военную службу. Чтобы сохранить нейтралитет Испании, учитывая особенность политики генерала Франко: оставаться нейтральным в конфликте немцев и англичан, принимать американскую сторону в условиях японской экспансии на Филиппинах, и присоединяться к немцам в противостоянии коммунизму, испанское правительство одобрило создание дивизии добровольцев, чтобы отправить ее на международную борьбу против советского коммунизма. В этом экспедиционном соединении, насчитывавшем более 18 000 добровольцев, также принимали участие и одиннадцать «белых русских», в большинстве своем прошедших терцию «Мария де Молина-Марко де Бельо» и терцию из Наварры: лейтенанты — Георгий фон Чевеско-Россен (Jorge Von Chevesco Rosen), Николай Кривошея-Любядов и Константин Гогиджонашвили, младшие лейтенанты — Али Гурский-Магометов, Николай Артюхов, Константин Гончаренко-Чудов, сержанты — Василий Кривошея-Любядов, Владимир Ковалевский-Грант и Александр Бибилов, капралы — Николай Зотов-Горочкин, Игорь Перчин и солдаты — Лев Тоцкий-Лукин, Сергей Пономарев и Георгий Старицкий-Чаков⁴⁶.

Первый, Георгий фон Чевеско-Росен, по происхождению Baltenritter, прибыл из Легиона, куда вступил в возрасте 20 лет, в 1934 г. получил звание младшего лейтенанта, а в 1940 г. — звание лейтенанта. Всегда состоял в 7-й бандере Легиона. Поступил в качестве добровольца в 250-ю (Голубую) дивизию, в феврале 1942 г. пал в бою, находясь во главе своего взвода. В следующем месяце русские оплакивали смерть в бою Константина Гончаренко, ветерана терции «Мария де Молина» и Легиона. Он вступил в 250-ю дивизию в звании младшего лейтенанта, в его задачу входило быть переводчиком второго батальона 263-го пехотного полка. Одним из тех, кто вернулся, был лейтенант Гогиджонашвили, грузин, потерявший глаз на астурийском фронте и служивший в 269-м пехотном полку, в лыжном отряде и в штабе дивизии. Он был награжден Крестом за Военные заслуги I и II класса с мечами, Железным крестом II класса, Знаком отличия за уничтожение танков, знаком отличия «За ранение», медалью «За зимнюю

⁴⁶ Boletín Blau Division. 1991. No. 385.

кампанию 1941–1942 гг.». Другим вернувшимся был младший лейтенант Николая Кривошея, выходец из терции «Мария де Молина», а затем из Легиона, командир взвода связистов 262-го пехотного полка, переводчик штаба полка, который вступил в брак с соотечественницей, работавшей переводчицей. Тем не менее Петр Белин, почетный капитан артиллерии и на тот момент дуайен общины «белых русских», представил список из 29 имен лиц, которые в качестве бывших участников войны в Испании хотели бы добровольно служить своей новой родине. Тем не менее из-за запрета немцев вместе с испанцами смогли выступить только те, кто уже получил испанское гражданство⁴⁷.

Заключение

Присутствие «белых русских» в рядах националистов было реальным фактом, хотя их значение и численность были невелики, а количество колебалось от 80 до 128. Наиболее авторитетным источником, из которого исходят все прочие, является А. П. Яремчук, капитан царской армии и сержант испанской армии, который написал в США книгу воспоминаний о войне «Русские добровольцы в Испании, 1936–1939» (Сан-Франциско: Глобус, 1983), в которой говорит о присутствии 128 русских, имена 89 из которых известны. Посредством библиографической работы — чтения послужных списков воинских частей, он прояснил, что 42 «белых русских» служили первоначально в терциях «Рекете», особенно в прославленной терции «Донья Мария де Молина-Марко де Бельо» и наваррской терции. Остальные 17 русских вошли в состав Легиона, где их соотечественники присутствовали с момента основания терции для иностранцев (Легиона) Мильян-Астраем. Еще 14 русских входили в милиции Фаланги, а трое были переведены из Легиона в Национальную авиацию. Воспоминания бывших бойцов «Рекете», таких как Эмилио Эррера, содержат много рассказов и, в данном случае, фиксируют присутствие этих солдат в составе наваррской терции. Петер Кемп, знаменитый англичанин, воевавший в составе Легиона, также упоминает в своих мемуарах об этом присутствии. Среди же современных трудов выделяется работа Хосе Луиса де Месы, имеющая особое значение благодаря обращению исследовате-

---

⁴⁷ Moreno Juliá X. La División Azul. Sangre española en Rusia, 1941–1945. Barcelona, 2004.

ля к военным документам, содержащим списки военнослужащих различных частей регулярной армии, прежде всего — Легиона.

Еще одним аспектом, который вносит неясность в статистику, являются фамилии и происхождение: грузины и украинцы иногда записывались отдельно от «белых русских», а другие, наоборот, числились в качестве таковых. Даже поляки, которых насчитывалось два десятка в группировке националистов, подчас именовались «белыми русскими», как это было в случае Людвиг Кароля Любич-Орловского, который записался в качестве бойца «Рекете» в эскадрон кавалерии «Бургундия», а потом перешел в терцию «Алькасар». Но из-за того, что он был офицером русской императорской армии, иногда его включают в списки бывших офицеров царской армии, так как он тоже служил в ней.

Перевод с испанского Д. Н. Сабировой

Библиография

А. Источники

- Archivo particular de J. L. Orella (APJLO). Manuscrito original de Demetrius Dvoichenko, descendiente residente en Estados Unidos.
- Diario Oficial del Ministerio del Ejército. 20.11.1937. No. 261. «Recom-pensas», concesión de la Cruz Laureada de San Fernando, colectiva, a la Segunda Compañía del Tercio de Requetés de Doña María de Molina «Marco Bello». Orden de concesión de 13 de noviembre. Varela.
- Яремчук А. П. Русские добровольцы в Испании, 1936–1939. Сан-Франциско: Глобус Паблишерз, 1983.

Литература

- Arostegui J. Los combatientes carlistas en la guerra civil española: 1936–1939 / 2 vols. Madrid: Editorial Aportes, 1991.
- Blinkhorn M. Carlismo y contrarrevolución en España 1931–1939. Barcelona: Crítica, 1979.
- Caballero Jurado C. (2010) Rusos contra Stalin. Una historia del Ejército Ruso de Liberación. Madrid: Editorial Galland Books, 2010.
- Casas de la Vega R. Las milicias nacionales en la guerra de España / 2 vols. Madrid: Ed. Nacional, 1974.
- De Lizarza A. Memorias de la Conspiración, 1931–1936 / 5ª ed. Madrid, 1986.
- De Mesa J. L. Los otros internacionales. Voluntarios extranjeros desconocidos en el Bando Nacional durante la Guerra Civil, 1936–1939. Madrid: Ediciones Barbarroja, 1998.

- De Mesa, José Luis. Rusos blancos en la Guerra Civil y la División Azul // *Serga*. 2000. No. 8.
- Engel C. Historia de las Divisiones del Ejército Nacional 1936–1939 / Ilustraciones Claudio Fernández. Madrid: Almena Ediciones, 2010.
- Flores J., Yacubuv A. Un ucraniano en la Aviación nacional // *Ares Enyalios*. Revista de historia y actualidad militar. 2014. No. 38. P. 54–57.
- Grey M, Bourdier J. Los ejércitos blancos. Barcelona: Luis de Caralt, 1973.
- Herrera Alonso E. Los Mil días del Tercio Navarra. Madrid: ed. Nacional, 1974.
- Ibáñez Cagna C. Boletín Blau Division. 1991. N° 385 (Hermandad de la División Azul (Alicante)).
- Iribarren J. M. Vocabulario Navarro. Pamplona, 1984.
- Lorén G. La batalla de Quinto de Ebro en la ofensiva republicana sobre Zaragoza // *Revista de Historia Militar*. 2014. N° 115. P. 89–134.
- Médnikov I. Los límites de una renovación: la historiografía actual rusa sobre la Guerra Civil española // *Studia Historica*. Historia contemporánea. 2014. No. 32. P. 411–426.
- Moreno Juliá X. La División Azul. Sangre española en Rusia, 1941–1945. Barcelona: Crítica, 2004.
- Kamkin A. Voluntarios rusos en el Ejército Nacional, una lucha contra el enemigo común // *Leggio XXI*. 2009. No. 26.
- Keene J. Luchando por Franco. Voluntarios europeos al servicio de la España fascista, 1936–1939. Pamplona: Editorial Salvat, 2002.
- Othen Ch. Las Brigadas Internacionales de Franco. Barcelona: Editorial Destino, 2007.
- Redondo L., Zavala J. El requeté. La tradición no muere. Barcelona: Editorial A. H. R., 1957.
- Rodríguez Espinosa M. Rusos blancos, bolcheviques y trotskistas en la historia de la traducción en España // *Panorama actual de la investigación en traducción e interpretación* / Coord. por M. A. García Peinado, E. Ortega Arjonilla. Granada: Editorial Atrio, 2003. P. 65–74.
- Stephan J. J. The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945. New York: Harper & Row. 1978.
- Ulianova O. A sesenta años de la Guerra Civil española, combatientes chilenos en las brigadas internacionales // *Estudios Avanzados interactivos*. 2006. Vol. 5. No. 7.
- Ulianova O., Norambuena C. Rusos en Chile. Santiago de Chile: Universidad de Santiago de Chile (USACH) / Comisión Gubernamental para los Asuntos de los Compatriotas en el Extranjero del Ministerio de Relaciones Exteriores de la Federación Rusa, 2009.

ЖЕНЩИНЫ-ВОЛОНТЕРЫ В ПЕРИОД
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ:
СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ
И «БОГ, ОТЕЧЕСТВО, КОРОЛЬ»

I. Предварительные замечания

Как известно, военный переворот 1936 г. стал началом Гражданской войны в Испании. Параллельно с рассмотрением истории вооруженного противостояния, необходимо предпринять реконструкцию учреждений² в той степени, в какой они отразили раскол государственной организации на два враждующих лагеря. В то время как в республиканской зоне номинально поддерживалось нормальное функционирование государственной власти, нередко нарушавшееся вследствие неконтролируемых действий крайних радикалов, которые подрывали уже расшатавшуюся легитимность Республики, во франкистской зоне исключительные условия провозглашенного военного положения сохранялись несколько лет.

---

¹ В соответствии с утвердившимися нормами словоупотребления терминов «доброволец» и «волонтер» в современном русском языке, при переводе настоящей статьи под первым из них подразумевается добровольное участие в боевых действиях с оружием в руках в составе добровольческих частей действующей армии, тогда как второй применяется в связи с деятельностью невоенного характера (благотворительность, помощь больным, раненым, сиротам и т. п.), пусть и связанной с оказанием помощи не только мирному населению, но и военнослужащим — как на фронте, так и в тылу. — *Прим. перев.*

² См.: Orella J. L. La formación del Estado nacional durante la Guerra Civil española. Madrid, 2001. P. 10.

На территориях, находившихся в непосредственной близости от места военного мятежа, в областях, о которых идет речь в данной статье, декреты об объявлении военного положения четко определяли, что нормализация функционирования государственных служб является приоритетом, устанавливая жестокие наказания за его нарушения. Среди приоритетных задач, чье непрерывное исполнение без каких-либо сбоев было необходимым для институционального устройства и административной организации, выделяется сфера благотворительности, которая оказалась дезорганизована после начала Гражданской войны.

В соответствии с вышесказанным, необходимо в скобках заметить, что переворот 18 июля 1936 года в скрытом виде отражал возмущение значительной части гражданского населения, которая являла собой абсолютную противоположность демократическим нормам, введенным во время Второй Республики, или высказывала свои возражения против них. С момента победы Народного Фронта на выборах в феврале 1936 г., постепенно увеличивалось число записавшихся в Испанскую фалангу, в первую очередь потому, что последняя начала поглощать различные правые объединения, например «Молодежную организацию Народного действия»³. Это вливание сил началось ранней весной 1936 г., достигло кульминации во время мятежа и продолжалось всю осень и начало зимы 1936 г. Нескончаемый переток средств от разных консервативных политических сил к одной, в основе своей тоталитарной, вероятно, объяснялся, главным образом, разочарованием значительного числа членов правых группировок. Они полагали, что партии, в которые они первоначально вступили, не смогли удовлетворить их чаяний. Кроме того, необходимо прибавить настроения тех, кто искал наиболее жестокий путь претворения в жизнь своих политических идеалов и думал, что сможет найти его в Фаланге.

Кроме того, в связи с мотивами присоединения к Фаланге, можно говорить о чувстве неуверенности в отношении того, что может произойти после начала войны. Речь идет о том, что некоторые исследователи⁴ считают ощущением, в котором смеши-

---

³ В этом смысле отмечено, что «недоверие к таким вариантам, как Испанская конфедерация независимых правых (СЭДА)... заставила многих ее членов вступить в Фалангу. То же касается также членов и сторонников других партий, как, например, прежних республиканцев, занимавших правоцентристские позиции» (см.: Thomas J. M. *Lo que fue la Falange*. Barcelona, 1999. P. 94–95).

⁴ Например, об этом говорят С. Пэйн и Х. Л. Родригес Хименес. См.: Payne S. G. Franco y José Antonio. *El extraño caso del fascismo español* /

вались страх участия в политической жизни, начавшегося относительно недавно, с тем, что можно было бы назвать «муками необходимости»⁵.

В этих вводных строках к разговору о проблеме, которая будет занимать нас далее, необходимо отметить воздействие на повседневную жизнь перемен, которые быстро проявлялись в облике городов. С начала Гражданской войны существовали два момента, которые первоначально представлялись чем-то новым, но со временем превратились в рутину. Мы имеем в виду погребение солдат, павших на разных фронтах сражений, и шествия, носившие поминальный характер, когда войска проходили по городу или когда какая-нибудь часть солдат регулярной армии или добровольцев уходила на фронт.

Необходимо помнить, что погребения превращались в спонтанные проявления чувств народа рядом с «павшим героем»; со временем они привели к возникновению целой культуры смерти, отраженной местной печатной прессой⁶. В свою очередь, упомянутые шествия, происходившие регулярно, обладали символическим и ритуальным смыслом, отличающим практики подобного рода. К этому мы должны прибавить тот факт, что эйфория, возникавшая в такие моменты, приобретала характер своеобразного праздника, который распространялся по всему городу, хотя и на ограниченное время, пока длилось шествие.

Приближаясь к интересующей нас проблеме, мы должны помнить о двух фактах, относящихся к облику городов, которые связаны с женским волонтерским движением, в них и возникавшим. Первый из них — это милитаризация общества. Войска постоянно сосуществовали с гражданским населением. В связи с наплывом вступивших в Фалангу и рекете, как мужчин, так и женщин, все члены должны были почти все время носить осо-

---

3ª ed. Barcelona, 1997; Rodríguez Jiménez J. L. *Historia de Falange Española de las JONS*. Madrid, 2000.

⁵ Это отвечает тому, о чем сообщает А. Эрнандес (см.: Hernández García A. *La represión en La Rioja durante la guerra civil*. Calahorra, 1984. P. 193–194), по словам которого «...с одной стороны, это был способ получить охранную грамоту, а с другой — необходимость, потому что добровольно записавшиеся хорошо питались и, прежде всего, хорошо одевались с самого начала... Всех этих добровольцев (не слишком надежных в идеологическом смысле) использовали как пушечное мясо на всех фронтах».

⁶ Например, эстетика и ритуал прощания с павшими фалангистами были подробно исследованы Х. Л. Родригесом Фернандесом. См.: Rodríguez Jiménez J. L. *Op. cit.* P. 322ss.

бую униформу. Вся франкистская зона оказалась наводнена людьми, одевавшимися в униформу милиции. Сюда вписывалось и женское традиционалистское движение с его деятельностью как на фронте, так и в тылу, которое почти целиком было связано с помощью воинам.

Второй факт, который мы хотим упомянуть, — это появление на улицах городов большого количества брошенных или испытывавших нужду детей. Дети, чьи родители погибли на фронте или в тылу, находились в тюрьмах или оказывались вдали от своих домов. Необходимо было противостоять распространению проблемы нехватки средств к существованию, которая затрагивала детей, матерей и других родственников тех, кто пропал без вести⁷, для чего, как мы покажем впоследствии, и возникла «Социальная помощь».

II. «Социальная помощь»

Война и ее непосредственные последствия привели к тому, что благотворительность — в самом широком смысле — превратилась в растущую необходимость. Не углубляясь в детали, скажем, что бедствие войны принесло с собой голод, нищету, сиротство и т. п. В конечном счете, значительная часть гражданского населения была обречена изо дня в день бороться за свою жизнь. Прежние учреждения социальной благотворительности, практически разрушенные вследствие военного конфликта, не могли отвечать социальным потребностям, которые были вызваны началом Гражданской войны.

В этой обстановке в районе Вальядолида, в кастильской Месете, Мерседес Санс Бачильер, вдова Онесимо Редондо⁸, основателя Хунт национал-синдикалистского наступления⁹, ввиду

⁷ Orduña Prada M. El Auxilio Social, 1936–1940. La etapa fundacional y los primeros años. Madrid, 1996. P. 33–34.

⁸ Редондо Ортега, Онесимо (1905–1936) — испанский политик фашистского направления, один из основоположников национал-синдикалистского движения в Испании, основатель Кастильских Хунт Испанского Действия (впоследствии — Хунты национал-синдикалистского наступления (ХОНС)), позднее объединившихся с Фалангой. Погиб в бою в начале Гражданской войны. — *Прим. перев.*

⁹ Процесс учреждения таких хунт, первоначально созданных в 1933 г., и их связи и объединения с Испанской Фалангой, с которой они слились в марте 1934, откололись и вновь присоединились в начале Граждан-

увеличившегося количества брошенных детей на улицах Вальядолида, детей, которые остались без отцов, умерших на фронте или в тылу, или помещенных в тюрьму, или оказавшихся вдали от своих домов, ввиду неэффективности общественных благотворительных учреждений в борьбе с этими проблемами и отсутствия их решения частными лицами, которые до этого момента брали на себя благотворительные функции, решила начать работу по институализации помощи в тылу тем, кто оказался обездолен Гражданской войной. Подавляющее большинство этих людей были также жертвами репрессий со стороны военных и фалангистов. Для этих жертв благотворительные организации были насущной необходимостью.

Ее целью было оказывать социальную помощь нового типа, то есть не связанную с устаревшей концепцией государственной благотворительности¹⁰, происходившей из XIX века и развивавшейся в Испании на протяжении первой трети XX в. Таким образом, она создала организацию, известную как «Социальная помощь». Первоначально названная «Зимняя помощь», в соответствии с «Декретом об объединении» от 19 апреля 1937 г.¹¹ она

ской войны, были объектом исследования разных ученых; здесь мы можем отметить некоторые работы, уже ставшие классическими (например: Ellwood S. Prietas las Filas. Historia de la Falange Española. Madrid, 1984; Rodríguez Jiménez J. L. Historia de la Falange Española de las JONS. Madrid, 2000), а также недавнюю работу Стэйли Пэйна: Payne S. La Guerra Civil Española. Madrid, 2014.

¹⁰ Согласно классической работе Марии Тересы Гальего, «ее национальный вождь предполагала, что она будет представлять собой не женскую благотворительность, а большую организацию, способную взять на себя оказание социальной помощи в новом государстве» (Gallego M. T. Mujer, Falange y Franquismo. Madrid, 1983. P. 60).

¹¹ Именно так говорится в работе Х. М. Томаса: «объединение, которое он предписывал, претендовало на долгую жизнь и затрагивало политические силы, преобладавшие с 18 июля 1936 г.: Фалангу и Традиционалистское движение... декрет провозглашал... рождение новой политической организации, вдохновленной как в своем названии, так и в иерархической структуре фалангистской моделью, и посредством ее, моделью фашистской» (Thomas J. M. Lo que fue la Falange... P. 199–202). [«Декрет об объединении» от 19 апреля 1937 г., обнародованный Ф. Франко в Саламанке, провозглашал объединение антиреспубликанских организаций в единую партийную структуру — «Испанскую Традиционалистскую Фалангу и Хунты Национал-Синдикалистского наступления» (*исп.* аббревиатура — FET y de las JONS); лидером новой партии — ее вождем (каудильо) — стал Ф. Франко. Тем самым был сделан решающий шаг в процессе формирования тоталитарной государственности фашистского типа, основанной на вождизме, однопартийной

превратилась в Национальный комитет по социальной помощи. Мы говорим, следовательно, об организации, инкорпорированной в структуру государства и зависимой от него¹².

На возникновение «Социальной помощи», помимо тревог и забот социального характера, побудивших Мерседес Санс Бачильер предпринять усилия по организации столовых для жертв войны в первые месяцы конфликта и все время расширять свое поле деятельности, как мы покажем впоследствии, повлиял и ряд других факторов, к которым следует обратиться особо.

Первый из указанных факторов — это влияние, которое испытали во время своего пребывания в Германии в тридцатые годы некоторые из наиболее близких сподвижников Мерседес Санс Бачильер, такие как, например, Хавьер Мартинес де Бедоя. Нельзя утверждать, что «Социальная помощь» была калькой с немецкой *Winterhilfe* («Зимней помощи»), однако она реализовывала некоторые идеи, в которых можно усмотреть сходство с последней. Фактически, эти черты сходства касались скорее формы, чем содержания, например пропаганды, которую вела эта новая организация, главным образом, в ее внешних признаках.

Хавьер Мартинес де Бедоя в первое время выступал за принятие эмблем, знаков различия, кружек для сбора пожертвований и марок, которые имели бы большое сходство с немецкими¹³. Таким же образом, по его инициативе, эмблемой организации стал волк, раненный острием копья, что явно напоминало немецкую эмблему. По словам самого Мартинеса де Бедоя, копирование этой нацистской символики позволяло избежать трудностей изобретения чего-то принципиально нового в рамках Фаланги¹⁴.

Второй фактор, который необходимо отметить, состоит в том, что с самого начала создания благотворительной организации ее основатели разделяли идею, что подобный проект не должен ограничиваться только городом и провинцией Вальядолид. Эта предпосылка, однако, означала не только развитие деятельности

системе и слиянии правящей партии с государственной организацией. Тот факт, что в контексте этих норм фигурируют женские и благотворительные организации, заставляет рассматривать их как неотъемлемый элемент тоталитарной системы. — *Прим. перев.*]

¹² Государство, которое в этот период находилось на начальном этапе формирования, в первую очередь характеризовалось сосредоточением исполнительной власти в руках военных, см.: Orella J. L. Op. cit. P. 38.

¹³ Preston P. Palomas de Guerra. Barcelona, 2001. P. 50.

¹⁴ Orduña Prada M. Op. cit. P. 38.

по оказанию помощи в собственном смысле слова, но также и, что примечательно, попытку остаться, насколько это возможно в силу обстоятельств, вне сферы политических интриг, характерных для жизни тыла.

Первая столовая «Социальной помощи» открылась 30 октября 1936 г. в Вальядолиде и приняла в этот первый день сто сирот¹⁵. Постепенно акции, организуемые в пользу нуждающихся, росли в геометрической прогрессии, и таким образом были открыты новые столовые не только в городе и провинции Вальядолид, но и в соседних провинциях. Одновременно с открытием столовых начался сбор средств среди населения путем периодических пожертвований. В целом можно утверждать, что развитие «Зимней помощи» происходило в ускоренном темпе. Этому способствовали трудолюбие группы руководителей, условия, которые создавал сам военный конфликт (он и обуславливал большую часть необходимости в социальной помощи), и возможности, которые с самого начала предоставлял организации франкистский государственный аппарат как в административном, так и в экономическом плане. С началом 1937 г. работа по оказанию помощи, которую выполняла «Зимняя помощь», не ограничивалась предоставлением питания только детям, ее деятельность распространилась на более широкий круг населения.

Чтобы организации могли функционировать должным образом, было необходимо задействовать целый ряд средств. И главными из них были человеческие ресурсы. Без многочисленной группы сотрудников было бы невозможно ни функционирование, ни само существование этих организаций. Большую часть помощи, которой они располагали, чтобы обслуживать первые столовые и учреждения, оказывали женщины-волонтеры.

Поэтому, учитывая масштабы, которые приобретала «Социальная помощь», 11 октября 1937 г. была создана «Социальная служба», с полным иерархическим и административным подчинением Национальному комитету социальной помощи. Незамужние женщины 17–35 лет были обязаны отработать в ней шесть месяцев, в случае если они хотели получить определенные навыки для своей повседневной жизни, например водительские права, доступ к квалификационным испытаниям и т. п. Логично предположить, что, с прекращением войны и вхождением социальной работы в нормальное русло, женщины, которые должны были

---

¹⁵ Ibid. P. 42.

сотрудничать в «Социальной службе», выполняли бы те же обязанности в других учреждениях. Но, разумеется, в первое время существования «Социальной помощи» решающим для организации была мобилизация той части женского населения, которая могла бы обеспечить функционирование и развитие организаций по оказанию помощи¹⁶.

Относительно финансовых средств, которыми располагала «Социальная помощь», перед тем как интегрироваться в административную систему франкистского государства, необходимо отметить, что имущество организации складывалось из трех источников, различных скорее в силу своего происхождения и типологии, поскольку все три представляли собой вклады частных лиц.

Во-первых, мы имеем в виду сборы пожертвований и ходатайств, осуществлявшиеся публично. В обмен на пожертвование, которое клали в специальную кружку — в нее необходимо было опустить не меньше минимальной суммы в 0,30 сантима, — давали значок. Его нужно было прикрепить на видное место, поскольку он был необходим для посещения кафе, различных зрелищ, например театра, и т. п. О сборах пожертвований население оповещали с помощью средств пропаганды, главным образом местной прессы. И очевидно, что ее действия не были добровольными, если принимать во внимание упомянутые характеристики.

Во-вторых, необходимо вкратце описать так называемый «Голубой жетон», который представлял собой подписку, условия которой были одинаковы как для физических лиц, так и для частных организаций. Размер минимального взноса составлял одну песету. В-третьих, нужно сказать о пожертвованиях, представлявших собой добровольные взносы нерегулярного характера, которые могли быть сделаны как наличными, так и в натуральной форме. Сбором и распределением всех перечисленных нами ресурсов занимались Провинциальные комитеты, административные органы, которые учреждались в провинциях, по мере того как «Социальная помощь» разворачивала там свою работу, и напрямую зависели от Национального комитета.

---

¹⁶ В настоящей статье мы не будем касаться борьбы за управление «Социальной помощью» между Национальным комитетом социальной помощи и Женским отделением, представленными Мерседес Санс Бачильер и Пилар Примо де Ривера, соответственно, которая была рассмотрена, например, в работе: Orduña Prada M. Op. cit.; Preston P. Las tres Españas del 36. Barcelona, P. 160–163.

III. Женская ветвь традиционалистского¹⁷ движения

Выше мы говорили о милитаризации общества и атмосфере военного лагеря, распространившейся в городах; в этих обстоятельствах надлежит выделить роль членов женской ветви традиционалистского движения, назвавшихся «маргариты», в честь доньи Маргариты, супруги Карлоса-Марии де Бурбон¹⁸, который для традиционалистов являлся представителем легитимной власти.

Не обращаясь к истокам этой женской организации в XIX в., необходимо отметить, хотя и кратко, их активную деятельность в период Второй Республики. С момента ее провозглашения 14 апреля 1931 г. до военного переворота 18 июля 1936 г. женское движение маргарит широко распространилось по Испании; свои ассоциации они регистрировали по всей стране. В этот период маргариты проводили серию кампаний, образовавших три большие группы: «Белую помощь», занимавшуюся предоставлением материальной помощи путем сборов и пожертвований и моральной поддержки; «Благотворительность», деятельность которой состояла в создании

¹⁷ В настоящем контексте под «традиционализмом» понимается движение карлистов, начало которому было положено в 1833 г., когда после смерти короля Фердинанда VII в борьбу за престол вступили сторонники его дочери Изабеллы, унаследовавшей отцовский престол по Прагматической санкции 1830 г., отменившей действовавший ранее т. н. «салический закон» (подразумевавший наследование престола только по мужской линии), и младшего брата покойного короля инфанта дона Карлоса де Бурбон, провозгласившего себя королем Карлом V. Изначально преобладание в числе исабелинов получили либералы, тогда как в рядах карлистов доминировали консерваторы, сторонники сохранения абсолютизма и традиционных привилегий Церкви. Территориально опорой карлистов являлись, в первую очередь, Наварра и горные районы Каталонии и Старой Кастилии. В ходе трех карлистских войн (1833–1839; 1846–1849; 1872–1876) карлисты потерпели поражение, однако они сохранили значительное влияние в некоторых регионах, прежде всего — в Наварре. Ключевыми требованиями их политической программы являлись абсолютная власть короля, доминирующее положение Церкви в политической, социальной и культурной жизни, а также сохранение традиционных местных привилегий (фуэро). Эти идеи отражали политические лозунги карлистов — «Бог, Король и Фуэро!» и «Бог, Отечество, Король!». — *Прим. перев.*

¹⁸ Карлос Мария де лос Долорес Хуан Исидро Франсиско Кирино Антонио Мигель Габриэль Рафаэль де Бурбон-и-Аустрия-Эсте («Карл VII») (1848–1909) — глава лагеря карлистов, признававшийся ими законным правителем Испании; главным политическим событием его жизни стала Третья карлистская война (1872–1876). Маргарита де Бурбон-Парма (1847–1893) — супруга инфанта дона Карлоса де Бурбон, признававшаяся карлистами законной королевой не только Испании, но и Франции (как правнучка Карла X по материнской линии). — *Прим. перев.*

запасов одежды и ее распределении среди неимущих, а также посещениях обездоленных семей. «Воспитание» же сосредоточилось на организации групп по обучению катехизису и вечерних школ...

Когда началась Гражданская война, маргариты развернули активную деятельность, направленную на улучшение положения воинов. Концепция и теория, которые руководили их действиями, были очень убедительными и простыми: солдаты отдавали свою жизнь за всех остальных, поэтому было необходимо соответствовать их жертве путем постоянного сотрудничества с ними. Оно могло осуществляться посредством сбора денег, продуктов, теплых вещей...

Маргариты развили активную деятельность в госпиталях, расположенных в различных городах и на фронте, которую они осуществляли через Национальный комитет фронтов и госпиталей, чьей главой являлась Мария Роса Уррака Пастор, назначенная на эту должность уже упоминавшимся декретом «Об объединении», датированным апрелем 1937 г. Впрочем, и до вступления декрета в силу она была инициатором и организатором деятельности маргарит, являлась одним из наиболее значительных карлистских лидеров тридцатых годов, отстаивавших участие женщин в политике, как демонстрирует ее вклад в защиту отечества и веры, однако, несмотря на это, она не подвергала сомнению первенство мужчин¹⁹.

Что касается госпиталей, в которых сотрудничали маргариты, то в качестве характеристики, общей для всех учреждений, находившихся под контролем и управлением карлистов, применительно к ним можно отметить, что они получали название по имени святой покровительницы провинции или города. Так, например, в Севилье госпиталь назывался «Вирхен-де-лос-Рейес», в Малаге — «Нуэстра-Сеньора-де-ла-Виктория», а в Риохе — «Нуэстра-Сеньора-де-Вальванера».

В работе в госпиталях маргаритам помогали члены религиозных орденов, таких как «Сестры милосердия», «Дочери милосердия св. Викентия де Поля», «Сестры-мерседарианки»²⁰... Обычно

¹⁹ Moral Roncal A. M. María Rosa Urraca Pastor: de la militancia en Acción Católica a la palestra política carlista (1900–1936) // Historia y Política. CEPC. 2011. No. 26. P. 222.

²⁰ Речь идет о следующих католических благотворительных учреждениях: «Сестры милосердия» (исп. Hermanas de la Caridad) — вероятно, речь идет о католической конгрегации «Сестры милосердия св. Сердца Иисуса», основанной Исабель Ларраньяга в 1877 г.; с 1883 г. организация получила статус религиозной конгрегации; «Дочери милосердия св. Викентия де Поля» (исп. Hijas de la caridad de San Vicente de Paúl) (они же — Дочери милосердия,

сестра милосердия была старшей медсестрой, по причине большого опыта как в управлении, так и в сфере обращения с больными²¹.

Главным гуманитарным трудом они считали заботу о раненых на фронте. Действительно, идеалом традиционалистов в том, что касается женщины, было самоотречение и самопожертвование в пользу воинов. Когда началась война, они превратились в медсестер рекете²², и не только помогали в тылу, но и, как уже говорилось, оказывали поддержку на линии фронта. Необходимо отметить, что они не только выступали в качестве медсестер, но и доставляли посылки, книги, одежду и др. вещи бойцам рекете.

Другая деятельность, которую осуществляли маргариты, была связана со сбором и распределением средств по подписке и рождественских денег. Эта помощь предназначалась милиции. Одним из наиболее характерных был «Подарок солдату» — сбор средств по подписке национального масштаба, который был открыт по указу Центрального Правительства от 4 декабря 1936 г. в каждом городском совете, находящемся во франкистской зоне. Они собирали средства, предназначенные солдатам и другим воинам, которые сражались на фронте, и тем, кто, будучи ранен, находился в госпиталях. Этот сбор средств рассматривался как добровольная акция, в нем участвовали как официальные учреждения, так и частные лица.

С самого начала женщины-традиционалистки принимали деятельное участие в упомянутом выше сборе средств по подписке. С ноября 1937 г. правительственным указом пожертвования в натуральной форме переводились в юрисдикцию Национального комитета фронтов и госпиталей, который следил за их доставкой в госпитали, действующую армию, в конечном счете, во все военные службы. Кроме того, в указе оговаривалось, что листы для подписки должны были каждый день предоставляться гражданам, а потом отправляться в соответствующие гражданские учреждения²³.

викетанки, серые сестры) — католическая женская конгрегация, основанная свв. Венсаном де Полем и Луизой де Марийак в 1633 г.; Сестры-мерседарианки (исп. *Hermanas Mercedarias*) — католическое благотворительное братство, основанное в 1864 г. во Франции. — *Прим. перев.*

²¹ Bescos J. Las enfermeras en la Guerra de España (1936–1939) // *Revista de Historia Militar*. 1982. No. 53. P. 107–108.

²² Рекете — боевые отряды милиции карлистов (традиционалистов) в период Гражданской войны в Испании. — *Прим. перев.*

²³ Rubio M. *Diccionario de la Guerra Civil Española*. T. 1. Barcelona: Planeta, 1987. P. 17.

Среди всех видов помощи, оказываемой воюющим женщинами-волонтерами, необходимо выделить пропагандистскую «Кампанию против замерзания солдат на фронте», которая началась уже в последних числах сентября 1936 г. Как следует из названия, ее целью было избежать того, чтобы солдаты страдали от холода в условиях приближения зимы. В эту кампанию включились маргариты, а также все, кто мог участвовать в сборе теплых вещей.

Согласно декрету «Об объединении», в составе этого Комитета работали следующие службы: «День раненых», «Освобожденные поселения», «Поездки на фронт», «Помощь в госпиталях», «Дом для раненого», «Кампания “Теплые вещи — солдатам”», «Приют для воина», «Школы для инвалидов», «Информационная служба», «Культура для раненых» и «Контора по упаковке вещей для фронта». Среди них особенно выделялись «Поездки на фронт» и «Помощь в госпиталях», так как по сути они предполагали одну и ту же деятельность — распределение продуктов и теплых вещей, однако в разных областях, на фронте и в тылу соответственно.

В намерения руководителей Комитета, включая, конечно, Марию Росу Урраку, входило желание продолжать работу по окончании войны, уделяя особое внимание сиротам, вдовам и инвалидам²⁴, однако новые власти ясно дали понять, что не заинтересованы в том, чтобы у карлистов осталась какая-либо сфера для самостоятельного действия²⁵.

IV. «Социальная справедливость» и «Бог, Отечество, Король»

Кратко осветив проблему происхождения женских волонтерских организаций, далее мы сосредоточимся на аспекте, который представляется нам определяющим в анализе двух подобных организаций. Помимо очевидных различий, заключавшихся в профиле деятельности и группах населения, на которые она была направлена, необходимо поговорить о духовной атмосфере

---

²⁴ Об этом см.: Villanueva A. El carlismo navarro durante el primer franquismo. Madrid, 1998. P. 85.

²⁵ Как показали разные исследователи, такие, например, как Стэнли Пэйн или Мария Тереса Гальего, в период военных действий рекете и маргариты были очень полезны, но с их завершением и в тылу интриги и борьба между карлистами и фалангистами обострялась с каждым днем.

и мотивах, которыми руководствовались «Социальная помощь» и маргариты, входившие в состав Национального комитета помощи фронтам и госпиталям. Идеи, неодинаковые по своему содержанию, проистекали из двух форм понимания миссии волонтеров и испытали воздействие неодинаковых внешних влияний. Понятия «Социальная справедливость» и «Бог, Отечество, Король» были в равной мере связаны с Церковью, однако, как мы увидим ниже, по-разному воспринимали ее роль и деятельность.

В первую очередь обратим внимание на концепцию социальной справедливости. Это понятие сформировалось еще в XIX в., но получило свое наиболее полное воплощение в энцикликах «*Rerum Novarum*» Льва XIII²⁶ и «*Quadragesimo Anno*» папы Пия XI (1931 г.), приуроченной к сорокалетию обнародования энциклики Льва XIII. Как пишет Пий XI, милосердие и Социальная Справедливость должны быть духом нового порядка, который устанавливается в мире, и должны защищаться и поддерживаться органами государственной власти. Эта концепция, что вполне логично, претерпевала изменения в различных интеллектуальных средах и эволюционировала на всем протяжении XX в. и до начала XXI в.²⁷

Относящиеся к пониманию социальной справедливости мы должны воспринимать как одно из ключевых направлений деятельности «Социальной помощи». Как последняя, так и Церковь могут восприниматься как организации, вовлеченные в деятельность, связанную с благотворительностью, хотя и имели разные установки и особенности работы. Церковь обладала многовековым опытом, тогда как «Социальная помощь» являлась вновь основанной организацией, посвятившей себя новому для нее делу оказания помощи.

²⁶ Энциклика «*Rerum Novarum*» («Новых явлений...») была обнародована папой Львом XIII 15 мая 1891 г. Этот акт занимает важное место в развитии концепции социального католицизма. Содержание документа было посвящено характеристике положения рабочего класса, а также отношений между правительствами, бизнесом, рабочими и Церковью. В дальнейшем высказанные идеи получили развитие в энцикликах «*Quadragesimo anno*» («В сороковой год...») (Пий XI, 1931 г.), «*Mater et Magistra*» («Мать и наставница...») (Иоанн XXIII, 1961 г.) «*Centesimus Annus*» («Сотый год...») (Иоанн-Павел II, 1991 г.). — *Прим. перев.*

²⁷ На самом деле, Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 20 февраля Всемирным днем социальной справедливости в 2007 г., призвав страны-участницы посвятить его проведению на национальном уровне конкретные акции, согласующиеся с целями и задачами Всемирного саммита по социальному развитию.

Принимая во внимание обстоятельства, нельзя отрицать того факта, что «Социальная помощь» стремилась занимать позиции, которые Национальный комитет воспринимал как дополняющие деятельность Церкви и уважительные по отношению к ней. Обе структуры находили оптимальное среднее между возможностями осуществления благотворительной миссии чисто светского характера и проявлением чрезмерного усердия, которое превратило бы их в филиалы церковных приходов, даже в случае соблюдения всех предписаний²⁸. Одним из доказательств этого является создание в структуре организации Комитета по моральным и религиозным вопросам, который обеспечил присутствие капелланов во всех учреждениях «Социальной помощи»²⁹.

Последняя основывала свое понимание социальной справедливости на том, что невозможно прийти к милосердию, пока не существует справедливости, обращаясь к энциклике «*Rerum Novarum*» и ее словам об обществе, основанном на принципах братства. Несмотря на хорошие отношения с Церковью, и в особенности с Ватиканом, поскольку «Социальная помощь» исходила в своей деятельности из положений папских документов, вскоре между ними начались разногласия. Особенно из-за того, что «Социальная помощь» интерпретировала помощь нуждающимся скорее в социальном ключе, нежели с позиций милосердия³⁰.

У нее не было сколь-нибудь ясного представления о разрыве между идеями социальной справедливости и милосердия или их противопоставлении; однако очевидно, что она стремилась к обновлению традиционной концепции благотворительности и помощи нуждающимся. Она отрицала милостыню, целью которой являлось выставление на показ тех, кто ее совершает, в конечном счете — как проявление превосходства. Она не воспринимала концепцию милости как факта, заключавшегося исключительно в раздаче подаяний, поскольку видела в ней лишь

---

²⁸ Orduña Prada M. Op. cit. P. 259.

²⁹ Профессор Анхела Сенарро (см.: Cenarro A. Historia y Memoria del Auxilio Social de Falange // *Pliegos de Yuste: Revista de cultura y pensamiento europeos*. 2010. No. 11–12. P. 2) отмечает, что первые два руководителя этого Комитета, первый во время Гражданской войны, а второй по ее окончании, соединяли фалангистский дух с христианской деятельностью, создавая религиозную символику для его членов, обязательную для крещений, свадеб и т. п.

³⁰ Как говорил по поводу трений с церковью один из основателей «Социальной помощи», Хавьер Мартинес Бедоя, «там отмечали, что наша пропаганда говорила только о справедливости, что мы перекрывали источники милосердия [перевод мой. — Е. З.]», см.: *Memorias desde mi aldea*, Valladolid, 1996.

внешний акт передачи средств, а не проявление позиции тех, кто делал это заинтересованно.

Кроме того, мы должны связать то обстоятельство, что многие высшие руководители «Социальной помощи» военного времени являлись членами ХОНС³¹, со свойственным им стремлением защищать идею социальной справедливости, поскольку эта идея являлась одним из базовых положений идеологии Хунт. Когда по окончании войны прежние руководители были смещены, полная зависимость Женского Отделения и то, что можно назвать «фалангизацией» организации, привели к тому, что концепция социальной справедливости стала все более политизироваться, проникаясь духом национал-синдикализма. Это привело к намерению соединить концепции социальной справедливости и милосердия, и результат оказался далек от первоначальных идей «Социальной помощи».

Выше уже говорилось об истоках «Социальной помощи», возникновение которой было связано с конкретным человеком и с идеями, исходившими, главным образом, от главных руководителей организации, то есть речь шла о новом подходе. Однако деятельность и Комитета помощи на фронтах и в госпиталях, и маргарит не предполагала никакого нового подхода по отношению к идеологии карлизма: в самом деле, речь идет о модели поведения женщины-карлистки, поскольку появление маргарит и рост значения санитарной помощи на фронте относятся ко времени Третьей карлистской войны³² второй половины XIX в.

С этого времени, о котором мы только что сказали, карлизм, как отмечает Жорди Каналь, исходя из глубоко католического по своему характеру понимания легитимной власти в Испании, проявлял милосердие по отношению как к малообеспеченным карлистам, так и к беднякам в целом. Во взаимопомощи и милосердии воплотилась озабоченность карлизма так называемым социальным вопросом³³.

³¹ О ХОНС см. выше прим. 9. — *Прим. перев.*

³² Как описывает это Антонио Мораль, «возникновение движения маргарит следует отнести к периоду Третьей Карлистской войны XIX века (1872–1876) и связать с особой фигурой, послужившей и символом, и источником выбранного названия, — Маргаритой де Бурбон, первой супругой Карлоса VII, которая помогала раненым в полевых госпиталях и организовывала благотворительные центры, вследствие чего получила прозвище Ангела милосердия» (см.: Moral Roncal A. Op. cit. P. 209).

³³ Canal J. Banderas blancas, boinas rojas. Una historia política del carlismo. Madrid, 2006 (Cap. IV).

Идеологические представления, которые воплотились в деятельности маргарит, представлены в «Уставе маргарит», объявленном своим появлением Мануэлю Фаль Конде, предводителю карлистов с 1935 по 1955 гг. В этом уставе отражены принципы, которые считались основой и краеугольным камнем организации: «Бог, Отечество, Король». Женщина, среди прочего, описывалась как благочестивая хранительница очага христианской семьи.

Без сомнения, вся деятельность маргарит была проникнута глубокой религиозностью³⁴. Основопологающей для их убеждений была защита христианских ценностей, которая превращалась в оружие перед лицом врага-безбожника и в стимул для выполнения миссии, заключавшейся в поддержке воинов. Все это было связано с защитой принципа милосердия и осуществлялось на его основе. В рамках своей благотворительной деятельности маргариты помогали не только военным, но и гражданскому населению. Когда начался вооруженный конфликт, была введена серия постановлений, касавшихся женщин-традиционалистов, и среди них выделяется та, которая требует уделять «повышенное внимание заботе об испанских сиротах, доверенных организациям маргарит»³⁵.

Они воспринимали помощь тем, кто в ней нуждается, как акт милосердия, как моральный долг. В самом деле с началом Гражданской войны католические благотворительные организации превратились в политические отделения, не утратив свойственных им принципов милосердия. Как образцовые католички, их члены проявляли христианское милосердие, которое воплощалось в сборе одежды, доступных кухнях, центрах по трудоустройству, распределении игрушек среди бедных детей, визитах на дом³⁶.

В соответствии с тем, что было сказано выше, женщины-волонтеры во франкистской зоне, которые первоначально не вступили в Женское Отделение, осуществляли свою деятельность, руководствуясь двумя различными направлениями, следовательно, мы видим, что «Социальная справедливость» и «Бог, Отечество, Король» были путеводными нитями в деле двух волонтерских организаций.

Перевод с испанского Е. С. Задирко

³⁴ Как указывает профессор Пеньяс, подобно рекете в казармах, маргариты начинали свою деятельность с установления изображения Святого Сердца Иисуса, служили мессу и причащались каждую первую пятницу месяца. См.: Peñas Bernaldo de Quirós J. C. El Carlismo, la República y la Guerra Civil (1936–1937). De la conspiración a la Unificación. Madrid, 1996. P. 84.

³⁵ Boletín de Campaña de los Requetés. 13.02.1937. No. 29. P. 8.

³⁶ Moral Roncal A. Op.cit. P. 219.

ХОСЕ-ЛЕОНАРДО РУИС САНЧЕС,
САНТЬЯГО НАВАРРО-ДЕ-ЛА-ФУЭНТЕ

ИСПАНСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1936–1939) СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦЕРКОВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Во время последней Гражданской войны большое значение для мобилизации широких слоев испанского населения имел католический фактор. То, что задумывалось как военный переворот, который должен был в считанные дни завершиться победой (как это было во многих других случаях)¹, превратилось в братоубийственную войну. Скоро различными идеологическими и церковными кругами она была провозглашена «крестовым походом», поскольку подразумевалось, что мятежные военные ведут борьбу против «безбожников» и, следовательно, антипатриотов. В действительности такой подход маскировал неприятие республиканского режима, тернистым путем пришедшего к власти в 1931 г. Этот режим подразумевал победу демократического идеала, но очень непрочного, в некоторых своих проявлениях насквозь пропитанного крайним антиклерикализмом, пришедшего в свои последние дни, по мнению мятежных военных, к полному установлению советской коммунистической системы. Термин «крестовый поход» окончательно утвердился

---

¹ Последний такой переворот, произведенный 13 сентября 1923 г. генералом Примо де Ривера, привел к установлению диктаторского режима в период между 1923 и 1930 гг. Две неудачные попытки переворота, совершенные под другими идеологическими знаменами, были предприняты 12 декабря 1930 г в г. Хака (против монархии Альфонсо XIII) и 10 августа 1930 г., когда генерал Санхурхо выступил в Севилье против Республики.

в националистическом лагере (который в итоге станет франкистским) по истечении первых десяти недель войны, придавая восставшим определенный религиозный статус, который сослужит им очень хорошую службу и в решающий момент обеспечит поддержку испанских католиков. Для последних на протяжении веков предметом особой гордости служило обладание этим качеством как знаком «национального» единства, достигнутого даже раньше, чем было создано современное государство. Такое видение будет подвергаться натиску со стороны республиканизма: вере будет противопоставлен антиклерикализм, единству государства — Конституция 1931 г., провозглашавшая право областей на автономию.

В этой статье мы не будем касаться дискуссии о значении, которое в то время имел термин «крестовый поход» (*cruzada*), обозначавший также усилия, прикладываемые для достижения какой-либо цели, не обязательно связанной с христианством; также мы оставим в стороне другие аспекты, связанные с этим вопросом, поскольку они в достаточной мере изучены. Религиозный пыл не был причиной, побудившей участвующих в заговоре военных совершить военный переворот в июле 1936 г. Следует учитывать, что наиболее влиятельные из них оставались равнодушны к этому вопросу, что объясняет их первоначальное предложение оставить без изменений тот шаткий статус, который церкви придала Республика, отличавшаяся крайним антиклерикализмом². С другой стороны, также нет сомнений в том, что самые высокопоставленные представители испанской церкви не были вовлечены в конспиративные махинации, предварявшие мятеж, которые предпринимали военные для этого предполагаемого «крестового похода» (примас кардинал Гома³ узнал эту новость, возвращаясь после летнего отдыха в Каталонии, и был поражен). Даже если кто-то из прелатов был информирован заранее о происходящем, разумеется, на этапе

---

² Этот вопрос уже давно был изучен Илари Порером [см.: Riquer i Suñer H. La espada y la cruz: la Iglesia, 1936–1939. Barcelona: Bruguera, 1977. — *Прим. перев.*].

³ Гома-и-Томас, Исидро (1869–1940) — видный испанский церковный деятель и писатель; рукоположен в 1895 г.; с самого начала служения зарекомендовал себя блестящим проповедником, что (наряду с консервативными взглядами) во многом предопределил его будущую карьеру; с 1927 г. — епископ Тарасоны, с 1933 г. — архиепископ Толедо, с 16 декабря 1936 г. — официально провозглашен в этом качестве кардиналом-примасом испанской Церкви. — *Прим. перев.*

подготовки никто из них переворот не поддерживал и никак ему не способствовал⁴.

Несмотря на вышеизложенные доводы и на то, что провал военного переворота привел к открытой войне, не вызывает сомнений, что термин «крестовый поход» оказался как нельзя кстати в тот момент, когда эту войну пришлось определить как, в первую очередь, религиозный конфликт. Этому способствовали различные факторы. С одной стороны, то, что среди восставших присутствовало значительное число карлистов (в частности, военнизированной организации рекете, во многом схожая с фалангистами, сразу же включившаяся в борьбу), чья система ценностей включала защиту религии, как это было на полях сражений карлистских войн XIX в. Нелишним будет добавить, что именно в Наварре, традиционно подверженной карлистскому влиянию, в первые недели войны находился примас-кардинал Гома. Это обстоятельство упоминает он сам в докладе, отосланном в Рим, в котором речь шла о произошедшем в Испании в результате мятежа⁵. С другой стороны, в политике все большее влияние приобретали наиболее радикальные социалистические организации, в особенности коммунисты и анархисты (о чем свидетельствуют результаты февральских выборов 1936 г.). Кроме того, представители самых бескомпромиссных идеологических кругов, близких к мятежникам, пропагандировали идею о том, что очень скоро в стране одержит победу атеизм и коммунизм советского типа, и тогда в опасности окажутся все. И, самое главное, в те первые месяцы братоубийственной борьбы повсюду произошла ужасающая вспышка ненависти ко всему связанному с религией и Церковью, невиданная ранее, хотя подобные настроения существовали и прежде. Эта ненависть была направлена на материальные объекты и, в первую очередь, на людей, что привело к многочисленным жертвам и разрушению огромного числа памятников исторического и художественного наследия⁶, что вызвало широ-

---

⁴ Имеется в виду кардинал Илюндайн, архиепископ Севильи, которому о восстании мог сообщить генерал Кейпо-де-Льяно. Кардинал не верил в успех предприятия мятежников, поскольку военные силы, которыми те располагали, не были многочисленными.

⁵ См.: Andrés-Gallego J. ¿Fascismo o Estado católico? Madrid, 1997.

⁶ По этому вопросу см. уже ставшую классической работу: Montero A. Historia de la persecución religiosa en España. Madrid, 1961; см. также недавно вышедшую книгу В. Карсель Орти с тем же самым названием [вероятно, имеется в виду книга: Cárcel Ortí V. La persecución religiosa en España durante la Segunda República (1931–1939). Madrid: Rialp, 1990. — *Прим. перев.*].

кий международный резонанс. Определение, данное Гражданской войне, окончательно закрепилось, когда 30 сентября 1936 г. д-р Пла-и-Даниэль⁷, бывший тогда епископом Саламанки, опубликовал свое пастырское послание, в котором он, следуя св. Августину, торжественно объявил войну Крестовым походом.

Используя это наименование, мятежники надеялись незамедлительно приобрести поддержку среди верующей части населения и, несколько позднее, — за рубежом, в частности у Святого Престола. Последнее было необходимо для международного признания, столь важного, учитывая, что власть Республики была легитимна. Только этим можно объяснить то, что в начале августа 1936 г. в Рим в качестве официального представителя мятежного правительства (Хунта национальной обороны, Бургос) при Ватикане прибыл адмирал Антонио Магас-и-Перс⁸ (при этом официальное испанское представительство было республиканским). Главной его задачей было добиться благорасположения Папы к правоверным католикам, которыми себя провозглашали мятежники⁹. Но в действительности сближение лагеря восставших с католиками имело целью если не получение официальной санкции Святого Престола, то, по крайней мере, избежание его противодействия. В этом смысле, чтобы политика выглядела последовательной, было очень важно, чтобы фактическая позиция Церкви соответствовала доктринальным нормам. Испанская Гражданская война и политическая ситуация в Европе того пе-

---

⁷ Пла-и-Даниэль, Энрике (1876–1968) — испанский церковный и политический деятель правого направления; рукоположен в 1900 г. в Барселоне; в 1918–1935 гг. — епископ Авилы; в 1935–1941 гг. — епископ Саламанки; с 1941 г. — архиепископ Толедо и примаз Испании (утвержден Папой в сане кардинала в 1946 г.). В течение длительного периода являлся президентом организации «Католическое действие». — *Прим. перев.*

⁸ Магас-и-Перс, Антонио (1864–1953) — испанский военный деятель. С 1878 г. — на службе в ВМФ Испании. Участник испано-американской войны (1897–1898). С 1902 г. — унаследовал титул маркиза де Магас, с 1920 г. — контр-адмирал, с 1922 г. — командующий морской авиацией. В период диктатуры Примо-де-Ривера включен в состав правительства (Военной директории), в 1924–1925 гг. замещал диктатора в период его пребывания в Африке. С 1930 г. — адмирал. В период Гражданской войны — на дипломатической службе в качестве представителя при Святом Престоле, посла в Берлине (с 1939 г.) и Буэнос-Айресе (с 1940 г.). — *Прим. перев.*

⁹ Именно на этот факт, связанный с ситуацией в Красной зоне, делал упор Магас в своих попытках добиться от Святого Престола признания правительства мятежников в конце 1936 г. Попытки эти потерпели крах, и признание было получено уже в разгар войны, когда он не занимал эту должность.

риода были крайне сложными явлениями, вызывавшими сильное беспокойство Ватикана. Исходя из сказанного, необходимо определить особенности испанского конфликта с учетом распоряжений, рассылавшихся Святым Престолом по всему миру.

При работе над этой статьей мы использовали четыре разных воззвания папы Пия XI^о (энциклики, письма, обращения), опубликованные во время Гражданской войны, содержание которых связано с событиями в Испании. Лишь одно из них было прямо предназначено испанцам (обращение «*La vostra presenza*», произнесенное в Кастель-Гандольфо 14 сентября 1936 г.). Три остальных датируются периодом между 14 и 28 марта 1937 г. Два из них были обращены к национальным епископским церквям стран, в которых религия подвергалась преследованиям (Германия и Мексика), в то время как последнее — энциклика «*Divini Redemptoris*» — было направлено против атеистического коммунизма. Не будет лишним добавить, что вышеназванные тексты предшествовали «Коллективному посланию испанских епископов епископам всего мира» (1 июля 1937 г.), о котором также пойдет речь ниже. Разумеется, составители последнего смогли воспользоваться вновь обнаруженными и соответствующими ситуации наставлениями понтифика для того, чтобы возвестить миру о своих несчастьях и дать адекватную оценку происходящему в Испании. Отсюда — новизна нашего подхода: выяснить соотношение позиции, выражавшейся испанской Церковью, с положениями папской доктрины, высказанными в тот исторический период.

---

¹⁰ Пий XI (Амброджио Дамиано Акиле Ратти) (1857–1939) — выдающийся деятель Католической Церкви. Папа Римский с 1922 по 1939 гг. В период понтификата занимал резко негативную политику по отношению к левым движениям и Советской России. В 1930 г. впервые выступил с открытым осуждением гонений на католиков в СССР. Важнейшим результатом понтификата стало заключение в 1929 г. Латеранских соглашений с правительством фашистской Италии, определившим принципы отношений между Святым Престолом и итальянским государством, в том числе — статус Ватикана как независимого государства. В 1933 г. был заключен конкордат с нацистским режимом Германии, среди прочего, признававший легитимность последнего. Однако в дальнейшем папа был вынужден изменить свою политику по отношению к режиму, что проявилось в содержании энциклики «*Mit brennender Sorge*» («С глубокой тревогой...») (издана на немецком языке 14 марта 1937 г.). Одновременно энцикликой «*Divini Redemptoris*» («Божественного Искупителя...») (от 19 марта того же года) был осужден «большевистский и безбожный коммунизм». 28 марта 1937 г. последовала третья энциклика на политическую тему — «*Nos es tuu copocida*» («Нам хорошо известна...»), написанная на испанском языке и адресованная епископам Мексики. — *Прим. перев.*

Четырнадцатое сентября 1936 г. в своей летней резиденции в Кастель-Гандольфо Пий XI принял около пятисот испанских беженцев, среди которых были священники, монахи и миряне. Во главе этой группы находились епископы Картахены, Вика, Тортосы и Сео-де-Уржеля. Спустя почти два месяца после военного переворота и начала войны, папа и, соответственно, Римская Католическая Церковь впервые заняли официальную позицию по этому вопросу. Ранее государственный секретарь Римской курии обратился к папе с заявлением о необходимости публичного осуждения религиозного преследования, рассказав ему также о встрече с укрывшимся во Франции кардиналом Таррагоны Видалем-и-Барракером¹², который передал ему свои опасения по поводу того, что Святой Престол захочет оказать поддержку одному из двух противостоящих лагерей. Но до того момента Папа ограничивался протестами по дипломатическим каналам, высказанными через поверенного Апостольской нунциатуры при правительстве в Мадриде (Серикано¹³) и через посла Республики в Ватикане (Сулужета¹⁴). В несвойственной для

¹¹ «Ваше присутствие...» (*итал.*).

¹² Видаль-и-Барракер, Франсиско (Франсеск) (1968–1943) — испанский (каталонский) прелат и деятель культуры. После рукоположения (1899 г.) занимал различные должности в церковной провинции Таррагоны. В 1913 г. рукоположен епископом Сольсоны (провинция Лерида), с 1918 г. — архиепископ Таррагоны, с 1921 г. — кардинал. Основатель Библиотеки, Музея и Архива Таррагонской епархии, член Королевской академии истории (Мадрид). Активный сторонник расширения сферы применения каталонского языка, прежде всего — в сфере богослужения. После 1931 г. активно пытался найти общий язык с республиканскими властями. С началом Гражданской войны удалился в монастырь Поблет. Там был арестован милисиано ФАИ, доставлен в Барселону и чудом избежал расстрела. Был освобожден благодаря заступничеству Женеалитата и выехал за пределы Испании. Отказался подписать «Коллективное послание испанских епископов ...» от 1 июля 1937 г. и не признал франкистского режима. Поэтому режим оказывал давление на Святой Престол, требуя его отставки, но папы Пий XI и Пий XII отказывались пойти на этот шаг. В 1943 г. скончался в г. Фрайбург (Швейцария). См.: www.cs.upc.edu/~ibarz/fvidalCs.html. — *Прим. перев.*

¹³ Серикано, Сильвио (1889–1957) — временный поверенный в делах (исполняющий обязанности папского нунция) в Мадриде в июле—ноябре 1936 г. В дальнейшем обязанности нунция были переданы кардиналу Гома, представлявшему Святой Престол в Саламанке и Бургосе. — *Прим. перев.*

¹⁴ Сулужета-и-Эсколано, Луис (1878–1964) — испанский дипломат, писатель, ученый, политик центристского направления, член Реформистской пар-

себя манере (обычно он не имел при себе письменный вариант речи) в тот день он зачитал свое обращение, а за несколько дней до этого отдал распоряжение выполнить точный перевод на испанский, который был распространен среди присутствующих¹⁵.

Пий XI начал с выражения своей боли и восхищения теми, кто претерпел муки («настоящее мученичество, священное и достойное славы»), затем он высказал сожаление по поводу жертв, которым он изъявил свою любовь, а их преследователям — порицание. Далее, с ужасом отозвавшись о братоубийственной войне, которую он нигде не определил как «священную» или как «крестовый поход» (как ожидали некоторые из присутствующих), папа не выразил открытой поддержки ни одной из сторон. Более того, в выступлении в завуалированной форме он обвинил мятежников в неоправданных бесчинствах и узкопартийных интересах¹⁶. И, как будто этого уже не было достаточно, в последнем абзаце этой речи ни с того ни с сего он вспомнил о божественном милосердии к врагам, когда призвал «любить этих дорогих детей и братьев ваших, любить особенной любовью сострадания и милосердия, любить их, и, если ничего другого не остается, молиться за них»¹⁷.

Присутствующие слушали его слова с волнением. Тем не менее некоторые из находившихся там сторонников мятежа почувствовали себя разочарованными, и даже послышался неодобрительный шепот. Государственному секретарю Пичелли приписали уклончивые выражения, в которых было составлено обращение, столь дипломатичное, что невозможно было сделать вывод о том, что папа принимает одну из сторон. Было очевидно лишь, что нужно поддерживать тех, кто страдает, и быть милосердными

тии. Министр иностранных дел (1931–1933) в правительстве М. Асаньи. В 1933–1934 гг. посол Республики в Берлине, в 1936–1938 гг. — посол Республики при Святом Престоле. После признания Ватиканом правительства Франко — в эмиграции в Колумбии, где и умер. — *Прим. перев.*

¹⁵ Подробнее об этом обращении см.: Redondo G. Historia de la Iglesia en España, 1931–1939. T. 2. Madrid, 1993.

¹⁶ «Оставляя в стороне все политические и мирские соображения, наше благословение, в первую очередь, с теми, кто возложил на себя трудную и опасную миссию защищать и восстанавливать законы и достоинство Бога и религии, которые являются законами и достоинством совести, первым условием и наиболее прочной основой всего благополучия человечества и цивилизации. Миссия эта трудна и опасна также потому, что эти ценности защитить непросто, и усилия, к этому прилагаемые, зачастую чрезмерны и не могут быть полностью оправданы. Кроме того, вмешательство побочных интересов, эгоистических намерений и партийной выгоды омрачают и искажают этичность действий».

¹⁷ Полный текст обращения см.: Razón y Fe. 1937. No. 112.

с виновными. Восприятие этого послания в Испании не было однозначным. Мятежники искажали содержание текста в своих интересах: подчеркивалось то, что было им выгодно, и опускались те места, где на них бросалась тень, в особенности намеки на бесчинства тех, кто провозглашал себя поборниками интересов Церкви. Этот же самый сокращенный текст дошел и до республиканской зоны, где распространилось мнение, что Папа поддерживает мятеж. Такое обращение с посланием викария Христа, причем именно со стороны тех, кто заявлял, что находится под покровительством Церкви, сразу продемонстрировало со всей очевидностью — без обиняков — принципы тоталитарной идеологии, которыми они руководствовались. В этом контексте все стало еще менее понятным, когда начали распространять пастырские послания испанских прелатов, посвященные войне. В наиболее значительном из них, автором которого являлся епископ Саламанки Пла-и-Даниэль, четко утверждалось понятие «крестовый поход». Это определение моментально приобрело популярность благодаря пропагандистскому аппарату мятежников, чьи руководители начали принимать во внимание возможность использования католического фактора в своих интересах, даже, как станет видно позднее, за счет отказа от некоторых из своих идеологических принципов, очень слабо связанных с религией¹⁸.

2. Пасха трех энциклик

В течение 14 дней между Страстным Воскресеньем и Пасхой 1937 г. Пий XI опубликовал три документа; пресса того времени использовала для обозначения этого момента выражение «Пасха трех энциклик». Это был не первый раз, когда отточенное перо Акилле Ратти¹⁹ обращалось к вопросам, касающимся политической ситуации. Но непосредственная связь содержания этих документов с идеологиями и событиями испанской Гражданской войны делают их уникальными для понимания папского наставления по наиболее болезненным вопросам, а также деятельности

---

¹⁸ Подробности этого вопроса, помимо вышеупомянутой книги Андреса-Гальего, содержатся в обстоятельном исследовании: *La Iglesia del siglo XX en España, Portugal y América Latina* / Ed. por Aldea Q., Cárdenas E. T. 10. Barcelona, 1987.

¹⁹ Т. е. Пий XI (см. выше прим. 11). Следует напомнить также о том, что Папа был высокообразованным человеком, в разное время занимал посты директора Аброзианской библиотеки (Милан) и Ватиканской библиотеки (Рим). — *Прим. перев.*

испанских католиков в связи с этим наставлением. Директивы Папы, прозвучавшие ранней весной 1937 г., становятся удобным средством для различения оттенков между позицией Святого Престола и позиционированием испанских католиков. В том, что это было действительно так, нас убеждает тот факт, что официальный представитель правительства Франко немедленно проинформировал свое руководство о публикации этих документов, призывая многочисленных, но не всегда верные выводы²⁰.

2.1. Mit brennender sorge («С глубокой тревогой...»)

Первый из опубликованных документов датируется 14 марта 1937 г. (Страстное воскресенье). Он адресован немецким епископам, и речь в нем идет о ситуации, в которой оказалась Церковь в «Германском рейхе». Папа решил опубликовать это действительно очень жесткое письмо о тех условиях, в которых жили католики в Германии фюрера, которая, наряду с фашистской Италией, оказывала наиболее важную международную и материально-техническую поддержку армии мятежников, под руководством генерала Франко выступившей против испанской Второй Республики, и которая, кроме того, являла собой модель государства, утвердившегося бы в Испании в случае победы мятежников.

Преемник Святого Петра, утверждавший, что «взвесил каждое слово этой энциклики на весах правды», разоблачал невыполнение властями Рейха условий Конкордата, переговоры по которому они сами предложили возобновить летом 1933 г. Соглашение, призванное упрочить положение немецкого епископата, было ратифицировано Папой «не без внутреннего сопротивления», из чего можно заключить, что он действовал таким образом для того, чтобы избежать преследования католиков. Но Пий XI чувствовал себя обманутым Рейхом, поскольку, поставив подпись, он удостоверился, что национал-социалисты никогда не были заинтересованы в выполнении этих обязательств

---

²⁰ Так, например, он приписывал составление немецкого и мексиканского текстов на национальных языках стремлению опубликовать их как можно скорее, хотя известно, что это обстоятельство было связано с тем живым интересом, который в Ватикане проявляли к этим вопросам, и с желанием избежать любой ошибки в интерпретации текстов при переводе с латыни. Также он считал, что документы были подготовлены Курией Ордена Иезуитов, и, демонстрируя ограниченность своего мнимого католичества, с наивностью верил, что наставления, содержащиеся в этих трех документах, долгое время не будут приниматься во внимание.

и по их вине договор превратился в пустые слова. Совершенно открыто Пий XI заявлял о намерении нацистов «вести борьбу до уничтожения», используя «явные или тайные средства». Наконец, если публикация осуждающего послания откладывалась до определенного момента, то причиной этому было не что иное, как страх — как в библейской притче — вырвать вместе с плевелами пшеницу, а также надежда на то, что «неопровержимый язык реальности сорвет покрывало с того, что стало известно, но что некоторые, действующие согласно продуманному плану, стараются скрыть, — атаки на Церковь»²¹.

«*Mit brennender sorge*» начинается с упреков в невыполнении условий Конкордата, особо акцентируя внимание на «открытой борьбе с религиозными школами» и «отмене права голоса для тех, кто хочет получить католическое образование». Далее послание состоит из последовательного опровержения идей, пропагандируемых националистами и противоречащих католичеству. Так, на первый план выходит защита веры в христианского Бога, Бога «личного, трансцендентного, всемогущего, бесконечно совершенного, единого в трех лицах и троичного в единстве божественной сущности, Создателя мира, Господина, Царя и Конечную цель истории мира». Порицается обожествление государства или его властей, арийской расы, а также идея языческого бога и пантеизм, которые оцениваются не иначе как различные формы идолопоклонства, в которое впал национал-социализм. Вслед за защитой католического Бога, Папа касается вопроса веры в Иисуса Христа и отстаивает божественную правду, содержащуюся в Ветхом Завете. На практике все это должно было послужить для осуждения антисемитской политики Третьего Рейха. Точно так же, как от веры в Иисуса Христа нужно было перейти к вере в Церковь, из последней вытекала верность примату Римского Епископа. В такой системе координат анафеме предавалась идея национальной церкви и ее последовательная религиозная нетерпимость, противоречащие евангельской заповеди всемирной евангелизации. Очерчивая круг, который соединяет веру в Бога и веру в примат Римской Церкви, шестая глава посвящается предостережением против тенденциозного изменения значения некоторых религиозных понятий во имя их сопряжения с нацистской идеологией. В этом раз-

---

²¹ Mit brennender sorge. No.4, 5, 7 у 50. Использован канонический текст. [Полный текст энциклики на немецком языке см.: w2.vatican.va/content/pius-xi/de/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_14_031937_mit-brennender-sorge.html. — Прим. перев.]

деле осуждается пристрастная подмена значений таких понятий, как «откровение», «вера» или «бессмертие». Речь шла не столько о борьбе смыслов, сколько о жизненной позиции, поскольку целью было противодействие той модели человечества, которую отстаивал Гитлер. Папа не скупился на жесткие определения: «В своем глупом стремлении осмеять христианское смирение, представив его как разложение и как трусость, отвратительное высокомерие этих новаторов само делает себя смешным»²².

Это письмо, написанное в последнее воскресенье Великого поста 1937 г., завершается рассуждениями о вопросах доктрины и морали, а также основах права. Но громче всего звучит призыв, обращенный к притесняемым немецким католикам, молодежи (Папу очень беспокоило, что организации, в которые молодые люди были обязаны вступать, отличались антирелигиозностью), священникам, монахам и мирянам, многие из которых находились в тюрьмах или концентрационных лагерях. В своем стремлении поддержать своих духовных детей в Германии, Пий XI вместе с тем высказывает сожаление о тех многочисленных христианах, которые отступились от веры и отказались от послушания Церкви, и призывает остальных к стойкости, называя это время порой испытаний, к стойкости «даже ценой самых тяжелых земных жертв». Средства, которые он предлагал, были аналогичны тем, которые можно найти в других его воззваниях: пример священников и монахов, строгое и последовательное жизненное поведение верующих, в особенности, поддержка движения «Католическое действие»²³ и основательное католическое образование²⁴.

²² Ibid. No. 13, 32.

²³ «Католическое действие» — обобщающее название массовых католических организаций мирян, действующих под церковным руководством и имеющих своей целью продвижение католических идей и принципов в жизни мирян. Начало истории движения следует отнести к 1863 г., когда в г. Мехелене (Бельгия) состоялся Конгресс католических организаций мирян и возникла «Католическая ассоциация» для объединения усилий по противостоянию политике либерально настроенного правительства страны. В Германии объединение католиков было обусловлено противостоянием «Культуркамфу», инициированному О. Бисмарком в 1870-х гг. Само понятие «Католическое действие» было впервые употреблено папой Пием X в 1905 г. (энциклика «*Il firmo proposito*»). Папа Пий XI, продолжая эту политику, в 1922 г. осуществил объединение ряда католических организаций, в результате чего возникло движение «Итальянское католическое действие». По его образцу были сформированы подобные организации в Латвии (1922), Литве (1927), Польше (1930) и др. странах. В Испании движение мирян католиков активизировалось в период «революционного шестилетия» (1868–1874), однако «Католическое действие» как единая структура оформилось лишь в 1931 г. — *Прим. перев.*

²⁴ Ibid. No. 24.

Правительство Франко было немедленно информировано о публикации «*Mit brennender sorge*». В докладе Магаса от 23 марта 1937 г. недооценивалось значение, которое может иметь этот документ к признанию Папой режима мятежников. Тем не менее он отмечал, что в этом письме затрагивался вопрос, весьма щекотливый для него и всех тех, кто стремился к установлению тоталитарного режима в Испании, — о столь любимом понтификом «Католическом действии». В то время как Папа видел в этой организации самую стойкую надежду для настоящего и будущего Церкви, Рейх, сообщал Магас, воспринимал ее как абсолютно чуждое политическое движение, не предусмотренное национал-социализмом и, таким образом, опасное для государства. По мнению Третьего Рейха, именно по этой причине Конкордат 1933 г. между Святым Престолом и Германией на практике был аннулирован. Таким образом, ситуация требовала очень пристального наблюдения за испанским «Католическим действием», которое могло оказаться помехой для зарождающегося франкистского тоталитарного государства. Это было не единственным документом, составленным Магасом по этому вопросу: 1 апреля 1937 г. он снова обратился к этой теме в своих сообщениях, посвященных Германии и Мексике. По мнению дипломата, ситуации в Германии и Мексике отличались, поскольку в европейской стране католики располагали большими силами (так полагали во Дворце Испании²⁵ в Риме). Кроме того, многие упреки Пия XI касались в равной степени католиков и протестантов, что предполагало некоторое преимущество, о котором Рейх не мог не знать. Магас тем не менее отметил некоторые точки напряжения между нацистской Германией и Ватиканом, многие из которых представляли собой прообраз того, что может случиться в случае Испании²⁶.

---

²⁵ В этом дворце, расположенном недалеко от площади Испании, с 1647 г. располагается посольство Испании при Святом Престоле; посольство Испании в Риме, аккредитованное при правительстве Италии, занимает другое помещение, находящееся на первом этаже Дворца Боргезе. — *Прим. перев.*

²⁶ «Рейх, например, жалуется на то, что после отмены первичной цензуры пасторских наставлений эта привилегия используется для «опорочивания» Германского государства. Жалуется также на контрабанду символики, на преступления против государства и на политическую деятельность, которую конгрегации и религиозные организации ведут после отмены государством надзора, который мог бы быть за ними установлен. Он жалуется, что Католическое действие — это прикрытие настоящего политического католицизма. Церковь, в свою очередь, жалуется на то, что именно Рейх преднамеренно

Текст не был адресован испанцам, и в нем не содержалось явных отсылок к ситуации в Испании. Тем не менее государственный секретарь Ватикана Пачелли, хорошо знавший о том, что там происходило, специально интересовался, был ли текст воспроизведен испанской прессой целиком или частично: 4 апреля 1937 г. он еще не был об этом информирован. Примас Гома получил текст, но спустя месяц, когда уже был выполнен перевод, а тираж подготовлен к распространению во всех епархиях, он поменял свое решение, сославшись на «нецелесообразность публикации» его в данный момент. Однако в прессе он получил огласку благодаря переводу, сделанному немецкими специалистами, которые жестко критиковали непоследовательное поведение ватиканской дипломатии по отношению к немецкому правительству и другим «иностранным государствам, преследующим цели, аналогичные целям Правительства Рейха». Ни одна из испанских ежедневных газет не напечатала ни единого отрывка из этого перевода. Гома в итоге отправил по два экземпляра перевода энциклики каждому епископу, но при этом обратился к ним с просьбой отложить его публикацию в епархиальных бюллетенях. Текст был обнародован лишь в 1938 г., когда возросли опасения испанской Церкви, вызванные явными симпатиями официальных лиц к нацистской идеологии²⁷.

2.2. Divini Redemptoris («Божественного Искупителя...»)

Спустя пять дней после оглашения предыдущего послания, в день святого Иосифа, вышла в свет энциклика об атеистическом коммунизме. Целью ее было не только осуждение большевистской модели коммунизма, но и предостережение о серьезном риске коммунистической революции, грозившей покончить с суще-

---

нарушает условия Конкордата, хотя он сам настаивал на его подписании, а Святой Престол согласился на это «с большими опасениями». Насколько они были обоснованы, свидетельствует тот факт, что через несколько дней после подписания (как будто только и ждали этой формальности) был опубликован закон о стерилизации определенных неполноценных граждан. Это было первым очевидным попранием духа Конкордата, который, несомненно, ничего не говорит о евгенике, а наоборот, позволяет уважать свободу совести. Этот закон обрекает некоторых католиков на действия, открыто осуждаемые Церковью в энциклике «Casti connubi». Также Церковь не может согласиться с закрытием религиозных школ».

²⁷ Redondo G. Historia de la Iglesia en España... P. 208–210.

ствующей цивилизацией, которую понтифик считал наследницей христианской цивилизации. Осуждение коммунизма восходило еще к середине прошлого века и было включено в рассмотренное выше обращение «La vostra presenza», но Ратти понимал, что было уместно снова выступить с таким порицанием в принципиально важном обращении.

Эта энциклика имела огромное значение для Испании, поскольку коммунистическая идеология во многом господствовала в той части страны, которая оставалась верной Республике. В действительности, в самом тексте энциклики речь шла непосредственно лишь о трех странах: России, Мексике и Испании. В сообщении, отправленном Гома государственному секретарю Пачелли 13 августа 1936 г., открыто говорилось о том, что за всеми атаками на Церковь стоит вмешательство России: пресса, деньги, агенты, даже русские наемники, которые сражаются на фронте вместе с другими коммунистами. Также отмечалось, что, если восстание потерпит поражение, в стране установится режим, подобный существующему в советской России. Поэтому в разгар конфликта было очень кстати, что из уст Папы в «*Divini Redemptoris*» прозвучали столь мрачные слова о коммунизме, который он считал «серьезной угрозой, масштаб и жестокость которой превосходят все гонения, которым ранее подвергалась Церковь». В намерения Папы входило противопоставление принципов и методов «коммунистического атеизма» и церковной доктрины и призыв к использованию средств, с помощью которых «христианская цивилизация» могла освободиться от этого «сатанинского бича» во благо всего человечества. В качестве благоприятной почвы для развития коммунизма Папа называл «существующие в либеральной экономике злоупотребления», сделавшие невозможным «справедливое распределение земных благ». Обедневшие массы, отвернувшиеся от религии и морали, были, по мнению Папы, удобной питательной средой для проникновения пагубной идеологии, привлекавшей «целями, без сомнения, справедливыми». Этот вопрос поднимался наставлением Церкви уже в XIX в., но это не возымело практически никакого результата: «Не было бы ни социализма, ни коммунизма, если бы правители народов не пренебрегали наставлениями и материнской заботой Церкви». Нужды самых обездоленных не оправдывали ошибки и ужасы распространявшегося коммунизма. И среди стран, в которых одерживал победу коммунистический атеизм, помимо России и революционной Мексики, находилась Испания:

«Даже там, где бич коммунизма не успел еще вполне проявить свои последствия, как видим мы в возлюбленной Нашей Испании, он, увы, уравновесил сие более яркой жестокостью своего нападения. Там не только разграблена та или иная церковь или отдаленный монастырь, но, в меру возможностей, каждая церковь и каждый монастырь подверглись разрушению. Всякий след христианской религии был уничтожен, даже если он был неразрывно связан с редчайшими памятниками искусства и науки. Неистовство коммунизма не ограничилось избиением без разбора епископов, тысяч священников, монахов и монахинь; он прежде всего выискивает всех, кто посвятил свою жизнь благополучию рабочих и бедноты. Но большинство его жертв были мирянами всех состояний жизни и классов. Даже до нынешнего мига множество их почти ежедневно убивают по одному тому обвинению, что они добрые христиане или по меньшей мере противостоят безбожному коммунизму. И страшная эта бойня творится с такой ненавистью и диким варварством, какие никто не считал возможными в наш век. Ни один человек в здравом рассудке, ни один государственный деятель, сознающий свою ответственность, не может не содрогнуться при мысли о том, что то, что делается сегодня в Испании, может завтра повториться в других цивилизованных странах»²⁸.

Вслед за осуждением идеологии и настоящих нарушителей общественного порядка — не народов, которые жили в таких условиях, а лишь самой системы, — в «*Divini Redemptoris*» приводится комплекс директив, направленных на борьбу с коммунизмом. В действительности это было не что иное, как адаптация тех же самых религиозных принципов, которые мы упоминали в связи с «*Mit brennender sorge*». Главное отличие состоит в моральном требовании социальной и экономической справедливости. Папа предлагает обратиться к примерам истории, чтобы убедиться в том, что Церковь не выступает на стороне эксплуататоров. Поэтому он страстно призывал к милосердию и социальной справедливости, включающей честную оплату труда, которая приобретала первостепенную важность и в религиозном плане²⁹.

Но эти упреки, прозвучавшие в узком церковном кругу, были адресованы не только тем, кто не выполнял справедливых требо-

²⁸ «Divini Redemptoris». N. 2, 5, 7, 15, 18, 20 (цитировано), 38.

²⁹ Ibid. No. 24, 50 и 51. В этом пункте он напоминает о том, что уже было отмечено, среди прочих документов, в энциклике «*Quadragesimo anno*» (которые сам Ратти опубликовал в 1931 г. в сороковую годовщину знаменитой энциклики Льва XIII «*Rerum novarum*»), принятой достаточно сдержанно.

ваний рабочих, но и тем наивным, которые были готовы сотрудничать с коммунистами в «гуманитарной и благотворительной сферах» в расчете на то, что коммунизм «примет более умеренную форму, предоставив всем гражданам свободу совести и вероисповедания», и вскоре откажется от «программы открытой борьбы против Бога». В этом был политический подтекст, который касался непосредственно Испании, где католики из баскских националистических организаций оставались верны Второй Республике и сражались вместе с коммунистами из отрядов милиции. В связи с этим папа говорил:

«Коммунизм дурен по самой своей сути, и никто из желающих сохранить христианскую цивилизацию не может сотрудничать с ним в каком бы то ни было предприятии. Те, кто, совершая ошибку, оказывает помощь установлению коммунизма в своей стране, первыми заплатят за греховность этой ошибки. И чем древней и великолепней христианская цивилизация в тех регионах, куда проникает коммунизм, тем более опустошительна будет ненависть коммунистов-безбожников»³⁰.

В качестве средства для стимулирования изменений общества папа предлагал развитие «Католического действия», которое было способно предотвратить опасность установления коммунизма. Он также настойчиво рекомендовал государствам не препятствовать свободной деятельности Церкви.

Спустя два дня после публикации этой энциклики франкистское правительство получило соответствующее сообщение из Рима. Текст понтифика априори мог бы удовлетворить интересы лагеря, провозгласившего себя «национально ориентированным» и сражавшегося против коммунистов. Тем не менее в своем первом докладе Магас выразил мнение, что документ не оправдывает ожиданий: он был очень пространным; осуждая атеистический коммунизм, но менее выразительным, когда обращался к обманутым коммунистической пропагандой и сотрудничеством с коммунистами, советуя к людям — не к идеям — проявлять милосердие, и лично Магасу это не нравилось. По его мнению, наиболее благоприятным было то, что сам Папа открыто говорил о ситуации в Испании³¹. Спустя несколько дней, после знакомства с мнением итальянской и французской

---

³⁰ Ibid. P. 59, 60.

³¹ Archivo de la Embajada de España Ante la Santa Sede (Roma) (далее — SREGS/AEE). Informe nº 45 de 21 de marzo de 1937, enviado por el almirante Magaz a la Secretaría de Relaciones Exteriores del Gobierno de Salamanca.

прессе, он отослал новое сообщение, в котором выделял слова энциклики, в которых содержался намек на сотрудничество баскских католиков с коммунистами³².

2.3. «Нам хорошо известна...»

Последний из документов, датированный 28 марта 1937 г. (Пасхальное воскресенье), был адресован мексиканскому епископату. Более краткий, чем предыдущие, он касался таких политических вопросов, как организация деятельности Церкви после тяжелых лет Мексиканской революции и восстания кристерос³³. Кроме того, речь, как всегда, шла об условиях, которые должны быть созданы для того, чтобы католики могли, опираясь на закон, противодействовать несправедливой агрессии гонителей с использованием насильственных методов. Схожесть испанской ситуации с той, что сложилась за океаном, уже была отмечена в более раннем сообщении, отправленном кардиналом Гома в августе 1936 г. в Государственный секретариат Ватикана, о котором мы упоминали выше. Средства, которые Папа предлагал использовать для поддержания и стимулирования религиозной жизни в Мексике, были схожи с теми, которые фигурировали в других документах: пример, подаваемый хорошо подготовленными священниками, покровительство «Католическому действию» и забота о наиболее

---

³² Ibid.: «Необходимо упомянуть о той важности, которая в большей части этих оценок придается 58 параграфу энциклики. Разумеется, он обращен ко всему миру, но сегодня слова его применимы в первую очередь к тем, кто, называя себя католиками, сотрудничают с марксистами или в официальных заявлениях и в публичных выступлениях защищают различные марксистские органы власти Красной Испании. Правда, речь идет об очень коротком параграфе, который теряется в огромной массе текста. Я говорю о вышеприведенном параграфе, в котором осуждается сотрудничество тех, кто защищает христианскую цивилизацию, с теми, кто стремится ее разрушить».

³³ Восстание кристерос — гражданская война в Мексике между федеральными силами и повстанцами-кристерос (1926–1929), боровшимися против положений конституции 1917 г., направленных на резкое ограничение прав Римско-Католической Церкви. Они включали такие жесткие нормы, как запрет на владение имуществом, осуществление религиозного обучения, создание монастырей, ношение церковного облачения священниками за пределами культовых зданий и др. Причиной войны стали попытки практической реализации соответствующих конституционных норм, предпринятые президентом П. Элиасом Кальесом, фактически находившимся у власти до 1935 г. Преследования были продолжены президентом Л. Карденасом (1934–1940) и закончились лишь после 1940 г. — *Прим. перев.*

обездоленных. Кроме того, в письме содержалась рекомендация уделять внимание эмигрантам, оказавшимся в положении изгоев в США. Размышления Пия XI о легитимности вооруженного восстания против существующей власти, действующей несправедливо, представляют собой политическое содержание документа, применимое к текущей испанской ситуации. Вспомнив более раннюю папскую доктрину о неповиновении католиков законным властям, попирающим основные гражданско-религиозные свободы и разрушающим основы уважения к этой власти, Папа отмечал, что граждане могут объединяться для защиты нации средствами «законными и целесообразными для борьбы с теми, кто выступает против государственной власти и стремится ее разрушить». Хотя практическое решение зависело от конкретных обстоятельств, всегда нужно было помнить основополагающие принципы:

«1. Эти требования оправданы отчасти и имеют относительный смысл, но не представляют собой конечной и абсолютной цели. 2. Оправданы могут быть только допустимые действия, не являющиеся в сущности своей злом. 3. Средства должны быть соразмерны цели, и использовать их можно лишь в той мере, в какой они служат для ее достижения, полного или частичного, и таким образом, чтобы их применение не причинило обществу еще большего вреда, чем тот, который пытаются устранить. 4. Использование таких средств и исполнение гражданских и политических обязанностей во всей их полноте, включая проблемы временного и технического характера или связанные с защитой с применением силы, никоим образом не входят в компетенцию духовенства и «Католического действия» как институциональных образований. При этом и на то, и на другое возложена задача подготовки католиков к верному использованию их прав и защите таковых всеми законными средствами, как того требует общественное благо. 5. Духовенство и «Католическое действие, миссия которых» — нести мир и любовь, а также объединять всех людей «в союзе мира» (Ефес. 4:3), должны способствовать процветанию нации, в особенности своим содействием единению граждан всех социальных классов, и поддерживать все те социальные инициативы, которые не противоречат учению и законам христианской морали»³⁴.

Распространение текста должно было быть очень ограниченным, поэтому, возможно, немногие испанцы размышляли над

---

³⁴ “Nos es muy conocido”. Carta del Papa Pio XI al episcopado mejicano // L'Osservatore Romano. 28.03.1937.

тем, соответствует ли военный мятеж и последовавшая за ним Гражданская война тем условиям, которые Папа называл необходимыми для того, чтобы считать правомерным восстание против Второй Республики. Но все это не служит поводом преуменьшить значение указаний Папы. В свою очередь, Магас отправил сообщение правительству на следующий день после появления в газете «Л'Оссерваторе Романо» испанского текста и его итальянского перевода. По его словам, похоже на то, что «наместник Святого Петра видит в последних событиях в Мексике возможность, хотя бы слабую, религиозного преобразования, и с этой целью дает инструкции и указания»³⁵.

Наконец, 1 апреля 1937 г. Магас снова отправил сообщение своим руководителям в Испании. На этот раз это был развернутый доклад, в котором главное внимание уделялось апостольским посланиям, направленным в Германию и Мексику. В этом докладе находим мнение автора о понтификате Пия XI: «Очень любопытно и поучительно сравнение этих двух писем», — говорит он. Речь идет о странах, в которых положение Церкви и католиков стало трудным. Притеснения, которые Церковь терпит в Мексике, «более длительные и гораздо более серьезные», при этом «тон послания, адресованного мексиканским епископам, гораздо более мягкий, чем тот, который находим в письме епископам немецким». По мнению Магаса, причина в том, что «в целом, Святой Престол проявляет покладистость и гибкость — в вопросах поведения, а не догмы — по отношению к тем правительствам, которые ведут себя с ним наиболее жестко, со свойственным ему смирением стараясь (всегда безуспешно) найти самый мягкий подход». Однако в своем сообщении Магас выделил в тексте понтифика абзац, в котором речь шла об условиях признания легитимности восстания против существующей власти: «Для нас это представляет интерес, поскольку касается вопроса о допустимости выступления против правительства в определенных случаях. Этот принцип видоизменяет позицию, которую Церковь занимала в последние годы, и способствует оправданию военного движения в Испании, узаконивая Национальное правительство в глазах Ватикана»³⁶.

В своем докладе Магас предусмотрительно переписал абзац, в котором Пий XI говорит о правомерности восстания в определенных случаях, однако он опустил те пять пунктов, которым,

³⁵ SREGS/AEE. Informe n° 51 (29.03.1937).

³⁶ SREGS/AEE. Despacho n° 52 (01.04.1937).

по мнению Папы, должно было соответствовать восстание, для того чтобы быть признанным законным. Справедливо предположить, что Святой Престол не имел ясного представления о том, что содержание энциклики «*Nos es tuiy conocida*» послужит для оправдания военного мятежа 17 июля 1936 г. против легальных властей Испанской республики. Прежде всего, поскольку изучение этих пяти условий должно было быть гораздо более пристальным, чем то поверхностное внимание, которое уделили им Магас, считавший их содержание вполне ясным. По его мнению, эти пять правил «обуславливают, но не отменяют положения о правомерности восстания в определенных случаях».

3. Коллективное послание испанского епископата епископам всего мира

Последующие пастырские наставления испанских епископов (около 20-ти, среди которых выделялось уже упомянутое наставление Пла-и-Даниэля) завершились публикацией 1 июля 1937 г. «Коллективного послания испанского епископата...», которому предшествовали во времени четыре публичных выступления Пия XI, рассмотренные выше. В этом послании практически все испанские епископы (43 епископа и 5 капитулярных викариев; 5 епископов послание не подписали, некоторые из них выразили согласие с текстом, но не с его своевременностью) выразили свое отношение к Гражданской войне. По словам самого кардинала Гома, «Послание...» появилось «не столько благодаря указанию главы государства, сколько вследствие страстного желания сен-юров епископов и многочисленных католиков, которые заявили о его необходимости». Это, несомненно, позволяет предположить, вопреки устоявшемуся мнению, что Франко был заинтересован в выступлении прелатов, которое, разумеется, прозвучало в его пользу³⁷. В документе, который становился объектом

---

³⁷ Происхождение Письма было раскрыто уже в феврале 1937 г. критиками католицизма во всем мире, и оно воспринималось как открытая поддержка, оказываемая испанскими иерархами франкистским властям. Рим оставлял примасу возможность редактировать этот документ, который служил для объяснения религиозного аспекта войны. Со своей стороны, генерал Франко в мае 1937 г. обратился к Гома с двумя просьбами: первая касалась решения проблемы с баскскими священниками и недвусмысленного признания его режима; другая состояла в том, чтобы в готовящемся документе было указано, что епископат полностью и безоговорочно находится на его стороне. Это об-

изучения различных специалистов, аргументировалась позиция его авторов по отношению к войне, анализировались ее истоки, давалась характеристика военному мятежу и коммунистической революции, приводились оправдания в том, в чем определенные иностранные католические круги обвиняли испанскую Церковь, и в конце звучал призыв к правдивому и справедливому распространению новостей о Гражданской войне.

Нас, в первую очередь, интересуют отношения Церкви с мятежниками и той идеологией, которая зародилась в их лагере. И здесь необходимо отметить, что в «Послании...» звучало опровержение того, что война — это «крестовый поход» (как утверждали мятежники с самого начала конфликта). На отчаянные обвинения в том, что «духовное братство Церкви, чью свободу мы обязаны отстаивать, служит сиюминутным нуждам тиранического и всепоглощающего режима», епископы отвечали недвусмысленно: «Нет, мы требуем этой свободы, прежде всего, для исполнения наших обязанностей; из нее проистекают все свободы, которые мы отстаиваем для Церкви. Для этого мы не связали себя ни с кем — ни с людьми, ни с какими-либо силами или институтами, — хотя мы и благодарны за поддержку тем, кто смог избавить нас от врага, который хотел погубить нас, и готовы сотрудничать, как епископы и как испанцы, с теми, кто прилагает усилия для восстановления в Испании мира и справедливости. Ни один политический режим не сможет заявить, что мы отклонились когда-либо от этой линии».

Кроме того, спустя год после военного переворота, они понимали, что его первопричиной было национальное движение «в защиту основополагающих принципов всего цивилизованного общества» и что развивалось оно «против анархии, находящейся в союзе с правительством, которое не могло или не хотело оберегать эти принципы». Далее в документе приводились четыре довода, которые объясняли действия испанской Церкви. Первый состоял в том, что, несмотря на свою мирную природу, нежелание войны и отказ от участия в ней, Церковь не могла оставаться безразличной к исходу борьбы, когда попиралось ее учение, ее дух, а также учитывая опыт России. Было необходимо занять определенную позицию в условиях, когда «упразднялся Бог, чье дело на земле должна выполнять Церковь <...>, а этому де-

---

ращение было передано другим прелатам. Двое из них (находившиеся в изгнании Мухика и Видаль-и-Барракер) выступили за отсрочку публикации этого документа или за ее нецелесообразность.

лу — и людям, и вещам, и правам, — причинялся огромный вред, возможно, как никогда за всю историю». Во-вторых, епископы не могли проявлять солидарность с «поступками, тенденциями и намерениями, которые в настоящем или будущем могли бы исказить благородный облик национального движения, в его истоках, проявлениях и целях». В-третьих, они признавали, что «военно-гражданский» мятеж имел двойное происхождение — патриотическое и религиозное. Что касается последнего, восстание было призвано «лишить противников Бога сил и гарантировать будущее веры и религиозной практики». И, наконец, последней надеждой на восстановление в Испании «справедливости, мира и добра» была победа мятежников, поскольку противоположная сторона не предлагала, «несмотря на все усилия членов ее правительства, политических и социальных гарантий»³⁸.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на указания, данные Пием XI в «*Nos es muy conocida*» относительно условий, которым должно отвечать восстание против власти, чтобы считаться легитимным, испанские епископы в своем коллективном послании ни открыто, ни завуалированно не связали причину войны с этой предпосылкой. Для них конфликт был «вооруженным плебисцитом», в котором участники мятежа столкнулись «не столько с правительственными силами, которые старались подавить восстание, сколько с ничем не сдерживаемой яростью отрядов народной милиции». Таким образом, для испанских прелатов речь шла не о потере правительством легитимности и не о правомерности мятежа против него, а о столкновении «между двумя Испаниями».

Эти заключения позволяли понять, каким было видение войны у испанских епископов. Напряженно следя за происходящими событиями, они не выражали солидарности с теми, кто мог, в настоящем или будущем, изменить фундаментальные принципы национального развития. Для прелатов понятие «врага» сводилось исключительно к марксистскому коммунизму русского типа («Россия, как известно во всем мире, внедрила свои силы в правительственную армию, в самое ее сердце, сохраняя при этом видимость руководства Народного Фронта. Ее целью является установление коммунистического режима с помощью расшатывания основ существующего общественного порядка»). Возможно, такой подход был оправдан не только советским опытом, но и публикацией энцикли-

---

³⁸ Использован текст, опубликованный в кн.: Iribarren J. Documentos colectivos del episcopado español. Madrid, 1974.

ки *Divini Redemptoris*, в которой содержались намеки на ужасы коммунизма в Испании. Документ, напротив, не содержал открытых обвинений в адрес другой стороны, которые Пий XI выдвинул в «*Mit brennender sorge*». Но за таковые можно принять намеки, звучащие в прогнозе на будущее, который дают епископы. По их мнению, страшное зло может принести «идеология, чуждая государству, стремящаяся с корнем вырвать христианские понятия и влияния. Будет крайне трудно привить новую Испанию к стволу нашей древней истории и оживить ее жизненными соками. Но мы надеемся, что, принимая во внимание грандиозность жертвы, которую нам пришлось принести, нам удастся снова обрести наш национальный дух. Это постепенный процесс, сопровождающийся восстановлением законности, в которой преобладает христианское понимание культуры, морали, социальной справедливости, а Бог чтится и славится, как должно».

Некоторые из тех восьми обвинений, которые выдвигались католическими кругами других стран в адрес испанской Церкви, открыто или завуалированно намекали на солидарность последней с идеями, отстаиваемыми мятежниками. В некоторых случаях звучал открытый намек на условия тоталитарного режима. В связи с этим читаем:

«Говорят, что война в Испании — не больше чем эпизод в мировой борьбе между демократией и этатизмом, и победа национального движения сделает из нации рабов государства <...> Перед Церковью в нашей стране стоит другая дилемма: учитывая опасность полного уничтожения коммунизмом, как это произошло на территориях, где он господствует, Церковь ощущает поддержку силы, которая до этого момента гарантировала соблюдение основополагающих принципов для всего общества, независимо от политических взглядов его членов. Что касается будущего, то мы не можем предсказать, что случится, когда борьба закончится. Но мы можем утверждать, что война не была развязана для того, чтобы установить власть автократического государства над униженной нацией. Ее целью было мощное возрождение национального духа и христианской свободы прежних времен. Мы верим в мудрость правительства, которое не захочет перенимать иностранные образцы для строительства будущего испанского государства, а будут учитывать требования и особенности национальной жизни и траекторию, очерченную прошедшими столетиями».

В том же, что касалось звучащих за границей разоблачающих заявлений о бесчинствах, творящихся в зоне националистов, ав-

торы «Послания...» утверждали, что «не бывает войны без эксцессов», и добавляют, что, возможно, некоторые из них и были совершены кем-то из лагеря националистов, поскольку никто не способен сохранять спокойствие, «защищаясь от яростных атак бессердечного врага». Порицая любой разгул жестокости, епископы, в первую очередь, обрушиваются с критикой на злоупотребления, допускавшиеся правосудием Народного Фронта. В заключении говорилось о прощении тех, «кто, сам не зная, что делает, причинил страшное зло Церкви и Отечеству». И добавлялось: «Они есть дети наши». Далее речь шла о тех, кто претерпел мученичество.

Других публичных выступлений испанских иерархов и Святого Престола по вопросу Гражданской войны не провозглашалось. Это не значит, что все было сказано и между испанской Церковью и франкистским государством воцарилась гармония. Совсем наоборот: трения возникали часто, и в некоторых случаях они получали широкий резонанс, несмотря на жесткую цензуру информации, осуществлявшуюся тоталитарными кругами. Отношения нормализуются лишь спустя 14 лет после завершения конфликта, в 1953 г., когда в результате трудных переговоров был подписан Конкордат между Церковью и государством.

4. Вместо заключения

Проанализированные папские документы свидетельствуют о важных различиях в деятельности Святого Престола и испанских иерархов (Гоме) в период Гражданской войны. Их позиция относительно притеснений, которым подвергалась испанская Церковь, была едина и отличалась большой твердостью, однако отношение к мятежу было противоположным. Рим был обеспокоен установленным мятежниками режимом, в котором он с самого начала видел влияние тоталитарной нацистской идеологии, так же как и движением республиканского лагеря в сторону коммунизма. Испанские иерархи в значительной степени отдали себя во власть мятежников (возможно, потому что не видели другого решения в условиях гонений, которым подвергалась Церковь со стороны противоположного лагеря), не различая отчетливо в июле 1937 г. (когда было опубликовано «Коллективное послание...») тоталитарной угрозы франкизма или национал-социализма, нависшей над Испанией. Угроза эта уже проявилась и в последующие месяцы делалась все более серьезной. В речах

Франко и в его интервью зарубежной прессе³⁹ уже был отчетливо виден тоталитарный характер его политики. Несмотря на это, епископы подвергли цензуре послание Папы (сентябрь 1937 г.), ставящее под сомнение уважение к свободе Церкви, и настаивали на том, что это «движение» (присутствие в котором многочисленной и влиятельной группы фалангистов-сторонников этатизма было очевидно) не исповедовало опасную идеологию. Более того, они отсрочили публикацию папского обращения, в котором открыто говорилось о том, что происходило в нацистской Германии. То, чему не было вынесено порицание на ранних этапах, утвердилось с этого момента: надзор цензуры за публикациями Церкви; страх властей перед реорганизацией «Католического действия» (чего требовал Папа), которая могла предполагать удержание денежных средств с организаций, входивших в состав этого движения, что положило бы начало поглощению им других организаций мирян; установление единой всеобщей системы профсоюзов, которая покончит с еще стоящими особняком католическими организациями; распространение всего немецкого, в том числе культуры, привело к тому, что на Конференции архиепископов (где присутствовали главы всех церковных провинций), состоявшейся в Бургосе в ноябре 1937 г., с беспокойством заговорили о влиянии нацизма в Испании, признав — только тогда — целесообразность распространения тех частей энциклики «*Mit brennender sorge*», которые в наибольшей степени соответствовали ситуации, в надежде на дальнейшую публикацию всего текста. Несмотря на то что в энцикликах Пия XI содержались соответствующие наставления, епископы не смогли занять разумную, равноудаленную от воюющих сторон позицию.

Нельзя обойти вниманием то существенное, а не поверхностное различие в отношении к жертвам, которое обнаруживается между обращением Пия XI (сентябрь 1936 г.) и «Коллективным посланием испанского епископата...». Если в последнем «те, кто сам не зная, что делает, причинил страшное зло Церкви и Отече-

---

³⁹ Когда в конце сентября 1936 г. Хунта национальной обороны назначила генерала Франко главой правительства испанского государства, было оговорено, что «ему передавалась абсолютная государственная власть». В одной из последующих речей он указывал на то, что «Испания создается внутри широко понимаемой тоталитарной идеи с помощью тех национальных институтов, которые гарантируют ее целостность, единство и преемственность», а затем упоминал «введение самых жестких принципов власти», которые подразумевало возглавляемое им движение, и ту роль, которая отводилась в этом движении Церкви. Год спустя эта тоталитарная тенденция усилилась.

ству» заслуживают прощения, то в первом мы находим позицию, отличающуюся истинным милосердием: прощения заслуживают, согласно Евангелиям, все жертвы без различия. В действительности, сам подход Папы исключал возможность жестких репрессий, для которых оставалась некоторая возможность в посланиях испанских епископов.

Наставление Пия XI казалось во всех отношениях неблагоприятным для Магаса, который, возможно, отличался большей дальновидностью, чем испанские церковные иерархи. У него вызывала неприятие склонность понтифика требовать от тех политических деятелей, которые называли себя «католиками», истинного соответствия вере в социальных вопросах и сострадательного отношения к врагу. Больше всего противоречий возникало, когда дело касалось консолидации тоталитарного государства и неизбежных репрессий, которые она предполагала. Поверенный в делах, в соответствии с испанской традицией называющий себя католиком, добивался признания Ватиканом мятежников и, как следствие такого признания, международной поддержки. Но в той католической вере, которую исповедовал режим, слишком многие важные аспекты учения были изъяты. Эти ограничения были точнее подмечены в Риме, чем непосредственно в воюющей Испании. Не напрасно в Ватикане учитывали опыт других стран. Таким образом, если католицизм, представителем которого был Магас, стремился сделать Церковь частью режима, в Ватикане хорошо понимали, что этот режим не готов действовать как истинный сын Церкви.

Перевод с испанского Е. А. Полетаевой

БРУНО МУНЬЯИ

ИТАЛЬЯНСКИЕ ДОБРОВОЛЫЦЫ В АНТИФАШИСТСКИХ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ БРИГАДАХ

В конце 1970-х годов было подсчитано, что о Гражданской войне в Испании опубликовано не менее 20 тысяч книг и около ста из них посвящено добровольцам из других стран. Двадцать лет спустя Энди Дарган в своей статье «Борцы за свободу или армия Коминтерна? Интернациональные бригады в Испании» удвоил эти цифры. Это означает, что споры не окончились и что за это время были написаны другие работы, дополняющие предшествующие и вводящие в научный оборот новые данные, собранные в ставшем, наконец, доступном Архиве Коминтерна, а также в архивах политических движений Испании, которые смогли уцелеть.

Через семьдесят с лишним лет после этих событий все еще трудно достоверно реконструировать явные и скрытые факты, предопределившие драмы и разрывы во имя сплочения рядов. Взаимная неприязнь и политическое соперничество заставили разочароваться многих из тех, кто приехал сражаться, и это было одной из многих причин, приведших Республику к поражению. В Италии и других странах Европы споры шли до послевоенного времени и привели к тому, что вопрос об ответственности стал крайне запутанным. Подчас отдельные факты становились объектом манипуляций, и некоторые предубеждения надолго сохранились в среде историков как правой, так и левой ориентации. Мы сталкиваемся с такими искажениями, когда обращаемся к истории добровольческих отрядов. Примером может служить

утверждение, что интернациональные бригады якобы причастны к подавлению анархистов и троцкистов в Барселоне. Другое утверждение, требующее развенчания, состоит в том, что добровольцы из других стран будто бы были только в интернациональных бригадах, тогда как этот феномен, напротив, касается республиканского фронта в целом, в частности — отрядов анархистских организаций, ставших недавно предметом интересных исследований, небесполезных для правильного понимания пестрой картины антифашистского интернационализма в Испании. На этом первом этапе войны деятелями первого плана оказывается в том числе ряд наиболее видных итальянских антифашистов в изгнании, как-то: Карло Росселли, Камилло Бернери и многие другие.

Следовательно, данная статья входит в широкий контекст публикаций об иностранных участниках гражданской войны в Испании с целью попытаться заполнить все еще существующий пробел в том, что касается военной истории итальянских добровольцев, учитывая тот факт, что аналогичные работы отдавали предпочтение почти исключительно интернациональным бригадам, оставляя неполной картину итальянского присутствия в антифашистском фронте. Рассматривая участие итальянцев во всей его совокупности, мы приходим к выводу, что итальянская составляющая была третьей по численности среди *voluntarios internacionales*¹.

Потому уместно отделить историю добровольческих формирований, возникших в начале войны, от эпопеи интернациональных бригад. К числу задач данной работы, естественно, не относится некое новое прочтение исторических и политических событий, которые вызвали конфронтацию и кровавые столкновения в мае 1937 года, и все же нельзя подходить к этим фактам, игнорируя неверные решения и ошибки, допущенные антифашистским фронтом. Обращаясь к такого рода исследованиям, понимаешь, как трудно анализировать фронты, где много идеологической мотивации и, следовательно, пристрастности, а потому возможно, что некоторые заключения окажутся ошибочными или неполными. Тем не менее мне показалось важным реконструировать ряд фундаментальных аспектов этих объединений, а именно их реальный вклад в борьбу, то, как происходила подготовка офицерских кадров, в какой мере идеология способствовала внутренней дисциплине, рождение армейской «внутренней демократии»:

---

¹ Иностранных добровольцев (*исп.*).

armata proletaria, использовавшая методы, отличные от тех, которые практиковались в других армиях, — этот последний тезис больше, чем другие, изначально вызвал жаркие споры и, по всей вероятности, навсегда останется чем-то из области мифов.

Полемика об ответственности Сталина и европейских демократических правительств составляет значительную часть огромной массы книг о гражданской войне в Испании, и, хотя в этих работах иностранные добровольцы не являются основной темой, практически все авторы их упоминают. Избежать этой темы трудно ввиду пропагандистской кампании, сопровождавшей интернациональные бригады и их участие в конфликте. Пусть это усугубило деформацию, существующую при рассмотрении истории иностранных добровольцев, нельзя не признать исторический факт, протагонистами которого они являются, а именно мобилизацию большого числа мужчин и женщин разных национальностей, которые во имя демократии съехались в Испанию и были готовы пожертвовать жизнью ради чужой им страны. Хотя таким добровольцам приходилось действовать в море ошибок, разочарований, противоречий — сознательно, вынужденно или в открытом конфликте с правительством, которое они защищали, — *internacionales* до сих пор служат одним из наиболее ярких символов классовой солидарности и братства между народами.

Первые добровольцы из других стран

Хотя сегодня кажется бесспорным тот факт, что большинство добровольцев были посланцами коммунистических организаций всего мира, недавно стали изучать также вклад тех, кто не разделял марксистско-ленинской идеологии, в частности — прибывших из Италии, среди которых было немало социалистов, анархистов, республиканцев, членов других антифашистских организаций, таких как «Справедливость и свобода». Согласно современным оценкам, доля итальянских добровольцев, не имевших отношения к III Интернационалу, составляла от 35 % до 40 % от общего числа. Впрочем, в том, что касается общих цифр итальянских добровольцев, приехавших в Испанию, тут мы сталкиваемся с вопросом, которым занимались многие исследователи, зачастую приходя к разным результатам. Разногласия касаются не столько их числа, сколько политической принадлежности, так как разные авторы делали акцент на тех данных, которые подкрепля-

ют отстаиваемый ими тезис². Доказательства подчас натянуты и призваны подчеркнуть участие одних политических движений в ущерб другим.

Первые вооруженные формирования стали складываться при политических организациях тотчас после *alzamiento*³ мятежных генералов. В частности, в Каталонии регистрируется лихорадочная активность со стороны наиболее радикальных движений, которые очень быстро сформировали боеспособные отряды добровольцев, готовые выступить против мятежников. Но первые иностранцы, которые смогли присоединиться к республиканскому фронту, оказались в Испании совсем по другому поводу. Действительно, в Барселоне должна была состояться пролетарская олимпиада, так называемая спартакиада, и для участия в этих играх, организованных как антитеза Берлинской олимпиаде, в городе собралось довольно большое число «спортсменов-пролетариев», тренеров и сопровождающих. Считается, что не меньше 300 молодых людей из других стран, вовлеченных в это мероприятие, примкнули к военным формированиям, действовавшим уже с конца июля 1936 года. Они составили первую группу иностранных добровольцев в Испании⁴.

---

² Аналогичные проблемы существуют в том, что касается национальности или этнической принадлежности добровольцев. Сегодня установлено, что французов и немцев насчитывалось свыше трети от общего количества добровольцев, однако столь же верно то, что достичь Испании проще всего было тем, кто проживал во Франции, и что Франция и Германия являлись странами с многочисленным населением и устойчивой традицией политической борьбы. Кроме того, в особенности это касается французов, в качестве таковых рассматривались испанские эмигранты, возвращавшиеся на родину через Пиренеи после *alzamiento*, случившегося в июле 1936 года. Особую ценность могла иметь небольшая, но обстрелянная группа бойцов, приехавших из стран, не имевших преимущества ввиду географической близости, большой численности населения и силы политических партий левого толка, как Албания или Эстония, либо даже из самых отдаленных мест, как относительно немногочисленные, однако чрезвычайно мотивированные австралийские и новозеландские добровольцы. Наконец, если мы сопоставим количество добровольцев с численностью населения стран, откуда они приехали, к нашему удивлению, выяснится, что наиболее широко были представлены кубинцы.

³ Мятежа (*usp.*).

⁴ В одной статье, опубликованной в газете социалистов-реформистов Каталонии, сообщалось, что между 18 и 20 июля в столкновениях в Барселоне погибли «немецкий антифашист» Йохан Фрай и его товарищ из Австрии Франц Мехтер, а среди раненых были студент Рудольф Кон из Германии и итальянцы каменщик из Брешии Паоло Джирелли и «атлет» Бруно Серени.

Через такие открытые каналы со стороны антифашистских организаций добровольцы продолжали прибывать в возрастающем числе. Подсчитано, что до конца июля поездом и морем в Барселону прибыло не менее 600 добровольцев, разделявших желание вступить в отряды народной милиции, чтобы с оружием в руках защищать республику. Этих первых добровольцев только отчасти можно считать предшественниками тех *internacionales*, которые образуют впоследствии интербригады, ибо то, что собралось, было недоверие к политике Москвы и ее неспособность решиться на вмешательство для поддержки республики. Большинство первых добровольцев, наряду с их испанскими товарищами, по своему выбору сражались в качестве партизан в Каталонии и Арагоне либо в других частях республиканской армии. Исследователи лишь спорадически занимались историей первых добровольцев, прибывших в Испанию до первых известий о боях, чтобы принять участие в революции, вспыхнувшей в Каталонии, привлеченных новостями о коллективизации, «социализации», советах рабочих и крестьян, либо просто с целью защитить демократию и продемонстрировать, что антифашизм жив. Присутствие этих добровольцев оспаривали те, кто утверждал, что якобы только благодаря пропаганде и организаторской роли Москвы антифашизм оказался в состоянии наладить борьбу в защиту республики. В таком контексте судьбы итальянских добровольцев представляют особый интерес, поскольку они были в числе первых, кого надо отметить среди добровольцев Каталонии в спонтанно организующихся ополчениях местных партий, будь то наиболее радикальные, как анархисты, или умеренные, как социал-демократы и республиканцы⁵. Добровольцы встретили в Испании ситуацию, которая

---

⁵ Летом 1936 года вооруженные силы республиканцев были фактически расколоты на две относительно гомогенные части. С одной стороны, это были формирования реформистских политических организаций, включавшие отряды приверженцев Коминтерна, как, например, закаленный и прославленный в боях «Пятый полк», подразделения профсоюза социалистической ориентации UGT (Unión General de Trabajadores, «Всеобщий союз трудящихся») и менее многочисленные группы, принадлежавшие к «Izquierda Republicana». С другой стороны — формирования CNT (Confederación Nacional de Trabajadores, «Национальная конфедерация трудящихся», могущественный профсоюз анархистского толка) и другие революционные части. Но, если первые были связаны между собой только формально, между анархистами и ополченцами POUM (Partido Obrero de Unificación Marxista, «Рабочая партия марксистского единства») установилось взаимодействие, которое скреплял подлинный политический союз.

была, мягко говоря, накаленной. Даже если не брать в расчет события «Астурийской революции», между февральскими выборами и мятежом военных в июле 1936 года в Испании произошло 113 общих и 228 частичных забастовок, 145 взрывов, 215 нападений на помещения партий. Было сожжено 150 церквей. Эти события привели к гибели 269 человек, и еще 1287 были ранены. Такой разгул насилия объясняет, почему так быстро возникают военные формирования, связанные с политическими партиями и профсоюзами. Действительно, в первой половине 30-х годов профсоюзы и почти все организации республиканского фронта обзавелись военизированными структурами для самообороны, памятуя о том, что случилось с аналогичными профсоюзными организациями и партиями в Италии, Германии и Австрии. Одновременно можно заметить, что в первые месяцы конфликта идеологическое соперничество, существовавшее внутри республиканских сил, не считалось принципиальным, и спустя много месяцев после начала войны можно было встретить социалистов и республиканцев в формированиях анархистов или отпетых анархистов в отрядах такой партии троцкистского толка, как POUM, а впоследствии даже в интербригадах. В целом иностранных добровольцев принимали с распростертыми объятьями, поскольку речь шла об идеологически ангажированных бойцах с высокой мотивацией. Кроме того, в отличие от их испанских товарищей, среди них всегда находился кто-то знакомый с военной тактикой благодаря участию в Первой мировой.

Иностранное присутствие в армейских рядах также играло роль бесценной моральной поддержки. Согласно распространенным представлениям, добровольцы, прибывшие из-за границы, в целом являлись более опытными солдатами уже в силу того факта, что их страны принимали участие в Первой мировой войне, и именно этот «багаж опыта» в конечном счете был тем, чего особенно не хватало ополчению, где энтузиазм и старания не могли восполнить недостаток военной подготовки. В армии были введены методы командования и дисциплины, навеянные идеологией принадлежности, согласно которой во многих случаях офицеры и младшие командиры выбирались из числа членов подразделения, а также воспринимались принципы самодисциплины и солдатских советов, с чем экспериментировали в отрядах анархистов. Военное формирование более крупного уровня — или *Columna*⁶ — вело происхождение от частей *guerri-*

---

⁶ Колонна (исп.).

llos⁷ времен наполеоновских войн и отражало горизонтальную военную структуру, в которую могли соединиться вооруженные группы самого разного рода. Речь шла о модели, отлично адаптированной к идеологическим и военным потребностям большинства формирований ополченцев, в которых принципы равенства и коллективного управления заменяли правила традиционных армий. В коммунистических частях, связанных с Коминтерном, напротив, изначально вводилась более строгая дисциплина, похожая на существовавшую в регулярных армейских подразделениях, что зримо контрастировало с теми нормами, которым подчинялась служба в старых отрядах ополчения. На этой почве возникли бесконечные споры по поводу разных концепций республиканского командования⁸. Существовала разнородная масса бойцов, часто трудноуправляемых, допускавших ненужные эксцессы, но сражавшихся мужественно, хотя плохо вооруженных и зачастую действовавших без поддержки тяжелой артиллерии, пользовавшихся импровизированными транспортными средствами либо не имевших никаких.

Общую численность иностранцев в *milicia popular*⁹ — фактически оставшуюся вне интербригад — очень трудно установить, но она могла достигать трех—четырёх с половиной тысяч добровольцев, среди которых было много женщин, подчас служивших на передовой. Так продолжалось по меньшей мере до 30 октября 1936 года, то есть до того момента, когда правительство приняло декрет «Мужчины на фронте, женщины в тылу». Он воспрещал присутствие последних в рядах сражающихся, отправив всех девушек в санитарные, тыловые и вспомогательные службы.

На этой первой фазе гражданской войны вступление в отряды добровольцев было связано с принятием определенной политической платформы. Потому некоторые присоединялись к частям PSOE (Partido Socialista Obrero Español, «Испанской социали-

---

⁷ Герильеро, партизан (исп.).

⁸ Между октябрем 1936 и мартом следующего года в ходе включения всего ополчения в регулярную армию оно выставило на передовую свыше 100 тысяч человек. Почти половина из них принадлежала к подразделениям CNT-FAI (FAI, «Федерация анархистов Иберии» — боевое крыло анархо-синдикалистского профсоюза CNT), распределенным между укрепрайонами в Арагоне, вокруг Мадрида и в Каталонии. Еще шесть тысяч — две тысячи оставлены в резерве — относились к POUM и заняли позиции на Арагонском фронте. Остальные ополченцы принадлежали к UGT, левым молодежным организациям, компартии и другим движениям, входившим в Народный фронт.

⁹ Народной милиции (исп.).

стической рабочей партии») и профсоюза UGT (Unión General de Trabajadores, «Всеобщего союза трудящихся»), другие записывались в отряды JSU (Juventudes Socialistas Unificadas, «Объединенной социалистической молодежи»), POUM (Partido Obrero de Unificación Marxista, «Рабочей партии марксистско-го единства»), CNT (Confederación Nacional de Trabajadores, «Национальной конфедерации трудящихся») и в «Пятый полк», вооруженное формирование, созданное членами молодежного крыла PCE (Partido Comunista Español, «Испанской коммунистической партии»). Последняя была единственной партией правящего Народного фронта, которая имела тесные контакты с Коммунистическим Интернационалом. Хотя коммунисты советского толка в Испании в 1936 году были еще малочисленной партией, в скором времени они продемонстрировали, что обладают разветвленной и весьма эффективной структурой¹⁰. С лета 1936 года в «Пятом полку» действовал итальянский коммунист Витто-

---

¹⁰ Испанская Коммунистическая партия еще в начале 1930-х годов создала свои воензированные формирования, учредив MAOC (Milicias Antifascistas Obreras y Campesinas, «Рабоче-крестьянские антифашистские отряды»). Хотя PCE была относительно небольшой партией, в ее руководстве находились умелые организаторы в том, что касалось пропагандистской работы и мобилизации сторонников. Несмотря на выжидательную позицию, занятую Коминтерном, испанские коммунисты кинулись добиваться международного участия в борьбе против националистов, собирая помощь и формируя хорошо организованные отряды. Иерархическое начало в воинских формированиях таких партий, как PCE или PSUC, и профсоюзных организаций, например, относящихся к UGT и связанных с социалистической партией, представлялось более или менее традиционным. Впрочем, и в этих подразделениях командирских должности подчас были выборными. По крайней мере, это касалось командиров нижнего звена. Другие формирования, подобные «Пятому полку», напротив, воспроизвели в себе структуру, напоминающую организацию Красной Армии. Они наделяли высоким положением фигуру политического комиссара, типичную для советской военной организации. Этой должности было суждено получить ключевое значение в республиканской армии. Слава и успехи «Пятого полка» быстро сделали его центром притяжения для многих из тех, кто желал присоединиться к ополчению. Это объяснялось тем, что коммунисты, по сравнению с другими политическими партиями, производили впечатление наиболее деловой, умеренной и дисциплинированной силы. Однако другая причина притягательности коммунистических отрядов — их каналы снабжения. Благодаря связям в республиканском Генеральном штабе они пользовались поддержкой тыловых служб Военного министерства. Во многих отношениях «Пятый» стал образцом воинских формирований PCE и PSUC. Дополнительным преимуществом было присутствие в его рядах профессиональных военных. Служившие в «Пятом полку» иностранцы приобретали военный опыт, который окажется полезным, когда речь пойдет о формировании интербригад.

рио Видали, более известный под своим военным псевдонимом Карлос Контрерас. Он ввел в подразделении организационную структуру и суровые дисциплинарные методы советской армии. Впоследствии Видали занимал высокий пост в интербригадах. Он состоял в должности главного инспектора и руководил одиночной службой контрразведки. Среди иностранцев, прикомандированных к «Пятому полку», мы встречаем также итальянских коммунистов Луиджи Лонго и Джузеппе ди Витторио — до того, как они вошли в руководство интернациональных бригад¹¹.

В Испании уже проживала большая группа итальянских эмигрантов, к которым присоединились приехавшие из соседней Франции и из Швейцарии. 3 августа 1936 года в барселонской прессе впервые было упомянуто формирование итальянских добровольцев, названное «Итальянской группой» внутри подразделения «Columna (или батальон) 19 de Julio»¹², которое относилось к отрядам PSUC (Partit Socialista Unificat de Catalunya, «Объединенной социалистической партии Каталонии»), каталанской политической организации, приверженной Коминтерну (структуре, объединявшей партии III Интернационала). По всей вероятности, эти добровольцы принадлежали к итальянской общине, существовавшей в Барселоне, к которым присоединилось несколько «атлетов», приехавших на Спартакиаду. Другие итальянцы, жившие в Барселоне, зачастую отлично известные фашистским властям в Италии, привлекали к себе внимание с первых дней военного мятежа, как, например, Арторидже Ноццолли, шляпный мастер и бывший легионер *Tercio* (Испанского иностранного легиона), который был заведомо участником всех манифестаций против фалангистов и принимал участие во всех ассамблеях местного отделения CNT. Агент итальянской полиции сообщал о нем в Рим: «Ноццолли видели шатающимся по улицам Барселоны с пистолетом и допотопной кавалерийской саблей. Возбуждает и заводит толпу, вынашивает замыслы и планы нападения на фалангистов,

---

¹¹ Наряду с простыми добровольцами и тайными агентами, в Испанию из СССР прибыло также несколько известных деятелей Итальянской коммунистической партии в изгнании, таких как Пальмиро Тольятти и Джанкарло Пайетта, которым предстояло занять важные посты после создания интербригад. Из Советского Союза также приехали будущие командиры интернациональных формирований, старшие офицеры, выпускники Военной академии имени М. В. Фрунзе, Манфред Штерн, он же Эмилио Клебер, Мате Залка, он же Пауль Лукач, Янош Галич, он же генерал Гал, Вильгельм Цайссер, он же Гомес, Кароль Сверчевский, он же Вальтер, и многие другие.

¹² «Колонна им. 19 июля» (исп.).

фашистов и т. д. и одет в форму анархистов». Итальянцы мелькают также в иностранных формированиях, которые стихийно создавались с первых дней гражданской войны. Например, это относится к отряду, именовавшемуся *Centuria Thomas Mann*, который был организован в Барселоне группой английских коммунистов. В этом отряде, насчитывавшем четыре десятка добровольцев, был один уроженец Италии Джордж Тьоли¹³.

Иностранцев в Испании стало заметно больше с конца лета, несмотря на закрытие французской границы. Многие из тех, кто прибыл из-за границы, пересекли пешком Пиренеи, пользуясь многочисленными горными тропами, которые есть в тех краях. Это были убежденные добровольцы. Многие из них уже находились на положении политэмигрантов во Франции, Швейцарии или Бельгии, где существовали ассоциации и группы проживающих там итальянцев. Они имели за плечами годы эмиграции. Новости, приходившие из Испании, представлялись многим сигналом к возобновлению борьбы, в особенности после того, как выяснилось, что испанские националисты пользуются военной поддержкой Муссолини. Первое добровольческое подразделение Коммунистической партии Италии в изгнании было сформировано в Барселоне и 30 августа отправлено на Арагонский фронт. Там оно было объединено с другими отрядами в *Columna Carlos Marx*¹⁴ и впервые вступило в бой в районе Уэски. В конце августа была сформирована еще одна часть итальянских добровольцев, являвшихся сторонниками III Интернационала, получившая название *Centuria Gastone Sozzi*¹⁵. Во главе этого подразделения стояли Анджело Антонини и в дальнейшем Готтардо Ринальди. Политическим комиссаром являлся итальянец бразильского происхождения, член организации *Arditidel Popolo* Франческо Леоне. Впоследствии этот отряд стал 22-й «центурией», входившей в состав *Columna Libertad*, формирования народного ополчения Каталонии, связанного с *Partit Socialista Unificat de Catalunya*.

9 сентября «центурия» с остальными частями «колонны» была перемещена на Мадридский фронт, где на другой день вступила в бой с войсками мятежников в районе Реаль-Сенисьентос,

---

¹³ В «центурию» входили несколько известных английских журналистов левой ориентации, таких как Кейт Скотт-Уилсон и Томас Уинтрингем, впоследствии офицер интербригад, а также совсем юный Эсмонд Ромилли, 17-летний племянник Уинстона Черчилля, автор яркого повествования о боях за Мадрид.

¹⁴ «Колонна им. Карла Маркса» (исп.).

¹⁵ «Центурия им. Гастоне Соцци» (итал.).

прикрывая дорогу на Эстремадуру. К тому моменту, как отряд оказался на передовой, он насчитывал 86 итальянцев, 14 французов, двух бельгийцев, одного датчанина, не менее двух венгров и 34 поляка. Последние составляли пулеметное подразделение, носившее имя «Взвод Ярослава Домбровского». Среди добровольцев фигурировали профессиональные военные, в том числе старшие офицеры, например подполковник Жюль Венсан, поступивший на службу правительству в Мадриде в конце июля 1936 года. Между 16 и 18 октября *Centuria Sozzi* вела тяжелые бои в районе Чапинерии, после чего она была отведена в тыл и сосредоточилась в Альбасете, ставшем базой формирования интернациональных бригад. Там из оставшихся в живых была образована третья рота батальона Гарибальди.

Часть отрядов, созданных PSUC в Каталонии, в том числе имевших в своем составе иностранных добровольцев, в спешном порядке была переброшена на Мадридский фронт, где в начале сентября они принимали участие в боях с националистами, рвавшимися к столице. По сравнению со стычками в Арагоне, бои вокруг столицы были более яростными, и импровизированные части ополченцев дорого заплатили за неподготовленность командиров и недостаток вооружения, состоявшего из старых винтовок, конфискованных на военных складах, зачастую разных типов, так что в одном отряде было оружие разных калибров, что имело губительные последствия в том, что касалось регулярного подвоза боеприпасов. Первые добровольцы-интернационалисты сражались главным образом на Арагонском и Мадридском фронтах, за исключением нескольких небольших формирований, получивших боевое крещение в Стране Басков, куда добровольцы прибывали уже в середине августа для защиты Ируна. Это был единственный пункт, через который северо-западные регионы, сохранившие верность республике, могли рассчитывать на поставки оружия и подкреплений из соседней Франции.

В первых числах сентября 1936 года добровольческими формированиями на этом участке фронта руководил французский социалист Жак Менахем (Menachem), бывший капитан *Armée-de Terre*¹⁶. Всего добровольцев было около шестидесяти, в числе которых было представлено около десятка национальностей. Среди них было человек десять итальянцев, объединившихся в «группу Гориция» во главе с коммунистом из Истрии Ремиджо

---

¹⁶ Сухопутных войск (франц.).

Мауровичем, старым знакомым фашистской политической полиции. Если не считать ветеранов Первой мировой войны, только немногие могли похвастаться каким-то военным опытом. Среди иностранных добровольцев были механики, шоферы, моряки, студенты, и возраст бойцов тоже был очень разный, был даже один отец со своим сыном¹⁷. Вооружение, должно быть, было сборной солянкой и, по всей вероятности, в таком количестве, что его не хватало на всех. Действительно, среди защитников Ируна обращает на себя внимание ополченец Аттилио Галеаццо, назначенный «бомбометателем». Ряд итальянских добровольцев имели военный опыт, как, например, анархист Алесслио Донати, унтер-офицер артиллерии во время Первой мировой войны. Попав под обстрел артиллерии националистов и бомбардировки с воздуха, защитники Ируна понесли тяжелые потери, не имея возможности ответить на огонь. Тем временем противник предпринял наступление на Монте Пикокета, выдвинувшись к деревне Сан-Марсияль к северу от Ируна. Враги пытались взять под контроль дороги, обеспечивающие сообщение с Францией и Каталонией. 3 сентября они собирались захватить Андайский мост, связывавший Ирун с французской границей. За этот стратегический пункт завязался тяжелый бой, продолжавшийся до вечера 4 сентября, когда, исчерпав боеприпасы, ополченцы были вынуждены отступить. Итальянцы Маурович и Донати были убиты в бою у Андайского моста, по которому едва успело перейти во Францию большое число гражданских лиц. Другой итальянский доброволец Арриго Гояк, раненный в сражении, на другой день был убит националистами в больнице Ируна, тогда как еще один раненый доброволец Джованни Баттиста Фрати получил первую помощь в медпункте французской жандармерии. Многие добровольцы бежали через границу, показывая французской страже пустые патронташи. Всего в боях под Ируном пало шесть итальянских добровольцев.

Итальянцы в интернациональных формированиях анархистов

В 1930-х годах значительная часть испанского населения была привержена или симпатизировала идеологии анархизма, которая могла опереться на чрезвычайно эффективную анархосиндикалистскую организацию. В цитаделях рабочего движения

---

¹⁷ Французы Луи и Анри Бирон.

в Каталонии и Арагоне к ней принадлежала почти половина членов профсоюзов. Под аббревиатурами FAI (Federación Anarquista Iberica) и CNT выступали культурные кружки и ассоциации, поддерживавшие связь с анархистскими организациями за рубежом. Тем не менее — в отличие от Коминтерна — анархисты никогда не создавали за границей центров для записи добровольцев и помощи во въезде в Испанию, за исключением созданного французской секцией CNT в местечке Пучсерда, расположенном в восточной части Пиренеев на испанской территории. Городок расположен меньше чем в километре от французской границы, и в июле 1936 года он был избран в качестве базы для пропагандистской работы за Пиренеями с целью укрепления взаимодействия между анархистами двух соседних стран. В марте 1937 года секция начала также брать на себя роль транзитного центра для перемещения помощи и добровольцев анархистских убеждений, направлявшихся в Каталонию. Несмотря на множество трудностей, секция продолжала действовать до мая 1937 года, когда окно захлопнулось в связи с исчерпанием средств и разочарованием, вызванным беспорядками в Барселоне. Приток добровольцев в ополчение шел, таким образом, самыми разными путями на волне энтузиазма активистов. Так или иначе, пик их приезда в Испанию пришелся на конец лета 1936 года. Фашистская полиция в эти недели взяла на заметку многих тайно выехавших из страны, кого рассматривали в качестве наиболее видных итальянских анархистов своего времени и кто жил под надзором полиции. Они с беспримерной смелостью разными путями добрались до Испании. Адриано Феррари, Ренцо Де Перетти и Энцо Костантини — три анархиста, убитых в Барселоне «штурмовиками» (Guardiasde Asalto) в мае 1937 года, — записались в ополчение CNT в январе после того, как дезертировали из одного из подразделений «Добровольческого корпуса», отправленного в Испанию Муссолини. Более длинной, но не такой рискованной оказалась дорога «подрывных элементов» Каламасси, Кокко, Гверрьери, вступивших в «колонну» Francisco Ascaso, также относящуюся к Confederación Nacional de Trabajadores. Они встретились в Шамбери во французской Савойе, пешком преодолели альпийские перевалы, и оттуда направились в Марсель, чтобы сесть на корабль, отплывающий в Барселону.

Отказ от дисциплины и традиционных форм буржуазной армии привел к принятию в ополчении совершенно необычной терминологии в том, что касается названия должностей и подразделений, даже если в ряде случаев речь шла только о кажущихся

отличиях. Организационное устройство «колонн» CNT-FAI повлияло также на другие ополченческие формирования, в том числе относящиеся к каталонскому отделению POUM — партии с заметным отпечатком антисталинизма, являвшейся главным союзником анархистов. Базовым элементом ополчения были собрания, которые принимали все решения на основе принципа прямой демократии, отменяя таким образом традиционную военную иерархию. Небольшое военное подразделение называлось *grupo*¹⁸ или *pelotón*¹⁹ и состояло из 25 ополченцев под командованием делегата, избранного собранием, чей мандат, однако, можно было отозвать в любой момент. Четыре и больше «групп» образовывали «центурию», которой командовал также выборный офицер. Четыре—пять «центурий» составляли *agrupación*²⁰ или *batallón*²¹. Наконец, по меньшей мере, два батальона составляли *columna*. Конечно, старшие офицеры также имели мандат от общего собрания, однако в отрядах CNT-FAI существовал своего рода постоянный штаб, куда входили ополченцы, обладавшие военными знаниями. Эти люди были объединены в *Consejo Técnico-Militar*²², непосредственно подчиненный *Comité de Guerra*²³, органу военно-политического руководства крупнейших подразделений²⁴. Даже на более высоком уровне должности оставались выборными, хотя с установлением иерархии самодисциплина обязывала ополченцев подчиняться приказам, по крайней мере — до следующего собрания. Благодаря работам Дэвида Берри, который смог исследовать архивы CNT-FAI, мы имеем более обширную картину интернационального участия в анархистских формированиях, начиная с июля 1936 года. Обнаруженные историком списки включают имена итальянцев, немцев, швейцарцев, болгар, русских, чехов, португальцев, бельгийцев, голландцев и представителей других неустановленных национальностей²⁵.

---

¹⁸ Группа (*исп.*).

¹⁹ Взвод (*исп.*).

²⁰ Объединение (*исп.*).

²¹ Батальон (*исп.*).

²² Технический военный совет (*исп.*).

²³ Военный комитет (*исп.*).

²⁴ В прославленной Columna Durruti, которой командовал известный и уважаемый лидер анархистов Б. Дуррути, должность в Consejo Técnico занимал француз Луи Бертомье, являвшийся также выборным командиром иностранных добровольцев.

²⁵ Большинство добровольцев, прибывших из-за границы, а именно 332 человека, прошло через Columna Durruti, тогда как другие, в основном французы,

По недосмотру составителя список этот далеко не полный и прежде всего не принимает в расчет добровольцев с каталанскими, испанскими и баскскими именами, которые могут оказаться французами либо выходцами из ряда стран Южной Америки. Согласно тому же источнику, 19 французских ополченцев сражались также в итальянской секции *Columna Ascaso*.

В конце августа итальянские добровольцы «колонны Дуррути» объединились с французами, чтобы сформировать отряд из пятидесяти человек, который стал называться *Grupo Sébastien Faure*²⁶ — по имени проповедника анархизма родом из Сент-Этьена — и вскоре превратился в *1ª Centuria Internacional Anarquista*. Около 130 итальянских добровольцев влилось в ряды *Columna Francisco Ascaso*, образованной в Барселоне каталонскими и арагонскими анархистами в августе 1936 года.

Наряду с анархистским движением, основными итальянскими антифашистскими организациями, которые из-за границы побуждали своих сторонников принять участие в испанских событиях, были «Справедливость и свобода», Партия социалистов-максималистов, левая оппозиционная группа в Коммунистической партии, под руководством Амадео Бордига, и Республиканская партия. С ними нашли общий язык некоторые коммунисты и социалисты-реформисты, не согласившиеся с выжидательными директивами Итальянской Коммунистической и Итальянской Социалистической партий, которые, следуя указаниям тех Интернационалов, к которым они принадлежали, призывали собственных членов собирать для Испанской Республики деньги, продовольствие и медикаменты, однако не поддержать ее с оружием в руках.

Прием итальянских добровольцев в эти отряды осуществлялся без строгого соблюдения принципа политической принадлежности, как это было в других иностранных формированиях, и мы видим многочисленные примеры совместной службы добровольцев, приверженных разной идеологии. Считается, что анархист Камилло Бернери был первым, кто предложил сформировать подразделение, куда могли бы вступить все итальянские антифаши-

---

до конца 1936 года, похоже, стекались в подразделение Ortiz, присоединяясь к десяти французским добровольцам, бывших там уже в конце июля. Другие иностранцы фигурируют в списках «колонн» Los Aguiluchos, Libertad, Española, Hilario Zamora, Garcia Oliver и Aviaiores. За исключением «колонны» Libertad, участвовавшей в обороне Мадрида, все остальные занимали позиции на Арагонском фронте.

²⁶ «Группа им. Себастьяна Фавра» (исп.).

сты независимо от идеологии. За такую возможность ухватились другие эмигранты-антифашисты, и было принято решение, что те, кто не является анархистом, могут поступать в одну из «колонн», находившуюся под контролем CNT. В свою очередь анархисты отказывались придавать подразделению особый характер, отвечающий их идеологии. 5 августа 1936 года было заключено соглашение с другими партиями: «Итальянские антифашисты, вступившие в отряды CNT и FAI, — сказано в постановлении собрания, — шлют братский привет итальянским добровольцам-антифашистам из «Справедливости и свободы», Партии социалистов-максималистов, Республиканской партии и «Социалистического республиканского действия» («*Azione Repubblicana Socialista*»), которые, признавая огромную роль испанского анархизма в борьбе с фашизмом, предпочитают наши отряды всем остальным». Немедленно был создан координационный комитет, который должен был проверить и наилучшим образом использовать технические и военные знания бойцов вновь созданного подразделения. Итальянцы, которых возглавлял Карло Росселли, приняли предложение Бернери и объединились в отряд, известный под именем *Colonna Giustizia e Libertà*²⁷, который делился на две части — стрелков и пулеметчиков. Принятие в формирования CNT-FAI такого большого числа добровольцев, не разделяющих идеологии анархизма, с одной стороны, свидетельствует о превосходстве данных частей внутри антифашистского фронта. В то же время это был способ стимулировать присутствие иностранных добровольцев в своих рядах, дабы помешать аналогичным инициативам коммунистов, в особенности тех из них, кто был связан с Коминтерном. Ту же цель, вероятно, преследовало предложение воспрепятствовать притоку иностранцев, высказанное представителем CNT от Барселоны на одном из заседаний в первых числах августа 1936 года, который аргументировал свою мысль тем, что революционное движение должно оставаться делом местных жителей. Действительно, собранием было принято решение временно разместить на границе Каталонии ополченцев-анархистов с целью усилить контроль на границе. Несмотря на первоначальную враждебность по отношению к иностранному присутствию, все анархистские формирования, включавшие добровольцев, прибывших из-за границы, немедленно отправлялись на фронт. До конца лета многочисленные добровольцы разного происхождения успели принять участие в боях в Арагоне в со-

---

²⁷ Колонна «Справедливость и Свобода» (итал.).

ставе *Grupo Internacional*²⁸ «колонны Дуррути», самого значительного иностранного формирования в частях CNT-FAI. В начале ноября часть этой «колонны», которая насчитывала к тому времени семь тысяч бойцов, во главе с Буэнавентурой Дуррути, отправилась в Мадрид, тогда как в Арагоне, на участке фронта в районе Бельчите, осталось другое крупное формирование CNT, «колонна» *Ortiz*, которое в декабре 1936 года включало несколько десятков интернационалистов. «Колонна» *Ascaso*, прибывшая в Арагон в середине августа 1936 года, имела в своем составе «итальянскую секцию» во главе с Карло Росселли и республиканцем из Перуджи Марио Анджелони, тайно выехавшего из Италии в 1932 году; на должность комиссара («responsabile politico») был назначен болонский анархист Виндиче Рабитти. Что касается двух командиров, у Росселли был совсем небольшой военный опыт, однако определенные лидерские качества, тогда как Анджелони, более яркий персонаж, судя по всему, умел найти подход к ополченцам, но сквозь пальцы смотрел на низкую дисциплину своих людей, хотя сам являлся бывшим военным. «Итальянская секция» прибыла на фронт в составе 150 бойцов. Тяжелое вооружение сводилось к четырем станковым пулеметам, а боеприпасы и амуницию перевозили мулы. Наряду с другими отрядами, втянувшимися в бои на Арагонском фронте, «колонна» *Ascaso* получила боевое крещение на рассвете 28 августа 1936 года, когда ей пришлось отбивать штурм националистами Лысой горы, возвышенности на плоскогорье Галоча, расположенном между арагонскими городами Уэска и Альмудевар. Хотя атакующих поддерживали огнем одно орудие и несколько броневигов, ополченцы отчаянно оборонялись, и после четырехчасового боя националисты отступили. Потери были большие, в том числе командир Марио Анджелони, павший вместе с семью другими итальянскими добровольцами своего подразделения. Командование «секцией» перешло к Джузеппе Бифолки, бывшему унтер-офицеру Королевской Армии во время Первой мировой войны.

Хотя случаи дезертирства были весьма редкими, перемещение иностранных добровольцев между подразделениями CNT-FAI делают затруднительным составление некоей общей картины, и наша реконструкция остается фрагментарной. Одним из наиболее важных событий на Арагонском фронте, в котором принимало участие интернациональное подразделение ополчения, были бои под Уэской, развернувшиеся между 6 и 7 апреля

---

²⁸ Иностранной группы (*исп.*).

1937 года, когда «итальянская секция» «колонны» Ascaso вместе с ополченцами POUM попыталась овладеть укрепленным пунктом Карраскал. В рядах атакующих был отряд *бомберо*, обученных анархистом из области Абруцци Антонио Чьери. Он лично руководил операцией и был смертельно ранен.

Самое известное — и в то же время сомнительное — итальянское подразделение внутри анархистского ополчения — Centuria Malatesta, возникшая в Барселоне через несколько дней после мятежа военных по инициативе местного жителя итальянского происхождения Николы Менна. Формирование выросло, когда в его ряды влились итальянские анархисты, проживавшие в Каталонии, а также другие добровольцы после известия о военном перевороте. В сентябре отряд сменил свое наименование на леденящее кровь имя *Batallón de la Muerte*²⁹, сделав своей эмблемой череп и перекрещенные берцовые кости, до того бывшие символом махновщины, и выставив три роты, помимо подразделения «штаба», включенные, наряду с другими интернациональными частями, в «колонну» Ascaso. Члены батальона собрались для обучения военному делу на одной ферме под Сант-Адриа-де-Бесос. Оружие выдал им советник по экономике Женеалитата (Автономного правительства) Каталонии Диего Абад де Сантильян. Информация об этом подразделении подчас весьма противоречива, или скажем так: некоторые важные подробности недоговариваются. Ряд авторов, занимавшихся исследованием ополчения CNT-FAI, вообще не упоминают такого батальона, тогда как другие отзываются о нем хорошо или, наоборот, крайне негативно, ссылаясь на нехорошие истории. В середине сентября 1936 года батальон впервые встретился лицом к лицу с националистами, и результаты оказались совершенно неудовлетворительными. В воспоминаниях итальянского добровольца Франческо Скотти, записанных Давиде Лайоло, упоминается батальон итальянских анархистов, только что прибывший на Арагонский фронт в район Уэски: «Едва я со своей колонной попал на передовую, когда на фронт прибыло странное подразделение, именовавшееся *Batallón de la Muerte*. Это были анархисты, задиры и хвастуны. Они явились из Барселоны и были переброшены на наш участок фронта для взятия Уэски. Со скукой на лице выслушав наши благоразумные советы, они грубо заявили, что многих научили воевать. Уехали на своих грузовиках в сторону траншей под

---

²⁹ Батальон смерти (*исп.*).

Уэской, открыли ураганный огонь, но не прошло и нескольких часов, как они забрались обратно в свои грузовики и укатили в тыл». После провального результата боя под Уэской батальон отправили на переформирование в лагерь Санта-Перпетуа-де-Могода и передали под командование анархиста итальянско-аргентинского происхождения Кандидо Теста, он же Марио Вебер. Неясно, кого новый командир заменил во главе батальона. Согласно некоторым сведениям, до того им руководил Камилло Бернери, однако известно, что из-за проблем со зрением Бернери не появлялся на фронте с середины сентября. Бойцы *Batallón de la Muerte*, тем не менее, не преминули выступить на параде в Барселоне 14 марта 1937 года, оставив о себе противоречивое впечатление, в особенности из-за темной униформы, которую они носили. Она показалась чересчур похожей на униформу «чернорубашечников» Муссолини. Несмотря на пылкий анархизм и романтический ореол преданности делу революции, репутация подразделения оставалась двусмысленной. Газеты итальянских эмигрантов в Аргентине описывали батальон в приподнятом тоне, прославляя подвиги командира и его подчиненных, например Эмилио Страпеллини, стоявшего во главе второй роты, «жителя Трентино родом из Роверето и некогда капитана альпийских стрелков, бывшего секретаря Лиги прав человека в Париже, который 54 месяца провел в ссылке на Липарских островах». «Теста и Страпеллини лучезарными улыбками не отрицают стальной закалки итальянских бойцов». Другие свидетели, напротив, не проявляют такого энтузиазма и восхищения. Несколькими днями раньше доброволец, являвшийся приверженцем «Справедливости и свободы», писал одному из лидеров организации, что не доверяет Тесте, которого он называет жуликом. *Batallón de la Muerte*, по его словам, никто не принимает всерьез. Столь же неясным остается вопрос, над кем были поставлены командиры, которые сменяли друг друга во главе подразделения. На следующий день после новой неудачи при штурме вражеской позиции у Санта-Китерия в окрестностях Тардьенты в апреле 1937 года штаб пришел к выводу, что батальон необходимо доверить грамотному офицеру. Из числа кандидатов выбор пал на Франческо Фаусто Нитти, племянника итальянского государственного деятеля Франческо Саверио Нитти. Он участвовал в Первой мировой войне и был сторонником движения «Справедливость и свобода». Тем не менее Нитти никогда не упоминал об отряде, которым руководил (некоторые авторы помещают его во главе другого

подразделения CNT-FAI: *Batallón Rojo y Negro*³⁰), сделав историю крайне запутанной. Впрочем, данные, касающиеся имен командиров, не совпадают. Отметим, что Кандидо Теста, все еще считавшийся главой батальона, в середине июня находился в госпитале в Барселоне из-за ранения, полученного в Уэске. С другой стороны, некоторые документы усугубляют неясность. Донесение о состоянии 153 Смешанной бригады от 27 ноября 1937 года удостоверяет, что Нитти командовал третьим батальоном бригады. Если верно то, что он был командиром *Batallón de la Muerte* с 19 мая по 15 июля 1937 года, то тогда можно сделать вывод, что подразделение стало одним из батальонов бригады. Если предположить, что Нитти был в курсе действий отряда и репутации Кандидо Тесты, кажется правдоподобным, что он мог предпочесть не распространяться по этому поводу. Вскоре он поспешит принять должность командира артиллерийской батареи в 140-й бригаде республиканских войск. В то же время в воспоминаниях команданте *Ejercito de Aragón*³¹ Висенте Гуарнера упомянут целый ряд иностранных подразделений внутри формирований ополчения, в частности «центурии» «Справедливость и свобода» и *Batallón de la Muerte*, и подтверждает участие последнего в беспорядочной атаке на Альмудевар. Далее Гуарнер вспоминает факт перевода всех боеспособных ополченцев в район Монтальбана в окрестностях Каламочи, где они оказались втянуты в бои, которые шли с переменным успехом и всегда с большими потерями. В конце лета 1937 года батальон якобы был распушен, и значительная часть его членов вернулась во Францию, а оставшиеся согласились перейти в 12-ю интербригаду. Напротив, согласно Карлосу Энгелю — автору книги «Бригады смешанного состава в Народной армии»³², — в мае 1937 года он был включен в 142-ю Бригаду смешанного состава, наряду с одним баскским и одним испанским батальонами. На должность командира подразделения был избран итальянец Алессандро Контини. Затем в октябре бригада была распушена, и весь личный состав влился в 32-ю дивизию.

На том же Арагонском фронте в составе ополчения CNT-FAI еще до конца лета 1936 года была образована также интернацио-

³⁰ Красно-черный батальон (исп.) (по цветам красно-черного флага анархистов. — *Прим. ред.*).

³¹ Арагонской армии (*исп.*).

³² См.: Engel Masoliver C. Historia de las Brigadas Mixtas en el Ejercito Popular. Madrid, 1999.

нальная артиллерийская батарея, получившая название *Bateria Sacco y Vanzetti*. Некоторое время ею командовал французский анархо-синдикалист Поль Шасон, действовавший под военным псевдонимом Максимо Мас. Подразделение было сформировано из итальянских добровольцев, десятка немцев, не считая представителей многих других национальностей. Помощником командира и военным советником до марта 1937 года являлся коммунист-«диссидент» Эрнст Гюнтер, в прошлом офицер германской армии. Батарея входила в *Columna Tierra y Libertad*³³, которая считалась одной из отборных частей каталанской CNT-FAI. В конце сентября она была отправлена на Мадридский фронт, где она участвовала в обороне города. Затем в апреле следующего года эта «колонна» была включена в состав 153-й бригады, в рядах которой снова сражалась в Арагоне в районе Теруэля и Куэнки.

В одном тщательном исследовании, написанном на основе архивных материалов FAI–CNT, указывается, что, по меньшей мере, 1500 добровольцев из других стран находились в рядах анархистских подразделений между июлем 1936 и апрелем 1937 годов, то есть до того момента, когда ополчение *Confederales* было окончательно включено в республиканскую армию. На таком новом фоне выделяются карьеры отдельных иностранных командиров, например «анархистского полковника» и будущего командира партизан Эмилио Канци, до июня 1937 года возглавлявшего бригаду 26-й дивизии. Известный впоследствии как «анархистский полковник», Канци участвовал в Первой мировой войне в звании сержанта берсальеров, а потом стал одним из главных организаторов движения «*Arditi del Popolo*» в Пьяченце. Эмигрировавший в конце 1928 года, он примчался в Испанию, едва узнав о военном перевороте, и записался в ополчение CNT-FAI. Огорченный, наряду со многими другими итальянскими анархистами, внутренней политикой республиканцев, Канци оставил службу и уехал из Испании в 1938 году³⁴.

---

³³ Колонна «Земля и свобода» (исп.).

³⁴ Схваченный итальянской полицией, Канци был заключен в концентрационный лагерь Ангьяри, а после 8 сентября 1943 года и начала войны за освобождение сумел бежать и присоединился к сопротивлению в Тоскано-Эмилианских Апеннинах. Канци был главой партизанского движения в Пьяченце и погиб при неясных обстоятельствах в ноябре 1945 года. Это случилось в результате некоего дорожного происшествия, которое произошло после того, как он передал все свое имущество персоналу больницы, где до того находился на излечении.

С июня 1937 года иностранное присутствие в республиканской армии, в том числе присутствие итальянцев, становится трудно-определимым, в частности, ввиду того, что многие добровольцы покинули Испанию перед лицом угрозы репрессий, развязанных правительством Негрина после событий в Барселоне. Эта волна слепых и безрассудных репрессий смела в том числе одного из главных поборников международного участия в гражданской войне, итальянца Камилло Бернери, расстрелянного в Барселоне 5 мая 1937 года вместе с его ближайшим соратником Франческо Барбьери. Итальянское присутствие в отрядах CNT-FAI следует считать наиболее многочисленным и ценным, достигавшим не менее 500 добровольцев. Следом шли французы, которых было свыше 300, и немцы, чья численность составляла 250 бойцов³⁵.

Итальянцы в иностранных частях POUM

Каталанский коммунист Андреу Нин, несколько месяцев являвшийся личным секретарем Льва Троцкого, был харизматическим лидером POUM — *Partido Obrero de Unificación Marxista*³⁶ — политической организации, ставшей в Испании важным ориентиром в море коммунистического инакомыслия по отношению к Сталину. Хотя сам Троцкий откrestился от деятельности партии Нина, многие из иностранных добровольцев, не разделявшие выжидательной позиции партий, связанных с Москвой, стекались в отряды POUM, которые, таким образом, пополнялись не только сторонниками IV Интернационала, но также представителями всего спектра революционных сил марксистской ориентации.

Штаб POUM располагался в Лериде, однако затем он переместился в Барселону. Это произошло одновременно с созданием в этом городе Центрального Комитета антифашистских отрядов, к которому примкнула также CNT-FAI. В августе командование отрядами POUM было впервые доверено иностранным добровольцам. Они вскоре сформируют *Columna Internacional Lenin*, которая к середине сентября имела в своем составе примерно

---

³⁵ Другие добровольцы-анархисты, приезжавшие в Испанию поодиночке или более или менее организованными группами, были из Швейцарии, России, Аргентины, Польши, Венгрии, Болгарии, скандинавских стран, США и Великобритании.

³⁶ Рабочая партия марксистского единства.

250–300 бойцов разных национальностей, сведенных в Batallón de choque во главе с немецкими офицерами.

Среди этих добровольцев существовала «Итальянская группа», в которую входили сторонники партии социалистов-максималистов и левого крыла коммунистов, которое возглавлял Бордига. Плечом к плечу с другими частями POUM «Ленин» принимал участие в боевых действиях в Арагоне, воюя в районе Уэски вплоть до штурма траншей Карраскала в апреле 1937 года. В это время «колонна» превратилась в 29-ю дивизию Народной Армии, включавшую добровольцев из дюжины стран, преимущественно итальянцев, немцев, англичан и французов³⁷. После майских событий в Барселоне по наущению РСЕ и советских секретных служб POUM была объявлена вне закона, и все ее структуры разгромлены в первых числах июня 1937 года. С этого момента многие иностранцы «Ленина» были вынуждены искать спасения от тюрьмы или расстрельной команды. Лишь немногие, главным образом немецкоязычные добровольцы, влились в интербригады.

Эпилог

Решение республиканского правительства от 30 сентября 1936 года о передаче под общее командование всех военных формирований было встречено с непониманием в рядах подразделений, спонтанно возникавших на другой день после военного мятежа. Многие среди взявших оружие анархистов и бойцов POUM, открыто стоявших на антимилитаристских позициях, плохо восприняли идею вхождения в армию и подчинения приказам офицеров, назначенных вышестоящим начальством. Непонимание усугубилось, когда обострился политический конфликт внутри антифашистского лагеря. Споры среди членов формирований CNT-FAI были жаркими, и в них оказались вовлечены лидеры движения, такие как сам Буэнавентура Дуррути и «Coronel Delegado» Сиприано Мьера, так или иначе выступавшие за создание такой военной структуры, которая была бы в состоянии продолжить борьбу и победить. В то же время скромные результаты, достигнутые ополченцами, и заплаченная ими дорогая цена понесенных в боях потерь были аргументом в пользу того,

---

³⁷ Согласно недавним исследованиям Энди Даргана, в отрядах POUM так или иначе действовало как минимум 700 иностранных добровольцев, среди которых было много женщин.

чтобы руководство операциями осуществлялось иначе. Отовсюду приходили свидетельства того, как некомпетентность и безответственность командиров оборачивались настоящими катастрофами, вызывая огромные человеческие потери. Или, как, например, это было на Арагонском фронте, критике подвергалось бестолковое проведение операций, что пагубно сказывалось на боевом духе добровольцев, взявших оружие. Хотя Арагонский фронт вроде бы стабилизировался, ополчение было неспособным не только решить главную задачу, а именно отвоевать Сарагосу, но даже овладеть такими небольшими городами, как Теруэль и Уэска, все еще остававшимися в руках врага. Разный ход боевых действий на отдельных фронтах приводил к разному пониманию нужд реформирования армии. Споры по поводу превращения ополчения в регулярные части были особенно жаркими на востоке страны, тогда как на центральном фронте вокруг Мадрида тяжесть боев убедила даже самых упорных оппонентов в необходимости введения методов и дисциплины регулярных войск. Как пишет Майкл Альперт в своей «Истории Республиканской армии в Гражданской войне»³⁸, по сравнению с ополченцами в Арагоне, ополченцы Мадрида выглядели закаленными ветеранами, которые приняли эти перемены без особенной истерики. Успешная оборона Мадрида явилась первой победой республиканских сил. После этой пробы сил командиры ополчения имели более ясную картину ситуации и смогли прийти к осознанию своих военных возможностей. Тем не менее и в Мадриде *Milicia Popular*³⁹ заплатила за успех потерей важных лидеров. Гибели Буэнавентуры Дуррути, видимо, было суждено изменить общее равновесие на республиканском фронте. Иностранцы добровольцы также оплакивали потерю крупных фигур, в частности политического комиссара батальона «Тельманн» Ханса Баймлера, павшего в испанской столице в конце декабря 1936 года. Это был человек, который был в состоянии выступить посредником между разными политическими линиями и поддержать диалог в антифашистской коалиции. Острая дискуссия по поводу милитаризации ополчения, по всей вероятности, имела отклик в том числе среди иностранных добровольцев. Так, между январем и мартом 1937 года почти все французы и итальянцы из интернациональной роты вновь создаваемой 26-й дивизии (бывшая *Columna Durruti*) в знак протеста покинули формирование, тогда как двадцать

---

³⁸ Alpert M. El ejército republicano en la Guerra Civil (Historia). Madrid, 1989.

³⁹ Народная милиция.

других иностранцев пожелали вступить в интербригады. В апреле 1937 года интернациональная рота «колонны» на две трети состояла из одних немцев и швейцарцев. Те, кто решил — несмотря ни на что — остаться, просили, чтобы было отменено обязательное отдание чести, солдаты и офицеры получали одинаковое жалование, оставалась свобода печати, дискуссий и создания новых солдатских советов.

Милитаризация ополчения продолжала оставаться серьезной проблемой тем, что большинство соглашалось перетерпеть в ожидании, что будут изданы новые военные законы. Тем не менее подсчитано, что как минимум тысяча ополченцев, входивших в анархистские организации, до апреля 1937 года оставили Арагонский фронт в знак протеста против «соглашательской» позиции CNT. Усугубляющемуся неприятию армейских порядков способствовало возрастающее влияние коммунистов — существенно увеличившееся с того момента, когда в Испанию стали прибывать советские военные советники. Ополченцам-анархистам, наряду с другими политическими силами, не имеющими отношения к Коминтерну, все это нравилось мало или не нравилось совсем. Как горько заметил весной 1937 года американский доброволец из «колонны» Дуррути Билл Вуд, похоже, CNT утратила всякое влияние на Народную Армию. Анархистов обвиняли в слепом и ужасающем насилии в отношении представителей церкви, в том, что для них на первом месте оказываются личные интересы и идеология — то есть для них важнее продолжение революции, нежели общее дело победы в войне, — что они продолжают выступать против военной реформы. В конечном счете — играют на руку врагу, если не состоят с ним в сговоре. Акты насилия со стороны некоторых неконтролируемых отрядов однозначно бросали тень на CNT-FAI, но ужасы гражданской войны и беспощадные убийства врагов касались не одних анархистов, которые — наряду с другими политическими силами — сражались с первого дня. Пропагандистская работа партий, связанных с ВКП (б), была нацелена против наиболее радикальных политических движений. Она доходила до того, что распространяла внутри республиканского фронта традиционную концепцию экстремизма и того негативного влияния, который он имел на армию. В скором времени анархисты, но также вообще все антисталинисты, стали мишенью клеветнических кампаний, под конец превратившись в козлов отпущения, подлежащих физическому уничтожению. Даже созданные по инициативе Коминтерна интернациональные бригады воспринимались анархистами и троц-

кистами как очередная попытка коммунистической партии взять под контроль армию, поскольку многие из иностранцев, которые находились в Испании, вступали в новые формирования. Впрочем, то, что это имело место, объяснимо, так как регулярное снабжение и самое современное вооружение поступали только в те части, которые отвечали политике Сталина. Когда впоследствии правительство Ларго-Кабальеро пало и был сформирован новый кабинет, возглавляемый Хуаном Негрином, московская пропаганда разрушила репутацию анархистов и других несогласных с директивами Коминтерна, побуждая политическую полицию действовать железной рукой с целью устранения лидеров своих политических противников и вызвав полемику, не прекратившуюся, на самом деле, по сей день. Конфликты, вспыхнувшие почти повсеместно, непоправимо нарушили политическую спаянность антифашистского фронта. Некоторые признаки сложности политического сосуществования в среде иностранных добровольцев обнаружались еще в январе 1937 года, хотя, по сравнению с тем, что случилось потом, это были всего лишь небольшие трения. Случилось так, что часть итальянцев, состоявших в «центурии» «Справедливость и свобода», из-за разногласий по поводу выбора одного офицера вышла из состава «колонны Франсиско Аскасо», относящейся к CNT. Действительно, Карло Росселли предложил на должность офицера добровольца Отторино Орландини, некогда члена Народной партии, но против его назначения выступили другие, кому не нравился командир-католик. Кроме того, некоторые обвиняли предложенного Росселли кандидата в том, что в Италии он скомпрометировал себя контактами с фашистами, и дошло до разговоров о том, не является ли он вражеским агентом. По этой и другим причинам Росселли был смещен с поста командира, и около 50 добровольцев вышли из итальянской «колонны» и образовали отдельное подразделение, которое стало называться *Centuria Matteotti* и было включено в интернациональный контингент «колонны Дуррути». Впоследствии большинство перешло в батальон «Гарибальди», относящийся к интернациональным бригадам. Разнообразие идеологических ориентаций, отличавшее в целом республиканский фронт, порождало бесконечные проблемы, однако они проявлялись главным образом в тылу и в армейском командовании, ибо на фронте наблюдались сплоченность и поразительный дух товарищества между бойцами; политическая принадлежность отступала, в конечном счете, на второй план. Верные своим убеждениям, многие из тех, кто прибыл в Испанию в первые дни войны, сражались

скорее за революционные идеалы, нежели защищали правительство в Мадриде, которое, погрязая в политических дрязгах, объявляло их врагами народа и преследовало как фашистских шпионов.

Итальянцы в интернациональных бригадах:
12-я бригада «Гарибальди»

Для Коминтерна и Москвы формирование бригад представляло возможность стать самостоятельной силой в Испании и иметь военный корпус для участия в гражданской войне. Бригады в прямом смысле возникли как символ международной солидарности в деле прогресса, как демонстрация того, что рабочие всего мира готовы отдать жизнь, чтобы остановить наступление фашизма. В то же время Коминтерн в соответствии с директивами его генерального секретаря Георгия Димитрова так долго, пока это было возможно, пытался скрывать работу по набору добровольцев, дабы интербригады представлялись результатом спонтанного движения масс. В итоге поток добровольцев в Испанию продолжал включать многих коммунистов, находившихся в открытом конфликте с Москвой, — таких было много особенно среди немцев, приехавших в Испанию в возмужавшем числе с первой фазы гражданской войны. Впрочем, многие из тех, кто прибыл в Барселону летом 1936 года, предпочли присоединиться к революционным отрядам анархистского или троцкистского толка, где распространенным убеждением было то, что Коминтерн предал дело революции и что до революции теперь рукой подать в Испании. Поддержав теперь проект интербригад, Сталин мог вновь завоевать симпатии коммунистов всего мира и вернуть согласие, которое было омрачено его обращением к политике Народного фронта, но в то же время выглядеть в глазах либеральных правительств посредником, способным помешать подъему революционного движения. При помощи интербригад Москве удалось с успехом распространить свое влияние на левые движения, в особенности там, где коммунистических партий еще не существовало либо они были слабы, как, например, в США. Чтобы скрыть подлинный размах развернутой деятельности, центры по набору добровольцев, создаваемые антифашистскими организациями, располагались в довольно неожиданных местах. На француско-испанской границе еще до конца 1936 года Коминтерн организовал центр, который должен был ускорить приток добровольцев. Его возглавлял итальянец Джулио Черрети.

В Альбасете, ставшем военным лагерем интернациональных бригад, был образован первый итальянский батальон, взявший имя героя итальянского Рисорджименто Джузеппе Гарибальди. В планах командования было формирование целых бригад на национальной основе, и итальянская бригада должна была получить номер 12. Вместе с тем начальная история этого подразделения показывает, что речь шла о смешанном формировании. Наряду с 11-й бригадой, 12-я вынесла наибольшее число боев, чем любая другая интернациональная часть. Изначально сформированная в Террасона и Майора, она включала батальон «Гарибальди», а также немецкий батальон «Тельманн» и французский «Андрэ Марти». Командовал бригадой венгр, натурализовавшийся в Советском Союзе, — Мате Залка (Пауль Лукач). Первым начальником штаба был Карло Луканов, он же полковник Белов. Луиджи Лонго получил должность политического комиссара. Накануне отправки на фронт его сменил немец Густав Реглер. Батальоны еще ожидали снаряжения, когда внезапное наступление националистов на Мадрид заставило события развиваться быстрее, и 9 ноября добровольцы выступили на фронт. Они были приданы корпусу стратегического резерва Главного Штаба. Бригада имела в строю 1600 бойцов, не располагала артиллерийской поддержкой, а батальон «Андрэ Марти» мог выставить только пулеметную и две стрелковые роты. Последний состоял из французов и бельгийских валлонов, кроме того — небольшого числа франкоговорящих швейцарцев и живших во Франции испанцев. Штат подразделения дополнял отряд конной разведки, укомплектованный главным образом поляками и югославами. 13 ноября три батальона атаковали Гору Ангелов⁴⁰ в южном секторе обороны города. Это был укрепленный монастырь, защищавший правый фланг вражеского фронта. Несмотря на укрепленную позицию, которую обороняли регулярные армейские части, атакующие добились серьезного успеха. Через неделю люди Лукача заменили 11-ю бригаду в обороне университетского городка, где в течение семи дней они ожесточенно дрались за каждый дом, защищая квартал от яростных атак врага, не жалевшего снарядов и авиационных бомб. Бригада была отведена с этого участка фронта 27 ноября на переформирование. Батальон «Тельманн» был передан в 11-ю бригаду, а штат пополнен бойцами батальона «Домбровский», только что прибывшего из Альбасете. С этими силами подразделение снова вступило в бой с противником в районах Араваки и Посуэло, затем в кон-

---

⁴⁰ Место в мадридском пригороде Хетафе. — *Прим. ред.*

це года получила приказ оборонять дорогу на Ла-Корунью, где отразила врага при защите Боадильи. В первых числах января 1937 года отряд конной разведки был увеличен до размеров неполной роты и получил название *Grupo Internacional de Caballeria*⁴¹. В начале нового 1937 года бригада под командованием Рандольфо Паччарди, заменявшего Лукача, который отсутствовал несколько дней, заняла позиции в районе Гвадалахары, где пошла в наступление на деревни Мирабуэно и Лос-Альмадронес, взятые между 12 и 14 января, но продвижение вперед застопорилось тремя днями позже на подступах к Монте-де-Сан-Кристобаль. 6 февраля националисты нанесли удар в долине реки Харамы, вынудив республиканское командование истратить все силы, которыми оно располагало. Бригада, входившая в состав 11-ой дивизии генерала Энрике Листера, направила свои батальоны на защиту мостов в Арганде и Пиндоке. Здесь батальон «Андрэ Марти» был опрокинут неожиданной атакой противника и потерял при отступлении много людей и военного снаряжения. Восьмого марта во время боев в районе Гвадалахары батальоны «Домбровский» и «Гарибальди», действовавшие при поддержке батальона «Андрэ Марти» и роты броневигов, были спешно отправлены, наряду с испанскими частями, на участок фронта в район Алькаррии для отражения атаки итальянцев из дивизии «Литторно» и четырьмя днями позже перешли в контрнаступление. Батальон «Гарибальди», фланги которого прикрывали два других подразделения, получил приказ атаковать укрепления Паласьо-де-Ибарра, где находилась вражеская артиллерийская батарея. «Гарибальдийцы» отбили попытку итальянских военных прорвать окружение, затем через пролом проникли внутрь укрепления и опрокинули защитников, которые после непродолжительного сопротивления сложили оружие. В руки «гарибальдийцев» попали 262 пленных с большим количеством военного снаряжения, а именно артиллерийскими тягачами, тремя орудиями, шестью грузовиками, станковыми пулеметами, мотоциклетами, продовольствием и другими военными припасами. Этот успех был разрушительным ударом по пропаганде Муссолини. В ходе республиканского контрнаступления бригада 13 марта заняла Бриуэгу и до конца месяца выдержала другие бои в Мората-де-Тахунья и Серро-Гарабитас. Затем ее перебросили на Арагонский фронт в район Уэски, где в июне 1937 года она участвовала в наступлении республиканцев, потеряв своего командира «генерала Лукача», убитого артиллерийским огнем на-

---

⁴¹ Иностранная конная группа (*исп.*).

ционалистов. Отведенная в тыл в район Тортосы, Фуэнкарраль и Вальдеаверо на переформирование, бригада получила новые батальоны. Несмотря на многообещающее начало и приток итальянских новобранцев, летом 1937 года стало все труднее восполнять потери одними итальянскими добровольцами и сохранять бригаду как национальное формирование. Впрочем, та же проблема стояла перед другими интернациональными подразделениями. Потому новые батальоны, будучи сформированными из итальянских добровольцев, пополнялись, однако, испанскими новобранцами. Один из новых батальонов стал называться «Фильо», тогда как другой получил имя «II Batallón Italo-Español»⁴². Третий батальон был укомплектован в октябре. Чтобы пополнить бригаду добровольцами, которых можно было бы «ассимилировать» в рядах итальянцев, набирали жителей Далмации, албанцев и даже эфиопов. В одном рапорте, составленном Луиджи Лонго, сказано, что «интернациональное» участие в бригадах к тому времени составляло 35 % личного состава. Сокращающийся приток новобранцев из-за границы мог только скорректировать, но не обратить вспять тенденцию, заключавшуюся в возрастании испанского элемента в интербригадах. Среди этой убыли были безрадостные новости, приходившие из Испании. К неудачам республиканских войск добавились споры вокруг беспорядков и репрессий, имевших место в Барселоне, и, возможно, рассказы вернувшихся оттуда, кому испанский опыт представлялся отнюдь не романтическим приключением. Хотя трудности при пересечении французско-испанской границы отчасти играли роль сдерживающего фактора для тех, кто хотел добраться до Испании, тем не менее неудача наступления при Брунете стала своего рода рубежом в истории интербригад. С июля 1937 года убыль добровольцев делается все более заметной, и это сопровождается возрастанием недовольства, в особенности среди тех, кто думал, что отбыл свой срок, но был вынужден оставаться в рядах сражающихся. Руководство Коминтерна отдавало себе отчет в том, как трудно исполнять задания по отправке в Испанию новобранцев для поддержания на плаву интернациональных бригад, принимая в расчет тот факт, что такая действенная организация, как Итальянская Коммунистическая партия в изгнании, в феврале 1938 года еле-еле смогла послать на фронт 34 добровольца вместо 400, обещанных ежемесячно год назад.

Вновь под командованием Рандольфо Паччарди, бригада, теперь прикомандированная к 45-й дивизии XXI корпуса армии

---

⁴² Итало-испанский батальон.

«Ejército de Maniobra»⁴³, была отправлена в начале июля в район Брунете и брошена на штурм Вильянуэва-дель-Пардильо, которая была захвачена после ожесточенного боя. Затем 11 июля военное счастье оказалось на стороне противника, и завоеванные позиции были оставлены одна за другой. В конце месяца войска были отведены в тыл на переформирование. Паччарди — раненный в бою — уступил командование социалисту Карло Пенкьенати, который руководил 12-й бригадой во время наступления под Бельчите. В ходе боев августа 1937 года 12-я бригада штурмовала вражеские окопы в Фарлете; затем — в конце наступления — отправилась на переформирование в Бинефар, где произошла новая смена командования с прибытием в бригаду француза Франсуа Бернара. Переброшенные в Эстремадуру, район Сьерра-Кемада, «гарибальдийцы» сражались во время республиканского наступления на этом участке фронта, где оставались до конца года. Новый командир Артуро Занони, заменивший Бернара в ноябре 1937 года, был смещен с должности после неудачной ночной атаки 16 февраля, которая окончилась беспорядочным отступлением республиканцев. Его место занял испанский майор Элой Парадинас Керо. В марте 1938 года 12-я бригада прибыла на Арагонский фронт для отражения вражеского наступления на Медиану, откуда затем откатилась, заняв оборону дороги Гандеса—Тортоса. В этих боях целая рота была окружена и уничтожена. Бывшие вместе с ней командир Парадинас и политический комиссар Квинто Раймонди, он же Баттистатта, попали в руки мятежников и были расстреляны 2 апреля в Гандесе. Под командованием итальянского коммуниста Мартино Мартини (псевдоним Алессандро Вайя) бригада была отведена в Каталонию для отдыха и пополнения. В нее вошла артиллерийская группа «Шкода-Баллер» в составе трех батарей, конный отряд был расформирован, а батальоны пополнены главным образом местными новобранцами. В июле бригада «Гарибальди» снова была направлена в Арагон для участия в наступлении на реке Эбро. До 14 августа батальоны бригады находились в резерве, а затем переместились на передовую, где сменили части 11-й дивизии в районе Сьерра-де-Пандольс. Пойдя на штурм вражеских позиций на Орлиной горе, известной как «высота смерти», обескровленные батальоны 12-й овладели вершиной поздней ночью. В сентябре главная арена боев сместилась в район Вента-де-Кампосинес, где бригада понесла тяжелейшие

---

⁴³ Маневренной армии (*исп.*).

потери в боях за высоты 382, 356, 371 и Колль-дель-Коссо, после чего — 23 сентября — началась эвакуация иностранных добровольцев. В январе 1939 года во время наступления националистов в Каталонии итальянские добровольцы, которые ожидали переправки через границу, воссоздали зачаток бригады «Гарибальди», вошедший в *Agrupación Szuster*, с намерением присоединиться к республиканским силам, обороняющим Льягостеру, однако, когда исчезла всякая возможность к сопротивлению, отступили и 19 февраля по дороге, идущей вдоль побережья, ушли во Францию. В лагерях беженцев во Франции насчитывают как минимум 1533 итальянских добровольца, перешедших границу.

Наконец, стоит упомянуть двух итальянских добровольцев, которые достигли командных постов помимо интербригад. Первый казус касается Альдо Моранди, или Риккардо Формика (1896–1975), одного из итальянцев, кому было суждено достичь высоких чинов в *Ejército Popular*, став командиром 63-й дивизии на Арагонском фронте в октябре 1937 года. До того он побывал на должностях инструктора новобранцев, начальника штаба и командира батальона в интербригадах. Наряду с ним Нино Нанетти (1906–1937) был вторым итальянцем, ставшим командиром дивизии республиканской армии, однако, в отличие от своего соотечественника, никогда не имевшим отношения к интернациональным бригадам. Гражданскую войну в Испании он целиком прошел в отрядах ополчения, а затем подразделениях Народной Армии. В декабре 1936 года Нанетти возглавлял 35-ю Бригаду смешанного состава, а затем, в период битвы при Гвадалахаре, — 12-ю испанскую дивизию. Впоследствии он командовал дивизией в Стране Басков, где был смертельно ранен.

Статистика

Благодаря исследованиям Итальянской ассоциации добровольцев-антифашистов, сражавшихся в Испании, а также исследованиям Пьетро Рамелла и Марко Пуппини, мы имеем выборку в 140 добровольцев, чьи биографии восстанавливаются довольно детально, включая, как правило, дату рождения, профессию и другие сведения, которые могут быть использованы для весьма развернутой статистической картины. В этом списке фигурирует также одна женщина, миланская анархистка Анджелика Астольфи, замеченная в Барселоне в 1938 году. Один доброволец оказался уроженцем острова Родос. У него явно греческие

имя и фамилия, однако он был жителем Империи. Два других были из Швейцарии и, следовательно, могут быть швейцарскими гражданами, говорящими на итальянском языке.

Год отъезда из Италии

Выехавшие до 1936 года	47,2 %
Эмигрировавшие до 1921 года либо дети эмигрантов	28,9 %
Выехавшие после 1936 года	16,7 %
Нет данных	7,2 %

Профессия

Рабочие	31,6 %
Ремесленники	17,9 %
Крестьяне	7,3 %
Предприниматели	6,3 %
Транспортники	6,3 %
Военные	2,1 %
Преподаватели	2,1 %
Другие*	2,7 %
Нет данных	23,7 %

* Один адвокат, один театральный актер, один страховой агент, один публицист, один редактор. Среди военных — два унтер-офицера и один подполковник: Паоло Авогадро, уроженец провинции Новара, изгнанный из Королевской Армии, когда стало известно о его принадлежности к организации «Справедливость и свобода», и тайно эмигрировавший в 1938 году.

Возраст

До 21 года	2,8 %
От 22 до 30 лет	26,9 %
Старше 31 года	46,8 %
Старше 40 лет	11,4 %
Старше 50 лет	4,2 %
Нет данных	7,9 %

Итальянские добровольцы в подразделениях CNT-FAI
(август 1936 — январь 1937)¹

Columna Durruti, Grupo Internacional	65
Columna Ascaso	240
Columna Ortiz	18
Columna Garcia Oliverai	2
Columna del Rosal (включая батарею Sacco y Vanzetti)	30

¹ По данным Берри, Неллеса, Энценсбергера и Альперта.

Итальянские добровольцы-антифашисты в Гражданской войне
в Испании

Интернациональные бригады

Томас	3 350
Дельперрье де Байак	3 100
Архивы Коминтерна	2 908
Другие источники ¹	3 700
Лига Наций ²	1 744
Milicia Popular	500
Другое	900
Кастельс	5 108

¹ По данным Марти и Бивора.

² Зарегистрированные во Франции с октября по декабрь 1938 г.

Перевод с итальянского И. В. Дубровского

Избранная библиография

- AA.VV. Gli antifascisti lombardi alla guerra di Spagna, 1936–1939. (Convegno di Milano, Palazzo Marino 7 novembre 1976). Varese, 1977.
- AA.VV. Le Brigate Internazionali: la solidarietà dei popoli con la Repubblica spagnola. Milano, 1976.
- AA.VV.: ‘Soldiers Return’: Letter from an American Fighters in the Durruti Column. New York, 1937 (<http://libcom.org/library/soldier-returns-letter-durruti-column-american-fighter> (дата обращения: 09.05.2016)).
- Aguilera Duran L. Origenes de las Brigadas Internacionales. Madrid, 1974.
- Alpert M. A New International History of the Spanish Civil War. Basingstoke, 2004.
- Alpert M. El Ejercito Republicano en la Guerra Civil. Madrid, 1989.
- Álvarez S. Historia política y militar de las Brigadas Internacionales. Madrid, 1996.
- Arbizzani L. Antifascisti emiliani e romagnoli in Spagna e nella Resistenza e i volontari della Repubblica di San Marino. Milano, 1980.
- Baldini A., Palma P. Gli antifascisti italiani in America; ‘la Legione’ nel carteggio di Pacciardi. Firenze, 1990.
- Beevor A. La Guerra Civile Spagnola. Milano, 2006.
- Berry D. French Anarchist Volunteers in Spain 1936–1939. Contribution to a Biography of the French Anarchist Movement. Paris, 2003.
- Capponi N. I legionari rossi; le Brigate Internazionali nella guerra civile spagnola (1936–1939). Roma, 2000.
- Castells A. Las Brigadas Internacionales de la Guerra de España. Barcelona, 1974.
- Delperrie de Bayac J. Las Brigadas Internacionales. Madrid, 1980.
- Durgan A. Freedom Fighters or Comintern Army? The International Brigade in Spain // International Socialism Journal. 1999. No. 11.
- Durgan A. International Volunteers in the POUM Militias. Barcelona: Fundación Andreu Nin, 2004.
- Engel C. Historia de las Brigadas Mixtas del Ejército Popular de la Republica. Madrid, 1999.
- Enzensberger H. M. La breve estate dell’anarchia, 1936–1937. Milano, 1997.
- Fedele S. I repubblicani in esilio nella lotta contro il fascismo. Firenze, 1990.
- Francescotti R. Sotto il sole di Spagna: Antifascisti trentini nelle brigate internazionali. Trento, 1977.
- Gallo L. (Luigi Longo). Un anno di guerra in Spagna. Parigi, 1938.
- Kaminski H. E. Quelli di Barcellona. Milano, 1950.

- Memorie di una guerra civile, la Spagna del 1936 nelle voci dei testimoni / A cura di F. Grimaldi, P. D'Orazio. Roma, 2003.
- Morandi A. In nome della libertà: diario della guerra di Spagna, 1936–1939. Mursia, 2002.
- Nelles D. The Foreign Legion of the Revolution. German Anarcho-Syndicalist and Volunteers in Anarchist Militias during the Spanish Civil War / Presented in Colloque International sur les Brigades Internationales (CIBI). Lausanne, 18–20 December 1997.
- Nitti F. F. Il maggiore è un rosso. Milano, 1953.
- Norman C. A. The International Brigades in the Spanish Civil War // Tradition. 1972. No. 66–67.
- Pacciardi R. Il Battaglione Garibaldi. Roma, 1945.
- Penchienati C. Le Brigade Internazionali in Spagna. Milano, 1950.
- Perché andammo in Spagna. Scritti di militanti antifascisti 1936–1939 / E. L. Zocchi. Roma, 1966.
- Pesce G. La Spagna nel nostro cuore, 1936–1939. Tre anni di storia da non dimenticare. Milano, 1996.
- Pesce G. Un garibaldino in Spagna. Bologna, 1955.
- Preston P. Barricades against Fascism: The Popular Front in Europe // History Today. 1986. No. 36.
- Ramella P. Francesco Fausto Nitti, l'uomo che beffò Hitler e Mussolini // Il Triangolo Rosso. 2004. No. 2/3.
- Ricordi di combattenti della Guerra Civile Spagnola // Memorie di Spagna. Associazione Italiana Combattenti e Volontari Antifascisti di Spagna / Ed. P. Margheri, M. Puppini. 2003.
- Salas Larrazabal R. Historia de l'Ejército Popular de la República. Madrid, 1996.
- Skoutelsky R. André Marty et les Brigades Internationales // Cahiers d'Histoire. 1997. No. 67 (2).
- Sommerfield J. Volunteer in Spain. New York, 1937.
- Steff B. Antifascisti di Trieste, dell'Istria, dell'Isontino e del Friuli in Spagna / A cura di Associazione italiana combattenti volontari antifascisti in Spagna. Trieste, 1974.
- Tagliaferri I. Il colonnello anarchico, Emilio Canzi e la guerra civile spagnola. Piacenza, 2005.
- Thomas H. The Spanish Civil War. London, 2003.
- Vidal C. Las Brigadas internacionales. Madrid, 1998.
- Wyden P. La guerra apasionada. Las brigadas internacionales en la guerra civil española. Barcelona, 1997.

БЕАТРИС ФИГАЛЬО

С РЕСПУБЛИКОЙ И ПРОТИВ РЕСПУБЛИКИ: АРГЕНТИНА И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

Испания в Аргентине

Существует мнение, что Аргентина — это одна из тех стран, с которой Испания поддерживала наиболее интенсивные, глубокие и уникальные связи на всем протяжении своей истории¹. Поэтому разобраться с тем, какую позицию занимала Аргентина во время Гражданской войны в Испании — непростая исследовательская задача. Чтобы приблизиться к ее решению, нам представляется необходимым провести параллели и вспомнить важные моменты, масштаб которых соразмерен ключевому 1936 году и которые могут помочь понять, какое влияние оказал этот конфликт на республику, находящуюся в южном полушарии.

После предпринятой Кастилией конкисты и колонизации района Ла-Платы и вслед за обретением независимости от метрополии, связь между двумя обществами поддерживала эмиграция, которая усилилась в середине XIX в. Около 1880 г. и в течение еще нескольких десятилетий сотни тысяч испанцев прибывали в Аргентину, из поколения в поколение умножая испанскую колонию, которая, в противовес бездействию правительства, основывала региональные центры и ассоциации взаимопомощи. Это перетекание людских масс привело к тому, что политические дебаты и идеологические

---

¹ См.: Figallo B. Argentina y España. Entre la pasión y el escepticismo. Buenos Aires, 2014.

дилеммы, раздиравшие Испанию, с не меньшей силой повторялись в Аргентине, которая приютила изгнанников Первой Испанской республики (1873–1874), монархистов, не примирившихся с той ветвью Бурбонов, которая правила до 1931 г., масонов и анархистов, а также представителей духовенства, которые окормляли соотечественников-эмигрантов. Связи стали еще глубже, когда в первые десятилетия XX в. Испания начала развивать новую культурную политику, в том числе — поездки интеллектуалов и университетский обмен, что имело отклик в обществе и отразилось в деятельности различных патриотических эмигрантских организаций и обществ взаимопомощи на территории Аргентины. К тому времени последняя, казалось, решительно стремилась добиться эффективно-го функционирования либерально-демократической системы, тогда как Испания демонстрировала беспомощность восстановленной² монархии. В 1923 г. авторитарное правительство генерала Мигеля Примо де Риверы прервало на несколько лет становление новой системы власти, к которой стремились многие испанцы и которая соответствовала республиканской модели. Диктаторский режим, установленный с целью сбросить «политиков с общественной сцены»³, был с недовольством воспринят в Аргентине, где осудили роспуск парламента, закрытие мадридского клуба «Атенео» (который считался средоточием либеральных идей) и изгнание авторитетного интеллектуала Мигеля де Унамуно. Самые влиятельные аргентинские газеты публиковали критические статьи испанских политиков, профессоров и писателей, некоторые из которых пользовались возможностью проявить приверженность республиканским идеям, тогда как другие были готовы скорее смириться с фашистским режимом Бенито Муссолини, установленным народными массами, чем с правительством Примо де Риверы, которое поддерживала армия. Но находились сторонники и у самого Примо де Риверы. В то время, как юрист Луис Хименес де Асуа, в ходе своей поездки в нашу страну обращал внимание на разнообразие мнений, существовавших среди его соотечественников, живших в Аргентине («Я занимаюсь здесь тем, что срываю маски с людей, которые неумело руководят нами, но испанская колония несговорчива. Им нужно исключить испанский республиканский центр, андалусский центр и галисий-

² Имеется в виду реставрация Бурбонов в декабре 1874 г. — *Прим. ред.*

³ Archivo del Ministerio de relaciones exteriores de la República Argentina, Buenos Aires (Архив Министерства иностранных дел Аргентины (Буэнос-Айрес)) (далее — AMREA). División política (Политический отдел). Caja 2195. Madrid, 3 de octubre de 1923, de Carlos de Estrada a ministro.

скую группу»⁴), диктатура стремилась представить себя образцом эффективности, системой власти, приемлемой для части общества и, в рамках обновленной стратегии установления контактов с бывшими колониями, провести проект испанского сообщества наций, которое стало возможным после войны с США 1898 г., когда Испания утратила статус колониальной державы. Фигурой, способной распространять эти идеи и нейтрализовать критику, был писатель Рамиро де Маэсту, который получил известность своей журналистской деятельностью и которого Примо де Ривера в 1928 г. назначил послом в Буэнос-Айресе. Он не только сблизился с многочисленной испанской колонией, но и принялся разрабатывать концепцию исторической миссии испаноязычных народов и духовного покровительства, которое Испания оказывает своим бывшим американским колониям. Поставив в центр общей идентичности язык и культуру, этот консервативный испанизм стал еще одним руслом, по которому пролегли идеологические связи между традиционалистскими правыми секторами Испании и Аргентины, настроенными в авторитарном и католическом духе.

Консервативная Аргентина и Вторая Испанская республика

Правительства Примо де Риверы и Иполито Иригойена⁵ пали в один и тот же год — 1930. Если испанский генерал ушел в отставку в конце января и Альфонсо XIII удалось поддержать эфемерную преемственность силой испанской короны, то в Аргентине военный переворот 6 сентября положил конец президентству престарелого лидера «Гражданского радикального союза». Некоторые восприняли это как насильственное возвращение во власть привилегированного слоя — «четырёхсот пятидесяти семей, к которым принадлежали люди, воспитанные во франко-английских идеях, оставшиеся без власти в стране»⁶, следствие амбиций консерваторов, не располагавших достаточной

---

⁴ Fernández Marrón I. Cartas de cuatro juristas republicanos a Miguel de Unamuno (1920–1936) // Cuadernos Cátedra Miguel de Unamuno. 1998. No. 33. P. 202–203 (De Jiménez de Asúa a Unamuno, Córdoba (Argentina), 16 de octubre de 1925).

⁵ Иполито Иригойен (1852–1933) — аргентинский политик, один из основателей левоцентристской партии «Гражданский радикальный союз», президент Аргентины в 1916–1922 и 1928–1930 гг.; смещен в результате военного переворота генерала Х. Э. Уррибуру. — *Прим. ред.*

⁶ Archivo del Ministerio de Asuntos Exteriores de España, Madrid (Архив Министерства иностранных дел Испании, Мадрид) (далее — AMAEE). Lega-

опорой электората, либо социалистов, стремившихся к скорейшей социальной революции. Однако как оппозиция режиму Пригойена, которая пыталась сохранить либеральный облик страны, так и вооруженное сопротивление сторонников смещенной партии, не позволили генералу Хосе Эваристо Урибуру установить диктатуру корпоративного⁷ типа.

Перед лицом явления, которое некоторые рассматривали как «опасный вираж в сторону коммунизма» на Пиренейском полуострове, непосредственно вслед за провозглашением Второй Испанской республики 14 апреля 1931 г. были приняты превентивные меры. Испанский посол Альфонсо Данвила сразу же отправился в МИД Аргентины с заявлением, что желает сохранить добросердечные отношения, связывающие две страны, а в это время новоиспеченный министр иностранных дел Испании Алехандро Леррус сообщил главе дипломатической миссии в Мадриде Даниэлю Гарсии Мансилье, что надеется на скорое признание Буэнос-Айреса, поскольку Аргентина занимает важнейшее место во внешней политике Испании. Хотя промедление составило всего несколько дней, однако признание со стороны Аргентины последовало позднее признания со стороны как других стран Латинской Америки — Мексики, Уругвая, Боливии и Панамы, так и европейских государств — Франции и Португалии. Установление республики в Испании поразило в Аргентине, как и во многих других странах испаноязычной Америки, тех, кто, уже утратив надежду на демократию, участвовал в сотрясавших регион многочисленных государственных переворотах.

Так же, как в Аргентине, где попытка вмешательства в дела университетов привела в политику множество уволенных или добровольно ушедших в отставку профессоров, которые обратились к социализму и радикализму как к способу спасения этого института, большая часть испанских интеллектуалов решила провести «еще одну — мирную, — революцию», войдя в правительство и парламент, чтобы изменить устаревшую государственную систему Испании и наметить контуры нового государства. Для духовно близкого аргентинского сообщества перемены в Испании пробуждали надежды на лучшее, поскольку многих испанских политических деятелей, придерживавшихся республи-

---

jo H. 2317 (Buenos Aires, 23 de noviembre de 1929, de Ramiro de Maeztu a Miguel Primo de Rivera).

⁷ Т. е. квазифашистского типа; имеется в виду фашистская идеология «корпоративного государства», активно продвигавшегося Б. Муссолини и его сторонниками за пределами Италии. — *Прим. перев.*

канских идеалов и принимавших участие в органах управления, ценили в университетских, интеллектуальных и политических кругах Аргентины. И наоборот, испанские эмигранты на берегах Ла-Платы демонстрировали самую разнообразную реакцию; и хотя активное ядро явно симпатизировало республике, но были и те, кто продолжал ждать развития событий.

Часть мер, вскоре принятых в Испании, таких как отделение Церкви от государства и предоставление автономии регионам, в Аргентине уже давно стали действительностью. Другие, например аграрная реформа или разрешение разводов, представлялись более прогрессивными. Но вскоре оказалось, что стремление к переменам сопровождается общественными беспорядками и активизацией рабочего движения, а нападения на церкви и монастыри, а также поджоги, случившиеся в мае в нескольких испанских городах, произвели большое впечатление. Ожидания несколько возросли после начала работы кортесов, которые должны были разработать новую конституцию. Если в Испании религиозный вопрос был спланированным и мобилизующим элементом как для левых, так и для правых (которые приписывали реформы коммунистам и масонам⁸), то у широких слоев аргентинского католического общества и прессы решение правительства Мануэля Асаньи свести сферу полномочий католической церкви исключительно к духовной сфере вызвало разочарование и жалобы. Таким настроениям отвечали декларации политиков, в которых подчеркивалась идея об аргентинской родине, связанной с испанскими ценностями, против того, что рассматривалось как религиозные преследования. Это мнение распространялось, в частности, благодаря педагогической и пастырской деятельности испанского духовенства, действовавшего по всей стране.

До того, как Урибуру вынужден был в ноябре 1931 г. объявить президентские выборы, объявив радикалов вне закона⁹, критика ситуации, существовавшей в Аргентине, была слышна и в респуб-

---

⁸ Roncal Moral A. M. 1868 en la memoria carlista de 1931: dos revoluciones anticlericales y un paralelo // *Hispania Sacra*. 2007. Т. 59. No. 119. P. 338ss.

⁹ Переворот генерала Х. Ф. Урибуру привел к установлению первой из военных диктатур, с небольшими перерывами остававшихся у власти до 1983 г. После того, как в апреле 1931 г. на выборах в провинции Буэнос-Айрес большинство голосов получил кандидат Гражданского радикального союза, их результаты были аннулированы. Партия была запрещена, и в ноябре того же года выборы были проведены вновь, уже без участия ГРС. Грубое давление на избирателей вызвало массовое недовольство, и Х. Ф. Урибуру был вынужден отказаться от власти и от планов установления корпоративного режима фашистского ти-

ликанской Испании. В Мадриде показывали кинофильмы о потрясениях, которые переживала эта страна, и о событиях первых дней революции¹⁰. Газеты, выходившие в Галисии, откуда в Ла-Плату приехало множество эмигрантов, сообщали о «военной тирании», которая устраивала депортации, подвергала прессу цензуре и применяла пытки в отношении сидевших в тюрьме оппозиционеров. Сообщения об этом попадали в мадридские газеты, обсуждались в «Атенео» и в Учредительных кортесах, где на заседании 23 сентября независимый депутат-федералист Родриго Сориано осудил «ненавистную тиранию» генерала Урибуру, который предпринял «жесточайший и тиранический крестовый поход против честных испанцев». Гарсия Мансилья заявил формальный протест в Министерство иностранных дел, поскольку счел это заявление вмешательством во внутренние дела Аргентины, и хотя президент Нисето Алькала Самора попытался сгладить последствия случившегося и передал секретарям по законодательству¹¹ сообщение, в котором говорилось о том, что у них нет сведений о преследованиях и пытках в отношении испанцев, хотя им известно, что в политических волнениях, сотрясавших внутреннюю жизнь Аргентины, принимало участие много иностранцев, в том числе испанцев, ставших жертвами полицейского произвола¹². За этим последовала консервативная реставрация в Аргентине — при сохранении внешних демократических атрибутов, — и победа генерала Агустина Хусто на президентских выборах февраля 1932 г. В данном случае можно говорить о параллели с позициями республиканских католических лидеров в Испании или коалиции реорганизованных правых сил, добившихся триумфа на выборах, которые прошли в Испании в ноябре 1933 г.

Аргентинский политический поворот не устроил плеяду испанских интеллектуалов, придерживавшихся либеральных взгля-

---

па. Новым президентом был «избран» генерал А. П. Хусто (1932–1938), придерживавшийся либерально-консервативных взглядов. — *Прим. ред.*

¹⁰ AMREA. España. Caja 34 (Madrid, 15 de septiembre de 1931) (под «революцией» в данном случае понимается восстание 9-го пехотного полка против правительства Х. Ф. Урибуру, поднятое в провинции Коррьентес подполковником Г. Помаром; оно было быстро подавлено, но сам факт восстания диктатор использовал как предлог для полного запрета ГРС. — *Прим. ред.*

¹¹ Секретарь по законодательству (*secretario legislativo*) — государственная должность в Аргентине и некоторых странах Латинской Америки; сотрудник Генерального секретариата по законодательству, одного из руководящих органов парламента. — *Прим. ред.*

¹² AMREA. Madrid, 28 de septiembre de 1931, de Alcalá Zamora a los diputados de las Cortes Constituyentes.

дов, «которые признали, что главенство в движении перешло к консерваторам»¹³. Новое направление не только повысило ценность и внутреннюю прочность концепции испанского единства, но и подтвердило религиозный характер миссии Кастилии как первооткрывательницы новых земель. Это стало совершенно ясным, когда аргентинские епископы провозгласили 12 октября церковным праздником в память о даровании Испанией веры Новому свету, а также о взаимных контактах в ноябре 1934 г., в рамках проведения XXXII Международного евхаристического конгресса в Буэнос-Айресе в ноябре 1934 г., на котором присутствовал кардинал-примас Испании. В конгрессе участвовало множество делегатов, и событие из религиозного превратилось в политическое. Посол Данвила и другие лидеры испанской общины присутствовали на церемонии благословения знамен Испанской секции на конгрессе в церкви св. Августина. Там епископ Буэнос-Айреса Сантьяго Копельо и Исидро Гома поприветствовали друг друга жаркими объятиями, а испанский кардинал напомнил о «долге, еще более важном, чем когда-либо, провозглашать сугубо испанские ценности перед лицом неверных и предателей». Вспоминая о величии колониционной миссии испанцев, Гома использовал термин, который предложил Маэсту в незадолго до того опубликованной книге «Защита испанидад», указав, что Америка — дело рук Испании, а та в свою очередь — продукт католицизма¹⁴.

Хусто возобновил полномочия Гарсии Мансильи в качестве посла. Гарсия Мансилья происходил из традиционной семьи и принадлежал к старой школе аргентинских дипломатов. Он родился в дипломатической миссии в Париже, получил образование за границей, а свою резиденцию разместил в излюбленном месте сборищ мадридского «хорошего общества». После провозглашения республики его позиция отражала постоянный страх консерваторов перед коммунизмом, и он указывал, что на смену политическому сдвигу, начатому в 1931 г., придет социальная революция, целью которой будет установление в ближайшем будущем марксистского государства. В докладах, которые он посылал в Буэнос-Айрес, посол предупреждал, что под вывеской «социализма» в повестку дня правительства и испанского народа

¹³ González Calleja E. El Hispanismo autoritario español y el movimiento nacionalista argentino: balance de medio siglo de relaciones políticas e intelectuales (1898–1946) // Hispania. Revista Española de Historia. 2007. No. 227. P. 605.

¹⁴ Delgado Gómez-Escalonilla L. Diplomacia franquista y política cultural hacia Iberoamérica, 1939–1953. Madrid, CSIC, 1988. P. 30.

все сильнее проникает большевизм. Не меньшую озабоченность вызывала деятельность анархо-синдикалистов в Испании: «Европейские нации не понимают, что это государство терпит организацию, которая даже не притворяется, что поддерживает какое-то правительство или какой-то режим, а прямо говорит, что стремится разрушить любую власть, любую собственность, любой порядок, стереть с лица земли основы и начала цивилизации. Такому явлению, как анархизм, не дают развиваться ни в одной европейской стране, кроме Испании»¹⁵. В 1935 г. Гарсия Мансилья заявлял: «Существует уверенность, что если не удастся восстановить спокойствие духа и усмирить непримиримых, Испания вступит в период роковых событий»¹⁶, и отмечал, что истинный республиканский порядок установится только благодаря союзу всех правых. К тому времени дипломат убедился, что в некоторых крупных городах Испании социализмом заразился и средний класс, следствием чего стала идеологическая конкиста, компенсировавшая утрату поддержки со стороны рабочих, лишившихся иллюзий из-за неэффективности правительства и начавших склоняться к более экстремистским организациям. Парадоксальным образом, в прессе Коммунистической партии Аргентины подчеркивалась неспособность Испании продолжать «буржуазно-демократическую революцию, начатую с провозглашением республики»¹⁷, — следствие социально-экономической ситуации в стране.

Хотя Вторая республика поддерживала одну из самых амбициозных инициатив министра иностранных дел Аргентины Карлоса Сааведры Ламаса по поводу присоединения к Антивоенному пакту о ненападении и примирении, подписанному в октябре 1933 г., экономические связи между обеими странами переживали не лучшие времена, причем ситуацию дополнительно отягощал затянувшийся кризис 1929 г. Мотивом для колебаний послужило замораживание валютных операций, которое коснулось денежных переводов эмигрантов, движения капиталов и экспорта испанских продуктов. В то же время аргентинцы были обеспокоены защитой своей валюты и урегулированием обязательств по отношению к Великобритании, которая представляла собой ее основной рынок. В Галисии результаты огра-

---

¹⁵ AMREA. España, 1933. Caja 3295/6. Expediente 1. Madrid, 16 de diciembre de 1933, de García Mansilla a Saavedra Lamas.

¹⁶ AMREA. España, 1935. Caja 3524. No. 95. Madrid, 12 de abril de 1935, de García Mansilla a Saavedra Lamas.

¹⁷ См. Augusto Piemonte V. El significado de la revolución asturiana de 1934 en el proceso de des-sectarización del comunismo argentino: los orígenes del “frente popular” en la Argentina // Revista Estudios. 2014. No. 29.

ничений в области торговли повлияли на работы, которые оплачивались деньгами, присланными испанскими эмигрантами и расходовавшиеся на строительство и содержание школ. Исключение составило строительство новой линии метро в аргентинской столице «Испанско-аргентинской компанией по общественным работам и финансам» под руководством Рафаэля Бенхумеа, графа Гуадальорсе, который был министром развития в правительстве Примо де Риверы, а потом уехал в изгнание с капиталом, накопленным благодаря продаже сберегательных сертификатов, которые покупали испанские эмигранты. Первый этап работ, в котором было занято множество испанских рабочих, начался в 1934 г. — стены станций, расположенных в центре города, были украшены изображениями видов Испании. В обстановке, когда все испанское воспринималось как нечто собственное, наиболее динамичные связи существовали в сфере культуры. Во время Выставки испанской книги в Буэнос-Айресе, на открытии которой присутствовал президент Хусто, выступал посол Данвила, адвокат, романист и историк, который подчеркнул необходимость объединить посредством книг сто миллионов испаноязычных читателей, рассеянных по всему миру. Тем временем широкая публика увлеклась прославленным Федерико Гарсия Лорка и его пьесой «Кровавая свадьба», которая несколько месяцев обсуждалась во всех салонах, а также куплетами популярной певицы Кончиты Пикер.

Победа Народного Фронта

Удовлетворение и озабоченность вызвали результаты выборов февраля 1936 г. Победа левых была хорошим сигналом для тех испанцев и латиноамериканцев, кто разделял их идеологию, но некоторые испанские республиканцы, придерживавшиеся консервативных взглядов в социальной сфере, были недовольны тем, что в правительство национального единства вошли коммунисты. Гарсия Мансилья обратил внимание на торжественные манифестации, прошедшие в больших городах, и отметил «большое количество коммунистических флагов и символов на всех митингах и манифестациях. Можно утверждать, что их было больше, чем республиканских»¹⁸. В качестве старейшины дипломатического корпуса он отправил ряд докладов о последовавших за этим злоупотреблениях и покушениях, после чего в начале апреля созвал собрание для обсуждения те-

---

¹⁸ AMREA. España, 1936. Caja 3649. Expediente 1. Reservada n. 64. Madrid, 7 de marzo de 1936, de García Mansilla a Saavedra Lamas.

кущей ситуации. Всех волновал вопрос, какое направление примут события: «Посол Германии выглядит откровенно пессимистично и, со своей стороны, опасается актов агрессии испанских анархистов и 300 их единомышленников-немцев, живущих в Мадриде, которые угрожают сжечь посольство, находящееся под охраной полиции. В настоящее время в Барселоне сконцентрировано 4 000 изгнанных из Германии евреев, которые являются главными коммунистическими агитаторами. Нунций полностью устранился, и в случае необходимости он укроется в английском посольстве»¹⁹. Представители аргентинских консульств посылали тревожные сообщения о политической ситуации, царившей в разных городах, и о событиях, подтверждавших ожидания вспышки насилия между двумя антагонистическими группами, на которые разделилось испанское общество.

В республиканских центрах, функционировавших в Аргентине, царили разногласия. Некоторые выражали неприятие происходящих в Испании изменений, в том числе в отношении флага и религиозной политики, другие обвиняли самого посла, завсегда консервативных салонов, таких как Аргентинская академия словесности и истории, где преобладала максимально консервативная публика, в недоброжелательности и в связях с традиционными испанскими организациями, и требовали его смещения по причине «постоянных антииспанских и антиреспубликанских выпадов»²⁰. Преемником Данвилы стал другой представитель республиканской интеллектуальной элиты, чье назначение было чисто политическим шагом, не устраивавшим профессиональных дипломатов и вызвавшим настороженность различных общественных группировок и правительственных чиновников. Отдавая этот пост Энрике Диезу-Канедо, активному члену Академии испанского языка, принятому в образованных кругах Аргентины, автору литературно-критических статей в «Ла Насьон», его друг Хименес де Асуа, который был тогда вице-президентом Конгресса депутатов, предупредил его: «Если с первого мгновения Вы не разгромите правых из испанской колонии и не поднимете проблему испанской Республики на достойное ее место, все будет потеряно. Вы уже лучше меня знаете, что в странах Ла-Платы Вы будете не послом государства, а вице-королем (именно так) испанской колонии»²¹.

¹⁹ Ibid. Madrid, 3 de abril de 1936, de García Mansilla a Saavedra Lamas.

²⁰ Quijada M. Aires de República, aires de cruzada: la guerra civil española en Argentina. Barcelona, 1991. P. 102.

²¹ Díez-Canedo A. Enrique Díez-Canedo, Buenos Aires, 1936. Selección de cartas recibidas // Olivar. 2010. Vol. 11. No. 14. P. 134.

Воюющая Республика и Аргентина

Начиная с убийства 13 июля депутата Хосе Кальво Сотело, бывшего министра финансов в правительстве Примо де Риверы, испанские события заняли первые страницы всех аргентинских газет, и это внимание не ослабевало до апреля 1939 г.²² Пресса возложила ответственность за убийство на экстремистов и на «лидеров республиканцев, которые злоупотребили властью и не способны навести порядок во внутренних делах». В субботу, 18 июля, газеты объявили о начале «вооруженного мятежа» в Марокко. На основании официальной информации складывалось впечатление, что мадридское правительство владеет ситуацией, и считалось, что демократический режим в состоянии предотвратить военный путч. Но, когда появились сообщения о новых восстаниях на всей территории Испании, один печатный орган не замедлил отметить, что это движение представляет собой «крестовый поход», призванный помешать Испании попасть «под власть коммунизма»²³.

После нескольких недель смятения, порожденного противоречивыми новостями с полуострова, стало очевидно, что началась гражданская война, которая продлится неизвестно сколько. К тому времени легитимная власть перестала контролировать ситуацию, и посыпавшиеся сообщения о бесчинствах, о преследованиях религии, об убитых в зоне, оставшейся под контролем республиканцев, ошеломили правительства других стран и дипломатический корпус, аккредитованный в Испании. Дипломаты начали предоставлять убежище представителям правого лагеря, аристократическим и католическим семьям, опасавшимся за свою жизнь в ситуации неконтролируемых беспорядков²⁴. Расстрелы, которые военные и фалангисты учиняли в «национальной зоне», не вызывали такой же реакции со стороны дипломатов, которые не стремились защитить жертв, и в свете цензуры, провозглашенной Хунтой национальной обороны, которая располагалась в Бургосе, об этих событиях в новостях международных информационных агентств сообщали крайне скупое по сравнению с драматическими описаниями «красного террора», которые посылали корреспонденты основных аргентинских ежедневных газет.

²² Comellas Aguirrezabal M. J. El estallido de la guerra civil española en la prensa argentina // *Res Gesta*. 1992. 31.01. P. 33ss.

²³ El Litoral, Concordia, 21–23 de julio de 1936 // *Ibid*. P. 48.

²⁴ Moral Roncal A. M. Diplomacia, humanitarismo y espionaje en la Guerra Civil Española. Madrid, 2008.

Для Аргентины открылась два крайне напряженных канала участия в конфликте: с одной стороны, между правительством в Буэнос-Айресе и развернувшимся театром военных действий²⁵, а с другой — обсуждение испанских событий внутри страны.

Политика Аргентины в отношении беженцев

24 июля Гарсия Мансилья разместил в своей летней резиденции Сараус, в нескольких километрах от Сан-Себастьяна, первых беженцев, главным образом испанцев из ближайших окрестностей, которым угрожали действия республиканской милиции. Сааведра Ламас вызвал к себе Диеса-Канедо для изложения ситуации, то же самое сделал в Мадриде торговый представитель Эдгардо Перес Кесада, который представил доклад министру иностранных дел Аугусто Барсией, а тот 9 августа приказал защищать беженцев «чего бы это ни стоило»²⁶ и провожать к границе, где находился аргентинский посол. Из Буэнос-Айреса были переданы точные инструкции: считать дипломатическое убежище неприкосновенным в соответствии со священным американским правом и препятствовать иностранному вторжению, «которое могло бы спровоцировать широкомасштабный конфликт»²⁷. Пока что испанских беженцев эвакуировали через порт Гетария, и Гарсия Мансилья вместе с представителем Швеции отправился по шоссе в Ирун, чтобы пересечь границу, избежав нападения националистов, и обосноваться в Сибуре, на французской территории, где уже располагалась крупная дипломатическая колония. После нескольких посреднических переговоров, состоявшихся на севере Испании, Гарсия Мансилья вернулся в Аргентину, где была принята его отставка²⁸. В 1940 г. он совершил визит в Мадрид, где удостоился аудиенции генералиссимуса Франсиско Франко, и тот назначил его президентом Испано-американской культурной ассоциации, предшественницы Совета Испанидад, который будет создан в ноябре того же года для реализации идеи

---

²⁵ Figallo B. *Diplomáticos y marinos argentinos durante la crisis española. Los asilos de la Guerra Civil*. Buenos Aires, 2007.

²⁶ AMREA. España, División Política, Guerra civil española, Política interna. Caja 1. Expediente 1. Legajo 1. Buenos Aires, 9 de agosto de 1936, de Saavedra Lamas a García Mansilla.

²⁷ Ibid. 7 de agosto de 1936.

²⁸ В 1953 г. Гарсия Мансилья, будучи пожилым вдовцом и ревностным католиком, принял священнический сан.

испанизма в качестве государственной политики по отношению к бывшим колониям.

В Мадриде Перес Кесада тоже начал предоставлять дипломатическое убежище, в первую очередь, опасавшимся за свою жизнь аргентинцам, которым выдавались охранные свидетельства, а с 31 июля, когда милисиано²⁹ стали нападать уже и на жилые кварталы, занимая «дома богачей», иногда с целью устроить там штаб или ЧК³⁰, и испанским гражданам. Помимо составления тяжелых по содержанию докладов о посещениях мест боевых действий неподалеку от Мадрида и о расстреле пленных в тюрьмах столицы и Паракуэльоса-де-Харама, дипломату, как и другим аргентинским консулам, приходилось уделять внимание многочисленным аргентинцам, жившим в Испании, и путешественникам, которых война застала на полуострове и которые требовали репатриации. Критическая ситуация заставила правительство Хусто отправить в Испанию военный корабль, как это сделали ведущие державы, чтобы защитить соотечественников и дипломатов. Когда в середине августа министр иностранных дел Уругвая Хосе Эспальтер призвал страны Южного полушария вмешаться в конфликт, Сааведра Ламас указал ему в ответ, что надлежащей политикой в условиях гражданской войны является невмешательство, и нейтралитета можно добиться, только признав, что обе стороны участвуют в боевых действиях, когда прекратится нынешнее состояние мятежа.

22 августа крейсер «25 мая» прибыл в Аликанте, начав миссию по взятию на борт аргентинцев, испанцев и иностранцев, которых посольство переправило из Мадрида, и перевозке их в Геную, Лиссабон или Марсель. 5 ноября прибыл также торпедный катер «Тукуман», который должен был завершить эвакуацию и заняться спасением сотен испанцев, укрывшихся в Мадриде или в консульствах на Средиземноморском побережье и ожидавших освобождения уже несколько месяцев. Благодаря прямому вмешательству Сааведры Ламаса, который присутствовал на Ассамблее Лиги Наций в Женеве и с января по июнь 1937 г. вел переговоры по вопросу о беженцах с министром Альваресом дель Вайо³¹, аргентинскому

²⁹ Воины-ополченцы республиканской милиции. — *Прим. ред.*

³⁰ ЧК (исп. *checa*) — отделы расследования, создававшиеся левыми в период Гражданской войны для задержания, ареста, допросов и казней лиц, подозреваемых в сочувствии врагу. Назывались по созвучию с известным советским учреждением периода Гражданской войны в России. — *Прим. ред.*

³¹ Когда он уже вернулся в Буэнос-Айрес, объявили о присуждении ему Нобелевской премии мира за действия, приведшие к окончанию войны между Боливией и Парагваем, которые с 1932 по 1935 гг. сражались за обладание

правительству удалось эвакуировать укrywшихся на территории миссий, и эта операция сохранила жизни примерно двух тысяч человек. Тогда говорили, что Аргентина спасла, главным образом, правых, и это верно, но почти так же верно и то, что благодаря Аргентине эти мужчины, женщины и дети не стали жертвами, в которых упрекали бы Испанскую республику. Кроме того, на территории посольств, консульств и морских судов предоставляли помощь и убежище также и республиканцам, опасавшимся преследований и победы националистов.

Следуя за республиканским правительством, которое совершило тактическое отступление из Мадрида, аргентинское посольство с мая 1937 г. обосновалось в Валенсии, а оттуда последовало за правительством в Барселону, куда в последний раз перед разгромом бежал 31 октября глава правительства доктор Хуан Негрин. Когда вся территория Испании была занята франкистскими силами и президент Асанья сложил с себя полномочия, Министерство иностранных дел Аргентины обменялось мнениями с правительствами Великобритании и Франции, и все они согласились, что лагерь националистов одержал однозначную победу. 25 февраля 1939 г. Аргентина объявила о прекращении отношений с Испанской республикой, а 26-го — начала процесс признания режима Франко. Она до последнего момента сохраняла верность законности, приверженность которой демонстрировали ее дипломаты: «МИД Аргентины придерживался правового критерия в ходе долгого процесса испанской революции, поддерживая дипломатические отношения с барселонским правительством, пока то находилось на территории Испании, и с бургосским правительством, когда оно установило полную свою гегемонию на этой территории»³². Такая политика еще и позволила правительствам контролировать политические проявления симпатий по отношению к той или иной враждующей стороне, которые использовались для критики их собственной легитимности и обвинений в фальсификации выборов³³.

Во время войны в Мадрид приходили крупные поставки аргентинского мяса, которое собирали по всей стране в рамках специальных кампаний и передавали в Испанский Красный

областью Гран-Чако. В этом конфликте (самой кровопролитной войне в Латинской Америке XX в. — *Прим. ред.*) погибли 100 000 человек.

³² AMREA. Varios, 1940. Caja 4271. Legajo 7. Algunos aspectos de la labor de la Cancillería argentina desde septiembre de 1938 hasta agosto de 1939. P. 2.

³³ Bisso A. El antifascismo latinoamericano: usos locales y continentales de un discurso europeo // Asian Journal Of Latin American Studies. 2000. Vol. 3. P. 13.

Крест для раздачи в больницах. А с начала 1939 г. франкистскому правительству были предоставлены масштабные кредиты для решения насущной проблемы нехватки продуктов и валюты. Между февралем и декабром было продано 800 000 т пшеницы, 15 000 т овса и 15 000 т ячменя³⁴. Аргентина была в состоянии обеспечить поставки в Испанию, потому что в то время она наряду с Канадой была основным мировым производителем пшеницы и главным ее экспортером, а также ведущим экспортером говядины в мире.

Дискуссии о фашизме, коммунизме и демократии

В Аргентине думали об Испании, и, хотя официально страна соблюдала нейтралитет, все общество оказалось вовлечено в испанскую трагедию. В испанской общине, насчитывавшей тогда миллион уроженцев Испании и еще три миллиона детей и внуков испанцев, в ее политических и региональных институтах разгорелись внутренние споры и столкновения, которые в определенном смысле повторяли происходившее в Испании, и любая материальная помощь не только не снижала уровень политизации, но и повышала его³⁵.

В течение первых двух недель, когда большая часть сотрудников посольства бежали в страхе перед восставшими военными, Диего-Канедо остался в посольстве практически в одиночестве, и помогали ему жена и сын. В сентябре он принял участие в конгрессе писателей ПЕН-клуба, где участвовали также такие фигуры, как Жак Маритен, Филиппо Маринетти, Стефан Цвейг и Альсидес Аргедас, и в VII Собрании Института интеллектуального сотрудничества. На обоих культурных мероприятиях центральное место занимали жаркие споры и дискуссии о фашизме, которые получили отражение в прессе и литературных журналах. Гражданская война к тому моменту уже шла вовсю, уже известно было о рас-

---

³⁴ Figallo B. El protocolo Perón-Franco. Relaciones hispano-argentinas, 1942–1952. Buenos Aires, 1992. P. 14.

³⁵ В таком городе, как Буэнос-Айрес, где проживало больше галисийцев, чем в Сантьяго-де-Компостела, гражданская война бушевала на самой Аvenida де Майо, где часто происходили стычки между испанцами противоположных взглядов, к которым присоединялись и многочисленные аргентинцы, которые ждали новостей о военных операциях, чтобы снова бросать друг в друга оскобления и даже стулья. См.: Pereira E. La guerra civil española en la Argentina // Todo es Historia. 1976. No. 110.

стреле Маэсту и Гарсии Лорки, война коснулась каждого и интересовала всех. В октябре Карлос Ибаргурен, президент ПЕН-клуба и известный писатель-националист, отправил в МИД письмо с требованием принять меры для спасения жизни сына бывшего диктатора, Хосе Антонио Примо де Риверы, ссылаясь на «высокий дух, которым славна испанская культура», а другие писатели вступились за него перед Диесом-Канедо. После налета на порт Аликанте ранним утром 5 ноября, жертвами которого стали несколько мирных жителей, началась цепь репрессий, которые привели к расстрелу лидера фалангистов, находившегося в городе.

Испанская делегация на Ассамблее Лиги Наций в Женеве осудила отправку итальянских войск на территорию страны-участницы, но добилась лишь принятия резолюций, не имевших практического эффекта. Диес-Канедо участвовал в декабре во Всеамериканской конференции по консолидации ради мира в Буэнос-Айресе, где присутствовал президент Франклин Д. Рузвельт и было принято постановление о политике невмешательства как основе внешней политики американских стран, которое дополнительно повлияло на решение о неучастии в испанском конфликте. Тысячи человек на улицах Буэнос-Айреса приветствовали проезжавшего в автомобиле с открытым верхом руководителя США, который, если верить прессе, появился тогда, когда в нем больше всего нуждались и когда общество уже думало, что демократическая система потерпела поражение, и готово было выбирать между фашизмом и коммунизмом³⁶.

Если экспансия нацизма и фашизма возбуждала озабоченность в Аргентине и сопредельных странах, то и коммунизм вызывал страх и считался опасным для внутренней безопасности государства³⁷. Консервативные члены Сената, которые сразу же послали в Бургос ноту с выражением солидарности в борьбе с коммунизмом, выдвинули в ноябре проект закона о репрессиях в адрес коммунизма. Обсуждение началось 24 ноября: публика и пресса толпились на галерее, министры внутренних дел, а также юстиции и народного образования заняли свои места, и сенатор Матиас Санчес Сорондо заявил, что коммунизм, повинующийся директивам исполнительных органов, заседающих в Москве, представляет новую опасность для существования народов, а также социальную опасность для всего мира. Фашизм же, какими бы методами он ни действует, на-

---

³⁶ Welles B. Sumner Welles: FDR's global strategist... a Biography. New York: St. Martin's Press, 1997. P. 192.

³⁷ La Nación (Buenos Aires). 1936. 14.11.

против, стремится укрепиться на собственной родине³⁸. Санчес Сорондо, министр внутренних дел при диктатуре Урибуру, напомнил об убийстве Кальво Сотело и Примо де Риверы, назвав их жертвами «когтей коммунистов», и осудил пропаганду Международной организации помощи борцам революции и ее юридического отдела, состоявшего из аргентинских адвокатов, «связанных с движением масс». Как бы ни противились сенаторы социализму, радикализму и прогрессистской демократии, отрицавших влияние католической церкви и политических интересов правительства, проект был одобрен, прошел через Палату депутатов, но был остановлен в Комиссии по законодательству. Периодически законодатели и различные группировки пытались включить его в повестку дня, указывая, что запреты, принятые против коммунизма в Боливии, Бразилии, Чили, Парагвае, Перу и Уругвае, привели к тому, что Аргентина стал «убежищем для всех экстремистских элементов и центром коммунистической большевистской деятельности в Южной Америке»³⁹.

Помощь и отклик в Аргентине

По примеру Западной Европы, где коммунисты вместе с либералами и социалистами начали сбор средств на помощь Республике, в Аргентине подобную деятельность осуществляла Социалистическая партия и организации, находившиеся в контакте с ней: Всеобщая конфедерация труда, Коммунистическая партия, Анархо-коммунистическая федерация Аргентины, а также различные общественные структуры, прежде всего Республиканский центр в Буэнос-Айресе, в сотрудничестве с посольством. Радикалы видели в мятеже националистов феномен, сходный с вооруженным восстанием, положившим конец правлению Иригойена, а Демократическая прогрессистская партия либерально-консервативной ориентации также заявила о себе в связи с Республикой. Ассоциации друзей Испанской республики, имевшей филиалы по всей стране, удалось собрать весьма внушительные суммы, которых хватило на миллионы пайков, отправленных солдатам республиканской

³⁸ Carnagui J. L. La ley de represión de las actividades comunistas de 1936: miradas y discursos sobre un mismo actor // Revista Escuela de Historia. 2007. No. 6. Годом позже Санчес Сорондо совершил поездку по Германии, Италии и националистической Испании.

³⁹ AMREA. Varios, Caja 1936. Expediente 95. Buenos Aires, noviembre 10 de 1938, de Alfredo Sáenz Valiente, Asociación Defensa Social Argentina, al presidente Roberto Ortiz.

армии. Среди множества организаций выделялся Аргентинский совет врачей за медицинскую помощь республиканской Испании, который отправлял кареты скорой помощи с бригадами хирургов, а также огромное количество медикаментов и денег. Во многих случаях собранная материальная помощь переправлялась посредством Федерации организаций помощи Испанской республике.

Что касается прессы, то если самые популярные газеты, такие как «Критика», «Нотисиас графикас» или социалистический орган «Ла Вангвардия», поддерживали республику, то «Ла Расон» и «Ла Пренса» стояли на более нейтральных позициях. В «Ла Насьон» публиковали статьи в поддержку националистов, хотя эта газета предоставляла свои полосы и для заметок, которых ждали сторонники республиканцев — например, для сообщений корреспондента Константино дель Эсла⁴⁰.

Хотя традиционно настроенные круги в руководстве общинных центров скрывали свою истинную ориентацию за видимым нейтралитетом, чтобы не вызывать недовольства соотечественников, более склонных поддерживать республиканцев, консерваторы, открыто симпатизировавшие националистам, группировались вокруг таких учреждений, как Объединение испанских монархистов и Испанская монархическая благотворительная организация, во главе которых стояла принцесса Мария Пиа де Бурбон — родственница Альфонсо XIII, которая была замужем за аргентинским дипломатом; монархически настроенный Центр испанского действия, основанный в 1931 г., а также Испанский дом. Все эти структуры способствовали созданию Националистических советов для централизации помощи мятежникам. Сбором средств занимались и другие ранее существовавшие политические организации, вроде Традиционалистской общины, Фонда легионеров Христа⁴¹, Аргентинского фонда помощи восстановлению Испании и Объединения испанских традиционалистов. Испанская торговая палата поддерживала восставших, но ряд коммерсантов учредили новую Торговую палату Испанской республики. Самой радикальной организацией была «Испанская фаланга», которая поддерживала связи с фашистскими организациями немецкого и итальянского происхождения, а также с аргентинскими националистами. Хотя она, по-видимому, не играла особенно важной роли в испанской

---

⁴⁰ Уроженец Ируна, дель Эсла бежал в Аргентину, где стал сотрудником газеты «Ла Насьон».

⁴¹ Saborido J. Una avanzada franquista en la Argentina: la revista *Por ellos* (1937) // Anuario. 2005. No. 7.

общине и не стяжала большой материальной поддержки, ее существование указывало на позицию части эмигрантов, симпатизировавших новым политическим тенденциям, возникшим в Испании.

Особенно сильное отражение испанский конфликт получил в католических кругах. Видный представитель этого сектора Густаво Франчески, редактор католического журнала «Критерио», находил оправдание испанского мятежа в богословской традиции, которая позволяла народу свергать правителя, если он превратился в тирана⁴², считая, что республика, разрушавшая церкви и позволявшая левым совершать акты насилия на улицах, утратила всякую легитимность и делала возможным «священную войну». С другой стороны, визит Маритена привел к сплочению отдельных представителей католических интеллектуальных кругов, которые хотели ориентироваться на менее «воинственный» и более евангелический католицизм.

Франчески отправился в Испанию в апреле 1937 г., чтобы вручить испанскому клиру и верующим культовые объекты, которые были приобретены на средства, собранные простыми людьми. Он встретился с Франко и поездил по зоне, которая находилась под контролем националистов. Аргентинский клир настаивал на том, что Испания стоит перед выбором между большевистской революцией, спланированной из Москвы, и националистической революцией с неясными последствиями, но представляющей собой сугубо католическое движение, которое сильно отличается от тоталитаризма Гитлера и Муссолини. В то же время Маритен осуждал жестокость франкистской армии и ее немецких и итальянских союзников, подтверждением которой послужили бомбардировки Дуранго и Герники, и защищал позицию, занятую в войне басками, которые столкнулись с моделью традиционного авторитарного и военизированного католицизма в лице мятежников⁴³. Франчески в своих рассуждениях придерживался версии, высказанной националистической пропагандой: поджог совершили лидеры самих басков, которые в отчаянии от неминуемого поражения предпочли уничтожить собственные поселения и вернуть пропагандистскую кампанию, чтобы представить «крестоносные» войска жестокими и кровожадными.

---

⁴² Lida M. Iglesia, sociedad y Estado en el pensamiento de monseñor Franceschi. De la *sedition* tomista a la «revolución cristiana» (1930–1943) // Anuario del IEHS. 2002. No. 17.

⁴³ Zanca J. Ni un árbol donde ahorcarse. El exilio vasco y el humanismo cristiano en Argentina // Estudios Migratorios Latinoamericanos. 2009. No. 64. P. 491.

Из всех латиноамериканских стран из Аргентины вышло больше всего добровольцев, уроженцев Испании и их детей, которые отправились сражаться в интернациональных бригадах или сотрудничали с Красным Крестом. Добровольцев было 540 — эту цифру превосходили только на Кубе⁴⁴. Хотя часть добровольцев происходила из числа анархистов или приверженцев РОУМ (Объединенная марксистская рабочая партия), большинство из них отправились в Испанию по призыву Коминтерна⁴⁵, и одним из представителей Коммунистического интернационала в Мадриде был аргентинец Викторิโอ Кодовилья. Некоторое количество добровольцев из Аргентины вступили в вооруженные силы национального лагеря, чтобы сражаться на фронте или оказывать медицинскую помощь в тылу. Аргентинцы, долгое время жившие в Испании и подозревавшиеся в симпатиях республиканцам, содержались в концентрационных лагерях, которые мятежники устроили в монастыре св. Петра в Карденье близ Бургоса, а впоследствии в Миранда-де-Эбро⁴⁶.

Посол — республиканец и католик

В феврале 1937 г. Диес-Канедо получил уведомление о своей отставке («в связи с политическими изменениями») и вынужден был передать посольство секретарю Фелипе Хименесу де Асуа. Диес-Канедо не имел поддержки и, по мнению своего друга, писателя Альфонсо Рейеса, занимался, главным образом, «печальной ежедневной эквилибристикой ради предотвращения неизбежного разрыва отношений между двумя правительствами, которые питали друг к другу отвращение, особенно сильное со стороны аргентинцев»⁴⁷. Вакансия на самом высоком уровне представительства республики образовалась в тот самый момент, когда бургосское правительство посылало в регион политические и культурные делегации, состоявшие из пропагандистов Фран-

---

⁴⁴ González L., Boragina J., Dorado G., Sommaro. *Voluntarios de Argentina en la guerra civil española*. Buenos Aires, 2008. P. 13.

⁴⁵ Schenkolewski-Kroll S. *El Partido Comunista en la Argentina ante Moscú: deberes y realidades, 1930–1941* // *Estudios interdisciplinarios de América Latina y el Caribe*. 2015. Vol. 10. No. 2 (<http://eial.tau.ac.il/index.php/eial/article/view/1008/1043>).

⁴⁶ Gómez Motta C. *Argentinos en un Campo de Concentración Franquista. Relato testimonial documentado*. Buenos Aires, 2008.

⁴⁷ Díez-Canedo A. Enrique Díez-Canedo... P. 142.

ко⁴⁸, которые прибыли в Аргентину в сентябре 1937 г. и в апреле 1938 г. Среди них выделялась миссия молодых католических студентов, во главе которых стоял Хоакин Руис-Хименес, близкий к кардиналу Гома, который впоследствии стал министром образования в правительстве Франко. С годами его позиция становилась все более либеральной, и в конце концов он превратился в одного из лидеров внутренней оппозиции режиму.

При поддержке коалиции консервативных партий в феврале 1938 г. президентом был избран Роберто Ортис, который пришел на смену Хусто. Хотя казалось, что новый глава государства заинтересован вести переговоры по испанскому вопросу — либеральные круги были довольны мерами, которые он принял для ограничения деятельности нацистов и фалангистов в Аргентине⁴⁹, — он проявил осторожность, когда в июне ему предъявил верительные грамоты новый посол Анхель Оссорио-и-Гальярдо. Основатель Социалистической народной партии, министр в королевском правительстве, ярый противник Примо де Риверы, известный как пламенный католик, Оссорио-и-Гальярдо требовал интенсифицировать кампанию по оказанию помощи республике и прояснить идеологические вопросы, указывая на различия между республиканской идеей и программами коммунистов и анархистов. В январе он сопровождал лидера социалистов Индалесио Прието в ходе его многодневного визита в Аргентину, но на этом его карьера посла закончилась, так как разрыв отношений, о котором заявило правительство Ортиса, заставил его уйти с дипломатического поста, который занимали после него такие видные франкисты, как граф Гуадальорсе и официальный представитель Бургоса Мигель де Лохендио. На смену трехцветному знамени пришел желто-красный флаг «новой Испании».

Поражение и изгнание

К тому времени международное сообщество принимало участие в решении «тяжелейшей гуманитарной проблемы, созданной появлением 400 000 испанских беженцев, которые находились за пре-

---

⁴⁸ Peláez M. J., Seghiri M. Ángel Ossorio y Gallardo (1873–1946). Abogado e intelectual católico, embajador y ministro de la República en el exilio: defensa de las instituciones y de los valores republicanos de 1931 a 1946 // *La crisis constitucional desde una perspectiva republicana*. Málaga, 2007. P. 10.

⁴⁹ Casas S. L. *La guerra civil española y el antifascismo en la Argentina (1936–1941)*. Los balears y la ayuda a la República. Palma de Mallorca, 2004. P. 22.

делами своей родины»⁵⁰. Аргентина предложила себя в качестве возможного, хотя и не самого очевидного адреса для перемещенных лиц. Тридцатые годы вообще были отмечены массовыми миграциями в связи с экономическим кризисом и мощным движением людей в Европе, вызванным расовыми и идеологическими преследованиями. Аргентинская комиссия по делам испанских детей, созданная бывшим президентом Марсело де Альвеаром, бывшим главой МИД Сааведрой Ламасом, депутатом-социалистом Альфредо Паласиосом и депутатом-радикалом Хосе Пеко, добилась определенных успехов в транспортировке в Аргентину состоятельных граждан, крестьян и интеллектуалов с семьями⁵¹. В результате действий частных лиц, ходатайствовавших в МИД, и давления оппозиционных законодателей, требовавших принимать больше беженцев, были сделаны официальные послабления. Благодаря этому в ноябре 1939 г. в порт Буэнос-Айреса прибыло судно «Массилия», вышедшее из Ла-Рошели, на борту которого находилось более двухсот республиканцев. Эти люди не имели разрешения на въезд, но получили его и остались в Аргентине благодаря общественному давлению — особенно через газету «Критика»⁵². Еще 1500 иммигрантов-басков, жителей Испании и Франции, добились в январе 1940 г. от Ортиса разрешения на въезд благодаря действиям Комитета за иммиграцию басков. Соответствующий президентский декрет легализовал также тех беженцев, которые въехали через Чили, Уругвай и Боливию⁵³. В число получивших гражданство были и баскские монахини и священники.

Все же Аргентина приняла самое большое число республиканцев среди всех стран Латинской Америки — некоторые исследователи насчитывают до 10 000 беженцев, но точную цифру трудно установить в связи с обилием браков между испанцами и аргентинцами (среди супругов тоже могло быть немало приехавших вынужденно). Хотя образованное меньшинство стало самым заметным сектором этой волны, большую часть новоприбывших

---

⁵⁰ Fundación Pablo Iglesias (Alcalá de Henares). Archivo Luis Jiménez de Asúa (Фонд Пабло Иглесиаса (г. Алькала-де-Энарес). Архив Луиса Хименеса де Асуа). 400–447. París, 28 de marzo de 1939, de Julio Álvarez del Vayo a Jiménez de Asúa.

⁵¹ Schwarzstein D. La llegada de los republicanos españoles a la Argentina // Estudios Migratorios Latinoamericanos. 1997. No. 37. P. 423–446.

⁵² Ortuño Martínez B. “En busca de un submarino”. Crónica a bordo del buque insignia del exilio republicano en Argentina: el Massilia // Cahiers de civilisation espagnole contemporaine. 2012. No. 9: <https://ceec.revues.org/4242>

⁵³ Senkman L. Argentina, la Segunda Guerra Mundial y los refugiados indeseables, 1933–1945. Buenos Aires: GEL, 1991. P. 223.

составляли простые люди, о которых трудно сказать что-то определенное, потому что эти мужчины и особенно работающие женщины быстро растворялись среди местного населения.

Многие годы их присутствие было заметно в действиях, враждебных установившемуся в Испании режиму Франко, поскольку изгнанники вошли в редакционный состав важнейших аргентинских газет, а также периодических изданий республиканских группировок, работали в крупных издательствах и открывали новые, становились учителями и преподавателями. Среди тех, кто приехал в Аргентину, чтобы жить или умереть там, были экс-президент Алькала Самора, писатели Франсиско Айяла, Рафаэль Альберти, Мария Тереса Леон, Роса Часель, музыкант Мануэль де Фалья, психоаналитик Анхель Гарма и многие другие архитекторы, артисты, врачи, филологи и юристы. Математики Хулио Рей Пастор, Пи Кальеха, Мануэль Балансат и Луис Сантало, зоолог и палеонтолог Анхель Кабрера и его сын, ботаник Анхель Лулио Кабрера внесли огромный вклад в развитие аргентинской науки. Сааведра Ламас, будучи ректором Буэнос-Айресского университета, создал в 1942 г. кафедру и Институт истории Испании специально для историка Клаудио Санчеса-Альборноса, который был послом Республики в Португалии. Хименес де Асуа, отец республиканской конституции 1931 г., также работал в различных университетах и был консультантом Министерства иностранных дел Аргентины при разных правительствах. Там же, в Буэнос-Айресе, в 1962 г. Хименес де Асуа стал президентом Испанской республики в изгнании и назначил своего друга Санчеса-Альборноса главой правительства.

Однако, хотя все начиналось с солидарности, товарищества и взаимопомощи, в аргентинском изгнании между республиканцами продолжились политические разногласия, которые не позволили им добиться мирного сосуществования у себя на родине и вынудили их смириться с долгосрочной диктатурой в Испании.

Перевод с испанского Л. В. Черниной

А. А. САГОМОНЯ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА – ПРОДОЛЖЕНИЕ? (АНТИФРАНКИСТСКАЯ ГЕРИЛЬЯ 1940-х ГОДОВ)

В самом конце Второй мировой войны в международной повестке дня вновь появился так называемый испанский вопрос. Точнее, можно говорить о его «реинкарнации» на новом историческом витке: тема гражданской войны в Испании, ее итогов, поражения в ней антифашистского лагеря — всего того, что в свое время имело большой резонанс в мире, — не могла не возродиться и не зазвучать по-новому. О ситуации во франкистской Испании и вокруг нее в течение нескольких лет писали газеты многих стран Европы и Америки, ее анализировали в своих записках и меморандумах ведущие политики и дипломаты, общественные деятели и парламентарии выступали в поддержку испанских демократических сил, против Франко, а в крупнейших городах проходили антифранкистские митинги. Наконец, упорная борьба вокруг будущего Испании развернулась в стенах только что созданной Организации Объединенных Наций.

После разгрома Германии и Италии перспектива устранения их «прислужника» Франко и передачи власти некоему демократическому правительству многим представлялась естественной. Именно на это уповали большинство деятелей многотысячной республиканской испанской эмиграции. Тем не менее формальных поводов для внешнего силового вмешательства в испанские дела не было. Правительства США и, особенно настойчиво, Великобритании отвергали подобный сценарий развития событий, хотя сам франкистский режим осуждали и высказывались за его «мирную модификацию».

Советский Союз, роль которого в период испанской гражданской войны хорошо известна и который по-прежнему поддерживал тесные связи с испанской компартией, был настроен более решительно. Конечно, СССР был бы весьма заинтересован в восстановлении «исторической справедливости» по отношению к побежденным и победителям в испанской гражданской войне. Кроме того, на советском фронте сражалась «добровольческая» испанская «голубая дивизия», т. е. для Москвы франкистская Испания была участницей войны и союзницей Гитлера¹. Со своей стороны, Франко считал коммунизм, олицетворяемый Сталинской империей, своим врагом номер один, призывал западные страны объединиться против него в крестовом походе и ни в коем случае не допустить возобновления гражданской войны в Испании.

«Черный» для каудильо период — когда международное давление соединилось с попытками развертывания в стране партизанского движения — длился недолго, примерно с конца 1944 г. до середины 1948 г. И всё же «призрак» гражданской войны явно и постоянно напомнил тогда о себе...

Если практически все испанские партии и синдикаты в изгнании возлагали надежды на то, что демократические державы покончат с режимом Франко, коммунисты с самого начала занимали принципиально иную позицию. Свою главную ставку компартия Испании делала на развитие в стране партизанского движения — гериллы, которое с течением времени в благоприятных условиях переросло бы во всенародное восстание. Тактика партизанской борьбы была, с одной стороны, вынужденной, но с другой — имела определенные исторические и политические предпосылки.

Партизанские действия стали развертываться в различных районах Испании еще задолго до окончания гражданской войны, по мере того как эти районы оказывались в руках франкистских войск. Начиная с 1937 г. руководство КПИ и советские военные советники начали целенаправленно активизировать действия партизан. Диверсионная деятельность играла важную роль во время наступательных операций республиканской армии. Так, одним

---

¹ Материалы о действиях «голубой дивизии» тщательно собирались и хранились в советском архиве, ее командир Муньос Грандес в 1944 г. чрезвычайной комиссией по расследованию злодеяний фашистских захватчиков был признан военным преступником (Российский государственный военный архив. Ф. 1425. Оп. 2. Д. 46. Л. 108). Однако СССР так и не объявил Испании войну.

из обстоятельств, обеспечивших успех в наступлении на Эбро в июле 1938 г., было активное участие партизанских формирований.

Руководили этой работой крупные советские военные специалисты: И. Г. Старинов, С. А. Ваушасов, Х. Д. Мамсуров, Л. А. Эйтингон и др. В годы Великой Отечественной войны Старинов займет пост заместителя главкома партизанским движением, в 1943 г. им будут разработаны и проведены масштабные операции «Концерт» и «Рельсовая война». Эйтингон станет заместителем начальника Управления партизанского движения НКВД, Ваушасов и Мамсуров — организаторами партизанской борьбы в Белоруссии и на Смоленщине. Деятельность советских специалистов в Испании способствовала отработке приемов наступательных операций, координации действий регулярных сил и диверсионных групп².

Почти во всех испанских партизанских подразделениях, школах подготовки партизан руководящие посты занимали коммунисты. Крупнейшим партизанским соединением был XIV корпус, насчитывавший около 18 тыс. человек, им командовал ветеран КПИ Д. Унгрия³. Именно этот корпус при участии советских военных советников осуществлял все важнейшие партизанские операции. Приобретенный в гражданскую войну опыт, несомненно, сказался позже на тактике сопротивления.

Важнейшее значение для будущего развития событий имело обстоятельство, на которое указывает в своих воспоминаниях «партизан-диверсант» (как он себя называет) Илья Старинов: «Почти вся республиканская армия попала в плен (это преувеличение. — А. С.), за исключением 14-го партизанского корпуса. Основная его часть вышла на территорию Франции, где и была интернирована... После оккупации Франции бойцы корпуса вырвались из лагерей и занялись привычным делом под командованием Антонио Буйтраго, прежде заместителя командира корпуса (Д. Унгрия находился в СССР. — А. С.). К 1943 г. корпус имел уже 27 диверсионных бригад, сведенных в девять дивизий. Их действия распространились на $\frac{2}{3}$ территории Франции, они участвовали в освобождении ряда городов, в том числе Марселя и Парижа.

---

² См.: Старинов И. Г. Фронт без командования // Новая и новейшая история. 1992. № 3; Ваушасов С. А. На тревожных перекрестках. М., 1988. С. 163–172.

³ Gomez Parra R. La guerrilla antifranquista 1945–1949. Madrid, 1983. P. 14–16.

Во Франции, как, например, и в Болгарии, Югославии и других странах, примерно 80 % командиров партизанских соединений и специалистов-диверсантов были подготовлены либо прямыми участниками партизанской войны в Испании, либо прошедшими через их руки инструкторами. Бывший начальник штаба 14-го партизанского корпуса Л. Илич был начальником оперативного отдела главного штаба французских партизан»⁴.

После победы Франко разрозненные остатки республиканской армии, те, кто не смог эвакуироваться, несколько десятков тысяч человек, оказались оттеснены в горы или другие труднодоступные районы страны. Беспощадный террор не оставлял этим людям шансов «вписаться» в новую политическую реальность, у них не было выбора — либо сражаться, либо погибнуть⁵.

В марте 1939 г., когда до падения Республики оставались считанные часы, по указанию представителя Коминтерна в Испании Пальмиро Тольятти руководством КПИ был создан Секретариат для организации борьбы в нелегальных условиях во главе с Х. Ларраньягой. Секретариат пытался установить контакты с уцелевшими партизанскими группами и отрядами. Однако уже вскоре большинству его членов пришлось покинуть страну.

Борьба партизан носила в основном оборонительный характер, но имели место и диверсии на железных дорогах, автострадах, линиях связи⁶. Чем дальше, тем чаще операции были связаны просто с необходимостью обеспечить выживание — добывать продовольствие, топливо, боеприпасы. Кроме коммунистов в движении участвовала часть анархо-синдикалистов, но руководители ни одной из антифранкистских партий и организаций не проявляли интереса к деятельности партизан на данном этапе.

После нападения Германии на СССР Коминтерн поставил перед испанской компартией задачу усилить борьбу, чтобы не допустить вступления Испании в войну на стороне Гитлера⁷. Руководить выполнением задачи должны были лидеры КПИ — члены

---

⁴ Старинов И. Г. Мины замедленного действия. Размышления партизана-диверсанта. Кн. 2. М., 1999. С. 50, 182.

⁵ Листер Э. Из опыта партизанской борьбы в Испании (1939–1951) // Проблемы мира и социализма. 1965. № 2. С. 56; Vilar S. La oposicion a la dictadura. Barcelona, 1976. P. 208.

⁶ Pons Prades E. Guerrillas españolas 1936–1960. Barcelona, 1977. P. 92, 95, 119, 132, 355.

⁷ Ибаррури Д. Воспоминания. Кн. 2. М., 1988. С. 60; Nuestra bandera. 1941. № 8–9. P. 21–22.

Исполкома Коминтерна, находившиеся в Советском Союзе, — Хосе Диас (скончался в Тбилиси в 1942 г.) и Долорес Ибаррури. Главным средством для достижения цели было провозглашено развитие партизанского движения, организация с его помощью массовых актов саботажа, неповиновения по всей стране⁸.

Конечно, ни о каких массовых актах саботажа во франкистской Испании не могло быть и речи. Единственное, что могла делать КПИ, — это регулярно посылать в страну небольшие нелегальные группы, состоящие из военных специалистов и партийных работников. Предполагалось, что они будут активизировать действия партизан и координировать их операции.

С этой целью в 1941 г. специальной директивой Исполкома Коминтерна на территории Франции в зоне Виши было создано подпольное временное бюро ЦК КПИ. В директиве говорилось:

«1. Постановлено организовать во Франции временное бюро ЦК Компартии Испании в составе товарищей 1, 2 и 3. Ответственный руководитель бюро тов. 1. Все трое должны во что бы то ни стало оставаться во Франции.

2. Бюро работает согласно директиве ЦК, поддерживает необходимую связь с руководством компартии Франции и строго соблюдает указания последнего.

3. Бюро позаботится, чтобы оставались во Франции в его распоряжении все те товарищи, которых оно сочтет необходимым. Бюро устанавливает контакт с находящимися во Франции испанскими товарищами и оказывает им помощь.

4. Бюро должно позаботиться установить контакт и регулярную связь с Испанией. Все товарищи, которым не угрожает большой риск, должны вернуться в страну. [...]

Для успешного осуществления возложенной на него миссии бюро должно пересмотреть всю систему работы и связей, порывая всякую личную связь и переписку, которые не являлись бы абсолютно необходимыми. Товарищ 1 должен законспирироваться полностью.

Общая политическая установка. Все силы направить против вовлечения испанского народа в империалистическую войну»⁹.

Директиву подписали Г. Димитров, Д. Ибаррури, Х. Диас, Ф. Антон.

Возможно, руководителем бюро — «товарищем 1» — был Х. Ларьянга, который вскоре погиб.

⁸ Nuestra bandera. 1942. № 5. P. 4–5, 24–25.

⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 230. Л. 1–2.

Прибывавшие нелегально через французскую границу или морем агенты компартии пытались войти в контакт с местными подпольными группами и партизанами, но в конце концов большинство из них были арестованы и погибли. Несмотря ни на что партизанская борьба не затухала на протяжении нескольких лет, а коммунистам удалось сохранить несколько своих подпольных центров. В 1943 г., после очевидного перелома в пользу союзников в ходе Второй мировой войны, партизанское движение в Испании расширилось и относительно консолидировалось, как бы предвзяря свой последний отчаянный взлет на волне Победы...

Конечно, ставить в тех условиях задачу организовать в Испании массовую антифранкистскую борьбу было абсолютно неправомочно. Позиция коммунистов не находила понимания ни у одной из партий — их бывших союзников по Народному фронту. С 1941 г., после нападения Германии на СССР, КПИ не раз обращала к ним призывы об объединении сил. Уже в августе 1941 г., а затем в сентябре 1942 г. испанское Политбюро в Москве выступило с обращением ко всем антифранкистским силам о формировании общенационального блока, куда могли бы войти даже монархисты, католики, консерваторы. (Ситуация была такова, что «согласие» с ними выглядело едва ли не более достижимым, чем с руководством социалистов и анархо-синдикалистов.) Соответствующее воззвание прозвучало в 1941 г. и из Мексики (где испанских эмигрантов было больше всего), причем главой предполагаемого правительства национального единства был назван Х. Негрин¹⁰. Никакого «национального единства», конечно, не было даже в зародыше. Эти призывы были пробойкотированы лидерами эмиграции, которые полагали, что коммунисты приносят в жертву свои кадры ради интересов «другой страны» (т. е. СССР).

Попытки КПИ наладить контакты с другими партиями, создать общий центр для борьбы против диктатуры были поддержаны только руководством Объединенной социалистической партии Каталонии (ОСПК), которая была членом Коминтерна. В ноябре 1942 г. на конференции в Тулузе (известной под конспиративным названием Гренобльской конференции) ОСПК и КПИ объявили о создании Испанского национального союза (ИНС). В мероприятии участвовали также несколько членов других партий, которые, однако, не являлись их официальными представителями. Были выдвинуты самые общие демократические, антифран-

---

¹⁰ Nuestra bandera. 1941. № 7; Rubio J. La emigracion de la guerra civil de 1936–1939. Madrid, 1977. P. 945.

кистские программные требования (разрыв отношений Испании со странами «оси»; восстановление свободы слова, печати, собраний, ассоциаций; объявление всеобщей амнистии и разрешение эмигрантам возвратиться на родину; подготовка условий для проведения выборов в конституционную ассамблею и др.)¹¹. Предполагалось, что такая их направленность будет способна привлечь к Союзу другие оппозиционные силы. Этого, однако, удалось достичь в весьма ограниченном масштабе и не на уровне руководства партий.

Конкретной информации об ИНС крайне мало, в литературе существует мнение, что вплоть до 1944 г. это была не реально действующая организация, а скорее «идея», долженствующая укрепить авторитет и влияние коммунистов в эмигрантских кругах¹². Французский автор, участник Сопротивления, комиссар Временного правительства в Тулузе П. Берто утверждал, что Французская компартия финансировала Испанский национальный союз и передавала ему директивы¹³.

Воззвания от имени ИНС, во всяком случае, ставили перед дезориентированными испанскими эмигрантами во Франции конкретную цель: взять в руки оружие и сражаться вместе с французским народом против общего врага, вплоть до победы и освобождения.

В сентябре 1943 г. в качестве руководящего центра антифранкистского сопротивления, исполнительного органа ИНС, создается Верховная хунта Национального союза. Было объявлено, что ВХНС образована в самой Испании и в нее вошли, наряду с коммунистами, социалисты, анархисты, республиканцы и представители других организаций. На самом деле это была в политическом плане креатура КПИ и во многом орган номинальный, базировалась она на юге Франции. В основу программы Хунты легли, с небольшими изменениями, принципы, сформулированные в программе Национального союза. Лидеры ИСРП, НКТ, левореспубликанцев не признали Верховную хунту, а своих товарищей по партии, сотрудничающих с коммунистами под эгидой этого органа, называли «коллорабационистами»¹⁴. Авторитетным

---

¹¹ Nuestra bandera. 1942. № 5. P. 1–3; Oliver J. et al. La prensa clandestina. 1939–1956. Barcelona, 1977. P. 23, 25.

¹² См., например: Pike D. W. In the Service of Stalin. The Spanish Communists in Exile. Oxford Univ. Press. P. 180–181.

¹³ Bertaux P. Liberation de Toulouse et de sa region. Paris, 1973. P. 102.

¹⁴ El Exilio Español de 1939. T. II. Guerra y Política. Madrid, 1976. P. 133–134.

этот орган не стал, даже Х. Негрин назвал Хунту «лукавством» и утверждал, говоря о ней, что раздробленность лучше, чем «фикция единства»¹⁵.

Наряду с политическими органами испанские коммунисты во Франции стремились также создать и военный центр под своим руководством. Во французском движении Сопротивления участвовали не только группы, но и целые отряды испанских партизан, в которых чаще всего не было разделения по идеологическим и партийным пристрастиям. Они действовали во многих департаментах, но прежде всего — на юге страны. Считается, что испанских партизан было примерно 12–15 тысяч человек. Чтобы придать этому движению более организованный характер и поставить его под свой контроль, коммунисты еще в 1942 г. объявили в Тулузе о формировании так называемого XIV корпуса испанских партизан (в честь прославленной части времен гражданской войны). Командиром был назначен Х. Риос, ранее служивший в штабе того самого корпуса. В мае 1944 г., после того как генерал де Голль объявил о вхождении всех партизанских группировок в единые Французские внутренние силы (ФФИ), было объявлено о создании Партизанского испанского объединения, новым командиром стал генерал Л. Фернандес¹⁶. Контроль этого органа не распространялся на территорию всей страны, многие отряды продолжали действовать самостоятельно. Но сам факт вхождения Партизанского объединения в ФФИ был многообещающим знаком для испанских антифранкистов, даже предвестием возможного официального признания со стороны новых французских властей.

28 августа 1944 г. колонна испанских партизан во главе с К. Гарсиа участвовала вместе с французскими маки в параде в освобожденном Монпелье, а 17 сентября в Тулузе испанских бойцов приветствовал сам генерал де Голль, отдавая честь знамени Республики. Это не могло не вселять надежд в людей, большинство из которых собирались в скором времени сражаться уже по ту сторону Пиренеев, вместе с союзниками. Однако генерал уже тогда занял весьма осторожную, если не настороженную, позицию и в отношении собственно французских сил Сопротивления, и особенно в отношении планов испанских республиканцев, и тем более коммунистов.

По мере развития успехов Красной Армии КПИ все настойчивее выдвигала лозунг подготовки «победоносного национального

---

¹⁵ Rubio J. Op. cit. P. 984–985.

¹⁶ Pike D. W. In the Service of Stalin. P. 182, 192.

восстания» в Испании, которое будет сопутствовать победе Объединенных Наций. Одновременно ставилась задача добиваться «национального единения» на основе общей борьбы за амнистию, против смертной казни и пыток заключенных¹⁷. Если учесть, что насильственные методы борьбы отвергались другими партиями, то две эти задачи были трудно совместимы между собой.

Приближавшаяся победа над Германией открывала, казалось, новые перспективы. Все оппозиционные партии, в том числе и коммунисты, надеялись, что страны антигитлеровской коалиции признают Франко одним из своих противников во Второй мировой войне и предпримут усилия для его смещения. Так, в воззвании Верховной хунты Национального союза, опубликованном в «Реконкиста де Эспанья» в июне 1944 г., говорилось: «Испанцы! Против Гитлера, Франко и фаланги! К оружию! В бой! За победу! Триумфальный гром союзнических пушек уже достиг французской земли. Началась великая битва, которая положит конец фашистскому господству в Европе. С востока, юга и запада наступают английские, советские и американские армии, их наступление не остановится до тех пор, пока не исчезнут Гитлер и его лакеи...»¹⁸

Наиболее оптимистично (даже эйфорически) настроен был, пожалуй, социалист И. Прието, который еще в марте 1944 г. сделал в Нью-Йорке следующее заявление: «Я не прошу, чтобы США объявили войну генералу Франко... Однако мы, испанские республиканцы, заявляем, что страны Запада в соответствии с принципами Атлантической хартии... не должны поддерживать дружественные отношения с тиранами. Для нас это было бы достаточным; этого вполне хватит, чтобы свергнуть испанский тоталитарный режим. Франко не имеет поддержки внутри Испании. И один только жест стран западной демократии, лишающий его их расположения, уничтожит его. Это будет бескровное свержение»¹⁹.

Таким образом, надежды антифранкистов на внешнюю помощь были всеобщими и простирались от введения на территорию Испании союзнических войск до предъявления существующему режиму совместного ультиматума, или декларации (подкрепленной, возможно, мерами экономического давления),

---

¹⁷ Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М., 2001. С. 497–498.

¹⁸ Oliver J. et al. Op. cit. P. 140.

¹⁹ Prieto I. Discursos en America. Mexico, 1944. P. 253.

которая заставила бы Франко «добровольно» оставить свой пост. Осенью 1944 г., после освобождения Франции и вступления Второй мировой войны в завершающую стадию, начался новый период в истории испанской оппозиции. Резко активизировали свою политическую деятельность эмигрантские силы всех направлений, стремясь если не внести непосредственный вклад в освобождение страны от франкизма, то во всяком случае заявить свое право на достойное положение в будущем политическом спектре. Добиться признания со стороны победителей стало для них первой задачей, т. к. собственно «уход» Франко представлялся неизбежным.

Главный эпицентр сосредоточения антифранкистских сил, Франция, где находились тысячи испанцев (и не просто находились, а вместе с французами участвовали в освобождении страны), становится центром притяжения для всех эмигрантов, разбросанных по миру. Тулуза, вблизи границы с Испанией, превращается буквально в столицу испанской оппозиции. На границе, в районе Пиренеев, были организованы многочисленные партизанские базы, лагеря и т. п.

Испанские изгнанники возлагали огромные надежды на помощь Франции. Конечно, поддержка французской общественности, многих официальных лиц, левых политических сил, соратников по Сопротивлению была значительной. Нельзя забывать и о целенаправленной кампании по мобилизации общественного мнения, которую вели французские коммунисты, социалисты и профсоюзы, о роли Конституционной Ассамблеи. Хотя определенное влияние на внешнюю политику все это оказывало, но до официального признания испанских институтов в эмиграции и военной помощи дело не дошло. Правительство генерала де Голля, фактически допустив испанскую «автономию» на юге страны, поспешило отмежеваться от ее политических и военных планов²⁰.

Сосредоточенные на юге Франции значительные массы вооруженных испанцев, тысячи человек, готовились повернуть свое оружие против Франко²¹. «Индивидуально и группами, по личному побуждению или подчиняясь призывам своих партий и синдикатов, тысячи представителей либертарных партий, коммунистов и социалистов приняли решение вновь подвергнуть опасности свою жизнь, по меньшей мере, свободу, чтобы попы-

²⁰ Arasa D. Años 40: los maquis y el PCE. Barcelona, 1984. P. 202.

²¹ Fernandez A. La España de los maquis. Mexico, 1971. P. 25.

таться восстановить демократию, действуя как партизаны или как их помощники (связные, информаторы и т. д.)»²².

На роль главного руководящего органа над всей этой внушительной вооруженной массой людей претендовала Верховная хунта Национального союза, находящаяся под контролем коммунистов. Несмотря на участие ряда республиканцев и социалистов, этот орган не располагал широкой политической поддержкой среди испанской эмиграции (хотя постоянно заявлял о ней) и не был признан французскими властями. Тем не менее он готов был воспользоваться стремлением тысяч вооруженных людей идти в бой, теперь уже за освобождение Испании. При этом не было и речи о какой-либо договоренности о взаимодействии с союзниками, а была лишь надежда на их «помощь».

Членами Верховной хунты и образованного при ней Партизанского объединения после освобождения южных департаментов Франции сразу стал активно обсуждаться вопрос — как использовать имеющиеся силы для борьбы с франкизмом. Были выдвинуты два тактических плана: массовое одновременное выступление с территории Франции или постепенная скрытая переброска через границу небольших вооруженных групп с дальнейшим их вхождением в состав действующих партизанских отрядов. Верх одержала первая точка зрения²³. Видимо, это произошло под влиянием обстоятельств освобождения Франции: высадка англо-американских сил в Нормандии вызвала массовые вооруженные выступления французов против оккупантов (а режим Франко упорно называли «навязанным извне»).

Руководство ВХНС решилось на проведение наступательной операции на территорию Испании, операции, которую нельзя охарактеризовать иначе как авантюристическую и в политическом отношении совершенно неподготовленную. План ее предусматривал переход через границу нескольких тысяч партизан, создание стабильного фронта и захват какого-либо крупного города. Организаторы рассчитывали, что их инициатива вызовет массовую поддержку населения, выступления по всей стране (как это было во Франции) и в конце концов — вмешательство стран антигитлеровской коалиции²⁴. Предполагалось также, что в захваченном районе могло бы первоначально располагаться

---

²² Vilar S. Historia del antifranquismo 1939–1975. Barcelona, 1984. P. 155.

²³ Cossias T. La lucha contra el «maquis» en España. Madrid, 1956. P. 63–64.

²⁴ Sorel A. Guerrilla española del siglo XX. Paris, 1970. P. 56; Carrillo S. Mañana España. Paris, 1975. P. 123.

новое республиканское правительство. Главным инициатором был лидер коммунистов во Франции и руководитель Испанского национального союза Хесус Монсон, который приобрел большое влияние и решил действовать самостоятельно. С ноября 1943 г. он находился в Испании²⁵.

В этот же период руководитель молодежной организации КПИ Сантьяго Каррильо, перебравшийся в Оран (Северная Африка) на территорию, занятую американцами, готовил группу из 60 человек для высадки в Малаге, где предполагалось создать партизанскую базу. При том что тактика группы Каррильо была другая, преследовалась та же цель: заострить ситуацию с тем, чтобы заставить вмешаться союзников. Д. Ибаррури, которая находилась в СССР, резко возражала против планируемой операции, т. к. риск был слишком велик, а успех сомнителен²⁶. Судя по всему, сама Москва тогда не имела какой-либо определенной программы действий для этого направления. Каррильо было приказано перебраться на юг Франции, в Тулузу, где он вошел в руководящую группу партии (предварительно отправив «подготовленных товарищей» в Испанию)²⁷.

Между тем в Пиренеях развернулись драматические события. Х. Монсон отдал приказ о наступлении партизанских формирований через границу. Будучи в Испании, он встретился с членами подпольного центра в Мадриде и пришел к убеждению, что в стране складывается предреволюционная ситуация, пришло время инициировать народное восстание²⁸. В октябре 1944 г. началась знаменитая операция в долине Аран — операция «по освобождению Испании». Несколько партизанских групп проникли через границу еще в первых числах октября, а к концу месяца бригада под командованием Лопеса Товара вошла в долину Аран, заняв там несколько деревень. Местное население, однако, не проявило к ним особой симпатии, тем более, никто там не слышал о существовании Испанского национального союза и его

---

²⁵ Pike D. W. *Jours de gloire, jours de honte. Le Parti Communist d'Espagne en France depuis son arrivée en 1939 jusqu'à son départ en 1950.* Paris, 1984. P. 122–124; Serrano S. *Maquis. Historia de la guerrilla antifranquista.* Madrid, 2006. P. 143.

²⁶ См.: Ибаррури Д. Воспоминания. Кн. 2. С. 97–98; Carrillo S. *Dialogue on Spain with Regis Debray and Max Gallo.* London, 1976. P. 91–92; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 240. Л. 124.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 240. Л. 132.

²⁸ *Para una historia del PCE.* Madrid, 1980. P. 150; Serrano S. *La guerrilla antifranquista de Leon (1939–1951).* Leon, 1986. P. 224, 226.

программе²⁹. Вскоре подтянутые для ликвидации партизанского очага огромные силы — более 150 тыс. солдат, авиация, артиллерия — во главе с генералом Москардо предприняли контрнаступление с одновременным обходом партизан с фланга. Прибывший как раз в этот момент из Алжира С. Каррильо отдал приказ об отступлении. Это спасло партизанское соединение от полного разгрома и уничтожения, без больших потерь ему удалось отойти на территорию Франции³⁰. Часть партизан осталась в Испании, ушла в горы, с тем чтобы продолжить антифранкистскую борьбу³¹. Среди них был и Х. Монсон (который в июле 1945 г. был арестован и приговорен к 30 годам тюремного заключения).

Неудача была полной и в военном и в политическом отношении. Международного резонанса операция не получила, ее почти «не заметила» даже французская печать. Никаких деклараций и тем более действий со стороны союзников не последовало.

В своем докладе, направленном в Отдел международной информации ЦК ВКП (б) в феврале 1945 г., С. Каррильо сообщал, что в операции в долине Аран участвовало около восьми тысяч человек (фактически это была серия из нескольких операций). Они выполняли «приказ, направленный делегацией в Испании партийным товарищам, подписанный М. (Монсоном. — А. С.)». В приказе ставились следующие задачи: «...создать на испанской территории плацдарм максимально возможной протяженности и укрепиться на нем... По ходу реализации этой акции ... направлять туда наши резервы, организуя и вооружая все новые испанские подразделения, которые будут удерживать этот фронт. Этот плацдарм ... должен снабжаться с другой стороны границы достаточным количеством оружия, боеприпасов, продовольствия и снаряжения». Предусматривалось развернуть целую серию «вспомогательных диверсионных и террористических акций по всей испанской территории с максимально возможным размахом». Соответствующие инструкции были даны «командиру XIV (имеется в виду командир XIV партизанского корпуса. — А. С.), который находится здесь»³².

Каррильо утверждает в докладе, что партизанские руководители и сами партизаны не были согласны с полученным приказом, но решили подчиниться ему, т. к. он поступил из Испании.

---

²⁹ Pons Prades E. Guerrillas españolas. P. 305.

³⁰ Cossias T. Op. cit. P. 63–64; Carrillo S. Dialogue on Spain ... P. 94–95.

³¹ Alba V. El Partido Comunista en España. Barcelona, 1976. P. 273.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 41. Л. 14–15.

Главный негативный эффект этой операции Каррильо видит в том, что из-за нее «были практически потеряны месяцы сентябрь, октябрь и часть ноября, когда можно было проникнуть в Испанию для ведения подлинной партизанской борьбы с использованием большого количества людей и военных материалов (выделено нами. — А. С.)»³³. После неудачи в долине Аран и другие партизанские руководители признали, что тактика массового наступления обречена и ведет только к бессмысленным жертвам, партизаны не в состоянии противостоять франкистским войскам в открытом бою. Видимо, автор (судя по последней фразе) рассчитывал на поддержку Москвой именно тактики «классических» партизанских действий. Далее Каррильо выражает уверенность, что к весне 1945 г. «партизанское движение расцветет по всей стране», так как усилится «отправка в Испанию не только людей, но и оружия»³⁴.

Вину за провал операции руководство КПИ возложило на Х. Монсона; говорилось даже о его предательстве и провокаторской роли на том основании, что в момент наступления партизан в районе операции было значительно больше франкистских войск, чем обычно. Впоследствии он был также обвинен в принижении влияния КПИ в Национальном союзе, квалифицирован как оппортунист и исключен из партии³⁵. Таким образом, Политбюро во главе с Д. Ибаррури постаралось подчеркнуть свою полную непричастность к операции в долине Аран.

Своеобразным откликом на эти события можно считать уникальный документ, обнаруженный в РГАСПИ. Это записка в ЦК ВКП (б) за подписью начальника отдела внешней разведки ГУГБ НКВД СССР П. М. Фитина «Материал германской разведки от 8.11.44 на немецком языке по вопросу о финансировании испанских партизан в Южной Франции» (сама записка датирована 13 марта 1946 г.). Донесение немецкой разведки было составлено сразу после операции в долине Аран, а главный вопрос, который интересовал немцев, — кто финансирует «красных испанских маки». По сообщению «доверенного лица» в Мадриде, «коммунистических маки в Южной Франции частично финансирует еврейский банкир Раушер по заданию советского посла в Мексике Уманского. В этом деле принимает участие красный испанский

---

³³ Там же. Л. 16.

³⁴ Там же.

³⁵ История Коммунистической партии Испании (Краткий курс). М., 1961. С. 225; Serrano S. La guerrilla antifranquista de Leon. P. 224.

командующий и бывший военный министр генерал Рикельме... Они привезли с собой около 5 миллионов долларов». Далее сообщалось, что Раушер — старый друг Коминтерна, который ранее оказывал ему финансовую помощь в Китае. В данном же случае средства были «взяты из фонда, переданного Сталиным; этот фонд состоит из средств, которые после окончания испанской войны были переданы ему Негрином из Испанского Национального банка для компенсации за помощь оружием и снаряжением всех видов»³⁶.

Таким образом, испанские партизаны сумели все же достаточно серьезно заявить о себе данным выступлением, так что даже в тяжелейший для Германии момент, в ноябре 1944 г., немецкая разведка вынуждена была уделить им внимание. Действительно, больше ничего подобного за всю долгую историю франкистского режима не происходило.

Именно с этой операцией была связана популярная среди партизан легенда (которая ничем, правда, не подтверждается), что приказ на проведение операции был получен от самого Сталина. Факты свидетельствуют, что советское руководство если и было готово поддержать развертывание партизанской борьбы в Испании, то только по завершении войны с Германией, после должной материальной и политической подготовки, а в наиболее благоприятном варианте — опираясь на хотя бы косвенно за-свидетельствованное согласие союзников (именно этого Сталин попытался добиться на конференции в Потсдаме, предложив принять специальную резолюцию по Испании).

Подготовка к осуществлению каких-то планов — а точнее, пока к зондированию ситуации — Москва начала осенью 1944 г. В октябре состоялась встреча Г. Димитрова (бывшего главы Коминтерна, после его роспуска заведовавшего отделом международной политики ЦК ВКП (б)) с членом ЦК КПИ Э. Листером, которому был представлен взгляд И. В. Сталина на «испанский вопрос». Планы советского руководителя были нацелены на то, чтобы помешать «западным империалистам сохранить власть у Франко после разгрома фашизма». Для этого он считал необходимым действовать по двум направлениям: во-первых, постараться консолидировать оппозиционные силы и сформировать правительство «народного доверия»; во-вторых, обеспечить поддержку этого правительства «народным движением», т. е. партизанской борьбой. Тогда же Сталин (по словам Листера)

---

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Ед. хр. 163.

выразил пожелание, чтобы будущее правительство возглавил Х. Негрин. Предполагалось, что Э. Листер, вместе с Х. Модесто и А. Кордоном, займется организацией партизанского движения, а Д. Ибаррури — налаживанием политических контактов³⁷. Сейчас невозможно сказать, насколько точно передает Листер в своих мемуарах слова Димитрова, но совершенно ясно прослеживается: в последовавшие два года КПИ целеустремленно выполняла именно эту двудединую задачу.

Вскоре было принято решение об отъезде всех испанских коммунистических руководителей из Москвы во Францию. Тогда же Г. Димитров сообщал Сталину, что по просьбе Д. Ибаррури он послал запрос И. Броз Тито «о возможности направления в Югославию и временного использования в Народно-освободительной армии испанских товарищей Модесто (русская фамилия Морозов Георгий Георгиевич), Листер (русская фамилия Лисицын Эдуард Эдуардович) и Кордон (русская фамилия Кузнецов Антон Антонович). Товарищ Тито ответил согласием. ... В таком случае т. т. Модесто, Листер и Кордон будут иметь возможность через некоторое время переехать ближе к Испании для работы по линии испанской компартии»³⁸.

Пробыв несколько месяцев у Тито, Листер и Модесто были в Париж в феврале 1945 г. (Кордон остался в Югославии еще на год). Во Францию также срочно перебрались из Америки В. Урибе, А. Михе, Ф. Антон и др. Находившийся уже там Каррильо образовал в Тулузе новое Политбюро партии, в котором Листер стал ответственным за военные вопросы. Он же возглавил Партизанское объединение, сменив Л. Фернандеса; заместителем Листера стал Модесто, а сам Каррильо — политкомиссаром³⁹.

Накануне своего отъезда из Москвы Д. Ибаррури и ее секретарь И. Гальего были 23 февраля 1945 г. приняты И. В. Сталиным — впервые за все годы их пребывания в СССР. Стороны пришли к полному согласию: генеральный секретарь КПИ заявила, что «своей борьбой и сопротивлением испанские антифашисты заслужили право занять место за столом Победы»; но для успешного завершения борьбы необходимы «международная политическая и иная помощь» и оружие для партизан. Сталин твердо пообещал помощь и резюмировал (по словам Пассиона-

³⁷ Lister E. *Así destruyó Carrillo el PCE*. Barcelona, 1983. P. 28.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 243. Л. 3.

³⁹ См.: Pike D. W. *Jours de gloire, jours de honte*. P. 134.

рии): «Можете рассчитывать на нас. Испанские антифашистские бойцы — наши союзники»⁴⁰. Таким образом, советский руководитель выразил тогда заинтересованность в решении «испанского вопроса» по своему сценарию, т. е. фактически — в пересмотре итогов гражданской войны в Испании, и признал необходимым использовать для этого, во-первых, собственный международный авторитет, а во-вторых, вооруженные формирования республиканской оппозиции. Если верить в точность воспоминаний Ибаррури, был поставлен и вопрос, столь волновавший все антифранкистские силы, — о включении их в число участников союзнической антифашистской коалиции.

Д. Ибаррури предстояло решить еще одну задачу: связаться с находящимся в Лондоне Х. Негрином, сообщить ему о договоренности со Сталиным и попытаться «реанимировать» республиканское правительство в изгнании, главой которого он номинально являлся. Она пишет: «Срочной телеграммой я попросила его дожждаться моего прибытия в Париж. Негрин ответил, что будет ждать меня»⁴¹. Кроме того, она направила ему письмо, которое Г. Димитров просил зам. народного комиссара иностранных дел В. Г. Деканозова переправить, «сохраняя всю необходимую предосторожность», по своим каналам⁴².

Однако Д. Ибаррури добралась до Парижа только 23 апреля⁴³. К этому времени Негрин уже покинул Европу, с тем чтобы присутствовать на учредительной конференции ООН в Сан-Франциско. Но решения требовало и множество других неотложных задач.

После неудачи в долине Аран Испанский национальный союз провел в Тулузе конференцию (2–5 ноября 1944 г.), призванную восстановить его авторитет. Была сформулирована весьма умеренная программа, которая, хотя и содержала призыв к национальному восстанию, но не упоминала о вторжении извне — ни партизанской армии, ни союзнических войск. Истинной целью конференции было продемонстрировать, что ИНС объединяет все испанские антифранкистские силы и что его руководство находится в самой Испании⁴⁴. Соответственно, было зачитано

---

⁴⁰ Ибаррури Д. Воспоминания. Кн. 2. С. 102–103.

⁴¹ Там же. С. 103.

⁴² Коминтерн и гражданская война в Испании. С. 501 (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 41. Л. 27).

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 41. Л. 27.

⁴⁴ Pike D. W. *Jours de gloire, jours de honte*. P. 137.

послание, поступившее якобы от Верховной хунты из Мадрида, провозглашено, что «политика ИНС — не коммунистическая, а демократическая и патриотическая, в нем есть место для всех». Кроме того, утверждалось, что участники конференции не коммунисты являются представителями различных партий, движений, профсоюзов⁴⁵.

Как и раньше, это не соответствовало действительности, тем более что состоявшийся незадолго до этого, в сентябре, съезд ИСРП во Франции отказал в участии тем социалистам (т. е. фактически «отлучил» от партии), которые сотрудничали с ИНС. Съезд подтвердил неприятие любых контактов с компартией, «чем бы они ни были прикрыты», и непризнание «Национального союза (платформа КПИ), создание которого не соответствует элементарной процедурной этике»⁴⁶.

Ноябрьская конференция ИНС была одной из последних заметных акций, проведенных под эгидой этой организации. Впоследствии о ней вспоминали все реже, хотя формально она продолжала существовать еще год. После того, как в Тулузе собрались все члены Политбюро КПИ, коммунисты предпочитали действовать уже от своего собственного имени и не пытались возродить этот полуноминальный «союз».

С начала 1945 г. компартией была принята тактика развертывания широкой сети партизанских отрядов на территории Испании с целью подготовки национального восстания. Предполагалось, что повстанцы своими «точечными», но повсеместными ударами смогут активизировать население и дестабилизировать франкистский режим. На юге Франции Партизанское объединение преобразуется в Объединение Вооруженных сил Испанской республики во главе с Э. Листером, причем в эту организацию должны были войти только коммунистические отряды. На границе с Испанией, в Пиренеях под руководством Листера было создано пять партизанских баз, откуда группы бойцов, по 10–15 человек, просачивались в Испанию⁴⁷.

Партизаны рассредоточивались по территории страны, вливались в уже действующие отряды. Вместе с людьми в Испанию посылалось оружие, боевое снаряжение, денежные средства. В результате было образовано шесть партизанских соединений: Левант—Арагон, Галисия—Леон, Астурия—Сантандер, Эстремаду-

---

⁴⁵ Ibid. P. 138–139.

⁴⁶ Vilar S. Historia del antifranquismo. P. 196.

⁴⁷ Pike D. W. Jours de gloire, jours de honte. P. 141.

ра, Центр, Андалусия. «Соединениям, находящимся под стратегическим руководством Верховной хунты, — говорилось в открытом письме ЦК КПИ в январе 1945 г., — вменяется в обязанность организация наступательных акций против франкизма»⁴⁸.

Конечно, в рядах партизан сражались не только коммунисты. Социалисты, анархо-синдикалисты создавали собственные отряды и боевые группы, но действовали они независимо от своих партийных организаций и даже вопреки их установкам. Руководители ИСРП в Мексике и Франции призывали две основные партизанские группировки социалистической ориентации, в Астурии и Леоне, не проводить никаких акций, свернуть свою деятельность и покинуть Испанию. А в сентябре 1945 г. пленум социалистов запретил «организацию мятежей и столкновений, которые могли бы в международном плане послужить оправданием репрессивной политики испанского правительства»⁴⁹. То же можно сказать и об анархо-синдикалистах. Партизаны-анархисты, которые действовали в Каталонии вплоть до начала 60-х годов, не имели никакой поддержки от своих лидеров. Порой эти группы сотрудничали с коммунистами.

Тридцать первого марта 1945 г. французское правительство издало указ об обязательном разоружении и «демилитаризации» всех формирований испанских партизан. Коммунисты, однако, не спешили его выполнять, они сохранили и все военные структуры, и большую часть оружия. Листер свидетельствовал, что фактически «французское правительство и власти не чинили нам препятствий в нашей деятельности во Франции а также по всей протяженности границы с Испанией»⁵⁰.

С 1945 г. боевые действия партизан в Испании приобретают относительно более массовый и организованный характер, осуществляется их штабная разработка. Борьбе партизан, действительно, был придан новый импульс, однако население оставалось индифферентным. Отчет об организации партизанской деятельности в этот период был также направлен в ЦК ВКП (б)⁵¹. Тем не менее настоящего взаимодействия достичь не удалось. В обстановке жесточайших преследований это было попросту невозможно. И тогда, и в последующий период партизанские группы действовали в основном разрозненно, на свой страх и риск.

⁴⁸ Sorel A. Op. cit. P. 59.

⁴⁹ Serrano S. Maquis. P. 162.

⁵⁰ Lister E. Asi destruyo Carrillo el PCE. P. 37.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 932. Л. 9–28.

В последние месяцы 1945 г., с окончанием военных действий на Дальнем Востоке и завершением Второй мировой войны, во многих странах мира, особенно во Франции, все шире стала разворачиваться международная кампания против режима Франко, «последнего реликта фашизма». Министры и парламентарии — представители левых партий, профсоюзы, различные комитеты, СМИ выдвигали требования разрыва дипломатических отношений своих стран с Испанией, объявления ей экономической блокады.

Однако лишь немногие правительства склонялись к принятию против Франко конкретных мер. Здесь играли свою роль и сомнения в эффективности таких мер, и отсутствие успешного опыта их применения, но прежде всего — страх перед возможностью «второго издания» гражданской войны в Испании, возникновения очага международной напряженности, где может произойти столкновение западных держав и Советского Союза. Многие государства, кроме того, активно выступали против нарушения принципа невмешательства во внутренние дела, не желая создавать опасный прецедент «интервенционизма». Симптоматично, однако, что в самом конце ноября из Мадрида был отозван американский посол Н. Армюр, а на его месте остался лишь дипломат в ранге поверенного в делах.

Французская Конституционная ассамблея почти безоговорочно встала на сторону испанских антифранкистских сил и потребовала у своего правительства разрыва отношений с существующим в Испании режимом. В феврале 1946 г. под давлением левых Франция даже закрыла границу с Испанией, демонстрируя таким образом свою поддержку делу испанской оппозиции. Это произошло после казни в Испании героя французского Сопротивления Кристино Гарсиа, который прибыл из Тулузы во главе группы бойцов.

КПИ в этот период предпринимает попытки расширить свою политическую базу, создать некий прототип Народного фронта оппозиции, одновременно ведет пропаганду своей вооруженной борьбы. В декабре 1945 г. в Тулузе состоялся первый после окончания мировой войны пленум КПИ. На нем было выражено убеждение, что идеи относительно «автоматического» краха режима Франко беспочвенны. Были сформулированы программные требования: установление демократической республики на основе конституции 1931 г., справедливое решение национального, аграрного и др. вопросов. Был подтвержден вывод, что решающее значение для ликвидации режима диктатуры будет иметь борьба

народа: «для освобождения Испании необходимо, чтобы рабочий класс, крестьянство, весь наш народ боролись так же, как борются партизаны»⁵². Таким образом, ставка по-прежнему делалась на «детонирующую» роль партизанского движения, теперь уже более широкого и оснащенного.

Сразу после окончания пленума, 17 декабря 1945 г. генеральный секретарь партии Д. Ибаррури направила руководителям антифранкистских партий и организаций, некоторым деятелям оппозиции письма с предложением создать коалиционное правительство, которое возглавит борьбу за свержение диктатуры и восстановление республики. После уничтожения франкизма ему отводилась роль главного руководящего органа, до момента проведения в стране всеобщих выборов, в ходе которых испанский народ должен выразить свою волю по поводу государственного устройства страны. В этом коалиционном правительстве должны участвовать все оппозиционные силы, «от республиканцев, социалистов, анархо-синдикалистов, коммунистов, представителей Каталонии, Страны Басков и Галисии и кончая монархистами и военными». В письме, в частности, говорилось: КПИ направляет все усилия на «организацию вооруженной борьбы против франкистско-фалангистского режима, полагая, что это является лучшим методом для его уничтожения. Однако мы никогда не отвергали других форм борьбы с франкизмом, если объединенные антифранкистские силы сочли бы их возможными и эффективными»⁵³. Для обсуждения этой программы предлагалось провести конференцию в Париже. Однако большинство лидеров оппозиции на этот призыв либо не откликнулись, либо отвергли его⁵⁴.

Э. Листер утверждает, что вдохновителем и автором этих посланий был С. Каррильо (будущий генсек КПИ и основатель еврокоммунизма), который в это время уже отошел от идеи национального восстания и предпочел «сговор» с буржуазными партиями. По мнению радикально настроенного Листера, именно из-за Каррильо «не было сделано все необходимое и возможное» для развития партизанского движения: главное, чего не хватало партизанам, — это не поддержки населения, а оружия и снаряжения⁵⁵.

---

⁵² История Коммунистической партии Испании (Краткий курс). С. 229; Sorel A. Op. cit. P. 43.

⁵³ Oliver J. et al. Op. cit. P. 95–98.

⁵⁴ Lister E. Asi destruyo Carrillo el PCE. P. 40–41.

⁵⁵ Ibid. P. 42, 51.

К этому моменту республиканское правительство в изгнании уже было создано в Мексике, хотя и на гораздо более узкой базе. В него вошли в основном представители республиканских партий, каталонских и баскских националистических партий, а также несколько членов ИСРП, ВСТ, беспартийных (ни одной «знаковой» фигуры среди них не было). Его возглавил республиканец Х. Хираль (Негрин перед этим официально подал в отставку). Реально можно было вести речь о вхождении коммунистов именно в данное правительство. Вскоре это и было осуществлено. 1 апреля 1946 г. С. Каррильо стал «министром» в правительстве Хиралья, которое, как подчеркивал Листер, было «против партизанской и любой другой формы вооруженной борьбы»⁵⁶ и все свои усилия направило на то, чтобы добиться признания со стороны западных держав.

На том же пленуме, в декабре 1945 г. КПИ сделала еще один шаг навстречу требованиям своих критиков: она объявила о роспуске Испанского национального союза.

Параллельно этим инициативам лидеры КПИ предпринимают в конце 1945 г. шаги по активизации международной антифранкистской кампании, а именно — ее коммунистического крыла. В своем письме (февраль 1946 г.) в ЦК ВКП (б) Д. Ибаррури сообщила: «В ноябре 1945 г. я имела беседу с руководством французской компартии. Во время этой беседы я сделала несколько критических замечаний относительно того, что проблема Испании не разрешается с применением достаточных сил. Французские товарищи согласились со мной и обещали исправить этот недостаток. От имени коммунистической партии Испании я предложила руководству французской компартии обратиться к другим коммунистическим партиям с предложением о заключении соглашения по координации действий в деле оказания помощи испанскому народу. Французские товарищи одобрили мое предложение и поручили товарищу А. Марти заняться организацией этой кампании»⁵⁷. Последнему было поручено по согласованию с руководством КПИ созвать «конференцию руководителей коммунистических партий Англии, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Норвегии, Дании, Италии, Уругвая с руководителями испанской и французской компартий»⁵⁸. Присутствовал там и представитель югославских коммунистов.

---

⁵⁶ Ibid. P. 37–38.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 128. Д. 936. Л. 12.

⁵⁸ Там же. Л. 12–13.

Это собрание, созданное «для заключения соглашения о координации действий», прошло в Париже 29–30 января 1946 г. Принятая им резолюция требовала «последовательно добиваться» блокады франкистской Испании, полного разрыва с ней торговых, дипломатических отношений, закрытия границ. Один из пунктов гласил: «В случае установления республиканского правительства национального единения, в которое вошли бы коммунисты, развернуть большую кампанию за признание этого правительства как единственного легального правительства Испании»⁵⁹.

В конце своего доклада в ЦК ВКП (б) Ибаррури подчеркивала: «...французская коммунистическая партия оказывает испанской компартии в настоящее время заметную помощь во всех отношениях»⁶⁰. Подтверждением этому может служить, например, заявление А. Марти на одном из митингов о готовности ФКП вооружить 100 тысяч добровольцев-коммунистов. Известен и такой факт: в Париже в качестве военного атташе Югославии находился тогда известный партизанский руководитель, уже генерал армии, Л. Илич, который, по некоторым данным, обсуждал с французскими коммунистами экспедицию вторжения в Испанию⁶¹.

С начала 1946 г. Советский Союз более активно подключается к «испанскому вопросу». В частности, он предпринимает усилия, чтобы включить этот вопрос в повестку дня Совета Безопасности ООН, но «от своего лица» выступать с таким предложением считает некорректным. Поставленной цели советской дипломатии удалось добиться только в апреле 1946 г., действуя через своего нового союзника — Польшу. Основанием для такого шага стало обвинение режима Франко в том, то он, во первых, утвердился при поддержке Гитлера и Муссолини, а во-вторых, представляет собой «угрозу миру».

В Совете Безопасности Советский Союз и Польша предложили резолюцию, требующую разрыва дипломатических отношений всех стран с франкистской Испанией. С самого начала обсуждения в Совете развернулась острейшая борьба между двумя противостоящими лагерями — один во главе с советской делегацией, другой — английской. Добиться какого-либо соглашения не удалось, ни одна из предложенных резолюций принята не была. Не помогло и создание Подкомитета по испанскому вопросу, ко-

---

⁵⁹ Там же. Л. 17.

⁶⁰ Там же. Л. 13.

⁶¹ Вольтон Т. КГБ во Франции / Пер. с фр. М., 2000. С. 66–67.

торый сумел выработать вполне «выдержанную» резолюцию. Советский Союз, как мы предполагаем, как раз тогда делал ставку не на компромисс, а на попытку использовать шанс радикального решения испанского вопроса.

Правда, представителю СССР А. А. Громыко удалось настоять на том, что бы испанский вопрос был оставлен в ведении Совета Безопасности, а это означало, что его не сможет рассматривать Генеральная Ассамблея, где СССР был в заведомом меньшинстве и где сильны были противники интервенционизма.

Интересно, что во время дискуссии в Совете Безопасности А. А. Громыко сделал достаточно откровенное заявление: «Известно, что гражданские войны в некоторых странах были не так уж плохи. Всем известно историческое место гражданской войны в Соединенных Штатах Америки и ее значение. Боязнь гражданской войны в Испании представляет собой оправдание бездействия в отношении насажденного Гитлером и Муссолини фашистского режима»⁶².

Как раз к обсуждению испанского вопроса в СБ была приурочена переброска в Испанию крупного пополнения для партизанских отрядов. Тогда же имели место значительные советские поставки оружия и снаряжения, что не осталось незамеченным англичанами и американцами. 8 марта 1946 г. поверенный в делах США в Испании Ф. Бонсал сообщал госсекретарю: «В Париже некоторое время находилась советская военная миссия во главе с полковником Лапшиным. В СССР опасаются, что США и Великобритания добиваются, чтобы внешняя и экономическая политика Испании ориентировалась на них. Советский Союз стремится расстроить планы западных демократий и с этой целью задействовал мощные средства для проникновения в Испанию. Среди этих средств — использование дисциплинированной Французской компартии и испанских эмигрантов во Франции. Влияние Москвы на французских коммунистов и испанских беженцев стало совершенно очевидно в последнее время. Капитан Новиков и лейтенант Хилитзин (Кислицын?), члены советской военной миссии в Париже, имеют постоянные контакты с испанскими эмигрантами. Первый действует в департаменте Арьеж и пытается организовать отправку нелегальных грузов с оружием и амуницией в Испанию. Другой находится в Нанси, где занимается пересылкой подобных же грузов морем. Пассионария, лидер испанских коммунистов, которая несколько лет жила

---

⁶² ООН. Совет Безопасности. 1-й год. 1-я серия. № 2. Нью-Йорк, 1946. С. 123.

в России, постоянно посещает советское посольство и передает другим испанским группам полученные указания...»⁶³.

Примерно в то же время испанские спецслужбы сообщали, что коммунисты под руководством Э. Листера сосредоточили вблизи границы большие запасы оружия. Они якобы получили инструкции из Москвы и заручились поддержкой И. Броз Тито⁶⁴.

Франко со своей стороны также выпустил к началу обсуждения испанского вопроса в Совете Безопасности специальную ноту. В ней в очередной раз сообщалось о военных приготовлениях «групп испанских революционеров» на юге Франции, их планах прорыва на испанскую территорию и провозглашения собственного «правительства». Далее открыто утверждалось, что в этих приготовлениях участвуют советские агенты, «направляемые или поддерживаемые московским правительством». В подтверждение приводились такие факты, как присутствие в этом районе советских офицеров и прибытие в Марсель советского корабля «Клим Ворошилов» с военным снаряжением. Разгрузка корабля и дальнейшая отправка оружия проводилась якобы под наблюдением самого советского посла, при этом французские власти не чинили никаких препятствий. Вывод, который делался в заключение, был прямо обращен к членам Совета Безопасности: «В то время, когда обвиняют Испанию, революционные элементы проявляют активность на границе. Они являются инструментом советской пропаганды и поддерживаются Францией. Это и есть серьезная и явная угроза миру в настоящее время»⁶⁵.

Таким образом, и широкая международная антифранкистская кампания, и решительные заявления советских политиков, и видимая активизация помощи испанским партизанам постепенно складывались в звенья одной цепи. Все говорит о том, что в Москве к этому времени сложился определенный план действий, для полной реализации которого требовался, однако, целый комплекс благоприятных условий. Но даже при отсутствии успешного воздействия на ситуацию в самой Испании, эта страна представляла серьезный интерес как козырь в политическом противоборстве с Западом в условиях установившегося «холодного мира».

Однако вся эта серия политических, дипломатических и военно-технических мероприятий не привела к успеху. Она была

---

⁶³ FRUS. 1946. Vol. 5. P. 1047–1048.

⁶⁴ Suarez Fernandez L. Franco y la URSS. La diplomacia secreta (1946–1970). Madrid, 1987. P. 125–126.

⁶⁵ FRUS. 1946. Vol. 5. P. 1070–1072.

сконцентрирована на небольшом отрезке времени — всего несколько месяцев. Убедившись в твердости позиций Великобритании и США, советское руководство решило не обострять ситуацию.

В декабре 1946 г. испанский вопрос все же был рассмотрен Генеральной Ассамблеей ООН, что стало возможно, прежде всего, вследствие «корректировки» позиции СССР.

Обсуждение вопроса в Генеральной Ассамблее было острым, но уже не имело прежнего накала, противостоящие стороны явно склонялись к компромиссу, без претензий на достижение невозможного. В итоге 12 декабря была принята резолюция, в очередной раз осуждающая режим Франко. Она призывала все страны отозвать своих послов из Мадрида (не разрывая с ним формально дипломатических отношений).

Москва, видимо, убедилась, что ее усилия воздействовать на франкистский режим путем двойного давления — со стороны международных институций и внутренней герильи — безрезультатны. С этого момента СССР начинает смириться с тем, что Испании предстоит остаться в зоне военно-политического влияния Запада. Испания не входила в сферу первоочередных интересов СССР, и поэтому его упорство в данном вопросе было недолгим и весьма относительным.

КПИ так и не удалось снискать политических союзников, не добилось международного признания и правительство в эмиграции с участием коммуниста. Испанская республиканская оппозиция погрязла в склоках и расколах. «КПИ, демонизированная внутри Испании и вызывающая настороженность у демократических держав, была в проигрышном положении в качестве руководителя вооруженной борьбы. Если бы сопротивление поддерживали все республиканцы, Западным странам труднее было бы его игнорировать»⁶⁶.

Тем не менее и после 1946 г. главной сферой деятельности испанской компартии остается партизанское движение. В марте 1947 г. Д. Ибаррури заявила на пленуме КПИ: партизанская борьба является «дорогой наиболее короткой и, несмотря ни на что, наименее болезненной для достижения победы»⁶⁷. Компартия утверждала, что партизанское движение сможет сыграть такую же роль, какую сыграли испанские партизаны (герильяс) в освобождении страны от наполеоновского владычества в нача-

⁶⁶ Serrano S. Maquis. P. 423.

⁶⁷ Modesto J. Progresos y perspectivas del movimiento guerrillero. Paris, 1947. P. 5.

ле XIX в. Ведь тогда именно партизаны явились силой, которая сумела мобилизовать народные массы на борьбу и привести, при поддержке английской армии, к изгнанию французов с испанской земли. Подобная аналогия использовалась еще в начале гражданской войны, и вот теперь вновь КПИ в своих официальных документах подчеркивала преемственность между антифранкистским партизанским движением и испанской герильей XIX в.⁶⁸

В передовой статье журнала «Нуэстра бандера» в декабре 1947 г. КПИ назвала себя «партией расстрелянных и партизан»⁶⁹. Листер позже приводил следующие цифры: если в 1945 г. партизанами были проведены 783 операции, т. е. в среднем 65 в месяц, в 1946 г. — 1085 (94 в месяц), то в 1947 г. — 1317 (109 в месяц)⁷⁰. Информация о деятельности испанских партизан обошла в тот период всю мировую печать.

Накануне принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции по испанскому вопросу в декабре 1946 г. Д. Ибаррури находилась в Москве и представила в ЦК ВКП (б) «сообщение» о деятельности КПИ и ее возможностях. В этом документе, направленном И. В. Сталину, подробно раскрывалось, какими силами располагает компартия внутри Испании, причем главное внимание уделялось партизанским формированиям: «В Испании имеется разветвленная организация партизан. В районах Мадрида, Сеуты, Эстремадуры, Альбасете насчитывается 400 партизан. В Малаге активно действует небольшая группа партизан, имеющая резервы среди населения и могущая за счет этих резервов в любое время пополнить свои ряды. В Галисии действует группа партизан численностью в 500 человек...» и т. д. Ибаррури также утверждала, что организация КПИ в Испании насчитывает около 20 тыс. человек, а во Франции 13 912 человек⁷¹. Тем не менее даже в этом документе не приводилось примеров каких-либо заметных достижений партизан, более или менее крупных успешных операций и т. п.

---

⁶⁸ См., например: *Nuestra bandera*. 1948. № 25. Р. 25; № 27. Р. 363, 367.

⁶⁹ *Nuestra bandera*. 1947. № 23. Р. 1004.

⁷⁰ Листер Э. Из опыта партизанской борьбы в Испании (1939–1951) // Проблемы мира и социализма. 1965. № 2. С. 56–57. В литературе встречаются различные данные о партизанских операциях. Статистика Э. Листера подразумевает под операцией любой вид партизанской деятельности, нанесшей ущерб франкистам. Ряд исследователей понимает под операцией лишь значительную акцию.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 965. Л. 182.

По мере обострения противоречий между Советским Союзом и западными странами в заявлениях испанских коммунистов появлялись новые акценты. Так, на антифранкистском митинге в Лондоне 28 июля 1947 г. Э. Листер заявил, что сила Франко заключается не в армии или полиции, а в той поддержке, которую ему оказывают иностранные державы; испанский народ может сам избавиться от Франко, если эти державы перестанут его поддерживать⁷². (Эти же установки в развернутом виде были отражены в появившейся почти одновременно справке МИД по испанскому вопросу, подготовленной к началу очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.)⁷³

Э. Листер, как самый последовательный и активный организатор партизанского движения, в начале 1948 г. предпринял последнюю отчаянную попытку придать ему новый импульс. Для этого он решил вновь обратиться за помощью к И. Броз Тито и добился соответствующего решения Политбюро КПИ. В феврале Листер вместе с Каррильо прибыл в Белград. Испанская делегация была сразу же принята Тито и его ближайшими соратниками. Речь шла, как уточняет Каррильо, о подготовке парашютного десанта в испанский Левант⁷⁴. И Листер, и Каррильо рассказывают, что югославские руководители спросили у них, проконсультировались ли они с советской стороной, а когда узнали, что нет, заявили, что это совершенно необходимо, но пообещали подумать и обсудить проблему со специалистами⁷⁵. Ответ был получен только через две недели, и он был отрицательным. Чисто технические аргументы югославской стороны показались испанцам неубедительными.

Они тогда еще не знали о глубине накапливавшихся противоречий между советским и югославским руководством, приведших вскоре к разрыву двух стран. Знаменательно, что именно в эти февральские дни члены ЦК КПЮ М. Джилас и А. Кардель находились в Москве, где им пришлось выдержать очень жесткий «разнос» от Сталина — за то, что югославские лидеры задумали ряд внешнеполитических шагов, не проконсультировавшись с «советскими товарищами»⁷⁶. Понятно, что в такой ситуации новые, совершенно авантюристические, инициативы югославам были ни к чему.

---

⁷² Правда. 1947. 29 июля.

⁷³ РГАСПИ. Ф.47. Оп. 2. Папка 5. Д. 30. Л. 6–7.

⁷⁴ Carrillo S. Mañana España. Paris, 1975. P. 15–16.

⁷⁵ Lister E. Asi destruyo Carrillo el PCE. P. 53.

⁷⁶ Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 2002. С. 198–206.

К этому времени уже стало ясно, что внутри страны партизанское движение не находит какой-либо серьезной поддержки и не имеет перспектив. Международная обстановка складывалась таким образом, что смысла продолжать дальше партизанскую борьбу также не было.

Еще раньше, в декабре 1945 г., как будто предвидя будущее развитие событий, Д. Ибаррури говорила на пленуме КПИ в Тулузе: «Для нас, испанцев, перед которыми стоит задача освобождения Родины от франкистского ига, сохранение единства между тремя главными державами (СССР, США, Великобритания. — *А. С.*) является гарантией того, что наши усилия в борьбе приведут к победной цели. Разрыв единства между этими державами обернется для республиканской Испании подлинной катастрофой»⁷⁷. Действительно, у СССР не было ни резонов, ни реальных возможностей брать на себя единоличную ответственность за внутреннее переустройство Испании, в то время как у него имелись гораздо более насущные задачи. С началом холодной войны испанский вопрос начинает использоваться уже только как козырь в политическом противостоянии с бывшими союзниками, а партизанское движение продолжается по инерции.

Однако Москва только в августе 1948 г. рекомендовала испанским коммунистам изменить свою тактику и не концентрироваться полностью на партизанском движении. И. В. Сталин счел необходимым лично побеседовать об этом с руководителями КПИ Ибаррури, Каррильо и Антоном, специально вызвав их из Франции в Москву⁷⁸, — событие для испанских коммунистов беспрецедентное.

В этой связи возникает интересная аналогия с ситуацией в Греции. Всего несколькими месяцами раньше Сталин говорил о необходимости свернуть помощь греческим повстанцам. В феврале 1948 г. на встрече с лидерами Югославии и Болгарии он прямо поставил перед ними эту задачу. Судя по опубликованной записи беседы, главная мысль Сталина состояла в том, что нельзя давать американцам никаких предложений для вмешательства, для создания «западного блока» и т. п. Советский лидер заявил: «...Я начинаю сомневаться в победе [греческих партизан]. Если вы не уверены, что партизаны победят, нуж-

---

⁷⁷ Sorel A. Op. cit. P. 36–37.

⁷⁸ Carrillo S. Mañana España. P. 124–125; Carrillo S. Dialogue on Spain... P. 96–98; Ибаррури Д. Воспоминания. Кн. 2. С. 146; Волкогонов Д. А. Семь вождей. Кн. 1. М., 1995. С. 239.

но свернуть партизанское движение. Американцы и англичане очень заинтересованы в Средиземном море. В Греции они хотят иметь базу и не пожалеют средств, чтобы сохранить такое правительство, которое бы их слушалось»⁷⁹. Сталин попросил югославских представителей передать его мнение «греческим товарищам».

Следует сказать, что и до этого Москва в «греческом вопросе» выступала очень осторожно, ограничивая свою непосредственную включенность в него некоторой финансовой поддержкой греческих коммунистов и передачей им германской трофейной техники. В этом — также прямая параллель с ее участием в поддержке испанского партизанского движения. В период окончательного развертывания холодной войны такие «периферийные зоны», как Греция и Испания, практически полностью уходят из сферы интересов СССР.

В конце сентября 1948 г., после возвращения лидеров КПИ из Москвы во Францию, там состоялось заседание актива партии, на которое были вызваны партизанские руководители. Доклад по поручению Ибаррури сделал член Политбюро КПИ В. Урибе. Этот доклад был сразу же переправлен в ЦК ВКП (б).

Урибе предложил изменить тактику партии, дав понять, что таково пожелание Москвы. «Недавно имел место обмен мнениями между представителями нашей партии и представителями ЦК ВКП (б). Речь шла о положении в Испании и о деятельности нашей партии. ... Советские товарищи привели примеры массовой работы большевиков в период царской реакции», — сказал он. Для участников совещания предложенный поворот был неожиданным, высказывались опасения, что этот шаг может иметь драматические последствия для самих повстанцев. Но Урибе заявил: «Нет никакого основания предполагать, что изменение тактики может в отрицательном плане повлиять на наших товарищей партизан»⁸⁰.

Решение о свертывании партизанского движения было принято. Наиболее организованным и надежным отрядам поручалось обеспечение безопасности комитетов КПИ, которые находились в горах. Эти отряды должны были прекратить всякие наступательные действия и выполнять лишь охранные функции.

---

⁷⁹ Исторический архив. 1997. № 8. С. 99 (Документы из Архива Президента РФ). См. также: Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 207–208.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 28. Д. 593. Л. 211–212, 226.

Остальные отряды распускались, а их члены должны были переправиться во Францию⁸¹.

В опубликованном КПИ меморандуме говорилось: «Изменения в международной обстановке оставляют нам все меньше и меньше надежд. Поэтому прекращение партизанского движения было продиктовано политической необходимостью и было совершенно правильным, и нас можно упрекнуть только в том, что мы не сделали этого двумя годами раньше»⁸².

К 1951 году основная часть партизан свернула свою деятельность, однако до середины 1960-х годов еще сохранялись единичные вооруженные группы, состоящие в основном из анархистов.

---

⁸¹ Листер Э. Из опыта партизанской борьбы... С. 58; Ибаррури Д. Воспоминания. Кн. 2. С. 146–148.

⁸² Sorel A. Op. cit. P. 70.

ИРИНА РОДРИГЕЗ-БУЛГАКОВА

ИСПАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1936–1939 гг.

Никакое другое историческое событие в Испании не вызвало такого пристального внимания, углубленного изучения и жарких споров, как Гражданская война 1936–1939 гг. По словам испанского историка Хосе Луиса Ледесмы, за последние десятилетия произошел постепенный переход от сокрытого прошлого — к прошлому вездесущему¹. На сегодняшний день по испанской войне насчитывается более 20 000 книжных наименований (понятно, что это число возрастет в геометрической прогрессии, если мы включим в список статейные публикации, а также все то, что появляется на безмерных просторах интернета). Несмотря на то, что сегодня испанский книжный рынок переполнен изданиями, вскрывающими те или иные аспекты исторического конфликта, ставшего прелюдией ко Второй мировой войне, поток новых наименований и авторов по данной теме в Испании продолжает непрерывно расти.

В настоящей статье предлагается обратить взор на несколько десятилетий назад и посмотреть, как эволюционировала испанская историография Гражданской войны на протяжении последних пятидесяти лет. Наряду с этим выделяются основные особенности общественно-политической обстановки в Испании, которые неминуемым образом повлияли на характер публикаций.

---

¹ Интервью из документального фильма *Caídos por España. Mito y realidad*, 2010 («Павшие за Испанию. Миф и реальность»).

Первые публикации, освещающие события в Испании, относятся к концу 1930-х и началу 1940-х годов, когда были завершены военные действия и установлен тоталитарный режим Франко. Несложно из этого сделать вывод, что в эти годы вся выходящая в стране литература явилась инструментом, стоящим на службе идеологических интересов диктатуры и ее приверженцев². В условиях воцарившейся цензуры и пропаганды, причины и исход конфликта получили иррациональную, одностороннюю интерпретацию, когда власть всеми силами пыталась представить картину таким образом, чтобы не осталось никаких сомнений в ее легитимности. Военный переворот 18 июля 1936 года в публикациях того времени получил звонкое название — «Всеобщий поход по национальному освобождению», «призванный остановить распространение коммунизма, сепаратизма, масонства и иудаизма». Таким образом, мы можем говорить о формировании в этот период так называемой «идеологической» истории, или, как ее еще называют в Испании, «истории Всеобщего похода». В первом ряду таких работ стоит восьмитомное издание Хоакина Аррараса «История испанского похода» (Мадрид, 1939–1943 гг)³. Опубликованные в издании материалы расточают безмерные похвалы армии националистов и дают исчерпывающее объяснение «необходимости» установления франкистского режима.

После окончания Второй мировой войны и поражения фашистских режимов, при поддержке которых Франко удалось прийти к власти, испанская историография начинает представлять фигуру диктатора в качестве «охранителя Европы», абсолютно игнорируя тот аспект, что подобная «охрана» была жесткой, тоталитарной и абсолютно исключавшей любые проявления либерализма.

В 1950-е годы к этой картине добавляются теории о «коммунистическом сговоре» и «красном терроре», получившие широкое распространение в обществе и на долгие годы глубоко укоренившиеся в испанском сознании. Работы подобного толка можно встретить у таких авторов (некоторые из которых, к слову,

² Chaves Palacios, Julián. La historiografía reciente sobre la Guerra Civil de 1936–1939 en los umbrales del nuevo milenio. J. Chavez Palacios // *Anales de Historia Contemporánea*, 2000, № 16. — P. 410.

³ Arrarás Iribarren, Joaquín. *Historia de la Cruzada Española*. Madrid, 1939–1943.

не только являлись писателями и издателями, но также занимали должности полицейских администрации Франко), как Эдуардо Комина Коломера, Маурисио Карлавийи, Анхеля Руиса Айукара и Луиса де Галинсоги. В свою очередь, республиканский взгляд на события Гражданской войны получает свое воплощение, лишь благодаря авторам, находящимся в эмиграции.

В 1960-е годы историки, верные идеям франкизма (среди них Висенте Паласио Атард, Рамон Салас Ларрасабаль, Рикардо де ла Сьерва), в своих работах впервые начинают открыто говорить о пропаганде, осуществляемой режимом в период войны и сразу после ее окончания. Несмотря на это, все они продолжают вторить утвердившимся, благодаря франкистской пропаганде, мифам о том, что война была неизбежной и необходимой мерой в борьбе против коммунизма. В то время как историки-испанисты поднимают вопрос об объективности изучения событий.

1970-е годы: смена вектора

Наряду с началом перехода Испании к демократии и принятием новой конституции, 70-ые годы также ознаменовались новым всплеском в библиографии по теме Гражданской войны. Это связано, прежде всего, с открытием многих архивов и получением доступа к ранее запрещенным документам, что, безусловно, помогло пролить свет на многочисленные аспекты военных событий, способствовало последующей выработке более глубокого анализа и формированию новых направлений в изучении данной проблематики⁴. Речь идет об Архивах Министерства иностранных дел, Министерства финансов, Министерства обороны, а также Национальном историческом архиве в Саламанке.

Особую группу авторов, проявивших интерес к событиям в Испании в период между двумя войнами, составляют историки-испанисты. Несмотря на то что тема Гражданской войны стала предметом интереса исследователей разных стран мира, наибольшим упоминанием в научных кругах (а также популярностью среди массового читателя) Испании пользуются авторы из США и Великобритании. Среди них стоит отметить таких специалистов, как Рэймонд Карр, Пол Престон, Хью Томас, Мартин Блинкхорн, Габриэль Джексон, Эдвард Малефакис и Стэнли Пейн. Среди испанистов из других стран выделяются францу-

---

⁴ Chaves Palacios, Julián. Ibid. — P. 411.

зы Пьер Бруе и Эмиль Тэмим. Их исследование — «Революция и война в Испании» было опубликовано в 1977 году издательством «Фонд экономической культуры» (Мадрид)⁵. Работа, ставшая импульсом для использования в Испании устных источников в историографии о войне, также принадлежит иностранцу. Так в 1979 году в издательстве Crítica (Барселона) была опубликована книга английского историка Рональда Фрейзера — «Помни сам, и напomini остальных. Устная история Гражданской войны в Испании»⁶. Стоит отметить, что данная работа способствовала созданию в Испании специализированных журналов, публикующих воспоминания и мемуары участников и свидетелей тех событий, как, например, журнал «История и устные источники», выходящий в Университете Барселоны под руководством Мерседес Вилановы.

Главной темой работ, публиковавшихся в 1970-е годы, становятся репрессии и подсчет жертв войны с каждой из двух противоборствующих сил. Исследование Хесуса Вийара Салинаса «Демографические последствия Гражданской войны в Испании. Проблемы и возможные решения»⁷, опубликованное еще в 1942 году и вышедшее в 1977 году, «Военные потери» Рамона Саласа Ларрасабаль⁸ стали первыми шагами в этом направлении. Данные исследования носят обобщающий характер и представляют данные о жертвах по всей территории Испании. Стоит отметить, что, несмотря на то что Ларрасабаль использовал данные, полученные из Национального Института статистики, впоследствии цифры, которые он приводит в своей работе, не только неоднократно критиковались многими историками, но и был поставлен под сомнение сам факт использования только лишь данных Национального Института статистики. Встала необходимость перепроверки полученных результатов и сопоставления официальных данных с данными в каждом конкретном регионе.

Именно с 1970-х годов активно начинают публиковаться исследования локального характера, изучающие ход военных действий и последствия войны в рамках отдельно взятой автономной области. В 1982 году выходит работа Грегорио Бальсы и Антонио

---

⁵ Broué, Pierre, Temine, Emile. La revolución y la guerra de España (2 vols). Madrid, 1977.

⁶ Fraser, Ronald. Recuérdalo tú y recuérdalo a otros. Barcelona, 1979. 412 p.

⁷ Villar Salinas, Jesús. Repercusiones demográficas de la última guerra civil española. Problemas que plantean y soluciones posibles. Madrid, Sobrinos de la Sucesora de M. Minuesa de los Ríos, 1942.

⁸ Salas Larrazábal, Ramón. Pérdidas de la guerra. Barcelona, 1977. 481 p.

Эрнандеса «Репрессии в Сории во время Гражданской войны»⁹. В 1984 году в Логроньо выходит двухтомное издание Антонио Эрнандеса — «Репрессии в Ла-Риохе во время Гражданской войны». В этом же году публикуются «Гражданская война в Малаге» Антонио Надаля¹⁰ и «Экстремадура: Гражданская война» Хусто Вилы. В 1985 году выходит работа Жозепа Соле «Репрессии Франко в Каталонии (1938–1953)». Исследования «территориального значения» публиковались в Испании и за пределами полуострова. Так, в 1985 году на Тенерифе выходит работа Мигеля Анхеля Акосты «Репрессии франкизма в Иерро». В 1999 году под руководством историка и доктора политических наук, Сантоса Хулиá, выходит коллективный сборник «Жертвы гражданской войны», дающий наиболее полный обзор жертв репрессий, проводимых по всей стране, как во время войны, так и в послевоенный период.

Отметим, что в 1977 году в Испании вступил в силу Закон о всеобщей амнистии, по которому не только объявлялось официально освобождение всех политзаключенных, но также, фактически, лишались возможного обвинения все те, кто являлся участником репрессий и непосредственным исполнителем многочисленных казней, производившихся в период франкизма. Этот факт является важным, поскольку он послужит предметом многочисленных дебатов, вспыхнувших на страницах научной литературы в конце 1990-х годов.

1980–1990-е годы: «история примирения» или «пакт молчания»

Особый импульс в изучении темы войны послужили годовщины: 50-летие и 60-летие начала и окончания Гражданской войны, отмечавшиеся, соответственно, в 1980-е и 1990-е годы. На эти десятилетия приходится расцвет историографии по теме Гражданской войны и появление новых работ и имен. Сами историки в Испании называют эти десятилетия «золотым периодом испанской историографии». Стоит выделить таких авторов, как Хулио Аростеги, Сантос Хулиá, Анхель Виньяс, Франсиско Эспиноса

---

⁹ Balsa, Gregorio, Hernández, Antonio. La represión en Soria durante la Guerra Civil (2 vols). Soria, 1982.

¹⁰ В этой работе автор приводит цифру в 7 000 погибших в этом регионе, в то время как, по подсчетам Ларрасабалы, речь шла о 3 864 человек.

Маэстре, Анхель Баамонте и Энрике Морадьеос. Главными вопросами, поднимающимися на страницах историографии в эти два десятилетия, стали: предпосылки конфликта, необходимость (или нет) военного переворота, причины поражения II Испанской Республики и тема насилия.

1980-е годы принято называть «десятилетием примирения», что, безусловно, отразилось и на историографии Гражданской войны. Основными компонентами этого периода является отход от реваншизма и всяческое стремление к толерантности. Гражданская война рассматривается в этот период как «горькое достояние» всех испанцев, и главной задачей становится вынесение урока из пережитой трагедии. Этот период отмечен формированием испанского научного сообщества, созданием различных организаций по изучению Гражданской войны (как, например, «Общество изучения Гражданской войны и франкизма»), проведением различных конференций и «круглых столов» по данной теме.

Однако, при всем вышесказанном, правящая политическая партия на тот период (PSOE, Испанская социалистическая рабочая партия) непреклонно продолжала вести линию солидарности с франкизмом. Доказательством этому служит публикация от 18 июля 1986 года в одной из крупнейших газет Испании *El País*, которая свидетельствует о том, что в ответ на предложение группы исследователей и историков официально почтить погибших в Гражданскую войну, правительство заявило, что «данные события, связанные с недавним прошлым Испании, не являются подходящими для празднования»¹¹. Данная позиция властей, как несложно догадаться, вызвала неодобрительную реакцию со стороны тех, кто имел иную точку зрения, а также впоследствии неоднократно становилась предметом споров на страницах научной литературы.

В 1990-е годы историками разрабатываются следующие основные темы: влияние политических аспектов на развитие конфликта (изучение различных течений левого толка, с одной стороны, и Испанская фаланга или Национальное движение, с другой), социальные, а также культурные аспекты (так называемая «социальная история») во время войны, женщины и Гражданская война, влияние иностранных держав в конфликте, эмиграция, роль Церкви в генерировании конфликта и пропаганда. Назовем некоторые из них. В качестве примера изучения культурной жиз-

---

¹¹ См. газету *El País* за 18 июля 1986 года.

ни в период военного конфликта отметим работу исследователя Амара Родригеса «Кинематограф в Кадисе во время Гражданской войны» (1999)¹². Об участии иностранных государств и последствий на развитие военных событий выделяются работы Энрике Морадейос «Коварство Альбиона» (1996)¹³. Коллективная работа Альтед, Николас и Гонсалеса «Дети Гражданской войны в Испании в Советском Союзе (1937–1999)»¹⁴, опубликованная в 1999 году, является одним из важных изданий по теме испанской эмиграции. Также стоит выделить книгу историка Матесанса «Корни эмиграции. Мексика и Гражданская война в Испании» (1999)¹⁵, в которой анализируется позиция Мексики в конфликте и ее помощь, оказанная тысячам республиканцам-эмигрантам. По теме Церкви и ее влияния на ход войны стоит указать публикацию воспоминаний теолога Энрике Мирета Магдалены. Также хотелось бы отметить коллективный сборник, вышедший в Мадриде в 1999 году, под руководством Хосе Луиса де Ла Гранхи, Рикардо Мирайеса и Антонио Рейга «Туньон де Лара и испанская историография»¹⁶. Авторы работ, включенных в данный сборник, являются испанские, а также иностранные историки-испанисты, завоевавшие огромный авторитет в научных кругах Испании, цитируются и по сей день. Среди них выделим таких авторов, как Пол Престон, и его статью «Историография Гражданской войны в Испании: от Франко к демократии»¹⁷ и Герберт Саутуорт «Уничтожение Герники»¹⁸, который приводит бесспорные данные о многочисленных манипуляциях политики Франко в уничтожении Герники.

В 1990-е годы также начинают активно публиковаться биографии и мемуары участников событий. Среди них — опублико-

¹² Amar Rodríguez, Víctor Manuel. El cine en Cádiz durante la Guerra Civil. Cádiz, 1999. 150 p.

¹³ Moradiellos, Enrique. La perfidia de Albión. Madrid, 1996. 410 p.

¹⁴ Alted, Alicia, Nicolás, Encarna, González, Roger. Los niños de la guerra de España en la Unión Soviética (1937–1999). Madrid, 1999. 361 pp.

¹⁵ Matesanz, José Antonio. Las raíces del exilio. México ante la guerra civil española. 1936–1939. México, 1999. 490 pp.

¹⁶ Granja, José Luís, de la, Miralles, Ricardo, Reig, Antonio (Eds.). Tuñón de Lara y la historiografía española. Madrid, 1999. 375 p.

¹⁷ Preston, Paul. La historiografía de la Guerra Civil española: de Franco a la democracia / Paul Preston // Granja Sainz, José Luis de la, Reig Taper, Alberto and Miralles, Ricardo, (eds.). Tuñón De lara y la Historiografía Española. Madrid, 1999. P. 161–174.

¹⁸ Southworth, Herbert. La destrucción de Guernica. Periodismo, diplomacia, propaganda e historia. Paris, 1977. 752 p.

ванные в 1996 году дневники Присциллы Скотт-Эллис, английской медсестры, работавшей на фронте франкистов «Дневник Гражданской войны в Испании»¹⁹ (Барселона) или воспоминания лиц, непосредственных участников событий тех лет, вышедшие под названием «Вспоминаю 1936 год»²⁰ (Мадрид). Также одной из значительных работ этого жанра стала биография Хуана Негрина, написанная историками Туньоном де Лара, Рикардо Мирайесом и Бонифасио Диасом Чико «Хуан Негрин. Необходимый человек»²¹ (1996).

В последнее десятилетие прошлого века в работах, посвященных изучению испанской войны, начинает затрагиваться вопрос морального характера. Появление нового поколения молодых авторов не могло не повлиять на ракурс рассмотрения проблематики Гражданской войны и ее последствий. В качестве примера может служить коллективный сборник, вышедший в 1990 году в Гранаде под руководством Октавио Руиса и Мигеля Гомеса «Новое поколение исследователей и Гражданская война в Испании»²².

В целом для работ, вышедших в последнее десятилетие прошлого века, характерна резкая критика так называемого «пакта молчания», связываемого с периодом перехода к демократии, о котором уже говорилось выше. Стоит упомянуть, что непомерный вклад в развитие испанской историографии в это десятилетие, опирающейся на критический анализ и верность фактам, был сделан испанским исследователем старшего поколения (но значительно повлиявший на историков молодого поколения), Мануэлем Туньоном де Ларой. С 1946 года вынужденный жить в эмиграции (Париж), Туньон де Лара всю свою жизнь посвятил изучению различных аспектов Гражданской войны, способствуя развитию знания об истории Испании за рубежом. В 1998 году был опубликован сборник докладов конференции, организованной им в Университете де-Пау по вопросам изучения истории Испании, — «Современная испанская историография». Стоит упомянуть, что в данном сборнике было опубликовано исследование Анхеля Виньяса, посвященное ана-

---

¹⁹ Scott Ellis, Priscilla. *Diario de la guerra de España*. Barcelona, 1996. 280 pp.

²⁰ Cesar, Vidal. *Recuerdo mil novecientos treinta y seis*. Madrid, 1996. 412 p.

²¹ Tuñón De Lara, Manuel, Miralles, Ricardo y Díaz Chico, Bonifacio. *Juan Negrín López. El hombre necesario*. Las Palmas, 1996. 246 p.

²² Ruiz-Manjón, Octavio, Gómez, Miguel (coord.). *Los nuevos historiadores ante la Guerra Civil Española*. Diputación Provincial de Granada, 1990. 808 pp.

лизу экономических аспектов в период войны (тема, до этого момента не так часто разрабатываемая авторами), а также обзору того, что уже было опубликовано по данной проблематике к моменту перехода Испании к демократии. К другим работам этого периода относится исследование профессора современной истории Анхеля Баамонте «Так закончилась испанская война» (Мадрид, 1999)²³.

В конце 1990-х годов, со сменой политической партии в Испании (в 1996 году к власти приходит «Народная партия», исп.: Partido Popular, PP), снова набирает силу историография неофранкистского толка, вылившаяся в ревизионизм (как ответная реакция на зарождающееся социальное движение в поддержку исторической памяти и роста числа перезахоронений жертв войны и репрессий). Но вместе с тем эти исследования практически всегда имеют ответную реакцию со стороны нового, молодого поколения, которое начинает активно использовать сеть интернет для публикации своих исследований.

2000-е годы: проблема исторической памяти

В работах последнего десятилетия одной из центральных и дебатлируемых тем стал вопрос об исторической памяти. Значительный вклад в изучение культуры памяти внес доктор исторических наук и бывший директор кафедры Исторической памяти Университета Комплутенсе Хулио Аростеги, под руководством которого в апреле 2012 года состоялся I Конгресс жертв Гражданской войны. В своей работе «Коллективные травмы и память поколений: Гражданская война в Испании» (2006) Аростеги выделяет три различных типа памяти, принадлежащие к разным поколениям: непосредственные участники войны, «память забвения» (1970–1990-е годы) и «репарационная память», заложившая фундамент для последующих исследований по теме культуры исторической памяти и проблемам жертв репрессий²⁴.

С принятием в 2007 году в Испании закона об исторической памяти происходит очередной всплеск волны историков-неофранкистов, которым также начинают вторить некоторые испанские журналисты. Все они, как и ранее, продолжают опираться

---

²³ Bahamonde, Ángel. Así terminó la Guerra de España. Madrid, 1999. 529 pp.

²⁴ Aróstegui, Julio. Traumas colectivos y memorias generacionales: el caso de la Guerra Civil. P. 57–92.

ся в своих работах на уже известные мифы франкизма. Среди них — Пио Моа, Сесарь Видаль, Луис Эухени Тогорес.

Одними из самых ярких дебатов, развернувшихся на страницах научной литературы по вопросу памяти, стал спор между историками Эспиносой Маэстре и Сантосом Хулиá. Эспиноса Маэстре в своем исследовании «Преодолевая забвение. История и память о Гражданской войне»²⁵ (Барселона, 2006) утверждает, что история должна стоять на службе у общества, а не на службе власти, а также приводит неоспоримые аргументы в пользу «пакта молчания» в период перехода к демократии. В то время как Сантос Хулиá, принадлежащий к более старшему поколению, в издании, вышедшем под его руководством «Память войны и франкизма»²⁶ (Мадрид, 2006), настаивает на том, что не существует коллективной памяти, а лишь память персональная, и не признает утверждения некоторых историков о том, что период перехода к демократии в Испании прошел под негласным девизом «не будоражить былые раны».

С 2007 года также начинают издаваться журналы *Hispania Nova* и *Studia Histórica. Historia Contemporánea*, в которых печатаются исследования историков, рассматривающих культуру и проблемы исторической памяти, используя междисциплинарный подход²⁷. Среди авторов, разрабатывающих тему памяти и сотрудничающих с вышеназванными журналами, стоит выделить Кристину Гомес Куэста и ее статью «Конструирование памяти франкизма (1939–1959): мученики, мифы и чествования»²⁸, а также Хосефину Куэста Бустийо и ее публикацию «Воспоминание, молчание и амнистия в период перехода и установившейся демократии (1975–2006)»²⁹.

Другой темой, также вызвавшей множество споров, стал вопрос преподавания истории периода Гражданской войны

---

²⁵ Espinosa Maestre, Francisco. *Contra el olvido. Historia y memoria de la Guerra Civil*. Barcelona, 2006. 384 p.

²⁶ Juliá, Santos (coord.). *La memoria de la guerra y del franquismo*. Madrid, 2006. 400 p.

²⁷ López Villaverde, Ángel Luis. *La cultura de la memoria. Nuevo balance bibliográfico*. Á. L. López Villaverde // *Studia histórica*, 2014, № 32. P. 267.

²⁸ Gómez Cuesta, Cristina. *La construcción de la memoria franquista (1939–1959): mártires, mitos y conmemoraciones* / Cristina Gómez Cuesta // *Studia histórica. Historia contemporánea*. Universidad de Salamanca, № 25. P. 87–123.

²⁹ Cuesta Bustillo, Josefina. *Recuerdo, silencio y amnistía en la Transición y en la Democracia españolas (1975–2006)* / Josefina Cuesta Bustillo // *Studia histórica. Historia contemporánea*. Universidad de Salamanca. № 25, 2007. P. 125–165.

в начальной и средней школах. Фраза, появившаяся в одном из школьных учебников о том, что «во время войны Лорка *умер* недалеко от своего родного дома», вызвало столь бурную реакцию не только в академических кругах, но и широкой общественности, что вскоре после выхода учебник был изъят. Также стоит упомянуть об опубликованном в 2011 году при поддержке Королевской Академии Истории «Испанском биографическом словаре»³⁰. Издание было подготовлено коллективом специалистов, историков, политологов и писателей, большинство из которых являются представителями «Народной партии», что не могло не повлиять в конечном итоге на ракурс рассмотрения проблем и форму их изложения. Например, уже в предисловии читатель узнает о том, что «Франко не был диктатором, но доблестным генералом и истинным католиком», а его режим определялся как не тоталитарный, а авторитарный. Реакция не заставила себя долго ждать. Издание было подвергнуто жесткой критике со стороны специалистов (а также простыми читателями). А спустя год под руководством Анхеля Виньяса выходит коллективный сборник «В битве за Историю» (2012)³¹, опровергающий многие данные, опубликованные в словаре.

Подводя итог, стоит отметить, что формирование историографии в любой стране всегда тесно связано с социально-политическими событиями и настроениями в тот или иной период. Испанская историография Гражданской войны 1936–1939 годов была безусловно подчинена политической доминанте: большая часть опубликованного в Испании по данной теме на протяжении пятидесяти лет (до конца 1990-х годов) не только была тесно связана с проходящими в стране политическими процессами и властью, но напрямую ею создавалась и манипулировалась. Приверженность испанских историков и исследователей к той или иной политической силе и идеологии наложило яркий отпечаток на сотни работ (за редкими исключениями), посвященных Гражданской войне в Испании. Несмотря на то что страна взяла курс на демократию еще в 1970-е годы, в историографии по теме Гражданской войны явно существовал затяжной эффект, и «франкистская история» постепенно была заменена на «историю двухпартийную». Потребовались еще два десятилетия, чтобы ситуация начала меняться. Лишь вступив в новое тысячеле-

---

³⁰ Diccionario Biográfico Español / Real Academia de la Historia. Madrid, 2011. 850 p.

³¹ Viñas, Ángel. En el combate por la historia. Barcelona, 2012. 976 p.

тие, с большей вероятностью можно говорить о том, что набирает действительную силу течение так называемых объективных (или, по словам Анхеля Виньяса, «истинных») историков, которые рассматривают и анализируют исторические данные во всей их совокупности. Независимо от своих симпатий по отношению к той или иной политической партии, они настаивают на добросовестной работе с архивными источниками, учитывая данные обеих противоборствующих сил. Так или иначе, с уверенностью можно утверждать, что все испанские исследователи сойдутся во мнении, которое выразил в своей фразе историк Анхель Баамонте: «Может показаться неправдой, что такая тема, как Гражданская война в Испании, будучи настолько изученной и имеющей такую обширную историографию, по сей день продолжает таить в себе множество аспектов, нуждающихся в новых исследованиях и формировании новых смыслов»³².

Список использованной литературы и других источников

Монографии и коллективные сборники

- Alted, Alicia, Nicolás, Encarna, González, Roger. Los niños de la guerra de España en la Unión Soviética (1937–1999). Madrid, Fundación Largo Caballero, 1999.
- Amar Rodríguez, Víctor Manuel. El cine en Cádiz durante la Guerra Civil. Cádiz, Quórum libros, 1999.
- Aróstegui, Julio. España en la memoria de tres generaciones. De la esperanza a la reparación. Madrid, editorial Complutense / Fundación Largo Caballero, 2007.
- Aróstegui, Julio, Gálvez, Sergio (dirs.). Generaciones y memoria de la represión franquista. Valencia: Universitat.
- Arrarás Iribarren, Joaquín. Historia de la Cruzada Española. Madrid, Ediciones Españolas, 1939–1943.
- Bahamonde, Ángel. Así terminó la Guerra de España. Madrid, S. A. Marcial Pons, 1999.
- Balsa, Gregorio, Hernández, Antonio. La represión en Soria durante la Guerra Civil (2 vols). Soria, 1982.

---

³² Из личного интервью.

- Broué, Pierre, Temine, Emile. La revolución y la guerra de España (2 vols). Madrid, Fondo de Cultura Económica, 1977.
- Cesar, Vidal. Recuerdo mil novecientos treinta y seis. Madrid, Anaya&-Mario Muchnik, 1996.
- Espinosa Maestre, Francisco. Contra el olvido. Historia y memoria de la Guerra Civil. Crítica, Barcelona, 2006.
- Fraser, Ronald. Recuérdalo tú y recuérdalo a otros. Barcelona, Crítica, 1979.
- Granja, José Luís, de la, Miralles, Ricardo, Reig, Antonio (Eds.). Tuñón de Lara y la historiografía española. Madrid. Siglo XXI, 1999.
- Juliá, Santos (coord.). La memoria de la guerra y del franquismo. Madrid, Taurus, 2006.
- Matesanz, José Antonio. Las raíces del exilio. México ante la guerra civil española. 1936–1939. México, Universidad Nacional Autónoma de México, 1999.
- Moradiellos, Enrique. Albión. Madrid, Siglo XXI, 1996.
- Ruiz-Manjón, Octavio, Gómez, Miguel (coord.). Los nuevos historiadores ante la Guerra Civil Española. Diputación Provincial de Granada, 1990.
- Salas Larrazábal, Ramón. Pérdidas de la guerra. Barcelona, Planeta, 1977.
- Scott Ellis, Priscilla. Diario de la guerra de España. Barcelona, Plaza&-Janés Editores, 1996.
- Southworth, Herbert. La destrucción de Guernica. Periodismo, diplomacia, propaganda e historia, Paris, Ruedo Ibérico, 1977.
- Tuñón De Lara, Manuel, Miralles, Ricardo y Díaz Chico, Bonifacio. Juan Negrín López. El hombre necesario. Las Palmas, Gobierno de Canarias, 1996.
- Villar Salinas, Jesús. Repercusiones demográficas de la última guerra civil española. Problemas que plantean y soluciones posibles. Madrid, Sobrinos de la Sucesora de M. Minuesa de los Ríos, 1942.
- Viñas, Ángel. En el combate por la historia. Barcelona, Pasado y presente, 2012.

Статьи из сборников и периодических изданий

- Aróstegui, Julio. Traumas colectivos y memorias generacionales: el caso de la Guerra Civil / J. Aróstegui, F. Godicheau (eds.) // Guerra Civil. Mito y memoria. Madrid, Marcial Pons. P. 57–92.
- Chaves Palacios, Julián. La historiografía reciente sobre la Guerra Civil de 1936–1939 en los umbrales del nuevo milenio. J. Chavez Palacios // Anales de Historia Contemporánea, 2000, № 16. P. 409–430.
- Cuesta Bustillo, Josefina. Recuerdo, silencio y amnistía en la Transición y en la Democracia españolas (1975–2006) / Josefina Cuesta Bustillo //

Studia histórica. Historia contemporánea. Universidad de Salamanca, № 25, 2007. P. 125–165.

- Gómez Cuesta, Cristina. La construcción de la memoria franquista (1939-1959): mártires, mitos y conmemoraciones / Cristina Gómez Cuesta // Studia histórica. Historia contemporánea. Universidad de Salamanca, № 25, 1997. P. 87–123.
- López Villaverde, Ángel Luis. La cultura de la memoria. Nuevo balance bibliográfico. Á. L. López Villaverde // Studia histórica, 2014, № 32. P. 263–283.
- Preston, Paul. La historiografía de la Guerra Civil española: de Franco a la democracia / Paul Preston // Granja Sainz, José Luis de la, Reig Taper, Alberto and Miralles, Ricardo, (eds.) Tuñón De lara y la Historiografía Española. Siglo XXI de España Editores, Madrid, 1999. P. 161–174.
- Viñas, Ángel. Presentación: libros sobre la Guerra Civil española: un chorro que no cesa. Á. Viñas // Studia histórica, 2014, № 32. P. 39–56.

Электронные ресурсы

- Moradiellos, Enrique. Revisión histórica crítica y pseudorevisionismo político presentista: el caso de la Guerra Civil española [Recurso electrónico] / E. Moradiellos // Seminario de historia, Universidad Complutense de Madrid, 22 de octubre de 2009: www.ucm.es/data/cont/docs/297-2013-07-29-5-09.pdf

Видеоматериалы

- Caídos por España. Mito y realidad, 2010: www.youtube.com/watch?v=1gk1DHVb1kA

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ XX ТОМА

Гагин Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, председатель Воронежского Русского военно-исторического общества, старший научный сотрудник ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (Воронеж).

Кристиан Гарай Вера (Cristián Garay Vera) — доцент Института высших исследований Университета Сантьяго-де-Чили, доктор истории, доктор американских исследований (Сантьяго, Чили).

Франсиско Хавьер Гонсалес Мартин (Francisco Javier González Martín) — профессор Департамента истории и философии Университета Алькалы, доктор истории (Алькала-де-Энарес, Испания).

Дайнес Владимир Оттович — начальник управления отечественной военной истории Института военной истории Министерства обороны РФ, кандидат исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва).

Кочик Валерий Яковлевич — исследователь истории советской военной разведки (Москва).

Мельтюхов Михаил Иванович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) (Москва).

Луис Пيو Моа Родригес (Luis Pío Moa Rodríguez) — испанский писатель и публицист консервативного направления; в 1960–1970-х гг. — активный участник борьбы с франкистским режимом в составе крайне левых и террористических движений (КПИ (восстановленная), ГРАПО).

Антонио Мануэль Мораль Ронкаль (Antonio Manuel Moral Roncal) — профессор современной истории Департамента истории и философии Университета Алькалы, вице-декан Гуманитарного факультета Университета Алькалы, действительный член Королевской академии истории (Мадрид), доктор истории (Алькала-де-Энарес, Испания).

Бруно Муньяи (Bruno Mugnai) — издательский директор веб-журнала History & Uniforms (Флоренция, Италия).

Сантьяго Наварро-де-ла-Фуэнте (Santiago Navarro de la Fuente) — преподаватель-исследователь Департамента современной истории Университета Севильи (Севилья, Испания).

Моника Ордунья Прада (Mónica Orduña Prada) — профессор современной истории, заместитель проректора по академическому развитию и преподаванию Международного университета Ла-Риохи (UNIR), доктор гуманитарных наук (Логроньо, провинция Ла-Риоха, Испания).

Хосе Луис Ореллья (José Luis Orella) — доцент Департамента истории Университета «Сан-Пабло CEU», доктор истории (Мадрид, Испания).

Жозеп Пуигжек Фаррас (Josep Puigsech Farràs) — доктор истории, Департамент Новой и Новейшей истории Гуманитарного факультета Автономного Университета Барселоны (Барселона, Испания).

Родригез-Булгакова Ирина Владимировна (Irina Rodríguez-Bulgakova) — сотрудник еженедельного издания *El Imparcial*, докторант Университета Карлоса III (Мадрид, Испания).

Хулио Руис (Julius Ruiz) — доктор наук, старший лектор европейской истории Школы истории, классических наук и археологии Университета Эдинбурга (Эдинбург, Великобритания).

Хосе-Леонардо Руис Санчес (José-Leonardo Ruiz Sánchez) — профессор Департамента современной истории Университета Севильи, доктор истории (Севилья, Испания).

Сагомонян Александр Артурович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением политологии и заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета (Москва).

Тархова Нонна Сергеевна — доктор исторических наук, археограф, член коллектива составителей сборника документов по информационным сборникам РУ РККА о гражданской войне в Испании (1936–1939) (РГВА, Москва).

Беатрис Фигальо (Beatriz Figallo) — доктор исторических наук, профессор Аргентинского католического университета (Росарио) и университета «Эль Сальвадор» (Буэнос-Айрес), научный сотрудник Института истории, экономики, социологии и международных отношений Национального Совета Научных и Технических Исследований Республики Аргентина, действительный член Национальной академии истории Аргентины (Буэнос-Айрес, Аргентина).

Шубин Александр Владленович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН. Профессор Государственного академического университета гуманитарных наук и Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

РУССКИЙ СБОРНИК

СССР и Гражданская война
в Испании 1936–1939

Том XX

Редакторы-составители
О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг,
А. Ю. Полунов, Пол Чейсти

Издатель Модест Колеров
Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

Подписано в печать 19.10.2016. Формат 60×90^{1/16}.
Гарнитура Old Standard. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97